
СИБИРЬ
Пути устойчивого развития
(социогуманитарный аспект)
Новосибирск
2006

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
INSTITUTE OF HISTORY
INSTITUTE OF THE EXPLORATION PROBLEMS OF THE NORTH

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

SIBERIA

WAYS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

(Social-humanitarian aspect)

Editors:
V.I. Boyko, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
V.A. Lamin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
V.P. Fofanov, Doctor of Science in Philosophy

Novosibirsk
Siberian Scientific Publishing House
2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СИБИРЬ

ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

(Социогуманитарный аспект)

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН В.И. Бойко
член-корреспондент РАН В.А. Ламин
д-р философ. наук В.П. Фофанов

Новосибирск
Сибирское Научное Издательство
2006

УДК 316.344.(470.4)
ББК С59(253)
С 341

Рецензенты:
д-р филос. н. Ю.Г. Марков, д-р филос. н. Л.Г.Олех,
д-р филос.н. О.С.Разумовский, д-р ист.н. М.М.Ефимкин

С 341 Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект). / Под ред. В.И. Бойко, В.А. Ламина, В.П. Фофанова. — Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2006. — с.
ISBN 978-5-91124-011-0

В работе анализируются основные концептуальные и социально-технологические ориентиры развития Сибирского региона на ближайшие перспективы. Основная цель проведенных в монографии исследований — выявить возможные пути перехода на модель устойчивого регионального развития, оставаясь в рамках социогуманитарного подхода, который, по мнению авторов монографии, наиболее слабо представлен в имеющихся на сегодняшний день публикациях по проблематике устойчивого развития. Именно с этих позиций делается попытка исследовать особенности формирования стратегического потенциала Сибири, подводятся итоги проведения в жизнь решений Конференции в Рио, анализируются вопросы социальной динамики, оценивается состояние жизненных сил населения Сибири, разрабатываются общие контуры модели устойчивого развития в рамках отдельных территориальных и социопроизводственных образований, включая стратегический план устойчивого развития г. Новосибирска, отдельных территорий Кузбасса и Алтайского края. В монографии уделено внимание также социально-философским вопросам взаимодействия человека и природы, наиболее значимым экологическим проблемам регионального природопользования.

Монография написана коллективом авторов на основе разработок восьми институтов СО РАН, четырех университетов, а также органов власти Новосибирской области. Разработка структуры монографии и целевая организация временного авторского коллектива выполнена чл.-корр. РАН В.И. Бойко. Книга предназначена для представителей научного сообщества, специалистов-практиков сферы управления, преподавателей и студентов вузов.

Утверждено к печати Ученым советом института Истории ОИИФФ СО РАН

Авторы:
В.В. Бобров, В.И. Бойко, Ю.И. Винокуров, А.А. Гордиенко, В.Ф. Городецкий, Б.О. Гомбоев, С.И. Григорьев, А.П. Гудыма, Л.Г. Гуслякова, А.А. Кисельников, К.Л. Комаров, Б.А. Красноярова, В.В. Кулешов, Т.Г. Кругова, В.А. Ламин, О.В. Нечипоренко, А.Н. Нысанбаев, А.Г. Осипов, С.П. Суразакова, Е.Л. Счастливцев, А.К. Тулохонов, В.П. Фофанов, П.Ж. Хандуев, В.Р. Цибульский, А.К. Черненко, В.С. Шмаков

Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 79
«Сибирь в контексте устойчивого развития: ценности и технологии социокультурного взаимодействия»
(научные руководители чл.-корр. В.И. Бойко и проф. В.П. Фофанов)

ISBN 978-5-91124-011-0

©Коллектив авторов, 2006
©ИАиЭ СО РАН, 2006
©ИПОС СО РАН, 2006
©ИИ СО РАН, 2006
©НГУ, 2006
©Сиб. науч. изд-во, 2006

S 341 Siberia. Ways Of Sustainable Development (Social-humanitarian aspect). V.I. Boyko, V.A. Lamin, V.P. Fofanov (eds.), Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House, 2006, p.
ISBN 978-5-91124-011-0

In the book, basic conceptual and social-technological guidelines for development of the Siberian Region in the nearest future are analyzed. The major goal of the studies presented in this monographic collection is to identify possible ways of switching to the model of sustainable development of the region, remaining however within the framework of the social-humanitarian approach; the latter being, in authors' opinion, underrepresented in existing publications related to the sustainable development theme. From this position, an attempt is made to investigate peculiarities of forming the strategic potential of Siberia, results of implementation of recommendations suggested at the Rio conference are evaluated, social dynamics is analyzed, the present state of the life resources of the Siberian population is assessed, and a general shape of the model of sustainable development within isolated territories or social and industrial institutions is developed including the strategic plans of sustainable development for Novosibirsk, for several subregions of the Kuzbass Region, and for the Altai Region. In this monographic collection, social and philosophical aspects of the human's interaction with nature are also discussed; most important ecological problems of the use of natural resources in the regions are described. This monographic collection is written by a team of authors based on research performed in eight institutes of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as on the work four universities and organs of the administration of the Novosibirsk Region. The overall structure of this monographic collection was drafted by V.I. Boyko, Corresponding Member of the Russian Academy of Science; he also organized this goal-oriented team of authors for temporary work on the project. The book is aimed at the academic community, specialists, practical administration workers, instructors, and university students.

Approved for publication by the Scholars' Council of the Institute of History of the United Institute of History, Philology, and Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Ученому, Гражданину, Гуманисту
академику РАН
Валентину Афанасьевичу Коптюгу
посвящается

«...Можно утверждать, что роль гуманитарных и социально-экономических наук на этом этапе жизни человечества приобретает особое значение, превосходящее даже значение естественных и технических наук, без которых, что ясно всем, нельзя решить те глобальные проблемы, которые встали перед цивилизацией. Достижения естественных, технических и экономических наук будут необходимым, но явно недостаточным условием возможности выхода человечества из кризиса. Без гуманизации всех сфер жизни реализовать концепцию устойчивого развития не удастся».

В.А. Коптюг, 1994 г.

Ученый-химик с мировым именем, он посвятил свою жизнь человечеству и простому гражданину России. Оставаясь истинным патриотом своей страны, В.А. Коптюг проводил эту линию и в пропаганде идей устойчивого развития общества, и в организации эффективной деятельности научного сообщества Сибири.

В.А. Коптюг один из первых в России обратился к проблемам гуманитаризации науки и повышению роли общественных наук в решении сложных проблем России и миропорядка, обозначил вектор гуманизации научно-организационной деятельности в области проблематики устойчивого развития.

Гражданская позиция и деятельность В.А. Коптюга была пронизана поиском конструктивных решений построения нового гражданского общества России и ориентировала ученых на разработку необходимых теоретических и организационных новаций в условиях сложившихся в России «реформаторских движений». Светлую память о нем — председателе СО РАН с 1980 по 1997 год — сохраняет сегодня все научное сообщество России.

Авторы

Предисловие

Основы координации и кооперации исследований устойчивого развития в рамках социокультурного подхода были заложены председателем Сибирского отделения РАН академиком В.А. Коптюгом — организатором Сибирской конференции «Закономерности социального развития — ориентиры и критерии моделей будущего развития» (апрель 1994 г.). Это было первое в России (после конференции ООН в Рио-Де-Жанейро, июнь 1992 г.) представительное собрание научного сообщества, поставившее своей задачей обсудить социогуманитарные аспекты проблематики устойчивого развития.

Важно подчеркнуть, что в документах Сибирской конференции вопросы охраны окружающей среды, хотя и занимали весьма заметную нишу, все же не составляли центра тяжести в проблематике устойчивого развития. «Центральной фигурой» в этой проблематике выступает общество и те механизмы (социокультурные, экономические, политические, правовые), которые ответственны за характер его развития.

Итоги Сибирской конференции свидетельствовали о том, что сибирская наука обладает достаточно высоким потенциалом для развертывания масштабной исследовательской программы по изучению социальных закономерностей и поиску модели устойчивого развития России. В своих решениях Конференция рекомендовала Президиуму СО РАН «разработать и внести на обсуждение РАН предложения о научной экспертизе производимых в России преобразований, имея в виду придание такой экспертизе статуса обязательной составной части государственной процедуры принятия соответствующих решений законодательной и исполнительной власти»[1].

Не кажется случайным поэтому и то обстоятельство, что в Институте философии и права СО РАН в 1994 г. появляется охватывающая все подразделения института единая исследовательская программа «Ценности и технологии устойчивого социального развития». Шестилетняя работа по данной программе позволила скоординировать научные интересы коллектива в рамках тематики устойчивого развития и организовать общеинститутский постоянно действующий проблемно-ориентированный семинар. Было издано более 40 публикаций, включая монографии, по актуальным вопросам устойчивого развития, проведен целый ряд конференций и симпозиумов.

Развернувшиеся в начале 1990-х гг. исследования по проблематике устойчивого развития к концу десятилетия заметно угасают. Во многом это зависело от общей государственной политики того времени. К тому же уходит из жизни академик В.А. Коптюг, меняется руководство Института философии и права СО РАН, и эта тема исключается из плана работ. Все это сказалось на процессе постепенного затухания исследований, особенно в наиболее значимой, социогуманитарной, части. Тем не менее, практически во всех научных центрах СО РАН, в том числе Новосибирском, исследования продолжались.

Однако, в первые годы XXI в. постепенно изменяется ситуация и в российской государственной политике. Устойчивое развитие становится необходимым условием формирования гражданского общества, совместного поиска решений выхода страны из глубокого всеобъемлющего кризиса. Государственная «Концепция перехода Российской Федереции к устойчивому развитию» пока не стала основополагающим документом в работе государственных органов, — и причины этого вполне объяснимы,если учесть кризисное состояние общества в период ее принятия.

Важную миссию по активизации движения за разработку социально-политических, государственно-правовых и других проблем устойчивого развития взяла на себя Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. Созданная ею Комиссия по проблемам устойчивого развития на первом этапе (2000—2001 гг.) провела парламентские слушания с привлечением широкой общественности. В июле 2001 г. по ее инициативе формируется группа из видных российских ученых и общественных деятелей для работы над стратегией устойчивого развития, создается научно-экспертный совет, под эгидой Комиссии был разработан и опубликован документ «Основные положения стратегии устойчивого развития России» (М., 2002. 101 с.)[2].

Комиссия Государственной думы и ее научно-экспертный совет создали некоммерческую организацию — Благотворительный фонд «Центр содействия устойчивому развитию России». Возглавил фонд академик М.Ч. Залиханов, председатель Комиссии Государственной думы по проблемам устойчивого развития. Цель Фонда — участвовать в разработке и реализации стратегии устойчивого развития России. Фонд и Московский городской институт управления правительства Москвы в 2003 г. издали коллективную монографию «Россия на пути к устойчивому развитию» — результат исследований крупных российских ученых, специалистов, которые с разных точек зрения рассматривают проблемы устойчивого развития в целом[3]. Необходимо констатировать, что в короткое время Комиссия Госдумы по проблемам устойчивого развития сумела осуществить важные шаги по разработке национальной стратегии устойчивого развития России[4].

В предисловии к документу «Основные положения стратегии устойчивого развития России» Комиссия по проблемам устойчивого развития Государственной думы отмечает: «Большую роль в теоретической разработке проблем устойчивого развития и подготовке Конференции в Рио сыграл академик РАН В.А. Коптюг»[5]. Сейчас пришло время вернуться к идеям В.А. Коптюга, возродить традиции сибирской науки и активно включиться в российскую систему работ по устойчивому развитию. У нас есть и некоторая своя ниша — социогуманитарный аспект исследований, который слабо представлен в других исследованиях по проблемам устойчивого развития.

Действительно, председатель СО РАН академик В.А. Коптюг был первым в России, кто начинал реализацию идей Конференции в Рио, кто боролся на всех этапах, преодолевая инертность тогдашнего политического и государственного руководства, глухого к этой проблеме, кто вел теоретическую разработку проблем, органи-

зовывал и направлял деятельность научного сообщества Сибири. К сожалению, он не дожил до того времени, когда его деятельность стала востребована.

Использование социогуманитарного подхода в исследовании проблем устойчивого развития, заложенного в середине 90-х годов, и посвящается монография «Сибирь. Пути устойчивого развития (социогуманитарный аспект)».

Главное внимание при организации работы было сосредоточено на создании временного авторского коллектива на базе восьми институтов СО РАН (гуманитарного и естественно-научного профиля), четырех государственных университетов, административных органов разных уровней.

Мультидисциплинарность исследования была обеспечена участием в работе специалистов разных отраслей познания: философов, экономистов, социологов, историков, представителей технических наук (см. приложение).

При организации исследования использовались элементы программно-целевого подхода. В частности:

- определена единая цель, заданы системообразующий профиль и логика упорядочения исследовательских задач;
- разработана технологическая матрица предмета исследования и на ее основе осуществлена структуризация проблемных ниш;
- соответственно сформирована структура разделов и глав, необходимых для достижения поставленной цели;
- определены и доведены до исполнителей разделов и глав монографии соответствующие заказы на исследование — определены также кураторы разделов.

Предлагаемая читателю монография представляет собой попытку еще раз привлечь внимание научной общественности к стратегическим вопросам развития России, имея в виду прежде всего Сибирский регион, поддерживающий своими природными ресурсами относительную стабильность в стране.

Приходится признать, что в условиях значительного спада в СО РАН социогуманитарных исследований проблем устойчивого развития, имевшего место в период 1996—2003 гг., решение поставленных задач не могло быть обеспечено в надлежащей мере. Потеря научных кадров, занимавшихся этой проблемой, отсутствие финансовых и надлежащих организационных возможностей затруднили формирование временного научного коллектива, необходимого для масштабных исследований проблемы.

Тем не менее, выполненная работа, отражая нынешнее состояние дел в указанной области исследования, может быть использована как теоретико-методологическое средство при выработке стратегических ориентиров устойчивого развития Сибири.

Введение

Сибирский федеральный округ (Западная и Восточная Сибирь) составляет 30 % территории России с населением 19,3 миллиона человек (14,3 % населения России). Здесь сосредоточены 85 % российских запасов свинца и платины, 80 % угля и молибдена, 69 % никеля, 44 % серебра, 40 % золота, впечатляющие запасы нефти, газа, леса[1], но социально-экономические показатели Сибирского федерального округа, к сожалению, нельзя назвать впечатляющими. За 2004 г. темпы роста объема промышленного производства составили 103,5 %, по России — 106,1 %, в объеме инвестиций по России на Сибирь приходилось 8,7 %. Из федерального центра на программы социально-экономического развития выделялось явно недостаточно средств, реальное финансирование Сибири составляло 8—10 % требуемого[2]. Продолжается политика использования части активов для санкционированного отторжения прибылей успешно работающих предприятий Сибири в интересах московских, петербургских и других «бедных» центров. Если будут продолжены политика «приватизации» природных ресурсов и упомянутый перевод активов предприятий, работающих в Сибири, то о развитии Сибири говорить затруднительно.

Между тем, важность оценки перспектив устойчивого развития Сибири, природными ресурсами которой поддерживается относительное благополучие современной России, представляется несомненной.

Актуальность оценки перспектив в контексте проводимых исследований определяется целым рядом факторов, которые требуют наиболее глубокого анализа. Выделим некоторые:

Возрастание роли Сибири в Восточно-Азиатской социально-экономической политике. Правительство России наметило целый ряд важных комплексных проектов и программ, реализация которых может быть весьма полезной не только в сфере экономики, но и в системе социальных проблем Сибири.

Необходимость изменения нынешней политики Центра по отношению к Сибирскому региону в социоэкономической и социогуманитарной сферах. Сибирь нуждается в поиске путей кардинального изменения типа отношений с метрополией, более эффективного использования своего природного и человеческого потенциала в интересах населения региона. Сибирь как донор по-прежнему отдает много, а получает на порядки меньше.

Фактор демографической стагнации Сибири. Имеется в виду малочисленность населения Сибири. Главная причина малозаселенности — неадекватные условия жизни, в том числе жизнедеятельности и жизнеобеспечения. В связи с этим имеет смысл вспомнить механизм миграции крестьян из Центральной России во времена реформ Столыпина. Крестьянин осваивал Сибирь с помощью государства, но добровольно, так как здесь для него были лучшие условия жизни и деятельности. Вахтовый метод освоения может и должен играть свою важную роль, но вместе с тем необходимо создавать привлекательные условия жизни в Сибири. Вахтовый метод частично может использоваться на базе создаваемых

предприятий. Он будет носить по преимуществу местный характер. В Сибири необходимо формировать постоянное население. В ходе разработки производственно-экономических проектов на первом плане должны быть рассмотрены решения инфраструктуры жизнеобеспечения.

Формирование полноценного постоянного населения Сибири становится первоочередной задачей, реальной необходимостью для России.

Сибирь — это гарант национальной безопасности России. Следует иметь в виду, что ресурсы Сибири привлекательны не только для российских олигархов-собственников и иностранцев.

Стратегический потенциал Сибири должен определяться не только и не столько уровнем природно-ресурсных, производственно-экономических возможностей, транспортными системами и т. п., сколько состоянием населения, его возможностями жить и трудиться в сложных природных условиях Сибири. Демографический потенциал Сибири вместе с потенциалом жизненных сил населения является, пожалуй, одной из основных социогуманитарных характеристик процессов развития Сибири. Мало кому известно, что знаменитый ломоносовский тезис «Российское могущество прирастать будет Сибирью…» трактовался автором прежде всего в социально-демографическом аспекте. Могущество любого государства, по мнению М. В. Ломоносова, заключается в здоровом, многочисленном народе, которым и должна была прирастать Россия, присоединяя к себе просторы Сибири. Сырьевая ориентация планов сибирской экономики в значительной степени поддерживает технократические подходы и оставляет в тени проблемы социального развития, формирования сибирского населения как жизнеспособного социального организма.

Сибири нужна новая стратегия социально-экономического развития. Решением совета Сибирского федерального округа и Совета ассоциации «Сибирское соглашение» (Томск, 21 января 2005 г.) были обоснованы элементы такой стратегии — приоритетного регионального и отраслевого развития, перечень ключевых проектов, определены механизмы их реализации.

Академик В.В. Кулешов, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, коллектив которого десятилетия ведет исследования и представляет работы для практического государственного управления, анализирует новую стратегию экономического развития Сибири до 2020 г. При этом выделяет условия стратегического развития:

- новая стратегия и прорыв в будущее (на территории Сибири действуют крупнейшие российские компании, которые реализуют более трех десятков крупных проектов);
- ускоренный рост — ускоренный социальный прогресс;
- механизмы реализации проектов;
- диалог с бизнесом;
- роль малого предпринимательства и формирование среднего класса.

Особую роль в развитии производительных сил Сибири должен сыграть процесс объединения сложносоставных субъектов федерации. Экономическую основу такой интеграции может составить часть проектов, одновременно дающих импульс региональным точкам роста. В первую очередь, это энергетические проекты с обслуживающим транспортом[3].

Проблемные проекты развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока должны рассматриваться как средство достижения национальных целей: геополитических, национально-политических, военно-стратегических, экономических и социальных. Проекты транспортной системы Сибири как составной части всего транспортного комплекса Российской Федерации должны осуществляться в полном объеме и своевременно, начиная с выбора варианта стратегического развития транспортной сети на Востоке страны и конкретных проблемных проектов, что, разумеется, не простая задача.

В монографии описывается система всех видов транспортных линий, функционирование которых координируется мультимодальными транспортными узлами в местах пересечения магистралей. Таким образом формируется «транспортная решетка». Транспортная система на северо-востоке страны позволит не только эффективно и цивилизованно осваивать ресурсы, не только способствовать реализации экономических проектов, но и не менее цивилизованно заселять обширные пространства Сибири, создавать условия для приемлемой жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Масштабность разрабатываемых программ транспортного строительства и связанные с их реализацией объемы инвестиций таковы, что становится актуальным поиск механизмов взаимодействия государства с частным бизнесом. В частности, прорабатываются концессионные формы взаимодействия как альтернатива прямой приватизации объектов транспортной инфраструктуры.

Необходимо вспомнить роль Транссиба в заселении Сибири в начале XX в. Именно Транссиб позволил организовать выезд из европейской части России. Массовое заселение шло по коридору Транссиба. Разумеется, правительство того времени, действуя в рамках Столыпинской реформы, помогло безземельным крестьянам добраться до Сибири. В Сибири они нашли землю, возможность трудиться, словом, то, что было им необходимо для жизни.

Стратегический потенциал, о котором идет речь в монографии, определяется уровнем производственно-экономических возможностей, транспортными системами Сибири. Реализация намечаемых экономических и транспортных проектов будет способствовать созданию новых рабочих мест, строительству жилья, развитию социально-бытовой инфраструктуры. Возможно, и тенденция сокращения населения Сибири прекратится.

Рост населения Сибири возможен в случае, если в ходе реализации стратегии развития региона проекты формирования необходимого и достаточного населения будут приоритетными. Разумеется, для этого нужна сильная политическая воля, опирающаяся во всех своих проявлениях на широкую поддержку общественности, на выработанный историей духовно-нравственный базис общества. В этом состоит социо-

культурный подход к анализу общественных процессов и, прежде всего, процессов развития. Сложность задачи, кроме того, обусловлена необходимостью формирования базовых ценностей общества и поддерживающих эти ценности институтов.

В России 1990-х гг. в общественную жизнь страны внедрялись новые ценности, прямо противоположные тем, которые необходимы для обеспечения социальной и экологической устойчивости. Приходится признать, что современное российское общество и в самом деле оказалось между «молотом» либерально-рыночных реформ и «наковальней» объективных требований времени, выражаемых в категориях социального и экологического императива устойчивого развития. Кризис в системе ценностей представляется гораздо более опасным, чем любой экономический. С этой точки зрения будущее Сибири, как и России, должно определяться ее социокультурным потенциалом, а именно духовно-нравственным состоянием общества, уровнем развития жизненных сил населения, степенью развития науки и образования.

В аксиологическом подходе к проблемам сбалансированного развития заключена, в конечном счете, та сила, которая способна обеспечить:

- баланс между природой и обществом;
- баланс внутри общества;
- баланс между нынешним и будущим поколением.

Принципиальное значение приобретает не просто идея балансирования интересов различных социальных субъектов, но и сам *характер* балансирования, определяющий способ *социальной гармонизации* всех интересов во имя возрастания жизнеспособности общества как целого. Концепция, конкретные модели и социальные технологии устойчивого развития могут быть реализованы только в том случае, если в их основе будут лежать соответствующие механизмы согласования интересов. Именно такого рода ценностные установки способны выполнять *системообразующую и целенаправляющую* функцию в развитии общества. Отсюда и важность мировоззренческих и ценностных проблем, необходимость анализировать взаимосвязи ценностей с социальными технологиями, способными обеспечить устойчивость общественного развития.

В свете вышесказанного представляется актуальным разработать *основы социокультурного подхода* к исследованию проблем устойчивого развития. Концепция устойчивого развития в контексте социокультурного подхода является наиболее предпочтительной с точки зрения адекватной оценки ситуации и разработки сценариев движения мирового сообщества, России и Сибири. Она позволяет рассматривать проблемы устойчивого развития не только на основе экономического подхода, но в *целостности и в единстве с духовными началами*. Методологически социокультурный подход означает, что все базисные составляющие устойчивого развития должны взвешиваться с позиции социокультурной значимости и целесообразности. Однако, пока социогуманитарной наукой не разработаны должным образом методология и необходимые технологии, включающие соответствующие критерии и оценки системы показателей. Необходимы поиски эффективных со-

циогуманитарных решений, учитывающих сложившуюся в настоящее время непростую ситуацию в производственно-экономической сфере.

Не менее важно приведение способов хозяйственной деятельности в соответствие с традиционными социокультурными основаниями, отвечающими глубинным российским традициям. Насильственное прерывание этих традиций ничем не может быть оправдано. Речь идет не просто о производственной кооперации, исключающей в силу своей природы жесткую конкурентную борьбу в погоне за максимальной прибылью, а о кооперировании производственных и социальных сфер деятельности, о формировании не только экономических, а территориальных социопроизводственных систем, способных к автономному устойчивому функционированию.

Прообразом таких систем были в недавнем прошлом крупные хозяйственные комплексы, включающие в себя наряду с основным производством развитую сеть социально-бытовых услуг. Такие комплексы создавались как в городе, так и в селе: в городе — на базе крупных предприятий, в селе — на базе колхозов и совхозов. Последние, в сущности, были зародышами социально-экономических территориальных систем, поскольку включали в себя не только сельскохозяйственное производство, но и всю сферу социально-бытовой инфраструктуры — медицинские учреждения, школы, магазины, детские сады, клубы, спортивные секции и т. д. В городе аналогичные кооперативные комплексы формировались, как правило, в системе градообразующих предприятий. Эта тенденция была, возможно, одним из основных достижений советской истории России в сфере территориального жизнеустройства, которая, несомненно, нуждалась в активной государственной поддержке, в дальнейшем ее совершенствовании и развитии, но была разрушена под натиском либерально-рыночных реформ. Сегодня имело бы прямой смысл в рамках стратегии устойчивого регионального развития разработать специальную программу по формированию социально-экономических территориальных систем (СЭТС), используя кооперативно-общинные принципы жизнеустройства.

Вопросы территориального жизнеустройства изучаются на примере этнолокальных и полиэтнических сельских сообществ, которые рассматриваются в монографии как социальные организмы, как первичные единицы устойчивого развития. Также рассматривается новосибирский мегаполис, предлагаются методологические принципы разработки стратегических и тактических решений. Мэром Новосибирска В.Ф. Городецким представлен стратегический план развития новосибирского мегаполиса. Главой администрации Советского района г. Новосибирска А.А. Гордиенко — концепция плана развития новосибирского Академгородка как комплексного социального организма, в которой А.А. Гордиенко предлагает целый ряд возможных инвестиционных проектов в интересах сохранения научного коллектива как единого социального сообщества.

При изучении перспектив устойчивого развития Сибири не оставлены без внимания проблемы природопользования.

Задачу гармонизации отношений между обществом и природой надо решать не только и не столько методами преобразования природы и управления экосисте-

мами, сколько путем целенаправленной трансформации социальной организации общества (его политических, социальных, экономических и правовых институтов) в рамках экологического и общественного императива. Неполадки именно в этих механизмах являются глубинной причиной многих кризисных ситуаций в процессе социогенеза, в том числе и экологических кризисов.

Необходимы анализ генезиса тенденций и трансформаций коэволюционного взаимодействия человека и природы Сибири, разработка конкретных социально-технических решений на региональном и местном уровнях, направленных на повышение эффективности управления природопользованием и охраной окружающей среды, в частности, на совершенствование социально-экономических и организационно-правовых механизмов обеспечения устойчивого развития. Рассмотрен генезис эндогенных оснований устойчивого развития современного состояния, переход от покорения природы к природосберегающеиу развитию. В частности, показана несовместимость современного техногенного общества с требованием экологического императива, что обусловлено историческими причинами. Необходимо определить наиболее важные черты экологической политики в стратегически значимых отраслях хозяйственной деятельности Сибирского региона с учетом природно-климатических, экономико-географических и социально-демографических особенностей территорий. Концептуальные и социально-технологические решения региональных и экологических проблем, разработанные Институтом водных и экологических проблем СО РАН, представлены заинтересованным структурам Кузбасса, Алтайского края, Республики Алтай.

Рассмотрены проблемы рационального природопользования в пределах Байкальской природной территории с учетом решения ЮНЕСКО считать экосистему озера Байкал Участком мирового наследия.

Одна из важных задач развития Сибири, особенно ее северных территорий, состоит в том, чтобы сделать эти территории привлекательными для жизни людей, и в сохранении биоразнообразия. Представлен анализ факторов природной и социальной среды, а также комплексные эколого-биологические исследования Севера Западной Сибири.

Разумеется, это далеко не все регионы Сибири, которым следовало бы уделить внимание. Тем не менее, сложившаяся в них ситуация во многих своих чертах характерна и для других сибирских территорий. И одна из таких черт заключается в том, что экономические интересы повсеместно довлеют над экологическими и социальными. Требуемый критериями устойчивого развития баланс интересов в системе природа—экономика—социум не соблюдается, оставаясь труднодостижимым идеалом, как и сама модель устойчивого развития.

В заключение необходимо отметить, что многие трудности, связанные с разработкой моделей устойчивого развития, имеют теоретико-методологические корни. Само понятие устойчивого развития является многомерным и логически противоречивым, поскольку феномен развития возникает как продукт неустойчивости систем.

В монографии теоретико-методологическим основаниям и подходам к исследованию устойчивого развития отведен специальный раздел — первый (по смыслу и логике в структуре выполняемой работы).

О понятии и концепции устойчивого развития было заявлено впервые в известном Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» в 1987 г., а пять лет спустя после этого проблематика устойчивого развития стала предметом специального рассмотрения на крупнейшей в истории Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (июнь, 1992 г.). Принятые на этой Конференции решения и документы были подписаны большинством государств, в том числе Россией. Однако лишь 4 февраля 1994 г. появился Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития». К тому же, основные задачи устойчивого развития, как они понимались в то время российским правительством, фактически были редуцированы до уровня вопросов охраны окружающей среды. Это просматривается даже в самом названии вышеупомянутого президентского указа. Подобная трактовка проблематики устойчивого развития получила довольно широкое распространение не только в чиновничьих кругах, но и в научной среде.

Вместе с тем, в связи с глобальным экологическим кризисом в публикациях уже давно обсуждается проблематика феномена человека, его места в системе общественного развития. Так А. Печчеи пишет: «Если мы хотим сейчас обуздать техническую революцию и направить человечество к достойному его будущему, то нам необходимо прежде всего подумать об изменении самого человека, о революции в самом человеке»[4]. Справедливо полагая, что проблема будущего в итоге сводится к человеческим качествам и путям их совершенствования, А. Печчеи в то же время принижет роль социальных институтов и социальной организации в формировании этих человеческих качеств. Более того, в трактовке Печчеи человек как бы противопоставляется обществу, теряя при этом свои национально-культурные черты. Совершенствование человеческих качеств Печчеи рассматривает на уровне человека как вида, в лучшем случае как гражданина мира, исподволь подводя читателя к идее отказа от национально-культурной суверенности и ее замещения системой мировой власти (мирового правительства). «Уже сейчас, — пишет А. Печчеи, — в тех кругах общества, которые наиболее чувствительны к новым требованиям нынешней эпохи, предпринимаются конкретные исследования, направленные на выявление структуры нового политического порядка на планете, свободного от императивов национального суверенитета… Постепенно вызревает и обретает реальные черты идея необходимости отказа от принципа суверенности национального государства»[5].

Таким образом, взятый в чистом виде гуманитарный подход, отделяющий человека от его социальной сущности и той социальной среды, в которой реально осуществляются функционирование и творческая деятельность человеческой личности, придает концепции устойчивого развития ограниченный и даже опасный характер, свойственный пресловутой концепции «золотого миллиарда» и представлениям о новом мировом порядке, отменяющем исторически сложив-

шуюся национально-государственную и социокультурную суверенность человеческих сообществ.

Другая точка зрения: феномен человека рассматривается в его единстве с соответствующей социокультурной средой, и это единство столь же важно, как и единство человека (как биологического вида) с его природной средой. В рамках этого подхода предпринимается попытка осмыслить возможности прежде всего социальных наук отобразить сложившиеся в современном обществе эволюционные трудности и наметить пути преодоления этих трудностей. Как справедливо пишет профессор социологии из британского Университета Варвика П. Вагнер, XX в. по многим причинам кажется теперь веком социальных наук[6]. Вместе с тем, он вынужден был признать, что, имея дело со множеством ключевых проблем, социальные науки оказались в целом бессильными найти их решение. К сожалению, общее состояние социальных наук и в России не внушает особого оптимизма. Науки об обществе и человеке пока пасуют перед актуальными вызовами новейшей истории. Это хорошо видно, в частности, из опубликованного недавно по линии ЮНЕСКО «Всемирного доклада по социальным наукам», вышедшего в русском переводе в 2002 г.[7] Тот факт, что практически ни в одной стране мира не выработано пока эффективной стратегии перехода к устойчивому социальному развитию, свидетельствует о том, что общество в лице социальных наук не овладело в должной мере механизмами интеллектуальной рефлексии, методами рационального самоанализа, размышления над своими собственными проблемами.

Общественное самосознание в отличие от самосознания отдельного индивида вырабатывается в течение исторических эпох и во многом зависит от типа социальной организации, в том числе и от системы ценностей, от характера экономического и политического устройства, от особенностей эволюции всего комплекса социогуманитарных параметров, который определяется понятием культуры. Вполне возможно, что общественное самосознание вообще окажется не готовым предотвратить общецивилизационную катастрофу. Вероятность такого исхода тем выше, чем меньше общество и государство уделяют внимания социогуманитарному комплексу, в том числе науке, в их непосредственном приложении к проблемам общественного развития.

Похоже, что движение в этом направлении наталкивается на принципиальные трудности, связанные, как нам представляется, с дефицитом социогуманитарных знаний и нарастанием тенденции попросту закрывать глаза на те проблемы, которые мы не умеем решать. Эта «страусова политика», возможно, и является одной из причин ничем не мотивированного вывода тематики исследования устойчивого развития из списка актуальных проблем. Работы гуманитариев зачастую оказываются слишком малоконструктивными, весьма расплывчатыми и недостаточно последовательными, чтобы решать задачи, стоящие перед практическим управлением. Необходим практический поиск организации социогуманитарных исследований, предполагающий:

- актуализацию теоретической и практической значимости таких исследований;

- программно-целевую их организацию;
- комплексность исследований;
- механизм связи науки и управления.

Необходима, очевидно, целевая комплексная программа, не только обеспечивающая координацию научно-поисковых исследований в рамках социально-экономического подхода к разработке концепции устойчивого развития Сибири, но и обязательно учитывающая социогуманитарную составляющую. Более того, социогуманитарный аспект проблемы должен быть определяющим, ибо главной целью перспективного развития все же остается — человек, общество в его изначальной духовно-нравственной ипостаси. Хотелось бы надеяться, что данная монография послужит толчком для разворачивания исследовательской работы в этом направлении.

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Глава 1. Идея устойчивого развития как ответ мирового сообщества на «вызов истории»

Формулирование идеи устойчивого развития можно рассматривать как ответ мирового сообщества на «вызов истории». А. Тойнби предложил этот термин для обозначения угроз, возникающих в развитии цивилизации. Как известно, такими угрозами современному человечеству являются глобальные проблемы. В ответ на эти проблемы и были сформулированы идеи устойчивого развития.

1.1. Конференция в Рио: общая характеристика

Принципы устойчивого развития были приняты в качестве обязательных для всех стран мирового сообщества на Всемирной конференции по окружающей среде и развитию, которая состоялась под эгидой ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В ее работе участвовали главы государств и правительств 179 стран. Более представительного форума история человечества не знала.

Эти принципы, в самом общем виде, включают три основные требования:

1) не разрушать и не загрязнять окружающую среду, ибо если современные тенденции сохранятся, то на протяжении 30—50 лет в природной среде могут произойти необратимые процессы, которые лишат человечество объективно необходимых условий существования;

2) научиться так экономно и эффективно использовать невоспроизводимые ресурсы, чтобы сберечь их для будущих поколений;

3) ликвидировать или, по крайней мере, существенно ослабить социально-экономические различия между развитыми странами и остальным миром, ибо сегодня острота противоречий такова, что угрожает возникновением мирового конфликта, в частности, по линии Север — Юг.

Соответствующие задачи могут и должны решаться на международном уровне, на уровне отдельных стран — через деятельность государства и неправительственных организаций, а также на уровне отдельных регионов — через органы региональной государственной власти, местное самоуправление и общественные организации. Каждая страна обязана разработать свой план перехода на путь устойчивого развития и ежегодно давать информацию в ООН о проводимой работе. Насколько известно, первый такой общенациональный государственный план, подписанный премьер-министром Дж. Мейджором, разработала Великобритания.

Как указано выше, принципы устойчивого развития были сформулированы в качестве официальных ориентиров Организации Объединенных Наций и государств — ее членов на Всемирной конференции по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г.

Составить представление о постановке проблем на этой конференции можно по предисловию Исполнительного директора Центра за наше общее будущее У.Г. Линднера к документу ООН под названием «Повестка дня на XXI век»:

«Встреча на высшем уровне по проблемам планеты Земля явилась беспрецедентным событием. На ней был принят всемирный план действий — Повестка

дня на XXI век, — направленный на решение этих проблем. Благодаря всем этим достижениям данная встреча займет, безусловно, почетное место в истории.

Оглядываясь назад, однако, история может признать, и, как мне кажется, справедливо, что наиболее важным достижением этой встречи был процесс, который она утвердила для достижения своих целей. Пытаясь, иногда более, а иногда менее успешно, вовлечь все общественные группы в обсуждение и принятие решений, она стала первым международным экспериментом по демократизации межправительственного процесса принятия решений.

Ввиду характера проблем, стоящих сейчас перед нами как сообществом стран и народов, мы сейчас более, чем когда-либо, связаны общей судьбой. Решения этих проблем должны быть найдены как на национальном, так и на международном уровне. Это означает, что международные организации и национальные правительства должны во все большей степени становиться подотчетными народам всего мира, а также реагировать на их мнения и пожелания. На практике это означает, что по мере приближения к следующему столетию мы должны также двигаться еще активнее в направлении всемирной демократии.

При подготовке к Встрече на высшем уровне были сделаны первые пробные шаги в этом направлении. Никогда ранее подобное число представителей национальных организаций из стольких стран не принимало непосредственного участия в разработке национальной и международной политики. Никогда ранее столь большое число высокопоставленных представителей правительств не встречалось в открытых дискуссиях с гражданами других стран, как на общественных форумах ЭКО-92, проводившихся по всему миру при подготовке к Встрече. Никогда ранее столь большое число представителей гражданского общества не собиралось вместе, чтобы обсудить свои обязанности по отношению к проблемам окружающей среды и развития, как на Всемирном форуме-92 в Рио.

…Но для того, чтобы играть важную роль в управлении, люди во всех обществах должны располагать информацией, которая позволит им ответственно делать это. …Всемирное движение, направленное на достижение устойчивого развития и воплощение положений Повестки дня на XXI век, будет иметь успех лишь в том случае, если все они продолжат свое участие в принятии решений, которые оказывают влияние на их жизнь, как на национальном, так и международном уровне.

Это новое явление широкого участия общественности явилось несомненным достижением Встречи на высшем уровне по проблемам планеты Земля. Центр за наше общее будущее удовлетворен тем, что он содействовал проведению этого мероприятия и сохраняет приверженность работе со всеми секторами и группами общества для обеспечения “всемирного партнерства”, к установлению которого призвали участники встречи в Рио»[1].

В самой «Повестке дня на XXI век» Конференция в Рио характеризуются следующим образом:

«Повестка дня на XXI век — это руководство для выработки деловой и государственной политики и для принятия личных решений на следующее столетие. Она была одобрена на Встрече на высшем уровне по проблемам планеты Земля

в 1992 году в Рио-де-Жанейро, Бразилия, — самой крупной встрече мировых лидеров. Встреча прошла во время Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая свела вместе глав и высокопоставленных должностных лиц 179 правительств. К ним присоединились сотни официальных лиц из организаций системы ООН, представителей местных властей, деловых, научных, неправительственных и других кругов. Неподалеку, Всемирный форум-92 провел серию встреч, лекций, семинаров и выставок для общественности по вопросам окружающей среды и развития. В них приняло участие 18 000 представителей из 166 стран, а также 400 000 посетителей. Совещания в Рио освещались 8 000 журналистов и результаты их работы смотрел, слушал и читал почти весь мир.

Основы процесса Рио были заложены в 1972 году, когда представители 113 стран собрались на Стокгольмскую конференцию — первую всемирную встречу по окружающей среде. В 1983 году Организация Объединенных Наций создала Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию. Четыре года спустя в ее важном отчете "Наше общее будущее" прозвучало предупреждение о том, что человечество должно изменить многое в своей деловой активности и образе жизни и что в противном случае ему предстоят необычно тяжелые испытания и резкое ухудшение природной среды.

Комиссия заявила, что экономика должна удовлетворять нужды и законные желания людей, но что ее рост должен вписываться в пределы экологических возможностей планеты. Комиссия, названная по имени своего председателя Комиссией Брундтланд, призвала к "новой эре экономического развития, безопасного для окружающей среды". Она заявила: "Человечество способно сделать развитие устойчивым — обеспечить, чтобы оно удовлетворяло нужды настоящего, не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои потребности".

В 1989 году Организация Объединенных Наций начала готовить Конференцию по развитию и окружающей среде, чтобы сформулировать принципы достижения устойчивого развития»[2].

1.2. Пять документов встречи в Рио

В результате встречи в Рио заключены два международных соглашения, приняты два заявления о принципах и план основных действий в целях всемирного устойчивого развития. Эти пять документов включают:

• Декларацию по окружающей среде и развитию. Ее 27 принципов определяют права и обязанности стран в деле обеспечения развития и благосостояния людей;

• Повестку дня на XXI век — программу того, как сделать развитие устойчивым с социальной, экономической и экологической точек зрения;

• Заявление о принципах, касающихся управления, защиты и устойчивого развития всех видов лесов, жизненно необходимых для обеспечения экономического развития и сохранения всех форм жизни.

Переговоры по двум крупным международным конвенциям проводились отдельно, но параллельно с подготовкой Встречи на высшем уровне, и они были подписаны большинством правительств-участников встречи в Рио:

• Целью Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата является стабилизация концентраций газов, вызывающих парниковый эффект в атмосфере, на таких уровнях, которые не вызовут опасного дисбаланса в мировой климатической системе. Это потребует от нас сокращения выбросов таких газов, как двуокись углерода — побочный продукт использования топлива для производства энергии.

• Конвенция о биологическом разнообразии требует, чтобы страны приняли меры для сохранения разнообразия живых существ и обеспечили справедливое распределение выгод от использования биологического разнообразия.

В Повестке дня на XXI век разъясняется, что движущими силами перемен в окружающей среде являются население, потребление и технология. В ней излагается, что нужно сделать для сокращения расточительных и неэффективных структур потребления в некоторых частях мира при одновременном содействии ускоренному и устойчивому развитию в других его частях. В ней предлагаются меры в области политики и программы для достижения устойчивого равновесия между потреблением, населением и способностью Земли поддерживать жизнь, описываются некоторые методы и технологии, которые нужно разработать для удовлетворения потребностей людей при рациональном использовании природных ресурсов.

Повестка дня на XXI век предусматривает варианты предотвращения ухудшения состояния почвы, воздуха и воды, сохранения лесов и разнообразия форм жизни. В ней рассматриваются вопросы бедности и чрезмерного потребления, здравоохранения и образования, городов и сельских районов. Отводится своя роль каждому: правительствам, деловым людям, профсоюзам, ученым, коренным народам, женщинам, молодежи и детям. Повестка дня на XXI век не выступает против деловой активности. В ней говорится, что устойчивое развитие — это способ борьбы с бедностью и разрушением окружающей среды. В настоящее время мы оцениваем успех экономического развития главным образом по количеству денег, которое оно приносит. Однако системы учета национальных богатств должны также принимать в расчет полную стоимость природных ресурсов и полную стоимость ухудшения состояния окружающей среды. Тот, кто загрязняет окружающую среду, должен, в принципе, нести расходы по ликвидации загрязнения. Для уменьшения риска нанесения вреда оценка состояния окружающей среды должна производиться до начала осуществления проектов, которые могут иметь нежелательные последствия. Правительствам следует уменьшить или отменить субсидии, которые не соответствуют целям устойчивого развития.

Важной темой Повестки дня на XXI век является необходимость ликвидации бедности путем предоставления бедным более широкого доступа к ресурсам, которые им необходимы для стабильной жизни. Приняв Повестку дня на XXI век, промышленно развитые страны признали, что они должны играть более важную роль в улучшении окружающей среды, чем бедные страны, которые загрязняют ее в относительно меньшей степени. Богатые страны обещали также увеличить финансовую помощь другим странам для такого развития, которое имеет меньшие экологические последствия. Помимо финансирования бедные страны нуждаются

в помощи для накопления знаний, потенциала для планирования и реализации решений, касающихся устойчивого развития. Это потребует передачи информации и профессиональных навыков.

Повестка дня на XXI век призывает правительства принять национальные стратегии устойчивого развития, она возлагает основную ответственность за перемены на национальные правительства, но указывает, что они должны тесно сотрудничать с международными организациями, деловыми кругами, региональными, провинциальными и местными властями, а также с неправительственными группами и объединениями граждан.

Как говорится в Повестке дня на XXI век, только партнерство в глобальном масштабе может принести всем народам более безопасное и обеспеченное будущее.

Как видим, данный документ предполагает обсуждение и решение проблем не только на уровне страны в целом, т. е. на уровне общегосударственной политики, но также и на региональном и локальном уровнях, с участием общественных (неправительственных) организаций, бизнеса и органов местной власти.

1.3. Десятилетние итоги и перспективы XXI века

Итак, решениями Конференции в Рио мировое сообщество попыталось дать совместный ответ на так называемые глобальные проблемы, на своеобразный вызов истории, который возник в жизни не просто отдельной цивилизации, а всех цивилизаций, образующих современное человечество.

Итоги прошедшего десятилетия позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, следует констатировать, что сам замысел, сам глобальный проект не только, как отмечалось выше, нуждался в уточнении, но по ходу дела реально развивался.

В первоначальной, «классической» формулировке принципов устойчивого развития говорится о необходимости сбалансировать развитие экологии и экономики, экономики и социальной сферы, причем сделать это не только для ныне живущих, но и для будущих поколений.

В дальнейшем эта формулировка уточняется, развертывается, конкретизируется, поэтому в различных документах, а также в научных работах по устойчивому развитию сегодня можно встретить различные формулировки и различные акценты. Например, в одном из последних докладов ЮНЕСКО основные задачи устойчивого развития характеризуются следующим образом:

1) ускорение экономического роста;

2) охрана окружающей среды в плане восстановления устойчивых природных экосистем;

3) достижение социальной справедливости.

В связи с расшифровкой термина делаются следующие акценты: «Термин “Устойчивое развитие” (“Sustainable development”), происходящий от английского “sustain” — подкреплять, поддерживать и “to be able” — быть способным, означает самообеспеченность развития, другими словами — развитие, само себе даю-

щее импульс, стимул для дальнейшего продвижения вперед». И далее: «Процветание, справедливость и здоровая окружающая среда выражают мечту человека о лучшем будущем. Устойчивое развитие делает возможным осуществление этой мечты посредством правильно сделанного выбора и правильной политики. Сущность устойчивого развития — в стремлении к интеграции экономических, природоохранных и социальных целей». Исходя из того, что «каждый новый день должен быть лучше предыдущего», ЮНЕСКО как одна из структур ООН говорит о том, что «устойчивое развитие стремится к достижению человечеством успеха» в решении вышеуказанных трех задач.

В порядке комментария отметим два момента. Да, идеалы устойчивого развития высоки и привлекательны. Однако возникает вопрос, в какой мере они реализуемы, не превратятся ли они в некую новую утопию, если деловой подход будет подменяться общими декларациями? Реализм требует рассматривать принципы устойчивого развития не только в общем виде, но и в определенной социокультурной форме, т. е. с учетом конкретных особенностей конкретной страны.

Действительно, согласно решениям ООН, каждая страна должна была разработать свой национальный план перехода на путь устойчивого развития. Подавляющее большинство стран это требование выполнило и стало предпринимать более или менее обширные комплексы действий по реализации национальных планов перехода на путь устойчивого развития.

Таким образом, можно констатировать, что не только сам глобальный проект уточнялся на уровне мирового сообщества и конкретизировался на уровне национальных проектов, но реально началась их практическая реализация.

Наконец, можно констатировать, что субъектами деятельности в соответствии с принципами устойчивого развития стали не только международное сообщество в лице ООН, но также и ряд государств в лице правительств и других общенациональных органов. Большое внимание уделялось и уделяется применению этих принципов на местах, в регионах, в городах, других поселениях. Для того чтобы подчеркнуть важность работы на местах, был сформулирован лозунг — «мыслить глобально, действовать локально». Здесь основные функции взяли на себя органы местного самоуправления, общественные организации, различные объединения бизнес-структур. Таким образом, это движение за прошедшее десятилетие стало «укореняться» на уровне массового сознания и массовых действий различных социальных групп. Материал на эту тему обширен, но от специального его рассмотрения в данном контексте мы отвлечемся. Коснемся лишь некоторых итогов на уровне мирового сообщества и деятельности государств и правительств.

ООН подводила итоги первого десятилетия весьма ответственно и организованно. Так, 5 февраля 2001 г. на Генеральной Ассамблее была принята резолюция по вопросу «Десятилетний обзор хода осуществления решений Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию».

Текст этого документа характерен тем, что в нем сочетаются и основательность подхода к сложной, многоаспектной проблеме, и в то же время «аппаратно-дипломатическая» точность формулировок и процедур.

В нем, в частности, говорится о том, что ООН «глубоко обеспокоена тем, что, несмотря на активные, успешные и неустанные усилия, прилагаемые международным сообществом со времени проведения 5—16 июня 1972 года в Стокгольме Конференции Организации Объединенных Наций по населенным пунктам, и достижение определенного прогресса, тревожными темпами продолжается ухудшение состояния окружающей среды и базы природных ресурсов, обеспечивающих жизнь на Земле».

Итоги реализации решений, принятых в Рио, были подведены на Девятнадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной обзору и оценке осуществления Повестки дня на XXI век (Нью-Йорк, 23—27 июня 1997 г.). В «Заявлении с изложением обязательств» отмечается: «Мы, главы государств и правительств и другие главы делегаций, собрались вместе с нашими партнерами из числа международных учреждений и неправительственных организаций на Девятнадцатую специальную сессию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, чтобы провести обзор прогресса, достигнутого за пять лет, прошедших со времени проведения Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, и подтвердить свою приверженность принятию дальнейших мер по достижению целей и задач, поставленных на Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам Земли».

Далее было подчеркнуто: «Конференция Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию была эпохальным событием... Мы вновь подтверждаем, что *Повестка дня на XXI век по-прежнему остается основополагающей программой действий по достижению устойчивого развития.* Мы вновь подтверждаем все принципы, содержащиеся в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию».

Однако, несмотря на значительную работу, проделанную рядом стран и мировым сообществом в целом, общий вывод оказался неутешительным: «Мы признаем, что был достигнут ряд позитивных результатов, однако мы глубоко обеспокоены тем, что сегодня общие тенденции в области устойчивого развития хуже, чем в 1992 году». Отсюда — вывод: *«Мы подчеркиваем, что сегодня всестороннее осуществление Повестки дня на XXI век остается жизненно важным и как никогда насущным».* И далее: «Мы обязуемся обеспечить, чтобы следующий всесторонний обзор Повестки дня на XXI век в 2002 году стал подтверждением достижения более значительного осязаемого прогресса в обеспечении устойчивого развития».

Как видим, работа по реализации принципов устойчивого развития начата, а ситуация не только не улучшается, но и ухудшается. Поскольку мировое сообщество тем не менее считает применение принципов устойчивого развития чрезвычайно актуальной, жизненно важной для человечества задачей, отсюда следует только один вывод. В XXI веке работу по их уточнению и практическому применению следует вести гораздо более активно и целеустремленно, чем это делалось в последнее десятилетие века XX.

1.4. Устойчивое развитие как баланс интересов

Концепция устойчивого развития является не первой попыткой Запада ответить на так называемые глобальные проблемы. Понятие «глобальные проблемы» фиксирует комплекс негативных процессов, возникших в середине XX в. в результате деятельности людей и угрожающих самой жизни человечества. Фактически каждая цивилизация вносит свой вклад в формирование этих процессов, однако решающую роль в их возникновении сыграла Западная цивилизация.

Глобальные проблемы обсуждаются, как известно, с периода появления Римского Клуба, причем имеется целый ряд попыток найти их решение (начиная с концепции «нулевого роста»), которые затем были отвергнуты.

Безусловно, такой же может оказаться и судьба концепции устойчивого развития. И уж во всяком случае, многое в ней должно быть изменено и уточнено в процессе ее дальнейшей разработки. Вообще, если и можно говорить о «концепции устойчивого развития», то, на наш взгляд, лишь в том смысле, что сегодня имеет место начальная фаза ее становления. Для нашей страны существует еще и задача включения возникших на Западе идей устойчивого развития в отечественный социокультурный контекст.

В официальных документах ООН, а также ее организаций, таких как ЮНЕСКО, ЮНИСАД и др., встречаются разные формулировки принципов устойчивого развития — с учетом контекста, в котором они используются. Кроме того, в последующем формулировки этих принципов развивались и уточнялись различными авторами и организациями. Поэтому в материалах и ООН, и различных международных и российских конференций и других форумов, посвященных проблемам устойчивого развития, можно встретить и разные подходы к проблеме, и разные формулировки, и разные варианты их обоснования.

Все это делает проблему разработки принципов устойчивого развития и уточнения соответствующих формулировок весьма актуальной. Кроме того, та или иная трактовка принципов устойчивого развития нуждается в адаптации к конкретным условиям ее применения — глобальным, общероссийским, региональным и локальным.

В данной главе с учетом ее основной цели не ставилась задача сопоставления и критического анализа различных подходов к трактовке принципов устойчивого развития. За основу была взята формулировка, имеющаяся в документах Всемирной конференции в Рио, а также ее системная интерпретация, предложенная одним из авторов данной главы[3].

В самом общем виде принципы устойчивого развития, принятые в качестве общечеловеческих ценностей и целей на Всемирной конференции «Окружающая среда и развитие», можно сформулировать как настоятельную необходимость в целях выживания человечества сбалансировать три основные сферы взаимодействий:

1. Взаимодействие систем человеческой деятельности (прежде всего системы производства материальных благ) и природной среды. Совокупная деятельность человечества не должна разрушать природную среду как объективное основание жизнедеятельности людей.

2. Взаимодействие отдельных подсистем, образующих человечество как целое. Конфликты, существующие между отдельными классами, этносами, странами, регионами, цивилизациями не должны привести к самоуничтожению человечества.

3. Взаимодействие между нынешними и будущими поколениями. Нынешние поколения как определенная стадия в развитии человечества не должны лишить будущие поколения как последующие стадии в развитии человечества необходимой внутренней и внешней среды их возникновения, существования и развития.

Чтобы решить три названных задачи, достигнуть триединую цель, человечество должно пройти весьма сложный путь, и мы должны четко осознавать — весьма проблематично, сможет ли оно это сделать. Население Земли сегодня очень сильно различается по характеру проблем, которые приходится решать каждой отдельной стране, тем или иным объединениям стран, поэтому так важен общечеловеческий диалог, который идет главным образом на уровне ООН, а также пока в основном лишь на уровне различных, весьма разнородных по своей тематике и по степени представительности, международных форумов, посвященных прошлому, настоящему и будущему нашей планеты и жизни на ней. В настоящее время нет даже сколько-нибудь эффективного **механизма постановки и обсуждения глобальных проблем**, а тем более путей их решения.

Для того чтобы интеллектуальных и иных ресурсов хватило для решения глобальных проблем, необходима организованная, целеустремленная деятельность сообщества ученых, политиков, чиновников, журналистов и многих других категорий людей, которые в силу своих профессиональных особенностей способны раньше других землян задуматься о сути этих проблем и о неотвратимости всемирной катастрофы, если современные негативные тенденции не удастся преодолеть. В свою очередь, для того чтобы организация сил, способных всерьез заниматься глобальными проблемами, была более успешной, представляется крайне важным сформулировать следующие три закономерности, которые должны постоянно учитываться.

Во-первых. Следует учитывать, что «принципы устойчивого развития» — лишь одна из возможных концепций решения глобальных проблем. При всем своем высоком статусе, в известном смысле это лишь «протокол о намерениях», который был официально принят лидерами большинства стран мира на Конференции в Рио. Выводы этой конференции уже находят, хотя бы частичное, воплощение в работе ООН, ряда других международных организаций, особенно ЮНЕСКО, в деятельности многих государств и правительств, международных национальных и региональных объединений ученых, политиков и т. п. Как бы то ни было, важно исходить из того, что человечество не может сразу «ступить на путь устойчивого развития». Если эта концепция действительно найдет признание в умах миллионов и станет той идейной основой, на которой человечество всерьез станет решать как локальные, так и общечеловеческие проблемы, то впереди неизбежен некоторый более или менее длительный промежуточный этап, **этап перехода на путь устойчивого развития.**

Во-вторых. Основные субъекты движения по пути к состоянию «устойчивого развития», который предстоит пройти и отдельным странам, и, в конечном счете, всему человечеству, чрезвычайно разнообразны. Это уже упомянутые классы, этносы, страны, континенты, цивилизации, а внутри них — самые разные социальные группы, включающие в себя множество отдельных людей. Сегодня они погружены в текущий повседневный процесс, заняты, что называется, «злобой дня». В своем жизненном мире каждый решает свои жизненные проблемы, как он их понимает. А в результате мы все — каждый «понемножку» и «не специально» — т. е. стихийно, но вместе с тем достаточно активно делаем то, чем в конечном счете и порождены глобальные проблемы, и тем самым способствуем движению к общечеловеческой катастрофе. И пока не произойдет перелома, пока достаточное количество людей в мире не осознает причины и сущность возникших перед нами всеми угроз, до тех пор ничего качественно не изменится. По сути, речь идет о постепенном формировании массового, исторического по своему значению, движения в пользу «устойчивого развития». Энтузиастов этой идеи уже немало в самых разных странах. Все более сложными и развитыми становятся формы их организации и объединения. Популяризация идей устойчивого развития в обществе важна, в частности, потому, что она помогает появлению и формированию энтузиастов, стремящихся соединить «глобальное» и «локальное». Вообще деятельность так называемых верхов и низов в решении глобальных проблем имеет ярко выраженный взаимодополнительный характер. Ни те, ни другие не могут добиться сколько-нибудь серьезных результатов сами по себе. Но действуя совместно, действуя сознательно и целеустремленно, они смогут спасти жизнь на Земле.

Итак, этап перехода на путь устойчивого развития не может не быть этапом **становления, формирования субъектов устойчивого развития,** а также этапом отработки их взаимодействий во имя решения общих задач. Именно **субъект-субъектные взаимодействия,** включающие обмен опытом и взаимную поддержку, могут и должны стать основным способом формирования **единого, «общемирового» субъекта** решения глобальных проблем в интересах всего человечества.

В-третьих. Движение к устойчивому развитию должно осуществляться не только через объединение и, в определенных отношениях, унификацию. Во имя той же устойчивости человечество должно сохранить свое культурное разнообразие, да и переход к устойчивому развитию невозможен без учета тех или иных местных, социокультурных особенностей. Это движение, развертывающееся в отдельных странах, не может не опираться на разнообразие подходов, творческих поисков и решений, обусловленное как универсальностью целей, так и разнообразием их социокультурных трактовок, разнообразием условий, а отсюда и особенностями задач, которые становятся первоочередными, применительно к тем или иным конкретным условиям. Для одних стран или местностей первоочередной задачей становится борьба с бедностью, для других — охрана биологического разнообразия, для третьих — борьба с дефицитом воды и т. д. Соответственно, и движение к «состоянию устойчивого развития» может быть только «единством многообразия», может осуществляться только на основе изменений в иерархии

целей, когда на первый план могут выдвигаться какие-то новые конкретные задачи, взамен особенно актуальных вчера. (И, увы, не только потому, что «вчерашние» задачи решены, но и потому, что, пока решали «вчерашние» задачи, резко обострились и выдвинулись на первый план новые проблемы, которые еще вчера не казались столь уж серьезными.)

Поэтому ***социокультурный подход*** к устойчивому развитию также представляется неким объективным требованием, т. е. требованием которое предъявляет нам сама логика событий, — и мы должны считаться с нею, если хотим успеха в достижении наших целей[4].

Сказанное прямо выводит на проблему баланса различных социальных интересов. Думается, уже сам термин «sustainable development» было бы лучше переводить как «сбалансированное развитие». Поскольку, однако, важны не слова сами по себе, а содержание, которым наполняются соответствующие им понятия, постольку можно использовать уже фактически сложившуюся терминологию. При этом, тем не менее, надо, учитывать, что «устойчивость» в случае «устойчивого развития» имеет, безусловно, процессуальный характер и является результатом непрерывного балансирования разнонаправленных тенденций.

Самым существенным в концепции устойчивого развития в ее настоящем состоянии является выделение основных интересов и «противотенденций», балансирование которых и способно обеспечить выживание человечества на качественно приемлемом уровне. Выделение соответствующих требований позволяет сформулировать основополагающие принципы устойчивого развития — баланс между природой и обществом (непосредственно — экономикой), баланс внутри общества на современном этапе его развития (между отдельными странами и их регионами, между цивилизациями и крупными мировыми агломерациями типа Север — Юг), а также баланс между современным и будущим состояниями человечества как некоторая «целевая функция» развития (требование сохранить жизненные ресурсы природы для будущих поколений).

Все эти принципы могут быть интерпретированы очень по-разному. Так, судьба будущих поколений существенно зависит от сохранения жизненных ресурсов не только природы, но и самого общества. Можно утверждать, что глобальные проблемы имеют единую сущность, а именно — процесс отчуждения, который из внутрисоциального перешел и в сферу взаимодействия общества с природой, отнюдь не утратив при этом своей внутрисоциальной значимости и остроты. Поэтому принципиальное значение приобретает не просто идея балансирования интересов различных социальных субъектов, но и характер этого балансирования. По сути, речь идет о таком балансировании и такой трансформации интересов в ходе этого балансирования, которые обеспечивали бы постепенную гармонизацию этих интересов во имя возрастания жизнеспособности общества как целого.

Идея **социальной гармонии** возникла достаточно давно — и достаточно давно расценивается как утопическая. Тем не менее, если доводить принципы «устойчивого развития» до их логической завершенности, то следует признать, что современный конфликт между человечеством и планетой Земля, обозначае-

мый обычно как «глобальная экологическая проблема», является императивом, делающим достижение гармонии в сфере взаимоотношений человечество — природа настоятельной необходимостью, причем критерием этой гармонии является именно жизнь — качество жизни, жизненный потенциал, здоровье как оптимальное состояние жизни и ряд производных характеристик. Решение соответствующих задач невозможно без гармонизации отношений внутри человечества и образующих его цивилизаций[5].

Однако сегодня до гармонии (если она вообще возможна) еще очень далеко. По сути, приходится говорить о задаче формирования отношений сотрудничества для реализации коренных общих интересов субъектов в условиях, когда между разными субъектами — цивилизациями, странами, классами и т. д. — идет острая конкурентная борьба в сфере интересов ближайших и среднесрочных, — и потому кажущихся более насущными. А в концентрированном виде все интересы, как известно, выражаются в политике.

1.5. Политические и геополитические аспекты устойчивого развития

Особое политическое значение концепции устойчивого развития состоит в том, что она официально принята на уровне мирового сообщества в лице ООН, и это позволяет через ее использование включать перспективы развития России в общемировой контекст — как в плане их осмысления, так и в плане кооперации усилий с мировым сообществом. Надо, правда, учитывать, что существуют и, по сути, альтернативные концепции будущего мирового устройства, — например, та, которую ее противники обычно называют концепцией «золотого миллиарда». Это еще раз подчеркивает, что решение глобальных, общечеловеческих проблем невозможно с позиций абстрактного подхода, оно требует соответствующего *субъектного самоопределения* — цивилизационного, регионального, социально-группового и, наконец, личностного. Каждый человек, группа, регион, страна, цивилизация в конечном счете, вынуждены будут сделать в сфере глобальных проблем свой выбор: хотят они увидеть эти проблемы или будут стремиться как можно дольше игнорировать их, будут стремиться решить их с гуманистических, демократических позиций, как это предполагают принципы устойчивого развития, или, наоборот, с позиций узкоэгоистических.

В России решения Конференции в Рио некоторое время фактически замалчивались. Это и понятно. Именно в этот период в стране возобладала идея «вернуться на путь мировой цивилизации», а точнее — пойти путем развитых западных стран и примкнуть к их «клубу» в качестве равноправного партнера. Ведущие западные страны внешне готовы поддерживать партнерские отношения с Россией, приняли ее в свой «клуб», который из «семерки» превратился в «восьмерку», но равноправным партнером Россия не стала и вряд ли станет. Среди множества причин этого важную роль играет разница в техническом и социально-экономическом развитии, а также в жизненном уровне населения.

Ничего удивительного в этом нет. В Повестке дня на XXI век отмечалось, что в современных условиях больше ни одна страна мира не сможет повторить путь развитых стран и, более того, сами развитые страны должны изменить путь свое-

го экономического развития. Понятно, что пропаганда в этих условиях принципов устойчивого развития была более чем неуместна. Однако так называемый «либеральный проект», под флагом которого проводились реформы в России на протяжении последнего десятилетия XX в., изначально имел утопический характер. А плачевные итоги его реализации лишь резко усугубили действительные проблемы, существовавшие еще в советском обществе. Соответственно, и отношение к концепции устойчивого развития пришлось пересмотреть.

В 1994 г. появляется Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечении устойчивого развития», а затем был издан ряд других регламентирующих документов, в том числе и правительственных, которые обязали органы государственного управления, науку и другие социальные институты приступить к реализации концепции устойчивого развития применительно к России. Очевидно, в этих решениях одновременно отразились и стремление руководства страны соответствовать принципам «цивилизованного мира» (что, разумеется, исключает игнорирование столь принципиальных решений ООН), и постепенные изменения общественного настроения от некритического восприятия радикально-либеральных западных концепций к более широкому учету спектра идеологических ориентаций, имеющихся в мировом сообществе.

Период Путина ознаменовался так называемой стабилизацией, однако болезни «ельцинской эпохи» отнюдь не исчезли. Сегодня они лишь загнаны внутрь социального организма.

Таким образом, требование использования принципов устойчивого развития применительно к России, ныне закрепленное в ряде документов на высшем государственном уровне, приходится реализовывать в крайне неблагоприятных условиях. Если трезво оценить сложившуюся ситуацию, то представляется уместным сформулировать задачу следующим образом: от катастрофы — к устойчивому развитию. Правомерна ли такая постановка вопроса? Можно ли говорить о переходе к устойчивому развитию в условиях системного кризиса общества и государства?

Мы полагаем, не только можно, но и нужно. Однако чтобы избежать профанации, необходимо помнить, что применение принципов устойчивого развития и переход к устойчивому развитию общества — две принципиально разные стороны проблемы. Применение принципов устойчивого развития первоначально может играть лишь роль ориентира, своеобразной стратегической «ценностной шкалы» при принятии, в условиях дефицита кадровых, технических и иных ресурсов, а также дезинтеграции экономики и системы управления, вынужденных решений, весьма далеких по своей сути от критериев «устойчивого развития» общества.

Вместе с тем, наличие такого стратегического ориентира позволит более эффективно преодолевать кризисные процессы, концентрировать ресурсы на обеспечении перспективы и постепенно выйти на такой уровень, где можно будет говорить о системной реализации принципов устойчивого развития, т. е. о действи-

тельном переходе на стадию воспроизводства системы в соответствии с этими принципами.

Концепция устойчивого развития имеет не только научно-практическое значение, но и политико-идеологическое. Изменение отношения к ней является одним из важных индикаторов изменений, происходящих в нашем обществе. Так, академик В.А. Коптюг, который сделал очень много для того, чтобы прорвать «информационную блокаду» вокруг проблемы устойчивого развития в 1992—1994 гг., с середины 1996 г. начинает скептически высказываться по поводу возможностей ее непосредственного применения в сложившейся в стране ситуации.

Вместе с тем, к этому времени тема «устойчивого развития» стала своего рода модой в науке, а для многих чиновников превратилась в политическую и идеологическую конъюнктуру, повод для проведения мероприятий, составления планов и отчетов, прикрывающих собой отсутствие решений действительных проблем — экологических, социально-экономических, демографических и т. д.

Неоднозначно отношение к этой концепции и у различных общественно-политических организаций. С одной стороны, фундаментальная важность принципов устойчивого развития зафиксирована на уровне Президента и Правительства и эти принципы являются своего рода официальной доктриной и официальной политикой нынешнего государства. С другой стороны, праворадикальные «либеральные» круги, чья политика долгое время фактически реализовывалась руководством страны, либо игнорируют, либо отвергают концепцию устойчивого развития. Это вполне понятно: прозападная ориентация несовместима с признанием тупикового характера западной цивилизации и вытекающей отсюда необходимостью смены типа экономического развития, смены ценностных ориентиров, — без чего концепции устойчивого развития просто нет.

Точно так же двойственным оказывается и отношение к концепции устойчивого развития со стороны оппозиции. Так, в свое время академик В.А. Коптюг предпринял самые активные усилия для того, чтобы идеи устойчивого развития вошли в документы КПРФ. Однако эти попытки встретили сопротивление. И хотя сами слова «устойчивое развитие» в документах КПРФ появились, тем не менее говорить об освоении этого круга идей со стороны компартии было бы сильным преувеличением.

Не приемлют концепцию устойчивого развития и правопатриотические силы. Так, в газете «Завтра» появлялись публикации о том, что работы по реализации принципов устойчивого развития в регионе озера Байкал ведут к частичной утрате суверенитета России над этим ценнейшим национальным достоянием. Дело в том, что радикально-патриотическая ориентация подчас выражается в стремлении к изоляционизму, в абсолютизации цивилизационных особенностей России, что, безусловно, несовместимо с концепцией устойчивого развития, в рамках которой требуется рассматривать развитие каждой страны в общемировом контексте, с учетом общечеловеческих проблем и тенденций.

В самом общем виде можно утверждать, что в политико-идеологической сфере концепцию устойчивого развития в нашей стране поддерживают или могут под-

держивать так называемые центристские силы. Примерно та же ситуация сложилась и на Западе. Разработку и принятие мировым сообществом этой концепции инициировали лидеры социал-демократии, а также демократическая, в первую очередь научная, интеллигенция развитых стран.

Разумеется, реальное положение гораздо сложнее. Факт состоит в том, что сегодня эта концепция официально принята практически всеми государствами мирового сообщества, независимо от их политической ориентации. Например, А. Гор, бывший вице-президент США — государства, которое открыто провозглашает себя сегодня единственной мировой Империей и ставит задачу создания Нового мирового порядка, — вместе с тем является одним из активных теоретиков и идеологов устойчивого развития. Этот факт, на наш взгляд, говорит о том, что проблемы, породившие концепцию устойчивого развития, действительно являются всеобщими, касаются всех. И люди, способные мыслить достаточно последовательно, неизбежно приходят к выводу о необходимости принятия соответствующих мер, независимо от того, какие позиции они занимают по другим вопросам. Конечно, внутренняя противоречивость мировоззренческих позиций многих таких деятелей деформирует и их поведение в области реализации принципов устойчивого развития, однако сама их озабоченность этой проблемой — важный показатель ее жизненности и общечеловеческой значимости.

Почему же концепция устойчивого развития может и непременно должна быть использована в решении задач дальнейшего развития нашего общества? Это объясняется и внутриполитическими, и внешнеполитическими причинами, реальными альтернативами современного геополитического процесса.

Разные социальные силы на Западе пытаются реализовать две разные стратегии преодоления кризиса. В концепции устойчивого развития, хотя это и не вполне осознается, главным является акцент не только на сбережение ресурсов и самоограничение, но на сотрудничество и согласование интересов в достижении этих целей. Ориентация на социально-экономическое развитие, сбалансированное с возможностями окружающей среды, сочетается здесь с ориентацией на сотрудничество стран и цивилизаций через достижение баланса их интересов на основе согласия. По существу, в этой концепции значимо не просто устойчивое развитие как таковое, но устойчивое развитие через согласие, через согласование, баланс интересов. (Отсюда, видимо, и употребление термина «сбалансированное развитие» для обозначения этой концепции может быть более удачным, чем термина «устойчивое развитие».)

Однако достаточны ли цивилизационные ресурсы таких перемен? Ведь современный Запад зиждется на понимании государства как гаранта прав личности и, прежде всего, священного права частной собственности. Это — исторически сложившийся механизм реализации базовых религиозных (прежде всего — протестантских) ценностей данной цивилизации. А средства соответствуют целям. Значит, мало сменить средства. Надо менять цели и ценности. Но это уже вопрос качественного изменения исторически сложившейся сущности самой цивилизации. А такие вопросы решаются отнюдь не просто.

Поэтому на Западе имеется огромная инерция движения по прежнему пути, что находит и соответствующее идеологическое выражение. Концепции устойчивого развития противостоит другая влиятельная стратегия преодоления кризиса, направленная на создание так называемого «нового мирового порядка». Если первую стратегию развивают демократические силы Запада и поддержали развивающиеся страны, то вторая выражает интересы крупного капитала и, прежде всего, ТНК. Здесь тоже имеется в виду достижение новой мировой устойчивости, но за счет углубления дисбаланса интересов на основе применения силы.

Как известно, эта концепция предполагает создание в краткие сроки новейших супертехнологий, которые обеспечили бы сохранность природы и высокий жизненный уровень для населения Земли, оптимальная численность которого расценивается чаще всего примерно в 1 млрд человек. Сбережение ресурсов как принцип, безусловно, сохраняется, однако на переходный период ключевое значение приобретает борьба за овладение ресурсами, за передел ресурсов — природных и социальных, причем важнейшим ресурсом сегодня являются знания.

Эпоха Путина ознаменовалась, в отличие от эпохи Ельцина, борьбой за восстановление, а не разрушение суверенитета Российского государства. И чем больше Россия получает возможностей проводить свой, самостоятельный внешне- и внутриполитический курс, тем значимее становится вопрос о концептуальных основах этого курса. Мы полагаем, что важное место в концептуальных основах современного Российского государства должны занять принципы устойчивого развития.

Во внешнеполитическом контексте концепция устойчивого развития является предпочтительней других возможных стратегий уже потому, что в ней речь идет о смене конкурентного типа поведения во взаимоотношениях государств на согласительный. Разумеется, здесь не надо питать иллюзий, конкуренция еще долго будет преобладать или хотя бы играть важную роль на мировой сцене. Однако союзнические отношения, там где это возможно, надо стремиться строить не только на борьбе с общими врагами, например с «мировым терроризмом», но также и на решении конструктивных задач, вытекающих из коренных интересов всех стран. Это, в частности, дает возможность приобрести на Западе мощных союзников в лице подлинно демократических сил, в том числе — левых демократов, «центристов» и разумных представителей «правого центра», которые в состоянии увидеть за корпоративными и иными частными интересами безотлагательную необходимость решения глобальных, общечеловеческих проблем.

В решении проблем современной России важно избежать двух крайностей: слепого «западничества» и «квасного патриотизма». Преодолеть современный системный кризис нашего общества можно, лишь опираясь на стратегию, ориентированную на учет как глобальных проблем и общечеловеческих закономерностей развития, так и цивилизационной специфики России, логики ее собственного исторического пути.

Необходимость использования концепции устойчивого развития при таком подходе определяется следующим. Принципы устойчивого развития дают воз-

можность, во-первых, осмыслить проблемы современной России в общемировом контексте, во-вторых, системно осмыслить собственные закономерности развития российского общества, в-третьих, решать местные, региональные проблемы с учетом общемирового и общероссийского контекстов.

Здесь чрезвычайно важна работа на опережение. Рассмотрим проблему на примере такого региона как Кузбасс. Как известно, одной из его ключевых проблем является добыча и продажа угля. Имеющиеся здесь трудности обусловлены целым рядом причин и, в частности, тем, что сегодня отсутствует стратегия, соответствующая действительному масштабу проблемы. А проблема эта, жизненно важная для Прокопьевска, Киселевска и других городов Кузбасса, имеет действительно общемировое значение. Геополитическая роль, например, нефти сегодня очевидна. Не то с углем. Уголь — в таком же значении, что и нефть сегодня, это не ближайшая, а несколько более отдаленная перспектива. Однако о ней надо подумать сегодня. Развитие углехимии и разработка других перспективных способов использования угля должны закладываться уже сегодня, иначе завтра и страна, и соответствующие хозяйствующие субъекты имеют реальный шанс опоздать. Формирование и способность реализовать ту или иную политико-экономическую стратегию всегда должны быть ориентированы на перспективу.

Поэтому важно осознать уголь как фактор цивилизационного развития, увидеть проблему угля в ряду энергетических ресурсов и природного сырья вообще. И только тогда можно, постепенно конкретизируя наше видение, прийти к глубокому пониманию того, что же, собственно, происходило, происходит и должно происходить в Кузбассе. А уже на этой основе можно разрабатывать мощную стратегию, которая, в свою очередь, способна воплотиться в гибко реализуемую последовательность тактических решений. В том числе в экспертных оценках тарифов и других финансово-экономических показателей, способных обеспечить баланс интересов хозяйствующих субъектов, причем этот баланс интересов должен быть вписан не только в общероссийский, но и в общемировой экономический и политический контекст.

От того, будет ли реализован подобный подход и в отдельных регионах, и в современной России в целом, во многом зависят судьбы и России, и всего мира. А именно — будут ли развиваться международные отношения в духе сотрудничества, в соответствии с принципами устойчивого развития, или в духе борьбы за ресурсы в ходе «цивилизационных войн XXI века», которые прогнозирует, например, С. Хантингтон. Однако этот тезис не следует принимать прямолинейно: исходить надо из того, что главным принципом сегодня является, как это неоднократно подчеркивал В.В. Путин, конкурентоспособность — в данном случае конкурентоспособность на уровне глобальной экономики и политики.

Концепция устойчивого развития вполне может стать той объединяющей общество идеей, на основе которой наша деятельность будет, с одной стороны, направлена на решение собственных, животрепещущих проблем, а с другой стороны, будет действительно идти в единстве с общемировым цивилизационным процессом. Для этого особенно важно, чтобы общество осознало: Россия — одна из

мировых цивилизаций, она не нуждается в «заемных» образцах, она может и должна использовать чужой опыт, применяя его на собственной социокультурной, цивилизационной основе.

Это хорошо видно на примере трех основных принципов устойчивого развития, которые сегодня остро актуальны и для Российской Федерации.

Первая задача — борьба с загрязнением окружающей среды и, соответственно, за экологически чистые условия жизни, физическое и психическое здоровье населения, здоровый образ жизни. Вторая — борьба за эффективное использование природных ресурсов, ибо Россия, по сути, стоит, как сегодня не говорит только ленивый, перед дилеммой: стать ресурсным резервуаром для развитых стран или начать комплексно осваивать свои богатства на основе собственного научно-технического потенциала, создавая для этого необходимые экономические, политико-идеологические, нравственные и другие условия. Третья задача — ликвидация социально-экономических диспропорций, того разрыва в уровне и качестве жизни различных групп населения, который угрожает разрывом самих социальных связей, крушением сложившейся системы общественных отношений.

В решении всех этих задач чрезвычайно важно видеть и внутреннюю, вытекающую из природы нашего общества компоненту, и компоненту, обусловленную включенностью нашей страны в геополитические и мирохозяйственные связи. Соответственно, в их решении важно учитывать и собственный, и общемировой опыт.

Возможность же такого подхода определяется именно тем, что наша страна обладает всем необходимым для преодоления системного кризиса и постепенного выхода на путь устойчивого развития. Здесь важно подчеркнуть значимость не только природных, но и социальных ресурсов — прежде всего образовательного и научно-технического потенциала, который еще не совсем растратила Российская Федерация — наследница СССР. Если будут действительно выявлены факторы, препятствовавшие экономическому и научно-техническому развитию советского общества, то стратегия перехода на путь устойчивого развития может быть реализована в современной России в обозримый исторический период, что принципиально важно и для нашей страны, и для мирового сообщества.

1.6. Государственная концепция перехода к устойчивому развитию РФ

Такой подход вполне согласуется с позициями, изложенными в Государственной «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Здесь констатируется, что «следуя рекомендациям и принципам, изложенным в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), и руководствуясь ими, представляется необходимым и возможным осуществить в Российской Федерации последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей».

Рассматривая устойчивое развитие как объективное требование времени, этот документ исходит из решений Конференции в Рио, констатируя, что «человечество столкнулось с противоречиями между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности. Богатства природы, ее способность поддерживать развитие общества и возможности самовосстановления оказались не безграничными. Возросшая мощь экономики стала разрушительной силой для биосферы и человека. При этом цивилизация, используя огромное количество технологий, разрушающих экосистемы, не предложила, по сути, ничего, что могло бы заменить регулирующие механизмы биосферы. Возникла реальная угроза жизненно важным интересам будущих поколений человечества. Устранение сложившихся противоречий возможно только в рамках стабильного социально-экономического развития, не разрушающего своей природной основы.

Идеи устойчивого развития оказываются чрезвычайно созвучными традициям, духу и менталитету России. Они могут сыграть важную роль в консолидации российского общества, в определении государственных приоритетов и перспектив социально-экономических преобразований».

Для современной России такая постановка усугубляется необходимостью перейти от «сырьевого» варианта развития к инновационному варианту развития, опирающегося на массовое применение научных технологий.

Задачи, направления и условия перехода к устойчивому развитию в данном правительственном документе характеризуются следующим образом.

«Переход к устойчивому развитию должен обеспечить на перспективу сбалансированное решение проблем социально-экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала, удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений людей.

При этом подразумевается последовательное решение ряда принципиальных задач:

— в процессе выхода страны из нынешнего кризиса обеспечить стабилизацию экологической ситуации;

— добиться коренного улучшения состояния окружающей среды за счет экологизации экономической деятельности в рамках институциональных и структурных преобразований, позволяющих обеспечить становление новой модели хозяйствования и широкое распространение экологически ориентированных методов управления;

— ввести хозяйственную деятельность в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления.

Основными направлениями перехода России к устойчивому развитию являются:

— создание правовой основы перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, определяющего, в частности,

экономические механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды;

— разработка системы стимулирования хозяйственной деятельности и установление пределов ответственности за ее экологические результаты, при которых биосфера воспринимается уже не только как поставщик ресурсов, а как фундамент жизни, сохранение которого должно быть непременным условием функционирования социально-экономической системы и ее отдельных элементов;

— оценка хозяйственной емкости локальных и региональных экосистем страны, определение допустимого на них антропогенного воздействия;

— формирование эффективной системы пропаганды идей устойчивого развития и создание соответствующей системы воспитания и обучения.

Важнейшее значение в создании методологической и технологической основы этих преобразований будет принадлежать науке.

Одним из основных условий перехода к устойчивому развитию является обеспечение прав и свобод граждан. Движение к этой цели предполагает формирование открытого общества, включающего в качестве системных элементов правовое государство, рыночное хозяйство и гражданское общество.

Важным фактором обеспечения устойчивого развития является усиление роли основных социальных групп населения в осуществлении социально-экономических преобразований. Особое место здесь принадлежит молодежи, которой должно быть гарантировано безопасное будущее и возможность участия в принятии решений.

В создании условий, обеспечивающих заинтересованность граждан, юридических лиц и социальных групп в решении задач устойчивого развития, ведущая роль отводится государству. Прежде всего, оно должно гарантировать безопасность в политической, экономической, социальной, экологической, оборонной и других сферах, без чего переход к устойчивому развитию невозможен».

В правительственном документе также специально рассмотрен региональный аспект устойчивого развития.

«Переход к устойчивому развитию Российской Федерации в целом возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов. Это предполагает формирование эффективной пространственной структуры экономики страны при соблюдении баланса интересов всех субъектов Российской Федерации, что предопределяет необходимость разработки и реализации программ перехода к устойчивому развитию для каждого региона, а также дальнейшей интеграции этих программ при разработке государственной политики в области устойчивого развития.

Проблемы, решаемые в каждом регионе, в значительной степени должны соответствовать федеральным задачам, но при этом необходим учет местных особенностей, предусматривающий, в частности: формирование регионального хозяйственного механизма, регулирующего социально-экономическое развитие, в том числе природопользование и антропогенное воздействие на окружающую среду; в результате хозяйственной деятельности (на единицу конечной продук-

ции). Информативными являются аналогичные показатели на душу населения, а также макрохарактеристики, выражающие соотношение между потребностями в природных ресурсах и их наличием (запасами).

В качестве целевых и лимитирующих показателей устойчивого развития в экономической сфере могут устанавливаться уровни удельного (на душу населения и единицу валового внутреннего продукта) потребления энергии и других ресурсов, а также производства отходов. Контролю подлежат производство и использование всех опасных веществ, применяемых в экономике.

В состав целевых параметров устойчивого развития необходимо включить характеристики состояния окружающей среды, экосистем и охраняемых территорий. В этой группе контролируемых параметров — показатели качества атмосферы, вод, территорий, находящихся в естественном и измененном состоянии, лесов с учетом их продуктивности и степени сохранности, количества биологических видов, находящихся под угрозой исчезновения.

Аналогичные системы показателей могут использоваться при решении проблем перехода к устойчивому развитию для каждого субъекта Российской Федерации».

Выше была дана характеристика общей стратегии деятельности государственных органов России по переходу страны на путь устойчивого развития. Разумеется, принятие концепции — это лишь начало процесса. Сегодня многие министерства и их структурные подразделения рассматривают этот круг вопросов применительно к собственным специфическим сферам деятельности — таким как природоохрана и природопользование, социальная сфера и научно-технические инновации — и применительно к различным регионам.

Однако следует признать, что концепция устойчивого развития, хотя и используется в практике достаточно широко, отнюдь не стала основанием для выработки государственной политики в целом. Безусловно, в современном ее состоянии она и не созрела для этого в достаточной степени. Однако формулирование на общегосударственном уровне стратегической задачи перехода Российской Федерации на путь устойчивого развития, на наш взгляд, сегодня все более актуально. Безусловно, можно понять сомнения тех, кто не считает своевременным выдвижение такой задачи. Россия лишь совсем недавно отодвинулась от опасной черты, от угрозы тотальной катастрофы. Основные негативные тенденции, в сущности, еще не преодолены. Но ведь, если принять предлагаемый подход, речь и не идет об устойчивом развитии страны как таковом. Об этом говорить, безусловно, преждевременно. Можно и нужно, на наш взгляд, ставить другой вопрос: о применении принципов устойчивого развития к оценке происходящих в стране процессов, оценке тех или иных практических мер, предлагаемых на уровне принятия управленческих решений. Иначе говоря, о развертывании работ по переходу страны **на путь устойчивого развития.**

Поэтому и представляется актуальным обсуждение проблем устойчивого развития применительно к России, а в том числе и применительно к специфике Сибири.

1.7. Устойчивое развитие как научно-практический проект

В заключение рассмотрим еще один важный аспект проблемы. Переход на путь устойчивого развития может быть реализован лишь при посредстве самого широкого и систематического использования в практике достижений науки. И не только промышленных, сельскохозяйственных, информационных и иных инновационных технологий в сфере материального производства. Научный подход нужен во всей организации общественной жизни — применительно к экологии, социальной сфере, воспроизводству населения и т. д. Однако отечественная наука в современном ее состоянии, очевидно, не способна реализовать требуемые социальные функции — ни по уровню развития знаний, ни по своему кадровому составу, ни по формам организации исследовательской и проективной деятельности.

И дело даже не только и не столько в этом. Нуждается в существенных преобразованиях сам способ организации современных научных знаний.

Чтобы оценить возможность и ограничения, которые присущи науке как важнейшему типу знаний, непосредственно связанных с возникновением глобальных проблем, а также и с возможностью их решения, необходимо рассмотреть также и науку в рамках **социокультурного подхода.** Всякий социальный феномен, в том числе наука, характеризуется **принадлежностью к определенной цивилизации,** соответствующему типу культуры. Между тем, в рамках научного взгляда на мир обычно абсолютизируют роль науки, осознавая ее как некий универсальный, всеобщий тип познания. Тем не менее сама наука является продуктом развития Западной цивилизации, порождением имманентного ей феномена рационализма. Как высшая форма рационализма западноевропейская наука есть лишь одна из возможных и реально существующих версий системного понятийного (категориального) мышления, одна из версий системной логики. Не менее мощные, хотя и достаточно своеобразные (с европейской точки зрения) категориальные системы сложились, в частности, в рамках индийской и китайской цивилизаций, причем они гораздо более тесно связаны с присущими этим цивилизациям религиями.

Осознание европейской науки не как универсальной, всеобщей и единственно возможной формы понятийного (категориального) мышления дает возможности более адекватно осмыслить ее становление, социальную роль, современное состояние, а также ее перспективы развития.

Возникновение и развитие науки привело к тому, что современное человечество живет в рамках интегрального духовного кризиса. Этот кризис связан с разрушением религиозной (христианской) картины мира. Он начался в Европе достаточно давно, в период становления Нового времени. Под влиянием таких факторов как формирование гелиоцентрической концепции, великие географические открытия, открытие клеточного строения живого вещества, разработка теории эволюционного происхождения человека и т. д. развитие науки приводит к постепенному формированию новой, научной картины мира, которая имеет альтернативный по отношению к религиозной характер и претендует на ее замену. Однако

полной замены тогда не произошло. Не произошло такой замены и до сих пор. В результате этого духовная жизнь современного общества определяется конкурентной борьбой религиозной и научной картин мира, что и составляет содержание интегрального духовного кризиса[6]. Из Европы этот кризис распространился, вместе с наукой, на Россию и целый ряд других стран и цивилизаций, в результате чего приобрел, в сущности, глобальный характер.

Хорошо известно, что европейская наука внесла значительный вклад в возникновение глобальных проблем. Нередко при этом подчеркивают, что создаваемые на основе научных достижений технологии сами по себе не приносят негативных последствий: все дело заключается в социальном способе их применения. Таково, например, применение технологий в военных целях, за что несут ответственность уже не ученые, не наука как таковая, а, в конечном счете, политики или, точнее, экономические интересы, определяющие поведение политиков. Тем не менее стоит отметить, что большую роль играет сам тип знаний, присущий европейской науке. Их абстрактно-односторонний характер нередко приводит к негативным последствиям даже в тех случаях, когда соответствующие технологии направлены, казалось бы, на благие цели. Имеются в виду побочные результаты, возникающие по принципу «лес рубят — щепки летят».

Возникают негативные «побочные» результаты отнюдь не случайно. Знания всегда существуют лишь в определенной системе социальной деятельности как ее внутреннее опосредование, функционально необходимый элемент. Так, основой формирования европейского естествознания была производственная, в конечном счете, трудовая практика. Если же природа изначально предстает лишь как объект человеческой деятельности, лишь как средство удовлетворения человеческих потребностей, то неизбежно уходит на периферию картины мира осознание системного характера связей между человеком и природой и, соответственно, конечной зависимости человека и человечества от природы. Возникающая отсюда стратегия «покорения природы» и обернулась сегодня глобальным экологическим кризисом.

Важно учитывать **стадию развития** того или иного типа знаний в рамках данной цивилизации. В частности, тип задач, решаемых в деятельности, которая данные знания порождает. Европейское мышление довольно долго не сталкивалось с ограничениями, которые накладывают на социальную деятельность возможности природных циклов. (В отличие, например, от Китая.) Поэтому, в частности, К. Маркс, хотя и цитирует известные слова о том, что природа — мать, а труд — отец всех богатств, тем не менее субстанцию богатства (стоимость) связывает лишь с трудом. И в этом он, в сущности, лишь следует логике своих предшественников — классиков буржуазной политэкономии. В XX в., с возникновением глобальных проблем, наоборот, европейское мышление вынуждено постепенно осознавать, что в основе стоимостных показателей должен лежать учет затрат не только труда, но и природных ресурсов. Так начинает формироваться «экологическая экономика».

Из сказанного можно сделать, по меньшей мере, три основных вывода. Во-первых, необходима так называемая «экологизация» всей современной науки, т. е. осмысление всех природных и социальных процессов, по меньшей мере, как элементов единого жизненного процесса, единой живой системы, существующей на Земле. Во-вторых, необходима концентрация значительных усилий на развитии социально-гуманитарных наук, на более полном и адекватном выяснении сущности социальной системы, а также места и роли человека и человечества в жизненном процессе, который должен быть рассмотрен как земной и космический феномен. В-третьих, необходим переход от монопредметных научных знаний к междисциплинарным исследованиям и, соответственно, к получению комплексных знаний о конкретных отдельных объектах, которые будут гораздо более эффективны в практическом применении. Все это присутствует в современной науке как некоторая тенденция. Так, определенный опыт организации междисциплинарных исследований накоплен, в частности, в новосибирском Академгородке, других аналогичных научных центрах. Речь, однако, идет об осуществлении того, что философы называют «сменой основания», когда названные подходы из «тенденций» превращаются в базовые принципы организации научных исследований.

Все это — необходимые предпосылки для разработки собственно концепции устойчивого развития общества — как в пределах отдельных стран, так и в масштабах всего человечества. Даже самые общие принципы этой концепции сегодня нуждаются в более глубоком осмыслении, более точной и целостной проработке, более точном формулировании целого ряда ключевых положений. И, тем не менее, действовать приходится уже сегодня. По существу, здесь имеет место типичное «взаимодействие противоположностей». Каждый практический шаг требует научного обеспечения, и, в свою очередь, каждый практический шаг ставит новые научные проблемы. И, соответственно, каждое научное достижение требует новых практических шагов, которые, в свою очередь, дают новые возможности для развития познания. Таким образом, нельзя ждать, пока наука достигнет какого-то «качественно нового состояния». Она в принципе не может достигнуть его в отрыве от практики. Путь к устойчивому развитию общества — это путь, который предстоит пройти совместно и людям науки, и людям практики.

Поэтому движение по пути перехода к состоянию устойчивого развития, конечно же, надо планировать, однако это планирование должно иметь, во-первых, циклический характер, во-вторых, должно быть гибким, вариативным, должно реагировать на динамику объективных процессов, и тем не менее, в-третьих, через все это должна реализовываться некая общая стратегия, выражающая меру понимания, которой достигает тот или иной социальный субъект на каждом данном этапе.

Особенно важно видеть связь «глобального» и «локального», т. е. видеть, как общемировые процессы влияют на местные. И наоборот — как местные процессы сказываются на общемировых. После Конференции в Рио широкое распространение получили не только национально-государственные планы перехода на путь устойчивого развития, но собственные планы разрабатывают также многие регионы, города и другие поселения.

В частности, применительно к Сибири следует выделить вопрос о так называемых «точках роста». Дело в том, что ускоренное развитие Сибири — прежде всего развитие ее населения, как по численности, так и по качественному составу, развитие производств, и не только добывающих, — это и многое другое очень важно не для одних сибиряков, но и для страны в целом. Между тем, регионы очень различаются по нынешнему уровню развития и, разумеется, сегодня нет возможности обеспечить их достаточно равномерное развитие «всех сразу». Поэтому выделение «точек роста», форсированное развитие которых повлияло бы позитивно и на Сибирь в целом, представляется сегодня весьма актуальным подходом. Причем, с точки зрения развития Сибири и России как целого, можно выделить очень разные «точки роста», развитие которых благотворно скажется на регионе.

Так, сегодня в этом смысле много и справедливо говорится о газопроводе из Восточной Сибири в Китай и Японию. Активно прорабатывается целый ряд других проектов по добыче природных ресурсов. Но общая пропорциональность развития Сибири будет обеспечена только в том случае, если будет также масштабно решаться задача по развитию нескольких крупных городов как инновационных научно-производственных центров.

В этот же ряд хотелось бы поставить работу, которую необходимо развернуть в сельских поселениях. Большинство из них сегодня в таком состоянии, что ни о «технологическом прорыве», ни о резком росте объемов производства говорить не приходится. Однако там очень острой является проблема сохранения самой «ткани» социального существования, той незримой сети культурного освоения Сибири, созданию которой отдали силы многие поколения русских, в свое время пришедших в эти края и вместе с местными народами создавших этот богатый и высокоразвитый регион нашей страны. И если в каких-то селах речь идет о сохранении производства прежде всего для сохранения самих сел, укрепления морально-нравственных основ жизни людей на сибирской земле, повышения уровня духовной культуры, воссоздания здорового образа жизни, все это можно и нужно рассматривать как важные шаги не только к будущему устойчивому развитию этих поселений, но и к будущему устойчивому развитию России. И если мы не можем охватить все деревни и села, буквально гибнущие сегодня по всей Сибири, как, впрочем, и по всей стране, тем не менее можно и нужно ставить вопрос о необходимости выделения хотя бы каких-то «точек роста» и в данном отношении о концентрации усилий и начале восстановительных процессов хотя бы в отдельных поселениях, поскольку это будет важно и само по себе и как пример для окружающих.

Наконец, для того, чтобы развитие Сибири обрело системный характер, необходимо опережающее развитие коммуникаций в самом широком смысле этого слова — средств связи, железнодорожного и иных видов транспорта, развитие сибирских, в том числе общесибирских, СМИ и т. д.

Уже сам набор упомянутых «точек роста» — производственные комплексы, крупные города, мелкие сельские поселения, средства коммуникации — гово-

рит о том, насколько сложны и многообразны задачи перехода на путь устойчивого развития.

Для успеха перспективного планирования в пользу устойчивого развития чрезвычайно важно реализовывать тот или иной проект как «систему с рефлексией», создавать структуры, способные обеспечить достаточно систематический сбор данных, их своевременный анализ и разработку предложений на основе этого анализа, иметь группы, способные осмыслить общую логику процесса, оценить позитивные и негативные результаты, своевременно поставить новые задачи. В контексте такого подхода может и должно решаться много взаимосвязанных вопросов.

Необходимость своевременного и достаточно глубокого осмысления постоянно возникающих проблем требует создания комплексных интеллектуальных центров, способных обеспечить теоретико-методологическое и методическое сопровождение тех или иных проектов перехода на путь устойчивого развития. Тесное взаимодействие таких научных центров с практикой и будет означать реализацию принципов устойчивого развития как научно-практического проекта.

Глава 2. Основы социокультурного подхода к исследованию устойчивого развития

2.1. Устойчивость систем и ее виды

Концепция устойчивого развития человечества стала той общей основой, на которой сегодня происходит плодотворный международный диалог, нацеленный на поиск мировым сообществом решения глобальных проблем современности. Наиболее известное определение устойчивого развития дано в 1987 г. в докладе Международной Комиссии по окружающей среде и развитию при Организации Объединенных Наций, возглавляемой Гру Харлем Брундтланд. Согласно этому определению, «устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет нужды настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности»[1].

Однако устойчивое развитие во многом остается благостной идеей, а не конструктивной основой решения вопросов развития социальных систем в современных исторических условиях глобального системного кризиса общества. Объяснение этому — прежде всего инертность мышления. Экономика по-прежнему выступает в качестве цели общественного развития. Социокультурные аспекты рассматриваются вне гуманистических позиций и фактически сводятся к экономическим показателям. Человек по-прежнему мыслится лишь средством, элементом экономического прогресса. Вопросы целостности социальных систем, источников саморегуляции и движущих сил в контексте устойчивого развития нуждаются в методологическом обосновании.

Одним из следствий системного кризиса общества является неустойчивость последнего. Следует отметить, что циклическая смена состояний устойчивости

и неустойчивости присуща не только рыночной экономике, но иным формам социально-экономического развития, что с различных позиций отражено в линейно-стадиальных, гуманистических, цивилизационных и других подходах социальной философии. В мифологических сюжетах она представлена в чередовании порядка и хаоса.

Западные социологи подчеркивают относительную независимость цикличности от экономического развития, поскольку сама цикличность базируется на естественно-природных закономерностях. В целом же осмысление цикличности только начинается[2]. Для нас важно то, что феномен цикличности в историческом процессе взаимозависим с характером развития. Концепции развития акцентируют внимание на процессе перехода от традиционного к инновационному обществу. Цикличность смены модернизма и традиционализма демонстрирует совмещение различных укладов. Специфическое сочетание устойчивости и неустойчивости, порядка и хаоса, тоталитаризма и смуты, этатизма и анархии входят в актуальную культуру и обусловили специфическое отношение людей к переменам. Возникает вопрос: как сохраняется и удерживается разнородное целое в чреде перемен?

Ключевым в ответе на поставленный вопрос является понятие система. По мнению В.Н. Садовского, система есть упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство[3]. Известно, что социальные системы представляют собой открытые, нелинейные и неравновесные системные объекты, способные к самоорганизации. Социальная реальность формируется усилиями и деятельностью людей.

Учет непредсказуемости и спонтанности развития, подверженность систем в особых состояниях влиянию воздействий, малых по силе, но больших по разрушительным последствиям. Принципиальная неотделимость и познающего, и управляющего субъекта от той системы, в рамках которой они действуют. Учет общего и особенного, детерминистического и случайного — необходимое условие анализа устойчивости системы.

В самом общем виде устойчивость можно определить как свойство неизменности выполнения системой своих функций, внешних и внутренних, при приемлемых качестве и эффективности.

В рамках интересующих нас проблем целесообразно говорить о двух видах устойчивости — устойчивости целого и структурной устойчивости. Рассматривая устойчивость целого, целесообразно обратиться к трактовке системы: социальная система характеризуется не только своим элементным составом и определенным образом организованными взаимосвязями, но представляет собой целостность по отношению к внешней среде[4].

Одним из проявлений целостности объекта является устойчивость его внутренних взаимосвязей при взаимодействии с внешней средой, которая может быть представлена другими взаимодействующими друг с другом системами. Обмен информацией, иерархичность систем создает их субординацию, в том числе и формирует тенденцию к интеграции и постоянному нарушению границ.

Целостность и есть то особое, что отличает системный объект от простого конгломерата. Целостность системы означает, во-первых, интегрированность, в результате которой за счет корреляций появляется новое системное качество, не сводимое к сумме свойств и качеств элементов; во-вторых же — отграниченность системы от окружающей ее среды: наличие границы, постоянно пересекаемой потоками энергии, вещества, информации, поглощаемых системой из среды, и отводимой в среду энтропии, и очерчивающей ту локальную область упорядоченности, которая и рассматривается в качестве открытого диссипативного системного объекта.

Устойчивость целого подразумевает способность системы сохранять свою целостность в условиях постоянно изменяющихся по силе и по направленности стохастических воздействий внешней среды, ее успешное противостояние разрушению своих внутренних связей и воспринимается как своеобразная целевая характеристика жизнедеятельности системы. Неустойчивость целого означает неспособность системного объекта адаптироваться к внешней среде, тенденцию к разрушению его как целостности и прекращению его жизнедеятельности.

Структурная устойчивость подразумевает устойчивость конкретной структуры системного объекта, понимаемой как закон взаимосвязи ее элементов, способ ее организации, строения и функционирования. Именно структура конституирует систему и определяет ее существование как целостного объекта. По отношению же к целевой характеристике — устойчивости целого, структура выступает в качестве средства[5].

Необходимое разнообразие структуры также является предпосылкой ее устойчивости. Это тем более следует подчеркнуть, что в последнее десятилетие активизировались основанные на теории линейного прогресса представления об едином информационном пространстве, единой культуре, необходимости единого правительства и т. д. Культурная «вселенная» остается столь же разнообразной, как и природные ландшафты. Более того, развитые культуры активизируют внутри себя способности сопротивления культурному транзиту. Значительное разнообразие приобретает и рыночное хозяйство. Либеральное представление об едином унифицирующем влиянии рынка, при котором государство оказывается в роли «ночного сторожа», все больше оказывается иллюзорным. В качестве примеров можно привести Швецию с ее договорной (социальной) экономикой, государственные субсидии фермерским хозяйствам в США, развитие мелкого и среднего бизнеса. Удивительно устойчивой оказывается и стремление к сохранению этнической самобытности. Даже в развитых странах баски и курды, шотландцы и ирландцы оказывают упорное сопротивление процессам нивелирования культур.

Основная идея устойчивости — это постоянное изменение состояний системы, стремящееся к некому равновесному, путем как структурных перестроек, так и внешних воздействий. Устойчивое развитие все чаще понимается как сбалансированное развитие. В этой связи особый интерес представляют работы К.Х. Делокарова, В.В. Юшманова, Л.В. Даниловой, посвященные анализу философского наследия русских ученых А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, заложивших основу данного толкования.

2.2. Факторы устойчивости социальных систем

Описания социальной системы с точки зрения ее устойчивости в социальных науках часто сводится к бинарным оппозициям. В какой-то степени это неизбежное упрощение, позволяющее выделить главные элементы и сосредоточить управленческие процессы именно в данной плоскости. Предполагается, что другие элементы социума как бы притягиваются к этим подструктурам, определяются ими.

Но система бинарных оппозиций, по крайней мере, не должна ограничиваться одной парой, кроме того, проблема ведущих звеньев диалектически сопряженных противоречий далеко не ясна. Условия устойчивости даже в первом приближении выглядят сложнее набора бинарных оппозиций.

Р.Г. Баранцев в связи с эти предложил рассматривать условия устойчивости систем с помощью триадичного принципа — совокупности трех одноуровневых элементов, связанных между собой в единый взаимосогласованный комплекс. Генетической матрицей является субстанциональное, аналитическое и качественное, причем чаще всего между парой компонент имеются отношения неопределенности, а третий фактор выступает в роли регулятора. Мнение Р.Г. Баранцева выводит нас на сложную проблему элементного состава социума, выявления его структуры[6].

В социологии это реализуется в рамках комплексного подхода, предполагающего учет всех сторон и свойств познаваемой реальности. Само понятие «целостные социальные феномены» ввел в науку М. Мосс. Один из современных представителей теории социальных систем Н. Луман рассматривает комплексность как свойство социальной системы воспроизводить свои элементы, упорядочивать связи между ними, а также приспосабливаться к внешней среде. Система должна обладать достаточным уровнем комплексности, чтобы стать устойчивой. Цементирующим началом у Н. Лумана выступает интенсивность.

Долгое время в советской науке господствовал сферный подход, в соответствии с которым выделялись разделы общественной жизни: экономическая, политическая, социальная культурная и т. д. (В.Г. Барулин, А.К. Уледов). В последние годы этот подход подвергается критике за тавтологичность и нормативизм. Тем не менее проблема классификации элементного состава в отечественной и зарубежной социальной науке остается нерешенной. Прогностическая и реальная управленческая практика требует редукции, определения исходных элементов, обеспечивающих целостность социума.

Одновременно с наличием максимально устойчивой масштабно инвариантной структуры социум демонстрирует динамически-хаотичное поведение — необратимый и непредсказуемый ход истории, реализующийся в формировании, существовании и распаде самых разнообразных конкретных структур на каждом социальном уровне. Социальная динамика представляет собой двухфазовый процесс, сочетающий в себе и закономерности, и случайные факторы.

Структурно-устойчивая фаза социального развития характеризуется существованием некого главного системообразующего фактора — основной отличи-

тельной особенности, определяющей специфику данной системы. Требование сохранения этого фактора и дает картину «внутренних эволюционных запретов», задающих определенный устойчивый режим действия и существования системы.

Бифуркационная фаза характеризуется максимальной социальной неустойчивостью, и ее наступление соответствует выходу социальной системы за критические пределы, определяемые внутренними и внешними эволюционными запретами, и обусловливает либо распад системы, либо ее переход в иное качество. И. Пригожин, характеризуя этот процесс, пишет: «Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистское описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. Переход через бифуркацию — такой же случайный процесс, как бросание монеты... Существование неустойчивости можно рассматривать как результат флуктуации, которая сначала была локализована в малой части системы, а затем распространилась и привела к новому макроскопическому состоянию»[7].

Обобщая динамику социальной реальности на основе синергетических подходов, В.В. Василькова отмечает, что сама синергетическая постановка вопроса о рождении «порядка из хаоса» коррелирует с базовой социологической проблемой рождения спонтанных общесоциологических закономерностей (исторического детерминизма) и свободы воли отдельных индивидов... Поскольку спонтанное порядкообразование возможно лишь в ситуации неустойчивости, когда социальная система становится чрезвычайно чувствительной к проявлению случайности, то возникает ситуация, когда малая случайность может иметь радикальное значение для судьбы данной социальной системы... Отмеченная нами сознательная работа исторической случайности ограничена рамками особых эпох в развитии общества — эпох переходных, когда осуществляется бифуркационный перелом, рождаются новые структуры, меняется диспозиция социальных сил. В спокойные эпохи стабильного, более равновесного существования социальной системы господствует детерминизм, способный подавить случайную флуктуацию, направленную вопреки установившейся детерминистической тенденции.

В точках исторического перелома, подчеркивает В.В. Василькова, благодаря целенаправленной воле исторических субъектов осуществляется выбор из спектра возможностей: либо социальная система породит новую конфигурацию сил (новый социальный порядок), либо сконцентрируется на сохранении прежнего порядка, либо будет продолжать сохранять свою неустойчивость до новой бифуркационной развилки. Неравновесность делает ее очень чувствительной к флуктуациям (как внутренним, так и внешним), которые создают поле вариаций для выбора будущего пути развития. Такой выбор совершается при создании новой структуры.

Граничные условия различных устойчивых режимов жизнедеятельности социальных систем детерминируют деятельность людей через ценности, идеи, символы и выражаются в соответствующей каждому режиму аттрактора специфической системе ценностей и целевых установок. Ценностные системы формируют своеобразную «стратегему действий» (К. Маркс), социальные коды, которые опи-

раются на историческую память народа и образуют поле предрасположений, пространство диспозиций, на которое устремляется флуктуация.

Необходимым фактором сохранения социальной системы как целостности, высокой устойчивости целого, является ее изменчивость, базирующаяся на относительной автономности элементов и структурных частей. Никакая жесткая программа не в состоянии полностью учесть всего многообразия окружающей систему среды, а следовательно, для обеспечения высоких адаптационных возможностей социальной системы необходима ее авторегуляция в соответствии с иррегулярными внешними воздействиями. И здесь мы вновь должны отметить важную роль идеологического, мировоззренческого плюрализма.

Полная определенность реакций и поведения элементов социума, характерная для гомеостатических социальных систем тоталитаризма, означает утрату такой системой адаптационных способностей и ее разрушение в случае малейших изменений внешней среды. Только хаотичность, разнонаправленность векторов индивидуального поведения (разумеется, в относительных пределах) обеспечивает стабильное существование. Адаптационная способность системы зависит от набора потенциальных структур, скрытых в обществе, которые позволяли бы ей сохранить основное системное качество, т. е. от величины веера возможностей системы. Одна из основных сложностей управления состоит в том, что управляющий субъект сам «включен» в социальную систему, в той же степени подчинен ее целевым установкам и стремлению сохранить основной системообразующий фактор. Успех социального управления зависит от того, насколько действия управляющего субъекта вовлечены в процесс социальной самоорганизации, учитывают исторически сложившееся ценностно-мотивационное ядро народа, меру и способность воспринять инновации.

Познание факторов устойчивости и неустойчивости, механизмов разрешения внутренних и внешних противоречий является фундаментом соответствующей активной практической политики, базой для создания оргструктур, кадрового и научного сопровождения.

Основой устойчивого развития социальных систем является сбалансированность изменений. Необходимое условие устойчивого развития — наличие многообразия форм жизнедеятельности социальных систем, комплексный, сложный характер структуры социальных систем и форм их взаимодействия.

Многообразие структур социальных общностей и укладов жизни можно уподобить природному многообразию. И так же, как его оскудение приводит к экологическому кризису, который ставит биосферу на грань гибели, так и унификация социокультурного пространства обедняет человеческое сообщество, сужает формы общения. С точки зрения диалектики единства и многообразия сохранение традиционных и неотрадиционных укладов представляется не только желаемой, но и необходимой целью.

Добыча полезных ископаемых, вся производственная деятельность человечества на Земле призваны служить устойчивому развитию жизни, но отнюдь не разрушать ее в погоне за излишествами потребительства. Один из биологических ви-

дов — человек — не должен роскошествовать за счет других видов, уничтожая их, разрушая их жизненную среду. Наука и производство оправданы только тогда, когда они способствуют жизни на планете, а не уничтожают ее, ни в коем случае *не покоряют природу*, когда природа, жизнь на Земле развивает и возвышает себя через посредство человеческого разума. Все, что не укладывается в рамки этого космического процесса, служащего жизни, должно быть, безусловно, запрещено.

Глобальной негативной тенденцией стало возросшее давление человека на биосферу. В процессы растущего потребления вовлекается все большее количество ресурсов.

Российский путь к современному экологическому мышлению и к концепции устойчивого развития человечества идет от В.И. Вернадского. Он сделал фундаментальный вывод, согласно которому между всеми живыми и неживыми частями земной оболочки идет непрерывный материальный и энергетический обмен, который в ходе времени выражается закономерно меняющимся, непрерывно стремящимся к устойчивости равновесием. Деятельность человечества есть непосредственное продолжение общей активности всего живого. Человек порожден земной жизнью для того, чтобы способствовать ее развитию, дать ему новый импульс. Ноосфера, созданная благодаря разуму человека и названная так в его честь (от греческого слова «разум»), лишь неизмеримо усиливает способности жизни извлекать энергию из недр нашей планеты и из космоса ради поддержания жизни. Ноосфера регулирует биосферу, бережно сохраняет ее, обеспечивает устойчивое развитие цивилизации на основе саморегуляции и поддержания экологического равновесия на планете.

В.И. Вернадский, по существу, ввел в анализ связей системы «человек—природа» новое измерение — «человек как геологическая сила», способная преобразовывать биосферу в ноосферу. Значение работ В.И. Вернадского заключается в построении новой системы взглядов на известные научные факты и в прогнозе развития жизни на планете, базирующихся на социокультурном потенциале общества.

Идеи В.И. Вернадского находят свое продолжение в работах А.Д. Урсула[8], президента Международной академии ноосферы, директора Института устойчивого развития и безопасности. Его учение полно веры в здравый смысл человечества. Оно противоположно алармизму западных теоретиков техногенного апокалипсиса, полагающих, что цивилизация неизбежно губит жизнь на планете. А.Д. Урсул противопоставляет их теориям оптимистическое учение об информационном обществе как современной стадии развития ноосферы. Да, развитие науки и техники, основанного на них современного высокотехнологического производства может привести к экологическому кризису, даже глобальному, но это, по мнению А.Д. Урсула, происходит только при стихийном развитии научно-технического прогресса. Каковым процессом человечество сможет управлять, если научится предвидеть дальние и ближние его последствия. Футурология, основанная не на умозрительных концепциях обществоведов, а на математическом моделировании и компьютерном прогнозировании развития человечества, позволит обрести способность предвидения. Из научно спрогнозированных альтернатив можно будет выделить

спектр наиболее желаемых и одновременно наиболее реальных тенденций, простирающихся в будущее, которое поддается управлению (воздействию).

Близкие по содержанию идеи развивают и другие отечественные ученые, в особенности представители «точных» и технических наук, среди которых выделяется видный российский ученый Н.Н. Моисеев. Они создают теорию устойчивого развития человечества как оптимистическую альтернативу, противостоящую с одной стороны, откровенно алармистским антисциентистским концепциям, сулящим экологический Апокалипсис, а с другой — умозрительным гуманитарным утопиям.

Для западных аналитиков именно экологическая доминанта выступает главным, определяющим условием человеческого развития. Свое явное выражение это нашло в концепции устойчивого развития, которая, при всей ее актуальности получает неоднозначную оценку ученых и практиков. Так, А. Кинг и Б. Шнайдер еще в 1991 г. в докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» подвергли критике основные принципы устойчивого развития. Свои сомнения неоднократно высказывал Н.Н. Моисеев[9]. Однако научные споры и дискуссии свидетельствуют скорее об открытости проблемы, о необходимости дальнейшей конкретизации, в том числе и с позиций синергетического подхода.

Западный путь к идее устойчивого развития восходит к концепциям представителей Римского клуба. Экологический кризис стал непосредственно ощущаться в американских городах уже в 1950—1960-е гг. Один из ведущих американских экономистов Д.К. Гэлбрейт свидетельствует: «Поднимая вопрос о важности заботы как об окружающей среде, так и о соблюдении баланса между государственными и частными капиталовложениями, я писал в "Обществе изобилия": "Семья, которая садится в свой розовато-лиловый или светло-вишневый автомобиль с кондиционером, усилителями рулевого управления и тормозов, вынуждена ехать через города, которые плохо заасфальтированы из-за мусора, трущоб, рекламных щитов и столбов с электропроводами, которые давно уже пора было упрятать под землю. Они едут по сельской местности, которая стала почти что невидимой из-за коммерческой живописи... Отдыхая по дороге, они едят изящно упакованную пищу из портативного холодильника, сидя у загрязненного ручья, а ночь проводят в парке, который является угрозой для общественного здоровья и морали. И перед тем, как заснуть на надувных матрасах в нейлоновой палатке, среди вони от разлагающихся отбросов, они могут туманно размышлять о странной неравномерности своего благополучия. Неужели это действительно и есть олицетворение "американского гения"?

Я долго размышлял над этим абзацем. Мне он казался чересчур надуманным, слишком сложным, но, в конце концов, я не стал его выбрасывать. Именно он оказался наиболее цитируемым из всей книги»[10].

Учеными Римского клуба бесконтрольное пользование невозобновимыми ресурсами природы первоначально рассматривалось всего лишь как угроза для стабильного развития промышленности, которое представлялось едва ли не абсолютной ценностью. За последние десятилетия XX в. «экологическая идея» принципиально изменилась. Возникло новое мышление, для которого высшей

ценностью выступает уже не развитие индустрии как таковой, и даже не восстановление экологического баланса, необходимого для выживания человечества, а создание таких социальных отношений, при которых может быть восстановлена гармония в отношениях человека и природы.

Основные этапы в развитии «экологической идеи» можно схематично представить так. **Этап первый:** природу надо беречь, поскольку хищническое использование ее богатств поставит под угрозу дальнейшее развитие промышленности. **Этап второй:** природа есть экосистема, которая должна поддерживаться в равновесии; это необходимо для выживания человечества. **Этап третий:** человечество тоже представляет собой систему, отсутствие гармонии в которой неизбежно выражается в хищнической эксплуатации природы; баланс природных экосистем не может быть сохранен без установления устойчивого баланса в социальных системах; необходим экологический подход к решению социальных проблем.

Западные ученые и политики сходятся в представлениях о средствах и путях достижения целей устойчивого развития. Безусловным для них является тезис о возможности решения поставленных задач только в рамках демократии западного типа, только на основе частной собственности, рыночных отношений, механизмов децентрализованной рыночной экономики.

2.3. Проблема реализации концепции устойчивого развития

Принимая концепцию устойчивого развития в целом, мы вправе усомниться в однозначном выборе средств для ее реализации. Сегодняшний мир многомерен и многовариантен. К нему нельзя применять единые стандарты и единые образцы, даже если они и представляются кому-то наилучшими. Для каждой общественной системы, для каждого регионального сообщества, для каждого народа — малочисленного или многочисленного — должен быть выработан свой свод задач и средств их решения в рамках глобальной концепции без ущемления прав и интересов других.

Гуманистический подход к проблемам окружающей среды и развития, предложенный Комиссией Брундтланд, связан с пониманием места и роли социальной справедливости в историческом процессе. Неравенство представляет собой главную экологическую проблему планеты; оно же является главной проблемой развития. В мире, в котором царит неравенство, где несправедливость носит хронический характер, неизбежны социальные потрясения и экоспазмы. И наоборот, устойчивое общество немыслимо без утверждения справедливости во всех человеческих деяниях. Концепция Брундтланд распространяет требование справедливости и на будущие поколения.

Эти требования, в сущности, опираются на те мировоззренческие представления, которые Н.Н. Моисеев именует фундаментальными основами «инвайронментальной этики»[11].

1. Этика периода наступающего глобального экологического кризиса должна иметь в своей основе систему законов развития биосферы, и взаимодействие че-

ловека и биосферы должно следовать этим законам. Игнорирование человеком законов развития биосферы — основа его деградации как биологического вида.

2. Человечество взаимодействует с Природой как единый вид. Поэтому при всем современном многообразии цивилизаций во взаимоотношениях Природы и Человека должны присутствовать некоторые общие правила, нарушать которые человек не имеет права ни при каких обстоятельствах. Задача инвайронментальной этики — расшифровать эти правила. Задача гражданского общества — обеспечить их выполнение.

3. Центральный постулат инвайронментальной этики гласит, что биосфера может существовать без человека, а человек не может жить вне биосферы, и даже при незначительном отклонении ее средних параметров от современных его пребывание на планете окажется невозможным. Значит, человек должен жить в условиях коэволюции биосферы и общества. Только совместно с развитием биосферы человек может сохранить себя на планете.

4. Принцип равенства перспектив поколений: человек обязан думать о будущем своего биологического вида, о том, чтобы его потомки были обеспечены земными ресурсами так же, как современные поколения. Этот принцип можно еще назвать принципом ответственности за род человеческий. Он противоречит утвердившимся в сознании большинства людей принципам рынка, которые утверждают лишь сиюминутную выгоду...

5. Принцип равенства инвайронментальных возможностей человека: каждая нация, каждое полиэтническое образование, именуемое государством, имеет право расходования невозобновимых ресурсов, пропорциональное количеству населения, живущему на территории этого государства.

6. Принцип консервации: человек в своей деятельности должен стремиться предельно сократить свое воздействие на природные циклы круговорота веществ, стремиться не вводить веществ, не свойственных природному круговороту. Он должен стремиться сохранить очаги естественных экосистем как основной залог стабильности нашего общего дома — биосферы.

7. Принцип согласия: квоты расходования невозобновимых ресурсов устанавливаются Организацией Объединенных Наций на основе консенсуса. Подготовка системы квот совершается специальным Советом профессионалов, не связанных с коммерческими структурами и не являющихся представителями государств или государственными служащими.

С точки зрения Комиссии Брундтланд, цель устойчивого развития — обеспечение достойного жизненного уровня для всех слоев населения и справедливого доступа к ресурсам. Все люди обладают равными правами на дары природы. Концепция устойчивого развития опирается на два ключевых понятия: понятие потребностей и понятие ограничений. Потребности, необходимые для выживания человека и человечества (прежде всего беднейших слоев населения), должны быть первостепенным приоритетом устойчивого развития. К числу этих потребностей относится и забота о будущих поколениях. Ограничения роста определя-

ются способностью природы удовлетворять потребности людей. Это, по существу, социально-экономический подход.

Первый шаг к практической реализации концепции устойчивого развития был сделан на Всемирном форуме, состоявшемся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Она воплотилась в принятый на форуме всемирный план действий, получивший название «Повестка дня на XXI век». Используемое в этом документе понятие устойчивого развития включает в себя: признание того, что в центре внимания находятся люди, которые должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой; охрана окружающей среды должна стать неотъемлемой компонентой процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от развития; право на развитие должно рассматриваться таким образом, чтобы в равной мере обеспечить удовлетворение потребностей в развитии и сохранении окружающей среды как нынешнего, так и будущих поколений; уменьшение разрыва в уровне жизни народов мира, устранение нищеты.

На Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (26 августа — 4 сентября 2002 г.) были выделены основные тенденции и события, произошедшие после 1992 г. В работе саммита принимали участие свыше 100 лидеров государств, а также представители общественных организаций.

На саммите были рассмотрены проблемы выполнения Повестки дня на XXI век: это рассогласованный характер национальных и международных действий в сферах экономики, политики, экологии социальной жизни; неизменный характер производства и потребления ценностей, отсутствие консолидированных финансовых источников и механизмов передачи технологий устойчивого развития в третьи страны.

Было отмечено, что развитые страны не желают передавать технологии, делиться своей прибылью. И главный вывод, который был сделан, заключается в том, что процветание отдельных стран идет через разрушение окружающей среды. И это становится угрозой для существования самих развитых стран.

Саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге принял Политическую декларацию и План действий, в которых подтверждается приверженность принципам декларации Рио-де-Жанейро и решимость выполнять Повестку дня на XXI век. Страны-участники обязались сделать процессы глобализации справедливыми, свести к минимуму угрозы устойчивому развитию: бедность, неустойчивые модели производства и деградацию окружающей среды, хронический голод, иностранную оккупацию, вооруженные конфликты, распространение наркотиков, организованную преступность, терроризм, нетерпимость, эндемические болезни. Политическая декларация подчеркивает необходимость: нового партнерства в целях развития Африки; либерализации торговли; создания Глобального экологического фонда; решения развитых стран направлять 0,7 % ВНП на официальную помощь развитию и 0,15—0,2 % ВНП — наименее развитым странам.

На саммите была представлена и российская делегация. Первый доклад «Национальная оценка прогресса РФ при переходе к устойчивому развитию» был подготовлен Министерством экономического развития и торговли РФ. В докладе приводились статистические данные, которые свидетельствуют о том, что за последние

10 лет российское общество ухудшило свои условия проживания. Доля населения, проживающего ниже черты бедности, составляет в 2001 г. 31,3 %. Второй доклад «Научная основа стратегии устойчивого развития РФ» был подготовлен Комиссией Государственной думы РФ по проблемам устойчивого развития.

Итоги саммита получили противоречивые оценки. Одни считают, что саммит провалился и процесс, который был начат в 1992 г., не получил дальнейшего развития. Другие, наоборот, ссылаясь на природные катаклизмы, социальную напряженность, утверждают, что идеи устойчивого развития стали еще более актуальными, чем десять лет назад. Важным, на наш взгляд, является то, что Саммит в Йоханнесбурге стратегию экономического роста кроме экологических идей связал с идеями социальной справедливости.

Стоит согласиться с необходимостью выработки базовых ориентиров и ценностей, определяющих сферу устойчивого развития. Учитывая разнообразие стратегий национального развития, главным вопросом становится поиск универсального критерия устойчивого развития, в соответствии с которым можно было бы сверить стратегические ориентиры и согласовать конкретные программы развития.

Интересны в связи с этим предположения Х. Босселя, который предлагает свою шкалу маркеров «устойчивого развития»: жизненные потребности, свобода, безопасность, эффективность, ответственность. Кроме того, основополагающим критерием можно считать необходимость сохранности многообразия не только природы как таковой, но и этносов и культур. Если природное биологическое многообразие — гарант сохранения жизни, то этническое многообразие — гарант сохранения природного в человеке, а национальные культуры, в свою очередь, — гарант сохранения этносов.

Принцип единства природного и этнокультурного многообразия может стать основанием стратегии глобального развития и позволяет: 1) выявить закономерность соотношения временных горизонтов природного и этнокультурного развития; 2) признать приоритет программ сохранения этнокультурного многообразия при решении экономических, экологических и политических проблем; 3) сблизить научное понимание проблемы и духовное видение пути к спасению цивилизации; 4) использовать точные методы диагностики и прогнозирования посредством экологического и этнокультурного мониторинга в болевых точках планеты естественных индикаторов состояния экосистем и политических структур; 5) обнаруживать подлинные источники саморазрушения, например, искоренение традиционных укладов — национальных и семейных, верований, форм национальной самоидентификации и т. п.; 6) развить чувство этноэкологического самосохранения в условиях взаимозависимости всех регионов планеты; 7) создать глобальную стратегию социального развития.

Итак, устойчивое развитие понимается то как саморазвитие систем природной и социальной реальности; то как специально организованная деятельность, не ухудшающая условия жизнедеятельности; то как равновесное развитие; то как сбалансированное; то как самоподдерживающееся; то как стабильное; то как но-

вый способ мышления и жизнедеятельности, связанный с рождением ноосферного мышления и экологизацией образа жизни.

Обобщая конструктивные идеи толкований рассматриваемого феномена, считаем возможным перейти к упрощенному варианту определения. **Устойчивое развитие — это такое развитие, которое не ухудшает состояние системы человеческого бытия в процессе непрерывной жизнедеятельности.** Таким образом, обозначен предмет воздействия — как реальная система, которая позволяет в свою очередь через метасистему человеческого бытия исследовать ее на теоретическом уровне в составе социальной философии.

2.4. Социальная динамика и принцип социокультурного детерминизма

Свойства предмета диктуют, формируют подход к его изучению. Однако само развитие не может быть подходом, нужна позиция, с которой изучались бы устойчивые изменения системы.

Мы считаем недостаточным рассмотрение динамики социума через противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Согласно принципу социокультурного детерминизма, культура обусловливает экономическое развитие. Культура являет, в сущности, материнское лоно экономики. Практика развития свидетельствует о том, что социокультурные факторы могут полностью блокировать детерминацию, исходящую от способа производства и образа жизни доминирующего социума. Эти явления не единичны.

Социокультурный детерминизм — это то основание, которое позволяет говорить о подходе к изучению постоянно изменяющихся социальных систем. Устойчивое социокультурное развитие выступает в качестве и цели, и средства перспективных изменений социальных систем. Его эвристическое значение — конструктивный подход, позволяющий материализовать сложный процесс функционирования социальных систем. Речь идет о выделении базисных составляющих устойчивого развития. Таковыми, как правило, являлись экономические, экологические, институциональные и социокультурные составляющие. Однако, как показывает практика, базовые составляющие модели устойчивого развития фактически рассматриваются через призму экономических факторов, а в качестве детерминистического воздействия определяется институциональный императив. Таким образом, система устойчивого развития сегодня во многом являет собой более современный слепок прежней тоталитарной системы, новой по форме, но прежней социально-экономической по содержанию. Говоря о саморегуляции в концепции устойчивого развития, исследователи не раскрывали ее механизм. Знаковая форма культуры не позволяла включить, обозначить ее в метасистеме бытия. С другой стороны, с позиций социокультурного детерминизма она (культура) обязательно должна присутствовать в системе, более того, структурировать ее.

Учитывая особенности развития культуры как присвоения и отчуждения в процессах социализации опыта, опираясь на теорию социокультурного детерминизма, считаем необходимым включение в метасистему бытия фактора культуры в двух

его значениях: как социокультурной доминанты с гуманитарной составляющей, так и во всеобщей знаковой форме всеобщей культуры как характеристики внешних обобщающих воздействий, влияющих на все элементы системы. Таким образом, в метасистеме обозначен источник саморазвития. Это не противоречит особенностям социальных систем — управление и управляемый объекты находятся внутри системы. Социальные системы работают в режиме субъектно-объектных отношений. Роль самодвижения, саморегуляции выполняют переходы от культуры к социокультуре и наоборот без фиксации их приоритетности. Причем в рамках взаимодействия в континууме культур формируются как внутренние, так и внешние воздействия, в результате чего актуализируются то экономические, то экологические, то институциональные и другие компоненты или их комбинации.

В качестве базисных составляющих системы человеческого бытия — социально-бытийного развития, устойчивого социокультурного развития можно предложить усложненный вариант базисных составляющих: природно-экологические составляющие — как характеристики природных благ и окружающей среды; экономико-производственные — как характеристики материально-технических благ (средств); институциональные — как отражение административно-управленческих воздействий; социокультурные составляющие — как характеристики взаимодействия материального и духовного содержания; общекультурные составляющие — как характеристики внешних воздействий на каждый базисный элемент и систему в целом. Таким образом, система базисных составляющих в ее конкретном наполнении будет иметь вид базисной матрицы, включающей нематериальную гуманитарную составляющую. Однако данные вопросы скорее относятся к информационным технологиям практического моделирования.

Социокультурный детерминизм в сочетании с идеями устойчивого развития приводит к раскрытию новых эвристических возможностей методов социальной философии. Говоря о ценностной природе мировоззрения, М.Н. Руткевич отмечает, что главным достоинством концепции устойчивого развития является ее всеобщее значение, речь идет об осознании и расширении противоречий между обществом и окружающей его природной средой, а также противоречий внутри глобального сообщества.

Мир, целостность осознаются суперсложной системой с неоднозначными суждениями, вариативными тенденциями, как многополярный мир. Мы полагаем, что социокультурный подход к устойчивому развитию приводит к новой прикладной форме конструктивной диалектики, позволяющей исследовать развитие социальных систем во всем спектре состояния социума от материальной до гуманитарно-духовной сферы.

Концепция устойчивого развития при этом переходит в разряд концепции социально устойчивого развития с более расширенным составом базисных элементов, включающих культуру. Развитие социума понимается прежде всего как социокультурное.

Отметим общенаучный характер эвристических возможностей устойчивого социокультурного подхода к развитию социальных систем. Результаты исследо-

вания показали, что линейно-стадиальный подход к пониманию истории представляет собой одностороннюю абсолютизацию изменчивости, прогрессорство, призыв к изменениям любой ценой. Локально-цивилизационный подход к пониманию истории представляется односторонней абсолютизацией неизменности, что граничит с призывом к сохранению прежнего состояния любой ценой. Причем если первый, линейно-стадиальный, подход предполагает *отбрасывание особенного и сосредоточение на общем*, унифицируя социокультуру, то второй, локально-цивилизационный, наоборот, ориентирован на *отбрасывание общего* и *концентрацию на особенном*, что может привести к замыканию в себе, затрудняющему развитие культуры. Так же как и потеря многообразия социальных культур к противодействию развитию, ввиду отсутствия условий для осуществления взаимодействия культур как источника диалектического развития.

В теоретическом плане локально-цивилизационный подход выигрывает в комплексности рассмотрения культур, которые выступают как целостные системы, сравнимые в этом плане с живыми организмами. В этих живых организмах одинаково важно все. Однако такой подчеркнуто системный подход к жизни народа имеет свои минусы. Система склонна к самодостаточности и к изоляции от внешних воздействий, к вырождению.

Концепция устойчивого социокультурного развития является наиболее предпочтительным на настоящий момент социально-философским подходом для оценки прошлого и будущего мирового сообщества. Она преодолевает крайности и линейно-стадиального подхода к истории, и локально-цивилизационного.

Эвристическое значение социокультурного подхода к устойчивости социальных систем и состоит в том, что он позволяет рассматривать всю совокупность явлений, взаимодействующих с объектом, выявить закономерность соотношения временных горизонтов природного и этнокультурного развития; признать приоритет программ сохранения этнокультурного многообразия при решении экономических, экологических, политических и других проблем; сблизить научное понимание проблемы и духовное видение пути к спасению этноцивилизации; использовать методы диагностики и прогнозирования посредством экологического, этнокультурного и социального-экономического мониторинга в болевых точках планеты, развить чувство экологического самосохранения в условиях взаимозависимости всех регионов планеты. Растущая роль социокультурного фактора в обеспечении устойчивости заставляет по-новому смотреть на проблему этноса малочисленных народов Севера Сибири в аспекте общественного развития. За последние десятилетия XX века «экологическая идея» принципиально изменилась. Возникло новое мышление, для которого высшей ценностью выступает уже не развитие индустрии как таковой, и даже не восстановление экологического баланса, необходимого для выживания человечества, а создание таких социальных отношений, при которых может быть восстановлена гармония в отношениях человека и природы. Причем экологизация выступает не в смысле специфично-биологического подхода, а скорее как социокультурный феномен современного общественного сознания.

Социокультурный подход к устойчивому развитию не означает сведение исследований только к культурологическому феномену. Это не прежнее смещение проблем культуры в разряд приоритетных. Социокультурный подход к развитию методологически означает, что все базисные составляющие устойчивого развития должны взвешиваться с позиции социокультурной значимости и целесообразности.

Концепция устойчивого социокультурного развития может рассматриваться как современная социальная форма прикладной диалектики, освобожденная от схоластики и умозрительных конструкций. Именно фактор культурного детерминизма позволяет концепции устойчивого развития вывести исследование за пределы ранжирования на основе экономических показателей, располагать социальные объекты в линейной последовательности успешности развития. Экономически развитые страны так же подвержены потерям устойчивости, как и страны третьего мира. А страны с менее развитой экономикой могут развиваться устойчиво. Регуляторы этого феномена имеют социокультурную основу.

В обеспечении устойчивого социокультурного развития особое значение имеет управление как целенаправленное воздействие на динамику социальных процессов. Одним из важных элементов управления являются целевые программы развития. Программы развития являются «определенной формой инновации, охватывающей значительные параметры общества и стимулируемой правящей элитой»[12]. Но инновации, которые не санкционируются культурой, не отвечают основному качеству системы, не находят отклика и включают механизмы отчуждения конфликтного качества, что мы и наблюдаем в современный период. В мировоззренческом смысле программно-целевой подход базировался на ценностях индустриальной цивилизации, в том числе на восприятии природы, общества и человека как объектов упорядочивания, рационального преобразования по критериям, обоснованным выбранной научной теорией. Социальные процессы при этом, вольно или невольно, уподоблялись природным. Духовные процессы чаще всего рассматриваются «утилитарно-прагматически, как инструмент реализации других, на взгляд исследователя, более важных и значимых для общества процессов — экономических, политических и т. д.» В. Башкиров далее добавляет, что «социальное познание в рамках индустриальной цивилизации стремится реализовать себя по нормам и стандартам инженерного мышления»[13], в связи с чем возникли понятия «социальная инженерия» и «социальные (политические) технологии».

Основным объектом внимания в программно-целевом подходе остается социально-экономическая подсистема, что является отражением общерегиональных методик. В неявном виде регион уподобляется корпорации, которая должна быть прибыльной и конкурентоспособной. Соответственно, эти требования предъявляются и к отдельным подсистемам. Гипертрофия одной из трех сфер жизнеобеспечения автоматически приводит к недооценке соционормативной и ценностной (социокультурной) подсистем. Поэтому важна качественная переориентация целевых установок, позволяющая мобилизовать потенциал духовной сферы общества.

Если в моделях развития экономика носит сегодня дискретное доминирующее воздействие на природу и человека, то в рамках социокультурного устойчивого

развития стоит задача согласования разнообразных форм хозяйственной деятельности с индивидуальной мотивацией. Включение культуры как целого в качестве элемента предполагает рассмотрение проблем социокультурного развития в новой глобальной системе измерений.

Социокультура, являясь отражением единства материального и духовного, по сути, выступает в качестве целого универсума как на локальном, так и на глобальном уровне. Социокультурная модель устойчивого развития, по существу, способна ставить цель философско-методологического осмысления человека, социума во вселенной. Речь идет в настоящее время о единой методологии построения таких моделей, которые включают человеческий фактор.

Поэтому важно использовать модель устойчивого развития, построенную с учетом антропного принципа, исходящего из социокультурного подхода к устойчивому развитию.

Итак, социокультурный подход к устойчивому развитию способствует преодолению сциентистского подхода к методологии программ развития, так как позволяет включить в процесс философской рефлексии и человеческое измерение.

Социокультурный подход к устойчивому развитию позволяет в едином русле рассматривать и экономическое, и социокультурное развитие, а также исследовать жизнедеятельность социума во всем многообразии средовых и временных форм его реального и гипотетического бытия, способствуя тем самым формированию мировоззренческих позиций на предмет общественного развития.

Глава 3. Программно-целевая организация исследований ценностей и социальных технологий устойчивого развития*

3.1. Проблемная ситуация. Выбор предмета исследования

Принимаемая сегодня новая концепция, парадигма научной деятельности, прежде всего, предполагает переход на программно-целевую организацию работы научного потенциала, упорядочение его деятельности, начиная с соотношения инициативных и заказных проектов, изменение характера финансирования институциональных коллективов до творческих объединений на основе комплексных интеграционно-координационных программ. Такое решение связано с рядом важных обстоятельств.

Во-первых, это качественная новизна общественных перемен в России и, следовательно, в Сибири. Интенсификация процессов взаимодействия, их новое качество как необходимое условие развития будет происходить в сложном, меняющемся мире государственно-российской, региональной ситуации.

XXI в. стартует в условиях планетарного, глобального и всеобъемлющего кризиса, который охватил все сферы человеческой деятельности, все регионы, этно-

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06080164 «Постсоветсткие общества в процессе реформирования: социальный контекст»

сы, государства и природу. Мировое сообщество впервые начинает осознавать земную цивилизацию в ее системной целостности и необходимости единства действий, изменение ценностей, целей и характера взаимодействия.

Представительная конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) в Повестке дня на XXI век констатировала, что человечество переживает решающий момент в истории: «Или будет спасен весь мир или погибнет вся цивилизация»[1]. Глобализация экономики и финансов, производства и потребления в интересах продвинутого меньшинства ломает государственные границы, мозаичные морально-ценностные поля и ставит под сомнение целесообразность сохранения этнолокальных и территориальных полиэтнических сообществ (народов), возвращение традиционных и придание новых функций полнокровного организма — важной первичной ячейки, единицы устойчивого развития общества. Необходим поиск новой концепции мироустройства, новых моделей, обеспечивающих реализацию человеческих устремлений в рамках сбалансированного взаимодействия как внутри социальных, экономических, национально-культурных сообществ, так и в системе окружающая среда—общество—цивилизация.

Проблемы, общие для России, дополняются специфическими, особенными (старыми и новыми), характерными для Сибири. Сибирь — это северная часть Азии, три четверти населения (около 2,5 чел. на 1 км^2). Здесь проживает 32,1 млн чел. (1989 г.), в том числе в Западно-Сибирском регионе — 15 млн, Восточно-Сибирском — 9,2 млн, Дальневосточном — 7,9 млн чел. Это представители более 100 национальностей: русские (84,9 %), украинцы (3,9 %), немцы (1,6 %). Коренное (первоначальное) население составляет 5,8 %, в том числе малочисленные этносы Севера — 0,5 % (перепись 1989 г.).

Природно-ресурсный потенциал Сибири сегодня, как никогда ранее, определяет энергетическую и сырьевую базу России, и не только России. В перспективе эта роль Сибири может существенно возрасти в планетарном пространстве, как минимум, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Нельзя не учитывать, хотя и «законсервированный», промышленно-производственный, военно-промышленный и научный потенциал. Необходимо иметь в виду и географическое положение региона: он является «мостом» между Западом и Востоком, Севером и Югом, занимает особое место в циркумполярном пространстве. Все это предопределяет значение Сибири в геостратегических сценариях России. Сибирь сегодня ищет пути изменения типа отношений с метрополией, более эффективного использования своего природного и человеческого потенциала в интересах населения региона. Необходимо, очевидно, рассматривать Сибирь как целостный социальный организм, а ее население как региональное, локальное сообщество саморазвития в интересах России и региона. Ситуация, сложившаяся сегодня в России, Сибири, диктует необходимость поиска активных **совместных действий** субъектов Федерации Зауралья и Центра. Важно осознать, что государственно-территориально-региональные интересы могут быть реализованы гораздо эффективнее в ходе сотрудничества и **взаимодействия.**

Сибирь — многонациональный регион, поэтому здесь остро стоит проблема гармонизации этнических сообществ, сущности и характера их взаимодействий как фактора, способствующего перспективному развитию этносов и региона. Очевидно, необходима система соответствующих ценностей, органически сочетающая общее (единство целей жизни) и этно-особенное в реализации потребностей национальной культуры на основе исторической эволюции. Данная проблематика приобретает значение в контексте возможных межэтнических противоречий, формирующих конфронтационные ситуации.

Еще одно важное обстоятельство — состояние социогуманитарной науки, не располагающей сегодня соответствующим арсеналом идей, концепций и средств. Сама наука нуждается в нестандартных концептуальных основаниях и научно-организационных построениях, технологиях и механизмах деятельности для решения фундаментальных и прикладных задач, глобальных и региональных проблем в системе природа—общество—человек.

Методологические принципы, использование которых в той или иной мере предполагается в исследовательских проектах, обусловлены сложностями синтеза монопредметного знания, необходимостью реализации междисциплинарных исследований и эффективного использования научного знания. Актуализируется проблема финансирования и функционирования механизмов устойчивого и конструктивного взаимодействия науки и практики в рамках и на уровне проблемно-целевой ориентации, систем взаимообусловленного действия, институциональных решений и т. д.

Концепция мироустройства XXI в., согласно материалам Конференции Рио, должна разрабатываться на основе следующих принципов:

- гуманизация всей жизнедеятельности мирового сообщества. Гуманистический вектор должен быть определяющим в реализации интересов как отдельно взятого человека, так и этносов, наций, государств, объединений социально-политического и экономического характера;
- устойчивое развитие предполагает **взаимодействие** человечества (общества) и окружающей среды, а также глобальных, локальных сообществ в социальном, экономическом, культурном аспектах;
- мировое сообщество исключает развитие и прогресс любой ценой и переходит к концепции сбалансированного развития человеческого сообщества и окружающей среды;
- геополитика, сформированная на основе новых целей, ценностей устойчивого развития цивилизации, — исходная база формирования национальных стратегий, планов, политики и технологий. Важно, чтобы программы структурной перестройки не оказывали негативного воздействия на окружающую среду и социальное развитие и в большей степени содействовали целям устойчивого развития [2].

Предложенные Конференцией в Рио концептуальные основания и принципы мироустройства XXI в. можно свести к теоретическому идеалу. Но происходящее осознание последствий глобализации и кризиса цивилизации постепенно проникает в сознание каждого человека, формирует его новое мировоззрение, которое

проявляется, прежде всего, в системе ценностей и идеалах, определяющих цели и ориентиры взаимодействия практически во всех сферах жизни.

Конференция в Рио-де-Жанейро (1992 г.) вскрыла основные противоречия в протекании современных процессов и выработала рекомендации, которые можно (необходимо) использовать при разработке Концепции устойчивого развития. Однако разработка Концепции потребует обоснования целого ряда принципов и фундаментальных теоретических оснований. Прежде всего, разработка Концепции устойчивого развития становится практически невозможной, если нет теоретической концепции общественного идеала, на основе которого можно было бы выстроить цели, ориентиры, индикаторы как общецивилизационного развития, так и развития государств, этносов, индивидов. Общественный идеал может быть выражен системой ценностей. Необходим поиск новых ценностей, их структуры в общественных системах, их системообразующих и целенаправляющих функций. Важно обеспечить разработку «ядра ценностей» устойчивого развития, а следовательно, общезначимых целей и ориентиров, принятых на основе консенсуса как на общепланетарном уровне, так и на уровне организованных сообществ. Этот консенсус возможен, ибо вопросы выживания человеческой цивилизации в ее гуманистическом измерении волнуют все более широкие массы.

Сегодня открытый характер относительно способа и механизмов согласования всеобщих, социально-групповых и индивидуальных интересов и потребностей на гуманно-человеческой основе подтверждает важность задачи переосмысления принципа антропоцентризма, роли новых ценностных составляющих в структурно-функциональных изменениях социоприродных и социальных систем. Разработка Концепции общественного идеала, системы ценностей требует нового прочтения теории социальной справедливости, переосмысления структуры потребностей и разработки важных теоретико-концептуальных и технологических решений.

Устойчивое развитие подразумевает определенный баланс и продолжительность во времени отношений между обществом и окружающей средой, между социальными системами и территориально-государственными сообществами, между обществом и его социальными, экономическими, культурными и т. п. сферами. Это — непрерывное и длительное без социальных потрясений и природных катастроф существование человечества на планете[3]. При устойчивом развитии удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей достигается без лишения такой возможности будущих поколений[4].

Понятие устойчивого развития включает в себя:

- признание того, что *в центре внимания находятся люди*, которые должны иметь право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой;
- *охрана окружающей среды должна стать неотъемлемой компонентой процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него*;
- право на развитие должно реализовываться таким образом, чтобы в равной мере обеспечить удовлетворение потребностей в развитии и сохранении окружающей среды как нынешнего, так и будущих поколений;

• уменьшение разрыва в уровне жизни народов мира, искоренение бедности и нищеты с учетом того обстоятельства, что сегодня на долю трех четвертей населения Земли приходится лишь одна седьмая часть мирового дохода.

Необходимость выработки новых подходов в понимании становления, функционирования и развития системы, которая характеризовалась бы ростом организованности, упорядоченности и устойчивости, предполагает, прежде всего, создание Концепции устойчивого социального развития. Это и составляет основное содержание предмета исследования.

Основная цель, определяющая и научный поиск, и предмет исследования, — это перевод системы общественного развития из кризисного, слабосбалансированного состояния — в устойчивое развитие.

Для этого необходима Комплексная Программа, которая аккумулирует научный поиск в самом широком диапазоне информационно-аналитического накопления, по сути, во всех сферах жизнедеятельности и в различных срезах предметно-проблемной определенности. Разумеется, разработка научно обоснованных концептуальных, технологических и управленческих рекомендаций должна идти в контексте предстоящих, прогнозируемых общих перемен, прокладывать путь этим переменам в своей предметно-проблемной области исследования. Эти общие положения, в зависимости от целей, предметной определенности, фрагментарности исследования, мобилизуются еще не в полном объеме. Но в ряде случаев необходима мобилизация всего комплекса возможностей объединения сил для выработки оптимальных, научно обоснованных решений, о ценностях, целях, стратегиях, технологиях развития. Это происходит тогда, когда исследователи имеют дело с социокультурными сообществами, в которых вся жизнедеятельность происходит в целостном организме. Производственная, социокультурная, политико-управленческая и бытовая деятельность представляет собой неразрывное органическое единство и взаимосвязь элементов жизни. Каждый элемент не может существовать отдельно. Там нет деления, производственная работа и культурные занятия находятся в зависимости одно от другого и представляют органическую целостность.

Главная и сквозная, единственная цель — благосостояние, уровень и образ жизни человека, личности, поскольку он носитель единства общественного и биологического и не может существовать вне социума и природной, окружающей среды. Отсюда, в данном случае, формы организации его жизни, как общественной, так и биологической, должны быть основополагающими для разработки этнополитики, а следовательно, и научно-исследовательских программ опережающего характера. Разработка данной Программы фокусирует внимание на межкультурном взаимодействии, так как в социокультурной сфере, системе ценностей, социальных технологий и норм воспроизводится и потребляется весь спектр нравственности, этнического самосознания и т. п., определяющих, закладывающих уровень самочувствия, соотношения общественного и личного и т. п. Все это «обеспечивает» устойчивость. Предмет исследования данной Программы формулируется как *ценности и социальные технологии устойчивого развития*.

3.2. Ценности меняющегося мира

Главная особенность кризиса, охватившего практически все этносы, регионы и государства, состоит в том, что он проявляется не только во взаимодействии человека и природы, но и во всей системе общественных отношений, во всех сферах человеческой деятельности: экономической, политической, экологической, демографической и др. В попытках его преодоления фактически исчерпаны возможности ориентации на «экономную экономику», «экономическую экологию», «программы нулевого роста», а также на здравый смысл и разум политических лидеров, принимающих решения. Очевидно, что масштаб и глубина общественного кризиса превосходят возможности технологических решений, обращенных скорее к следствиям кризиса, чем к его глубинным источникам и первопричинам. В то же время постепенно нарастает осознание того факта, что в **основе кризиса цивилизации находится сам человек** — и как объект, испытывающий все тяготы внешнего воздействия, и как субъект, организующий и воспроизводящий собственной деятельностью кризисные ситуации в процессе общественного развития.

Человек постоянно наращивает знания и умения, и процесс этот ускоряется, особенно в последние 50 лет. Он служит сущностной основой и предпосылкой производства всего многообразия материальных «продуктов», «вещного мира». Но и идеальное, и материальное в условиях «свободного рынка» отчуждаются от своих производителей и могут быть использованы и фактически используются как во благо, так и во вред самому человеку, обществу, цивилизации и природе.

Возникающие здесь противоречия между позитивными и негативными результатами человеческой деятельности являются **зеркальным отражением противоречия в развитии сознания, мировоззрения самого человека.** Отдельные, но сущностные элементы последних меняются крайне медленно: выступают в качестве довольно устойчивых «социальных архетипов». В частности, сохраняются интересы и цели жизни, характерные для ранних форм сознания и систем ценностей, органично связанных с «выживанием», «борьбой за жизненное пространство» и т. д. Не случайно цели и ценностные основания «горячих» и «холодных войн», современных этнических противоречий и противостояний, местных и региональных конфликтов и т. д. находят выражение в концепциях «жизненного пространства», «национальных интересов» и т. п.; появляются новые экономические механизмы, поддерживающие эксплуатацию одних народов другими. Значительная часть принципиально новых научных, технологических решений, огромная человеческая энергия, ресурсы земли тратятся на наращивание и совершенствование вооружений.

Следует констатировать, что характер социальных целей и ориентиров человека определяется сегодня системой ценностей, сложившейся преимущественно в индустриальный период, и зависит от индустриальных структур и институтов, превращающих человека в средство их собственного воспроизводства. Система ценностей индустриальной культуры фактически задает идентификацию человека с той или иной государственно-территориальной, корпоративно-экономичес-

кой, социальной, национально-этнической группой. Здесь легко обнаружить главную цель объединения в подобные группы, истоки которого лежат в исторически исходной природно-биологической потребности выживания определенного сообщества, индивида и связаны с защитой территории и групповых интересов, часто «любой ценой».

Необходимо также отметить, что и в области современных политических решений, в том числе направленных на обеспечение прав человека и реализацию демократических принципов свободы и справедливости, можно обнаружить тенденцию действовать исключительно ради корыстных целей лидеров, локальных общественных групп. Корпоративные интересы и цели, проводимые в жизнь формируемыми для этого институтами, поглощают человека как главную ценность, задают ему противоестественную «парадигму жизни». Они как бы «приватизируют» человека, навязывают ему свою систему ценностей и в результате закладывают противоречия в систему человек—группа—общество. В условиях столкновения интересов групп, определяемого указанными установками и противоречиями, корпоративными целями и интересами, **неизбежным итогом становится неустойчивость развития общества, этносов и самого человека.**

Но если кризис цивилизации связан с кризисом человека, его сознанием и мировоззрением, явно отстающими от своих исторических возможностей, то выход общества из режима неустойчивого развития также связан с изменением типа личности, формированием новых уровней ее субъективных качеств, осознанием, что человек, будучи главным элементом ноосферы, является основной ценностью. В этом аспекте формирования нового типа личности предполагается смена всей системы ценностей, сложившейся в индустриальный период, выделение в качестве системообразующего фактора ценности человеческого существования, формирование механизмов самореализации личности, ее самоидентификации в структуре гармонизированных отношений внутри сообщества, между сообществами и с окружающей средой. Ценностная доминанта жизни, система нравственных координат, ясные цели и ценности становятся для человека определяющими и значимыми факторами.

В разных обществах на различных этапах их развития идет непрерывная смена ценностей в эволюционном режиме, но на переломных этапах — происходит тотальная как по масштабу, так и по содержанию смена ценностных систем другими. Именно в такой период, очевидно, вступил мир сегодня, и в этих условиях необходимо переосмысление ценностей общественного развития как в системе общество—природа, так и во всем механизме общественных взаимодействий.

Системообразующее и целенаправляющее значение ценностей в общественном развитии представляется несомненным, заслуживающим специального рассмотрения.

Современное общество впервые начинает серьезно осознавать земную цивилизацию в ее системной целостности. Но чтобы понять и определить цели и характер динамических сдвигов в такой общности, как цивилизация и какое-либо локальное сообщество в его целостности, недостаточно представления об отдель-

ных сферах социальной деятельности. Простое перечисление составных частей, даже взятых в совокупности, не приведет к пониманию целого, ибо между частями целого, представляющего собой систему, существует универсальная органическая связь, взаимодействие. И здесь возникает вопрос, может ли ценность выполнять системообразующую функцию в отношении целого, т. е. интегрировать (или существенно способствовать интеграции) составляющие элементы в системную целостность и целенаправлять ее развитие?

Для ответа на данный вопрос существенно важно зафиксировать социальный «статус» ценности, характер и особенности ее функционирования в социальном организме. Не проводя в данной статье анализа различных точек зрения, укажем, что в целом ряде работ, в том числе отечественных философов (В.П. Тугаринов, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, И.М. Попова, О.Г. Дробницкий и др.), в понятие ценности включалась, с одной стороны, оценка субъектом предметов и явлений, с другой — их объективное значение в определенных условиях. Иначе говоря, согласно этой точке зрения, те или иные предметы, явления имеют определенные свойства, которые не зависят от того, кто их оценивает. Но эти свойства проявляются в результате деятельности человека, в процессе удовлетворения потребностей, а значит, приобретают характер ценностей.

Итак, отвечая на поставленный вопрос, следует констатировать, что ценность включает: объективные свойства предмета (явления); оценку как субъективную ориентацию человека на эти свойства; потребность, которую можно удовлетворить; деятельность человека. Ценность при этом выполняет интегрирующую роль, выступает как системообразующий фактор, обеспечивающий взаимосвязь различных структурных элементов в единой целостной системе «жизни». Она выполняет и целенаправляющую функцию, определяя цели деятельности, а следовательно, и вектор развития общества.

Следующий вопрос, на который необходимо ответить, связан с многообразием ценностей. Возможно ли упорядочение их в единую систему? Очевидно, что только в системном единстве ценности могут выполнять свою интегрирующую и целенаправляющую функции. Задача упорядочения ценностей вытекает из соотнесенности ценности с элементами жизнедеятельности в общецивилизационной системе. При этом ценности, интегрируя отдельные элементы жизнедеятельности, направляя их, сами находятся во взаимодействии и, в конечном итоге, определяют связанность этих элементов, а значит, движения общества в режиме ценностно обусловленного развития. Таким образом, происходит объединение ценностей в систему, которая, в конечном счете, определяет все общественное развитие: его цели, характер, технологии реализации интересов и потребностей общества.

Другая задача связана с субординацией ценностей по элементам жизнедеятельности. Осознание целостности земной цивилизации предполагает упорядочение элементов этой целостности, определение их субординационных и координационных связей. Очевидно, в системе детерминаций одни элементы составляют основу, другие являются производными, т. е. базисные ценности, как правило, определяют все другие.

Ценности как система транслируются культурой, «живут» в ней и усваиваются индивидом, как через непосредственное социальное окружение, так и через общение индивида со всем культурным многообразием. Будучи сложным социальным феноменом, они субординированы и их можно ранжировать (хотя и условно) на «базовые» и «иные». «Базовые» ценности, как правило, продуцируют цели, нормы, ориентиры в области экономических отношений, «иные» — в области социальных отношений, духовного производства, потребления и т. д. Изменение базовых ценностей почти автоматически ведет к изменению всех других ценностей. Это особенно заметно в переломные периоды истории, при радикальном реформировании общества.

В условиях современного социально-экономического устройства мирового сообщества собственно гуманистические ценности, ценности социокультурного пространства далеко не всегда являются приоритетными и целенаправляющими движение. Чаще всего развитие общества по-прежнему происходит на основе «материальных», «индустриальных» ценностей, связанных с природно-биологическим пространством, т. е. с проблемой физического выживания.

Генезис этих ценностей восходит к древнему человеку, племени, когда «моя территория», «моя ойкумена» обеспечивала его выживание. Это наблюдается и в животном мире, где природный отбор лучших особей обеспечивает дальнейшее развитие. И хотя подобный отбор имеет естественный характер, он может в определенном смысле трактоваться как борьба за выживание.

В обществе эта борьба связана с эгоистическими интересами отдельных групп. Сегодня «мое», «частная собственность», «прибыль любой ценой» и т. д. определяют приоритеты в базисной системе ценностей, которые, в свою очередь, детерминируют все другие ценности.

Именно такое мировоззрение порождает и поддерживает состояние «переходной несбалансированности», выражающейся в стремлении к росту любой ценой по отношению к окружающей среде. Именно неустойчивое развитие обеспечило богатство и относительный комфорт населению развитых стран. Естественно, что в этих странах мировоззрение, так или иначе оправдывающее и поддерживающее несбалансированное развитие, стало почти общепринятым. Именно здесь по-прежнему доминирует либеральная система ценностей, базирующаяся на «свободе частной собственности» и «свободе предпринимательства». Эта «свобода», фактически возведенная в абсолютную ценность, не ограничена или слабо ограничена социокультурными и общечеловеческими ценностями и сегодня фактически выигрывает очередной раунд в «соревновании» с гуманистическими ценностями.

Однако усугубляющийся кризис развитых обществ говорит о том, что ценности частной собственности и свободы предпринимательства, сыгравшие в истории развития цивилизаций положительную роль за счет активизации деятельности человека, сегодня уже не могут быть ориентирами для устойчивого развития. Заложенная в них исходная парадигма лежит в русле экономики потребления, а не в пространстве социокультуры. И хотя многие государства достигли определенных успехов в ограничении «свободы предпринимательства», «прибыли любой

ценой», проблема остается, поскольку остается, пусть и модифицированная, система базисных ценностей общества.

Устойчивое развитие всех народов, составляющих человечество, поддержание пригодных для жизни глобальных условий окружающей среды становится невозможным при сохранении в геополитике существующего ныне ядра ценностей. И какие бы военно-силовые и экономические новации ни изобретались, большинство человечества, остающееся в бедности, пытается найти справедливый, с их точки зрения, выход, соответствующую этому выходу систему ценностей.

Здесь возникает новый вопрос. Возможно ли заменить ценностные ориентации на выживание любой ценой, отражающие биологическую природу человека, на ценности духовно-нравственного порядка? Человек не рождается с готовыми духовными, нравственными ценностями, но он, очевидно, рождается с «присваивающим» инстинктом, генетически закрепленным природой и обеспечивающим его проживание. Духовно-нравственные ценности формируются в процессе социализации человека. Следовательно, все зависит от социальной среды, окружения, политики и практики организации жизнедеятельности, в том числе и от сложившихся механизмов социализации человека. В этом трудность перехода на новую систему ценностей на уровне индивида.

На уровне общества, государства переход на новую систему ценностей не менее сложен, поскольку каждая территориальная, этническая общность обычно исходит из того же принципа выживания. Выход за рамки своей ойкумены на позиции необходимости выживания всего человечества и за счет развития всего человечества потребует изменения всей системы ценностей: от «моего» — к «нашему», от индивидуализма — к коллективизму, от умения выжить в «своей» группе — к умению жить рядом с другими на земле. К сожалению, есть много причин, затрудняющих формирование и реализацию аксиологической модели, корни которой лежат не в экономике потребления, а в духовной культуре.

По мнению некоторых исследователей, «постиндустриальная», так сказать, «зеленая» система ценностей в Европе имеет до 50 % удельного веса и тенденцию к дальнейшему росту. Но эта тенденция не наблюдается в России. Наоборот, следует констатировать, что в реформируемой России процесс идет в другом направлении — к потере собственно человеческих, «зеленых» ценностей и внедрению в массовое сознание «материалистических», «индустриальных» ценностей.

Выбор новой системы ценностей, основами которой станут единство благополучия общества и личности, устойчивое и прогрессирующее развитие России, — шаг цивилизационного масштаба, имеющий значение не только для самой России, но и для мирового сообщества. Общецивилизационный кризис станет необратимым, если Россия позволит себе принять рыночную систему ценностей, встраиваясь в мировую экономику, некритически заимствуя институты западной демократии. Важен поиск Россией своих ценностных ориентиров, в полной мере учитывающих ее культурно-категориальные особенности, вековые традиции, накопленный опыт взаимодействия с позитивными системами ценностей иных

культур. Лишь тогда будет возможно обеспечить гармоничное устойчивое развитие российского общества.

Как видим, переход на новую систему ценностей, обеспечивающий устойчивость и сбалансированность развития, — задача трудная. Но, учитывая характер кризиса современной цивилизации, особенности кризиса в России, эта задача может и должна быть разрешена. Ориентация на переструктурирование научно-технического прогресса, на высокопроизводительные и вместе с тем безотходные технологии важна, но она автоматически не приведет к успеху, если у общества не будет стимулов, побуждающих к разработке таких технологий, если не будет системы новых ценностных ориентаций.

Человечеству как виду должно осознать, что оно лишь часть природы. Само его существование зависит от способности черпать ресурсы из конечного природного мира. Продолжение человеческого рода **зависит от его способности воздерживаться от разрушения природных систем, лежащих в основе воспроизводства общества.** Это положение является главным, и человечество за последние 50 лет на основе научно-технических достижений создало необходимую базу для новой парадигмы своего развития.

Новая система ценностей, новое мировоззрение (о чем свидетельствует политическая, экономическая и экологическая реальность) могут быть приняты только тогда, когда они будут служить интересам большинства людей и организаций. Для этого необходимо выполнение трех условий. Во-первых, нужно сформировать и принять общецивилизационное ядро ценностей, соответствующее концепции устойчивой, сбалансированной экономики и политики. Во-вторых, должны появиться стимулы, поддерживающие новые ценности. В-третьих, необходимо создать институты, которые бы эффективно применяли эти стимулы и санкции. Трудности выполнения этих условий возрастают по мере их перечисления, потому что просто принять новую систему ценностей хотя и необходимо, но еще не достаточно для того, чтобы произвести требуемые перемены в сознании людей. Даже если новые ценности провозглашены, соответствующие стимулы и институты либо не адекватны, либо вообще еще не существуют.

Поэтому представляется актуальной разработка новых ценностей и реализация ее через соответствующие механизмы и институты в зависимости от политических, экономических, социальных, а также национальных особенностей и обстоятельств. Но в любом случае ключевым моментом является то, что ядро новой системы ценностей должно находиться в социокультурном пространстве в духовно-нравственной сфере, а не в сфере финансово-экономических отношений и рыночных критериев.

Все вышесказанное предполагает в качестве исходного условия усиление рефлексии общества по поводу системы ценностей; развитие связанной с этим специализированной деятельности; экстренное расширение исследований в области аксиологии; введение в поле аксиологического анализа философско-социологической, экономической, правовой проблематики.

3.3. Социальные технологии. Взаимодействие науки и социального управления

Качественная новизна предлагаемой для исследования проблематики и ее масштабность предполагают разработку нового понятийного аппарата, эвристического методологического анализа: выработку новых теоретических схем и представлений; проведение широких репрезентативных эмпирических исследований, а также создание нестандартных концептуальных оснований научной деятельности в плане решения как фундаментальных, так и прикладных задач. В условиях набирающих силу как глобальных, так и регионально-национальных реформ в этом ощущается острая необходимость, требующая опоры на новую систему взаимодействия науки и управления.

Разумеется, цель науки — производство нового знания. Но как форма общественного сознания она находится в нерасторжимой связи с политикой, экономикой, материальным производством, сферой образования, культурой, искусством, традициями и другими формами общественного бытия и сознания. Они существенными связями пронизывают и ориентируют научную деятельность, оказывают самое непосредственное воздействие на ее мотивы, организацию, применение ее результатов и т. п. Сегодня в науке все большую роль играют (или должны играть) не только познавательные, но и технологические решения.

Трудность перехода к устойчивому развитию не сводится только к определению системы ценностей, целей, ориентиров движения, она состоит в организации самого движения, а следовательно, в разработке специальных социальных технологий, которые служили бы основаниями для перевода различных социальных процессов и явлений из сегодняшнего состояния — в прогнозируемое будущее. Социальные технологии — это то звено, которое логически организует движение из одного состояния в другое, придает логику и целостность исследованию от начала познания до конечного преобразования.

В настоящее время наметилось и постоянно крепнет в общественном мнении гуманитариев утверждение приоритета ценностей научной деятельности, связанных непосредственно с решением назревших общественных проблем, использованием своего потенциала в интересах развития человека и общества. Но хотя наука не находится в абсолютной изоляции от проблем власти, политики, от происходящих общественных перемен и катаклизмов, ее чрезмерная политизация означала бы превращение науки в инструмент проведения той или иной политической линии, которая в своих основаниях может оказаться неперспективной. Поиск интегративных механизмов сопровождается переходом науки от инициативных исследований — к заказным. При этом актуализируется деятельность науки в решении практических задач, усиливается роль социального заказа. Наряду с этим возможны и частные аппаратные заказы, исполнение которых не связывается с целостным процессом, а подчинено сиюминутным потребностям управления. С целью преодоления подобных издержек предлагаются методология и методика интеграции науки и управления на основе принципиальной схемы взаимодейс-

твия (рис. 3.1); единства технологии деятельности; единства механизма отслеживания реализации моделей на основе мониторинга.

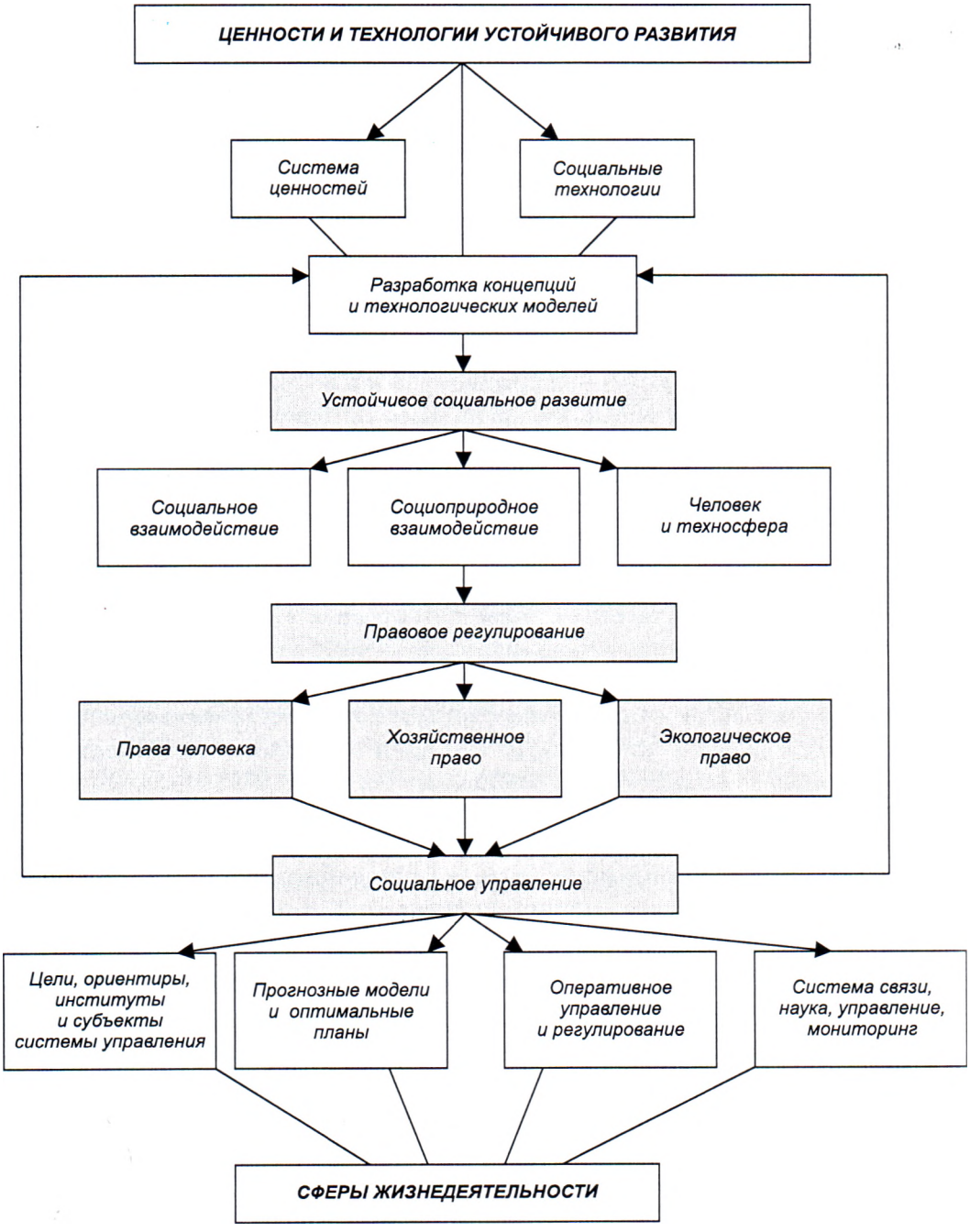

Рис. 3.1. Ценности и социальные технологии в системе исследований устойчивого развития.

Логическое развитие процесса интеграции представлено на трех уровнях:

- теоретическая разработка концепций, моделей, технологий перевода процесса из одного состояния в прогнозное иное;
- правовое обеспечение и правовое нормативное регулирование;
- социальное управление, формирующее цели, ориентиры, институты и субъекты системы управления; оптимальные планы; оперативное управление и т. п.

Здесь, как видим, речь идет не о разовых заказах науке, а о единстве и логической последовательности в процессе деятельности науки и управления. К сожалению, до сих пор эта схема работает в перевернутом виде: управление генерирует концепции, модели, правовые нормы закрепляют их, а на долю общественной науки зачастую остается интерпретация. Продекларированный перевод на программно-целевую организацию исследований пока остается только пожеланием.

Необходимо *единство деятельности науки и управления на уровне социальной технологии.* Поставленная задача перевода слабосбалансированного общества в состояние устойчивого развития с очевидностью требует не только видения необходимого прогнозного состояния развития, не только определения основных целей, но и возможности использования совокупности приемов, методов, форм воздействия, которые необходимы для достижения поставленной цели.

Вся совокупность средств, необходимых и достаточных для перевода социального процесса, явления из одного состояния в другое, прогнозное, и составляет понятие *социальная технология.* Такое понимание социальной технологии требует анализа с точки зрения придания обществоведению определенной системы действий для реализации теоретических представлений, законов, выводов в практических целях[5].

В практическом плане разработка и реализация социальных технологий перевода социальных процессов и явлений из одного состояния в другое осложнена рядом оснований и обусловливает поиск научно-технологических, а в ряде случаев и политических решений.

Представление о социальных технологиях во многом базируется на аналогии с естественнонаучными, промышленными, инженерными технологиями, в частности, на необходимости прохождения определенной дистанции от старта до финиша, выбора «операциональных узлов», инструмента, метода и т. д. В социальной технологии в качестве операциональных узлов могут выступать: познание — моделирование реального процесса, разработка и выбор прогнозных моделей — плановое и правовое регулирование реализации прогнозной модели, оперативное управление — мониторинг и коррекция реализации социальной технологии.

Разработка такой «технологической цепочки» предполагает:

- выход обществознания (социальных наук) на такую стадию познания, на которой анализ состояния является только началом научной деятельности и проходит еще ряд стадий на пути к конечному результату;
- перевод процесса анализа из линейно-описательного в системный, который предполагает выделение элементов целого, их субординационных и координационных связей, а также связи с внешней средой;

• моделирование прогнозного состояния в соответствии с общими и особенными компонентами системы ценностей, целями и ориентирами предполагаемого изменения;

• выбор прогнозной модели в качестве основы планирования, правового регулирования и оперативного управления;

• определение возможных деформаций под воздействием других социальных процессов более сложной системы.

Эту «технологическую цепочку» проходит и социальное управление в своей практической деятельности, что и обеспечивает возможность интеграции науки и управления в процессе рабочей технологии.

Механизм отслеживания и реализации модели. Социальная технология очень чувствительна ко времени. Если в промышленной или инженерной технологии можно остановить технологическую линию или возобновить ее, то в социальной технологии реальные условия, модель реального процесса будут со временем изменены, что приведет к существенной перестройке всей технологической цепочки. К тому же изменится характер внешнего воздействия. В этом отношении социальные технологии менее устойчивы и требуют постоянной коррекции. Критический анализ результатов социальной технологии в их практическом применении и «починка технологической линии» составляют особую социальную деятельность — социальную инженерию. Сопровождение во времени практических результатов социальной технологии преследует и цели определения степени эффективности новых экономических, политических и других воздействий на протекание данного процесса или их непредвиденные, побочные «шумы» в других сферах человеческой деятельности.

Таким образом, разработка социальных технологий диктуется необходимостью перевода реального процесса, явления из одного состояния в другое в соответствии с целями и ценностными ориентирами; регулирования развития процесса. Самая оптимальная социальная технология не может гарантировать линейно-поступательного движения. Под воздействием трудноучитываемых изменяющихся внешних факторов происходит деформация процесса. В рамках социальной инженерии необходимо определить субъект, уровни деформирующего воздействия и удержать развитие процесса в устойчивом состоянии в пределах «коридора», определяемого ценностными и другими ориентирами.

В разработке социальных технологий должен быть реализован принцип многовариантности. Альтернативное предложение позволит более полно оценить возможность реализации побочных, часто не предусмотренных последствий.

Социальная роль науки. В нашей отечественной практике гуманитарные науки практически исключались из процесса разработки социальных технологий. Этот процесс обслуживал аппарат политического и государственного управления. Поэтому опыта теоретической разработки и практики реализации социальных технологий практически мало.

В области теории необходимо ответить на вопрос: возможна ли социальная технология в концепции исторического материализма? В концепции К. Поппера

противопоставляются «частичная» и «холистская» социальные технологии. «Историцисты», представляющие «холистское» направление, по мнению К. Поппера, исповедуют «такой подход к социальным наукам, согласно которому принципиальной целью этих наук является *историческое предсказание*...»[6], т. е. они выступают в защиту исторического *пророчества* — пророчества социального, политического или институционального развития — и против социальной инженерии как практической цели социальных наук.

Вряд ли следует согласиться, что в самой доктрине исторического материализма (методология которого не сводится к революционным социальным изменениям) заложено неприятие социальной инженерии. Яркий пример этому — «Капитал» К. Маркса, в котором анализируется явление и дается его прогнозное видение на уровне «социальной технологии». Другое дело — практическое использование историцизма, дававшее повод для такого рода толкований. Разработка социальных технологий, социальной инженерии осталась вне научной сферы интересов. Общие предсказания и пророчества не транслировались в социальные прогнозы, образующие основу социальной инженерии.

Необходимо отметить целый ряд важных теоретических предположений, сделанных К. Поппером в концепции «частичной» социальной технологии, которые, безусловно, могут быть положены в основу дальнейшей теоретической разработки. Это «активистское» отношение к социальному порядку; проектирование новых социальных институтов, их перестройка и управление ими с функциональной (а не организационной) точки зрения; использование всех технологических знаний для достижения цели; интерпретация теорий и их операционализация по стандартам ясности и проверяемости на практике и др.

Вместе с тем представляется необходимым критический анализ основополагающего тезиса о цели социальной технологии, цели деятельности социального инженера. Вынесение конечной цели за пределы технологии, абсолютизация иллюзорности метода полного переустройства общества исключают из практики социальной инженерии следование общечеловеческим, общекультурным ориентирам и ценностям, не позволяют увязывать цели своей деятельности с общими целями. В этом случае деятельность ученого может быть сведена к инструментальной технологии, результаты которой будут значимы для него на уровне операциональных, внутритехнологических решений и инертны к последствиям внешних воздействий этой технологии. Такие ориентиры как устойчивое развитие, влияние на природу, на социальное окружение и т. п. останутся незначимыми.

Суть научной деятельности любого ученого, в том числе представителя естественных, технических и других несоциальных наук, не может, очевидно, ограничиваться «частичной» технологией на уровне целей, ценностей, способов самого процесса познания, но должна выходить на уровень непознавательных ценностей. Другими словами, социальная роль ученого, проявляющаяся в процессе познания, должна активно продолжаться и в процессе реализации научного результата в интересах человека и общества. А это предполагает необходимость объединения всей науки в единый социальный организм, который будет не только

генерировать идеи, но и вырабатывать конструкции и т. п., оставаясь «непосредственной производительной силой», обеспечивающей научно-технический прогресс. Наука в целом должна более активно выступать в качестве особого социального организма общества, обеспечивающего не только технический, но и социальный прогресс, т. е. выполнять, кроме познавательной функции, функцию гуманитарную, занимать активную гражданскую позицию.

Гуманизация научной деятельности ученого любого направления, гуманитаризация деятельности научного сообщества как единого социального организма общества приобретают исключительное значение как в формировании систем ценностей, так и в разработке и реализации оптимальных социальных технологий, способствующих устойчивому развитию. В этом гражданская и научная позиция, которая обеспечит формирование новой парадигмы науки и ее целенаправление на ориентиры гуманистических ценностей в социокультурном пространстве развития.

3.4. Методолого-организационные принципы (подходы) программно-целевого исследования

Выделенный предмет исследования «Ценности и социальные технологии устойчивого развития» можно дифференцировать на первом уровне на два крупных блока (подпрограммы): система ценностей, социальные технологии, а также выделить еще два блока — место науки и социального управления (см. рис. 3.1).

Наука должна более активно, наряду с познавательной функцией, реализовывать и преобразовательную функцию. Целеполагание научной деятельности должно быть более гуманизированно, т. е. наука как особый социальный организм должна иметь единую для себя систему ценностей, в которой есть общекультурное, общецивилизованное «ядро» и свои, присущие научной деятельности, ценности. Обществоведческие научные парадигмы, мировоззренческие основы предписывают исследователям расчленять сложные системы, объекты и процессы на более простые и анализировать их на уровне линейных изменений. Однако мир не линеен, и его составляющие находятся во взаимосвязи. Ограниченные возможности такого подхода особенно опасны в исследованиях динамики при прогнозном представлении и моделировании.

Разработка предмета исследования данной программы невозможна в рамках линейного анализа. Для гуманитарных наук необходим переход на новую технологию познания, включающую не только описательный анализ, но и системное представление модели состояния, концепции развития процесса, прогнозной модели механизмов реализации и т. п. Все это обусловливает необходимость включения в предмет исследования науки как особого социального организма, реорганизация и модернизация которого позволяет решить поставленную программой проблему.

Система ценностей и социальных технологий становится организующей и направляющей исследования жизнедеятельности (рис. 3.2).

Предлагаемая Программа «Ценности и технологии устойчивого развития» реализуется через исследовательские проекты, каждый из которых должен иметь го-

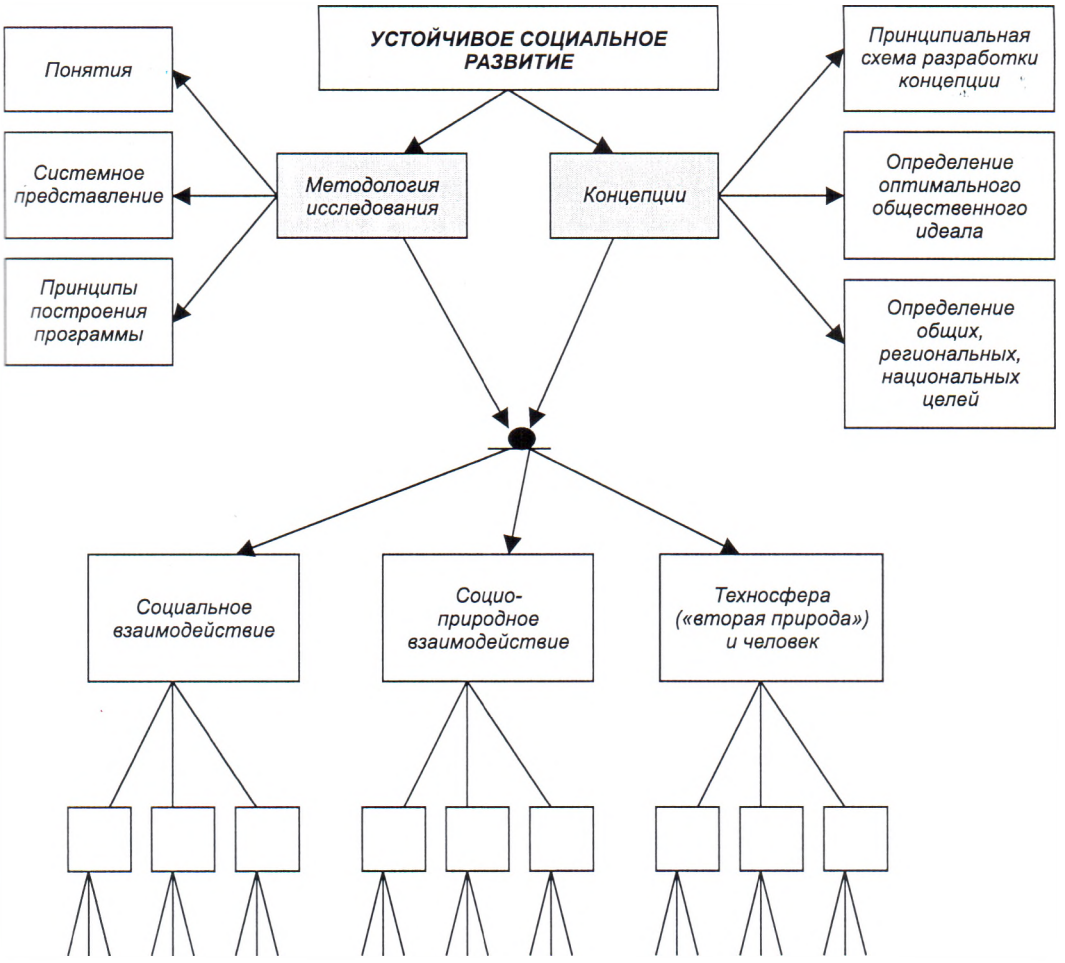

Рис.3.2. Предмет исследования «устойчивое социальное развитие».

ловную организацию, а также структуру тем, блоков и проблем. Программа состоит из трех блоков:

- логико-методологического, в котором на основе анализа проблемной ситуации формулируется предмет исследования, предлагается интерпретация его составляющих, характеризуется объект, ставятся цели, задачи и т. д.;
- методолого-организационного — определяющего интеграцию наук и социального управления;
- исследовательских проектов, заданий на исследование.

Структура программы «Ценности и технологии устойчивого развития»:

1. Предисловие (введение).
2. Проблемная ситуация. Обоснование выбора и формулировка предмета и объекта исследования.
3. Основные методологические принципы, цели и задачи исследования.
4. Структура (интерпретация) предмета и объекта исследования.
5. Организация исследовательского процесса:

- дифференциация и интеграция исследовательских проектов, блок-программ, тем;
- выделение базовых, головных организаций, ответственных руководителей подпрограмм, блок-программ, интеграционных, тематических, поисковых и исследовательских проектов;
- формирование кадрового потенциала и распределение его в соответствии со структурой исследования.

6. Принципы и источники финансирования.
7. Формирование план-задания и итогов научной деятельности по программе.
8. Управление программой.

Предмет исследования данной программы определяется противоречивым характером слабосбалансированного общественного развития на всех уровнях взаимодействия: общество — природа, государственно-территориальные сообщества, этносы и индивиды. Как было показано выше, это ведет к разрастанию кризиса, что требует коренной реформации практически всех сфер человеческой жизнедеятельности. Основная цель, определяющая и научный поиск, и предмет исследования, — это перевод системы общественного развития из кризисного, слабосбалансированного состояния — в устойчивое развитие.

Одним из главных принципов организации комплексных, интеграционных, социогуманитарных исследований следует выделить принцип целенаправления работы коллективов на реализацию системного анализа. Набор элементов, необходимых и достаточных, их взаимодействие субординационного и координационного характера для понимания и анализа процесса, явления в их целостности. Причем анализ состояния, даже если он проводится на основе системного подхода, не будет полным без учета и предварительного анализа эволюции прошлого, установления закономерностей и уровней эффективности их использования, характера концептуальных и технологических ошибок. Надежно определить цели и стратегию будущего можно только на этой основе. Без основательного, на основе глубокого анализа понимания прошлого можно вновь и вновь делать ошибки, продолжать констатацию негативных явлений и на этой основе занимать протестную нишу популизма и примитивизма научных рекомендаций.

Разумеется, разработка научно обоснованных концептуальных, социотехнологических и управленческих рекомендаций должна идти в контексте предстоящих, прогнозируемых общих перемен, прокладывать путь этим переменам в своей предметно-проблемной области исследования. Эти общие положения, в зависимости от целей, предметной определенности, фрагментарности иссле-

дования, мобилизуются еще не в полном объеме. Но в ряде случаев необходима мобилизация всего комплекса возможностей объединения сил для выработки оптимальных, научно обоснованных решений о ценностях, целях, стратегиях, технологиях развития. Это происходит тогда, когда исследователи имеют дело с социокультурными сообществами, в которых вся жизнедеятельность происходит в целостном организме. Производственная, социокультурная, политико-управленческая и бытовая деятельность представляет собой неразрывное органическое единство и взаимосвязь элементов жизни. Никакой элемент не может существовать отдельно. Там нет деления на производственную работу и культурные занятия, одно от другого находится в зависимости, и элементы представляют органическую целостность.

При разработке данной программы, как очевидно, следует фокусировать внимание на межкультурном взаимодействии, так как в социокультурной сфере, системе ценностей, социальных технологий и норм воспроизводится и потребляется весь спектр нравственности, этнического самосознания и т. п., определяющих, закладывающих уровень самочувствия, соотношения общественного и личного и т. п. Все это должно «обеспечивать» устойчивость как личности, так и общества.

Общественный идеал может быть сформирован на основе принятой системы ценностей. Очевидно, необходим поиск новых ценностей, принятых в общественных системах, их системообразующих и целенаправляющих функций развития человека и общества. Важно обеспечить разработку «ядра ценностей» устойчивого развития и на этой основе общезначимых целей и ориентиров, принятых на основе консенсуса как на общепланетарном уровне, так и на уровне организованных сообществ.

Сегодня открытый характер предложений на многих общечеловеческих форумах относительно способа и механизмов согласования всеобщих, социально-групповых и индивидуальных интересов и потребностей на гуманно-человеческой основе подтверждает важность задачи переосмысления принципа антропоцентризма, роли новых ценностных составляющих в структурно-функциональных изменениях социоприродных и социальных систем. Разработка Концепции общественного идеала, системы ценностей требует нового прочтения теории социальной справедливости, переосмысления структуры потребностей и разработки других важных теоретико-концептуальных решений.

Система ценностей (интерпретация предмета исследований)

Рисунок 3.1 дает представление как о месте предмета системы ценностей, так и о структуре механизма взаимодействия общественных наук и социального управления. Особое место отводится разработке системы ценностей и социальных технологий, которые как бы начинают и определяют все последующие фазы деятельности, включая разработку концепций, правовое регулирование, социальное управление.

Определив место ценностей в предмете исследования, где ценности выступают как **системные элементы общественного идеала,** необходимо разработать

структуру и сущностное представление о ценностях, их субординационную и координационную связь и т. п. Однако для этого необходимо фактически заново сформулировать целый ряд понятий и концептуальных положений. Так, например, нового прочтения потребует **теория социальной справедливости**. К сожалению, при реализации определенных принципов справедливости в реальной действительности России в отечественной науке теоретических разработок практически недостаточно. Активизация исследований проблем равенства и справедливости в конце 60-х — начале 70-х годов в США (Д. Роулс, Д. Белла и др.) не была замечена широкой научной общественностью нашей страны, не разработана и концепция общественных и личных потребностей[7]. Этот ряд можно продолжать, что указывает на трудности разработки многих аспектов системы ценностей.

На рис. 3.3 дается представление о структуре предмета исследования «система ценностей».

Разумеется, это лишь один из возможных подходов, позволяющий дифференцировать предмет, предоставив исследователям выделить «свои» элементы с предполагаемой интеграцией в интересах целостного представления. В данном тексте интерпретация предмета проведена до второго уровня. Необходимо провести более глубокую дифференциацию хотя бы до пятого—шестого уровня. Набор элементов, необходимых и достаточных, их взаимодействие субординационного характера позволяют исследовать и целенаправить работу коллектива и провести анализ явления в его целостности.

Подпрограмма «Социальные технологии» дифференцируется по несколько иному основанию. Предполагается выделить элементы не по содержанию исследуемого процесса или явления, как это сделано в двух блоках, а по методолого-технологическому основанию, т. е. отметить, какие элементы в исследовании необходимо предусматривать, чтобы анализировать тот или иной процесс при переходе из первоначального состояния в прогнозное будущее. Выстроенная таким образом технологическая линия позволит исследовать любой процесс или явление в определенно-заданной логике. Это идентифицирует исследования любого процесса и позволяет вести сопоставление и сравнение, а в необходимых случаях и соединение. В исследовательских проектах, когда предмет того или иного процесса необходимо структурировать на содержательные элементы, подобная схема будет выполнять методологическую функцию. Исследования конкретного процесса определяются целью всей программы. Интерпретация предмета исследования «Социальные технологии» может быть представлена по следующим основаниям (рис. 3.4).

Эту «технологическую цепочку» проходит и социальное управление в своей практической деятельности, что и обеспечивает возможность интеграции научного исследования и социального управления в рабочей технологии.

Самая оптимальная социальная технология не может гарантировать намеченное линейное поступательное движение.

Под воздействием трудноучитываемых изменяющихся внешних условий и внутренних факторов происходит деформация намеченных процессов развития в устойчивом состоянии в пределах «коридора». Необходимо корректирую-

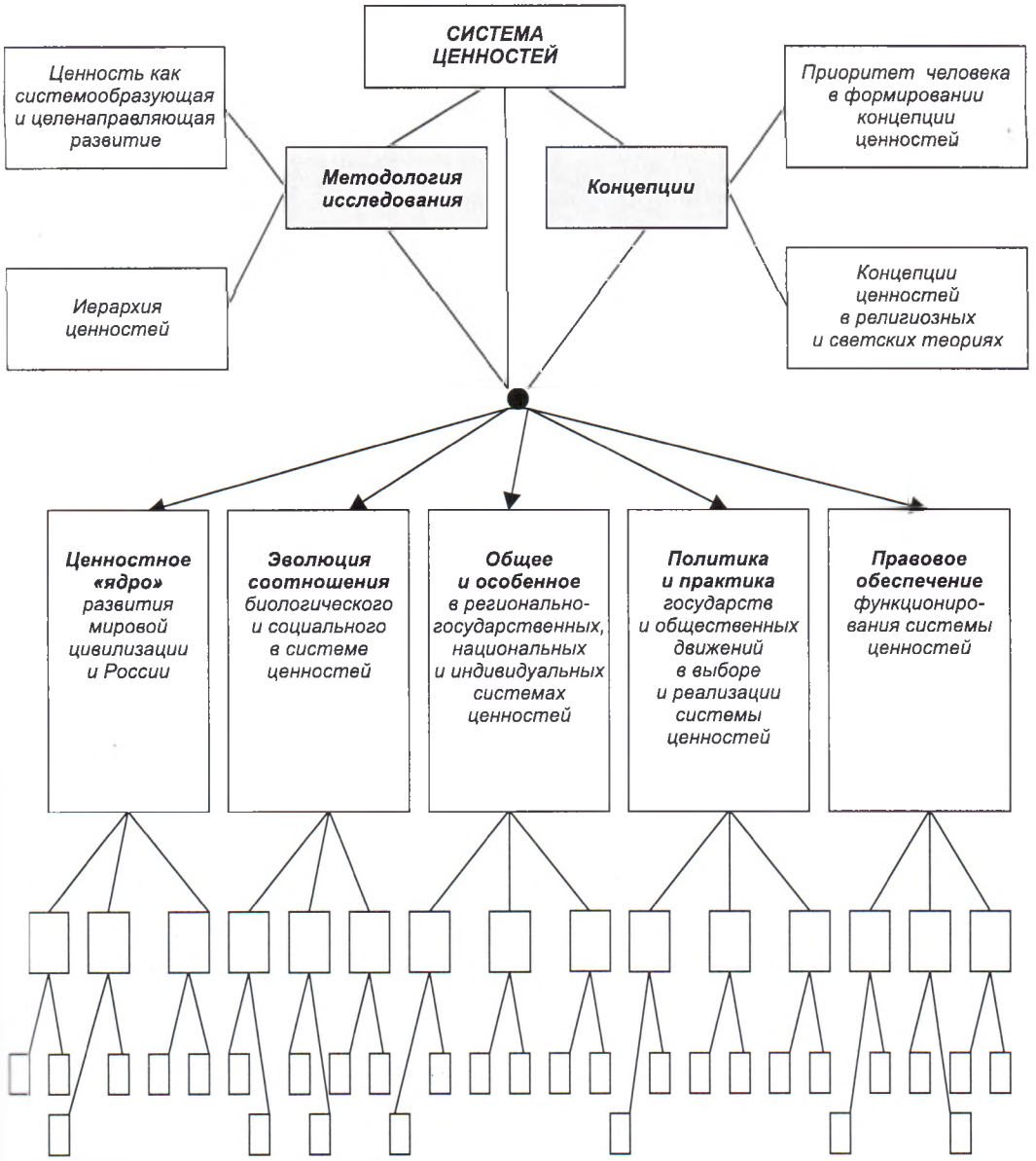

Рис.3.3. Предмет исследования «система ценностей».

щее воздействие в режиме мониторинга. Сопровождение во времени преследует и цели определения степени эффективности заложенных экономических, политических и других факторов.

В разработке социальных технологий должен быть реализован принцип многовариантности. Альтернативное предложение позволит полнее оценить возможности реализации побочных, часто не предусмотренных последствий.

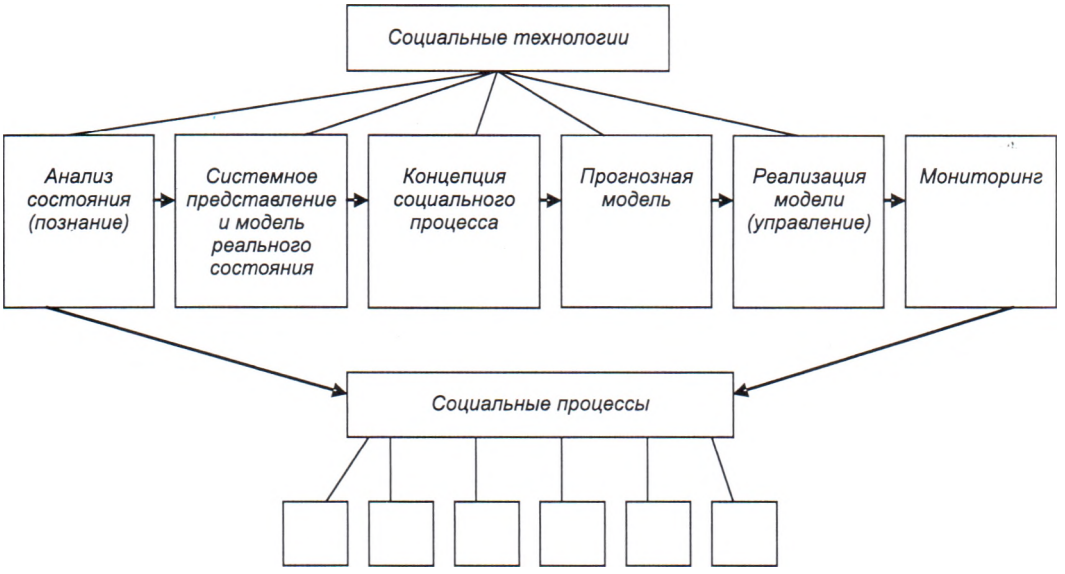

Рис.3.4. Предмет исследования «социальные технологии».

Программно-целевое исследование предполагает организацию научного коллектива, целенаправление его деятельности на основе системного анализа и, следовательно, комплексного характера работы.

Принцип системности предопределяет изучение проблемы как системной целостности, включает ее генезис и прогноз путей формирования нового качественного состояния. Необходимо включить в систему совокупность компонентов в их качественной определенности и органической взаимосвязи субординационного и координационного характера, активного взаимодействия внешних и внутренних элементов.

Необходимо сформировать модель структуры предмета исследования. Интерпретация, дифференциация предмета, осуществленная до пятого—шестого уровня, позволяет построить матрицу и на ее основе сформировать подпрограммы, блоки темы, временные и постоянные (институциональные) коллективы. Молодые, начинающие ученые могут выбрать свое направление и войти во взаимодействие в интересах своей темы. Выделенные подпрограммы, блоки, темы курируют головные организации науки, высшей школы и их подразделения (отделы, кафедры, сектора, лаборатории и другие объединения), другие проблемно-функциональные группы.

Таким образом формируется необходимый (временный) коллектив для выполнения задач всей программы и в то же время сохраняются свои научные интересы, подходы и т. п. Но это стартовый подход к формированию кадрового коллектива. Он базируется на теоретической модели структуры предмета исследования. В реалии не все элементы структуры могут быть закрыты имеющимися кадрами. Не-

обходимо сформировать на данном этапе реальную платформу проблемных ниш. Это позволит определить структуру разделов, наметить планы подготовки публикаций, докладов и других мероприятий, необходимых и достаточных для решения единой и комплексной задачи, определить единый и системообразующий профиль деятельности, довести до исполнителей заказы на работу.

Управление программой

Эффективность запланированных исследований и внедрение их результатов в практику во многом зависят от системы управления реализацией программы. В данном случае управление рассматривается как процесс преобразования информации, обеспечивающей выбор необходимого воздействия, начиная с уточнения цели и кончая определением мер внешнего воздействия.

Управление целевой программой «Ценности и технологии устойчивого развития» в период 1992—1997 гг. осуществлял Институт философии и права Сибирского отделения Академии наук[8]. Целевая программа разрабатывалась институтом, и ее реализация была ограничена теоретико-методологической проблемной нишей. Практическая составляющая, технологическая связь с управляющими системами была в этот период невозможна. Период смутных реформ того времени не нуждался в устойчивом развитии. В частности, шла ломка традиционных ценностей и социальных технологий. Титанические усилия академика В.А. Коптюга — активного участника конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро, правящий бомонд не воспринимал, но научное сообщество общественных наук, особенно гуманитарных, приняло с надеждой.

Академик В.А. Коптюг в 1994 г. организует конференцию «Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего». Его вступительный доклад «Задачи социогуманитарных наук в разработке моделей будущего развития страны» и сегодня актуален[9].

В сложившейся ситуации разработка раздела *Управление Программой* не состоялась. В 1997 г. произошла смена руководства ИФиПР СО РАН — программа устойчивого развития была заменена. Ушел из жизни и академик В.А. Коптюг.

Сейчас пришло время решения проблем устойчивого развития, особенно в социо-экономической научно-предметной области.

Раздел *Управление Программой* можно разработать на основе опыта реализации целевой программы «Народности Севера», созданной и реализованной в 80-е гг. прошлого века.

В 80-е гг. мировое сообщество уделяет повышенное внимание к этносам, адаптирующимся к новым условиям жизни.

Высокие темпы освоения северных районов России и ускоренное социальное развитие проживающих в них народностей ставят перед практикой социального управления целый ряд проблем, требующих глубокого научного анализа: это проблемы экономического, социального и культурного развития народов Севера; рационального использования природных и биологических ресурсов; проблема

адаптации человека к новым условиям жизни и труда; проблемы здоровья и полноценного физического развития и др.

Принимаются постановление Совета министров СССР 7 февраля 1980 г. № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию регионов проживания народностей Севера» и постановление Совета министров РСФСР от 20 мая 1980 г. № 260 по этому вопросу[10] . Сложный характер взаимосвязи общественных процессов развития народов Севера требовал поиска эффективных организационных решений, координации и кооперации деятельности исследовательских коллективов различных научных направлений и ведомств. Возникала необходимость межведомственной и междисциплинарной кооперации, которая позволила бы целенаправить, интенсифицировать и актуализировать познавательную и практическую деятельность, ранее разобщенную и рассогласованную различными целевыми и методолого-методическими установками и узковедомственной принадлежностью исследовательских коллективов. В целях повышения эффективности разработки и использования результатов научных исследований Совет министров РСФСР принимает постановление от 21 июля 1981 г. № 397 об организации региональных межведомственных комиссий Сибирского отделения Академии наук, Сибирского отделения Академии медицинских наук, Сибирского отделения ВАСХНИЛ по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера[11]. Во исполнение этого постановления совместным решением Президиумов СО АН СССР, СО АМН СССР, СО ВАСХНИЛ от 26.02.1982 г. № 170/2024 создается Комиссия, утверждаются положение о ней и ее состав. Определяются основные задачи и направления исследования:

1) социальные проблемы;

2) экономические проблемы;

3) проблемы языка и литературы;

4) социально-гигиенические и медико-биологические проблемы;

5) рациональное использование биологических ресурсов и развитие сельского и промыслового хозяйства Севера.

Определяются организационное построение Комиссии, основные функции, контроль и права Комиссии.

Результирующая основная цель работы — разработка концепции общественного развития народностей Севера на перспективу до 2010 г., определение стратегий и тактики управления процессами развития, формирование предложений и практики планирования и регулирования.

Для выполнения этой задачи разработан комплексный интеграционный проект исследований «Программа социального и экономического развития народностей Севера» («Народности Севера»)[12] .

Разработка Программы происходила в несколько этапов. На первом — составлен библиографический указатель, включающий 2000 публикаций, 1400 авторов (активно работающих 270—300 человек), что позволило сформировать представление о научных интересах специалистов, оценить степень разработанности от-

дельных проблем, выявить направления, требующие более детальной и широкой разработки. На втором этапе на основе персональной адресности (специальная анкета) определены исследовательский потенциал программы, характер возможного вклада каждого исследователя в совместную деятельность, проведена предварительная группировка по темам, проблемам, блокам и подпрограммам, намечены потенциальные руководители проблемных групп и блоков.

На третьем этапе была проведена встреча исследователей и работников управления в рамках Всесоюзной научной конференции «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития» (октябрь 1983 г., г. Новосибирск). В ходе подготовки конференции под руководством головных организаций (20 организаций) проведены тематические конференции, совещания и семинары по предметным областям подпрограмм и блоков, изданы несколько комплектов материалов, тезисов, проектов и т. п. Все это позволило в конечном итоге разработать структуру программы, принципы ее реализации, кадровое и материальное обеспечение и т. п.[13]

Задачи и функции по планированию организации исследований, представлению информации и контролю Комиссия выполняет через головные редакции по соответствующим направлениям наук. Рассмотренные санкционированные комиссией документы для вышестоящих органов управления приобретают силу обязательных для деятельности научного подразделения Сибирского отделения. В целях улучшения используемых результатов исследований Совет министров РСФСР определил систему, предусматривающую оперативное и поэтапное их внедрение на различных уровнях управления. На первом этапе исследователи информируют о результатах исследований, вносят предложения в местные органы управления, на следующих этапах — в министерства, в ряде случаев — и в Совет министров РСФСР. В программе закладываются и другие формы, призванные обеспечить взаимодействие науки и практики управления. В частности, предусматривается форма социального эксперимента, когда объединяются представители разных наук и практики для решения задач в комплексе на одном объекте (Томпонский оленеводческий совхоз Якутской АССР). Таким образом, правительство России своим решением определило систему взаимодействия науки и управления, возложило на комиссию ряд важных функций по планированию, упорядочению, повышению эффективности исследований для практики управления. Выполнение этих функций обеспечивается и правовыми актами, что значительно увеличило возможности комиссии в управлении программой, действенность интеграции наук разных ведомств и направлений, способствовало взаимодействию науки и органов практического управления.

За 1982—1988 гг. Комиссией проведено пять пленумов, 11 расширенных заседаний бюро, 19 оперативных совещаний комиссии, три круглых стола, рассмотрено более 50 вопросов, проведено мероприятий — 24, выполнено поручений — 56. Подробнее о разработке и по итогам работы см. в монографии В.И. Бойко «Социально-экономическое развитие народностей Севера (программа координации исследований)»[14].

Учитывая чрезвычайную сложность формирования не имеющей аналогов концепции, необходимость ее широкого обсуждения с участием самих народностей Севера в качестве подготовительных этапов разработки были проведены семинары, совещания, конференции в городах: Новосибирск, Магадан, Ленинград, Красноярск, Якутск, Москва, Квебек (Канада).

Учитывая многоотраслевой характер и сложность обсуждаемых проблем, к конференции было издано 22 препринта (более 35 п.л.), в которых обосновывались концептуальные решения как по отдельным научным направлениям и сферам жизнедеятельности, так и по всему комплексу проблем[15].

В работе конференции приняли участие 497 человек, из них: треть — научные работники, треть — работники управления, треть — представители коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Присутствовали 19 делегаций национальных автономий, краев и областей РСФСР. В составе этих делегаций было 115 представителей народностей Севера, составивших 23,2 % всех участников конференции.

Участникам конференции были представлены:

— концепция развития народностей Севера СССР на период 1991—2010 гг. (проект) (Новосибирск, 1988)[16];

— предложения к концепции социального и экономического развития народностей Севера, поступившие от 119 авторов[17];

— тексты проектов концептуальных положений от научных учреждений и других организаций.

Общая концепция и отдельные ее аспекты, конкретные предложения обсуждались на заседаниях восьми «круглых столов», в работе которых участвовало 397 человек, выступили 211 человек.

Для доработки и общей редакции концепции конференция сформировала специальную редакционную комиссию: бюро комиссии; секции комиссии: «Теоретико-методологические основания концепции»; «Социально-экономические процессы»; «Социокультурные процессы»; «Языковые процессы»; «Воспитание и образование молодежи»; «Медико-социальные процессы»; «Расселение, архитектурная среда жизнедеятельности».

На период 1991—1995 гг. был составлен План-задание: исследовательские темы; определены исполнители, ожидаемые результаты (сроки выполнения, куда передаются работы, народнохозяйственное значение, ожидаемый эффект).

Девять подпрограмм дифференцируются до третьего, четвертого уровней[18]. Программа сыграла определенную координационную роль в работе головных организаций Сибирского региона. В начале 90-х годов региональная межведомственная комиссия перестала существовать.

Глава 4. Российский федерализм и сибирские регионы: политико-правовые аспекты

Вопрос о федерализме — частный аспект более общего вопроса территориальной организации государства, а отношения между территориями и центральной властью — важнейшая составляющая самого бытия государства. Само государство может быть определено как специфическая форма взаимодействия общих и особенных интересов населения, объединенного по территориальному принципу. Государство — это коллективный феномен, существующий в конкретном пространственно-временном контексте. Пространственно-временной характер государства обусловливается тем, что юридический порядок действует на конкретной территории и в конкретное время. В политико-юридическом плане тема русского федерализма генетически связана с борьбой центральной власти за сохранение единства страны против стремления к автономизации и сепаратизму.

Для Сибири реализация принципов федерализма имеет исключительное значение, поскольку неразрывно связана с защитой края от деградации. Многовековая колониально-хищническая эксплуатация региона поставила его на грань экологической и демографической катастрофы. В современных условиях сравнительно малая численность населения Сибири не позволяет иметь влиятельное представительство в органах власти и, следовательно, должным образом защитить интересы ее жителей и экосистему. В то же время основные ресурсы российского государства черпаются в Сибири. Регион постепенно приходит к запустению, экономически перспективная часть населения покидает его. Такое положение в условиях жесткой геополитической конкуренции не может продолжаться бесконечно, «вакуум» неизбежно будет заполнен.

Дело в том, что федерализм как форма демократии позволяет активнее включать механизмы саморегулирования государственной жизни. Поскольку общественное воспроизводство по определению является системой органической целостности, постольку его движение не может быть описано и понято без учета того, что оно (движение) определяется действием целого ряда закономерностей. К таким закономерностям относится и та, согласно которой сложные системы органической целостности в принципе не могут сохранять и развивать свою целостность без наличия в них механизмов саморегулирования, т. е. способности к самостоятельной адаптации системы и составляющих ее элементов к изменению условий ее функционирования. При этом следует отметить ту принципиальную закономерность целостных систем, согласно которой способность системы к саморегулированию находится в обратной зависимости от степени регламентации ее структуры и программы функционирования. Более того, попытки прямого внешнего управления такой системой, ее элементами неизбежно влекут нарастание в ней тенденций суммативности, т. е. возникновение на месте целостной системы множества самостоятельных систем.

Между тем у нас преобладает довольно поверхностное и формальное представление о механизмах, обеспечивающих и поддерживающих государственное

единство. Ведь и федерализм, и унитарность — только оформление определенного государственного единства, а не его основа. Реальные основания интеграционных процессов в конечном счете коренятся в экономической, культурной, социальной и правовой сферах. Именно там складывается тот общественно-политический консенсус, который венчает стабильное государственное образование. Вовсе не переход от унитарных механизмов к федеративным становится причиной распада государственной машины. Причина — в слабости позиций патриотически настроенной части политического класса и экономических верхов, отсутствии эффективно функционирующего внутреннего рынка, в идеологическом вакууме, в политической и социальной аморфности.

4.1. Направленность и основные этапы реформы федерализма

Ослабление российского государства в условиях обострения геополитической конкуренции имело бы весьма негативные последствия. Американский геополитик Збигнев Бжезинский, комментируя выбор Россией политической позиции после событий 11 сентября 2001 г., отметил: «Сделанный Россией и единственно доступный для нее выбор… предоставил Западу стратегический шанс. Он создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше в глубь Евразии. Расширение уз между Западом и Россией открыло для проникновения Запада, в первую очередь Америки, некогда заповедную зону российского ближнего зарубежья». Но в некотором счете у России, полагает Бжезинский, просто не остается альтернативы, если она желает сберечь ценнейшие из своих территориальных владений. Неисчислимые природные богатства Сибири — вот что сулит России наиболее радужные перспективы, а без западной помощи Россия не сможет быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над этой землей[1].

И далее Бжезинский констатирует: «Соответственно, транснациональные усилия по развитию и заселению Сибири способны стимулировать подлинное сближение между Европой и Россией. Для европейцев Сибирь могла бы обернуться тем, чем Аляска и Калифорния, вместе взятые, стали в свое время для американцев: источником огромных богатств, полем выгодного приложения капиталов, своего рода “эльдорадо” для самых предприимчивых поселенцев. Чтобы удержать Сибирь, России понадобится помощь: ей не под силу одолеть задачу самостоятельно в условиях переживаемого ею демографического спада и новых тенденций в соседнем Китае. Благодаря масштабному европейскому присутствию Сибирь могла бы со временем превратиться в общеевразийское достояние, использование которого происходило бы на многосторонней основе и открыло бы перед пресыщенным европейским обществом увлекательную перспективу покорения “новых рубежей”»[2]. Таким образом, проблемы федерализма теснейшим образом смыкаются с вопросом о перспективах сохранения российского суверенитета и контроля над территорией Сибири.

Подчеркнем, что федерализм не только не исключает, но и предполагает достаточно жесткую централизацию. Он возможен лишь в условиях хорошо организованного

взаимодействия властей с четким разделением полномочий и сфер ответственности, с гарантиями как исполнения федеральных законов, так и невмешательства федеральной власти во внутренние дела субъектов. В этом смысле восстановление «властной вертикали», как и самостоятельность регионов, не представляет никакой угрозы федерализму. Другое дело, если действия по повышению управляемости государственной машины не будут сопровождаться соответствующими политическими и экономическими мерами, позволяющими федеральной власти и субъектам федерации строить партнерские отношения в рамках правового поля.

В России к началу XXI в. сложилась уникальная ситуация, когда — с точки зрения и внутренних потребностей, и включения в процессы глобализации на передний план выдвигается регион в качестве полноценного субъекта Федерации и в то же время суверенного ограниченного субъекта глобализации. К сожалению, не всеми осознано, что десятилетняя пробуксовка реформ — отнюдь не следствие «либерального» курса. От провозглашенного первоначально рынка свободной конкуренции страна неуклонно движется к доминированию рынка финансового капитала. При всех политических и экономических просчетах и непоследовательности институциональных преобразований можно выделить, с одной стороны, необходимо возникшие, а с другой стороны конкретные и болезненные препятствия на этом пути. С момента провозглашения суверенитета Российской Федерации их характер неоднократно менялся.

Начиная с 1990 г. во взаимодействии федеральных властей и регионов можно выделить три периода. В первый период (1990 — конец 1993 гг.) отношения между Центром и регионами дестабилизированы распадом СССР. Российское государство было слишком слабым, чтобы установить для субъектов Федерации институциональные и политические рамки, центральной власти недоставало административных ресурсов для управления территориями. Восполняя дефицит власти, Б.Н. Ельцин передал на уровень субъектов Федерации значительные властные полномочия, заключив с руководителями регионов политический компромисс по схеме «полномочия в обмен на политическую лояльность». Возросла бюджетная самостоятельность регионов. К 1993 г. доля региональных бюджетов в расходах консолидированного государственного бюджета возросла с 40 примерно до 50 %[3]. Этот верхушечный компромисс удержал Россию от распада, но был лишь ситуативным решением в условиях стихийной дезинтеграции.

В период 1994—2000 гг. в России сформировалась асимметричная договорная федерация. К ее основным характеристикам относятся: двусторонний характер взаимодействия между главой государства и региональными руководителями, фактическое неравенство субъектов Федерации между собой и в отношении с Центром; отсутствие универсальных правил в отношениях Центр—регионы. Политическим выражением отношений этого периода стали двусторонние соглашения между Центром и регионами. Политический компромисс, достигнутый в те годы, позволил частично стабилизировать отношения между федеральной властью и региональными верхами, но стабилизация не была устойчивой.

В этот период федерализм носил ярко выраженную антикризисную направленность. Регионы получали значительные ресурсы и полномочия и решали многие из тех проблем, которые федеральный Центр не имел возможности решить самостоятельно. Отстраненность столичных властей от вмешательства во внутрирегиональное развитие компенсировалась системой «сдержек и противовесов». Контроль над действиями региональных властей осуществлялся «сверху» и «снизу». «Сверху» его осуществляли представители президента в регионах, «снизу» главы столиц субъектов Федерации. При всем несовершенстве асимметричной федерации в рамках этой модели между Центром и регионами был достигнут баланс, и оба уровня власти могли согласовывать свои интересы.

Партнерские отношения, в которых обе стороны — Центр и регионы — были в ситуации торга и могли отстаивать свои требования, усиливали зависимость президента от регионов. С середины 1990-х гг. исследователи фиксировали новую тенденцию — растущее стремление региональных верхов к завоеванию властных позиций в федеральном Центре. К концу 1990-х гг. региональные верхи развернули самостоятельную подготовку к новому избирательному циклу. Перспектива утратить власть заставила верхи федерального Центра мобилизовать ресурсы для обеспечения победы на выборах.

После думских выборов 1999 г. и добровольной отставки Б.Н. Ельцина начался третий период во взаимоотношениях между Центром и регионами. С первых дней своего правления В.В. Путин приступил к осуществлению политики нового централизма, которая предусматривала выстраивание новой, более эффективной, с точки зрения властей, системы управления, для которой характерно сосредоточение административных, экономических, политических и иных ресурсов в руках центральной бюрократии.

Новая федеральная политика была несовместима с сохранением двусторонних договоренностей между Москвой и субъектами РФ и предполагала коренной пересмотр места и статуса региональных верхов в политической системе. Региональные руководители лишались статуса федеральных политиков. В результате реформы Совета Федерации они покинули верхнюю палату парламента, уступив сенаторские кресла своим назначенцам. Централизация распространилась практически на все сферы отношений Центр—регионы. Законодательство субъектов РФ приводилось в соответствие с федеральным, в России восстанавливалось единое правовое пространство. На всей территории страны создавались одинаковые условия, обеспечивающие свободу передвижения товаров и капиталов, т.е. возникало единое экономическое пространство. Финансовые ресурсы стали концентрироваться в Центре и в течение 2000—2003 гг. региональные и местные бюджеты лишились важнейших источников налоговых поступлений — части НДС, акцизов, налога с продаж, дорожного налога и налога на недвижимость.

Централизация затронула административную и политическую жизнь страны. Восстанавливалась «властная вертикаль», были образованы федеральные округа, призванные осуществлять контроль над деятельностью региональных структур федеральных органов власти, создавался институт «федерального вмешатель-

ства», позволяющий отстранять всенародно избранного руководителя региона от должности. Политическая централизация включала реформу избирательного законодательства, устранение из электорального процесса региональных политических партий; унификацию порядка формирования представительных органов власти в субъектах РФ.

Политика нового централизма была нацелена на формирование других отношений между федеральной властью и регионами. Предполагалось, что в рамках этой системы:

- процесс принятия решений будет упрощен и станет более эффективным;
- отношения Центр — регионы будут охвачены правовым регулированием, рационализируются, подчиняясь общим для всех нормам и правилам;
- глава государства будет общаться с региональными лидерами более опосредованно, преимущественно в рамках нового коллективного органа, представляющего региональные интересы (Госсовет);
- главы регионов сосредоточатся на решении внутрирегиональных вопросов и не будут претендовать на участие в общефедеральной политике.

Проводимая «сверху», без консультаций с регионами и их верхами, реформа федеральных отношений на первом этапе ее осуществления (2000—2002 гг.) несколько дестабилизировала отношения Центра и регионов. Привычные коммуникационные каналы между двумя уровнями власти были нарушены, на ответственные посты в федеральные министерства и ведомства пришли люди, не имеющие прочных связей с регионами и их руководителями. В рамках стратегии «равноудаления» президент попытался дистанцироваться от региональных лидеров и делегировал взаимодействие с ними своим полномочным представителям в федеральных округах.

Однако уже к середине 2001 г. стало очевидно, что в российских условиях отношения между уровнями власти нередко требуют личного присутствия главы государства. Президент был вынужден взять отношения с региональными руководителями под свой контроль. В процессе выстраивания этих отношений не удалось избежать неформальных согласований с представителями региональных верхов. В первый президентский срок В.В. Путину неоднократно приходилось вмешиваться в решение конфликтных ситуаций в регионах, в индивидуальном порядке договариваться с их руководителями. Поиск союзников среди влиятельных регионалов вынудил установить привилегированные отношения с отдельными руководителями.

Наряду с выстраиванием личных отношений между президентом и главами регионов федеральные власти предприняли попытку сменить региональные верхи. В ряде регионов, включая сибирские, на региональных выборах Кремль смог провести своих кандидатов (Тюменская область, Красноярский край), в других оказать существенное влияние на ход выборов и выдвинуть собственные требования к победителю (Якутия). Однако в некоторых субъектах РФ поддержка президента оказалась недостаточным условием победы московского ставленника. Несмотря на концентрацию политических ресурсов в руках федеральной власти,

в 2000—2004 гг. ей не удалось в полной мере стать доминирующим субъектом элитообразования в регионах. Не удалось Кремлю осуществить и другую программную установку — полностью вывести региональные верхи из сферы большой политики.

Парламентские и президентские выборы 2003—2004 гг. усилили вес регионального фактора в политической жизни страны. В ходе выборов политическая лояльность региональных руководителей была вновь, как и во времена Б.Н. Ельцина, востребована федеральным Центром. Используя весь набор имеющихся в их распоряжении ресурсов, региональные лидеры обеспечили явку избирателей в ходе президентских выборов и победу «Единой России». В период избирательных кампаний им удалось сыграть ключевую роль в политическом процессе.

К концу первого президентского срока В.В. Путина отношения Центра и регионов сохранили персонифицированный характер, а между частью губернаторского корпуса и «партией власти» был заключен новый компромисс. Условия его определялись формулой: политическая лояльность в обмен на сохранение собственного статуса во власти. Но компромисс региональных верхов с Кремлем носил ограниченный характер. Если в ельцинский период договоренности с Центром обеспечивали реализацию требований регионов и создавали их руководителям условия полной защищенности, то при В.В. Путине политический компромисс перестал гарантировать региональным верхам спокойствие и не спасал их от возможных санкций со стороны федеральных властей.

К 2003 г. отношения Центра и регионов стабилизировались. В правовой, административной, экономической областях многие из поставленных федеральной властью задач были решены, «вертикаль президентской власти» в регионах отстроена, но региональные верхи сохранили автономные политические ресурсы. В отношениях между Центром и регионами утвердился новый вариант контрактных отношений в сочетании с внутриэлитарными договоренностями. Результатом четырехлетнего правления В.В. Путина стал выстроенный режим контролируемого плюрализма, при котором федеральная власть укрепила свои позиции, но полностью освободиться от политического влияния региональных верхов не смогла.

В новый президентский срок Кремлю предстояло сделать выбор: либо продолжить линию политических согласований, либо завершить федеральную реформу. И этот выбор был сделан. Опыт первого четырехлетия правления Путина убедил правящие верхи, во-первых, в том, что управлять федерацией, в которую входят 89 субъектов, чересчур сложно, и, во-вторых, что для повышения управляемости политическими процессами следует кардинально реформировать политическую систему.

В первые месяцы после победы «партии власти» на выборах 2003 г. одним из вариантов региональной политики Кремля стала попытка укрупнения субъектов Федерации и проведение административной и социальной реформ.. На референдуме, проведенном в конце 2003 г. в Пермской области и Коми-Пермяцком АО, жители проголосовали за их объединение, которое должно завершиться в 2007 г.[4] Развернулась подготовка к объединению Красноярского края с Эвенкийским

и Таймырским АО. На очереди объединение Читинской с Агинским Бурятским АО, а Иркутской — с Усть-Ордынским Бурятским АО. С точки зрения централизации управления этот процесс имеет позитивное содержание. Но Сибирь здесь теряет многое в и без этого скромном представительстве интересов своего населения на федеральном уровне.

4.2. Перераспределение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти

За каждым уровнем власти закреплялся определенный набор полномочий, устанавливались пределы, до которых Федерация может диктовать региональным органам власти, какое решение принимать и что финансировать. Однако декларированная властями увязка полномочий с источниками финансирования осталась невыполненной. Поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы, внесенные летом 2004 г., еще больше урезали доходы субъектов Федерации: они лишились налогов на водные и природные ресурсы. За ними были закреплены только три вида налогов: налог на имущество организаций, транспортный налог и налог на игорный бизнес.

Таким образом, была кардинально перекроена система разделения налогов между бюджетами разных уровней: от германской системы разделения налогов, для которой характерно их расщепление в определенных пропорциях между бюджетами разных уровней, к американской, строящейся по принципу «один бюджет — один налог» (т. е. каждый налог закрепляется только за одним уровнем бюджетной системы), хотя в полной мере отказаться от системы расщепляемых налогов пока не удалось.

Сложной проблемой остается правовая асимметрия. Различие статусов субъектов Федерации, объясняемое, как правило, исключительно историческими причинами, — наиболее очевидная диспропорция в структуре Российской Федерации, причем прямо вытекающая из действующей Конституции. Эта асимметрия многоуровневая, она задает разный правовой режим для республик в составе России и для краев, областей, с одной стороны, и для автономных национальных округов в составе краев и иных административно-территориальных единиц — с другой. Кроме того, как следствие этой диспропорции возникает конституционная конкуренция между краем, с одной стороны, и входящим в его состав автономным национальным округом — с другой. В определенном смысле первые две диспропорции можно обозначить как первичные, третью — как вторичную.

Прежде всего, о первичной асимметрии. Наделение особым статусом национальных республик в составе России и национальных округов в составе краев имеет историческую природу. Частично истоки этого лежат в том, что концептуально в основе создания РСФСР действительно лежала идея «автономизации», развивавшаяся Л. Троцким. Вмешательство В. Ленина, настоявшего на федерации, повлияло на оформление, но не на саму суть процесса создания советского государства. Хотя Советская Россия стала называться федеративной республикой,

по сути это была унитарная республика со сложной «многоэтажной» системой национальных автономных образований.

В советский период все это значения не имело. Федерализм тогда касался больше формальной, чем реальной политики. После распада СССР в 1991 г. республики, находившиеся на «верхнем этаже» автономной иерархии, стали независимыми государствами. Зато два нижних этажа достались по наследству Российской Федерации.

Поскольку весь процесс создания новой российской государственности был достаточно непоследовательным и эклектичным, вновь объявленная федерация вобрала в себя обломки старой советской государственности. Естественно, это противоречило и здравому смыслу, и задачам строительства целостного, современного демократического государства. Однако, поскольку реального общенационального движения в пользу федерализма в России не было ни до, ни после принятия Конституции, а центральная власть, выступавшая движущей силой государственного строительства, была настолько слаба, что не могла диктовать свою политическую волю, в новый федерализм пришлось перетащить все старые автономии с их правами (теряющими всякий смысл в новой системе отношений).

В Конституции различия между субъектами федерации одного уровня, имеющими разный статус, сведены к минимуму. Из нее не вытекает предоставление республике полномочий, существенно больших, чем у края или области, за исключением сугубо формальных моментов (наличие собственных президентов вместо губернаторов и глав администраций, собственных парламентов вместо законодательных собраний, собственных конституций вместо уставов краев и областей, собственных верховных судов вместо областных и краевых судов). Реальные различия возникли «за скобками» конституционных положений. «Государственные образования» в составе России осуществили самозахват дополнительных полномочий в своих конституциях и других местных законодательных актах. Наиболее одиозную часть этих «захваченных» полномочий, такую как право отменять действие федеральных законов на своей территории, впоследствии они вынуждены были отдать. Но кое-что, опираясь на неясность асимметричных формулировок Конституции, удалось «отбить», в особенности финансовые и налоговые льготы. «Трофеи» были закреплены в договорах между Федерацией и субъектами о разграничении полномочий. Однако сегодня общая тенденция состоит в том, что по мере укрепления центральной власти происходит свертывание ранее предоставленных привилегий. В результате различие статусов приобретает все более и более виртуальный характер.

Теперь о *вторичной асимметрии*. В отличие от различий между краем и республикой, национальным округом и районом проблема во взаимоотношениях между округом и краем, в состав которого он входит, основана на конституционной коллизии. Конституция 1993 г., оставляя национальный округ в административном подчинении краю, наделяет его полномочиями субъекта Российской Федерации. При этом не делается исключения из конституционного положения о равенстве прав всех субъектов федерации. Эта коллизия изначально чревата кон-

фликтом по вопросам бюджетных платежей, становящимся практически неизбежным в ситуации, когда основная экономическая деятельность сосредоточена именно на территории национального округа, но средства при этом должны изыматься в краевой бюджет. Именно такая ситуация сложилась в отношениях между Норильском и Красноярским краем, Ханты-Мансийским автономным округом и Тюменской областью. Даже если решить конституционные разногласия при помощи Конституционного суда, политические разногласия между этими субъектами останутся и будут давать о себе знать при решении любого экономически значимого вопроса.

Правовая асимметрия Российской Федерации есть индикатор ее нестабильности. Он свидетельствует о том, что нынешняя федерация пока еще в большей степени базируется на фундаменте старой советской государственности, чем на собственных основаниях. Это же один из серьезнейших аргументов в пользу продолжения конституционного процесса, в ходе которого существующие противоречия необходимо преодолеть. В том числе должны быть, наконец, разделены алгоритмы решения национального вопроса и вопрос о федерализме. Национальный вопрос призваны решать законы, защищающие права национальных меньшинств, а федерация должна строиться как симметричное государственное образование.

Диспропорции и асимметрии в развитии российского федерализма не случайны. Они отражают реальные глубинные противоречия в самой сущности федерализма в России и должны преодолеваться по мере его становления как реального фактора политической жизни[5].

В этой связи в научных и политических кругах продолжается обсуждение возможных сценариев обновления российского федерализма. На наш взгляд, интересные суждения на этот счет высказаны известным сибирским исследователем, профессором М.Н. Колоткиным. Он исходит из того, что стратегическая линия политики современного федерализма в России заключается в том, что ключевым моментом ее является усиленная интеграционная политика, которая при сохранении прав и полномочий субъектов пытается полностью исключить возможность права на отделение, так называемую сецессию, и попытаться обеспечить реальное равенство прав любого субъекта федерации на территории всей страны. В этом смысле политика В.В. Путина, в отличие от ельцинского парада суверенитетов, направлена на укрепление российской государственности. Тщательно выстраиваемая властная президентская вертикаль включает следующие элементы: новый способ формирования Совета Федерации, приведший к частичной потере влияния верхней палаты; введение института федеральных округов и президентских представителей; выработку механизмов неконституционного отстранения неугодных губернаторов от власти; перераспределение региональных бюджетов в пользу федерального центра.

В этом ряду, наряду с прочими, циркулирует идея укрупнения регионов в качестве составной части крупномасштабной федеративной реформы. Речь идет о новом административно-территориальном делении страны. У этой идеи имеются как сторонники, так и противники. «Объединители» справедливо указывают на

сверхизбыточное число субъектов в РФ, которое достигает 88. Такого количество нет не в одном из государств с федеративным устройством. В Китае, например, 30 регионов, а в Индии — 32, причем эти страны сравнимы с нашей по территории и значительно превосходят по количеству населения. Укрупнение регионов, как полагают сторонники этого процесса, позволит повысить уровень управляемости страны, решить многие социальные проблемы депрессивных регионов, сократить армию чиновников и, соответственно, средства на ее содержание. По мнению сторонников укрупнения, этот процесс поможет разрешить и сложную проблему «матрешек» — внутри субъектов, которая досталась в наследство нынешней власти от прежних времен[6]. Хотя, если заглянуть в историю позапрошлого века, то еще Витте собирался сделать в России 12 губерний с учетом среднеазиатских и закавказских территорий.

Еще в 1998 г. на свет появился доклад группы ученых из Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Российской академии наук. Согласно этому документу для начала страну предлагалось разделить на семь федеральных округов, структура которых была близка к административно-территориальной карте Российской империи начала XX в. Этот проект был реализован после выхода Указа Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе», в соответствии с которым страна была поделена на федеральные округа. Так, в состав Сибирского федерального округа (центр — Новосибирск) включены субъекты Федерации, расположенные в Восточно-Сибирском и Западно-Сибирском экономических районах (за исключением Тюменской области, которую немотивированно ввели в состав Уральского федерального округа).

4.3. Федеральное строительство в Сибири: история и современность

Территория Сибирского федерального округа охватывает 5 114,8 тыс. км^2 (30 % общей площади страны) с численностью постоянного населения от начала 2000 г. 20 783,2 тыс. человек (14,3 %). Его роль в экономике страны характеризуется следующими данными на начало 1999 г. (в процентах к общероссийским показателям): среднегодовая численность занятых в экономике — 13,8, валовой региональный продукт — 13,9, стоимость основных фондов на конец года — 14,4, объемы продукции: промышленной — 14, сельскохозяйственной — 16,4, растениеводства и животноводства — по 16,7, объем подрядных работ —11,2, ввод в действие общей площади жилых домов — 9,3, розничный товарооборот — 11,7, поступления налоговых платежей и других доходов в бюджеты разных уровней — 10,4, из них в федеральный — 8,1, капитальные вложения — 13,8, иностранные инвестиции — 8,6, объем экспорта — 16,4, импорта — 7,4.

В состав Сибирского федерального округа вошли те же субъекты РФ, что и в Межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение» (МАСС), кроме Тюменской области с ее автономными округами. После указа о федеральных округах появились высказывания о том, что они являются прообразами будущих субъек-

тов РФ. Пока для таких выводов нет оснований. Окружные представительства входят в состав администрации президента и призваны укрепить властную вертикаль. Тем не менее, полномочный представитель не просто обязан представлять регулярные доклады «об обеспечении безопасности в федеральном округе, а также политическом, социальном и экономическом положении на территории» и вносить соответствующие предложения. Он наделен правом вмешательства в социально-экономическую ситуацию, складывающуюся на территории округа.

В перечне функций полномочного представителя указано, что он разрабатывает совместно с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов Федерации программы социально-экономического развития территорий в пределах федеральных округов. Кроме того, полномочный представитель президента РФ наделен правом участия в работе органов государственной власти субъектов Федерации, а также органов местного самоуправления, находящихся в пределах федерального округа.

Наличие этих функций свидетельствует, что через институт федерального округа высшие органы власти могут оказывать и оказывают дополнительное воздействие на развитие субъектов РФ. Федеральные округа становятся проводниками региональной политики федерального центра. Вопрос в том, насколько эффективным инструментом территориального управления окажется данная структура, остается открытым[7]. Существующая практика деятельности федеральных округов, не констуционных по своей природе, пока не дает большого оптимизма, хотя они и решают задачи передачи информационно-управляющих импульсов, идущих непосредственно от президента, на территории. Однако эти структуры не являются элементами управления. Президент неоднократно предупреждал своих представителей, чтобы они не вмешивались в компетенцию органов власти. Они вручают ордена от имени президента, оказывают влияние на принятие решений местными властями, но «в принципе» они не встроены в структуру элементов системы управления. Их можно сравнить с катализаторами в химической реакции, которые в ней не участвуют, но без них процесс идет медленно.

Те, кто выступает за укрупнение территориальных образований, по-разному представляют себе конкретное число субъектов будущей Российской федерации. Например, губернатор Кемеровской области А. Тулеев, один из первых политиков, который аргументированно озвучил идею укрупнения регионов, считает, что оптимальное число субъектов для России — 40 — максимум 50. Спикер Совета Федерации С. Миронов также полагает, что из 88 субъектов должны остаться 40. Наиболее радикальный прогноз принадлежит лидеру ЛДПР В. Жириновскому, который первоначально считал, что после окончательного объединения в стране останется всего 10 субъектов. Все эти политики обычно ссылаются на исторический опыт. При Петре I в России было всего восемь губерний, при Екатерине II — 40, в 1917 г. в пределах современной России насчитывалось 56 губерний и областей.

При этом отмечается, что субъекты Российской Федерации по статусу делятся на шесть разных групп: от национальных республик до автономных округов. У всех — разные права и возможности. Несопоставимый экономический потен-

циал территории «аукается» и пропастью в уровне жизни. По численности населения разница достигает уже не десятков, а сотен раз. При этом «средняя численность» — 1,9 млн человек на один субъект Федерации. А как у других? В Японии — 2,7, в США — 5,3, в Бразилии — 6,1, в Китае — 42 млн человек. И разброс по регионам или штатам — всего лишь в разы[8].

Между тем в истории России есть еще один интересный факт: при нарезке границ этнический фактор до революции практически не учитывался. Национальных республик не было. Но в советское время решили подтянуть таким способом «отстающие народы» до общего уровня. Современная «экономическая целесообразность», по мнению многих ученых, диктует и создание новой административной карты страны.

Представляется, что проект реформирования административно-территориального устройства России надо рассмотреть применительно к Сибири, которая была и остается уникальной частью не только страны, но и в планетарном масштабе. Эта уникальность определяется огромными размерами территории, разнообразием природно-климатических условий, наличием минерально-сырьевых ресурсов, энергетической мощью рек и чистотой озерных вод, самобытной историей и культурой населяющих ее районов. Не случайно Сибирь с древности называли землей или страной.

Присоединение Сибири стало ценнейшим приобретением Русского государства за все время его существования. Территория Московской Руси не просто увеличилась более чем в два раза, это стало важнейшей вехой на пути складывания Российской империи. Возникла новая геополитическая ситуация, Российская империя, оставаясь в качестве крупнейшей европейской державы, прочно утвердилась на просторах Азии и стала мостом евразийского пространства.

Начиная с XVII в., Сибирь, как и вся страна, испытала на себе множество административных пертурбаций. Можно выделить несколько крупных этапов ее районирования.

1. XVII в. — приказной и разрядный. Центр управления находились в Сибирском приказе в Москве, а регион был поделен на четыре разряда.

2. 1708 г. — губернский, при котором Сибирь составляла единое целое и простиралась от Вятки до Камчатки.

3. 1764 г. — «царский», генерал-губернаторский, когда «Сибирское царство» делилось на Тобольское и Иркутское генерал-губернаторства.

4. 1783 г. — наместнический. После распространения на Сибирь «Учреждения для управления губерний» на территории Западной Сибири были образованы Тобольское и Колыванское наместничества.

5. 1803 г. — восстановление сибирских генерал-губернаторств.

6. 1822 г. — территориальный, по проекту Сперанского Сибирь была разделена на Западную и Восточную.

7. Накануне 1917 г. — вновь губернский принцип районирования, при котором Западная Сибирь делилась на Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии.

8. 1920 г. — «Сибревкомовская Сибирь», когда губернии оставались основными единицами, однако существовал единый руководящий орган на территории — Сибревком, единый партийный центр — Сиббюро ЦК.

9. 1922 г. — по проекту Госплана Сибирь предполагалось разделить на четыре особые области: Западно-Сибирскую, Кузнецко-Алтайскую, Енисейскую и Ленско-Забайкальскую, однако Сибревком этот проект отклонил.

10. 1925 г. — образован Сибирский край, в состав которого вошли Алтайская, Енисейская, Омская, Томская и Новониколаевская губернии и Ойротская (Горно-Алтайская) автономная область.

11. 1930 г. — Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края.

12. 1937 г. — по постановлению ЦИК СССР Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край[9].

Как видим, структура административно-территориального деления Сибири была динамичной, постоянно видоизменялась в зависимости от ряда причин экономического и политического характера. Причем национальный момент в этих реорганизациях всегда присутствовал на различных уровнях: от автономных республик и областей до национальных сельсоветов.

Сегодня на территории Сибири эти субъекты имеют различный статус: республик (Якутия-Саха, Тыва, Бурятия, Алтай, Хакасия), области (Еврейская) и округов (Усть-Ордынский и Агинский Бурятские, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Чукотский, Корякский).

Причем национальные элиты в борьбе за власть активно использовали идею суверенности и стимулировали межнациональную конфронтацию. Сибирь в этом смысле выглядит предпочтительнее, чем другие регионы — Кавказ, Средняя Азия, хотя и здесь было определенное напряжение во взаимоотношениях русского населения и «титульного» в Тыве, Якутии и других субъектах Федерации.

В. Жириновский, по сообщениям ИА REGNUM, после создания Пермского края — первого шага в объединении регионов, подкорректировал свои прежние проекты и считает, что в перспективе Россия движется к созданию унитарного государства, перейдет от семи федеральных округов к 15 губерниям. Он предлагает отказаться от национально-территориального принципа административного деления России и перейти к чисто территориальному принципу. Все это позволит, по мысли вице-спикера Госдумы РФ, ликвидировать межнациональные противоречия, пресечь национал-сепаратизм укрепить экономическое развитие регионов и интенсифицировать их связи. В 1999 г. он предлагал разбить всю территорию России на семь губерний: Северную, Московскую, Южную, Поволжскую, Уральскую, Сибирскую и Дальневосточную. Сегодня он расширил этот список до 15. Территория Сибири в этом проекте будет представлена следующими новообразованными субъектами:

1. Сибирская с центром в Новосибирске, состоящая из Омской области, Новосибирской области, части Тюменской области, Алтайского края. Население — 9 млн чел.

2. Красноярская с центром в Красноярске, состоящая из Красноярского края, Кемеровской области, части Томской области, республик Алтай, Хакасия, Тыва, Таймырского АО, Эвенкийского АО. Население — 8 млн чел.

3. Иркутская с центром в Иркутске, состоящая из Иркутской области, Усть-Ордынского Бурятского АО, республик Якутия, Бурятия, Агинского Бурятского АО, Читинской области. Население — 7 млн чел.

Что касается Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, то они, по мысли В. Жириновского, должны войти в состав Уральской области с центром в Екатеринбурге.

Имеются и другие проекты. В свое время В. Бельдей, А. Собянин, В. Турабов, Г. Хрусталев представили общественности свой вариант административно-территориального деления, главная идея которого заключается в том, что новая регионализация должна исходить из принципов обеспечения национальной безопасности и экономической целостности макрорегионов. Предлагается отделить проблемы административного устройства от основ государственного регулирования, экономического и социального развития регионов РФ, ликвидировав нынешние федеральные округа и создав 15 федеральных округов Российской Федерации с одновременным расширением полномочий руководителей новых федеральных округов. Авторы склонны, учитывая крайнюю сложность и болезненность темы укрупнения субъектов для их руководителей, особенно в национальных республиках, сохранить большую часть нынешних субъектов РФ, которые войдут в округа. Следствием нового деления станет резкое повышение эффективности президентской вертикали власти, так как федеральный бюджет будет привязываться к округам[10].

М.Н. Колоткин определяющим в этом проекте видит приоритеты приграничного сотрудничества, жестко увязанные с мобилизационными схемами для учета внешнеполитических вызовов, выбора сценария развития в условиях долгосрочных трендов роста международной напряженности и усиления внутрироссийских экономических диспропорций.

В средствах массовой информации активно публикуются самые разнообразные проекты. Они касаются как европейской части России, так и ее сибирских и дальневосточных регионов. Муссируются вопросы об объединении Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Москвы и Московской области, Псковской и Новгородской областей, Архангельской области и Ненецкого автономного округа и др. Обсуждаются вопросы о присоединении к новообразованному Пермскому краю Удмуртии, в которой 60 % населения составляют русские.

Наиболее вероятным проектом реформирования государственно-территориального устройства России, по мнению М.Н. Колоткина, является разработанный в структурах РАН и Минэкономразвития РФ еще в середине 1990-х годов, одобренный в администрации президента и который начинает реализовываться. Согласно ему, в недалеком будущем на карте России вместо привычных 89 субъектов Федерации появятся 20 (1-й вариант) — 28 (2-й вариант) субъектов. Несмотря на вариативность проектов, это вряд ли скажется на судьбе сибирских регионов, так

как разночтения касаются лишь западных и центральных районов страны. Согласно этому проекту Сибирь будет поделена на пять губерний: Обско-Иртышская, Западно-Сибирская, Южно-Сибирская, Восточно-Сибирская, Прибайкальская[11].

По мнению авторов проекта, это позволит решить ряд проблем. Во-первых, унифицировать субъекты, которые де-факто радикально отличны друг от друга — маленькие и большие, богатые и бедные, доноры и реципиенты, национальные и обычные. Во-вторых, еще одна ключевая идея реформы состоит в объединении слабых аграрных регионов с сильными индустриальными. Таким образом, разница в экономическом потенциале регионов резко сократится, возрастут их финансовые ресурсы, инвестиционные показатели, появятся предпосылки для создания крупнотоварных зональных рынков. В-третьих, предлагается, учитывая сложившиеся тенденции и сохраняя на некоторое время ряд атрибутов государственности, изменить статус республик в составе РФ на области. В этом просматривается аналог структуры штатов в США, лишенных национальной специфики, и все это, в конечном счете, должно привести к образованию в России единой «российской нации», подобно американской.

В связи с этим многие эксперты по-разному оценивают сложившуюся ситуацию. Директор региональной программы Независимого института социальной политики, доктор географических наук Н. Зубаревич в одном из своих интервью высказала мнение, что экономической необходимости в укрупнении нет. По ее мнению «Повесить на те немногие 10—15 сильных регионов, которые у нас есть, все остальные достаточно сложно, и эффект этого будет совершенно не тот, на который рассчитывает федеральная власть. Я думаю, что тут дело совсем в другом. Мы видим, как неадекватно реализуются плохо продуманные реформы — слишком жесткие, слишком примитивные. Возможно, этот возбуждающий пиар вокруг укрупнения — просто попытка переключить центр внимания на что-то новое». На вопрос «Значит, при таком методе укрупнения отставание слабых регионов будет консервироваться?» Н. Зубаревич отвечает: «Конечно. А сейчас у них, по крайней мере, есть собственный центр развития в виде региональной столицы. Дело в том, что вообще не бывает развития большими кусками пространства. Все всегда начинается с точек, где концентрируются ресурсы, и потом та инновация, которую этот ресурс позволил создать, идет на периферию, втягивая ее в процесс модернизации. По-другому — строем, шеренгой — не бывает. Этот некий фундаментальный закон как закон всемирного тяготения, и его надо принимать во внимание при любых политических решениях. Он ослабевает только на территориях, чрезвычайно плотно заселенных и инфраструктурно освоенных, где начинают работать иные, более тонкие механизмы — уникальность места, природное окружение и т. п. Но у нас-то при нашей освоенности и заселенности, при нашем инфраструктурном раздрае этот закон будет работать как часы»[12].

Руководитель центра стратегических исследований Приволжского федерального округа С. Градировский считает, что в стране пока не создано аргументированных концепций новой регионализации.

Политолог С. Белковский, комментируя перспективы реформирования страны, прямо заявил: «Я могу описать вам основные направления федеративной реформы, насколько мне о них известно. На первом этапе — назначение мэров, ликвидация примерно 10—12 субъектов Федерации (поглощение национально-территориальных более крупными субъектами). Предстоит ликвидация института федеральных инспекторов, которая произойдет до наступления весны следующего года, переподчинение силовых структур назначенным губернаторам. Следующий этап — ликвидация института президентских полпредов в федеральных округах. Срок полномочий нынешних губернаторов, видимо, будет пролонгирован от трех месяцев до года. На этом федеративная реформа будет завершена»[13].

Вернемся к Сибири. Здесь может появиться новый-старый суперрегион. Губернаторы трех территорий — Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов — А. Хлопонин, О. Бударгин и Б. Золотарев подписали пакет документов, направленных на интеграцию регионов.

Референдум по вопросу объединения 17 апреля 2005 г. прошел успешно, население высказалось «за» и с 1 января 2007 г. на карте появится новый субъект Федерации с новым главой и новым парламентом. Общая численность населения Красноярского края — более 3 млн человек. Общая площадь — 2339,7 тыс. км^2, т. е. по размерам край равен половине европейской части России или всем государствам СНГ (исключая Казахстан), вместе взятым. Площадь его в 10 раз больше территории Великобритании, в 4,5 раза — Франции. Огромную территорию занимает центральная часть Сибири, протянувшаяся с севера на юг, вдоль р. Енисей, почти на 3 тысячи километров. На территории края — 25 городов. В самом Красноярске сейчас проживают 875,2 тысяч человек.

В годы советской власти в состав Красноярского края уже входили и Таймыр, и Эвенкия, и Хакасия. Очень тесными были связи с Тывой. С распадом Советского Союза начался и распад Красноярского края. Хакасия обособилась совсем. А Эвенкия (18 тысяч жителей) и Таймыр (44 тысячи) номинально остались в составе края, но стали полноправными субъектами Федерации с собственными главами, парламентами и казной. Однако о возврате в прежние границы речь заходила в последние годы не однажды. Даже создавали Совет губернаторов округов. Правда, власти Таймыра и Эвенкии особого энтузиазма в отношении объединения не проявляли. Сейчас, по словам эвенкийского губернатора Б. Золотарева, «найден механизм интеграции», поддержанный главами регионов, Кремлем и Минфином[14].

Спрашивать о том, лучше жить одному или вместе, можно без конца. Зато легко подсчитать минусы этого разъединения. Не так давно гигантские совхозы, стоящие по обоим берегам Енисея, снабжали овощами, мясом и молоком Норильск, Дудинку, Игарку, Туру, Хатангу, Диксон. Сегодня эти совхозы не справились с конкуренцией, умерли. Не по своей вине, их угробили сознательно. Норильск, например, покупал ту же баранину в Австралии, а не в южных районах края. Капусту и картошку везли из Китая, Польши, Германии и еще бог знает откуда. Теперь от многих совхозов-миллионеров не осталось даже фундаментов. И восстановить будет непросто. Пострадала и промышленность. Норильские заказы пре-

жде составляли львиную долю не заводах Красноярского края. Потом северяне почти полностью перешли на завоз оборудования и техники со стороны.

Губернатор Красноярского края А. Хлопонин предъявил счет в Москве за объединение своего региона с Таймыром и Эвенкией. По оценке газеты «Ведомости», этот проект может обойтись федеральному бюджету в 2005—2007 гг. примерно в 23 млрд рублей. И. Трунин из Института экономики переходного периода напоминает, что все субъекты Федерации равноправны, и считает сомнительным подход, при котором объединяющиеся регионы должны получать какие-то преференции. «Объединение — дело самих регионов, и трудно объяснить, почему федеральному центру за это нужно платить», — удивляется эксперт[15].

М. Одинцов, представитель в СФ от Законодательного собрания (Суглана) Эвенкийского автономного округа, считает: «Если рассматривать Эвенкию и Таймыр — это огромные территории с минимальным количеством населения по сравнению с другими регионами. А Красноярский край, город Норильск и ряд населенных пунктов в Эвенкии — это некая зона, где располагается до 98 % всего населения. И основное управление с точки зрения государства осуществляется именно в этом регионе. В оставшихся малонаселенных территориях стоят несколько иные задачи в сравнении с индустриально развитыми густонаселенными районами. Поэтому в данной ситуации с помощью объединения этих территорий можно более рационально использовать те средства, которые совокупно выделяются на три региона»[16].

Многие специалисты отмечают тенденцию к тому, что при изменении административно-территориального деления в России национальный аспект уходит на второй план. Директор центра системных исследований и прогнозирования ИСПИ РАН В. Черноус в интервью ИА REGNUM заявил о том, что игнорирование этнических принципов деления России может привести к серьезным проблемам.

А что думают об укрупнении губернаторы областей, не имеющих в своем составе автономии? В. Кресс, глава администрации Томской области: «В случае укрупнения мы рискуем потерять Томск, Томскую область как сибирский центр образования, науки и культуры и превратиться из крупнейшего областного центра в заштатный городок, интеллектуальный отросток Новосибирска. “Рулить” Западно-Сибирской губернией, по всем раскладам, будет Новосибирск». В. Толоконский, губернатор Новосибирской области, считает, что 89 субъектов — слишком много даже для такой большой страны, как Россия. Однако на практике укрупнение возможно только в том случае, если сами регионы выскажут единодушное стремление к объединению, как, например, это недавно произошло в Коми-Пермяцком округе. Остро вопрос объединения сегодня не стоит. Для Л. Полежаева, главы администрации Омской области, вопрос укрупнения регионов — это прежде всего вопрос изменения Конституции России, а значит, преобразования власти. По его словам, сегодня это просто неразумно, и он не видит в этом объективной необходимости. Пусть инициаторы подобных слияний сначала спросят мнение жителей, а потом принимают решение. Как видим, вопрос ук-

рупнения регионов не так прост и требует очень тщательной проработки во всех эшелонах власти: федеральной, региональной и местной[17].

В заключение хотелось бы отметить, что к этой судьбоносной для России проблеме нельзя относиться с точки зрения бюрократии и картографического моделирования. Всегда необходимо помнить о печальном примере великой державы — СССР, развал которой произошел потому, что, образно говоря, слишком разными были национальные «кирпичи» чтобы из них можно было сложить прочный «общий дом» без авторитарного каркаса.

В заключение добавим, что 21 июля 2006 г. в Москве в Большом Кремлевском дворце состоялось заседание Государственного совета РФ, посвященное стратегическому планированию социально-экономического развития территорий Российской Федерации.

Направления работы, сформулированные на этом заседании, на наш взгляд, наполняют существенно новым содержанием проблему федерализма вообще и применительно к Сибири в частности. Значение этого заседания можно оценить хотя бы по следующему высказыванию В.В. Путина при его открытии: «У субъектов Федерации появляются более широкие возможности для привлечения инвесторов в свои территории. А по целому ряду позиций они становятся связующим звеном международных экономических, торгово-финансовых, гуманитарных контактов. Однако для этого потребуется системная работа по развитию инфраструктуры, по созданию благоприятной деловой среды, по совершенствованию механизмов привлечения инвесторов».

Безусловно, новой ситуации, в которой эти возможности будут в полной мере реализовываться в практику, еще только предстоит сформироваться. Представляется, что в условиях предстоящих перемен сделанный выше обзор предыдущего этапа и дискуссий по поводу возможных путей дальнейшего развития может быть полезен, как бывает полезен всякий исторический опыт, в его позитивных и негативных аспектах.

Глава 5. Правовая система как фактор устойчивого развития

5.1. Устойчивое развитие и конкретные государства

Человеческая популяция, как и любая популяция животных, организована по происхождению и территориальной принадлежности. А значит, с этой точки зрения ее нельзя рассматривать как целостную систему. Напротив, вся история развития человечества — это история взаимных войн народов за обладание территориями и расположенными на них ресурсами жизнедеятельности. Люди, так же как и другие популяции на Земле,находятся во внутривидовых конкурентных ресурсных отношениях, и устойчивость развития может рассматриваться только в пределах конкретной родоплеменной и территориальной (государственной) субъектности в границах занимаемых территорий в соответствии с имеющимися

на них ресурсными возможностями обеспечения их жизни. Хотя в настоящее время действует огромное количество международных организаций, претендующих на роль арбитров в различных сферах жизнедеятельности человечества, однако даже самые авторитетные их лидеры признают отсутствие «вразумительных ответов на вопросы о принципиальной возможности и реальных путях… трансформации национального государства» в некое международное сообщество, олицетворяющее *мировой порядок*[1]. Обращаем внимание читателя на последнее выражение и попробуем раскрыть его содержание.

Во взаимоотношениях между людьми понятие «порядок» используется постоянно. Производное от него слово «порядочность» является нравственной оценкой поведения конкретных индивидов. Сознательно или интуитивно, т. е. признавая необходимость порядка, люди подразумевают под ним определенный способ организации жизнедеятельности того или иного социума. Однако порядок бывает разный. Например, экологический маятник как закон развития живой природы обеспечивает равновесие в биосфере Земли, регулируя соответствие между количественными характеристиками популяций и объемами ресурсов жизнедеятельности. Однако люди пытаются смягчить его действие, подчиняя себе силы природы и культурно преобразуя условия своего бытия. Нравы при этом представляют собой локальные нормы поведения социально организованных индивидов, ориентированных на удовлетворение только своих потребностей. Они являются более высоким уровнем природного порядка, отражающим социальную форму движения материи, присущую всем социально организованным существам. Какая-то часть нравственных норм, признанная определенным сообществом социально значимыми, становится обычаями, и поведение людей начинает оцениваться на предмет соответствия (несоответствия) им. Без таких норм не может быть и нравственных оценок, как «без библии нет еретика». Этот уровень порядка, так же как и последующий, — жизнь по законам, является изобретением человечества. Следовательно, под порядком можно подразумевать как природные, так и субъективно создаваемые законы. Причем субъективно определяемый порядок в виде обычаев и норм позитивного права обусловлен социально-групповыми и общегосударственными потребностями обеспечения совместной жизнедеятельности исторически сложившихся сообществ людей, объединенных единством происхождения, общностью занимаемой территории и условиями общественного разделения труда. Поэтому предметный разговор об устойчивости развития человечества можно вести только в пределах конкретных государств или межгосударственных объединений.

Основным механизмом в порядке взаимоотношений между людьми в создаваемых ими сообществах являются отношения собственности. Они являются двусторонним процессом. В них фиксируется, с одной стороны, распространение субъектами социального действия своей воли всеми формами насилия (физическими, экономическими, нормативными и духовными) на ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства, а также на соответствующий эквивалент, представленный в деньгах, драгоценностях или ценных бумагах, и, с другой, — признание этой воли социальным окружением.

Опираясь на изложенные выше основания, рассмотрим проблему устойчивого развития. Прежде всего обратим внимание читателя на отсутствие в документах Международной конференции в Рио проблемы отношений собственности. Между тем, акты притязаний на объекты собственности и признания социальной средой этих притязаний имеют различное содержание в нравах, обычаях и нормах позитивного права, поэтому устойчивость развития любых сообществ людей полностью зависит от разрешения актуальных противоречий в этих отношениях. В нравах, где господствуют индивидуальные интересы, воля на объекты собственности утверждается сильнейшей стороной. Социальная среда признает ее до тех пор, пока владелец способен защищать захваченную им собственность. В обычаях акты распространения субъектом социального действия своей воли на объекты собственности поддерживаются и защищаются социальным окружением в тех случаях, если они соответствуют нормам последнего и не препятствуют большинству людей удовлетворять свои актуализированные потребности. Законодательство любого государства определяет порядок овладения субъектами социального действия объектами собственности, порядок распоряжения ими, порядок их использования и порядок ликвидации правомочий, обязанностей и ответственности собственника. Установленный законодательно порядок отношений собственности поддерживается соответственно всей мощью государственной правоохранительной и правоисполнительной системы.

Таким образом, содержание понятия «устойчивое развитие» целесообразно рассматривать в рамках конкретной субъектности, в пределах которой полноценно действует механизм отношений собственности и реально решаются задачи воспроизводства количественных и качественных характеристик человеческого потенциала. Таким субъектом является государство. Следовательно, устойчивость развития человечества необходимо рассматривать только в рамках развития внутригосударственных и межгосударственных отношений, основным регулятивным механизмом которых является правовая система, любой нормативный акт последней состоит из предписывающих, разрешающих или запрещающих нормативно-правовых установлений, определяющих социальное положение физических и юридических лиц в регулируемых им сферах жизнедеятельности. Этим самым законы и подзаконные акты фактически планируют движение проявляемой людьми энергии в строго определенном направлении, которое может иметь для конкретного социального организма различные последствия.

Наличие у человечества единого порядка организации общественных отношений составляет хотя и важное, но далеко не единственное условие, способное обеспечить относительную устойчивость его социального развития. Дело в том, что поддержание международного законодательства в работоспособном состоянии должны обеспечивать правоохранительные и правоисполнительные органы, которых у мирового сообщества просто нет и, боимся, не будет[2]. Напротив, М. Тэтчер, считающаяся одной их представительниц западной модели демократии, утверждала, что «разумный и стабильный международный порядок может строиться лишь на уважении к нациям и национальным государствам. Национализм, национальная

гордость и национальные институты, несмотря на присущие им недостатки, формируют наилучшую основу для действующей демократии… Мудрый государственный деятель воспевает национальный статус и пользуется им»[3].

Таким образом, устойчивость развития целесообразно рассматривать на уровне конкретных государств, занимающих вполне конкретную часть биосферы Земли, зафиксированную государственными границами. Общие проблемы, обусловленные необходимостью сохранения биосферы в пригодном для жизни состоянии, должны решаться только в межгосударственных отношениях и только с позиций интересов населения конкретных государств. Абстрактные рассуждения о судьбах развития абстрактного человечества служат идейным обоснованием для вмешательства заинтересованной стороны во внутренние дела народов, ставших объектом ее притязаний.

5.2. Правовая технология как условие обеспечения устойчивости развития

Для того чтобы выйти на ясное понимание проблемы правового обеспечения устойчивого развития, необходимо определиться с местом, ролью и возможностями законодательной системы государства регулировать общественные отношения в стране. Большое значение имеет учет оптимальных параметров допустимых нормативных изменений, за которыми вероятны разрушительные последствия для количественных и качественных характеристик членов общества. Для этого требуется постоянная ориентация исследователей в условиях, инициирующих эволюционные или революционные изменения, а также в возможностях прогнозирования результатов субъективного воздействия в целях обеспечения устойчивости социального развития.

Господствующая парадигма организации и осуществления правотворческой, правоохранительной и правоисполнительной деятельности является следствием узкой специализации в общественном разделении труда, где каждая из перечисленных сфер представляет собой обособленную область приложения усилий людей. Самым высоким уровнем теоретического осмысления юридической наукой места, роли и назначения правовой системы в управлении обществом выступают норма и процесс, оторванные от общегосударственных интересов.

Например, взятое в качестве самодостаточного понятие «норма» (от лат. *norma* — узаконенное установление, установленная мера) позволяет устанавливающему ее самопроизвольно определять содержание запретов, предписаний или разрешений. В соответствии с такими нормативистскими воззрениями формируется сама законодательная база, а оторванное от нормотворчества понятие «процесс» представляет собой «последовательную смену явлений», в рамках которых организуются правореализационные мероприятия. В современной России отсутствуют единое мировоззренческое основание и единый подход к решению общей проблемы правового регулирования социальных процессов в стране. Если учесть, что нормы позитивного права являются надстройкой над нравами и обычаями, то эффективность их применения без учета влияния последних на общественные отноше-

ния существенно снижается. К этому следует добавить, что в юридических нормах не только фиксируются так называемые общедемократические ценности, в них нередко находят свое закрепление корыстные социально-групповые интересы господствующих классов, политических элит, различных лоббирующих группировок, не соответствующие целям устойчивого развития общества.

Когда говорят о «технологии», то изначально предполагают наличие замысла, запланированного конечного результата и процедур по его достижению. Применительно к этапу правотворчества технология требует от законодателей рассматривать норму как способ направления энергии людей соответственно общегосударственным интересам страны. Например, в Гражданском кодексе РФ нет институционально оформленных нормативных требований к предпринимателю (посреднику) относительно выбора им сферы своей деятельности, содержания и характера труда, качества производимых товаров и услуг, объекта потребительского спроса, а есть лишь общая ориентация на получение прибыли. Следовательно, Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации этим нормативным актом размыла для него границы между общественно полезным, общественно опасным и общественно вредным трудом. Если есть возможность производить и сбывать продукцию или услуги с низким качеством, он всегда будет это делать. Если есть возможность максимально эксплуатировать у людей чувственные потребности, скажем, в спиртном, табачных изделиях, наркотиках и т. д., они обязательно будут использованы в целях наживы. Для этого требуется обеспечить постоянный спрос потребителей на соответствующие предложения рекламным культивированием среди них жизненных стандартов и моделей социального поведения, отвечающих интересам таких производителей. Это всего лишь одна из множества проблем, связанных с нормативным направлением потенциальной энергии людей в русло актуальных задач устойчивого воспроизводства количественных и качественных характеристик населения страны, производства, распределения, обмена и потребления совокупного общественного продукта. Отсутствие в институциональных нормативных требованиях ориентации на общественно полезную деятельность и преград для общественно вредного труда создает на общегосударственном уровне ситуацию в общественных отношениях, характерную для системы нравов.

Аналогичные выводы напрашиваются в отношении к правоохранительной и правоприменительной сферам деятельности, где непосредственно происходит реализация норм, принятых законодателями. Например, в ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ, посвященной оценке доказательств, записано, что «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств»[4]. Несостоятельность данного положения заключается уже в том, что у суда, состоящего из нескольких человек, не может быть единой головы (души и т. д.), поэтому говорить о его внутреннем убеждении явно некорректно. Однако, даже если в этой норме был бы упомянут просто судья (применительно к мировому судье), то и в этом случае нельзя игнорировать очевидное:

внутреннее убеждение многих людей устремлено на удовлетворение только их собственных потребностей.

Профессиональная деятельность в условиях общественного разделения труда, в том числе и судебная, является для людей в первую очередь источником заработка, поэтому она должна быть организована так, чтобы индивид выполнял *общественно полезные обязанности* и нес *ответственность за общественно опасные и/или вредные действия*. Законодательное закрепление *внутреннего убеждения* судьи как основы для оценки имеющихся в деле доказательств четко отражает социально-групповые интересы судейской корпорации и создает ей дополнительные возможности для злоупотреблений в судопроизводстве. Если бы законодатели в своей правотворческой деятельности руководствовались общегосударственными интересами, они никогда бы не создали для судей таких возможностей для злоупотребления должностным положением. При сохранении такой нормы все попытки «реформирования» или «совершенствования» судебной системы изначально обречены на неуспех.

Использованные здесь два примера нормативного регулирования производственной деятельности предпринимателей и судебного разрешения возникающих в обществе конфликтов показывают, что законодательная система играет заметную роль в обеспечении устойчивости социального развития общества. Существующее в настоящее время функциональное разделение нормы и процесса не способствует решению данной задачи и нуждается в определенной корректировке. Выход видится в объединении этих функций единой правовой технологией.

Правовая технология, в нашем представлении, есть метод анализа и конструирования рационального и эффективного правового пространства в соответствии с потребностями и закономерностями развития общества. В сфере ее внимания находится законодательная система страны в рамках конкретной, локально (территориально и исторически) очерченной социальной среды. Правовая технология призвана обеспечить научное познание происходящих в стране социальных процессов и разработку научно обоснованных мер по корректированию на законодательном уровне системы общественных отношений. Принимая во внимание факторы разноуровневых потребностей людей и конкурентные отношения между ними в борьбе за ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства, правовая технология, направляя потенциальную энергию правотворческих, правоохранительных и правоприменительных органов в русло актуальных задач, должна поддерживать законодательную систему страны в работоспособном состоянии. Только таким образом она может стать реальным фактором устойчивого развития человеческого общества.

Дадим характеристику параметров процессов организации и реализации правовой деятельности, которые, на наш взгляд, обеспечат ей эффективность. Методология правовой технологии основывается на познавательно-планирующем и организационно-исполнительном блоках процедур в правотворческой, правоохранительной и правоисполнительной сферах жизнедеятельности общества. На первое место мы ставим цели того или иного социального преобразования,

обусловленные общегосударственными интересами. Целевая функция формируется под давлением конкретных событий, когда происходят скрытые или открытые атаки на те или иные нормы законодательной системы страны. Результатами этих атак могут быть негативные или позитивные изменения в бюджетной политике правительства, существенные внешнеполитические и другие потери или приобретения, непрерывный рост или сокращение правонарушений в каких-либо сферах жизнедеятельности общества и даже смена власти. Поэтому одним из направлений в решении существующих и вновь возникающих в стране проблем является законодательная политика, прагматические цели которой диктуются вполне конкретными историческими обстоятельствами.

Мировоззренческая функция правовой технологии отражает систему взглядов и ценностных представлений, формирующих у законодателей и представителей правоисполнительных органов убежденность в целесообразности и возможности нормативного разрешения актуальных проблем в социальном развитии российского общества.

Методологическая функция правовой технологии обеспечивает, с одной стороны, получение актуальной информации о положении дел в обществе и порядок ее анализа в интересах выработки необходимых управленческих решений и, с другой стороны, рациональное применение методов и средств субъективного воздействия на правовую систему страны с целью проведения этих решений в жизнь.

Гносеологическая функция правовой технологии определяет возможности и границы субъективного воздействия правовыми средствами на объективные социальные процессы.

В **аксиологической** функции правовой технологии уточняются мировоззренческие представления субъектов правотворческой и правореализационной деятельности, использующих для обоснования своих решений категории «ценность», «свобода», «право», «обязанности», «ответственность», «равноправие», «справедливость» и др.

Мировоззренческая, гносеологическая, методологическая и аксиологическая функции правовой технологии реализуются на основе признания принципов определенной автономности права, объективности конкретной правовой ситуации, активности субъективного действия, критической рациональности принимаемых решений и эволюционности, т. е. постепенности осуществления институциональных изменений в правовой системе общества.

Особое место в теоретико-методологических основаниях правовой технологии занимают оценочные критерии, предназначенные для выявления, с одной стороны, узловых противоречий в правотворческом и правореализационном процессах, с другой, — для определения и разработки с позиций общегосударственных интересов технологически обоснованных мер по их разрешению. Правовой детерминизм при этом рассматривается в качестве фундаментального критерия для выявления содержания, направленности и научной обоснованности субъективно принимаемых решений в сфере правотворчества и правореализации.

Общие методологические принципы составляют некоторый мировоззренческий базис правовой технологии. Их ценность заключается в обеспечении широты и глубины мышления исследователя, но из них нельзя вывести «готовую а применению» технологию правотворческого, правоохранительного и правоприменительного процессов. Чтобы полученные знания о конкретном состоянии материальной, социальной и духовной действительности в стране использовать в соответствии с общегосударственными интересами, необходимо действовать по определенному плану на основе четко сформулированных процедур. Только в этом случае мы можем рассчитывать на состояние относительной защищенности территории, природных ресурсов, населения (народов России), культуры, духовных ценностей, сложившегося уклада общественной жизни от внутренних и внешних угроз.

Структурно правовую технологию можно представить двумя блоками процедур. *Познавательно-планирующий блок* состоит из семи последовательных действий:

1. Изучение содержания и причин существующих и вновь возникающих проблем во всех сферах жизнедеятельности общества.

2. Анализ и оценка с позиций общегосударственных потребностей сущностных сторон движущих сил и тенденций социального развития страны.

3. Определение возможностей субъективного воздействия на процессы социального развития. В частности, законодательное воздействие на систему общественных отношений инициируют субъекты социального управления, обладающие правом законодательной инициативы.

4. Формирование идейного содержания и ценностных ориентиров социального управления для каждой сферы жизнедеятельности общества.

5. Выбор для решения каждой задачи соответствующих средств, форм и методов социального управления.

6. Составление долгосрочных, среднесрочных и текущих планов социального управления. Например, законодательное воздействие является средством среднесрочного и долгосрочного социального планирования.

7. Координация всей системы планирования социального управления.

Организаторско-исполнительный блок процедур правовой технологии состоит из общего и частного разделов. Процедуры общего раздела осуществляются на основе результатов, полученных в процессе познавательно-планирующей деятельности:

1. Определение и распределение по времени и целям конкретных задач на всех участках управляемого процесса.

2. Научно-методическое, законодательное, правоохранительное, правоприменительное, кадровое, финансовое, экономическое, материально-техническое, идеологическое и другие виды обеспечения управляемого процесса.

3. Контроль, анализ и оценка качества выполнения действующих планов, в том числе в ходе правоохранительной и правоприменительной деятельности.

4. Выявление причин имеющих место недостатков и внесение текущих изменений в планово-распорядительные документы.

Хотя процедуры частного раздела обладают собственным алгоритмом, однако они полностью должны быть подчинены результатам, полученным в ходе познавательно-планирующей деятельности и строятся в рамках процедур из общего раздела организаторско-исполнительного блока[5]. Это позволяет обеспечить единство мировоззренческой, гносеологической, методологической и аксиологической функций правовой технологии в правотворческой, правоохранительной и правоисполнительной деятельности и на деле создать условия для устойчивого социального развития страны.

5.3. Аксиологические основания правовой технологии

При рассмотрении ценностей особое место в правовой технологии занимает проблема дифференциации системы общественных отношений на нравы, обычаи и нормы позитивного права. На уровне нравов, в повседневной практике, никто из индивидов не может даже помыслить о постановке на обсуждение вопросов о свободе, равенстве или справедливости, так как хорошо знает свое место в социальной иерархии в соответствии с имеющимися у него способностями и возможностями по каждому из социализирующих признаков. Свое право на те или иные ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства он доказывает конкретными действиями.

Первой формой организации общественной жизнедеятельности с предвидением будущего стали обычаи, в которых нашли свое отражение *требования некоторой социальной общности к своим членам*. В условиях субъективного определения нормативных предписаний, разрешений или запретов идеи о свободе, равенстве и справедливости возникли вполне естественным образом как соотношение между официально признанными правомочиями, обязанностями и ответственностью одних людей данной общности в сравнении с правомочиями, обязанностями и ответственностью других. При утверждении системы общественных отношений в форме обычаев возникла необходимость в людях, призванных осуществлять контроль над поведением членов общности на предмет соответствия существующим требованиям и принимать меры к тем, кто совершает те или иные нарушения. Это также достаточно очевидно, но в научной литературе различий между нравами и обычаями, как правило, не делается.

На определенной стадии социального развития ряд требований, сформулированных в обычаях, приобрели форму норм позитивного права в виде законов. Соответственно, возникла актуальная потребность обеспечить на постоянной основе их работоспособность. Роль первой линии «обороны» норм и правил действующего законодательства выполняют органы исполнительной власти, обладающие правом издания подзаконных актов и в рамках административного права силами отделов внутренних дел привлекать к ответственности граждан, нарушающих установленный общественный порядок.

Вторую линию «обороны» занимают различного рода суды. Именно они рассматривают дела о правонарушениях и совершенных преступлениях. Принимаемые ими судебные решения часто носят окончательный характер — однако, не

все, так как и эти органы находятся под контролем прокуратуры. Именно ей принадлежат функции третьей линии «обороны». Дальше прокуратуры, осуществляющей надзор за выполнением законов, уже нет никого. Следовательно, когда речь идет о правовой технологии, то мы видим фактически четыре ее взаимосвязанных фрагмента, функционально разделенных на две части. С одной стороны представлена правотворческая деятельность как среднесрочное и долгосрочное планирование задач социального управления, а с другой — правореализационные задачи, выполняемые органами исполнительной власти, судами и прокуратурой.

Вполне естественно возникают вопросы о ценностных основаниях правотворческой и правореализационной деятельности. Например, очевидно, что нормы позитивного права призваны направлять энергию граждан страны на решение общезначимых проблем, обусловленных единством занимаемой территории и условиями общественного разделения труда[6]:

— улучшение количественных и качественных характеристик населения России;

— эффективное создание совокупного общественного продукта и относительно справедливое его распределение между членами общества;

— поддержание (и развитие) ресурсной и производственной базы страны, ее инфраструктуры и коммуникаций в состоянии, обеспечивающем актуальные и долгосрочные потребности социального развития;

— обеспечение конкурентоспособности страны в международном разделении труда;

— защита территориальной целостности страны, ее политической, экономической и духовной независимости на международной арене, и т. д.

Несмотря на естественность и ясность этих целей-задач, их практическая реализация на организационном правотворческом уровне всецело зависит от ценностных ориентаций законодателей. Если они преследуют только свои индивидуальные или какие-либо социально-групповые интересы, то страна обречена на бесконечные социальные потрясения. Основные теоретико-методологические положения, в которых нашли свое отражение ценностные основания правовой технологии применительно к правотворческой деятельности, нами представлены в монографии[7]. Суть их сводится к следующим утверждениям:

— ценными для любого человека являются «ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы их производства, а также условия производства и потребления имеющихся и производимых ресурсов», но никак не слова «добро», «благо», «красота» и т. д.;

— исходными основаниями для исследования данной темы избраны материальные факторы, обусловливающие процессы в системе общественных отношений — единство занимаемой населением страны территории и условия общественного разделения труда;

— аксиологические основания правовой технологии описаны понятиями «ценность», «свобода», «право», «обязанность», «ответственность», «равноправие и «справедливость»;

— система общественных отношений имеет три уровня, представленных в формах «нравов», «обычаев» и норм «позитивного права».

Несмотря на абсолютную очевидность детерминации ценностных ориентаций людей их потребностями, в научной литературе, посвященной данной тематике, эту связь старательно не «замечают»[8]. Качество правотворческой, правоохранительной и правоисполнительной форм деятельности на предмет обеспечения устойчивости социального развития российского общества должно оценивать по следующим критериям. На первом месте стоит проблема воспроизводства количественных и качественных характеристик населения страны, непосредственно реализуемого социальными институтами семьи, образования и здравоохранения. Оценочными критериями последствий предпринимаемых в системе общественных отношений реформ выступают интегральные количественные и качественные показатели человеческого потенциала:

- общая численность населения страны и численность его групп, выделенных по полу, возрасту, национальностям, территориям и т. д.;
- средняя продолжительность жизни населения страны и его отдельных социальных групп;
- уровень и качество образованности людей;
- уровень благосостояния или жизненный уровень населения;
- профессиональная квалификация трудоспособного населения и номенклатура специальностей (особенно по профессиям, являющимся индикаторами научно-технического прогресса) и т. д.

На основе этих показателей можно диагностировать тенденцию развития социальных процессов и определить степень «исторической необходимости» политических целей и задач по преобразованию системы общественных отношений, провозглашаемых теми или другими «реформаторами» и реализуемых органами государственной власти.

На втором месте стоит проблема создания условий жизнедеятельности людей социальными институтами, обеспечивающими их безопасность, а также производство, распределение, обмен и потребление совокупного общественного продукта. Ядром данной проблемы являются отношения собственности. Если в стране есть владельцы той или иной собственности, не приносящей видимой общественной пользы, или эти владельцы беззастенчиво используют ее в интересах населения других стран, то это происходит потому, что люди, облеченные правомочиями отражать интересы страны, в данном случае — законодатели, признают такой порядок функционирования собственности законным. Это они своей нормативной базой позволяют людям направлять свою энергию в данном направлении. Это они инициируют деятельность всех трех линий «обороны» действующих таким образом законов о собственности не на созидание, а на разрушение потенциала страны.

Идейным обоснованием подобных «реформаторских» действий для российских законодателей послужила философия либерализма, суть которой заключается в распространении рыночных механизмов на все сферы экономической жизни страны. Но, во-первых, рыночный механизм ориентирован только на цену и, сле-

довательно, любое предложение производителя товаров и услуг удовлетворяет только платежеспособный спрос потребителей, что составляет не более половины их естественного спроса. Во-вторых, взаимоотношения между производителями товаров и услуг, несмотря на их законодательное регулирование, в силу тяжести последствий от возможных потерь в конкурентной борьбе, на деле строятся в рамках нравов локальных общностей. В-третьих, отношения собственности в философии либерализма рассматриваются односторонне и только с позиций собственника, что не соответствует действительности. Собственность на самом деле это результат распространения одними своей воли на объекты собственности и ее признания социальным окружением. В либеральной философии даже не ставится вопрос о характере и содержании объектов собственности. Между тем, вопрос о признании социальным окружением распространенной субъектами социального действия своей воли на объекты собственности во многом зависит от того, какое значение эти объекты имеют для социума: ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства или финансы, ценные бумаги и драгоценности. Например, земля в первую очередь является территорией для проживания людей, и только с учетом этого ее можно рассматривать как средство производства. Распространив на все общество систему общественных отношений первого уровня, российские законодатели во главу угла поставили свободу экономической деятельности и защиту прав человека, что изначально не соответствовало декларируемым целям о повышении материального благополучия общества.

Смена субъектов социального действия на международной арене от правительств национальных государств к представителям транснациональных корпораций, на первый взгляд, породила международный уровень интересов. На самом деле представители ТНК заинтересованы лишь в продвижении собственных интересов и не более того. Достаточно познакомиться с материалами различного рода межгосударственных документов, чтобы убедиться в том, что конкретные меры по сохранению биосферы Земли, а это единственная общечеловеческая потребность, не предпринимаются, хотя декларативных заявлений делается более чем достаточно. Даже факты очевидного загрязнения окружающей среды нефтепродуктами, происходящего при авариях судов, не получают адекватной оценки в соответствующих международных инстанциях. Следовательно, под лозунгами защиты абстрактных прав абстрактного человека реализуются социально-групповые интересы различных общественных групп, получающие свое нормативное закрепление в международном праве. Кроме того, идеология прав человека ориентирована на индивидуальный уровень его интересов, освобождает людей от каких-либо обязанностей по отношению к обществу и тем самым атомизирует социальную среду в стране ее применения.

С учетом сказанного эффективными ценностными основаниями правовой технологии для правотворческой и правореализационной деятельности в области устойчивого развития прежде всего являются общегосударственные интересы, обусловленные единством занимаемой населением страны территории и условиями общественного разделения труда. Это означает, что органы государственного

управления должны обладать необходимыми правомочиями, иметь обязанности и нести соответствующую ответственность за последствия своей деятельности в деле обеспечения территориальной целостности страны, ее политической, экономической и духовной независимости на международной арене. Во внутренней политике организаторские функции органов государственного управления подчиняются целям воспроизводства количественных и качественных характеристик населения страны, эффективного производства, распределения, обмена и потребления совокупного общественного продукта, поддержания территории страны в состоянии, пригодном для жизни, и т. д. Только на этих условиях можно обеспечить относительно устойчивое развитие социального организма, занимающего определенную часть биосферы Земли, зафиксированную государственными границами. Ориентация на права человека или на так называемые «общечеловеческие» ценности для России, как и для любой другой страны, несостоятельна, так как является структурным элементом неоколониальной политики финансово и экономически господствующих стран в качестве ее идеологического обеспечения. Эта идеология, актуализируя индивидуальные потребности людей, атомизирует социальную среду и создает тем самым благоприятные условия для внешнего влияния.

5.4. Актуальные проблемы правового обеспечения устойчивого развития Сибири

В силу того, что Сибирь является кладовой уникальных природных ресурсов, ведущей энергетической и сырьевой базой страны, она представляет из себя основной источник ее валютных ресурсов. Кроме того, она занимает свыше 40 % территории страны, иначе говоря, ее географическое положение придает ей геостратегическое значение. Сибирь является своеобразным «мостом» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Анализируя объективную жизненную ситуацию, нельзя не отметить особенности многонациональной и сложной государственно-административной организации Сибири. Здесь проживает большая часть коренных малочисленных народов России, этносоциальная культура которых представляет важную часть общемировой культуры. Устойчивость социального развития Сибири можно обеспечить только в рамках устойчивости социального развития России.

Государственно-нормативное управление сибирским регионом в соответствии с положениями ст. 71 Конституции РФ является фактически централизованным, так как содержание ст. 72, где сформулированы вопросы совместного ведения, допускает лишь координацию и установление общих принципов решения отдельных проблем[9]. Конституционное требование обеспечения «соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам» однозначно указывает на определяющую роль центральных органов законодательной, исполнительной и судебной властей. Следовательно, рассматривая проблему устойчивого развития в региональных масштабах, мы должны исходить из

институциональных условий, создаваемых федеральным законодательством и возможностей субъективных решений на местах.

Как уже отмечалось выше, основными критериями для оценки результатов социального развития государства служат данные о динамике количественных и качественных параметров воспроизводства населения страны и создании условий для его бытия. В сибирском регионе, по сведениям переписи населения, в 2002 г. было зафиксировано около 20 млн человек, в том числе примерно 9,4 млн мужчин и 10, 6 млн женщин[10]. Хотя соотношение между возрастными группами населения для Сибири в сопоставлении с такими же показателями по Российской Федерации можно считать более благоприятным[11], однако средняя продолжительность жизни людей здесь ниже среднероссийской, что невозможно объяснить только влиянием более суровых физико-географических и климатических условий жизни.

Сибирь является регионом, где сосредоточены огромные запасы полезных ископаемых, углеводородного сырья, древесины и других богатств. Если рассматривать ее как составную часть Российской Федерации, то освоение этой территории должно осуществляться с учетом интересов только населения страны и с расчетом на жизнь будущих поколений российских людей. Идеология и практика властных структур страны в последние десятилетия свидетельствует о совершенно иных целях. В частности, некоторые представители законодательных и исполнительных органов власти Российской Федерации открыто заявляли о целесообразности вахтового метода освоения природных богатств Сибири. Деятельность нефтегазодобывающих и деревообрабатывающих компаний, металлургических и горно-добывающих предприятий убедительно показывает мировоззренческие установки их владельцев только на получение максимальной прибыли и незаинтересованность в создании благоприятных условий для населения соответствующих районов. Мы уже отмечали, подобное отношение к труду и результатам труда нормативно закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации. Не менее сильным дезинтегрирующим фактором для Сибири является законодательно закрепленная возможность получения юридическими лицами адреса своего нахождения по месту своей регистрации[12]. Это позволяет размещать им органы управления не по месту производственной деятельности, а в центральных городах страны и, соответственно, платить налоги там.

Чтобы понять будущее Сибири в планах неолибералов, полезно познакомиться с основами их идеологии, определяющей систему соответствующих практических действий. Идеальный мир в их представлениях выглядит «следующим образом:

- все деньги, технологии и рынки планеты контролируются и управляются гигантскими глобальными корпорациями;
- общая потребительская культура объединяет всех людей в совместном поиске удовлетворения материальных потребностей;
- существует идеальная глобальная конкуренция среди рабочих мест и местных правительств по предложению своих услуг инвесторам на наиболее выгодных для корпораций условиях;

• корпорации пользуются свободой действовать исключительно на основе прибыльности, без оглядки на последствия своей деятельности для страны и конкретной местности;

• отношения, как индивидуальные, так и корпоративные, определяются исключительно рынком; и не существует никаких обязательств по отношению к месту действия и местным жителям»[13].

Обращаем внимание читателя на два последних положения, в которых предельно откровенно излагаются модели поведения, реализуемые в настоящее время на территории Российской Федерации. Если учесть, что «к настоящему времени ТНК контролируют до половины мирового промышленного производства, 63 % внешней торговли»[14], то выгоду от их деятельности получают только страны, где расположены их штаб-квартиры. «Лидирующую роль играют американские компании, занимающие около 1/3 числа ведущих ТНК. Среди ТНК других стран ведущие позиции у Японии (1/5 ТНК), Германии и Франции (по 10 компаний), Великобритании (7 фирм), Швейцарии (5 фирм)… К 2000 г. на территории Российской Федерации оперировали 80 из 100 крупнейших ТНК. Большинство из них американских ТНК — 24, японских — 16, немецких — 10, французских — 8, английских — 8, швейцарских — 3, итальянских — 2, голландских 2, по одной ТНК Бельгии и Норвегии, две англо-голландские». Если к этому добавить сложившуюся практику крупнейших российских компаний, юридические адреса которых сосредоточены в основном в Москве, то будущее Сибири представляется далеко не безоблачным.

Значительная часть принятых Федеральным Собранием РФ нормативных актов создает благоприятные условия для внешнего вмешательства ТНК и даже отдельных иностранных граждан[15] в жизнедеятельность страны. Вполне понятно, что реализация таких законов приводит к устойчивой деградации населения Российской Федерации, что убедительно показывают демографические показатели за последние полтора десятка лет. Наиболее удручающие последствия такой политики проявляются в Сибири.

Выход из сложившегося положения видится в подчинении деятельности органов государственной власти общегосударственным интересам Российской Федерации, предполагающим обеспечение во внешней политике политической, экономической и духовной независимости страны, а во внутренней — создание благоприятных условий для общественно полезной деятельности людей по эффективному производству, распределению, обмену и потреблению совокупного общественного продукта. В соответствии с требованиями представленной выше правовой технологии необходимо перевести всю систему полномочий органов государственной власти на дифференцированную систему правомочий, обязанностей и ответственности как на федеральном, так и на региональном уровне.

В рамках концепции устойчивого развития региона необходимо осуществить разработку системы всестороннего общественного контроля над деятельностью органов государственной власти, создание системы экологической экспертизы экономических проектов, выпускаемой продукции и т. д.

РАЗДЕЛ II

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ

Глава 6. Основные тенденции социально-экономического развития Сибири

Начало активного проникновения русских за Уральский хребет и освоение территории, которую сейчас называют Сибирью, связывают с походами Ермака, первые из которых датируются 1582 г. В огромном количестве отечественных и зарубежных публикаций, посвященных Сибири, изложено множество отличающихся логикой, детальностью и интерпретацией событий точек зрения по этапности и периодизации освоения Сибири.

В данной публикации период первоначального освоения Сибири рассмотрим очень агрегированно, обратив основное внимание на последнее столетие, в которое и был создан практически весь экономический потенциал региона. Более детально будет рассмотрен период «перестройки» и демократических реформ 1990—2004 гг., в ходе которых наблюдаются очень динамичные, но преимущественно деструктивные изменения в экономике, инфраструктуре и социальной сфере. Отметим также, что все количественные показатели соответствуют территории Сибири в современном экономико-географическом понимании, т. е. охватывают Восточную и Западную Сибирь, включая Тюменскую область с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами.

В период до отмены крепостного права в 1861 г. в Сибири шло целенаправленное формирование государственных и административных структур, опорных точек военного присутствия России (острогов, крепостей), первых городов. Вслед за первопроходцами-казаками в Сибири появились крестьяне-переселенцы. Помещичье земледелие в Сибири отсутствовало. По своему характеру развитие сельского хозяйства в Сибири напоминает становление фермерских хозяйств в США. Крестьяне переселялись в Сибирь по разным причинам: многие бежали в поисках лучшей жизни, некоторых переселяли насильственно, некоторым создавали условия для добровольного переселения.

В результате проводимой царским правительством политики в XVII в. в южной зоне Сибири возникает земледелие. В первой половине XVIII в. создаются первые заводы по выплавке свинца, меди, серебра, открываются многие месторождения полезных ископаемых. Середина XIX в. вошла в экономическую историю Сибири как период «золотой горячки», ознаменовавшейся бурным ростом золотодобывающей промышленности.

Особенно выросли темпы заселения и хозяйственного развития Сибири после отмены крепостного права в 1861 г., когда свободу, но при существенных ограничениях, получили 20 млн помещичьих крепостных — половина всего крестьянства.

В 1891 г. в России наметился кратковременный экономический спад, связанный с общемировым циклическим кризисом (1891—1892 гг.). Катастрофический голод охватил 20 губерний европейской части России с 40-миллионным крестьянским населением, за голодом в 1892 г. последовала эпидемия холеры, что стимулировало переселение крестьянства в Сибирь.

В 1896 г. было создано особое переселенческое управление для оказания содействия заселению Сибири. Казна брала на себя большую часть расходов по переезду и обустройству, хотя разрешение на переезд предоставлялось не всем. В 1885—1896 гг. в Сибирь приехало 165 тысяч переселенцев, в 1896—1900 гг. — еще 900 тысяч.

6.1. Изменение демографического потенциала Сибири по данным всероссийских и всесоюзных переписей населения 1897—2002 гг.

Данные переписей населения являются наиболее достоверной и сопоставимой на большом интервале времени информацией (как по методологии, так и по системе показателей), которая позволяет делать надежные оценки не только изменения демографического потенциала, но и тенденции развития производительных сил.

По данным переписи населения 1897 г., на территории Сибири проживало 5,3 млн человек, что составляло менее 8 % от численности населения России в ее современных границах, в основном крестьяне и представители мещанского сословия, проживавшие в немногочисленных городах. Промышленность была развита крайне слабо и давала около 2 % промышленного производства России. Таким образом, одним из следствий экспансии России в Сибири и на Дальнем Востоке явилось возникновение ключевого противоречия в развитии ее производительных сил. Суть этого противоречия: подавляющая часть населения жила в европейской части страны и на Урале, а основные природные ресурсы находились в Сибири и на Дальнем Востоке.

Прошедшее после переписи 1897 г. столетие представляет собой яркий пример стратегических усилий государства по преодолению этого противоречия с использованием разнообразных форм и методов. Ключевым компонентом этой стратегии как при царском правительстве, так и на всех этапах существования Советского Союза являлось целенаправленное перераспределение демографического потенциала в пользу восточных районов страны.

Темпы роста численности населения Сибири на рассматриваемом интервале времени превышали среднероссийские показатели. В целом за период 1897—2002 гг. число жителей в Сибири выросло в 4,4 раза, в то время как общая численность россиян только удвоилась.

В Сибири наибольший рост населения произошел в 1897—1925 гг. (на 5,4 млн человек, или в 2 раза). В дальнейшем темпы роста снизились, но все равно они были значительными и превышали среднероссийские. Приведенные в табл. 6.1 данные достаточно хорошо интерпретируемы.

Период 1897—1925 гг.: мощный импульс развитию Сибири дает строительство Транссиба (1891—1913 гг.), содействует столыпинская реформа (1907—1913 гг.), а также направленность миграционных потоков в период гражданской войны.

На период 1926—1938 гг. попадают программы «ГОЭЛРО», «Урало-Кузнецкий комбинат», строительства магистральных транспортных путей, значительная часть которых была реализована на территории Западной Сибири.

В период 1939—1958 гг. реализована крупномасштабная программа создания предприятий-дублеров на востоке страны, осуществлена беспрецедентная в ми-

Таблица 6.1

Темпы роста численности населения Сибири и России в 1897—2004 гг., %

Годы	Российская Федерация			Сибирь		
	всего	город	село	всего	город	село
1897—1925	137	170	132	200	470	190
1926—1938	117	220	94	128	310	101
1939—1958	108	170	78	130	210	93
1959—1969	111	131	88	110	132	87
1970—1978	106	117	87	108	120	89
1979—1988	107	114	92	114	122	99
1989—2002	99	99	99	97	96	99
2002—2003	99	99	99	99	100	97
В целом 1897—2003	210	1070	67	440	5570	128

ровой истории эвакуационная кампания 1941 г., реализованы секретные проекты по созданию ядерного и ракетного щита страны. Удельный вес Сибири в этих проектах был доминирующим, что соответствующим образом отразилось на уровне развития производительных сил и численности населения региона.

Период 1959—1969 гг. явился единственным десятилетним отрезком в советское время, когда темпы роста сибирского населения оказались чуть ниже среднероссийского показателя. В это время реализуются разного рода хрущевские эксперименты, в частности, переход к совнархозам, когда осмысленные стратегические действия государства по развитию восточных районов страны были остановлены.

С 1969 по 1988 г. темпы прироста населения в Сибири существенно снизились в силу общих причин, влиявших на сокращение рождаемости (последствия войны, высокая степень занятости женщин в общественном производстве, интенсивные процессы урбанизации и др.). Тем не менее они были положительными и превышали среднероссийские. Главная причина заключалась в положительном сальдо миграционных потоков. В этот период на территории Сибири реализуется несколько крупномасштабных национальных проектов, повлекших за собой массовое привлечение рабочей силы из европейских районов страны: возведение каскада гидростанций и энергоемких промышленных комплексов на Ангаре и Енисее (Ангаро-Енисейский проект), создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на территории Тюменской и Томской областей, первой очереди Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, строительство БАМа и хозяйственное освоение его зоны и др.

О масштабах притока населения в этот период свидетельствуют такие примеры: только из Украины на работу в Тюменскую область приехало около 800 тысяч человек, возникли и приобрели городской статус Сургут, Нефтеюганск, Нижне-

вартовск, Стрежевой, Усть-Илимск, Саяногорск. В период с 1970 по 1978 г. население Нижневартовска увеличилось в 7 раз, более чем в 4 раза возросло число жителей Усть-Илимска, Саяногорска, в три раза — Сургута и Нефтеюганска.

Параллельно в старых районах хозяйственного освоения, расположенных вдоль Транссиба (Омская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край и др.), развивались противоположные тенденции: население старело, сальдо миграции было отрицательным. Таким образом, уже в 1970—1980-е гг. за броским лозунгом «Российское могущество прирастать будет Сибирью» и оптимистическими усредненными статистическими показателями скрывалось две разных Сибири: динамично развивающийся, молодой по составу населения «сырьевой» Север и стагнирующий, стареющий Юг.

Период после распада Советского Союза практически совпал с интервалом времени между двумя последними переписями населения 1989 и 2002 гг. Этот период характерен отрицательным приростом населения в Сибири, причем убыль населения идет более быстрыми темпами, чем в среднем по России. Сокращение численности населения после 1989 г. отмечено во всех субъектах Федерации Сибири, кроме Республики Алтай (106,3 %), Тюменской (105,4 %) и Томской (104,4 %) областей, причем в Томской области положительные темпы в значительной степени обусловлены изменением методологии переписи 2002 г. по сравнению с переписью 1989 г.

Как и по России в целом, чрезмерная убыль населения от превышения смертности над рождаемостью («естественная» убыль) частично компенсировалась за счет положительного сальдо миграции, которое имело место с начала 90-х годов по 1998 г. (рис. 6.1).

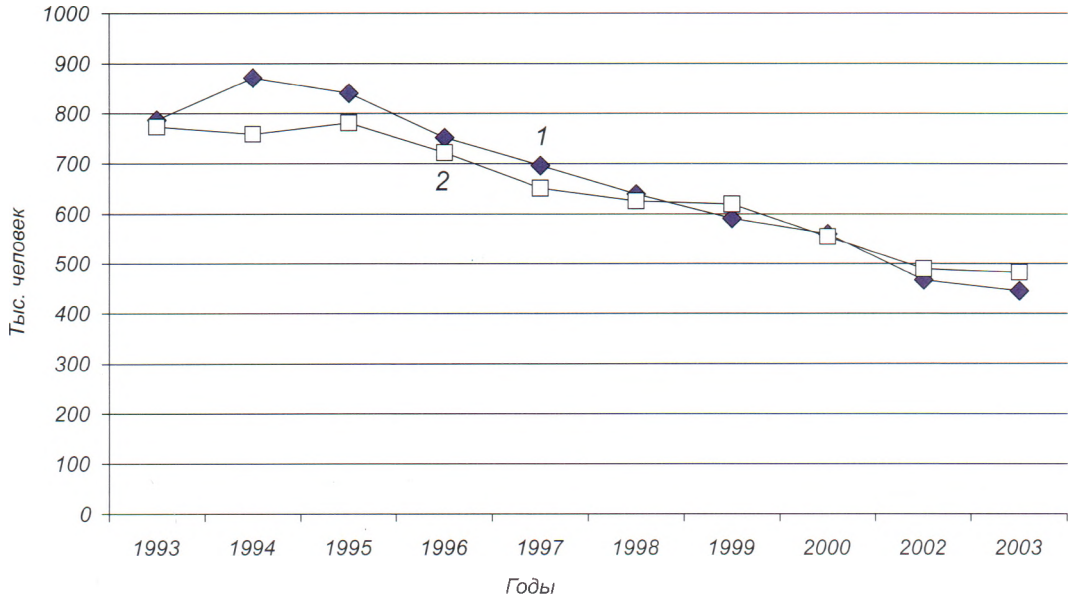

Рис. 6.1. Динамика миграционного движения населения в Сибири в 1993—2003 гг. (*1* — число прибывших, *2* — число выбывших).

Начиная с 1999 г. ситуация меняется, а с 2001 г. в Сибири установилась миграционная убыль населения, которая имеет тенденцию к нарастанию. Основной поток мигрантов в Сибирь из республик СНГ (Казахстан, республики Средней Азии и др.) затухает, а отток усиливается. Происходит ухудшение не только количественных параметров (депопуляция в Сибири установилась с 1993 г.), но и качественных характеристик населения (состояние здоровья, уровень преступности, квалификация рабочей силы, возрастной состав, соотношение полов).

Несомненный интерес вызывает сопоставление процессов урбанизации, которые характеризуют в динамике соотношение городского и сельского населения (рис. 6.2). На рисунке видно, что изменение пропорций в пользу городского населения подчинялось общим закономерностям: и в России в целом, и в Сибири доля го-

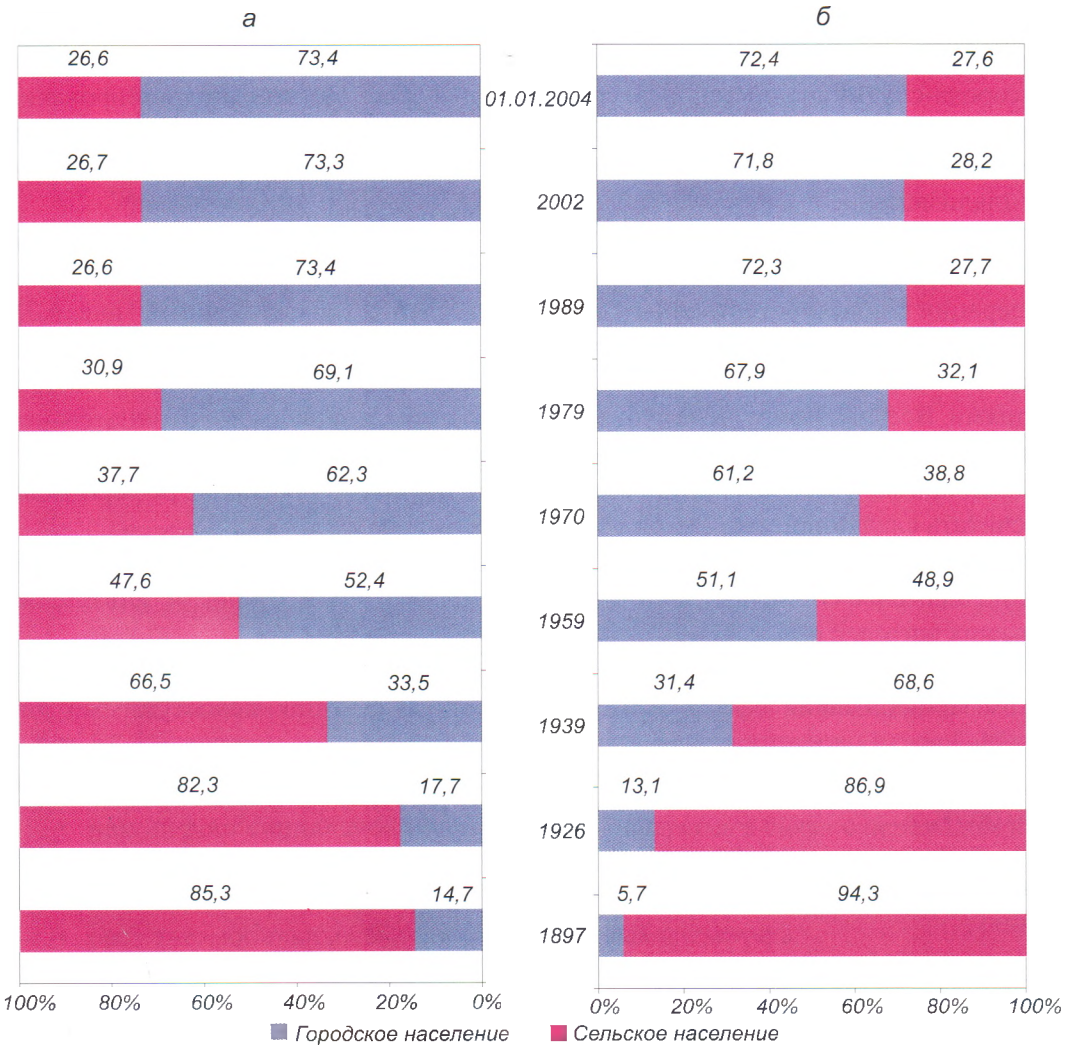

Рис. 6.2. Соотношение городского и сельского населения в России (*а*) и Сибири (*б*) в 1897—2003 гг., %.

родского населения неуклонно росла и стабилизировалась в последнем десятилетии на уровне 73 %. Соответственно, доля сельского населения составляет примерно 27 %. Но стартовые условия отличались кардинально. В России в 1897 г. доля городского населения составляла 14,7 %, а в Сибири — 5,7 %. Следовательно, процесс формирования городского населения в Сибири шел значительно более высокими темпами. В целом за период 1897—2002 гг. городское население в Сибири увеличилось в 55,7 раза, а в России в целом только в 10,7 раза (см. табл. 6.1).

Достигнутая разница в темпах развития городов является следствием государственной стратегии по развитию производительных сил Сибири в XX столетии. В силу того, что значительная часть экономических объектов в Сибири была создана исходя из стратегических соображений в условиях искусственно сформированной системы цен, большая часть этих объектов в условиях перехода к рыночной конкуренции и политики глобализации стала неконкурентоспособной. Как следствие, в тяжелое кризисное состояние попали города и поселения (моногорода, города-спутники), специально созданные для обеспечения функционирования этих предприятий. Как показывают события последних лет, далеко не все городские поселения имеют шансы адаптироваться к изменениям и выйти на новую специализацию.

Особую тревогу вызывает рост смертности населения, который не прекращается, несмотря на экономический подъем 1999—2004 гг. Только в трех субъектах Федерации Сибири естественный прирост населения положительный (рис. 6.3): в Тюменской области это обусловлено более молодой возрастной структурой населения, а в республиках Тыва и Алтай — национальными и религиозными традициями. Все другие крупные субъекты Федерации Сибири имеют отрицательное сальдо естественного прироста населения.

Основными факторами роста смертности в период радикальных реформ можно считать следующие:

- резкое падение уровня жизни большинства населения, фактическое обнищание наименее социально защищенных слоев населения (стариков, инвалидов, сельских жителей и др.);
- авантюристические экспромты при «реформировании» здравоохранения и коммерциализация сферы медицинских услуг, ставших недоступными для большей части населения;
- фактическое уничтожение системы санитарно-эпидемиологического контроля;
- ликвидация государственной монополии на производство и продажу алкоголя и, как следствие, интенсивная алкоголизация, а также и наркотизация населения;
- развал системы охраны и контроля за условиями труда;
- дальнейшее ухудшение экологической обстановки в связи с резким сокращением расходов на природоохранные мероприятия;
- рост преступности в связи с резким расслоением населения, массовой приватизацией;

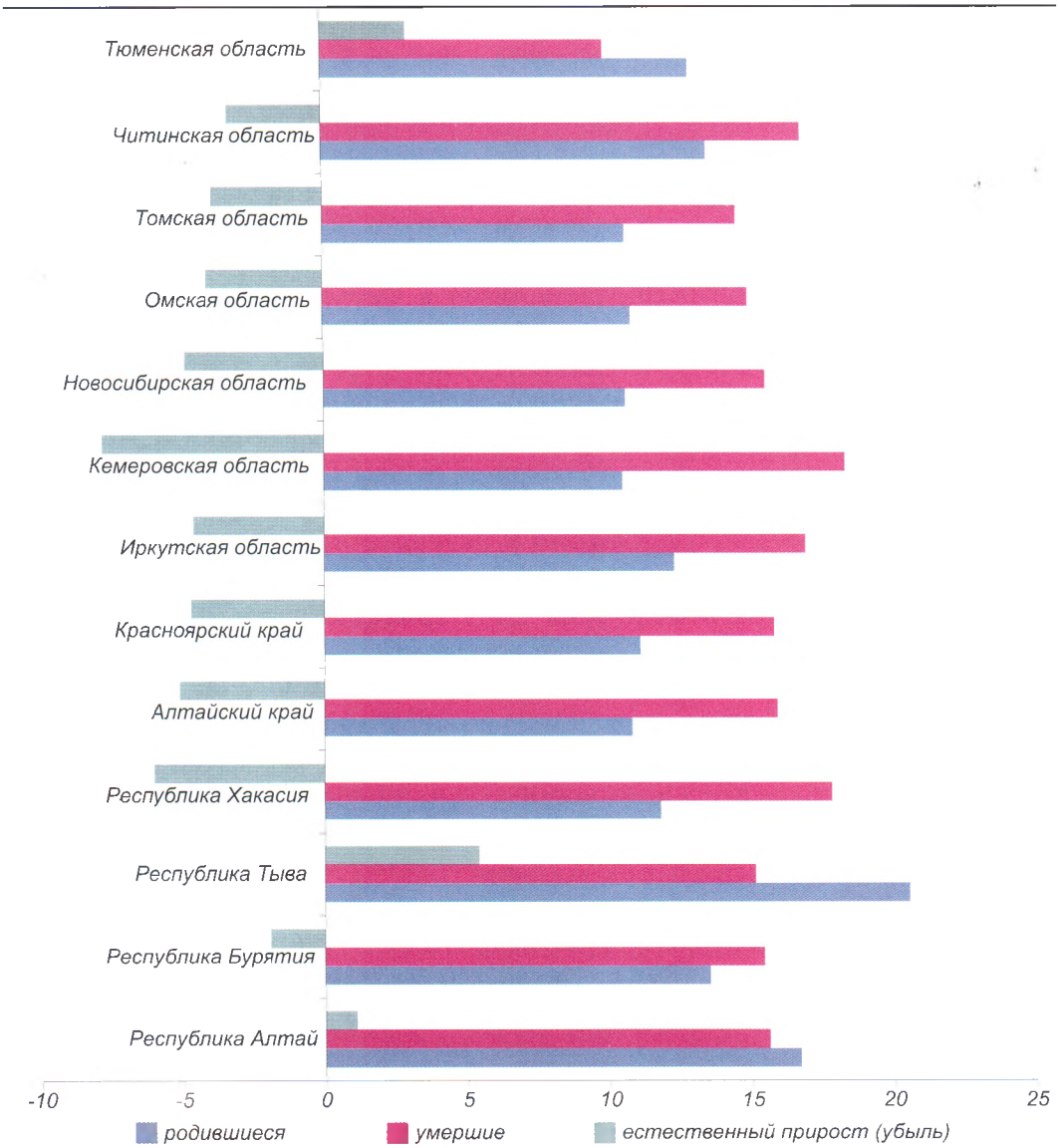

Рис. 6.3. Показатели естественного движения населения по регионам Сибири в 2003 г. (на 1000 человек населения).

- резкий рост социальной напряженности и стресса в связи с переходом к новой экономической модели и политической системе (безработица, инфляция, банкротство и т. д.);
- рост автомобильных аварий и техногенных катастроф.

В Сибири большинство этих отрицательных факторов действует на среднероссийском уровне, задавая общий негативный фон. Но отдельные факторы действуют более сильно, что и предопределяет отток населения из региона. В первую очередь здесь можно отметить низкий уровень жизни населения и состояние окружающей среды.

6.2. Структурные изменения в экономике Сибири и изменение ее рейтинга в масштабах России

Основным интегральным показателем экономического развития региона является валовой региональный продукт (ВРП). Он рассчитывается Госкомстатом России по единой методологии, начиная с 1994 г., и позволяет сравнивать субъекты Федерации между собой как по темпам развития, так и по структурным изменениям. В силу того, что с 2000 г. группировки показателей регионального развития выполняются официальной статистикой в разрезе федеральных округов, большая часть приведенных таблиц содержит информацию по Сибирскому федеральному округу и его месту в масштабах России. Отдельно выделены данные по Тюменской области, что позволяет делать оценки и выводы по Сибири в целом.

В табл. 6.2 приведена динамика региональной структуры ВРП в период с 1995 по 2002 г. Если говорить в целом о Сибири, то ее доля в 1995 г. составляла 22,7 % общероссийского ВРП, а 2002 г. — 21,3 %, т. е. снизилась на 1,5 %. Динамика развития Сибирского федерального округа (СФО) имеет явно выраженную тенденцию к снижению. В 1995 г. доля СФО составляла 15 %, а в 2002 г. — 10,9 %. Суммарно ВРП 16 субъектов Федерации СФО примерно равен ВРП Тюменской области с входящими в нее автономными округами.

Индекс физического объема ВРП показывает, что СФО, как и Дальневосточный федеральный округ, имеет самые низкие темпы роста — 105,1 % за период с 1996 по 2001 г. Данные табл. 6.3 убедительно показывают, что идет интенсивное перераспределение экономического потенциала в пользу западных районов страны, прежде всего в пользу Москвы, Центрального и Южного федеральных округов.

Таблица 6.2

Региональная структура ВРП в 1995—2001 гг., % к итогу по Российской Федерации

Федеральный округ	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Центральный	25,1	26,0	27,6	29,3	32,0	32,9	32,9	34,1
в т.ч. г. Москва	10,2	12,2	14,3	15,3	19,0	21,0	20,7	…
Северо-Западный	10,6	9,7	9,4	10,4	10,3	9,7	9,7	9,9
Южный	8,2	7,9	7,6	8,1	7,9	7,6	7,8	7,8
Приволжский	20,7	20,2	20,4	19,2	18,6	18,1	17,9	17,2
Уральский	14,6	15,8	15,1	13,9	13,6	15,1	15,3	15,0
в т.ч. Тюменская обл.	7,7	9,4	9,1	8,4	8,3	9,9	10,4	…
Сибирский	15,0	14,5	13,7	13,1	11,8	11,5	11,4	10,9
в т.ч. Западная Сибирь	7,8	7,6	6,9	6,5	5,4	5,1	5,5	5,6
Дальневосточный	5,8	5,9	6,2	6,0	5,8	5,1	5,0	5,1

Таблица 6.3

Индекс физического объема ВРП в 1997—2001 гг., % к предыдущему году

Федеральный округ	1997	1998	1999	2000	2001	2001 в % к 1996
Российская Федерация	101,4	94,7	106,4	110,0	105,0	118,0
Центральный	106,2	94,7	106,3	114,9	103,7	127,4
в т.ч. г. Москва	111,1	93,2	106,9	118,9	103,1	135,6
Северо-Западный	98,1	95,6	107,4	109,9	104,9	116,1
Южный	98,5	94,4	108,7	111,6	107,9	121,7
Приволжский	103,5	92,0	105,1	108,4	106,9	116,0
Уральский	100,7	93,8	102,8	110,2	108,8	116,4
в т.ч. Тюменская обл.	101,0	97,3	101,9	109,5	110,4	121,1
Сибирский	95,0	92,1	104,4	107,5	107,0	105,1
Дальневосточный	98,3	92,5	106,2	103,0	105,9	105,3

Анализ структуры добавленной стоимости показывает, что имеет место явно выраженная тенденция снижения доли товаров и роста доли услуг (табл. 6.4). Доля реального сектора экономики в целом по Российской Федерации к 2001 г. снизилась до 50,3 % и продолжает снижаться. В Сибири этот процесс идет несколько медленнее за счет сырьевых регионов, но в отдельных субъектах Федерации, где нет крупномасштабной добычи сырья (Новосибирская, Омская области), темп этого крупного структурного сдвига близок к среднероссийскому.

С позиций институциональной теории эта тенденция может быть вполне логично объяснена резким изменением институциональной структуры экономики и государственной системы управления и, как следствие, резким ростом так называемых трансакционных издержек.

В силу того, что модернизация производственного аппарата в последние 20 лет практически не проводилась (производственные инвестиции в большинстве отраслей не превышали объема выбытия фондов), не росла и продуктивность экономики. В этой ситуации рост трансакционных издержек действует в направлении снижения конкурентоспособности экономики. Сибирь с более тяжелыми природно-климатическими условиями, удаленностью от границ, основных рынков дополнительно проигрывает европейским районам страны. Это происходит потому, что при оказании услуг нет рентной составляющей, но есть повышенные издержки. Поэтому закономерно постепенное снижение удельного веса региона (без учета Тюменской области) в общероссийских показателях промышленного производства: с третьего места в 1990 г. регионы Сибирского федерального округа переместились на пятое место в 2002 г. (табл. 6.5).

Таблица 6.4

Отраслевая структура добавленной стоимости, % к итогу

Отрасль	Российская Федерация		Сибирский федеральный округ	
	1995	2001	1995	2001
Отрасли, производящие товары Всего	58,3	50,3	61,4	57,9
Из них:				
промышленность	38,6	33,4	41,8	40,0
сельское хозяйство	8,6	7,4	10,3	10,7
строительство	10,2	8,6	8,7	6,6
Отрасли, производящие услуги Всего	41,7	49,7	38,6	42,1
Из них:				
транспорт	11,2	8,0	11,1	10,6
связь	1,6	1,8	1,2	1,2
торговля, коммерческая деятельность, включая заготовки продуктов	13,7	21,0	11,5	12,6
жилищное хозяйство	1,5	1,0	1,6	1,0
коммунальное хозяйство	1,6	1,7	1,0	1,8
наука и научное обслуживание	0,6	1,3	0,2	0,6
здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	0,5	0,9	0,5	1,1
образование	0,2	0,5	0,2	0,5
культура и искусство	0,1	0,3	0,1	0,1
управление	0,6	0,4	0,7	0,2
Справочно:				
отрасли, производящие нерыночные услуги	8,2	7,1	8,9	9,2

Отраслевая структура промышленного производства Сибирского федерального округа характеризуется высоким удельным весом добывающих отраслей и отраслей первичной переработки (табл. 6.6). Удельный вес отраслей с высокой долей добавленной стоимости мал и продолжает снижаться. Происходит даль-

Таблица 6.5

Ранжирование федеральных округов по объему промышленного производства

Федеральный округ	1990	1995	2002
Центральный	1	2	2
Северо-Западный	5	5	4
Южный	6	6	6
Приволжский	2	1	1
Уральский	4	3	3
Сибирский	3	4	5
Дальневосточный	7	7	7

Таблица 6.6

Отраслевая структура промышленного производства, % к итогу

Отрасль	Российская Федерация		Сибирь			
			Западная Сибирь	Тюменская область	Восточная Сибирь	Сибирский федеральный округ
	1995	2002	1995			2002
Электроэнергетика	12,5	11,9	11,5	10,9	11,9	14,0
Топливная промышленность	16,6	19,9	51,5	80,4	15,3	12,1
Черная металлургия	9,3	8,1	9,2	—	1,6	8,4
Цветная металлургия	6,6	7,7	1,4	—	32,2	27,5
Химическая и нефтехимическая промышленность	8,1	6,3	5,4	0,9	3,9	6,1
Машиностроение	18,2	20,1	8,3	1,9	7,6	11,3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,2	4,4	1,5	1,0	12,2	5,7
Промышленность строительных материалов	4,9	3,1	3,1	1,6	3,8	2,5
Легкая промышленность	2,5	1,5	0,9	0,2	1,0	0,8
Пищевая промышленность	12,1	13,9	6,3	2,1	7,5	9,3
Мукомольно-крупяная и комбикормовая промышленность	2,1	1,2	1,5	0,6	1,3	1,5

нейшее «утяжеление» производственной структуры на неблагоприятном фоне исчерпания продуктивности месторождений полезных ископаемых, лесных, гидроэнергетических, земельных ресурсов и одновременного роста энергетических и транспортных тарифов.

Отраслевая структура инвестиций в основной капитал (табл. 6.7) позволяет отметить еще одну отличительную особенность Сибирского региона: произошло трехкратное снижение доли жилищно-коммунального хозяйства в общем объеме инвестиций — с 18,1 % в 1996 г. до 6,2 % в 2002 г. Это говорит о том, что инвесторы, прежде всего частные, не видят смысла вкладывать средства в строительство жилья в Сибири и поддержание инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства.

Среднедушевые показатели СФО значительно уступают среднероссийским и продолжают ухудшаться (табл. 6.8, 6.9). Если учесть разницу в районных коэффициентах, то ситуация выглядит еще более тяжелой — практически на треть ниже уровень жизни сибиряков и вдвое ниже капитальные вложения, что не дает оснований для оптимистических прогнозов.

Как и в других регионах, дифференциация большинства значимых показателей между субъектами Федерации внутри СФО выше, чем различие усредненных показателей между округами. По большинству показателей и построенных рейтингов в относительно благополучную группу субъектов Федерации попадают Красноярский край, Томская и Омская области. Срединное положение занимают Кемеровская, Новосибирская, Иркутская области, немного хуже Алтайский край. Остальные регионы (республики Алтай, Тыва, Бурятия, Читинская область и все округа) являются дотационными и находятся в кризисной ситуации.

Таблица 6.7

Отраслевая структура инвестиций в основной капитал, % к итогу

Отрасль	Российская Федерация		Сибирский федеральный округ	
	1996	2002	1996	2002
Промышленность	34,8	42,7	40,2	51,6
Сельское хозяйство	2,9	3,1	3,2	5,4
Строительство	4,0	2,7	4,2	2,5
Транспорт	13,5	19,1	15,8	16,1
Связь	1,8	4,0	1,7	3,1
Торговля	2,2	2,4	2,8	2,1
Жилищное хозяйство	20,3	9,4	18,1	6,2
Здравоохранение	2,3	2,5	3,1	2,6
Образование	1,5	1,7	1,8	1,8

Таблица 6.8

Соотношение среднедушевых показателей по Российской Федерации и федеральным округам, % к Российской федерации в целом

Федеральный округ	ВРП		Инвестиции в основной капитал		Денежные доходы населения	
	1995	2001	1995	2001	1995	2001
Центральный	97,6	128,9	94,3	91,6	135,5	144,8
в т.ч. г. Москва	173,6	345,9	183,3	194,8	350,3	394,7
Северо-Западный	104,5	96,9	89,8	112,8	108,7	98,4
Южный	57,8	51,7	96,0	74,7	60,7	64,2
Приволжский	94,5	81,3	85,4	81,0	71,3	74,6
Уральский	170,4	177,5	220,0	252,8	117,0	123,2
в т. ч. Тюменская обл.	359,8	464,0	615,6	781,6	210,7	231,0
Сибирский	104,5	78,9	87,9	62,9	95,0	81,7
Дальневосточный	112,3	102,5	102,0	116,6	124,1	103,3

Таблица 6.9

Уровень общей безработицы, % к численности экономически активного населения

Федеральный округ	1993	1995	2002
Российская Федерация	5,9	9,5	8,0
Центральный	5,5	8,3	5,4
в т.ч. г. Москва			
Северо-Западный	6,8	10,7	6,3
Южный	7,5	12,7	12,0
Приволжский	5,1	9,0	7,7
Уральский	6,0	8,0	8,2
в т.ч. Тюменская обл.			
Сибирский	6,0	9,1	10,1
Дальневосточный	5,8	10,4	8,6

Тюменская область, макроэкономические показатели которой являются одними из самых высоких в стране, в состоянии откорректировать общие параметры развития Сибири в лучшую сторону. Но это делать нецелесообразно, так как финансовые потоки из Тюменского нефтегазового комплекса проходят мимо Сибирского федерального округа, и подобная статистическая манипуляция только бы исказила действительность.

6.3. Основные выводы из отмеченных тенденций развития Сибири со времени «перестройки» (1985) и распада СССР (1991)

1. В целом можно сделать вывод, что негативные тенденции последних 15 лет ускоренным темпом уничтожают те результаты освоения Сибири, которые с огромным трудом и жертвами получила Россия на протяжении предыдущих столетий. Это ведет к нарастанию геополитических угроз потери Россией восточных территорий в недалекой перспективе, а как промежуточный результат — к невозможности поддержания рентабельно работающей экономики и систем жизнедеятельности во многих городах и районах.

2. Наиболее тяжелой и критичной является демографическая проблема. Неотвратимость внешней угрозы и экспансии со стороны Китая отмечается большинством отечественных и зарубежных авторов: «Горстке русских, заселяющих северную половину крупнейшего континента земли, противостоят с юга 1,25 млрд китайцев, которые до 2050 г. должны прирасти еще на 250 млн человек. Уже сейчас в Китае мужчин на 40 миллионов больше, чем женщин брачного возраста» (Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: Изд-во АКТ, 2003. С. 147).

3. Составной частью демографической проблемы является проблема трудовых ресурсов. В ряде субъектов Федерации Дальнего Востока и Сибири уже происходит тотальный выход из строя инфраструктурных и производственных объектов (Камчатка, Чукотка, частично Сахалин). В других регионах эта тенденция неуклонно нарастает.

4. Более 15 лет в режиме суженного воспроизводства функционируют отрасли инфраструктуры (за исключением связи и автодорожного строительства), жилищно-коммунального хозяйства, промышленности, сельского хозяйства, строительства. Помимо нехватки трудовых ресурсов, причиной деградации является недостаточный объем капитальных вложений.

5. Кардинальные политические и экономические реформы 1990-х гг. в России можно назвать «институциональной революцией», причем большая часть новых институтов была «импортирована» из-за рубежа и закреплена в Конституции РФ 1993 г. В отличие от большинства стран с переходной экономикой, которые от реформ выиграли (например, Индия, Китай), Россия понесла колоссальные, во многом невосполнимые потери. Для Сибири с ее расстояниями, жестким климатом, сырьевой и оборонной специализацией удар был нанесен еще более тяжелый. В ходе приватизации собственность на наиболее эффективные предприятия и, де-факто, на природные ресурсы перешла к частным владельцам, в том числе зарубежным. По существу, утрачен экономический суверенитет на основные ресурсы развития. Государство в лице своих новых институтов не располагает ни ресурсами, ни политической волей для стратегического развития Сибири.

Утвержденная распоряжением Правительства РФ № 765-р от 07.07.2002 г. «Стратегия экономического развития Сибири» представляет собой абсолютно неконструктивный (не оказывающий никакого влияния на развитие ситуации) документ, не выдерживающий критики даже в концептуальном плане.

6. Механизм управления, запущенный вводом в действие новых конституционных принципов, привел к резкому росту трансакционных издержек. При создании институтов «субъект Федерации» и «местное самоуправление» произошло многократное (по многим направлениям, в десятки раз) увеличение бюджетных расходов на содержание аппарата при одновременном росте коррупции и снижении качества управления.

7. Устойчивое развитие трактуется международным сообществом как развитие, не наносящее ущерба будущим поколениям. При этом делается акцент на ненанесении невосполнимого ущерба природной среде.

В этом аспекте (экология) в период «перестройки» и «радикальных реформ» в Сибири не произошло существенного ухудшения состояния природной среды, т. е. ситуация находилась в допустимых параметрах. Но следует подчеркнуть, что вызвано это не продуманной природоохранной политикой, а последствиями глубокого экономического кризиса — промышленным спадом, четырехкратным снижением инвестиций, остановкой большинства целевых программ. В то же время произошло ослабление контроля за природоохранной деятельностью, резко снизились расходы на природоохранные мероприятия (дноуглубительные работы, мелиорация, лесовосстановление, борьба с сельскохозяйственными вредителями и др.), что ведет к нарастанию техногенных и природных угроз и катастроф.

Для экономики Сибири большую угрозу представляет ратификация Россией Киотского протокола, потому что это автоматически приведет к дополнительному налогообложению за сверхнормативные выбросы в атмосферу и окончательно приведет Сибирь в неконкурентоспособное состояние.

8. Отдельный ключевой вопрос для развития Сибири — тарифная политика на энергоресурсы и услуги естественных монополий. Дешевая энергия и низкий транспортный тариф — это главные инструменты компенсации объективных удорожающих факторов развития и самого существования населения в Сибири. Политика последних 15 лет, в ходе которой тарифы формируют на «рыночной основе», приведет, если ее не изменить, к остановке экономики и систем жизнедеятельности в Сибири.

В заключение можно сделать вывод, что решение стратегических проблем развития Сибири предполагает незамедлительный и кардинальный пересмотр всех видов государственной политики: государственно-организационной, экономической, внутриполитической, внешнеэкономической, оборонной, демографической, информационной. Это необходимо не только для Сибири, но и для спасения страны в целом.

Глава 7. Новая стратегия экономического развития Сибири

7.1. Немного истории

Прежде чем рассматривать новые подходы к формированию стратегии развития Сибири, обратимся к анализу предыдущих программных документов и условий, в которых эти документы принимались.

Федеральная целевая программа (ФЦП) «Сибирь» до 2005 г. (начало разработки — 1996 г.). Определяющее значение при формировании содержания ФЦП «Сибирь» имели четыре фактора.

1. Экономика большинства отраслей и регионов находилась в состоянии кризиса и на грани выживания. Это касалось и нефтяной отрасли Сибири, а стало быть, и объемов получаемой нефтяной ренты. Мировые цены на нефть были в разы ниже, чем сейчас.

2. В программе обнаруживалась преемственность с документами, принятыми на период до 2000—2005 гг. и разработанными еще в дореформенный период (ФЦП формировалась в начале второй половины 1990-х гг.); учитывалось наличие незаконченных объектов строительства.

3. Знаковыми фигурами властной вертикали в тот период были субъекты Федерации, и это предопределило императив региональной компоненты.

4. Крупный бизнес еще находился на стадии формирования, как в части интеграции капитала (собственности), так и позиционирования относительно власти.

Представления о механизме реализации ФЦП тоже несли в себе черты прошлого: во многом воспроизводилась старая схема, где роль плана выполняла отдельная строка в бюджете РФ.

Программа была утверждена правительством РФ в 1998 г., включена в бюджет РФ 1999 г. с ничтожным финансированием, и на этом все закончилось.

Стратегия развития Сибири до 2020 г. (начало разработки — 2000 г.)

• Повсеместно начался восстановительный рост экономики. Обозначилось повышение мировых цен на нефть. В административно-территориальном делении страны появились федеральные округа. Крупный бизнес в основном позиционировался на экономическом пространстве Сибири.

• На первый план вышло требование прописать механизм реализации предложенной стратегии. В основу этого механизма заложено предложение о возврате для развития экономики Сибири части нефтегазовой ренты, которое было отклонено.

Данная стратегия утверждена правительством РФ в 2002 г.

Новая версия Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г. (начало разработки — 2005 г.)

• К моменту принятия новой версии стратегии развития Сибири ситуация в России существенно изменилась. Закончился период восстановительного роста, должен начаться инвестиционный рост. Государство научилось собирать нефтегазовую ренту (мировые цены на нефть бьют все рекорды). Появился Стабилизационный фонд, в Сибири, где действуют крупнейшие компании, сформировались условия для партнерства бизнеса и власти. Созрели также условия для диверсификации экономики региона.

Ключевыми элементами новой версии Стратегии, которая должна обеспечить ускоренный экономический рост региона, являются:

• стратегические инвестиционные проекты развития важнейших народно-хозяйственных комплексов;

- партнерство (диалог) бизнеса и власти;
- новые рабочие места как элемент социальной стабильности.

Если говорить о перспективах развития отдельных секторов экономики Сибири, то программные документы, относящиеся к разным периодам, различаются пакетами предложений и объемами производства (особенно в топливно-энергетическом комплексе). Растет амбициозность проектировок.

7.2. Новая стратегия: прорыв в будущее

Слово «проект» происходит от латинского projectus — «брошенный вперед», т. е. на прорыв. Сибирские проекты — это основа для поддержания и ускорения экономического роста в Российской Федерации, Сибирском федеральном округе. Реализация каждого из них, по предварительным оценкам, должна обеспечить не менее 0,1—0,3 % прироста ВВП РФ и порядка 1 % прироста ВРП в Сибирском федеральном округе.

На территории Сибири и Сибирского федерального округа действуют крупнейшие российские компании: все вертикально-интегрированные нефтяные компании, «Газпром», «Норильский никель», «РУСАЛ», «СУАЛ», Стальная группа «Мечел», НПК «Иркут», «СУЭК», «Базовый элемент», РАО «ЕЭС России», АО «Российские железные дороги» и др. Их интересы и отражены в проектах, прошедших селекцию.

Экспертным способом было отобрано более трех десятков проектов, включаемых в новую версию Стратегии социально-экономического развития Сибири. Большинство из них — экспортно-ориентированные. Степень их эффективности и конкурентоспособности определяет мировой рынок (конъюнктура цен, политика и т. п.). В конечном счете в результате их реализации существенно повысится значимость восточного вектора экспорта России.

Укажем сферы предполагаемой реализации новых суперкрупных и крупных проектов на территории Сибири и Республики Саха (Якутия), рассчитанных на 10 лет (от базы 2002 г.) (рис. 7.1).

На карте (см. рис. 7.1) показаны только наиболее подготовленные к реализации проекты. Другими словами, они отражают исключительно приростную составляющую экономики — те объекты, которых сегодня еще нет (за исключением предприятий по производству военно-технической продукции, Северного морского пути и Транссиба). В определенной степени эти проекты будут определять новое лицо хозяйственной специализации ряда регионов Сибири.

Среди них по стоимости наибольший удельный вес в совокупности занимают проекты развития топливно-энергетического комплекса и транспортный, наименее капиталоемкие проекты — инновационные центры.

Наиболее слабое финансовое покрытие (со стороны бизнеса) имеют проекты создания инновационных и туристических центров. Остальные проекты, так или иначе, совпадают с основным профилем производственной деятельности компаний. Хотя нельзя не отметить, что крупный бизнес готов и к диверсификации вложений.

Рис. 7.1. Новые суперкрупные и крупные проекты Сибири. *1* — производство продуктов и добыча ресурсов — нефти, газа, угля, производство электроэнергии, металлов и руд, лесной продукции, недревесной продукции лесов, а также военно-технической продукции; *2* — инновационные центры; *3* — транспортные услуги: развитие Северного морского пути, Транссиба, малого БАМа (железная дорога на Якутск), авиаперевозки сверхтяжелых грузов; *4* — логистические центры; *5* — центры туризма и рекреации; *6* — проекты развития и диверсификации экономики Сибири.

Для реализации только в Сибирском федеральном округе всей совокупности проектов первой очереди потребуется суммарный объем инвестиций в расчете на 7—10 лет — 35—40 млрд дол. Отобранные проекты являются достаточно энергоемкими, по предварительной оценке, дополнительная потребность в электроэнергии составит более 30 млрд кВтч в год.

7.3. Ускоренный рост — ускоренный социальный прогресс

По приблизительным оценкам, прирост ВРП округа за счет реализации всей совокупности проектов может составить 8—9 млрд дол. В том числе 1—1,5 млрд дол. будет получено за счет разработки, внедрения и производства высокотехнологичной продукции. Примерно столько же может составить эффект от применения высоких технологий в других отраслях (за счет модернизации и ввода новых мощностей). В целом же программно-проектная часть развивающейся экономики должна дать порядка трети прироста ВРП Сибирского федерального округа. Но это только прямые результаты реализации проектов. Несомненно, будет и так

называемый мультипликативный эффект, который обеспечит еще несколько процентов прироста ВРП округа.

В рамках всего пакета проектов должно быть создано порядка 250—300 тыс. дополнительных высокооплачиваемых рабочих мест. Это должно способствовать привлечению в регион дополнительной рабочей силы. В результате будет расти потребление товаров и услуг. Начнут разворачиваться новые программы строительства жилья и создания социально-бытовой инфраструктуры.

А главное — после реализации проектов на карте Сибири появятся новые населенные пункты, увеличится население существующих. Будет дан толчок развитию здравоохранения, культуры, образования. Другими словами, тенденция сокращения населения Сибири должна быть переломлена.

7.4. Механизм реализации проектов

Отличительной чертой проекта как формы хозяйственной деятельности является наличие организационно-экономического механизма его реализации, в том числе и государственной поддержки. До сих пор отсутствие такого механизма было слабым звеном программ и концепций развития Сибири.

Механизм реализации проекта должен состоять из двух частей.

Первая часть — институциональная (разрешительная, стимулирующая и т. п.). Сюда же относятся и сроки согласования проектов в правительстве и других властных структурах.

Вторая — ресурсная (материальная, финансовая, трудовая и т. п.). Главное здесь — наличие инвесторов. Ими могут быть государство, представители эффективного бизнеса (минимальное требование — наличие прибыли за последние 2—3 года функционирования), финансовые организации, фонды, иностранные инвесторы, граждане и т. д.

Роль и приоритеты государства. Сейчас для совокупности проектов наиболее подходящая аналогия — толпа. Ее нужно трансформировать, образно выражаясь, в войско. А для этого нужен стратег. Эту роль и должно выполнять государство. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, сравним расходы бюджета на ФЦП в различных регионах (табл. 7.1).

Таким образом, можно сделать вывод: если бы все целевое инвестиционное финансирование Сибири шло на уровне Татарстана (с учетом шестикратной разницы в численности населения), то сумма выделяемых средств (в годовом исчислении) должна составить 55—60 млрд руб. Этого вполне достаточно для реализации транспортных проектов (объектов транспортной инфраструктуры) и проектов инновационных центров. А если бы средства выделялись на уровне Дальнего Востока — то около 3 млрд руб. Впрочем, заметим, что деньги лишними никогда не бывают.

Поэтому **главный вопрос — это вопрос приоритетов государства.**

Привлечение иностранных инвесторов Примерно из 40,5 млрд дол. иностранных инвестиций, поступивших в страну в 2004 г., на долю Сибирского федерального округа пришлось 7,8 % (в 2003 г. — 7,2 %).

Таблица 7.1

Расходы федерального бюджета на реализацию ФЦП регионального развития (по Закону о федеральном бюджете на 2005 г.)

ФЦП	Сумма, млрд руб.*	Доля в сумме расходов по ФЦП регионального развития, %	Доля в расходах бюджета, %	Население, млн чел.**
Развития Калининградской области на период до 2010 г.	1,04	3,6	0,03	—
«Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг. и до 2010 г.»	0,93	3,2	0,03	8,7
«Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области (1994—2005 гг.)»	0,22	0,8	0,01	—
«Юг России»	2,58	8,8	0,08	—
«Социально-экономическое развитие Республики Татарстан до 2006 г.»	9,92	33,9	0,33	3,7
«Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской республики (2002 г. и последующие годы)»	5,82	19,9	0,19	—
«Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан до 2006 г.»	6,24	21,3	0,21	4,1
«Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002—2010 гг. и до 2015 г.)»	2,51	8,6	0,08	—
Итого	29,3	100,0	0,96	—

*Цифры округленные.
**На 1 января 2004 г.

Зарубежные вложения оседают в основном в двух регионах округа — Красноярском крае и Омской области.

В Томской области заявлен совместный инвестиционный проект с Китаем. Китайская сторона заинтересована в строительстве крупного целлюлозно-бумажного комбината. Речь идет о создании комбината мощностью 600 тыс. т целлюлозы

в год, что потребует примерно 1,2 млрд дол. инвестиций (со сроком окупаемости в течение 8—10 лет).

Успех данных акций и многих других во многом предопределен инициативностью региональных властей и их значимостью (в глазах бизнеса).

7.5. Диалог с бизнесом

Для ведения переговоров с бизнесом нужны очень опытные переговорщики. Это та сфера, в отношении которой справедливо утверждение М. Е. Фрадкова: «Поиск баланса и компромисса — это наука на грани искусства».

Действующие на территории Сибирского федерального округа крупнейшие российские компании входят в число 20 крупнейших налогоплательщиков страны и обеспечивают преобладающую часть доходов консолидированного бюджета (в первую очередь федерального). Нет сомнения в том, что реализация новых проектов обеспечит очень серьезный прирост налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. Так, по оценке губернатора Красноярского края А.Г. Хлопонина, реализация только одного проекта — вывод Ванкорского нефтегазового месторождения на плановую мощность — предусматривает ежегодные налоговые поступления в размере 1,2 млрд дол. Так что с этими корпорациями есть о чем договариваться.

О государственно-частном партнерстве (ГЧП). Есть основания полагать, что государство стремится усилить свои позиции в экономике. Госсектор (в форме АО) усиливается. Так, в промышленности доминируют «Газпром», РАО «ЕЭС России», РАО «РЖД», «Связьинвест». Добавим 35 оборонных холдингов, «Роснефть» с «Транснефтью» и т. п. За прошлый год капитализация госкомпаний выросла на 70 %! А их доля в совокупном капитале достигла 45 %.

Но это все старые активы. Сейчас у государства есть средства создавать новые. Создается Инвестиционный фонд РФ для финансирования проектов общегосударственного значения (не считая средств Стабилизационного фонда). И Сибирь для этого — вполне подходящий регион. Здесь государственными могли бы стать различные активы: нефтяные, газовые, железнодорожные, автодорожные, трубопроводные, аэропорты и речпорты, энергетические, информационные, драгметаллов, инфраструктура свободных экономических зон и т. п. С этими объектами в дальнейшем можно работать, например, на таких условиях: государственный сектор финансирует и создает инфраструктуру, передает ее в эксплуатацию частной компании, которая постепенно приобретает ее в собственность.

Заметим, что различные формы государственно-частного партнерства уже использовались при формировании производительных сил Сибири. Так, знаменитый Транссиб во многом строился подрядным способом (заказчиком выступало государство). Общество «Лена-Голдфилдс» осуществляло добычу золота и цветных металлов на условиях концессионных соглашений.

Большая роль в диалоге с бизнесом принадлежит региональным властям. Важна их значимость в глазах бизнеса, инициативность. Крупный бизнес готов к диверсификации вложений. Приведем несколько примеров проектов в области рекреации, спорта и туризма, реализующихся в Сибири (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Характеристики некоторых горнолыжных комплексов, строящихся в Сибири*

Комплекс	Объем инвестиций, млн дол.	Начало строительства	Форма собственности земли	Инвесторы
Спортивно-развлекательный комплекс «Шерегеш» (Кемеровская область), новое строительство	100	2005 г.	В стадии принятия решения о землеотводе	Акционеры ОАО «Угольная компания "Кузбассразрезуголь"»
Спортивно-оздоровительный комплекс «Бобровый лог», новое строительство	30	2004 г.	Аренда	ОАО «ГМК "Норильскникель"»
Горнолыжный комплекс «Гладенькая» (Республика Хакасия), модернизация	Около 40	2002 г.	Оформлен в собственность	ООО «Базовый элемент»

*Эксперт-Сибирь. 2005. № 27. С. 20.

Руководство Ханты-Мансийского автономного округа активно поддерживает целевые образовательные и научные программы, и в Ханты-Мансийск переезжают на работу сотрудники Новосибирского научного центра, врачи Иркутска и т. д.

Объявлено, что руководство Свердловской области завершает переговоры о переводе центрального офиса компании «Евразхолдинг» из Москвы в Екатеринбург. Ожидаемый эффект от налоговых поступлений составит порядка 100 млн руб.

Роль малого предпринимательства и формирование среднего класса. Есть проекты крупного бизнеса в части поддержки малого предпринимательства, к примеру, в Кемеровской и Новосибирской областях (естественно, надо учитывать, что при сотрудничестве крупный бизнес исходит в первую очередь из собственных интересов).

Сейчас география малого бизнеса в Сибири очень узка. В Новосибирске сосредоточена четверть всех малых предприятий Сибирского федерального округа. Новосибирская область занимает пятое место в РФ (после Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ростовской областей) и вполне может перейти на четвертое.

Реализация проектов должна вдохнуть свежую струю в застойную сферу малого бизнеса. Например, строительный бум: уже сегодня строительство по количеству малых предприятий и числу занятых в них делит 2—3-е место с промышленностью (после торговли). Другой вопрос — где взять столько строителей?

Если довести долю занятых в малом бизнесе Сибири хотя бы до доли округа в численности населения РФ (т. е. увеличить эту долю на 4 %), то это даст примерно 200—250 тыс. новых рабочих мест. Среди них весомую долю, по-видимому, на

менее 10 %, должны занимать малые предприятия, работающие в области наукоемких производств (сфере высоких технологий). Уже сегодня в Российской Федерации величина заработной платы данной категории работников находится в интервале 6—12 тыс. дол. в год (в Москве она еще выше).

Одно из важнейших условий для расширения масштабов малого бизнеса — наличие соответствующей нормативно-правовой базы на региональном уровне.

Развитие малого бизнеса должно создавать условия для расширения среднего класса. В этом отношении напомню, что у российского общества появилась третья стратегическая цель (первые две — удвоение ВВП и борьба с бедностью) — увеличение численности среднего класса страны в три раза за 10—15 лет (с 15—20 до 50—60 %).

* * *

Особую роль в развитии производительных сил Сибири и решении проблемы сокращения межрегиональных диспаритетов в Сибирском федеральном округе должен сыграть процесс объединения сложносоставных субъектов Федерации.

В роли лидеров здесь выступают сейчас Красноярский край, Таймырский и Эвенкийский автономные округа. Экономическую основу такой интеграции может составить часть вышеназванных проектов, одновременно дающих импульс региональным точкам роста. В первую очередь, это энергетические проекты с обслуживающим транспортом.

Из сказанного ясно, что новая концепция социально-экономического развития Сибири не требует от государства слишком многого (в финансовом отношении). Локомотивом реализации Стратегии могут стать крупные корпорации, позиционированные на территории Сибири, поскольку их интересы в первую очередь лежат в русле обсуждаемых проектов. Но при этом государство должно четко обозначить и свои приоритеты, и социальные функции.

Премьер М.Е. Фрадков сказал: «Происходит переход правительства к активному использованию государственных средств в качестве катализатора экономического роста». Следует полагать, что этим заявлением глава кабинета обозначил новый вектор экономической политики государства.

Что в этом контексте означает утверждение Стратегии правительством? Это легитимизация государством социальных проблем региона, целевых установок развития экономики Сибири на долгосрочную перспективу и совокупности институтов (правил и норм), делающих их реальными. Практически это означает, что основой для долговременного решения социальных вопросов становится экономический рост.

Далее предполагается в некотором роде аппроксимация Стратегии набором федеральных целевых программ (отраслевого характера) — объектов прямого финансирования из федерального бюджета, а также отраслевых инвестиционных программ, для реализации которых будет использован механизм государственно-частного партнерства.

Глава 8. Проблемные проекты развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока

Россия — великая транспортная держава, и ее транспортная стратегия нами рассматривается как средство достижения национальных целей: *геополитических, политических, военно-стратегических, экономических и социальных.* Анализ показывает, что приоритетность этих целей зависит от: ситуации в мире и стране, характера задач, выдвигаемых президентом страны, правительственного курса, направленного на их решение.

На наш взгляд, транспортный комплекс РФ должен функционировать и развиваться так, чтобы указанные цели достигались в полном объеме, а задачи решались своевременно даже при корректировке приоритетов и курса. В нестабильном мире XXI в. и обновляющейся России это не простая проблема. Ее решение зависит от выверенной долгосрочной стратегии, в которой высокая общественная эффективность балансируется с оправданными затратами, соблюдаются принципы социальной справедливости и обеспечивается национальная безопасность. Причем подобная стратегия не может не быть многосторонней, она затрагивает все звенья и отрасли транспортного комплекса как в части их ресурсно-технологического ядра, так и в части организационно-экономического механизма их координации и консолидированного развития.

8.1. Альтернативная концепция и политические, экономические препятствия реализации стратегии развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока

Можно выделить три варианта стратегического развития транспортной сети на Востоке страны.

Первый вариант — стратегия предлагает рассматривать территорию Сибири и Дальнего Востока как транспортный коридор (мост) между Европой и странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Стержнем коридора является электрифицированный Транссиб, в настоящее время недогруженный и имеющий большие резервы по провозной и пропускной способности. В то же время расчеты специалистов ИЭОПП СО РАН показывают, что при нынешних темпах развития экономики, если в ближайшие годы не построить Северо-Сибирскую магистраль от Усть-Кута на Сургут и далее на Российский Север, то все возрастающий транспортный поток захлестнет Транссиб и поток уйдет в Китай на TRACECA и другие альтернативные пути, что приведет к большим экономическим потерям для России. Мало кто знает, что в последние годы ведутся интенсивные консультации и предпроектные проработки строительства тоннеля, соединяющего южный остров Японии Кюсю с портом Пусан в Республике Корея протяженностью 230 км с выходом на о. Цусима. Последняя конференция по этому вопросу состоялась весной 2003 г. в Пусане. При реализации такого проекта весь контейнерный трафик из Японии уйдет на Корею, а затем через Китай в Европу. В этом случае вариант соединения Японии с Россией через о. Сахалин становится излишним и Транссиб

остается без работы, а сама Сибирь превращается в большую «черную транспортную дыру», открытую для экономической и этнической экспансии.

Второй вариант — стратегию можно назвать ресурсно-ориентированной. Эта стратегия предлагает рассматривать территорию Сибири и Дальнего Востока как кладовую природных ресурсов, для освоения которых необходимо от широтного Транссиба прокладывать меридиональные ветки к северным и арктическим месторождениям полезных ископаемых. По решению ООН, к 2007 г. все страны должны выполнить требования по установлению национальной юрисдикции только в пределах 200-мильной прибрежной зоны. Это напрямую касается акватории Северного Ледовитого океана, в котором наши границы со времен Петра I сходятся на Северном полюсе. Исключение по правилам ООН составят лишь шельфовые зоны, юрисдикцию на которые подтвердят национальные правительства. В зоне наших теперешних границ в акватории Северного Ледовитого океана находятся хребет Ломоносова и возвышение Менделеева, в недрах которых, по оценкам геологов, залегают от 5 до 100 млрд баррелей нефти. Если Россия подтвердит до 2007 г. принадлежность этих шельфов к национальной территории, то возникает вопрос о способах освоения находящихся там месторождений.

Третий вариант — стратегия социальной ориентации. Она представляет собой интеграцию двух названных стратегических вариантов и предполагает создание на территории Сибири транспортной решетки, имеющей выходы в мировую транспортную сеть через: транскорейскую магистраль; прямую железнодорожную линию материк—о. Сахалин и далее через пролив Лаперуза в Японию; трансконтинентальную магистраль через Берингов пролив с выходом через Аляску на Канаду, США и страны Южной Америки. Предварительные прогнозные расчеты на долгосрочную перспективу показывают, что все указанные магистрали будут загружены настолько, что срок окупаемости средств, затраченных на их строительство, будет находиться в интервале 15—17 лет, что для транспортного строительства является нормальным. Учитывая мультипликативный эффект, сроки окупаемости будут во много раз меньше. Для эффективного включения железных дорог российской Азии в мировую экономику одного Транссиба недостаточно. Такой вывод подтверждает точку зрения экономических экспертов ООН, которые еще 20 лет назад пришли к заключению, что одним из важных факторов для ускорения мирового сотрудничества и развития является создание глобальной железнодорожной системы. Уже тогда предлагалось соединить тоннелями Америку с Азией и Европой в районе Берингова пролива, Европу с Африкой — в районе Гибралтара, Японию с Сахалином — в районе пролива Лаперуза и Сахалин с материком — в районе пролива Невельского. Утверждалось также, что во многих случаях трансконтинентальные железнодорожные перевозки предпочтительнее морских: поезда в среднем идут в три раза быстрее судов, кроме того, исключается двойная перевалка грузов в портах отправления и получения.

Социальная ориентация этой стратегии предполагает следующее.

Во-первых, создание опорной транспортной решетки на северо-востоке страны позволит не только цивилизованно осваивать ресурсы материка и шельфовой

зоны Северного Ледовитого океана, но и не менее цивилизовано заселять обширные пространства, создавая опорные селитебные зоны вокруг мультимодальных транспортных узлов и вести хозяйственное освоение арктических территорий.

Во-вторых, создание условий для минимизации техногенных воздействий на ранимую природу Крайнего Севера и, тем самым, условий для сохранения и развития проживающего там населения.

Следует заметить, что создание опорной транспортной сети включает в себя то, что параллельно железнодорожным линиям строятся автомобильные дороги, нефте-, газо- и продуктопроводы, линии высокого напряжения и оптоволоконные линии. Экологичность и ремонтопригодность обеспечиваются по высшим стандартам.

Что касается вопроса о том, какая из трех названных стратегических моделей является предпочтительной, то, как мы считаем, все зависит от приоритетов, о которых говорилось в начале. Наши расчеты показывают, что, например, если на первое место выдвигаются цели экономические, преимущество имеет ресурсно-ориентированная стратегия, если социальные и военно-стратегические, то лучшей является социальноориентированная стратегия. В общем случае эффективность стратегий также зависит от сценариев развития хозяйственно-политической ситуации в мире и в нашей стране. Однако, в любой серии сценарных предположений реализуемость любой из названных стратегий требует на ее начальном этапе (до 2010 г.) как минимум удвоения ВВП. Задачи, принятой по предложению президента РФ, в качестве первоочередной до 2010 г. Заметим, что горизонт стратегических расчетов, о которых идет речь, приходится на 2025 г., но запускать первоочередные проекты следовало бы уже сейчас.

Неотъемлемым элементом любой из названных стратегий является создание в точках пересечения широтных и меридиональных железнодорожных линий, речных и автомобильных магистралей и иных средств коммуникации и связи мультимодальных транспортных узлов. Расширение круга таких узлов с базированием на железных дорогах и передовым логистическим сервисом создает условия для эффективных перевозок: чем больше в сети узлов, тем больше в ней эффективных комбинаций маршрутов. Необходимо такие узлы создавать как на транспортных магистралях, железных дорогах европейской России (Калининград, Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Новороссийск), так и в опорных городах-мегаполисах на Транссибе: Тюмени, Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке. Полигоном для разработки и тиражирования ноу-хау, связанных с созданием мультимодальных узлов, может стать Новосибирск как имеющий наиболее мощную образовательную инфраструктуру на востоке страны и серьезные научные заделы по этой проблеме.

Создание опорной железнодорожной сети на востоке страны потребует реализации крупномасштабных железнодорожных проектов. Было бы правильным с самого начала придать им статус международных, что усилило бы имидж России как великой транспортной державы и открыло бы доступ к весьма выгодным кредитам. Не следует пренебрегать и отечественным опытом концессионных сделок, опираясь на которые в дореволюционной России была построена большая

часть железнодорожной сети, той сети, которой мы пользуемся до сих пор. Во второй половине XIX в. (с конца 50-х и до начала 80-х гг.) в России имели место небывалые темпы строительства железных дорог: почти 1 тыс. км в год. Это был период постройки дорог концессионным способом. Если за все время государственного строительства от ввода в строй первой железной дороги в России до начала концессионного периода (примерно 20 лет: 1837 г. — конец 1850-х гг.) общая протяженность линий железных дорог составила лишь 3 тыс. км, то за последующие 20 лет она увеличилась на 20 тыс. км, а к началу Первой мировой войны эксплуатационная длина сети достигла 60 тыс. Желающих получить сегодня концессию на выгодных для России условиях по нашей информации достаточно.

Необходимо также указать на стратегические аспекты проводимой ныне реформы железнодорожного транспорта. Представляется, что она не должна ограничиться конкуренцией независимых перевозчиков на государственных рельсах. Глубинные резервы эффективности кроются в конкуренции параллельных широтных транспортных коридоров, идущих через Сибирь и Дальний Восток и соединяющих железные дороги России с глобальной железнодорожной сетью. Таких глобальных маршрутов-конкурентов в стратегической перспективе видится три: Транссиб с ответвлениями на АЯМ и далее на ТКМ, Сахалин и Корею, Севсиб с выходом на БАМ и Баренцкомур и Полярная магистраль с выходом на Аляску через Берингов пролив. Эти маршруты должны не только стать экономическими конкурентами, но и решить социальные и военно-стратегические задачи на востоке страны.

На южных границах Российской Азии находится перенаселенный и бурно развивающийся Китай. По оценкам китайских экономистов, в ближайшие 5—7 лет на границах с Россией сосредоточится от 300 до 500 млн безработных китайцев. Этническая экспансия на Дальнем Востоке уже имеет место. Если не принять действенных административных, экономических, политических и юридических мер в ближайшие годы, можно ожидать косовского варианта развития событий, следствием которого может стать потеря сначала Дальнего Востока, а затем и Сибири. Генри Киссинджер прогнозирует начало развития таких событий через 50 лет. По нашим оптимистическим оценкам это случится в два раза быстрее.

Китай предпочел экспансию экономическую. Тихую, ползучую и во сто крат более эффективную. Наконец, американцы спохватились. «Общий стратегический интерес России и США состоит в сдерживании Китая — и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и в АТР», — писал три года назад авторитетный американский политолог Томас Грэм. Но было уже поздно. Китай не просто окончательно утвердился в роли ключевого игрока на мировой экономической арене. Он умудрился фактически подчинить себе американскую экономику.

Чукотка по линии родственных связей аборигенов все более втягивается в сферу американских экономических интересов. И это представляет еще одну угрозу в силу слабой заселенности и слабых связей, в том числе транспортных, с основной частью страны. Таким образом, нынешняя ситуация чревата серьезными политическими последствиями.

Выше уже говорилось об опасности потери океанского шельфа в Северном Ледовитом океане вместе с залежами нефти. При освоении подобного рода месторождений необходимо организовывать перемещение грузов порядка 50 млн т в год. Северный морской путь способен освоить только 2—3 млн т. При отсутствии транспортных коммуникаций освоение других месторождений на северо-востоке страны является весьма проблематичным, так же как заселение и хозяйственное освоение необжитых пространств, даже при использовании вахтового метода.

Другая сторона экономических проблем состоит в невозможности в настоящей ситуации использования ресурса исключительного по мировым меркам географического положения России. В настоящее время упущенный транспортный транзит по оценкам экономистов составляет около 10 млрд долл. Если использовать в полной мере возможность транспортного транзита, то Россия может стать самым крупным экспортером транспортных услуг, доходы от которых во много раз превысят доходы от экспорта невозобновляемого (металлы, нефть, газ, уголь) и возобновляемого (лес, электроэнергия гидростанций) сырья. Страна при этом приобретает совершенно другой статус.

Кроме описанных и в достаточной мере исследованных негативных последствий нынешнего статус-кво, в последнее время появляются новые.

Как отмечает А. Лазарев [1], товарооборот между Западной Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона оценивается разными источниками в 240—550 млрд долл. При этом 25 % этих грузов перевозится в контейнерах. В 2002 г. объем перевозки грузов в контейнерах в этом направлении составил 65 млн т, а к 2015 г. он возрастет до 135 млн. Сейчас существует несколько вариантов перевозки данных грузов помимо Транссибирской железнодорожной магистрали.

Итак, каковы же основные варианты перевозки грузов? Первый маршрут — из Европы в страны АТР по Суэцкому каналу. Данный путь представляет собой окружной морской маршрут через Евроазиатский континент. Здесь курсируют современные крупнотоннажные суда-контейнеровозы. Основные грузопотоки формируют Китай, Япония и Корея, ежегодные объемы перевозок между ними и странами Евросоюза достигают 64—70 млн т. Этот маршрут притягивает к себе практически все евроазиатские грузопотоки. Доля железнодорожной составляющей по обслуживанию транзита в данном направлении составляет порядка 1 % от объемов перевозок через Суэцкий канал.

Однако такое распределение грузопотоков ставит Европу в жесткую зависимость от Египта, по территории которого проложен Суэцкий канал; а также от узкой группы крупных судовладельцев, доминирующих на этом морском маршруте. Египет периодически пытается выторговать для себя те или иные привилегии, а хозяева контейнерного флота — под разными предлогами повысить цены.

Есть еще одно обстоятельство, влияющее на привлекательность окружного морского пути: мировые цены на топливо. Когда они низкие — на Западе с неохотой обсуждают проекты по укреплению сухопутных альтернатив; но когда долго остаются стабильно высокими — в Европе сразу вспоминают о сухопутных евроазиатских маршрутах.

Второй маршрут — Северный морской путь, который имеет все шансы для превращения в один из крупнейших международных транспортных коридоров. Помимо того, что данный маршрут связывает российские северо-западные порты (Мурманск, Архангельск и другие) с российским Дальним Востоком, Северный морской путь является также кратчайшим морским путем между странами Северной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, США (Аляска) и Канадой. В настоящее время Северный морской путь рассматривается как самостоятельный евроазиатский коридор. Для его эффективного функционирования требуется восстановить существовавшую инфраструктуру пути. В частности, требуется открытие портов для прохождения судов под иностранным флагом. Еще одна задача — строительство нового поколения атомных ледоколов и модернизация существующих. Помимо этого необходимо оснастить флот судами ледового класса для перевозки грузов, прежде всего для завоза необходимых Северу грузов и для транспортировки нефти и газа от их месторождений, как на материке, так и на шельфе морей Северного Ледовитого океана. Мероприятия в этом направлении уже ведутся. Завершено строительство пяти танкеров ледового класса по заказу ОАО «Лукойл». Ведется строительство еще пяти танкеров аналогичного класса. Необходимо также развитие береговой инфраструктуры: модернизация существующих и строительство новых портов, складов, терминалов, системы гидрографической безопасности, метеорологии, связи. Эта задача тоже должна решаться государством совместно с компаниями, занимающимися нефтедобычей, газодобычей, лесоразработками, металлургическим компаниями, такими как «Норильскникель». Для развития международного транзита также должны быть определен порядок прохождения судов под иностранным флагом по Северному морскому пути.

Как мы уже говорили, Северный морской путь может решать две задачи. Во-первых, это транспортировка внутрироссийских грузов. Северный морской путь — это комплексная транспортная система, которая также объединяет в единую транспортную сеть северные моря и крупнейшие реки Сибири: Иртыш, Обь, Енисей, Лену, Индигирку, Колыму. В районах Крайнего Севера и Сибири имеются еще не освоенные запасы нефти, газа, леса, полезных ископаемых. Северный морской путь может взять на себя транспортировку добытых природных ресурсов. При этом не стоит рассматривать Северный морской путь как дотационный, до 1991 г. он был самоокупаемым. Максимум перевозок по данному маршруту приходится на 1987 г., когда грузооборот по Северному морскому пути достигал 6,78 млн т грузов в год. В настоящих условиях Северный морской путь сможет стать самоокупаемым, если грузооборот составит 9—10 млн т грузов в год. По прогнозам экспертов, грузооборот Северного морского пути, в случае если будет производиться его модернизация и развитие, в 2008—2009 гг. — 9—10 млн т, в 2010—2011 гг. — 11,5—12 млн т, в 2020—2022 гг. — около 48 млн т (грузооборот приведен с учетом экспорта нефти, газа, леса в страны Северной и Западной Европы). Во-вторых, это международный морской транзит. С 1992 г. начинают развиваться транзитные перевозки по Северному морскому пути. Так в 1993 г. было перевезено 214 тыс. т грузов из портов России, Финляндии и Швеции в порты

Китая, Японии и Кореи, а также из портов Китая и Кореи в порты Великобритании, Голландии и Германии. В 1995 г. был осуществлен пробный рейс из японского порта Иокогама в норвежский порт Киркенес. Вполне реально уже в ближайшее время перевозить по Северному морскому пути 450—500 млн т транзитных международных грузов. К 2015—2017 гг. транзитные потоки по данному пути могут составить 5,5—7 млн т. В развитии Северного морского пути как международного водного транспортного коридора Европа—Азия заинтересованы не только Россия, но и Швеция, Финляндия, Норвегия, Великобритания, Южная Корея, Япония и в определенной мере Китай.

Важно отметить, что Северный морской путь может и должен работать во взаимодействии с Транссибом, вполне реально разделить грузопотоки между двумя российскими маршрутами и обеспечить загрузку и Транссибирской магистрали, и Северного морского пути.

Третий маршрут — проект TRACECA — Transport Corridor Europe—Caucasus—Asia (ТРАСЕКА — Транспортный коридор Европа—Кавказ—Азия). Одним из основных факторов создания и развития проекта ТРАСЕКА явилось то, что Европейский Союз выразил обеспокоенность по поводу возникшей зависимости перевозок в направлении Европа—Азия от России. Сами разработчики не скрывают, что данный транспортный коридор является инструментом оказания политического давления на Россию.

Проект ТРАСЕКА предусматривает строительство транспортной магистрали в обход России и организацию транспортных связей Западная Европа—Восточная Европа—страны Средней и Центральной Азии—страны АТР. Данный проект является менее эффективным, чем имеющиеся маршруты через Россию. Во-первых, потребуется вложить значительные средства в создание ТРАСЕКА, а также потребуется значительное время для его реализации, по прогнозам на полную мощность данный коридор должен заработать в 2020 г. Во-вторых, данный маршрут будет длиннее аналогичных российских маршрутов. В-третьих, маршрут ТРАСЕКА менее удобен, в частности, предполагается организация паромной перевозки вагонов по Каспию при прохождении из Казахстана в Азербайджан и обратно. Затраты энергоносителей на перевозку 1 т груза на этих участках оказываются в 30 раз выше, чем по железной дороге. К этому нужно добавить «форс-мажор»: шторма ежемесячно на несколько дней приостанавливают движение паромов.

В-четвертых, на своем пути ТРАСЕКА пересекает 14 границ (14 таможен), что тоже снижает его привлекательность. В-пятых, весьма и весьма проблематичной является выработка общей тарифной и таможенной политики в рамках данного коридора, так как страны, по которым он проходит, имеют разное законодательство и свои собственные интересы, которые невозможно привести к общему знаменателю. В-шестых, также проблематичной является перевалка грузов с транспорта на транспорт, учитывая, что вряд ли удастся добиться полной согласованности в действии стран, по территории которых проходит ТРАСЕКА. В-седьмых, на ряде участков транспортная и терминально-складская инфраструктура развита очень слабо

или неразвита вообще. В-восьмых, даже у стран — участниц проекта нет полной уверенности, что проект может быть реализован и будет работать эффективно.

Проект ТРАСЕКА имеет и политические проблемы. Данный маршрут проходит по территории Китая, в развитии этого маршрута заинтересованы США, а отношения США и Китая являются и, надо полагать, в ближайшее время останутся весьма сложными. В случае возникновения между США и Китаем серьезных политических разногласий или даже конфликтов есть очень большая вероятность, что Китай наложит запрет на транспортировку по своей территории американских грузов.

Другой важной политической проблемой, снижающей перспективность ТРАСЕКА, является то, что данный маршрут пролегает в непосредственной близости от очагов напряженности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Это, в частности, относится к Афганистану, Ирану, Ираку и другим странам, в том числе странам бывшего СССР: Таджикистану, Узбекистану, где периодически вспыхивают боевые действия с исламистами. Кроме того, ТРАСЕКА проходит через Кавказ, который также является нестабильным регионом. На Кавказе элементами напряженности остаются Чечня, Грузия и ее конфликт с Абхазией, здесь не исключены возможности диверсий со стороны боевиков различных национальностей и наемников из исламских стран. Продолжает оставаться напряженной ситуация между Арменией с одной стороны и Азербайджаном и Турцией с другой. Именно по политическим мотивом фактически не функционирует железнодорожная магистраль Карс (Турция)—Гюмри (Армения), а она является составным элементом ТРАСЕКА и обойти ее почти невозможно. Боевые действия в Афганистане и Ираке, политическая напряженность в отношениях США и Ирана сделали перевозку по морскому маршруту из стран АТР в Европу через Суэцкий канал более сложной и более рискованной, в том числе обострились и вопросы по реализации проекта ТРАСЕКА. В данной ситуации резко выросли перевозки по Транссибу и, в частности, перевозки контейнеров. Так, в 2002 г. рост транзитных контейнеров, идущих по Транссибу, составил 48 %, общее число контейнеров достигло 60 тысяч. В первом квартале 2003 г. рост грузооборота составил 14 %.

Вместе с тем следует отметить, что большинство стран, и в том числе США, заинтересованы в создании маршрута в обход Транссиба и России в целом, так как это позволит им в меньшей степени зависеть от России и даст возможность для политического маневра. Стоит также учитывать, что один из двух трансконтинентальных маршрутов будет играть роль основного, а другой — запасного.

Четвертый маршрут — Транскитайская магистраль. Данная магистраль призвана обеспечить прохождение грузов из Китая в Казахстан и Киргизию, далее в порты Ирана. Она на 1,3 тысячи километров короче Транссибирской. Железная дорога должна начаться в Турфане, в Синцзянь-Уйгурском автономном районе. Оттуда, правда, надо построить 1000 км железнодорожного пути до Кашгара и далее до границы с Киргизией. Это потребует 1,2—1,5 млрд долл. Прибавьте к этому стоимость киргизской трассы: еще примерно 2 млрд долл. Дорога должна пересечь горные хребты и перевалы, некоторые из них — на высоте четырех с половиной километров, что само по себе достаточно рискованно.

По предварительным расчетам, объем ожидаемого транзита оценивается пока в 3 млн т. Таких грузопотоков явно не хватит даже на содержание дороги. За счет чего планируется окупить «заоблачный» маршрут — неясно.

Заметим, что ТРАСЕКА и Транскитайская магистраль в случае реализации станут альтернативой не только Транссибу, но и коридору Север—Юг. Однако в последнем случае эксперты предусматривают возможности подключения их к коридору через Персидский залив и Суэцкий канал (или через Иран по Каспию до Махачкалы) с последующим выходом на МТК-9. Транссиб при таком раскладе частично теряет грузопотоки.

Однако в таком случае не стоит забывать о другом, пятом транспортном коридоре, который де-факто уже существует: Казахстан—Россия—Белоруссия—Польша. Он выполняет те же функции, что и ТРАСЕКА. Если на этом направлении появляются обещанные для Транскитайской дороги грузопотоки, то из Китая в Европу их оказывается удобнее перебрасывать через Казахстан. Фактически образовался еще один альтернативный евроазиатский транспортный коридор, выгодный не только России, но и Китаю. Причем этот маршрут оказывается привлекательнее, чем ТРАСЕКА.

Шестой маршрут — проект «Транскам». В России недавно предложен еще один евроазиатский транзитный маршрут: путь «Из варяг в греки» через российский Кавказский хребет. Основная идея проекта «Транскам» — создание глобальной транспортной и сервисной инфраструктуры, связывающей страны Закавказья и Ближнего Востока с Россией, Японией и Китаем, а также порты Черноморского бассейна, Средиземноморья и Персидского залива с терминалами российского Приморья. Если построить стокилометровую автотрассу и железнодорожную магистраль через Кавказ, это позволит объединить интересы сразу всех стран — России и Китая, Турции и Ирана, Грузии, Азербайджана и Армении.

С политической точки зрения проект «Транскам» выглядит заманчиво. Однако на практике на его внедрение потребуется не менее 4,2 млрд долл. инвестиций. Рассчитывать, что ради политического «умиротворения» всех транспортных стран инвесторы выложат такую сумму на проект с высокими рисками, практически нереально.

Седьмой маршрут — коридор Север—Юг. Данный коридор выступает скорее не как альтернатива Транссибирской магистрали, а как дополнение схемы Запад—Восток, обеспечивающей меридиональное пересечение широтной магистрали. Основная трасса коридора Север—Юг пролегает по направлению Индия—Иран—Каспийское море—европейская часть России с выходом на Европу и предполагает загрузку мощнейшей единой глубоководной системы. (Этот коридор имеет схожую направленность с международным коридором № 9 с его ответвлениями, но коридор Север—Юг — это самостоятельный коридор.) Между Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран, Республикой Индия подписано межправительственное «Соглашение о международном транспортном коридоре “Север—Юг”. В июле 2001 г. в Тегеране был разработан Устав Координационного совета международного транспортного коридора Север—Юг, а в январе 2002 г. данный Устав был парафирован всеми участниками. В феврале 2002 г. Го-

сударственная дума Федерального собрания Российской Федерации ратифицировала[2], а в марте президент Российской Федерации подписал «Соглашение о международном транспортном коридоре Север—Юг». Соглашение ратифицировано и другими странами — Индией (апрель 2001 г.), Ираном (октябрь 2001 г.). 21 мая 2002 г. от имени Правительств Российской Федерации, Исламской Республики Иран, Республики Индия было объявлено об официальном вступлении в силу данного Соглашения. В настоящее время коридор Север—Юг берет начало в индийском порту Мумбай (Индийский океан), далее до иранского порта Бендер-Аббас, затем по паромной переправе до порта Оля (рядом с Астраханью), после речным, железнодорожным или автомобильным транспортом до Санкт-Петербурга, а далее в страны Северной и Западной Европы либо из порта Оля в российские порты Черного моря. Можно выделить на территории России следующие маршруты коридора Север—Юг. Водный: Санкт-Петербург—Череповец—Ярославль—Нижний Новгород—Казань—Волгоград (ответвлением через Волго-Донской канал в Черное море)—Астрахань—Каспийское море. Железнодорожный: граница с Финляндией (станция Бусловская)—Санкт-Петербург—Москва—Рязань—Саратов—Волгоград—Астрахань. Автомобильный: граница с Финляндией—Санкт-Петербург—Великий Новгород—Тверь—Москва—Тамбов—Волгоград—Астрахань. Первоначально на северо-западе России для реализации этого проекта потребуется развитие Санкт-Петербургского и Петрозаводского транспортных узлов. Затем есть возможности для создания в рамках коридора Север—Юг паромных маршрутов на Таллин, Калининград, Гамбург, Стокгольм, Копенгаген. Данный коридор предполагает развитие сквозных железнодорожных, автомобильных и водных (речных и морских) магистралей и осуществление смешанных перевозок в данном направлении. Развитие Волго-Донского канала предполагает выход через Черное море на юго-восток Европы и в центр континента по Дунаю. По Волге транзитный путь выходит на Волго-Балт, Балтику, Скандинавию. Использование внутренних водных путей России для международного транзита может дать стране значительный приток валютных средств. Развитие и создание водного коридора Волга—Дон—Дунай, по мнению экспертов, обеспечит доходы России от транзита в размере 1 млрд долл. в год. Схема перевозок грузов по данному маршруту установлена еще в 1950 г., но предстоит рассмотреть возможность внедрения прямых бесперевалочных технологий и обоснования плавания судов смешанного плавания. Таким образом в рамках коридора Север—Юг может функционировать как самостоятельный проект — международного Большого Европейского водного кольца: Балтийское море—Нева—Волго-Балтийский водный путь—Волга—Волго-Донской канал—Дон—Азовское море—Черное море—Дунай—Рейн—Балтийское море. Обслуживать его будут суда смешанного «река—море» плавания.

Данный транспортный коридор через Волго-Донской канал позволит соединить страны Центральной и Южной Европы с прикаспийскими странами. Он пролегает по Черному морю, Керчь-Еникальскому каналу с возможными заходами в порты Темрюк, Кавказ, Таганрог, Ейск, Азов, следует по Азово-Донскому каналу вверх по р. Дон, по Цимлянскому водохранилищу (Волгодонск, Калач), далее по Волго-Дон-

скому судоходному каналу до Волгограда, затем вниз по Волге до Астрахани и Волго-Каспийскому каналу в Каспийское море. Существующая инфраструктура представлена речным, морским, железнодорожным, автомобильным и авиационным видами транспорта. Для развития коридора необходимо осуществить реконструкцию шлюзов Волго-Донского канала, Кочетовского шлюза, провести дноуглубительные работы на Дону ниже Кочетовского гидроузла и на Волге ниже Волгограда, а также создать современный морской порт на Каспии в районе Астрахани — это порт Оля, который в настоящее время начинает активно строиться и развиваться.

Волго-Донской коридор имеет выходы на железнодорожные и федеральные автомагистрали. Указанное направление имеет хорошую перспективу и может рассматриваться как альтернативная возможность для бесперевалочной доставки грузов в судах «река—море» из европейских портов в порты прикаспийских стран.

В качестве перспективного проекта на долгосрочный период в рамках коридора Север—Юг рассматривается возможность соединения железных дорог Ирана с российскими железными дорогами, что позволило бы помимо паромной переправы Иран—Россия использовать и прямое железнодорожное сообщение. Тут возможны два варианта. Первый: из иранского порта Бендер-Аббас железная дорога идет до Тегерана и далее в обход Каспийского моря по территории Туркмении и Казахстана до Астрахани. Второй вариант: из иранского порта Бендер-Аббас железная дорога идет до Тегерана и далее в обход Каспия по территории Азербайджана и по территории России (Дагестан) в Астрахань. И здесь опять-таки возможны несколько вариантов маршрута — в Финляндию, Польшу, Германию, Чехию, Словакию, Венгрию. При этом оба варианта железнодорожного обхода Каспия потребуют строительства ряда участков железных дорог и модернизации магистралей Ирана, Туркмении, Казахстана, Азербайджана.

В создании транспортного коридора заинтересованы Россия, Индия, Иран, а также Азербайджан, Туркмения, Казахстан, Украина, Турция, Венгрия, Румыния, Болгария. Также в развитии внутренних водных путей России с прицелом на их использование в транзитном контексте заинтересованы страны Европейского Союза. В этом случае на 10—12 дней, по сравнению с существующими маршрутами через Суэцкий канал, сократится доставка грузов из Индии в Европу. Уже на начальной стадии коридор способен будет обслуживать 15—18 млн т грузов в год[3]. При этом экономия от перевозки одного контейнера (TEU) по данному маршруту составит 1,8—2,2 тыс. долл. Коридор Север—Юг может приносить доход для России от 1,5 до 7,5 млрд долларов в год[4] (7,5 млрд долл. в перспективе на 2015—2017 гг., по прогнозным оценка грузооборот к этим годам по данному коридору составит 27—34 млн т грузов в год).

Коридор может составить существенную конкуренцию существующему сейчас маршруту из Индии и стран Персидского залива в Европу через Суэцкий канал. После вступления России во Всемирную торговую организацию на повестку дня будет поставлен вопрос об открытии внутренних водных путей Российской Федерации для иностранных перевозчиков и их судов. В настоящее время судоходство по внутренним водным путям России возможно только под российским флагом.

8.2. Система мультимодальных транспортных узлов

Открытые месторождения крайне необходимых стране ресурсов вдоль трассы БАМ и будущего Севсиба станут экономически эффективными к разработке в случае создания Северо-Российской Евразийской магистрали как нового пояса экономического освоения. Создание Севсиба является абсолютно необходимым условием для формирования в азиатской части страны опорной транспортной сети: мультимодальных транспортных узлов, позволяющей решать как социально-экономические, так и оборонные задачи с минимальными затратами и «мирными» средствами[5].

Создание опорной транспортной решетки в России — это вопрос ближайшего будущего. Но в рамках этой общей проблемы есть задачи, которые можно и нужно решать уже сейчас, их решение способно принести определенный транспортный, экономический и политический эффект в самое ближайшее время. Это задачи комплексного развития транспорта, в рамках мультимодальных транспортных узлов (транспортно-логистических центров).

Для формирования мультимодального транспортного узла необходимо наличие ряда условий.

1. Пересечение в узле (городе) нескольких транспортных линий различных видов транспорта: железнодорожного, автомобильного, авиационного, водного (речного, морского), трубопроводного.

2. Помимо того что транспортные магистрали должны пересекаться в узле, необходимо, чтобы данные виды транспорта были достаточно развиты на данной территории (если не все, то как минимум два должны быть развиты в достаточно высокой степени).

3. Наличие мощного складского и терминального комплекса, пригодного для хранения и переработки грузов, и в том числе контейнеров.

4. Присутствие таможенной инфраструктуры, способной обеспечить таможенное сопровождение грузов.

5. Наличие банков и страховых компаний, способных предоставить услуги по страхованию грузов.

6. Возможности для развития информационных технологий и структур, способных обеспечить информационное сопровождение грузов.

Основной задачей формирования мультимодального транспортного узла является комплексное развитие всех видов транспорта и терминального и складского хозяйства на территории мультимодального транспортного узла. В силу естественных причин не все виды транспорта одинаково хорошо развиты на территории того или иного транспортного узла, поэтому первоначально упор делается на два—три вида наиболее развитого и перспективного транспорта, что позволяет уже на первоначальном этапе получить определенные положительные результаты от начала реализации программы. Параллельно с этим идет развитие и других видов транспорта, но поскольку они изначально отстают от более развитых видов, то и процесс их становления будет идти более продолжительное время. Вместе с развитием транспор-

та необходимым условием является развитие (создание) складского и терминального комплекса и всей транспортной инфраструктуры в целом.

Еще одним важным условием для развития мультимодального транспортного узла выступает наличие единого оператора. Единый оператор мультимодальных перевозок призван отслеживать продвижение груза, скорость, качество и безопасность его доставки, согласованность работы различных видов транспорта, перевалку с одного вида транспорта на другой. Наличие единого оператора мультимодальных транспортных перевозок существенно упрощает процедуру оформления документов на осуществление грузоперевозок, так как отправитель заключает контракты не с каждым отдельным перевозчиком на различных видах транспорта (железнодорожном, автомобильном, воздушном, морском, речном), а только с одним единым оператором, который в свою очередь имеет контракты на перевозку со всеми перевозчиками, необходимыми для доставки груза получателю.

Учитывая то, что каждый город имеет свои специфические особенности, что развитость транспорта и транспортной инфраструктуры различна в разных городах, процесс формирования мультимодальных транспортных узлов будет идти по-разному в каждом конкретном городе. Однако общие требования, перечисленные выше, являются необходимыми для того, чтобы в транспортном узле начал формироваться мультимодальный транспортный узел. Общей для всех является также и основная задача — комплексное развитие всех видов транспорта, складского и терминального хозяйства, таможенной инфраструктуры, банковских и страховых компаний, технологий информационного сопровождения грузов. Конечной целью формирования мультимодального транспортного узла будет являться создание не только мощной транспортной и терминально-складской инфраструктуры, но и возникновение в этом месте информационного, логистического и сервисного центра, развитие туристического комплекса, подъем (развитие) промышленного производства.

Рассматривая мультимодальные транспортные узлы, можно отметить, что по своему значению, по охвату территории они существенно различаются. При их общем значении — организации мультимодальных и интермодальных перевозок, обеспечении комплексного подхода к развитию транспортной и распределительной систем, организации взаимосвязей между всеми видами транспорта, имеющимися на территории узла, компаниями-операторами перевозок, складским и терминальным комплексом — мультимодальные транспортные узлы различаются по уровню концентрации пассажиропотоков, грузопотоков и территории влияния. Данное разделение мультимодальных транспортных узлов зависит от места их расположения, прохождения в зоне их влияния транспортных коридоров, от геополитического положения не только самого узла, но и государства, в котором данный узел расположен.

На территории Российской Федерации можно выделить несколько крупных транспортных центров, которые уже начинают активно развиваться как мультимодальные транспортные узлы. Мы полагаем необходимым говорить именно о системе мультимодальных транспортных узлов на территории России, поскольк-

ку как бы ни важна была роль того или иного мультимодального транспортного узла, наибольшую эффективность можно получить только от системных скоординированных действий всех крупнейших транспортных центров России. Один мультимодальный транспортный узел, скажем Новосибирский, способен играть существенную роль в своем экономическом районе (в данном случае в Сибирском федеральном округе, в Сибири в целом), но для эффективной и качественной работы с международными транзитными грузами, экспортными и импортными грузами, перемещаемыми в рамках больше чем данный экономический район (Сибирский федеральный округ), необходимо, чтобы аналогичные узлы были созданы и в других крупных транспортных центрах, с которыми Новосибирск имеет транспортные связи. Потому что недостаточно, если груз будет эффективно и качественно, в соответствии с международными требованиями, перерабатываться и транспортироваться в зоне влияния Новосибирского мультимодального транспортного узла, нужно, чтобы такой же уровень качества и скорости был обеспечен на всем протяжении движения и переработки груза и за пределами зоны влияния Новосибирского мультимодального транспортного узла.

Рассматривая систему мультимодальных транспортных узлов на территории России, можно выделить два типа таких узлов. Первые, наиболее крупные узлы — узлы международного, федерального уровня — зоны их влияния распространяются на крупные экономические районы — Сибирь, Дальний Восток, Урал, Поволжье, Центральную Россию, юг России, северо-запад России. В определенной мере можно говорить о том, что данные узлы в значительной степени соответствуют семи федеральным округам: Северо-Западному, Центральному, Южному, Поволжскому, Уральскому, Сибирскому, Дальневосточному. Однако нельзя их полностью жестко привязывать к федеральным округам, так как зоны их влияния не всегда полностью с ними совпадают. К примеру, тот же Новосибирский мультимодальный транспортный узел включает в зону своего влияния Тюменскую область, в частности, осуществляет обслуживание нефтегазовых регионов Тюмени. В то время как Тюменская область входит в состав Уральского федерального округа, а не Сибирского федерального округа, в который входит Новосибирская область.

Мультимодальные транспортные узлы федерального значения формируются в центрах действительно крупнейших экономических районов Российской Федерации. Данный центр должен обладать развитой транспортной инфраструктурой, на его территории должны быть достаточно развиты и эффективно функционировать несколько видов транспорта и существовать объективные условия для их дальнейшей модернизации и обеспечения комплексной, взаимоувязанной работы всех имеющихся видов транспорта. Необходимо, чтобы данный узел был способен (имел необходимый парк транспортных средств, подвижного состава и соответствующие инфраструктуру и технологии) в оперативном режиме осуществлять доставку грузов, в пределах зоны своего влияния, в прямом, интермодальном и мультимодальном сообщениях. Кроме того, такой центр для того, чтобы являться мультимодальным транспортным узлом федерального значения, должен иметь достаточно развитый складской и терминальный комплекс, способный

принять и переработать грузы не только для того региона (субъекта федерации), в котором он расположен, но и для всего экономического района, федерального округа. Должна быть развита сеть страховых компаний и банков, способных оказать необходимые услуги во всей зоне влияния данного узла как грузоотправителям и грузополучателям, так и транспортным, складским компаниям. Это страхование грузов и пассажиров, ведение дел в случае наступления страховых выплат, предоставление займов и кредитов на модернизацию транспортной и складской инфраструктуры. Необходимо, чтобы в данном центре имелись достаточно крупные компании-операторы перевозок, способные в дальнейшем взять на себя функции единого оператора мультимодальных транспортных перевозок в пределах зоны влияния федерального мультимодального транспортного узла, а возможно, и России. Важным условием выступает также наличие учебных учреждений, способных осуществлять подготовку квалифицированных кадров для организации мультимодальных перевозок и работы мультимодального транспортного узла.

В крупном экономическом районе (федеральном округе) достаточно иметь один мультимодальный транспортный узел федерального значения. Это должен быть наиболее развитый транспортный центр, имеющий наиболее выгодное геополитическое положение. Мультимодальные транспортные узлы федерального значения будут являться центрами развития передовых транспортных технологий.

Мультимодальный транспортный узел федерального значения должен иметь через международные транспортные коридоры выходы за границы Российской Федерации и являться центром по переработке и транспортировке международных, в том числе транзитных, грузов. Данные узлы должны иметь устойчивые связи с зарубежными мультимодальными транспортными узлами. Мультимодальные транспортные узлы федерального значения в силу этого будут выступать и как международные мультимодальные транспортные узлы, так как на них будет замкнут международный грузопоток, поступающий из-за рубежа для всего экономического района (федерального округа), и аккумулироваться, а в дальнейшем отправляться за рубеж грузы, предназначенные на экспорт с территории, которую данный мультимодальный транспортный узел охватывает. Кроме того, они будут являться узловыми точками, позволяющими собирать информацию, отслеживать и контролировать прохождение международных транзитных грузов, в том числе и контейнеров, обеспечивать весь комплекс услуг для данных грузов, пока они пребывают в зоне влияния данного мультимодального транспортного узла федерального значения.

Второй уровень мультимодальных транспортных узлов — узлы регионального (межрегионального) значения, зона их влияния — один, два, три субъекта Российской Федерации (республика, край, область, округ). В зависимости от территории, объемов пассажиропотоков и грузопотоков региональный (межрегиональный) мультимодальный транспортный узел охватывает от одного до трех регионов. В случае если это один регион, узел будет называться региональным, если два или три — межрегиональным. Охват территории тем или иным региональным (межрегиональным) мультимодальным транспортным узлом прежде всего

связан с его экономическим, географическим положением и имеющимися транспортными связями. На наш взгляд, в европейской части России узел данного типа должен охватывать два—три региона. Это связано с тем, что здесь (особенно в Центральном и Северо-Западном экономических районах) территории субъектов Российской Федерации относительно невелики и, следовательно, расстояния (транспортные плечи) в пределах одного региона тоже невелики, поэтому оптимально было бы формировать межрегиональные мультимодальные транспортные узлы. В азиатской части России, учитывая, что территория субъектов Федерации здесь, как правило, больше и, следовательно, и расстояния транспортировки грузов достаточно значительны даже в пределах одного региона, мультимодальный транспортный узел данного типа должен охватывать один—два региона.

Региональный (межрегиональный) мультимодальный транспортный узел формируется в транспортном центре, способном осуществлять оперативную доставку и переработку грузов в пределах своего региона, нескольких регионов. Для этого региональный (межрегиональный) мультимодальный транспортный узел, так же как и федеральный мультимодальный транспортный узел, должен обладать развитой транспортной и терминально-складской инфраструктурой, здесь также должны осуществляться комплексная, взаимоувязанная работа всех имеющихся видов транспорта, существовать возможности для организации интермодальных и мультимодальных перевозок, быть компании-операторы, выполняющие функции единого оператора мультимодальных транспортных перевозок. Основное же отличие мультимодального транспортного узла регионального (межрегионального) значения от мультимодального транспортного узла федерального значения заключается в том, что региональный (межрегиональный) мультимодальный транспортный узел обслуживает меньшую по размерам территорию. Транспорт, транспортная инфраструктура, терминальное и складское хозяйство здесь будут ориентированы на удовлетворение нужд этой территории, а значит, будут менее развиты, чем в мультимодальном транспортном узле федерального значения. При этом «менее развиты» не означает, что качество транспортировки и переработки грузов здесь ниже, просто ниже объемы грузопотока и пассажиропотока, и, следовательно, не требуется такого объема и концентрации транспортных средств, складов и количественных показателей (объемов) транспортной инфраструктуры, как в мультимодальном транспортном узле федерального значения.

Говоря о различных типах мультимодальных транспортных узлов, необходимо помнить о комплексном подходе к данному вопросу. Это значит, что федеральные (международные) и региональные (межрегиональные) мультимодальные транспортные узлы существуют не оторванно друг от друга, а взаимно дополняют друг друга. В частности, грузы с определенной территории, входящей в зону влияния регионального (межрегионального) мультимодального транспортного узла, первоначально аккумулируются в данном узле, в объемах, необходимых для формирования того или иного маршрутного направления, а потом централизованно доставляются тем или иным транспортом (или в интермодальном, мультимодальном сообщении) в федеральный мультимодальный транс-

портный узел для дальнейшей отправки в необходимом направлении. Данные грузы в мультимодальном транспортном узле федерального значения также первоначально аккумулируются со всей территории, попадающей в зону его влияния, в объемах, необходимых для дальнейшей отправки. Это позволит сформировать устойчивые грузопотоки и на их основе создать стабильные маршруты с устойчивым графиком. В свою очередь грузы, поступающие в тот или иной экономический район (федеральный округ), будут из федерального мультимодального транспортного узла направляться в региональный (межрегиональный) мультимодальный транспортный узел, а затем доставляться получателю. Это позволит сократить транспортные расходы и порожний ход транспорта, так как весь груз, предназначенный для определенного региона (нескольких регионов), централизованно доставляется в региональный (межрегиональный) мультимодальный транспортный узел, а затем транспортом, работающим в данном узле, отдельные конкретные грузы доставляются соответствующим получателям, находящимся на территории этого региона (нескольких регионов).

Необходимо отметить, что мультимодальный транспортный узел федерального значения в пределах того субъекта Федерации, где он расположен, будет одновременно выполнять и функции регионального мультимодального транспортного узла. К примеру, Новосибирский мультимодальный транспортный узел является узлом федерального уровня, в зону влияния которого входит Сибирский экономический район (Сибирский федеральный округ), одновременно данный узел будет являться региональным мультимодальным транспортным узлом для Новосибирской области. Одновременно с этим такие региональные транспортные узлы, как Томск, Омск, Кемерово, Красноярск, Барнаул и другие, будут осуществлять совместную роботу с Новосибирским мультимодальным транспортным узлом федерального значения.

Именно взаимосвязь федерального мультимодального транспортного узла с региональными (межрегиональными) мультимодальными транспортными узлами позволяет добиться наибольшей эффективности и рациональности при транспортировке и переработке грузов в том или ином экономическом районе России. При этом необходимо отметить, что мультимодальные транспортные узлы регионального (межрегионального) значения, находящиеся на стыке зон влияния мультимодальных транспортных узлов федерального значения, могут одновременно входить в зону влияния и того, и другого федеральных узлов. Федеральные мультимодальные транспортные узлы, в свою очередь, имеют устойчивые транспортные связи друг с другом и выходы на международные транспортные коридоры и зарубежные мультимодальные транспортные узлы. Такая взаимосвязь федеральных мультимодальных транспортных узлов друг с другом и федеральных мультимодальных транспортных узлов с региональными (межрегиональными) мультимодальными транспортными узлами в пределах того или иного экономического района Российской Федерации позволяет говорить о системном комплексном подходе к развитию транспортных центров России и интермодальных, мультимодальных перевозок. Работа мультимодальных транспортных узлов основы-

вается на логистических принципах, позволяющих оптимизировать как работу различных видов транспорта, транспортной инфраструктуры, складского и терминального комплекса, системы слежения за грузами в рамках одного транспортного узла, так и обеспечить необходимую увязку между мультимодальными транспортными узлами различного уровня. Все это приведет к повышению эффективности работы транспорта всей Российской Федерации, внедрению новых транспортных технологий и будет являться одним из ключевых элементов модернизации транспортной системы России. В свою очередь это приведет к повышению привлекательности маршрутов, проходящих через территорию Российской Федерации, для иностранных грузоотправителей и грузополучателей, росту конкурентоспособности этих маршрутов, а значит, и к увеличению международного транзитного грузопотока, в том числе контейнерного, через территорию России. Хотим еще раз подчеркнуть, что для этого нужна именно система мультимодальных транспортных узлов федерального значения, поскольку мало, если международный транзитный груз будет качественно и в соответствии с международными требованиями транспортироваться и перерабатываться в пределах зоны влияния одного мультимодального транспортного узла, пусть даже такого крупного, как Московский. Необходимо, чтобы соответствующий международному стандарту уровень сервиса при прохождении грузов был обеспечен на всем пути их следования по территории Российской Федерации, а этого можно добиться, только если будет сформирована система мультимодальных транспортных узлов, охватывающая всю территорию России.

В настоящее время на территории Российской Федерации сформировались и продолжают развиваться несколько мультимодальных транспортных узлов федерального уровня. Это Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Владивосток.

Таким образом на территории Российской Федерации выстраивается стройная система мультимодальных транспортных узлов федерального и международного значения, связанных как друг с другом, так и с региональными (межрегиональными) мультимодальными транспортными узлами. Такая система мультимодальных транспортных узлов позволяет осуществлять быструю и качественную доставку грузов по всей территории России, в том числе по технологии «от двери до двери», и обеспечивать прохождение транзитных грузов, в том числе контейнеров, в необходимые сроки и в соответствии с мировыми требованиями по качеству доставки и сохранности грузов[6].

8.3. Проблемы формирования механизма развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока

Механизм реализации стратегии развития транспортного комплекса предполагает использование зарубежного опыта. Магистральным направлением решения этих проблем в большинстве стран мира с начала 1990-х гг. и по настоящее время является формирование новой институциональной среды, основанной на партнерских отношениях государства с частным бизнесом. Эти отрасли из монополь-

ных, с сильной ролью государства постепенно становятся локально, частично и функционально рыночно регулируемыми. При этом участие частного сектора принимает различные формы, в первую очередь — концессионные.

В последние годы в России также отмечается повышение интереса к концессионной проблематике, о чем свидетельствуют активизация деятельности органов государственной власти по разработке концессионного законодательства и увеличение объема публикаций на эту тему.

В наиболее общем контексте под концессией понимается система отношений, при которой государство или муниципальное образование для достижения общественно значимых целей передают концессионеру — физическому или юридическому лицу — право осуществлять (как правило, на договорной основе) некоторые из своих функций по владению, пользованию, а при определенных условиях и распоряжению государственной и, соответственно, муниципальной собственностью. Эти отношения действуют в течение срока концессионного договора.

В более утилитарном смысле концессия представляет собой передачу концессионеру объекта государственной (муниципальной) собственности для строительства, модернизации, реконструкции, эксплуатации, управления, обслуживания и т. д. на определенных, закрепленных в договоре условиях и в соответствии с концессионным законодательством.

Предметом деятельности концессионера является, таким образом, исключительно государственная собственность и собственность муниципальных образований, а также связанные с ней виды деятельности, составляющие государственную монополию, и публичные службы. Тем самым одним из субъектов концессионных отношений всегда выступает государство в лице различных институтов.

В России во второй половине XIX—начале XX вв. концессии использовались в строительстве железных дорог и для решения коммунальных проблем губернских и уездных городов. Известно, какое большое значение придавалось концессионным формам в период восстановления разрушенного Первой мировой и гражданской войнами хозяйства нашей страны в 1920—1930-е гг.

К настоящему времени во многих странах мира концессии, контракты на строительство и другие формы управления государственным и муниципальным имуществом, объектами транспортной инфраструктуры стали полноценной заменой и альтернативой программам полной и прямой приватизации. При этом в сфере транспортной инфраструктуры концессии явно доминируют среди всех инструментов косвенной приватизации.

В заключение можно сказать, что от того, в какой степени российскому государству удастся решить эти проблемы, насколько полными, непротиворечивыми, качественными будут законодательная база, институциональная среда, экономическая и организационная проработка всех аспектов концессионной деятельности, во многом зависит успех или неудача реализации намечающегося крупного социально-политического и экономического преобразования хозяйственных отношений в России — введения концессионных форм управления государственной собственностью.

Глава 9. Традиционные политические и экономические ограничители инвестиций в транспортное строительство Сибири (исторический анализ)

После сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути (Транссиба) сразу же обнаружилось, что одной железнодорожной магистрали для Сибири недостаточно. За пределами благотворного воздействия Транссиба остались огромные пространства: в Западной Сибири к югу и северу от его линии, в Восточной и далее, до Тихоокеанского побережья, преимущественно к северу. Круглогодичность, регулярность, скорость и сравнительно невысокие тарифы перевозок по Транссибу обратили недавних принципиальных противников железнодорожного строительства в его сторонников. Коммерсанты и предприниматели, бизнес которых оказался на линии Транссиба или в зоне его экономического воздействия, получили вполне реальные преимущества перед своими коллегами по цеху, оперировавшими, например, хлебной торговлей на Алтае и в Северном Казахстане или золотодобычей в Якутии и традиционными промыслами к северу от Тюмени, Тобольска и Томска. Правда, томской деловой общественности удалось добиться полумиллионной государственной субсидии и присоединиться к Транссибу железнодорожной веткой. Барнаульскому и бийскому деловому миру, оперировавшему хлебной торговлей и торговыми связями с Монголией, оставшемуся за обочиной Транссиба, удача в исходатайствовании государственной дотации не сопутствовала.

В городах, оказавшихся на линии Транссиба, деловая жизнь, как говорится, пошла в гору. В концентрированном виде характер экономического воздействия Транссиба отразился в процессе возникновения Новониколаевского поселка в пункте пересечения железной дорогой р. Обь и стремительном превращении его в бурно растущий город. Столь же выразительно, но с противоположным знаком, Транссиб воздействовал на старооснованные сибирские города Тобольск, Енисейск и другие, оставшиеся в стороне от железнодорожной магистрали.

Деловая общественность, оказавшаяся за стенами транспортного коридора Транссиба, ширина которого составляла в лучшем случае до 200 верст, стала главным генератором инициатив и проектов нового железнодорожного строительства. В Бийске и Барнауле вызревали замыслы сооружения железной дороги на Орск и далее, к так называемым хлебным портам Азовского и Черного морей. Золотопромышленники Якутии полагали необходимым строительство железной дороги, обеспечивающей связь с Транссибом минуя Иркутск. В Забайкалье оперировали проектами транспортных выходов из континентальной Сибири к Тихоокеанскому побережью и азиатско-тихоокеанскому рынку. В Тобольске, Тюмени, Енисейске не расставались с надеждой на освоение Северного морского пути, для пробуждения животворящей силы которого предлагалось в обход самого ледовитого Карского участка построить железнодорожную линию из Сибири к какой-либо удобной бухте на севере России.

Выдвигавшиеся инициативы и проекты нового железнодорожного строительства отражали три основных направления перспективного роста экономического потенциала Сибири и три группы интересов ее предпринимательской общественности.

Промышленники и коммерсанты, оказавшиеся на трассе Транссиба, настаивали на первоочередной необходимости усиления провозопропускных мощностей уже действовавшей железнодорожной магистрали. Транссиб предлагалось модернизировать по типу американских супермагистралей. Ответвления от него в пункты сосредоточенного грузопредъявления должны были составить основу нового железнодорожного строительства.

Проектанты нового железнодорожного строительства на пространствах к югу от Транссиба выражали интересы аграрной специализации перспективного хозяйственного развития Сибири.

Инициаторы железнодорожного строительства на Севере проецировали будущность Сибири через призму многопрофильного, комплексного промышленного освоения многообразных природных богатств на территориях от Транссиба до арктических морей. Идеология первоочередности железнодорожного строительства на Севере не исключала возможности увеличения масштабов аграрного производства. И более того, обещала освободить сибирских производителей аграрной продукции от наживавшихся на них евророссийских оптовиков и посредников. Железнодорожный выход из Сибири через северный Урал на Архангельск и к незамерзающим бухтам Мурманского побережья предполагал открыть сибирской торговле прямой путь на западноевропейский рынок, в первую очередь, в промышленную Англию.

Все предлагавшиеся к реализации в Сибири железнодорожные проекты имели два общих свойства. Во-первых, это были «кабинетные», теоретические начертания. Обоснование их полевыми изысканиями находилось на нулевом уровне. Во-вторых, такой же нулевой являлась возможность финансового обеспечения их реализации. Их авторы и инициаторы безуспешно обращались к государственной казне за материально-технической поддержкой, без которой ни одно из этих умозрительных начинаний не могло сдвинуться с мертвой точки. Дискуссия вокруг такого рода проектов, обостряясь в связи с выдвижением нового предложения и утихая после очередного отказа в его реализации, велась вплоть до начала Первой мировой войны. Наиболее стойким и последовательным идеологом железнодорожного строительства на Севере в этот период был известный русский художник А.А. Борисов. Настаивая на срочной необходимости усиления транспортной связи центральной России с побережьем Северного Ледовитого океана, он указывал на исключительно серьезное экономическое и военно-стратегическое значение строительства железнодорожных линий к северным морским портам и незамерзающим бухтам в районе Мурманска. В последующие годы масштабы территории, охватываемой его проектами, распространились до устьев Оби и Енисея и затем на все русское побережье Ледовитого океана.

В течение десятилетнего периода до Первой мировой войны Борисов энергично протестовал против транспортной политики, ориентировавшей развитие ма-

гистральных железнодорожных линий к Балтийскому побережью и Черному морю. С неподдельной горечью патриота и одновременно с удовлетворением человека, убедившегося в правильности своих предположений, он в 1915 г. констатировал: «С возникновением настоящей войны наши моря Балтийское и Черное оказались для нас закрытыми и провоз по ним товаров как за границу, так и обратно совершенно прекратился. Для сношения с внешним миром в нашем распоряжении остались, не считая дальневосточных морей, только Белое море и Мурманский берег»[1].

Действительно, у Борисова были достаточно веские основания для того, чтобы чувствовать себя победителем в многолетней и тяжелой борьбе с окружавшим его непониманием. С началом войны в форсированном темпе развернулось сооружение железной дороги Петроград—Мурманск. «Мы непростительно опоздали с постройкой железной дороги от Петрограда на Мурманск и начали строить ее только после того, как грянул гром, — писал он. — Сдастся мне, что и железную дорогу Обь—Котлас—Сорока мы начнем строить после второго громового удара».

Настойчивость предложений и ставшая для многих очевидной серьезность предупреждений наконец-то стали давать положительные результаты. Действовавшее при Министерстве путей сообщения Особое междуведомственное совещание по выработке пятилетнего плана железнодорожного строительства обратило пристальное внимание на проекты, предлагавшиеся Борисовым. На заседаниях Совещания, проходивших 3—7 ноября 1916 г. с широким участием представителей научной и технической общественности, весьма бурно обсуждался доклад инженера Успенского, в основу которого был положен разработанный Борисовым проект железной дороги Обь—Котлас—Сорока[2].

Война и реально обнаружившееся в ее ходе значение транспортных коммуникаций, в первую очередь железнодорожных, оказали глубокое воздействие на характер дискуссии, развернувшейся на заседаниях Особого междуведомственного совещания.

В первые полтора десятилетия XX в., как и на протяжении трех четвертей предшествующего столетия, ведущая роль в иерархии развития системы путей сообщения оставалась за железнодорожным транспортом. К началу 1911 г. общая протяженность мировой сети находившихся в эксплуатации железнодорожных линий превысила 1 млн км[3]. Первое место в списке государств, добившихся наибольших успехов в формировании сети железнодорожных сообщений, начиная с 70-х годов XIX в., по-прежнему сохранялось за Соединенными штатами Америки. Наряду с продолжавшимся интенсивным расширением географических масштабов и провозопропускной способности железных дорог в США в первые годы XX в. было положено начало формированию сети автомобильных сообщений. В 1912 г. парк грузовых автомобилей в США составил около 40 тыс. единиц[4]. В широких масштабах развернулось строительство автомобильных дорог с твердым покрытием, их протяженность к началу 1914 г. приблизилась к 200 тыс. км. Сеть магистральных трубопроводов (без внутрипромысловых нефтепроводов) превысила 70 тыс. км[5].

В России после бурного подъема железнодорожного строительства, закончившегося на рубеже XIX и XX вв., в последующее десятилетие наблюдался очередной спад. За период 1901—1910 гг. было построено 15 990 верст железнодорожных линий. Среднегодовой объем нового железнодорожного строительства составил 1 599 верст, и в целом почти на 2 000 верст меньше, чем в предшествовавшее десятилетие[6]. По суммарной протяженности находившихся в эксплуатации железнодорожных линий Россия занимала первое место на европейском континенте. Однако плотность железнодорожных сообщений в расчете к численности населения и площади территории страны отличалась исключительно низким уровнем. Для достижения американского уровня развития плотности железнодорожных сообщений (к численности населения) Россия должна была располагать сетью железнодорожных линий протяженностью в 600 тыс. км.

С учетом конъюнктурного характера железнодорожного строительства в США, в результате которого новые железнодорожные линии нередко консервировались и в конечном счете демонтировались или оставлялись без хозяйственного использования, в качестве оптимального показателя могла быть принята норма плотности железнодорожных сообщений, фактически сложившаяся в промышленно развитых западноевропейских странах. В Англии, Франции и Германии она выражалась средней величиной 10 км железнодорожных линий на 10 тыс. чел. населения. В итоге расчетов, базировавшихся на применении западноевропейской нормы плотности железных дорог, в европейской части России представилось необходимым построить дополнительно 155 тыс. км новых железнодорожных линий. Учитывая фактически сложившуюся среднюю норму годовой сдачи в эксплуатацию новых железнодорожных объектов, такая перспектива реально могла быть достигнута не ранее, чем в 1946 г.

Новый подъем железнодорожного строительства в России начался накануне и завершился в годы Первой мировой войны. В период 1912—1916 гг. было развернуто строительство более 20 тыс. верст новых железнодорожных линий. Среднегодовая норма сдачи их в эксплуатацию (постоянную и временную) составила 4 137 верст. Это была рекордная величина среднегодового ввода в эксплуатацию железнодорожных новостроек. Возможность столь значительного расширения масштабов железнодорожного строительства обеспечивалась проектно-изыскательским заделом, выполненным в предшествующие годы. В свою очередь, необходимость форсирования темпов сооружения железнодорожных линий определялась углублявшимися диспропорциями между бурно возраставшим грузопредъявлением и находившимися на грани исчерпания резервами провозопропускных способностей транспортных артерий. Война усугубила и ускорила этот процесс. Военные перевозки парализовали коммерческую работу железных дорог. Дополнительные материальные и финансовые инъекции в железнодорожное строительство, предпринятые накануне и в первые годы войны, оказались запоздалыми и не принесли желаемых результатов.

Разработанный Особым междуведомственным совещанием «План железнодорожного строительства на предстоящее пятилетие 1917—1922 гг.» определил, что

сооружение линии Котлас—Сорока является первоочередной задачей. Постройку Обь-Котласского участка будущей Северной железнодорожной магистрали представлялось возможным осуществить после окончания германской войны. Участники совещания, конечно же, не предполагали, что в пятилетие 1917—1922 гг. и без того не передовая сеть железнодорожных сообщений страны подвергнется деструктивному воздействию радикальных общественно-политических и социально-экономических процессов.

Как констатировал состоявшийся в августе 1917 г. VI съезд РСДРП(б), народное хозяйство страны характеризовалось полным истощением в сфере производительного труда и дезорганизацией производства, всемерным расстройством и распадом транспортной сети. В 1918—1919 гг. объем промышленного производства России продолжал стремительно сокращаться. Добыча угля по сравнению с 1913 г. уменьшилась более чем вчетверо и в 1920 г. составила 6 790 т, объем нефтедобычи сократился до 3 800 т, выплавка чугуна упала до 100 т, т. е. до 2,4 % от довоенного уровня, меди не было произведено ни одной тонны[7]. Государственные резервы находились на грани полного исчерпания. Тиски сырьевого и топливно-энергетического голода смертельной хваткой душили экономику молодой Советской Республики.

Столь же тяжелая обстановка сложилась на железнодорожном транспорте. В январе 1919 г. Советом народных комиссаров был принят «Декрет о железнодорожной программе на 1919—1920 годы». В целях рационального использования крайне ограниченных запасов рельсов и других металлических изделий декретом разрешалось производить строительство железнодорожных линий и подъездных путей только на направлениях, имеющих крупное военно-стратегическое и чрезвычайно важное хозяйственное значение. При этом дефицит по рельсовому прокату был настолько серьезным, что декретом разрешалось производить демонтаж четвертой и третьей колеи, в ряде случаев второй и менее важных однопутных линий. Материальные ресурсы были настолько напряжены, а вера в победу и стремление как можно скорее приступить к созидательной творческой работе настолько сильными, что и по всем остальным строящимся и разрешенным к постройке линиям было разрешено производить строительные работы, но без фактической укладки шпал и рельсов. Производство работ по сооружению этих так называемых «земляных дорог» планировалось осуществить в расчете на полное завершение их постройки немедленно после окончания гражданской войны.

Для обеспечения работы действующей сети железных дорог приходилось прибегать к экстраординарным и даже репрессивным мерам. О чрезвычайном характере их свидетельствует постановление Совета обороны от 15 февраля 1919 г. «Совет Рабоче-Крестьянской обороны в заседании 15 февраля с. г., заслушав вопрос об освобождении от мобилизации всякого рода населения на расстоянии 20 верст от линии железных дорог, постановил:

Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому, Дзержинскому немедленно арестовать нескольких членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях

взять заложников из крестьян с тем, чтобы, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны. Доклад об исполнении со сведениями о количестве арестованных назначить через неделю»[8].

В середине февраля 1920 г. в интервью Линкольну Эйру, корреспонденту американской газеты «The World» В. И. Ленин, характеризуя внутреннее положение Советского государства, говорил: «Оно является критическим, но имеет хорошие перспективы... В прошлом мы пожертвовали всем, чтобы одержать победу над нашими вооруженными противниками, а теперь мы направили все наши усилия на восстановление экономики. Для этого потребуются годы, но в конце концов мы победим»[9]. Этот обезоруживающий оптимизм и поразительная уверенность руководителя Советского государства, а также практические мероприятия правительства, даже в чрезвычайно тяжелых экономических условиях находившего средства для реализации ряда крупных технико-экономических проектов, имевших в дореволюционный период печальную судьбу, явились мощным фактором, стимулировавшим творческую деятельность в области разработки актуальных и перспективных проблем развития экономики страны.

Советское правительство, несмотря на тяжелое агонизирующее состояние экономики страны, подняло на щит многие крупные хозяйственные проекты, в течение долгих лет отвергавшиеся дореволюционной бюрократией. Авторы, инициаторы, подвижники, пропагандисты таких проектов одними из первых сделали решающий шаг в направлении сотрудничества с Советской властью, поддержки ее хозяйственных начинаний, а затем и честного, преданного служения ее идеалам и целям. Художник А. А. Борисов и юрист В. М. Воблый, давние и энергичные инициаторы и пропагандисты железнодорожного строительства на Севере, несомненно, принадлежали к этой категории людей. Несмотря на тернистые драматические, порой трагические перипетии личной судьбы, они в продолжение нескольких десятилетий генерировали проекты транспортного и хозяйственного освоения Севера.

В новый исторический этап своего развития, связанный с коренными социальными и экономическими преобразованиями, Сибирь вступила как край исключительно богатых, но практически абсолютно не использованных возможностей. «Посмотрите на карту РСФСР, — писал В. И. Ленин. — К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятные пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость»[10].

В Сибири эти расстояния измерялись не десятками, а многими сотнями, часто тысячами километров и не проселков и бездорожья, а полным отсутствием ка-

ких-либо транспортных сообщений и средств связи с внешним миром. Прошедшая через Сибирь до Тихого океана Транссибирская железнодорожная магистраль была лишь тонкой нитью, наживо соединившей необъятные сибирские пространства с центральной Россией.

В феврале 1919 г. Совет народных комиссаров рассмотрел вопрос о возможности осуществления одного из грандиозных проектов железнодорожного строительства в Сибири. 4 февраля 1919 г. по докладу Л. Б. Красина и Г. И. Ломова на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина было принято постановление о концессии на «Великий Северный железный путь».

Ходатайствовавшие о выдаче концессии художник А. А. Борисов и представитель норвежского банкира Э. Ганневига юрист М. В. Воблый представили в Совнарком проект сооружения Северного железнодорожного пути по направлению Обь—Котлас—Сорока, Котлас—Званка. Вместе с существующей в этих районах сетью железнодорожных коммуникаций проектируемая линия должна была обеспечить надежное транспортное сообщение из северной Сибири к Балтийскому побережью и незамерзающему порту в Мурманске. В последующем эту линию предлагалось продолжить на восток от Оби через нижнее течение Енисея, Якутск или северную оконечность Байкала до Тихоокеанского побережья.

Одновременно с официальным заявлением о выдаче концессии, поступившим в Комиссию по концессиям при Совнаркоме, Борисов обратился к председателю СНК В. И. Ленину с личным прошением, в котором писал: «Обстоятельства переживаемого времени, стратегические и экономические условия, крайняя необходимость использовать лесные богатства Севера заставляют меня срочно приступить к исполнению дела, давно задуманного мною, как уроженца и местного деятеля Севера. Эксплуатация северных лесов требует соединения в одном предприятии трех промышленных задач: доставка леса по рекам к железной дороге, перевозка его по железной дороге к портам и внутренним рынкам и, наконец, экспорт леса из приморских портов в иностранные порты.

Исполнение этой задачи потребует не только постройки железной дороги, но и создания речного и морского флота».

К моменту подачи концессионного заявления Борисову и Воблому, представлявшему вместе с Г. Кране интересы Ганневига, удалось привлечь к работе в созданном сразу после прихода к власти Временного правительства Управлении Великого северного пути (ВСП) свыше 200 специалистов различного профиля. Среди них были видные и авторитетные фигуры из дореволюционного прошлого. Например, товарищ министра путей сообщений Н. И. Борисов, деятельно участвовавший в судьбе проекта ВСП при старом режиме. Наряду с инженерами путей сообщения — изыскателями, проектировщиками, строителями, мостовиками и тоннельщиками к работе в Управлении ВСП были привлечены экономисты, геологи, архитекторы, специалисты лесного дела, землеустроители, горные инженеры.

Столь широкий диапазон специалистов различного профиля Борисов и Воблый объясняли необходимостью комплексного подхода к реализации проекта ВСП. По представлениям Борисова и Воблого, характер экономического значения ВСП су-

щественно отличался от Транссиба. Трасса последнего, как известно, прошла через обжитые районы Сибири и Дальнего Востока. Транссиб заметно повысил темпы развития, расширил территориальные границы хозяйственной зоны, сложившейся в южных районах Сибири задолго до его строительства. С самого начала Транссиб предназначался для осуществления в первую очередь, преимущественно и главным образом перевозочных функций, поскольку сложившиеся в южной Сибири грузообразующие районы задыхались от отсутствия внутрирайонных и межрайонных транспортных связей. Хлеб, масло, другая продукция сельского хозяйства Сибири, лесные грузы здесь уже имелись, не было для них лишь перевозчика, который с большим, правда, запозданием и вопреки радужным надеждам, хотя и не разрешил всех проблем, но, наконец-то, появился в лице Транссиба.

Совершенно иной представлялась, да и практически была хозяйственная структура, особенно в сибирской и дальневосточной зоне трассы предполагавшегося концессионерами Великого северного железнодорожного пути. Вологодская, Архангельская и Пермская губернии, по территории которых трассировался западный, европейский участок ВСП, по уровню развития хозяйственной структуры представлялись еще соизмеримыми с районами южной Сибири. Но за Уралом открывалась совершенно иная картина. Здесь трасса будущего ВСП безо всякого намека на преувеличение должна была пройти через незаселенную лесную пустыню. И чем дальше на восток уходила трасса, тем быстрее и шире открывалась глубина безжизненных пространств Севера Сибири и Дальнего Востока.

За меридианом Оби до Енисея ни одного сколько-нибудь заметного очага хозяйственной жизни. Далее Енисейск, бывшая губернская столица, но после сооружения Транссиба, прорезавшего новую южную колею развития хозяйственной жизни Восточной Сибири, лишь достопримечательность на исторической карте страны, известная обилием церквей да монастырей. За Енисеем до самой Лены опять абсолютный вакуум хозяйственной жизни. И, наконец, Якутск — средоточие административной, но отнюдь не экономической жизни. Затем Алданская золотопромышленная зона, район прежде всего грузопотребляющий, а не грузообразующий. И, наконец, Тихоокеанское побережье в географической точке Николаевска-на-Амуре или Царской Гавани (Советская Гавань), куда и откуда могли идти, главным образом, грузы транзитного назначения.

Таким образом, Великий Северный путь, в отличие от Транссиба, особенно на начальном этапе эксплуатации, мыслился Борисовым и Воблым прежде всего как средство, способ, по их мнению, единственно возможный и экономически оправданный вариант обеспечения оптимальных условий для пробуждения европейского и сибирского Севера к активной хозяйственной, культурной и социальной жизни. Вначале предстояло через безлюдные равнины, тайгу и горы Севера проложить проезжую часть будущего проспекта экономического развития. Затем обустроить и заселить обе стороны этого проспекта. И лишь после этого открывалась перспектива хозяйственного использования многообразных природных ресурсов Севера: ухтинской нефти, печорских углей, уральской меди и железной руды, сибирского леса, энергии вод и недр.

Авторы проекта прогнозировали широкое развитие молочного животноводства, специализированного на маслосыроделии. По производству масла и сыров зона трассы в районах Предуралья и Зауралья, по расчетам, должна была затмить известные всему миру маслосыродельческие районы южной Сибири. С большим оптимизмом оценивались возможности культивирования земледельческого производства. Во всяком случае его естественная производительная база казалась достаточной, чтобы с избытком покрыть собственные потребности населения района в хлебе, овощах и т. п., а в отдельные, особо урожайные годы дать и товарную продукцию для вывоза вовне.

Смолокурение, выжег древесного угля, рыбный и охотничий промыслы обеспечивали занятость для притока рабочего населения. Но это только на первых порах, а после глубоких геологических обследований обязательно, как полагали проектанты, откроются широкие возможности для создания в зоне трассы крупных промышленных предприятий. Для развития промышленных отраслей производства одновременно со строительством железной дороги планировалось использовать девственные лесные дачи. Ориентированная на экспорт лесопромышленность, построенная на технологии глубокой безотходной переработки древесины, ставилась во главу первой фазы реализации проекта. Предполагалось, что инвестиции в нее с лихвой окупятся за первые пять лет эксплуатации железной дороги, в течение которых в результате интенсивных геологических изысканий будет подготовлена минерально-сырьевая база для формирования горно-добывающей и горно-заводской промышленности. Бокчарское и Ангаро-Питское железорудные месторождения расценивались в качестве наиболее перспективных для промышленной разработки. Кроме того, геологическая служба концессионеров ориентировалась на систематический поиск нефти в бассейне Оби. В случае удачи, вероятность которой предсказывалась отечественными и зарубежными специалистами и на которую концессионеры ставили крупно, проект и затраты на него оправдывались сторицей.

В середине XIX в. известный английский геолог Р. Мурчисон в итоге экспедиционных исследований восточных районов Русской равнины и Урала высказал предположение, что далее за Уралом, вероятно, где-то в междуречье Енисея и Лены могут быть алмазоносные месторождения. В этой связи инициаторы концессии А.А. Борисов и В.М. Воблый считали, что в случае оправдания прогноза Р. Мурчисона разработка алмазоносных месторождений станет приоритетной задачей концессионного предприятия.

Предварительное рассмотрение концессионного заявления в параллельно работавших концессионной комиссии СНК и специально образованной под председательством Г. Ломова комиссии ВСНХ продолжалось более семи месяцев. Столь длительная процедура прохождения проекта концессии в советских учреждениях объяснялось тем, что первоначальный вариант концессионных условий, предложенный заявителями, был категорически отвергнут как абсолютно неприемлемый. Прежде всего потому, что заявители концессии рассчитывали на исключительно продолжительные сроки существования концессии. Они выговаривали

себе право в течение 99 лет, считая с момента начала строительства ВСП, разрабатывать и использовать все виды природных ресурсов в 14-километровой полосе концессионного земельного отвода вдоль железной дороги. По истечении этого срока концессионное предприятие безвозмездно переходило в собственность государства. Возможность выкупа государством концессионного хозяйства ранее оговоренного срока исключалась. По общему мнению обеих комиссий, почти вековая и в сущности бесконтрольная деятельность иностранного капитала на территории социалистического государства представлялась недопустимой. Рассмотрение переработанного соискателями проекта концессионного договора, который они представили в конце июля 1918 г., откладывалось из-за высадки в августе союзнического десанта в Архангельске.

В новом варианте проекта концессионного договора заявители сократили сроки действия концессии до 25 лет, по истечении которых у государства открывалось право выкупа предприятия с частичным возмещением затрат концессионного капитала. Концессионеры надеялись получить право на разработку 8 млн десятин лесных угодий. По их расчетам, на этих площадях можно было ежегодно заготавливать до 500 тыс. стандартов леса для экспорта, что обеспечивало доход не менее 300 млн руб. Заявители концессии согласились с требованием партнера о необходимости разработки лесных и других природных ресурсов в зоне отвода под непосредственным контролем государственных органов и по планам, утвержденным Советским правительством.

Как зафиксировано в Биографической хронике В. И. Ленина, впервые вопрос о предоставлении концессии был включен в повестку заседания Совнаркома 28 января 1919 г., но Ленин переносит его рассмотрение на очередную субботу.

Из Биографической хроники В. И. Ленина:

«Январь, 28.

Ленин председательствует на заседании СНК; просматривает повестку дня, делает на ней пометку: "На субботу" против пункта о предоставлении концессии А.А. Борисову и Э. Ганневигу на "Великий северный железнодорожный путь"...»[11].

1 февраля предложение о концессии обсуждается еще раз, теперь уже на совместном заседании Президиума ВСНХ и ВЦСПС. И здесь выражается в основном одобрительное отношение.

Из Биографической хроники В. И. Ленина:

«Не позднее 4 февраля.

Ленин изучает литературу о Севере и материалы комиссии ВСНХ в связи с постановкой вопроса о концессии на постройку "Великого северного железнодорожного пути", предложенной художником А.А. Борисовым и норвежским подданным Э. Ганневигом; беседует с Борисовым по этому вопросу; знакомится с проектом концессии, который предусматривал постройку железной дороги от реки Оби через Котлас до соединения с Балтийской ж. д.; пишет проект постановления СНК "О предоставлении концессии на Великий северный железнодорожный путь", направляет проект члену президиума ВСНХ Г. И. Ломову и нар-

*кому промышленности и торговли Л. Б. Красину с надписью: "С точки зрения купцовской (**и дипломатической**) что Вы думаете о такой резолюции"»*[12].

4 февраля 1919 г. Совнарком под председательством Ленина и на основе написанного им проекта принял постановление «О Великом северном пути». Первый и третий пункты принятого постановления, а всего их шесть, почти текстуально повторили соответствующие положения проекта документа, подготовленного Лениным для обсуждения на заседании Совнаркома. Изменения и поправки, внесенные в 4, 5 и 6 пункты ленинского проекта, носили редакционный, дополняющий и уточняющий характер. В принятом Совнаркомом официальном тексте содержалось предложение, обязывающее соискателей концессии «представить доказательства основательности их ссылок на связи с союзническими и нейтральными предприятиями и фирмами, способными финансировать дело, доставить необходимые материалы и оборудование и закончить постройку»[13].

Ленинская формулировка пункта второго проекта выгодно отличалась от соответствующей записи в официальном тексте постановления. В ленинской записи: «СНК признает концессии представителям иностранного капитала вообще, с принципиальной точки зрения допустимым в интересах развития производительных сил». В окончательном тексте постановления это положение дополнено словами «во всех тех случаях, когда только таким путем может быть достигнуто развитие производительных сил». Это уточнение, несмотря на кажущуюся незначительность, радикальным образом изменило суть первоначального предложения. Ленин предлагал признать концессионную практику допустимой в интересах развития производительных сил без каких-либо оговорок и ссылок на чрезвычайные и вынуждающие на то обстоятельства. Иными словами, декларировал намерение и стремление Советского государства к равноправному и взаимовыгодному экономическому сотрудничеству с иностранным капиталом.

В окончательном тексте документа это «с точки зрения… дипломатической» действительно дальновидное положение дополнено и уточнено таким образом, что представителям иностранного капитала, даже при всем их желании к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству, ничего другого не остается, как ожидать случая или случаев, когда развитие социалистического хозяйства окажется в такой ситуации, что лишь путем предоставления концессии представителям иностранного капитала «может быть достигнуто развитие производительных сил».

Принятая Совнаркомом позиция ограничительного толкования допустимости концессионной практики представляется не «купцовской» и не «дипломатической». Действительно, в заседании 4 февраля 1919 г., как это видно из подготовленного Лениным проекта и также из преамбулы принятого постановления, вовсе не ставилась задача практического разрешения или отказа в концессии ее соискателям. Предлагалось, если судить по ленинскому проекту, рассмотреть и фактически обсуждались, как сказано в преамбуле постановления, «общие положения концессии на постройку Великого северного пути». В этой ситуации принятое в процессе заседания Совнаркома уточнение и дополнение к ленинской формулировке

второго пункта, очевидно, нельзя признать ни удачным, ни уместным, ни, наконец, необходимым.

Через день после заседания Совнаркома в газете «Известия» был опубликован официальный текст постановления «О Великом северном пути». В этом же номере газеты дана подробная справка «К истории вопроса», повествующая о долгой и трудной судьбе проекта ВСП в дореволюционный период и процедуре рассмотрения его компетентными советскими органами с момента подачи заявки на концессию 26 июня 1918 г. до принятого Совнаркомом постановления.

Ссылаясь на сведения, полученные от норвежского консульства в России, газета сообщала, что Э. Ганневиг является совладельцем банковского дома Ганневиг с конторами в Лондоне и Америке; ряда судостроительных верфей, пароходных компаний и других предприятий. Из бумаг, представленных соискателями, следовало, что семья Ганневиг располагает значительными деловыми связями с предприятиями и фирмами, способными обеспечить поставку материалов, инструментов, машин и др. оборудования, необходимого для изысканий и постройки железной дороги.

Ввиду громадного значения проектируемой железной дороги для общего подъема производительных сил северных районов страны, советские эксперты всех рангов и ведомственных интересов были единодушны в оценке необходимости осуществления проекта ВСП. Строительство широтной железнодорожной магистрали, проходящей через северные районы страны, представлялось эффективным инструментом социалистического завоевания Севера. Не вызывало возражений и предлагавшееся генеральное направление проектируемой железнодорожной магистрали. Принципиальные разногласия между представителями различных ведомств, принимавшими участие в рассмотрении проекта ВСП, возникли на почве диаметрально противоположных подходов к решению проблемы концессионной политики. Руководители ряда советских ведомств категорически возражали против предоставления концессии иностранному капиталу. Особенно энергично эту позицию отстаивало руководство и ведущие специалисты Комитета государственных сооружений (Комгосоор).

Камнем преткновения стал вопрос финансовой и деловой состоятельности банкирского дома братьев Ганневиг. Правдивость представленных концессионерами и опубликованных газетой «Известия» свидетельств о коммерческой дееспособности основного соискателя концессии банкира Э. Ганневига была поставлена под большое сомнение. Доверенные лица банкира — Кране и Воблый — оказались не способными представить какие-либо дополнительные новые подтверждения состоятельности концессионного дела. Они по-прежнему пытались убедить сомневающихся членов Концесскома и руководство Комгосоора и НКПС в истинности уже представленных доказательств.

Принципиальные противники концессионной политики, несмотря на зафиксированное в постановлении Совнаркома ограничительное толкование концессионной практики, категорически отвергали возможность сотрудничества с иностранным капиталом. Финансово-экономический совет при Комгосооре, в частности,

пришел к заключению, что сооружение железных дорог на средства и распоряжением государственной власти, равно как и эксплуатация их самим государством, более отвечают интересам народного хозяйства, чем сооружение и эксплуатация частными предпринимателями.

Комгосоор признал крайне нежелательным и неправильным соединение железнодорожного предприятия с другими предприятиями, не имеющими характера транспорта; считал необходимым исключить из устава все положения, касающиеся предоставления лично Борисову и Э. Ганневигу концессий на эксплуатацию 6 миллионов десятин леса.

К этой позиции Комгосоора по отношению к концессионной политике и к концессии на ВСП конкретно присоединились руководители ряда советских ведомств и определенные круги общественности.

Но конфронтация между сторонниками концессии на ВСП и их оппонентами нарастала. Представленные концессионерами гарантии, обязательства и уверения в успешном осуществлении проекта определенной частью советских специалистов были признаны несолидными, а финансовые документы фальсифицированными. «В частности, вполне компетентное лицо, приехавшее из Лондона, сообщило, что фирма эта отнюдь не является солидной и что в Лондоне в деловых кругах о ней ничего не известно. Таким образом, солидность этой фирмы являлась для нас совершенно не доказанной»[14].

Концессионные начала, на которых предлагалось осуществление проекта, рядом руководителей советских хозяйственных органов были квалифицированы как глубоко законспирированная попытка внешнеэкономической диверсии международного империализма. В последующие годы эта версия получила довольно широкое распространение и явилась одним из труднопреодолимых препятствий на пути приближения проекта ВСП к практике.

Из воспоминаний И. М. Гронского[15]:

«Время было трудное. Саботаж интеллигенции, контрреволюционные заговоры и мятежи, империалистическая интервенция и гражданская война — все это вместе взятое, естественно, возбуждало подозрение к деятельности В. М. Воблого и возглавляемого им Управления по строительству Великого северного ж.-д. пути, в котором было собрано Воблым такое большое количество видных деятелей старого режима и представителей верхних слоев буржуазной интеллигенции.

Контрреволюционных действий или помыслов, по словам В. М. Воблого, его сотрудники не предпринимали и не замышляли. Такое слепое доверие Воблого к работавшим у него людям и безоговорочная их поддержка, естественно, вызывали подозрения. Об этом свидетельствовали его замечания в беседах с руководителями "Известий" о том, что он в то время (1918—1919 годах) не исключал, более того, ожидал ареста, давно готовился к нему».

С учетом "махрового" буржуазного прошлого большинства сотрудников Управления ВСП его деятельность находилась в зоне пристального внимания советских правоохранительных органов. *"... Всероссийская Чрезвычайная Комиссия*

получила сведения о том, что некоторые сотрудники общества занимаются валютными спекуляциями... Ночью с 3-го на 4-е апреля агентами Московской Чрезвычайной Комиссии был произведен обыск в помещении правления общества ВСП, в Леонтьевском переулке... Были арестованы доверенные банкира Ганневига Кране и проф. Воблый... Помещение было занято агентами МЧК и всех приходивших арестовывали. Таким образом, было задержано около 100 человек.

Корреспондент: "Каково ваше отношение к этому делу?"

Н. Ломов: "Конечно, нельзя обвинять концессионеров в целом за злоупотребления отдельных сотрудников.

Если Кране и Воблый спекулировали нашими кредитными билетами, то это не имеет никакого отношения к концессии как таковой. Во всяком большом деле могут встретиться темные личности, примазавшиеся к нему для обделывания своих дел.

Однако это побуждает Советскую власть к большей осторожности в смысле получения достаточных гарантий против злоупотреблений"»[16].

Ломов был одним из сторонников концессионной политики и немало содействовал инициаторам проекта ВСП и Воблому.

Корреспондент этой же газеты обратился за разъяснениями причин ареста сотрудников и возможных поворотов в дальнейшей судьбе концессии на ВСП к представителю оппонирующей стороны — председателю Комитета государственных сооружений М. П. Павловичу.

Из беседы корреспондента газеты «Экономическая жизнь» с председателем Комитета государственных сооружений тов. М. П. Павловичем:

Корреспондент: «Ввиду распространившихся в городе слухов об аресте всех сотрудников Великого северного пути, о раскрытии там крупных злоупотреблений скажите, насколько эти слухи верны?»

М. П. Павлович: «Финал истории с концессией на Северный путь не представляет ничего неожиданного...

...Комитет государственных сооружений вначале отнесся с полным сочувствием к стремлению художника Борисова, автора проекта Великого северного пути, найти необходимые финансовые и, прежде всего, технические средства для сооружения сказанной железной дороги и готов был оказать содействие в более детальной технической разработке его проекта...

Прежде всего, финансово-экономический совет при Комитете государственных сооружений отнесся отрицательно к фирме Ганневиг и К°, которой представлена концессия на Великий северный путь.

...Затем, при подаче концессии в самую комиссию, которая была образована при ВСНХ для рассмотрения концессии, оказались не включенными представители двух как раз наиболее заинтересованных ведомств — Наркомпути и Комитета государственных сооружений, стоящих в оппозиции к концессии.

Между тем, я считаю, что в таких важных вопросах подробнейшее и всестороннее освещение имеет громадное значение. И инцидент с Великим северным путем служит лучшим доказательством этого. Он подтверждает, что в таких делах поспешность является вредной... Россия и после войны явится громадной

приманкой для иностранных капиталистов. Несомненно, явится массовое предложение концессий с разных сторон, в частности, со стороны Англии и Франции. Конечно, весьма желательно поэтому, чтобы первая наша концессия, которую мы предоставили иностранцам, прошла по возможности гладко»[17].

Трудно определить, чего в этой речи больше: удовлетворения тем, что концессия провалена, или торжествующей победу ведомственной амбиции, оскорбленной отлучением — за откровенную обструкцию — от участия в окончательном решении концессионного вопроса. Есть в этом эмоциональном интервью и то, и другое, и третье, а главное, исходная точка зрения: «концессионный способ сооружения железных дорог вообще недопустим в советской России…» Отсюда и ликующие интонации над печальным финалом истории с концессией, который оппозиция не только смиренно ожидала, но и в меру своих возможностей и ведомственного разумения приближала.

Окончательные проекты концессионного договора и устава, разработанные согласительной комиссией, в которой от советской стороны принимали участие Ломов, Красин и Тойхбарг, остались без рассмотрения. Комиссия ВСНХ по ВСП, предпринимавшая первые шаги на поприще «купцовской» предприимчивости, «дипломатической» гибкости и дальновидности, о которых Ленин писал Ломову и Красину, прекратила свое существование. Правда, Ганневиг в 1921 г. вновь обратился к Советскому правительству с концессионной заявкой на ВСП, и 14 февраля на заседании Малого Совнаркома была отмечена срочная необходимость реализации проекта и образована новая комиссия. Однако практическая деятельность ее не получила развития. В прессе, в партийных, в руководящих хозяйственных кругах, несмотря на полную реабилитацию несостоявшихся концессионеров, доминировали оценки, квалифицировавшие заявителей концессии как тщательно законспирированных агентов международного империализма. Однако по мере развития успехов на фронтах гражданской войны, с очевидным и скорым переходом к мирному социалистическому строительству эти проблемы вновь перемещаются в зону пристального внимания научной и хозяйственной общественности.

В 1922 г. III сессии ВЦИК был представлен доклад «Экономическое районирование России». Доклад Госплана являлся практически первой предпринятой в советский период попыткой построения модели будущего развития транспортной системы страны и, в том числе, Сибири. Проекту Великого северного пути в нем была противопоставлена идея сверхмагистрализации Транссиба. По оценке авторов доклада, превращение Транссиба в супермагистраль являлось достаточной базой для разрешения транспортной проблемы Сибири на длительную перспективу ее хозяйственного развития. В качестве первоочередных, после сверхмагистрализации Транссиба, объектов железнодорожного строительства, представлялось возможным сооружение линии, соединяющей Обь с бухтой Индигой, обеспечивающей обход Карского участка Северного морского пути, и Ленской дороги, соединяющей золотые промыслы с сибирской супермагистралью[18].

В целом в докладе Госплана транспортная проблема Сибири ставилась и разрешалась с позиций, ограниченных задачами так называемого текущего момента.

«Северная магистраль от Енисейска на Киренск, или иначе, есть дело отдаленного будущего. Насущная нужда имеется в подъездных путях в промышленном и земледельческом районах области». Авторам доклада явно недоставало высот творческого видения перспективы. «Приземленность» положений, сформулированных в докладе, была обусловлена прежде всего, конечно, реалиями экономического потенциала Советской России. В то же время нетрудно заметить, что прагматизм в подходе к разрешению перспективных проблем предопределял глубину научного предвидения и характер конструктивных построений, связанных с вопросами будущего развития транспортной системы Сибири.

С этих позиций, архаичность которых была предметом острой критики еще в 1906 г., авторы доклада ратовали за реанимацию проектов так называемой «водной феерии», включающей сооружение Исетского канала, соединение шлюзами Оби с Печорой, по трассе «дороги Сибирякова», Лены и Амура с Байкалом. «Водные соединения системы Оби с Волжской через Средний Урал по Исети и с Печорой представляют для Западной Сибири вопросы огромного значения в хозяйственном ее развитии… Водная система подлежит развитию за счет улучшения Обь-Енисейского соединительного пути до состояния магистрали... Водные пути — Ангара и Байкал. Река и ее система требуют значительных работ по урегулированию в связи с порогами и шиверами».

Методологические посылки авторов доклада, ориентировавшего на развитие водных магистралей, находились в явном противоречии с практически сложившимся характером соотношений между железнодорожными и внутренними водными транспортными средствами. С появлением и развитием железнодорожного транспорта, быстрого и круглогодично действующего, сезонные речные сообщения выполняли роль подъездных путей, распределительных транспортных связей. Во всех экономически развитых странах и регионах, несмотря на существование развитых речных систем и традиционного интенсивного транспортного использования их, решающая роль в магистрализации грузопотока принадлежала железнодорожным сообщениям. Для северных же районов Сибири, отличающихся суровыми природно-климатическими условиями и, соответственно, исключительно короткими сроками навигации на реках, вопреки отечественной и мировой практике, авторы доклада, как это ни странно, предлагали обратную последовательность взаимодействия составных звеньев транспортной системы. В итоге сугубо прагматических оценок соотношения «возможного и необходимого» авторы доклада вольно или невольно пошли по пути реанимации дешевых, но мертворожденных «водных проектов», несостоятельность которых как магистральных направлений развития транспортной сети Сибири была доказана в процессе почти столетней полемики вокруг них и подтверждена практикой предшествующих бесплодных усилий.

Авторы доклада не отрицали, что «развитие будущих железнодорожных линий представляется в виде северной магистрали через Енисейск, линии на Лену и Якутск и сети подъездных линий», однако считали, что на пути к этому будущему транспортная система Сибири должна пройти через естественные фазы эво-

люционного развития: от дешевых искусственных водных сообщений до экономически оправданного железнодорожного строительства. «Проекты соединения края с железной дорогой рельсовым путем непосредственно в виде магистрали до Берингова пролива и далее, относятся к области будущего, так как даже для сооружения более мелких железнодорожных линий нет пока достаточных оснований по малой населенности края и малой культурности при огромных расстояниях. Дело может идти только о соединении между собой систем рек или таковых с морем, например, с бухтой Нелькан-Аян и т. п.».

Сопоставляя предложенную авторами доклада концепцию развития транспортных сообщений в Сибири с ранее выдвигавшимися инструкциями в этой области, необходимо признать, что заложенные в докладе идеи не отличались новизной. Скорее, наоборот, из обширного арсенала проектов, претендовавших на радикальное разрешение транспортной проблемы северных районов Сибири, на первый план в докладе были поставлены наиболее рутинные их них. Правда, ни одно из положений доклада практического развития не получило. С окончанием гражданской войны главные усилия сосредоточились на транспортно-восстановительных работах.

Урон, нанесенный железнодорожному хозяйству страны Первой мировой войной, империалистической интервенцией и гражданской войной, имел характер и масштабы катастрофы. Регресс и разруха охватили все звенья железнодорожного хозяйства. Было разрушено 1 885 км рельсовых линий, 4 223 моста протяжением взорванных пролетов 89 467 м, выведено из строя 2 904 стрелочных перевода, уничтожено 760 тыс. кв. м служебных зданий и гражданских сооружений. Грузооборот железнодорожного транспорта в 1921 г. составил 21 % от уровня 1913 г. На 19 железных дорогах страны движение прекратилось полностью. Четверть вагонного парка и 65 % паровозов пришли в аварийное, нерабочее состояние.

Сдача новых линий в эксплуатацию не прекращалась, однако объем нового строительства резко сократился. В 1918 г. было построено 1 068 км рельсового пути, в 1919 г. — 71 км, в 1920 г. — 107 км, в 1921 г. — 200 км[19]. При этом новое строительство велось по крайне облегченным техническим нормам и требованиям, в расчете на временные перевозки. Новые линии прокладывались с использованием рельсошпаловой решетки, демонтированной на второстепенных дорогах и станциях. К концу войны эти железнодорожные «новостройки», возрождавшиеся из руин и рассчитанные на кратковременную эксплуатацию, пришли в аварийное состояние.

Техническое состояние железных дорог в связи с прекращением ремонтно-восстановительных работ отмечалось крайне низким уровнем. В результате участковая скорость поездов снизилась почти вдвое по сравнению с 1913 г., когда она составляла 13,2 км/ч. Столь же низкими эксплуатационными показателями обладали линии, зачисленные в строй действующих накануне и в годы Первой мировой войны. Построенные по скоростной технологии с применением пониженной нормы шпалоукладки, легкого, преимущественно бывшего в употреблении рельса, временных, главным образом деревянных, искусственных сооружений, с ми-

нимумом средств связи и сигнализации, и т. п., они обладали крайне ограниченной пропускной способностью.

Регресс технического состояния железных дорог сопровождался значительным сокращением протяженности эксплуатационной сети. В ходе военных действий длина железнодорожной сети, находившейся в эксплуатации, уменьшилась с 71,7 тыс. км в 1913 г. до 26,8 тыс. км в 1918 г. Грузооборот сократился более чем в 5 раз и составил в 1920 г. 14,4 млрд тонно-километров. В такой же мере уменьшился объем коммерческих перевозок, со 157,6 млн т в 1913 г. до 30,5 млн т в 1919 г.[20]

Деструктивные процессы в области производственно-технической базы дополнялись общей дезорганизацией работы железных дорог, обусловленной утратой квалифицированных кадров, резким падением трудовой и производственной дисциплины. Чрезвычайно тяжелая и продолжавшаяся ухудшаться обстановка на железнодорожном транспорте требовала столь же чрезвычайных мер, необходимых для того, чтобы остановить процесс распада одного из важнейших звеньев экономики страны. Многообразные проблемы восстановления, организации бесперебойной и эффективной работы транспортной системы стали одним из основных направлений хозяйственно-практической деятельности коммунистической партии и советского правительства.

В 1920 г., определяя решающие направления подъема народного хозяйства в условиях мирного социалистического строительства, В. И. Ленин писал: «Первый и основной шаг к этому — немедленное, во что бы то ни стало с революционной энергией проводимое, с военной решительностью, сплоченностью, быстротой, беззаветностью осуществляемое восстановление транспорта»[21].

Характер начального этапа восстановительных работ на железнодорожном транспорте определялся задачами, обусловленными необходимостью удовлетворения сложившихся потребностей народного хозяйства в грузоперевозках. В целом эти задачи были успешно разрешены в течение первого года мирного строительства. К концу 1923 г. в эксплуатацию были возвращены все ранее «мертвые» линии магистрального значения. Общая протяженность действующей железнодорожной сети достигла уровня 1913 г. Правда, техническое состояние восстановленных железных дорог оставалось весьма невысоким, поэтому технические скорости движения поездов по-прежнему были ниже, чем в 1913 г. Основными факторами роста грузооборота являлись уплотнение графиков движения и ряд сопутствующих мероприятий, направленных на укрепление производственной и трудовой дисциплины. Итоги первого этапа восстановительных работ подвела состоявшаяся в январе 1924 г. XIII партийная конференция РКП(б), которая отметила: «Транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворить все предъявляемые к нему народным хозяйством требования».

Процесс разрухи железнодорожного транспорта был остановлен. Наметились положительные сдвиги в улучшении его работы. Однако запущенность железнодорожного хозяйства оставалась по-прежнему довольно глубокой. Значительная часть паровозного и вагонного парка находилась в нерабочем состоянии. Из

4 000 разрушенных мостов было восстановлено менее 300. Более 80 % капиталовложений, направлявшихся в железнодорожный транспорт, было реализовано на сугубо восстановительных работах. Эксплуатационная длина железнодорожной сети увеличилась на 208 км, но, строго говоря, это было не новое железнодорожное строительство, а достройка ранее незавершенных объектов. Реновация подвижного состава имела исключительно скромные размеры. В целом высокие показатели работы железнодорожной сети достигались ценой чрезвычайных организационных и дисциплинарных мер.

Первые целевые ассигнования на новое железнодорожное строительство в размере 19 млн руб. были выделены в 1924—1925 хозяйственном году, что позволило ввести в эксплуатацию примерно 40 км рельсового пути[22]. «Капитальные вложения на железнодорожном транспорте в большей части своей использовались на поддержание и развитие существующей сети железных дорог и лишь в некоторой доле — на новое строительство», — констатировалось в отчете СНК СССР и СТО за 1925—1926 год. Всего в 1925—1926 хозяйственном году в эксплуатацию поступило 1 118 км железнодорожных линий и были начаты постройкой семь линий протяжением 1 409 км. Общая протяженность линий, находившихся в постройке, составила 3 892 км, сумма капиталовложений в новое строительство возросла до 25 млн рублей.

В то же время затраты на поддержание и усиление действовавшей сети (без эксплуатационных расходов) возросли до 166 млн рублей.

Главной составляющей роста железнодорожной сети, как и прежде, являлось продолжение прокладки линий, начатых постройкой десять—двенадцать лет назад. Так, в Сибири в основном было завершено (без служебных и гражданских объектов, с временными мостовыми переходами и искусственными сооружениями) строительство линий Кольчугино—Гурьев и Ачинск—Минусинск, начатых постройкой в 1914—1915 гг. При этом достройка производилась по техническим требованиям и условиям проектирования по меньшей мере десятилетней давности.

В 1927 г. грузооборот железнодорожной сети впервые превзошел соответствующий показатель 1913 г. В следующем году объем грузооборота на 17 млн т·км превысил довоенный уровень, объем перевозимых грузов составил 156,2 млн т и вплотную приблизился к рекордной величине 1913 г. В 1928 г. эксплуатационная длина железнодорожной сети вместе с линиями узкой колеи достигла 76 923 км, из которых 16,6 тыс. км составляли двухпутные линии. «Процесс восстановления железнодорожного транспорта после войны, — отмечалось в докладе о контрольных цифрах народного хозяйства и социально-культурного строительства на 1929—1930 гг., — в общем в настоящее время почти закончен, хотя запущенность еще полностью не ликвидирована»[23].

Наиболее уязвимой стороной восстановительных работ, выполненных на железнодорожном транспорте в 1923—1927 гг., являлось то, что они производились на физически и морально устаревшей технической базе. Облик восстановленного тягового и вагонного парка практически не претерпел сколько-нибудь заметных прогрессивных изменений по сравнению с 1913 г. Главным источником пополне-

ния подвижного состава являлось «оздоровление» и модернизация паровозов и вагонов дореволюционного производства. В докладе НКПС в СТО о реконструкции подвижного состава отмечалось: «Темп модернизации паровозов по финансовым обстоятельствам чрезвычайно медленный… на 1927/1928 г. средств отпускается еще меньше, всего на 100 паровозов. Чтобы судить о медленности темпа модернизации, достаточно сказать, что при наличии в настоящее время около 14 тыс. паровозов операционного парка, оборудовано перегревателями около 6 тыс. паровозов (от наличия 42 %) и водоподогревателями только 300 паровозов (от наличия 2 %)»[24]. Средняя подъемная сила двухосного крытого вагона и полуплатформы составляла 16,7 т, цистерны — 13 т, конструкционные работы по повышению их грузоподъемности только намечались.

Столь же жестко и по тем же финансовым обстоятельствам лимитировались пределы реконструкции и модернизации путевого хозяйства. Намеченная на 1927—1928 гг. перебалластировка пути, ввиду исключительной запущенности балластного слоя, была выполнена лишь на 50 %; замена шпал — на 80 % от плана, причем 5 млн шпал было уложено без пропитки. Из-за отсутствия и несвоевременной доставки рельсового проката и скреплений план по их замене также остался невыполненным. Основные материальные ресурсы направлялись на усиление важнейших железнодорожных линий, узловых станций, реконструкцию временных, пришедших в аварийное состояние, искусственных сооружений. В материалах к отчету СНК СССР в СТО за 1927/28 г. о работе железнодорожного транспорта констатировалось: «В заключение необходимо отметить, что в общей системе транспортного хозяйства наиболее отсталым является путь».

Удельный вес капиталовложений в железнодорожный транспорт в 1924—1928 гг. составлял в среднем 24 % от их общего объема, реализованных в народном хозяйстве. Однако подавляющая их масса направлялась на поддержание в рабочем состоянии существующей железнодорожной сети, где они из-за отсутствия материальных фондов далеко не всегда использовались полностью. Новое железнодорожное строительство осуществлялось преимущественно в русле проектно-изыскательского задела, выполненного в довоенный период.

Среднегодовая норма ассигнований на новое железнодорожное строительство в период 1925—1928 гг. составляла 44 млн рублей. При этом они также, ввиду исключительно напряженного баланса материальных фондов, осваивались не более, чем на 70—80 %. Средства на проектно-изыскательские работы под строительство железнодорожных линий по новым направлениям до 1925 г. из централизованных источников практически не отпускались. Первые ассигнования по государственному бюджету на проектно-изыскательские работы в размере 1,4 млн руб. были выделены в 1925/26 хозяйственном году. В последующие годы их сумма возрастала и в 1927/28 г. составила 3,24 млн рублей. Большая часть этих средств вкладывалась в предпостроечные проектно-изыскательские работы на линиях, начатых постройкой в дореволюционный период.

В целях максимального использования ранее вложенных капитальных средств проектно-изыскательские и строительные работы концентрировались на до-

стройке ранее начатых линий, экономическое значение которых сохранилось или возросло в условиях социалистической реконструкции народного хозяйства. Постройка новых железных дорог, как отмечалось в отчете правительства, была сосредоточена на небольшом количестве объектов в целях сокращения числа лет постройки и достижения большей эффективности затрат.

Железнодорожный транспорт, восстановленный к 1928 г. на социалистической основе, по большинству своих эксплуатационных показателей и особенно параметров технического состояния и географического размещения очень близко повторял абрис железнодорожной сети, сложившейся накануне Первой мировой войны. Техническое состояние и принципиальная схема географического размещения восстановленной железнодорожной сети не претерпели сколько-нибудь существенных прогрессивных изменений. Усилия, предпринимавшиеся в целях технической модернизации железнодорожного хозяйства, практического развития не получили. Столь же локальными были итоги мероприятий, направленных на нивелирование неравномерности географических параметров развития железнодорожной сети.

В ходе восстановительных работ были гальванизированы многие негативные аспекты состояния железнодорожного транспорта, имевшие место в дооктябрьский период. Такие, как неравномерность грузонапряженности и географического размещения, низкая техническая оснащенность, отставание темпов развития сети от темпов роста грузопредъявления, хроническое невыполнение планов реализации капвложений в новое строительство, которое по-прежнему сосредоточивалось в европейской части страны. Некоторые из названных диспропорций обнаружили тенденцию к углублению. Так, темпы роста грузонапряженности увеличивались по крутой восходящей. В этой обстановке малейший срыв графиков движения угрожал значительными непроизводительными затратами. Основным средством предупреждения возможных и ликвидации имевших место сбоев в работе железнодорожного транспорта являлись все более ужесточавшиеся меры административного, дисциплинарного и, нередко, уголовно-правового воздействия.

В итоге восстановительных работ фактически была реставрирована железнодорожная сеть дореволюционной России с большинством присущих ей недостатков и пороков. Ярче всего это выразилось в области географического размещения железнодорожной сети. К концу 1927 г., так же как и 14 лет назад, подавляющая часть протяженности железных дорог приходилась на европейскую территорию страны. Уровень обслуженности железнодорожной сетью обширных пространств Сибири и Дальнего Востока оставался исключительно низким. Новое строительство, осуществлявшееся в восстановительный период в весьма ограниченных масштабах, находилось под глубоким воздействием концепций формирования железнодорожной сети, доминировавших в предшествующие годы.

Передовые в техническом отношении страны в области транспорта находились на рубежах, от которых восстановленная из руин транспортная система социалистического государства отстояла на значительном расстоянии. Так, протяженность железнодорожной сети США в 1925 г. составляла 402,6 тыс. км, т. е. по-

чти в 6 раз превосходила эксплуатационную длину железных дорог, действовавших в СССР на 1 января 1928 г. В восстановительный период, когда в СССР новое железнодорожное строительство ограничивалось достройкой ранее начатых объектов и прирост сети исчислялся несколькими десятками, сотнями километров, в США в эксплуатацию вводилось ежегодно более тысячи километров новых линий. Объем железнодорожных перевозок в США вплоть до 1930 г. неуклонно возрастал и в 1926 г. по грузообороту составил 650 млрд т·км, по отправлению — 1 212,1 млн тонн[25]. Работа железнодорожной сети СССР характеризовалась почти в 10 раз меньшим объемом грузооборота — 69 млрд т·км.

Протяженность электрифицированных дорог в США, несмотря на противодействие угольных концернов, до 1929 г. увеличивалась. Первостепенное внимание сосредоточивалось на электрификации линий на магистральных направлениях грузо- и пассажиропотоков, где эти работы обеспечивали наибольший экономический эффект. Технические скорости пассажирских поездов на электрифицированных линиях США составляли 145—150 км/ч. Вес грузовых составов на дорогах с усиленным верхним строением пути с тяжелым и сверхтяжелым рельсом, от 41 до 60 кг в погонном метре, достигал 6 тыс. тонн. Средний вес товарных поездов на железных дорогах СССР не превышал 818 т, хотя на отдельных участках предпринимались опыты увеличения веса составов до 1600—2000 тонн. Первые работы по электрификации железных дорог, в отличие от США, где они сосредоточивались на линиях магистрального значения, в СССР ставились на пригородных линиях и перевальных участках дорог со сложным профилем пути.

В передовых в техническом отношении капиталистических странах географическая сеть транспортной системы быстро разрасталась и уплотнялась за счет автомобильных сообщений. За период 1919—1921 гг. в США было построено 210 тыс. км шоссейных дорог, и общая их протяженность составила 624 тыс. км. В СССР, превосходящем по площади территорию США, общая длина всех учтенных дорог (без вьючных троп) не превышала 800 тыс. км, в том числе на пороге первой пятилетки 22 тыс. км шоссе с твердым покрытием средних и высших типов.

В 1929 г. на дорогах США работало 26,5 млн автомобилей, или 90 % мирового парка, в том числе 3,9 млн грузовиков. Советский автомобильный парк накануне первой пятилетки был представлен 18,7 тыс. автомашин всех типов. Объем грузоперевозочных работ зарождающегося автомобильного транспорта СССР составлял столь мизерную величину, что он не показывался в отчетах и не отражался центральной статистикой.

Наряду с автомобильным в США бурно развивался трубопроводный транспорт. В 1929 г. общая протяженность трубопроводной сети достигла 145 тыс. км, в СССР в 72 раза меньше — 2 тыс. км[26].

Таким образом, транспортная система СССР накануне первой пятилетки практически по всем количественным показателям, большинству параметров качественных характеристик отличалась печатью прежней отсталости. В 1925 г. в США под воздействием развития автомобильных сообщений, а также технического прогресса в самом железнодорожном транспорте обнаружилась тенденция

к сокращению объемов нового железнодорожного строительства. К 1929 г. в результате демонтажа параллельных и второстепенных линий протяженность железнодорожной сети США уменьшилась более, чем на 2 тыс. км.

Для СССР развитие железнодорожной сети, выполнявшей, по данным 1926 г., 75,9 % всей работы транспортной системы, являлось задачей первостепенной важности. Объем капиталовложений, отпущенных в новое железнодорожное строительство в 1928/29 г., увеличился по сравнению с 1925/26 г. в 6,3 раза и достиг 163 842 тыс. рублей, в проектно-изыскательские работы — в 3,3 раза и составил 4 845 тыс. рублей. Однако в результате систематического невыполнения планов нового железнодорожного строительства сдача линий в эксплуатацию сокращалась. Так, в 1925/26 г. в эксплуатацию поступило 1 980 км новых линий, в следующем — 1 419 км, а в 1927/28 г. — всего 270 км.

Другой причиной резкого сокращения роста железнодорожной сети являлось исчерпание проектно-изыскательского задела, выполненного под новое железнодорожное строительство в дореволюционный период. Так, в 1928/29 г. из 6 064 км линий, находящихся в стадии строительства, достройка ранее проектировавшихся составляла 25 %, или 1 516 км. Выход за пределы достроечных работ не обеспечивался достаточными масштабами и опережающими темпами проектно-технической подготовки нового строительства. Центр тяжести в этой области работы сосредоточивался на экономических изысканиях, объем которых в сравнении с предшествующим годом увеличился более чем вдвое, с 19 000 до 41 400 км, в то же время прирост инженерно-технических изысканий составил 1 382 км.

Уровень проектно-технической документации ввиду низкой профессиональной подготовки инженерно-технического персонала не отличался высоким качеством, что приводило к многочисленным осложнениям в процессе строительства. Острый дефицит инженерно-технических кадров являлся одним из наиболее узких мест, сдерживавших развитие всех отраслей железнодорожного хозяйства. Так, в докладной записке НКПС в СНК СССР в этой связи отмечалось: «Ускорение коренной реконструкции транспорта, непрерывный рост его работы и прирост новой железнодорожной сети требуют форсирования темпов подготовки кадров, ибо тот минимум инженерно-технических сил, с которым транспорт до сих пор обходился, — это нищенский минимум»[27].

Выход нового железнодорожного строительства за пределы достройки, а проектно-изыскательских работ — за границы предпостроечных изысканий осложнялся также отсутствием научно обоснованных разработок перспективного развития железнодорожной сети. Многочисленность рабочих гипотез в этой области, общий невысокий уровень их технико-экономического обоснования и проектно-изыскательского обеспечения объяснялся посредственной кадровой базой неподготовленных профессионально специалистов, не обладающих достаточным опытом и научным авторитетом. Очередность сооружения железнодорожных объектов в восстановительный период и в первые годы первой пятилетки находилась в прямой связи с насущными, не терпящими отлагательств задачами хозяйственного строительства. Причем, ввиду общего слабого материально-технического обеспечения

новостроек и необходимости концентрации крайне ограниченных ресурсов на особо важных направлениях, ежегодно производилась корректировка ранее принимавшихся планов. В результате незавершенного строительства масса «омертвленных» капиталовложений с каждым годом увеличивалась. Так, в 1929/30 г. из общего объема капиталовложений в железнодорожное строительство в размере 273 млн руб. было реализовано 177,4 млн, или 65 % от планового задания.

Отсутствие научно обоснованной перспективы и строго очерченной очередности этапов формирования железнодорожной сети приводило к «распылению» средств, выделявшихся из централизованных источников. Кроме того, местные планово-распорядительные органы и ряд центральных ведомств, опираясь на ту или иную рабочую гипотезу, наиболее близкую узковедомственным интересам, производили самостоятельные работы в области инженерно-технических и транспортно-экономических изысканий. В результате предлагавшиеся для реализации проектировки нового железнодорожного строительства носили печать местнических устремлений. Создалась нездоровая атмосфера конкуренции между административно-хозяйственными регионами, «пробивавшими» в директивных и центральных планово-распорядительных органах свои собственные проектировки строительства новых железных дорог.

Конец 1920-х годов явился своеобразным кульминационным пунктом в реализации и разработке кардинальных проблем теории и практики экономической политики социалистического строительства на последующий весьма продолжительный период. Задачи восстановления народного хозяйства страны, а для некоторых отраслей его воскрешения и возрождения, были к этому времени в целом выполнены успешно, уровень 1913 г. достигнут. Но это был уровень, за который промышленно развитые капиталистические государства ушли далеко. За десятилетний послереволюционный период разрыв не уменьшился, наоборот, существенно увеличился. Таким образом, с завершением восстановительного периода характер народного хозяйства СССР определялся двумя наиболее выразительными чертами. С одной стороны, это было «революционно преобразованное», социалистическое народное хозяйство, с другой — уровень его лишь только-только достиг отметки, на которой уже находился полтора десятилетия назад. На так называемой передовой социалистической основе возродился новый по своему характеру экономический организм, но почти все параметры его не превышали соответствующих показателей экономического развития дореволюционной России.

Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» указывал: «В области транспорта следует поставить своей задачей такое расширение сети транспорта и его работы, которое покрывало бы потребности расширяющегося производства и товарооборота, приобщая к народнохозяйственной жизни страны новые районы, открывая новые громадные источники развития производительных сил и обеспечивая нужды обороны. Принимая во внимание запоздание транспорта в переходе от восстановления и решительной перестройке и рационализации, должно обратить сугубое внимание на коренную реконструкцию

транспортного хозяйства и рационализацию его работы по типу наиболее передовых в техническом отношении стран и вместе с тем более полного приспособления его к интересам потребителей»[28].

Неоднократно декларировавшиеся в 1925—1926 гг. партийными и исполнительными государственными органами констатации об успешном ходе восстановительных работ на транспорте и указания на необходимость разработки перспективных задач его развития явились своеобразным импульсом, активизировавшим поиск оптимальных решений этих проблем. В свете этих задач несостоявшиеся десять лет назад концессионеры Великого Северного железнодорожного пути вновь возбуждают вопрос о необходимости разработки и реализации проекта ВСП.

На первые публикации А. А. Борисова и В. М. Воблого, вновь пропагандировавших проект Великого Северного железнодорожного пути, вначале никто из специалистов, профессионально и в силу должностного положения занимавшихся разработкой теоретических и практических аспектов транспортной проблемы, не обратил внимания. В значительной мере это объяснялось тем, что в кругах давних оппонентов и в среде молодых специалистов советской формации господствовало убеждение, что с концессией на ВСП покончено навсегда. На концессионную драму ВСП 1919 г. смотрели как на вовремя разоблаченную и успешно отбитую попытку экономической диверсии, предпринимавшуюся силами международного капитала. Большинство специалистов, погруженных в разрешение насущных задач возрождения железнодорожного транспорта, отвергало самую мысль о практической возможности «гальванизировать концессионного мертвеца».

Однако вскоре пропагандистская деятельность инициаторов проекта ВСП трансформировалась в организационные формы. Прежняя комиссия во главе с Гойхбаргом, практически все эти годы бездействовавшая, была расформирована. Ведомственное совещание при Главконцесскоме СССР создало Комиссию содействия сооружению Великого Северного пути под председательством С. С. Лукашина в составе: И. М. Гронского, Н. Н. Ольшанского, И. Э. Попова, А. П. Кабожинского. К работе в комиссии был привлечен ряд партийных руководителей и крупных специалистов. А это были уже явные признаки воскрешения «концессионного мертвеца».

Первые выступления Борисова и Воблого в печати различались трактовкой масштабов потенциального значения ВСП в условиях развернувшегося социалистического строительства. Борисов остался верен своим прежним взглядам, в центре которых находились преимущественно задачи хозяйственного развития Севера. Воблый определял значение ВСП более крупным планом — в масштабах социалистической экономики всей страны и мирового хозяйства в целом[29].

Содержалось в их статьях и нечто общее, что вновь объединило бывших единомышленников, находившихся в течение семи лет после краха концессии в довольно натянутых отношениях друг с другом. Это общее заключалось в единообразном понимании новых условий и возможностей реализации проекта ВСП. Во-первых, и тот, и другой уверенно считали, что с завершением восстановительного периода собственные ресурсы народного хозяйства будут достаточными для

осуществления первой очереди проекта ВСП. Во-вторых, в связи с перспективными рубежами развития экономики последовательная реализация проекта ВСП представлялась органической составной частью программы социалистической реконструкции народного хозяйства. И, в-третьих, концессионные начала в реализации проекта ВСП не исключались, но не как обязательная, а как дополнительная мера, способствующая форсированному росту социалистической экономики. Общей оставалась и прежняя позиция относительно очередности хозяйственного освоения природных ресурсов в зоне трассы ВСП — в первую очередь надлежало взять лесные богатства.

Решения XV съезда партии, четко ориентировавшие на срочную необходимость конкретной разработки проблем перспективного развития транспортной системы страны, стали исходным звеном конструктивных построений в этой области. Наименее ясными представлялись перспективные направления развития транспортной системы, в том числе железнодорожной сети в Сибири и на Дальнем Востоке. Разработка их находилась на уровне, довольно далеко отстоящем от конечных результатов, применимых в практической сфере. Ведущие авторитеты в этой области, как и в дореволюционный период, группировались на диаметрально противоположных позициях. Конфронтация между инициаторами сооружения северной широтной магистрали и сторонниками южного хода новой железнодорожной линии через Сибирь по мере разрешения задач восстановительного периода все более обострялась.

Разногласия на почве выбора оптимального варианта трассы новой сибирской широтной магистрали, возникшие в период восстановительных работ на железнодорожном транспорте, были лишь прелюдией к вскоре развернувшейся широкой и продолжительной дискуссии по этому вопросу.

В изданной в 1929 г. в Великом Устюге и бесплатно распространявшейся брошюре А. А. Борисова и В. М. Воблого была вновь поднята идея Великого Северного железнодорожного пути[30]. Но на этот раз железнодорожная линия Северного пути трактовалась авторами как составная часть комплексной программы хозяйственного строительства, охватывающего север Сибири от Урала до Тихого океана.

Кроме транзитной магистрали предусматривалось интенсивное строительство подъездных путей, среди которых особое место отводилось автотранспорту. Развитая сеть железнодорожных ответвлений от транзитной магистрали должна была, по замыслу авторов, обеспечить выход к месторождениям полезных ископаемых и в глубь лесных массивов. Программа транспортного освоения Сибири вначале включала также осуществление проекта транзитного водного пути от Тюмени до Байкала, соединяющего бассейны рек Обь, Енисей, Ангара и в перспективе через Амур до побережья Тихого океана. В итоге полной реализации программы индустриальное освоение природных богатств Сибири могло бы опираться на транспортную сеть, объединяющую свыше 100 тыс. км железнодорожных, водных, автомобильных и воздушных путей сообщения. Такая транспортная система дала бы, по расчетам авторов, возможность освоить в Сибири обширные новые районы, по размерам значительно превосходящие территорию Западной Европы.

Идеи, изложенные Борисовым и Воблым, взятые каждая в отдельности, были не новы, и приоритет их разработки не принадлежал авторам брошюры. Однако попытка сведения в единую программу наиболее крупных проектировок развития транспортных сообщений в Сибири была в то время единственной в своем роде. Авторами была сформулирована и методологическая посылка разработки программы комплексного освоения северных территорий Сибири, которая сводилась к признанию необходимости в первую очередь транспортного строительства. Ссылаясь на зарубежный опыт, где, особенно в США, железные дороги не ограничивались перевозочными функциями, а превращались в многоотраслевые капиталистические предприятия, подчинявшие себе всю сферу хозяйственной деятельности в зоне своего экономического воздействия, Борисов и Воблый считали, что и в условиях социализма железные дороги должны играть главную роль в пионерном хозяйственном освоении Севера. Вопреки состоявшемуся еще в 1919 г. заключению финансово-экономического совета при Комгосооре «о недопустимости соединения в одном предприятии транспортных и хозяйственных функций», Борисов и Воблый полагали, что именно такое соединение является наиболее эффективным на начальном этапе развития производительных сил районов пионерного хозяйственного освоения.

Уже на первом этапе дискуссия вокруг воскрешенного усилиями Борисова и Воблого проекта ВСП приняла извращенные, далекие от правил ведения научной полемики формы. Когда оппонентам недоставало аргументов по существу, в ход беззастенчиво пускалось все, что могло хоть каким-то образом бросить тень, безразлично, на проект ли ВСП или на инициаторов его. Излюбленным и рядовым приемом стало обвинение Борисова и Воблого в проповеди враждебных взглядов и защите интересов международного империализма.

Первый удар воинствующие оппоненты проекта ВСП нанесли по Борисову, который в статье «О северном морском пути к устьям Оби и Енисея», опубликованной в «Известиях», утверждал: «Этот путь раз и навсегда закрыт льдами и тратить деньги и оборудование на открытие и развитие этого пути через Карское море к устьям сибирских рек по экспорту-импорту товаров — дело гиблое»[31]. В обоснование этого тезиса Борисов приводил обширный свод ранее опубликованных коммерческих показателей работы Северного морского пути в дореволюционный период и в годы карских операций. Эта попытка рекламировать собственный проект за счет «дискредитации» Северного морского пути вызвала бурный протест пропагандистов освоения транспортной коммуникации через Ледовитый океан.

Наиболее резкой формой отличались критические выступления бывшего чекиста, а в конце 1920-х годов поэта и журналиста В. И. Итина и возглавлявшего Сибкрайплан Н. Н. Воеводина — в прошлом профессионального революционера. В ответ на эти невежественные, по выражению Итина, заявления автора проекта ВСП журнал «Сибирские огни» опубликовал статью Воеводина, которая называлась «Художества художника Борисова»[32]. В статье и во вступлении к ней, написанном Итиным, был дан решительный отпор попыткам Борисова, старавшегося

принизить значение работ, связанных с исследованием и освоением Северного морского пути.

Не отвергая необходимости развития железнодорожной сети Сибири, в том числе в перспективе в северных и восточных районах, Итин считал, что для дешевых массовых сибирских грузов «лес и в ближайшем будущем хлеб» выход на международный рынок железнодорожным путем закрыт дороговизной перевозки. Сопоставляя два самостоятельных и потому несоизмеримых по своему значению, а только дополняющих друг друга проекта транспортного освоения Сибири, он отвечал Борисову его же приемом — спекуляцией за счет сравнения экономической эффективности от реализации программ Северного морского пути и ВСП.

Концесском, созданный в 1919 г. в связи с концессионным заявлением А.А. Борисова и Э. Ганневига, был ликвидирован в 1934 г. Первые 7—8 лет его существования являлись своего рода индикатором, указывавшим потенциальному зарубежному инвестору на вероятность работы в экономическом пространстве России. Однако реальный шанс концессионного предприятия был ничтожным. Сложнейшая и бесконечная во времени процедура рассмотрения концессионных заявлений отбивала всякую охоту к инвестиционному сотрудничеству. После завершения основных восстановительных работ в народном хозяйстве и особенно в последующие пять лет своего существования деятельность Концесскома совершенно определенно направлялась не на привлечение потенциальных концессионеров, а наоборот, на вытеснение действовавших.

Советская идеология концессионной политики, несмотря на оснащение ее весьма выразительной терминологией («акулы мирового империализма, глубоко законспирированная экономическая диверсия международного капитала, происки агентов враждебного капиталистического окружения» и т. п.), принципиально не отличалась от досоветской. Основным руководящим началом в разрешении судьбы концессионных заявлений являлись не экономические расчеты и хозяйственные выгоды, не «купцовская» оценка, а воображаемая картина деструктивных политических последствий удовлетворения концессионных ходатайств.

Советские и досоветские высшие государственные инстанции, за исключением, пожалуй, лишь непродолжительного времени проводившейся С.Ю. Витте политики «открытых дверей», одинаково сомневались в своей политической полноценности. И прежним, и советским режимами власти не только зарубежные, но и отечественные концессионные заявления, особенно предполагающие земельный отвод и элементарно необходимые условия хозяйственной самостоятельности, квалифицировались как попытки покушения на территориальную целостность страны. Эта наследственная патология страха за территориально-политическую целостность уходит корнями в далекую историю.

В начале XVII в. по подозрению в намерении территориальной экспансии английским купцам был запрещен морской ход в устья сибирских рек, пятью десятилетиями раньше разрешенный Иваном Грозным. Чем далее от столицы находились территории, испрашиваемые под концессии, в том числе транспортные, тем большие опасения и страхи утраты политической власти испытывали директив-

ные структуры. Неколебимая позиция «держать и не пущать» особенно контрастно проявилась в истории хозяйственного освоения Сибири. Мистическая угроза сибирского сепаратизма, многократно преувеличенная опасность утраты территориальных приобретений определяющим образом воздействовали на вердикты по концессионным ходатайствам. Центральная власть предпочитала сохранять первозданное хозяйственное запустение сибирской транспортной пустыни, шла на чудовищные экономические и социальные издержки, лишь бы максимально исключить малейший риск для своего всевластия.

До появления механических транспортных средств, радикально воздействовавших на торгово-экономические коммуникации цивилизационных центров и их периферийные пространства, политика консервации хозяйственного и транспортного запустения Сибири в определенной мере оправдывалась объективными обстоятельствами. Скрипучий ход телег и саней, пешеходные скорости утлых речных челнов предписывали необходимость охранения Сибири от внешнеэкономического воздействия, которое ввиду архаического состояния транспортных средств и сообщений не обещало перспективы прогресса.

Однако к середине XIX в. ситуация изменилась коренным образом. Железнодорожные и пароходные сообщения стали стартовыми составляющими прорывной технологии грузовых и пассажирских перевозок. Перед традиционными цивилизационными центрами открылись ранее неизвестные возможности масштабной и энергичной социально-экономической экспансии в окраинные пространства и усиления государственно-политических скреп, устоев и связей с ними.

В отличие от западноевропейских стран и США, в России почти четверть века присматривались, примеривались, приценивались к железнодорожным сообщениям. Много спорили, дискутировали о возможности их использования применительно к пространственным и природно-климатическим условиям страны. Затем, согласно известному постулату, что «русские долго запрягают», еще четверть столетия «запрягали», но вопреки тому же постулату быстро так и не поехали. Балласт консерватизма особенно тяжело изживался в сфере практического разрешения проблем обустройства железнодорожными сообщениями сибирских пространств, где реальная необходимость в них была наиболее острой.

Не располагая достаточными возможностями, а еще более руководствуясь идеологией тотальной централизации, формулой «...а четвертому Риму не бывать», столичная власть не допускала мысли о том, чтобы на подвластных ей окраинах зажглись без ее непосредственного участия очаги технико-экономического прогресса. Так, в начале 1850-х гг., еще до окончания сооружения железной дороги Петербург — Москва, заявлялась поддержанная генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым американская концессия на постройку железнодорожной линии от Иркутска к устью Амура. Реакция высших властных структур — отказная с указанием генерал-губернатору на необходимость бдительного охранения территориальной неприкосновенности. А придворные бонзы возвели на Н.Н. Муравьева, приобретателя Приамурья, подозре-

ние в сепаратизме, намерении опасно для России сдружиться с могущественной североамериканской державой.

Спустя 50 лет аналогичным образом и по тем же основаниям опасности утраты территориальной целостности разрешалась судьба концессионного заявления американо-французского синдиката, намеревавшегося осуществить строительство железнодорожной магистрали на Чукотку для соединения с железнодорожной сетью Канады и США. Столь же категорично было отказано отечественным заявителям концессии на постройку Русской Тихоокеанской магистрали П.В. Бутину и М.П. Мордину, которых к тому же поставили на подозрение в склонности к так называемому сибирскому сепаратизму.

В полемике вокруг концессии на Великий Северный железнодорожный путь и в аргументации отказного решения ее заявителям не было ничего нового и неожиданного. Возражения противников концессии в точности повторяли воображаемые негативные последствия предоставления концессии иностранному капиталу. Новый советский режим власти, как и предшествующий, рухнувший под тяжестью непробиваемого консерватизма, системной технико-экономической отсталости и напряженной социальной депрессии, оказался в плену страха за территориальную целостность. Советские караульные недопустимости иностранных концессий проявили лишь во много крат более острую бдительность, обусловленную последствиями мировой и гражданской войн и иностранной интервенции. Восстановительные процессы в народном хозяйстве происходили в обстановке внешнеэкономической изоляции и откровенной политической враждебности. В продолжение более чем полутора десятка лет ведущие западноевропейские государства и США не признавали установившуюся в России советскую власть, жили ожиданием ее скорого падения. Условия экономико-политической блокады и идеологической конфронтации, естественно, не способствовали установлению взаимного сотрудничества. Воинствующая советская идеология, гарантировавшая капиталистическому окружению скорую и неминуемую гибель, мягко говоря, не воодушевляла потенциальных зарубежных заявителей концессий. В свою очередь и западная пропаганда, и реальная политика не оставались в долгу, не сидели, сложа руки в ожидании предполагаемого краха победивших в России социалистических радикалов. На прямую военную агрессию у обеих сторон не доставало сил и возможностей, но враждебное отчуждение и неприятие было взаимным и доминирующим. Благо, что внутренние социально-экономические процессы на обеих сторонах конфронтации препятствовали лобовому столкновению.

В тылу свободного Запада находились миллионы трудящихся, страдающих от массовой безработицы и возбужденных победой идеалов социализма в Советской России. Социальная напряженность между полюсами бедности массовых слоев населения и вызывающей роскоши сверхбогатых семей в США в период Великой депрессии достигала такой степени, что демонстрации голодных рабочих расстреливались. В конечном счете президент США Ф. Рузвельт, любивший хорошо и вкусно покушать, но существовавший на 26-пенсовый продуктовый пакет безработного, вынужден был предупредить одурсвшую от излишеств финансово-

промышленную олигархию, что если они не создадут рабочие места, не поделятся с простыми людьми частью своих богатств, то у них отнимут все, как это случилось в Советской России.

Ситуация в стране победившей социалистической революции была также далека от благополучной. Идеалы и реалии революционных завоеваний отличались, как небо и земля. Ожидания значительной части массовых слоев населения на лучшую жизнь не оправдались, разуверившихся в состоятельности обещаний и гарантий становилось все больше. Бедность, нищета — привычное, традиционное состояние российского бытования, но теперь в свете недавно еще радужных, угасающих, обманутых надежд на мирную жизнь разрушенное до основания прошлое представлялось утраченной Аркадией. Поляризации бедности большинства и богатства немногих не стало. Богатых всех искоренили, но бедных оказалось больше, чем прежде. В городах, как и на свободном Западе, свирепствовала безработица. Забастовки, с которых начинался процесс крушения прежнего государственно-политического режима, обратились против новой власти. Российская деревня с возрастающей агрессивностью протестовала против изъятия так называемых хлебных излишков. Саботаж и открытое неповиновение директивам властей, волнения, мятежи и восстания вспыхивали по всему пространству крестьянской России. Благородная цель изъятия «хлебных излишков» для спасения голодающих городов и рабочих не оказывала должного воздействия на «мелкобуржуазное» сознание крестьянских масс, поставленных перед выбором — жить самим или умереть во имя спасения пролетариата — авангарда революционных преобразований.

Политическое руководство новой власти после непродолжительной эйфории победителей в гражданской войне и романтики мировой пролетарской революции трезво и весьма прагматично оценило реальную внутреннюю социально-экономическую ситуацию и характер возможного дальнейшего ее развития. Еще не утратившие энергию революционного порыва народные массы, обескураженные явным крушением надежд, в любой момент могли обратиться в силу, способную расправиться с недавними вождями. Послереволюционная социальная почва представлялась исключительно благодатной для посева и быстрых всходов контрреволюции. В этой весьма сложной обстановке новый режим власти действовал, руководствуясь своего рода здоровым цинизмом. Голос проповеди, обещающей, что надежды, двигавшие народные массы на революционные преобразования, скоро сбудутся и оправдаются, звучал все громче, призывнее, с нарастающими приказными, командными, угрожающими интонациями. И одновременно силовые, карательные структуры сосредоточивали, концентрировали и наращивали энергию своей деятельности, направленной на уничтожение еще оставшихся в послереволюционной социальной почве спор, семян, зародышей антисоциальных элементов, способных к сопротивлению, протесту, инакомыслию, чрезвычайно опасных для общества, основанного на равенстве и единообразии. Параллельно с практикой тотального уничтожения родимых пятен капитализма проводилась политико-идеологическая санация в сфере отношений с окружающим свободным капиталистическим

миром. Торгово-экономические, «купцовские» и иные контакты с ним сопровождались мероприятиями, обеспечивающими стерильную идеологическую чистоту их непосредственных участников. Условия сверхбдительной круговой защиты от проникновения чуждой, враждебной, разлагающей буржуазной идеологии, конечно, накладывали серьезные ограничения на все сферы возможного взаимодействия с внешним миром, в первую очередь со странами, традиционно лидировавшими в области технико-экономического развития. Воплощение формулы «идеология превыше всего» предопределяла крайне узкий спектр возможностей использования иностранного капитала на благо социалистического хозяйственного развития. Концессионные формы иностранных инвестиций, по определению предполагающие относительную хозяйственную самостоятельность, обязательное присутствие инженерно-технического и другого персонала зарубежного инвестора, их семей, создание социально-бытовой инфраструктуры, коррекцию трудового законодательства, квалификационных требований к рабочей силе, норм выработки и т. д., наиболее фанатичной части политического руководства представлялись тождественными добровольной капитуляции.

Противники концессионной практики совершенно справедливо полагали, что концессионные структуры вольно или невольно неизбежно станут проводниками, средоточием чуждых идеологических ценностей, негативно, разлагающе воздействующих на несознательную часть советских трудящихся. Кроме того, тоже не без оснований указывалось, что концессии, связанные с эксплуатацией природных ресурсов, действуют на чужой им земле хищническими способами и средствами. Констатировалось, что концессионная практика характерна преимущественно для слабых третьестепенных, полуколониальных стран, к числу которых Россия вообще, а социалистическая в особенности не может принадлежать по определению. Совокупность контраргументов против концессионной практики заключалась предложением делать главную ставку на собственные силы и возможности, без риска оказаться в идеологической, политической и экономической зависимости от иностранного капитала. Время и реальные экономические процессы в социалистическом плановом хозяйстве работали на противников концессионной практики. Результаты восстановительного периода и особенно итоги выполнения первого пятилетнего плана были квалифицированы как безусловные реальные свидетельства практической способности успешно разрешать насущные и перспективные проблемы социально-экономического развития страны. «Купцовская и дипломатическая» функция концессионной политики осталась в прошлом, и в 1934 г. Концесском был ликвидирован.

РАЗДЕЛ III

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И СОЦИОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Глава 10. Этнолокальные и полиэтнические сельские территориальные сообщества как первичные единицы устойчивого развития*

10.1. Проблемная ситуация

В настоящее время необходимо констатировать, что практически все локальные сообщества вовлечены в глобальный всеобъемлющий кризис, который охватил все сферы человеческой деятельности, все этносы, регионы и государства.

Идет поиск новой концепции мироустройства, новых моделей реализации человеческих устремлений, новых технологий и конструкций социальных, экономических и культурных структур взаимодействий в формате «окружающая среда — локальные и глобальные сообщества — цивилизация». Централизация экономики и финансов, производства и потребления в интересах продвинутого меньшинства ломает государственные границы, мозаичные моральные ценности территориально-локального поля и ставит под сомнение целесообразность сохранения этнолокальных и территориальных полиэтнических сообществ (народов), возвращение им традиционных и передачу новых функций полнокровного организма — важной первичной ячейки, единицы устойчивого развития. Локальность была общей чертой социальных процессов строительства, перестройки и реконструкции во всех традиционных обществах.

Преимущественно изолированные, разнообразные и множественные социально-пространственные и этнолокальные сообщества, слабо затронутые внешним влиянием, характеризовались культурной однородностью, соответствующей образу жизни, ориентированному на консерватизм, традиционализм, этноцентризм, локальное представление социоэкономических проблем и процессов. В ходе демографического воспроизводства, социализации медленно трансформировались менталитет и система ценностей, целей, которые определяли отношение к себе и другим, характер взаимодействия в рамках преимущественно своего пространственного и социокультурного сценария, ограниченного символическими культурными рамками.

Для локальных сообществ прошлого типичные стабильность, консерватизм и изолированность в процессе эволюции и развития медленно меняли свою сущность и содержание и резко контрастируют сегодня с нестабильностью, характером взаимодействия с остальными сообществами практически во всех сферах жизнедеятельности. Это ведет к изменениям, реструктуризации жизненных пространств и образа жизни социальных, этнолокальных и полиэтнических сообществ.

Генезис этнолокальных, полиэтнических территориальных сообществ все более обусловливается социоэкономическими, политико-институционными и социокуль-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04-03-00544 «Геополитический аспект этносоциальных процессов в Сибири».

турными процессами, не контролируемыми ими. Происходят сжатие исторического временного поля, утрата традиционной локалистической самобытности, нарастают темпы вовлечения в более широкие государственные, региональные национально-этнические глобальные интеграционные связи и новые социальные и организационные модели.

В процессе перехода к новой институциональной и социоэкономической организации интенсивно разрушается сложившаяся система суверенности государств, региональных, национальных и этнолокальных объединений, открывается новая эра глобализации. В этой новой эре модерности, которая характеризуется взрывным характером, продуцируется идея нарастания в обществе однородности и интеграции в единое мировое сообщество. Результативно выдвигается на первый план новый миропорядок унификации (с единым гегемоном) и фактической минимизации уровня самостоятельной деятельности локальных, региональных, национально-государственных сообществ.

Государственно-национальный уровень жизнедеятельности все в большей мере действует экономически, институциально и социокультурно в планетарном масштабе. Это сказывается на всех процессах.

Сибирь — многонациональный регион и здесь остро стоит проблема гармонизации этнических сообществ, сущности и характера их взаимодействий как фактора, способствующего перспективному развитию этносов и устойчивому развитию региона. Очевидно, необходим комплекс, система соответствующих ценностей, органически сочетающая общее — единство целей жизни и этнообособенное в реализации потребностей национальной культуры на основе исторической эволюции. Данная проблематика приобретает значение в контексте возможных межэтнических противоречий, формирующих конфронтационные ситуации, неустойчивость развития.

В последние десятилетия в СССР и в России наблюдалась активизация подчеркивания этнолокальных особенностей и этногрупповых социальных связей и солидарности в пределах определенных территориальных пространств и национально-этнических образований. Это — ответная реакция национальных сообществ на завышенную централизацию государственного управления. Сознательное стремление к социальной реартикуляции определенных национальных и этнолокальных образований, возобновлению или усилению их независимости, автономности, социокультурной индивидуальности, обладая иногда выраженной национальной исключительностью, реализовывалось в политическом пространстве. Это стремление не характеризовалось как радикально успешное в социокультурной сфере и, особенно в социоэкономических реформах, но способствовало развалу СССР и нарастанию национальной напряженности как в постсоветском пространстве, так и внутри России. В последние десятилетия нарастает тенденция детерриториализации, выражающаяся в сокращении удельного веса титульных этносов, особенно в интенсивно осваиваемых традиционных территориях. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе удельный вес ханты и мансы — не более одной пятой населения в полиэтничес-

ком общежитии, в Эвенкии — эвенков менее 20 %. Сокращается удельный вес традиционных социоэкономических, социокультурных взаимодействий, возможность влияния на них народов. Потеря контроля над судьбой первичных этнолокальных и полиэтнических сообществ ассоциируется с потерей ими своей коренной социальной и исторической значимости и не ассоциируется с экономической, социокультурной ролью и выполняемыми для них функциями в предлагаемом геопространстве.

Социальные, социокультурные отношения и социоэкономические процессы и системы все меньше определяются внутренней стратегией, технологиями и целями внутренней деятельности, а все больше оказываются под влиянием интересов и мероприятий, привносимых извне локального сообщества. Глобализация и централизация абсолютизируют и интенсифицируют процессы производства и распределения, которые идут вне управлений (правительств) территориально-локальных, региональных и национально-государственных образований. Локальные, региональные правительства (управления) в складывающейся ситуации требуют от центрального правительства большей доли управления в социально-экономической организации процессов развития собственно локального сообщества.

Этнолокальные сообщества в исторической эволюции прошли путь от замкнутой автономии с самобытной системой ценностей, целей, способов социальной и культурной деятельности, самореализации и взаимодействия как внутри этноса и с другими локальными сообществами, так и с природой. Эта деятельность определялась и регулировалась самим сообществом, его институтами. Самобытность и самоуправление, в историческом развитии проходившие с нарастанием взаимодействия с ближним «соседом» (зачастую жестоким), принципиально изменялись по формам и технологиям до настоящего времени. Завышенная централизация и перспективы глобализации порождают большое разнообразие негативных последствий в зависимости от особенностей каждого специфического локального сообщества, в том числе и этнического.

Социальные отношения, социокультурные и социоэкономические процессы, которые происходят сегодня в локализованных, прежде всего первичных, поселениях, все меньше и меньше определяются социальной деятельностью самих локальных сообществ (групп), и стремительно нарастает влияние прежде всего экономических интересов и мероприятий «свободных» предпринимателей, которые играют определенную роль в контексте Российско-Московского центра.

Решение проблем в процессах своей жизнедеятельности, контроль над своей судьбой, коренная социальная и историческая значимость локальных сообществ входят в противоречие с той ролью и функциями, которые им приходится выполнять в глобальном контексте «вертикали Российского центра». В этом случае и социопродуктивная динамика, и организация, и управление локальным поселением происходят вне локального поселенческого сообщества, а в соответствии с социоэкономическими интересами и мероприятиями, исходящими извне. Все это угрожает опустошить и без того минимальное содержание деятель-

ности специфических локальных сообществ и региональных первичных поселений. В результате суверенность и маневренность государства испытывает внутренние трудности с солидарностью и может разрушаться снизу. Если первичные локально-территориальные объединения испытывают кризисное состояние, главным образом на уровне взаимоотношений с региональными правительствами (субъекты Федерации), а последние — с правительством государства, то на национальном уровне не меньше давление глобализации с новыми моделями использования нации-государства, его социального и ресурсного пространства, правящей элиты в интересах мировой унификации единственного гегемона нового мироздания.

В этих условиях нарастает опасность полного опустошения содержания деятельности специфических локальных и региональных сообществ, участие которых необходимо и для стабилизации жизненного тонуса населения поселений и регионов, социодемографической жизнеспособности, социожизненной надежности и определенности в отдаленном и близком будущем.

В условиях российского «рискового общества» предопределение опасностей функционирования и развития локальных сообществ может идти по двум направлениям. Первое — укрепление интегративных тенденций взаимоотношений и взаимодействия в рамках этнолокальных и первичных территориальных сообществ. Второе — создание условий укрепления ассоциативных процессов: выработки соответствующей продуктивной национально-государственной политики, законодательного поля и управленческих технологий.

Взаимодействие локальных образований, поиск форм, методов решений с учетом органического единства собственных целей и всего сообщества становятся определяющими. Таким образом, локальное сообщество можно характеризовать (определять) как *первичную ячейку развития*, формирующую локальные цели и деятельности. Во взаимодействии с другими локализованными сообществами возникает *первичный социальный организм определенного территориального и функционального образования*. Единство целей и коллективных действий не только в производственной, социально-экономической сферах, но и в культурном, социобытовом поле, активное и «человеческое» *взаимодействие* помогут обрести свое социальное возрождение, выздоровление и поддержку своеобразия этнического и минимализацию напряжений в полинациональном общежитии.

Таким образом, *взаимодействие локальных* сообществ выступает как *базовая опора*, как ***ячейка устойчивости*** на первичном уровне, а затем и на районных, областных, краевых и национально-республиканских, региональных уровнях, что может и должно минимизировать внутреннюю российскую неустойчивость.

10.2. Трансформация первичных социокультурных и территориально-производственных сообществ Сибири

Современное социально-экономическое устройство мирового сообщества в основном определяется базисом, в котором собственно гуманистические, человеческие ценности социокультурного пространства далеко не всегда выступают в ка-

честве приоритетных и целенаправляющих движение. Чаще всего целенаправление и развитие общества продолжаются на основе базисных ценностей природно-биологического характера. Генезис этих ценностей восходит к древнему человеку, племени, когда «моя территория», «моя ойкумена» обеспечивала биологическое выживание. Базисной основой была система ценностей, норм, санкций охраны ресурсов и необходимо-справедливого распределения их в своем сообществе. Такая ценностно-нормативная система всего четыре века назад была свойственна первичному коренному этносу Сибири. В процессе интенсивного освоения Сибири (конец XIX — начало XX вв.) происходила трансформация системы первичных ценностей. Характер этой трансформации в этот период определялся существенными особенностями. Вначале в Сибирь отправился купец за соболем, а затем произошел массовый исход крестьянства из центрально-западных районов России.

Шли вначале ходоки, выбиравшие место, затем семьи и общины деревень. Шли предприимчивые и работящие безземельные крестьяне на вольные, фактически безлюдные пространства Сибири. Пришлые крестьяне-земледельцы заселяли и осваивали пространство, пригодное для земледелия. Местное первоначальное (коренное) население ориентировалось преимущественно на традиционные занятия: охота, рыболовство, собирательство и отгонное животноводство (оленеводство, частично коневодство на севере, овцеводство и коневодство на юге). Естественное разделение жизненно важных интересов на первых порах обеспечивало терпимость, а затем развивалось «соседское» взаимодействие. Происходил обмен опытом производственной и бытовой жизни — земледелия, охоты, жилья и жизни в тайге, кухни и собирательства дикоросов и т. д. А главное — в области ценностей культурного пространства крестьянский общинный менталитет был близок родовому менталитету: трудолюбие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимовыручка, бережное отношение к окружающей среде — «не бери лишнего», «не укради», «не убей», и целый ряд других ценностей, которые не охранялись писаными уложениями, а регулировались общиной и родом. Постепенно формировалась единая система ценностей с элементами традиционного общинно-крестьянского и аборигенно-родового. Таким образом, на основе традиционного и нового возник единый культурный феномен, который позволял минимизировать издержки адаптации в полиэтническом общежитии, в процессах взаимодействий и формирования единого пространства культуры.

Необходимо, очевидно, помнить, что вся история народов есть путь непрерывного взаимодействия. Локализация, выраженная в крайних формах вплоть до самоизоляции, «замораживает» развитие, превращает группу, этнос в объект наблюдения, в некий экспонат для изучения прошлого цивилизации. Такая стагнация увеличивает разрыв в способе жизни, формировании мировоззрения, усвоении знания, технологий деятельности, уже наработанных человечеством.

Но чрезмерно «скорое» вхождение в «мир иной» может привести к замещению традиционных ценностей еще «чужими иными», к потере традиционных святынь, символов. Разложение символов единой коллективной этносудьбы, куль-

турно-исторического самосознания снижает жизнестойкость народа, этноса в складывающемся новом общежитии, ибо жизненность этноса — это продукт духовного потребления, духовных решений, самоопределения.

* * *

Проблемы территориально-первичных социокультурных организмов Сибири сегодня зарождаются не в первичных коллективах, а продуцируются (определяются) общей российской действительностью. В ней в 1990-х годах разразился «революционный» всеобъемлющий кризис, который следует определить как системный. Произошло не только обрушение производства, экономики, оборонки и др., но и, очевидно самое главное, тотальное, системное разрушение гуманистического ценностного социокультурного поля, на котором веками выращивались и передавались из поколения в поколение определяющие цели, ориентиры, жизненные потребности и, в целом, жизнь.

В процессе галлюцинической (призрачной?) глобализации культуры интенсивно вытесняется национально-традиционная фабрика культур. Это привело к потере национального тонуса, деформации социально-культурных организмов, качества жизни, особенно в первичных сельских сообществах. В данном тексте не ставится задача определить, в какой мере деформируется общество России, а акцент делается на особенностях этих процессов в сибирских первичных сельских поселенческих сообществах.

Сохранятся ли взаимодействие и гармония, которые были в первичных традиционных сибирских коллективах? Формирование их во многом определялось особенностями миграции, заселения Сибири. Выбор места заселения в Сибирь в свое время определяли ходоки из сел запада России, но уже это был не индивидуальный, а коллективный исход. В Сибири сразу формировалась особого рода община с системой ценностей, взаимопомощи и соседского взаимопонимания. В трудных стартовых условиях обживания на новом месте с благоприятными природными условиями возрастали возможности приложения своих усилий. К тому же расширялась информационная связь с остающимися потенциальными мигрантами в деревнях Западной России. Практически нарастал исход целого коллектива из одного традиционного западно-российского поселения во вновь создаваемое сибирское. Речь идет не о рождении новой общины, а о ее перемещении в новые условия.

Формирование сибирских городов высокого производственного потенциала было особенно интенсивным в 1940—1950-е гг., период массовой эвакуации оборонных заводов, а затем создания производственной базы для восстановления разрушенного хозяйства в европейской части России. Но и здесь были свои особенности. Сибирские города, рабочие поселки, профилированные на нужды фронта, не смогли в необходимой мере создать условия эвакуированным предприятиям и особенно в социальной и бытовой сферах.

Таким образом, формирование и развитие сибирских городов, мегаполисов проходило за счет новых производственных образований, которые создавали и развивали не только производство, но и всю инфраструктуру, обеспечивающую жизнедеятельность во всех аспектах. Это направление развития сибирских городов стало определяющим вплоть до периода демократических реформ. Сами города создавались и функционировали за счет градообразующих предприятий, имевших свой полный комплекс жизнедеятельности. При этом формировался производственно-социальный коллектив — социальный организм, имевший свои структуры управления как административного, так и общественно-общинного характера. Особенности формирования своих жизнеобеспечивающих систем градообразующим предприятием определяли функционирование целостного социального организма.

С приходом «новых работодателей», ограничивших свои функции только предоставлением работы и передавших заботы о жизнеобеспечении муниципальным структурам, которые не смогли переварить этот «подарок», развалился комплексный коллектив — социальный организм — *первичная ячейка устойчивого развития*.

Переход коллективных форм деятельности к индивидуальным особенно драматичен в сельских поселениях, где вся жизнь держалась на поселкообразующих предприятиях — в Сибири это колхозы, совхозы и мелкие предприятия села, которые обеспечивали население всем необходимым. Ликвидировав этот стержень, разрушили производственно-социальный организм и обрекли сельское население на прозябание. Муниципальные службы в сибирском селе еще не в состоянии выполнять жизнеобеспечивающие функции.

Потеря самодостаточности социального организма, который формировался и функционировал на базе совхозов и колхозов, фактически выхолащивает исторически сложившуюся в России и Сибири коллективно-общинную сущность первичной ячейки жизнедеятельности. Это привело к размыванию традиционных элементов системы ценностей, коллективной взаимопомощи, патриотизма, традиционного гуманизма и соответствующих ценностных ориентаций человека и в целом первичного сообщества. Сейчас необходимо искать трудные решения и в селе, и в поселениях городского типа.

При разработке концептуальных и технологических решений, очевидно, необходимо иметь в виду прежде всего следующие положения.

1. Необходим переход к модели устойчивого развития *первичных* социопроизводственных единиц (образований) — социальных организмов.

2. Разработка таких моделей предполагает *системный* характер преобразований, в основе которых лежит сильная политическая воля, опирающаяся во всех своих проявлениях на широкую поддержку народа, на выработанный историей духовно-нравственный базис. В этом состоит суть социокультурного подхода к анализу состояния процессов и разработки перспективы развития.

3. Будущее Сибири должно определяться не только и не столько ее природно-ресурсным, сколько ее социокультурным потенциалом, а именно духовно-нрав-

ственным состоянием общества, уровнем жизненных сил населения, степенью развития науки и образования.

4. Не менее важно приведение способов хозяйственной деятельности в соответствие с традиционными социокультурными основаниями. Здесь имеется в виду прежде всего кооперативно-общинный принцип организации хозяйственной деятельности, отвечающий глубинным российским традициям на селе. Речь идет не просто о производственной кооперации, а о кооперировании производственных и социальных сфер деятельности. Необходимо формирование не просто экономических, а территориальных социопроизводственных систем, способных к автономному устойчивому функционированию.

5. При разработке модели необходимо обратиться и к недавней исторической практике, и не только в поиске негатива (как это было в 1990-е гг.). Прообразом социопроизводственных систем были в недавнем прошлом крупные хозяйственные комплексы, включавшие в себя наряду с основным производством развитую сеть социально-бытовых услуг (медицинских, образовательно-воспитательных, рекреационных, культурно-оздоровительных и т. п.). Такие комплексы существовали как в городе, так и в селе — на базе колхозов и совхозов. Последние, в сущности, как раз и были зародышами сельских территориальных социопроизводственных образований, поскольку включали в себя не только сельскохозяйственное производство, но и объекты социальной инфраструктуры — медицинские учреждения, школы, магазины, детские сады, клубы, спортивные секции и т. д. В городе аналогичные кооперативные комплексы формировались, как правило, в системе градообразующих предприятий.

Эта тенденция является одним из важных достижений советской истории России в сфере территориального жизнеустройства. Она, несомненно, нуждалась в активной государственной поддержке, дальнейшем ее совершенствовании и развитии, но была разрушена, особенно на селе, под натиском либерально-рыночных реформ.

С фермами на селе практически ничего не получилось, и не могло получиться, по двум причинам. Во-первых, надо иметь технику, а это дело не одного года. Во-вторых, индивидуальная работа не каждому коллективисту по плечу. Произошло то, что и должно было произойти в данных условиях: развал колхозов и совхозов, массовая безработица на селе, брошенные поля, бегство работоспособного населения в города — в целом разрушение традиционного социального организма. А можно было совместить и колхоз, и совхоз, и фермерское хозяйство в единой социопроизводственной системе — кооперации.

Сегодня имело бы прямой смысл в рамках стратегии устойчивого регионального развития разработать специальную программу формирования территориальных социопроизводственных образований как фундамента устойчивого развития регионов.

При решении этих задач необходимо учитывать геополитическое положение Сибири, ее ресурсно-стратегический потенциал, сохраняя в целом социальную ориентацию.

Глава 11. Проблемы устойчивого развития полиэтничных сообществ в условиях современных реформ*

11. 1. Эволюция мультикультурализма

В последние два десятилетия этничность становится одной из существенных переменных современного общества, что контрастирует с теоретическими представлениями о современности, описываемой в универсалистских, глобалистских категориях. Это заставило ученых по-новому переосмыслить как природу этничности, так и характерологические признаки современности.

Особенно остро проблемы, связанные с изменением всей системы межнациональных отношений, встали перед постсоветскими государствами. Распад СССР инициировал процессы этнического возрождения в бывших советских республиках и одновременно активизировал процессы этнической дезинтеграции и дополнил факторы выталкивания, связанные с этническим дискомфортом, институциональными факторами, такими как проблема гражданства, принятие законов о государственных языках, введение границ с их таможенными и визовыми барьерами. Все это привело к разрыву некогда единого информационного и экономического пространства и изменению внешнеполитических и внешнеэкономических ориентаций новых государств и делает необходимым осмысление проблем устойчивого развития новых независимых государств.

Большинство государств, образовавшихся в результате распада СССР, формировались не по национальному признаку, а по линиям административных границ, действовавших на момент распада. В той ситуации не учитывались ни исторические культурные традиции народов, ни особенности этнических процессов. В итоге возникла ситуация, когда в образовавшихся государствах оказалась велика доля нетитульного населения. Это послужило непосредственным источником всех современных проблем и периодически сопровождалось этническим насилием. Процесс образования новых государств подстегнул этнические процессы, инициировал сознательный мультикультурализм и повлек рост самосознания как малочисленных, так и многочисленных народов.

В большинстве республик произошла политизация этничности, получили распространение этнополитические процессы и был выбран курс на построение этнократического государства. Формирование элит происходило, в подавляющем большинстве, из числа представителей титульной нации, механизмами реализации политики по национальному признаку служили законы о языке.

Процесс национального строительства во всех постсоветских государствах еще не окончен, а их политика в сфере социальных и национальных отношений является во многом противоречивой (например, в России только сейчас поднимается вопрос о национальной идеологии на государственном уровне).

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80164 «Постсоветские общества в процессе реформирования: социальный контекст»

В то же время полиэтничный состав постсоветских обществ делает необходимой ориентацию на мультикультурализм как одну из составляющих государственной национальной политики. Мультикультурная политическая ориентация подразумевает серию антидискриминационных мер, признание за аборигенами права на землю, публичную поддержку находящихся в тяжелом положении этносов, образовательные и телерадиовещательные программы, обращенные к конкретным культурным сообществам. Можно заметить, что многое в этом направлении уже делается: в России учреждены льготы коренным малочисленным народам, во всех странах открываются культурные центры этнических меньшинств. Таким образом, исторически сложившийся на постсоветском пространстве мультикультурализм определяет стратегию этнополитики, реализуемой бывшими союзными республиками. Мультикультурализм постепенно становится целью публичной политики.

В отличие от ставки на ассимиляцию, постсоветский мультикультурализм исходит из возможности, и даже полезности, параллельного существования этнических общин, представляющих различные культуры. Задача общественных институтов состоит в том, чтобы максимально облегчить возможность такого существования, создав для этого благоприятные материальные и правовые условия. Постсоветский мультикультурализм ориентирован на выдвижение на передний план культуры как идентичности, основной акцент делается на поддержку выживания и аутентичности уже существующих культур, в частности, исконных для данной территории этнических культур.

Мультикультуральная политика постсоветских государств, тем не менее, остается недостаточно эффективной и продолжает порождать этнические конфликты, вместо того чтобы способствовать сохранению многообразия культур. Примером может служить Казахстан, в котором современные этносоциальные процессы обусловлены двумя противоположными факторами: 1) ориентацией на мультикультурность, в силу того, что казахстанское общество традиционно является полиэтничным; и 2) ориентацией на построение этнократического государства с титульной нацией. Такая же ситуация характерна для многих бывших союзных республик[1].

Хотелось бы заметить, что многонациональность не всегда предполагает мультикультурализм, но даже в условиях этнократичных государств возможно существование мультикультурности и осуществление политики мультикультурализма. То многообразие культур, которое является уникальным, сегодня возможно сохранить только при условии проведения продуманной, эффективной мультикультурной политики, направленной на достижение согласия в сложном многосоставном, полиэтничном обществе. Именно эта цель должна стать приоритетной целью государственной политики всех постсоветских государств, независимо от их этнократических ориентаций.

В отличие от характерного для XIX — начала XX вв. монокультурализма, когда культура этнического большинства доминировала и этнокультурные меньшинства ассимилировались или абсорбировались в качестве субкультурного сооб-

щества, мультикультурализм предполагает не поглощение, не иерархию, а плюрализм культурных традиций. Таким образом, очевиден контраст между старым (до середины XX в.) и новым (со второй половины XX в.) типами культуры, характеризуемыми, соответственно, «закрытостью», основанной на принципе монокультурализма, и «открытостью», основанной на принципе мультикультурализма. В совокупности рассмотренные тенденции, проявляющиеся в различных сферах, предстают как общественные изменения, как контрастный переход от старой — пространственно/территориально «закрытой» социальной организации к новой — «открытой» социальной организации[2].

Современное понятие мультикультурности порождено именно такой культурной динамикой, которая не была ни донациональной, как в досовременных империях, ни создающей нации, как в Новом Свете и эксколониальной зоне. Она постнациональна, поскольку возникла уже после успешного создания наций, и разворачивается в границах национальных государств. Ее развитие связано с массовым распространением высшего образования в 1960-х гг. и с новыми аудиовизуальными и музыкальными массовыми культурами. Во многом развитие постнационального мультикультурализма обусловлено экономическим подъемом, который пережили Европа и Америка в этот период. Таким образом, диапазон возможностей мультикультурализма простирается от насилия до мирного сосуществования и общего развития, от долговечности до исторической кратковременности.

Российская империя, а затем СССР были мультикультурными обществами, несмотря на то, что политика, проводимая ими в отношении представителей различных этносов и конфессий, имела существенные различия и не всегда была гуманной. Развал Советского Союза привел к образованию независимых государств, но, вместе с тем, лишь усугубил проблемы в сфере мультикультурализма, размножив их в рамках каждого из государств и поставив новые проблемы межгосударственного урегулирования диалога культур.

Современные теоретические схемы западной социологии оказываются не вполне релевантны постсоветской ситуации в области мультикультурализма. Ни к одному из типов мультикультурного общества, постсоветские общества отнести нельзя. Любая типология по необходимости не является исчерпывающей. Мультикультурализм, который сегодня можно наблюдать на постсоветском пространстве, уже не принадлежит к досовременному типу общества, поскольку динамика таких обществ была донациональной, а на постсоветском пространстве в данный момент происходит процесс становления национальных государств. В отличие от мультикультурных обществ Нового Света динамика постсоветского мультикультурализма определяется не иммиграцией и заселением, которые выступают как нациеобразующие процессы, а аборигенным и старожильческим населением, т. е. исконными для данной территории этническими культурами.

Возможно, напоминая колониальный мультикультурализм, постсоветский мультикультурализм, тем не менее, имеет принципиальное отличие: между колонизаторами (в роли которых можно было бы представить русских) и колонизованными (многочисленными этносами, исконно населявшими территории бывших совет-

ских республик) не существовало институционализированных и явных барьеров. Но, так же как в постколониальных мультикультурных обществах, новые национальные государства, появившиеся в результате распада СССР, унаследовали мультикультурность произвольных колониальных (имперско-советских) разделений.

Присущий постсоветскому пространству тип мультикультурализма не является постнациональным, поскольку, во-первых, процесс образования национальных государств на постсоветском пространстве еще не завершен, а во многих регионах постсоветского пространства усиливается политика этнической идентичности, а также тенденция к возрождению ранее маргинализированных языков национальных меньшинств. Во-вторых, нациеобразующий процесс происходит в условиях тяжелого экономического и социального кризиса. Теоретическое осмысление современного понятия мультикультурализма является важной предпосылкой для решения проблем в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений. Таким образом, основной задачей является рассмотрение того, какие трансформации понятие мультикультурализма претерпело на постсоветском пространстве и как эти изменения могут быть соотнесены с общемировыми процессами. По типологии Тернборна, Российская империя принадлежала к досовременному типу обществ и отличалась очень высокой степенью мультикультурности[3]. Например, в российской переписи 1897 г. упоминается более 130 народностей, исповедовавших христианские и исламские религии, различные направления иудаизма, буддизма и так называемый анимизм.

Российская империя была сметена в ходе Октябрьской революции 1917 г. Но ее разнообразное мультикультурное наследие продолжало существовать в Советском Союзе. Однако СССР существовал уже как монокультурное многонациональное государство. Политическое и идеологическое единообразие, включая строгий надзор над культурой, сочеталось с поддержкой национальных институтов, территориальных органов управления, национальных языков и письменности, которая у многих советских народов отсутствовала, и соответствующей символики.

Надо признать, что в СССР действовала установка на ассимиляцию, число существующих этносов преуменьшалось. В советских переписях, начиная с переписи 1937 г., по указанию властей, пропагандировавших консолидационные процессы в СССР, было резко снижено число признаваемых официально народов. Эта практика весьма охотно осуществлялась местными партийными элитами некоторых республик, которые с готовностью увеличивали численность господствующей в республике национальности за счет небольших, якобы консолидировавшихся с ними, этнических общностей.

Естественно, что такое присоединение многих малочисленных народов к более крупным по численности национальностям оказывало воздействие на реальное положение дел по части «этнической консолидации», но в действительности малые этнические сообщества или более мелкие этнические идентификации продолжали существовать. Таким образом, относительно того типа мультикультурализма, который сформировался на постсоветском пространстве и который можно

обозначить как «постсоветский мультикультурализм», можно сделать следующие наблюдения.

Постсоветский мультикультурализм является наследником мультикультурализма Российской империи, а затем советского мультикультурализма. Будучи наследником современного мультикультурализма (по типологии Тернборна) постсоветский мультикультурализм является в достаточной степени статичным, так как является унаследованным, а не заново возникающим. Однако после 1989 г. произошли серьезные изменения в этническом составе населения по причине смены идентификаций и миграционных процессов.

Динамика развития современного постсоветского мультикультурализма во многом определяется архаическим компонентом включенных в него культур. (Советская культура не стала плавильным котлом, поскольку в основе своей была глубоко архаичной и органично вписалась в архаичные структуры.) Отсюда архаизация социальных процессов, явившаяся неожиданным следствием модернизации.

Для всего постсоветского пространства характерно сохранение традиционно значимой роли русского языка и культуры, которые выступают как средство межнациональной интеграции и основание межкультурного диалога. Это привело к тому, что в некоторых государствах русский язык признается вторым государственным языком или средством межнационального общения.

Социально-экономическое развитие всех бывших республик прошло одни и те же этапы[4]. Формирование постсоветских мультикультурных обществ происходило в условиях модернизационных процессов, которые сопровождались мощным экономическим кризисом. Экономические условия существования оказались важным фактором этнокультурной идентификации.

Социальные последствия экономических экспериментов 1990-х гг. везде оказались одинаковы: ухудшение условий существования основной массы населения, происходящие на этом фоне беспрецедентный рост неравенства в доходах и обвал социальной сферы[5].

В современных постсоветских обществах вновь возникший мультикультурализм и вообще любой плюрализм являются не столько следствием постиндустриальных тенденций, сколько результатом системного кризиса, повлекшего за собой разрушение сложившихся ранее социальных идентификаций и солидарностей, в том числе и в этнической сфере.

Динамика постсоветского мультикультурализма определяется не только и не столько иммиграцией, сколько развитием исконных для данной территории этнических культур. При этом традиционной формой существования такого населения являлось существование в рамках полиэтничных сообществ. Особую роль в функционировании постсоветского мультикультурализма играют феномен ирредентизма и диаспоральные стратегии.

Вместе с тем, наряду со своеобразием складывающегося мультикультурализма, постсоветским государствам свойственны также многие порожденные глобализацией социально-экономические противоречия, характерные для других районов мира. Более того, оказавшись в промежуточном положении между государствами,

развивающимися по так называемой «западной модели», и странами отстающего и догоняющего развития, они стали плацдармом, на котором переплелись наиболее острые противоречия, свойственные и тем, и другим. Таким образом, постсоветское пространство в целом и отдельные его части являются: многосоставными, полиэтничными, поликультурными, поликонфессиональными, многопартийными. Все эти черты вместе и составляют целостный феномен постсоветского мультикультурализма.

Повторим, что мультикультурная политическая ориентация подразумевает серию антидискриминационных мер, признание за аборигенами права на землю, публичную поддержку находящихся в тяжелом положении этносов, образовательные и телерадиовещательные программы, обращенные к конкретным культурным сообществам. Можно заметить, что многое в этом направлении уже делается: в России учреждены льготы коренным малочисленным народам, во всех странах открываются культурные центры этнических меньшинств.

Неопределенность и непродуманность стратегий мультикультурного развития на первоначальном этапе образования национальных государств неизбежно провоцируют изменения в самоощущениях представителей тех этносов, статус которых резко изменился.

Экономический кризис, в условиях которого происходит становление нового типа мультикультурности, оборачивается нехваткой средств на реализацию конкретных программ в сфере мультикультурализма.

Хотелось бы заметить, что многонациональность не всегда предполагает мультикультурализм, но даже в условиях этнократичных государств возможно как существование мультикультурности, так и осуществление политики мультикультурализма. То многообразие культур, которое является уникальным, сегодня возможно сохранить только при условии проведения продуманной, эффективной мультикультурной политики, направленной на достижение согласия в сложном многосоставном, полиэтничном обществе. Именно эта цель должна стать приоритетной целью государственной политики всех постсоветских государств, независимо от их этнократических ориентаций.

Как показывает мировой опыт, всплески напряженности на этнической почве одинаково присущи как слаборазвитым, так и достаточно стабильным в экономическом отношении государствам. Для полиэтничных постсоветских государств эта проблема в значительной части детерминирована переходным периодом и национально-государственным строительством и является и еще долгое время будет являться достаточно острой.

11.2. Развитие межэтнических взаимоотношений

Развитие межэтнических взаимоотношений зависит от множества различных факторов: особенностей государственно-политической системы, экономических стратегий, национально-культурных традиций, социально-статусных позиций взаимодействующих этнических групп и т. д. Страны и регионы Центральной Азии

традиционно характеризуются полиэтничным составом населения, что предполагает активный межкультурный диалог и делает необходимой реализацию политики мультикультурализма. Опыт существования постсоветских государств показывает, что процессы строительства национальной государственности в них происходят в направлении строительства мультикультурного общества, в котором этнические группы толерантны и решают свои проблемы через социальное партнерство.

Мультикультурализм в настоящий момент определяет политику многих стран мирового сообщества и является концепцией, которая в дальнейшем будет определять основные параметры межэтнических и межкультурных взаимодействий. Однако универсальной, единой для всех модели мультикультурного общества не существует. Каждая страна сама определяет собственную модель межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Исследования, проведенные российскими и казахстанскими учеными, дали возможность осуществить сравнительный анализ этносоциального развития народов Сибири и Казахстана и выявить основные факторы, определяющие современные стратегии межкультурного и межнационального взаимодействия. Рассматривая этнокультурные стратегии России и Казахстана, можно выделить:

1) политику в отношении титульных (государствообразующих этносов) этносов (этнократия или демократия);

2) политику в отношении этносов, не являющихся титульными, но являющихся государствообразующими и представляющих собой относительно большие этнические группы, по каким-либо причинам проживающие за пределами своего государства;

3) политику в отношении компактно проживающих на их территории этнических меньшинств, не имеющих собственной государственности.

В России этнической принадлежности придается особое значение, в том числе и на политико-государственном уровне. Этническое многообразие в виде формулы «многонационального народа» зафиксировано в Конституции, отражается в административно-государственном устройстве и во многих законодательных актах федерального и регионального уровней. Стратегия развития этнокультурной сферы в России направлена на взаимодействие культур, сохранение и поддержание самобытности, языка и традиционного образа жизни национальных меньшинств. Эту ориентацию можно охарактеризовать как мультикультурализм или культурный плюрализм.

Второй ориентацией российской политики в сфере этнокультуры является федерализм как способ проведения политики по отношению к составляющим Россию территориям, предполагающий решение этносоциальных проблем в зависимости от региональной специфики.

В результате этнополитическая стратегия России, которая может быть обозначена как мультикультурализм в условиях федерализма, хотя и предполагает существование государствообразующего этноса, но при этом лишена этнократических тенденций, давая возможность отдельным этносам осуществлять собственную политику в рамках своих территорий.

Состав и структура среднеазиатских государств претерпели значительные изменения за время вхождения в состав Российской империи и СССР. Индустриализация привела к разрушению традиционной социальной иерархии и изменению типа социальных отношений, а сопровождавшие ее миграционные процессы сделали эти общества полиэтничными. Именно эти процессы легли в основу современной ориентации Казахстана на мультикультурализм, демократическое развитие, развитие институтов гражданского общества и равноправие людей независимо от национальной принадлежности. Декларированные правительством Казахстана демократические нормы находят отражение в Конституции и законодательстве. Достижение единства многочисленных национальных групп населения заявляется в качестве одной из основных стратегических задач страны. Практически же в Казахстане получил распространение специфический механизм формирования национальных элит и национальных идеологий, характерный и для других среднеазиатских государств. Получившие независимость государства не только выносят на государственный уровень традиционно существующие социальные отношения и институты, но и возрождают некоторые из них, причем в модернизированных формах. Элита новых центрально-азиатских государств считает легализацию «национальных» традиций социальной жизни важным звеном своей политики, дающим ей поддержку среди основной массы населения. Обретение независимости инициировало рост национального самосознания казахского народа, которое проходило в направлении возрождения казахского языка, казахской культуры (как культуры титульной нации) и национальной психологии, основанной на коллективистских социальных традициях, а также отдельных нормах обычного и мусульманского права.

Этносоциальное развитие в Республике Казахстан в настоящее время определяется взаимодействием двух противоречивых и во многом несовместимых моделей: 1) модели, основанной на принципах мультикультурализма; 2) модели, в основе которой лежат тенденции к построению этнократической государственности и доминированию одной национальной культуры[6]. Ориентация на построение этнократической государственности в условиях традиционно полиэтничного сообщества ставит Республику Казахстан перед проблемой построения такой политической системы, которая делала бы возможным учет интересов представителей различных национальностей. И в данный момент происходит интенсивный поиск в этом направлении. Различная политика в сфере регулирования межэтнических отношений, которую реализуют Россия и Казахстан, порождает две различные этносоциальные реальности, наблюдаемые в этих государствах.

11.3. Диаспорная динамика

Распад СССР, нарушив сложившуюся в течение 70 лет национально-территориальную систему расселения и положение отдельных национальностей в этой системе, оказал заметное влияние на диаспоральную динамику. С одной стороны, по-новому прошли государственные границы, и многие этнические группы оказались автоматически отрезанными от своих титульных национально-государ-

ственных единиц и от территорий компактного расселения своих соплеменников. С другой стороны, возникли новые условия миграций для ряда диаспор, существовавших на территории СССР.

Распад Советского Союза и образование на территории СССР новых независимых государств, формировавшихся на основе этничности, превратили крупные группы населения, прежде всего русскоязычного, в национальные меньшинства. Результатом этих процессов стало образование «новых» этнических общностей — титульных наций и «новых» национальных меньшинств.

Характерной чертой диаспоральной ситуации в постсоветский период стало увеличение количества диаспор в странах СНГ, а также изменение положения многих уже существующих диаспор. Распад СССР неодинаково сказался на динамике диаспор, одним из основных его результатов стали миграции, которые в одних случаях привели к сокращению диаспор, в других — к их увеличению, в третьих — почти не повлияли на их численность. В некоторых случаях изменение в численности диаспор оказалось связано не с миграционными процессами, а с изменениями в самоидентификации каких-то групп населения вследствие приспособления к новой политической ситуации.

Применяемые стратегии поведения различных диаспор имеют некоторые общие черты, но есть между ними и очень большие различия, делающие каждую диаспору по-своему уникальной. Сформировалось несколько диаспоральных стратегий, характерных для населения постсоветского пространства:

1. Интеграция в доминирующую в государстве группу путем этнокультурной адаптации, т. е. овладение языком и принятие соответствующих норм и ценностей.

2. Этнокультурная изоляция, сводящая к минимуму взаимодействие и конкуренцию с коренными этносами.

3. Стратегия интеграции в складывающееся общество и государство в условиях этносоциальной и этноэкономической дифференциации, когда отдельные этнические группы занимают определенные экономические ниши и связанное с ними социальное положение. В рамках этой стратегии делается попытка объединить национальные и корпоративные интересы.

4. Стратегия активных действий по изменению ситуации, зачастую приводящая к возникновению латентных или открытых межэтнических конфликтов.

5. Миграция на историческую родину, т. е. реэмиграция, которая оказалась самой распространенной стратегией для постсоветских диаспор. Образование независимых государств повлекло усиление процесса концентрации всех этнических общностей в рамках своих национальных образований, что проявилось в первую очередь в усилении миграционных тенденций.

Распад СССР поставил практически все бывшие союзные республики, а ныне — новые независимые государства, перед необходимостью этнической, культурной и конфессиональной самоидентификации. Практически во всех новых независимых государствах был выбран курс на построение этнонациональной государственности, сопровождавшийся вытеснением не только русской культуры и языка, но и русского населения, а также всех этносов, не принадлежащих к ти-

тульной нации. Независимо от этнической принадлежности население этих государств, лишившись привычной основы для идентичности, испытало культурный шок, связанный с изменением своего этносоциального статуса.

Исчезновение Родины, с которой у большинства советских граждан идентифицировался Советский Союз, повлекло за собой кризис идентичности как отдельных людей — бывших граждан СССР, так и целых народов. Особенно трудно смена идентичности — с советской на постсоветскую — далась русским, так как, образуя этническое большинство в СССР, они всегда имели сильную государственную идентичность и поэтому в результате процессов социальной и политической дезинтеграции пережили настоящий кризис самоидентификации, связанный с ощущением потери. Темпы этнического «возрождения» (т. е. скорости сознательного конструирования и обретения этничности) у русских заметно отставали от темпов роста этнического самосознания не только титульных народов новообразовавшихся независимых государств, но и титульных народов субъектов Российской Федерации (Татарстана, Республики Саха, Тувы)[7].

Современный мировой опыт свидетельствует о том, что диаспоральные объединения могут играть существенную роль в экономических, политических и культурных взаимоотношениях между странами.

Однако на данный момент общей особенностью диаспоральной ситуации для всех регионов постсоветского пространства стала незавершенность процесса становления диаспор, что является следствием болезненного поиска идентичности и политики, проводимой новыми независимыми государствами в отношении соотечественников. Пока трудно сказать, образуют ли в будущем русские и другие народы бывшего Советского Союза настоящие диаспоры. Это будет зависеть от политического развития суверенных государств, которые объективно заинтересованы в интеграции национальных меньшинств и в поддержании их уровня жизни. В сложившейся ситуации основой взаимодействия с диаспорой должен стать дифференцированный многоуровневый подход, учитывающий специфику этносоциальных и этнополитических процессов как в отдельных странах СНГ, так и внутри субъектов Российской Федерации.

11.4. Современная этнополитическая реальность

Характеризуя современную этнополитическую ситуацию в Российской Федерации, можно констатировать, что на ее территории сформировались этнонациональные группы трех типов — русские, представители титульных национальностей и представители национальных меньшинств, не имеющих собственных национально-территориальных образований. Для каждого из этих типов этнических общностей характерны свои жизненно важные интересы, которые не во всем совпадают с интересами других. Для титульных этносов первостепенное значение имеют сохранение суверенитета республик, консолидация нации, преодоление деформаций прошлого, возрождение и раскрытие богатства национальных культуры, искусства, языка, национального самосознания. Для национальных меньшинств одними из приоритетных интересов являются сохранение

родного языка и культуры и возрождение системы традиционного природопользования в местах проживания. Для русских не меньшее значение, наряду с сохранением позиций русской культуры, имеют сохранение и упрочение государственного единства России, обеспечение равноправия и справедливости во всех сферах жизнедеятельности. Проблема гармоничного сочетания интересов различных этнических групп является одной из основных задач современной российской этнополитики.

В целом этнополитическая ситуация в каждом регионе определяется следующими детерминантами:

а) экономическим и природно-ресурсным потенциалом, степенью его финансовой самостоятельности;

б) полиэтничностью региона и наличием этносов, обладающих самостоятельными национальными интересами в различных сферах общественной жизни, соотношением в национальном составе населения региона представителей различных этнических групп;

в) разностатусностью различных этнических групп, проявляющейся, прежде всего, в структуре занятости и уровне образования населения;

г) особенностями национального характера, национального сознания, национальной психологии этносов, проживающих на территории региона, характером и особенностями исторического развития народов, взаимоотношениями этнических общин, степенью их социальной интеграции;

д) политической позицией региональных элит, степенью политической и идеологической совместимости курсов руководства Российской Федерации и руководства ее субъектов.

Все эти факторы действуют взаимосвязанно, определяя место региона в этнополитической структуре современной России и детерминируя характер и динамику процессов межэтнического взаимодействия этносов, проживающих на его территории.

Особую роль в складывающейся этносоциальной и этнополитической реальности Российской Федерации играет Западная Сибирь как единое геополитическое пространство, отличающееся своеобразной спецификой синтеза взаимовлияния и взаимопроникновения культур народов, проживающих на ее территории и определяющих ее полиэтничный характер. Сибирь представляет собой интегральную часть общероссийского социально-политического пространства и одновременно выступает как особая область со своими устойчивыми традициями взаимодействия местных этносов и культур. С одной стороны, эти особенности региона объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой — они принципиально неустранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов Сибири и России в целом на всю обозримую перспективу.

Материальная и духовная взаимообусловленность и взаимозависимость национальных культур народов Сибири особенно наглядно проявляется сегодня, когда интеграционные процессы позволяют шире и глубже изучать с новых позиций настоящее, прогнозировать будущее. Переходное и кризисное десятилетие с конца

1980-х гг. привело к глубокой этнополитической перестройке региона, породив целый ряд острейших проблем, противоречий и конфликтов. Необходимо также отметить, что сибирский регион играет особую роль в экономике России: сегодня он занимает две трети территории Российской Федерации, на которой сосредоточены основные энергетические и сырьевые ресурсы страны.

Многообразие этнических групп, проживающих на территории Сибири, характеризующихся различной численностью, этнополитическим положением, обусловливает особенности развития этнополитических процессов и определяет модели развития межэтнических отношений в Западно-Сибирском регионе.

Примерами возможных стратегий устойчивого развития и сохранения этнической идентичности в изменившихся условиях могут быть этносоциальные стратегии казахских общин Кош-Агачского, Усть-Канского районов Республики Алтай и Карасукского района Новосибирской области. Исследования специфики социально-экономического положения казахских общин в этих районах проводились сотрудниками Института философии и права Сибирского отделения РАН в рамках Интеграционного проекта СО РАН «Полиэтничные сообщества Сибири и Казахстана: межкультурный диалог».

Прежде всего, отметим, что представители современной казахской диаспоры считают себя составной частью всего казахского народа, имеют единую прародину — Казахстан, исповедуют мусульманскую религию, относятся к тюркоязычным народам. Характерной чертой казахской диаспоры является ее успешное функционирование в странах с полиэтнической, мультикультурной и мультирелигиозной структурой, благодаря способности казахского этноса к адаптации, генетически заложенной их кочевым образом жизни и повлиявшей на социально-психологические, физиологические и мировоззренческие особенности казахов. Диаспоральные стратегии казахских общин, несмотря на свою специфику, которая, как правило, является следствием исторических особенностей формирования диаспоры, имеют общую направленность и ориентированы на интеграцию в жизнь местного сообщества и адаптацию к местной культуре при сохранении собственных традиций.

Специфика современного положения казахских диаспор в обследованных регионах обусловлена как историческими особенностями формирования казахских общин на территории России и степенью их близости к исторической родине, так и представленностью казахского этноса в составе населения.

Алтай исторически является многонациональным регионом, а практика многокультурности народов Алтая до сих пор носит в целом бесконфликтные формы. Сегодня ареал компактного проживания основной части казахской национальной общины в Республике Алтай — Кош-Агачский и Усть-Канский районы. При этом в Кош-Агачском районе проживает до 80 % всех казахов Горного Алтая и еще 5—7 % приходится на Усть-Канский район.

Кош-Агач является самым отдаленным приграничным районом Республики Алтай, основное население которого составляют алтайцы и казахи. Алтайцы Кош-Агачского района являются носителями теленгитского диалекта, а казахи го-

ворят на языке кош-агачского говора, который сформировался за полтора века обособленного проживания на данной территории. Этот говор входит в группу восточных диалектов казахского литературного языка, но является отдельным диалектом в силу специфики, приобретенной под влиянием алтайского и русского языков и культуры алтайского народа.

Исторической родиной кош-агачских казахов являются территории Восточно-Казахстанской области. Этническая группа казахов Алтая сформировалась в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в Центральной Азии и в восточной части России в XIX — начале XX вв., когда судьба казахского и других кочевых народов региона определялась геополитическими интересами двух супердержав — России и Китая.

Непосредственное влияние на современное положение казахской общины в Республике Алтай оказали социально-политические процессы, протекающие в Казахстане, и внутриполитические процессы в самой Республике Алтай. По данным на 1989 г., в Республике Алтай проживало порядка 10 тысяч казахов, из них более 9 тысяч — в Кош-Агачском районе, что составляло 54,5 % от общей численности населения района.

В 1991 г. была образована Республика Алтай, в связи с чем алтайцы обрели статус «титульной» нации, а казахи оказались в роли этнического меньшинства. С образованием Республики Казахстан возник довольно сильный миграционный поток казахов на историческую родину, пик которого пришелся на 1991—1992 гг. По заключению правительственной комиссии, работавшей в ареале в 1992 г., столь сильная миграция была вызвана стремлением к воссоединению нации, усилившимся в результате возникновения независимого казахского государства. В середине 1990-х гг. отток населения замедлился и даже наметилась обратная тенденция — многие семьи стали возвращаться на Алтай. В 1995 г. казахское население Кош-Агачского района составило порядка 8 тыс. человек (50,8 % от численности населения района).

Этноориентированная политика Республики Алтай и интенсификация связей алтайских казахов с исторической родиной способствовали усилению их консолидации. В такой ситуации фактором сохранения этничности выступила реализация практики мультикультурности, когда казахская культура оказалась интегрирована одновременно и в русскую и в алтайскую культуры. О степени интегрированности казахов в полиэтничное сообщество свидетельствует их включенность, прежде всего, в языковую культуру окружающих иноязычных этносов. В условиях инонационального окружения важным фактором сохранения самобытности выступает использование своего национального языка этнической группой. В рамках алтайской государственности казахи, как и все народы Республики Алтай, получили подтверждение культурного и языкового суверенитета. Законодательные акты Республики провозгласили государственными алтайский и русский языки, оговорив, что казахский может использоваться на официальном уровне в местах компактного проживания его носителей.

Казахский язык признают родным и свободно им владеют более 90 % алтайских казахов. Данные исследований свидетельствуют об устойчивом сохранении каждым этносом (и казахским, и алтайским, и русским) своего родного языка и о незначительной степени языковой ассимиляции. Нужно заметить, что в условиях взаимодействия с другими этническими группами свободное владение русским языком оказывается традиционным, поскольку именно он выступает средством межнационального общения. Русским языком владеют все алтайские казахи, и около 80 % казахов владеют алтайским.

В то же время в местах компактного проживания казахов распространено и владение казахским языком среди представителей других национальностей. Так, о владении казахским языком заявили 83 % алтайцев. По мнению исследователей, часть народа, по разным историческим причинам отдалившаяся от основной массы населения и проживающая изолированно от своих соотечественников, за время обособленного проживания часто сохраняет культуру и язык лучше оставшихся на родине предков. Подобная тенденция прослеживается и у казахов, населяющих Кош-Агачский район. В иноязычной и иноконфессиональной среде они сохранили свой язык, обычаи, фольклор предков, даже одежду.

Иная ситуация наблюдается в Усть-Канском районе Республики Алтай: здесь также распространен полилингвизм, однако в силу того, что казахи составляют около 7 % населения района, владение казахским языком среди других этносов, проживающих в районе (русские и алтайцы), распространено в гораздо меньшей степени. Казахским языком здесь владеют лишь 5 % русских и 15 % алтайцев. Казахский этнос демонстрирует более активное освоение языковой сферы: помимо русского языка, являющегося языком межнационального общения, большинство казахов владеют алтайским языком.

В Карасукском районе Новосибирской области казахская община была сформирована в результате административного деления территорий, являвшихся местом традиционного проживания казахов. Таким образом, казахи Карасука являются скорее ирредентой, чем классической диаспорой. Карасукский район граничит с Республикой Казахстан, что и обусловливает специфику адаптационных стратегий казахского этноса. В то же время данный район неоднороден по этническому составу: помимо русских и казахов здесь проживает обширная немецкая диаспора. Доля казахов в районе незначительна, и проживают они изолированными компактными группами, не ассимилируясь с другими этносами. В этих условиях казахи, находясь в русскоязычной среде, в полной степени сохраняют свой родной язык, прежде всего, благодаря постоянным интенсивным контактам с Казахстаном. В отличие от алтайских казахов, использующих в бытовом общении преимущественно родной язык, для карасукских казахов характерно расширенное применение и казахского и русского языков одновременно, причем масштабы функциональной нагрузки казахского языка заметно выше, чем русского языка (табл. 11.1).

Специфическая языковая ситуация, сложившаяся в полиэтничных районах Алтая, обусловлена как административно-политическими факторами, так и потребностями повседневной жизни, а также особенностями общеобразовательной

Таблица 11.1

Использование казахами Кош-Агачского района Республики Алтай и Карасукского района Новосибирской области различных языков, %

Степень использования	Русский		Казахский	
	Карасук	Кош-Агач	Карасук	Кош-Агач
Общаетесь с родителями	50	3	91	95
Общаетесь с супругом	48	4	83	91
Общаетесь с детьми	55	5	81	93
Общаетесь с родственниками	50	7	91	99
Общаетесь с соседями, на работе	72	71	86	87

системы. Долгие десятилетия основным языком обучения на Алтае оставался русский. С началом эксперимента по развитию национального образования в большинстве школ этих районов было введено преподавание на родном языке (на языке этнического большинства поселка). С 1990 г. казахский язык получил статус официального языка и языка обязательного изучения в школах и детских садах в местах компактного проживания казахского населения[8].

Большую роль в сохранении языка сыграло то, что до 1969 г. родному языку казахов в школах обучали учителя, направляемые министерством образования Казахской ССР по запросу отдела образования Горно-Алтайской области. Уровень знания родного языка среди казахов дифференцирован в зависимости от возраста: хорошо владеют казахским языком в группе в возрасте от 40 лет и старше; из возрастной группы от 20 до 40 лет примерно 40 % казахским владеют хорошо, 50 % — плохо, а остальные 10 % — языком не владеют. Это связано с тем, что с 1969 по 1989 г. не все алтайские казахи могли обучаться своему родному языку, поскольку преподавание на нем велось только в тех поселках, где казахи составляли большинство населения. В Кош-Агачском районе только в трех населенных пунктах из 12 — Актал (ныне Жана-Аул), Тобелер, Джазатор, где основное население составляют казахи, в эти годы в школах преподавались родной язык и литература. В возрастной группе до 20 лет и младше уровень владения языком намного выше, чем у среднего звена, так как молодежь учит родной язык в школе. С началом эксперимента по развитию национального образования в большинстве школ района (среди них три начальные, десять средних, одна неполная средняя) с 1-го по 4-й классы было введено преподавание на родном языке (на языке этнического большинства поселка). В сфере образования правительством Республики Алтай и министерством образования Республики Казахстан оказывается помощь, благодаря которой в местах проживания казахов в общеобразовательных школах преподаются предметы «казахский язык» и «литература». Однако для полного овладения литературным языком молодежи требуется еще некоторый словарный запас и навык правильной устной и письменной речи. В Кош-Агаче казахские

дети с 2—6 лет общаются в основном на казахском языке, из русских слов употребляются только те, которые не имеют эквивалента на родном языке, или слова, узнаваемые в процессе просмотра телепередач. В школьный период идет увеличение в речи русских слов и уменьшение слов казахских. Однако после возвращения с учебы в вузах многие вновь начинают говорить на казахском языке, поскольку этого требует узус местного диалекта[9].

Независимо от территории проживания казахи сохраняют высокий уровень идентификации со своим этносом. Особенно отчетливо сохранение традиционной самобытности выражено в сфере национально-культурных практик и в семейных и религиозных отношениях. Именно эти сферы оказываются областями, в которых реализуются стратегии сохранения этнической идентичности. В семейно-брачных отношениях для представителей казахского этноса характерен низкий уровень смешения (метисации) населения. Несмотря на то, что сегодняшнюю этнодемографическую ситуацию в районах проживания характеризуют смешанный характер поселений, большинство казахских диаспор ориентированы на моноэтнические браки.

В Кош-Агаче, где казахи проживают большими компактными группами, проблема нахождения супружеской пары среди представителей своего этноса не стоит. В Карасуке, несмотря на небольшую численность казахской общины, гомогенный состав казахских семей поддерживается благодаря тесным связям с представителями своего народа, проживающими в Республике Казахстан, практика заключения подобных браков является достаточно распространенной. В Усть-Канском районе, где численность казахов заметно ниже по сравнению с алтайским и русским этносами, казахи метисированы достаточно сильно, поскольку им чаще приходится вступать в брак с представителями других этносов. Здесь около половины казахов состоят в браке с лицами иной национальности. Таким образом, уровень метисации напрямую зависит от численности казахской общины: наличие большой общины, проживающей компактно, является фактором, снижающим риск метисации и ассимиляции.

Семейно-брачные отношения российских казахов играют этнодифференцирующую роль, давая им возможность обособить себя от других этносов в инонациональном окружении и подчеркнуть принадлежность к казахскому этносу. Как известно, семейно-брачные отношения казахов в прошлом регулировались традиционной системой норм и ценностей и характеризовались достаточно жесткой регламентацией содержания ролей мужчины и женщины в браке. Мужчина был ответствен за материальное обеспечение и защиту семьи, в то время как женщина занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. При этом во взаимоотношениях мужа и жены главным авторитетом обладал мужчина. В настоящее время содержание семейных ролей стало менее строгим, чем раньше. Традиционные представления о поведении людей в семье трансформируются в сторону новых норм и ценностей. Тем не менее, как показали исследования, среди большинства казахов сохраняются традиционные представления о семейном главенстве мужчины.

В современных условиях особую значимость приобрел религиозный фактор, который стал формой самоопределения (этнодифференциации и интеграции). Активная исламизация районов компактного проживания казахов связана с установлением в последние годы контактов с исламским миром (с мусульманами Казахстана, Монголии, Китая, Турции), что актуализирует не только религиозное, но и этническое сознание и способствует внутриэтнической консолидации. Погребально-поминальная обрядность казахов, пронизанная религиозной догматикой, наименее подвержена инокультурному воздействию и однозначно разделяет людей по этническому признаку. Например, в пос. Джазатор Кош-Агачского района Республики Алтай существуют два кладбища — алтайское и казахское, которые расположены на противоположных его концах. Религиозный фактор является еще одной немаловажной причиной низкой распространенности смешанных браков, что подтверждают результаты исследований: в Кош-Агачском районе на неустойчивость межрелигиозных браков указали 46 % казахов, 32 % алтайцев и также 32 % русских.

Важным механизмом сохранения самобытности в сфере национально-культурных практик является знание своей родословной и жузовой принадлежности, а также использование национальной одежды и утвари и празднование национальных праздников. Осознание своей родоплеменной принадлежности, или принадлежности к семейно-родственным группам, знание своей исторической традиции можно выделить в качестве одного из основных показателей уровня этнического самосознания. Хотя динамичность современных условий жизни, высокая мобильность населения способствуют разрыву тесных родственных отношений, тем не менее, представители казахских общин демонстрируют хорошее знание родословной своей семьи. Алтайские казахи сохраняют память о местах исхода и поддерживают родственные связи с ближними к Алтаю казахскими районами. Среди казахского населения Алтая и Сибири до настоящего времени сохраняется разделение казахского этноса по жузам. В Кош-Агачском, Усть-Канском и Карасукском районах более половины казахского населения знают свою жузовую и родовую принадлежность. Родовые организации сохраняют свою значимость в жизни казахской общины (рис. 11.1).

Сохранившиеся традиционные институты казахов, такие как институт родов и община (махалля), в современных условиях регламентируют основные социальные практики, организовывая и контролируя частную жизнь членов казахской диаспоры. С помощью родовых организаций решаются проблемы развития культуры и нравственности, воспитания молодежи, помощи социально незащищенным членам общины, борьбы с пьянством, укрепления дисциплины и порядка (рис. 11.2).

Современный быт российских казахов имеет собственную этническую специфику, однако сохранение традиций на уровне бытовой, материальной культуры остается гораздо менее выраженным. В обустройстве жилища, изготовлении одежды, в кулинарии соседствующие этносы перенимают опыт друг у друга. Именно эти сферы оказываются наиболее восприимчивы к практике многокуль-

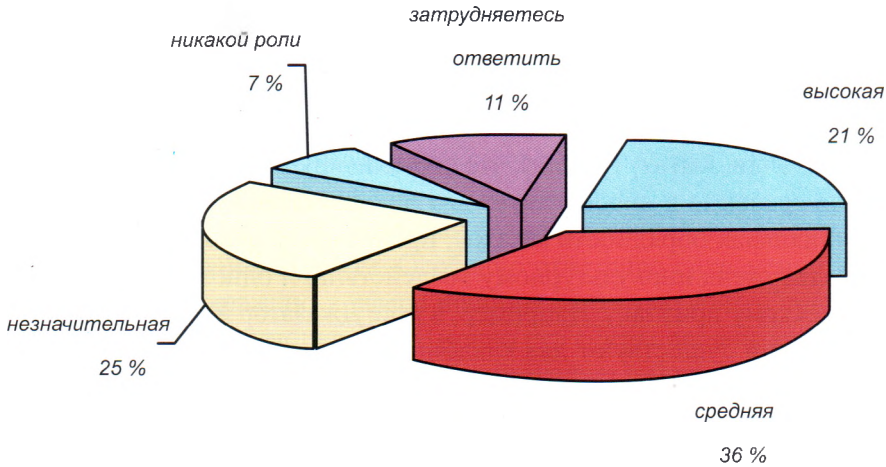

Рис. 11.1. Оценка роли родовых организации в жизни казахской общины.

турности. В значительно меньшей степени взаимная инфильтрация традиций происходит в соционормативной сфере.

Отсутствие выраженных различий между этносами на уровне бытовой культуры тесно связано с экономическими практиками, в которых участвуют соседствующие этносы, и которые на сегодняшний момент фактически не имеют никакой национальной специфики. В то же время в условиях отсутствия национальной специфики в сфере экономических практик достижение экономической успешности позитивно влияет на самооценку представителей того или иного этноса.

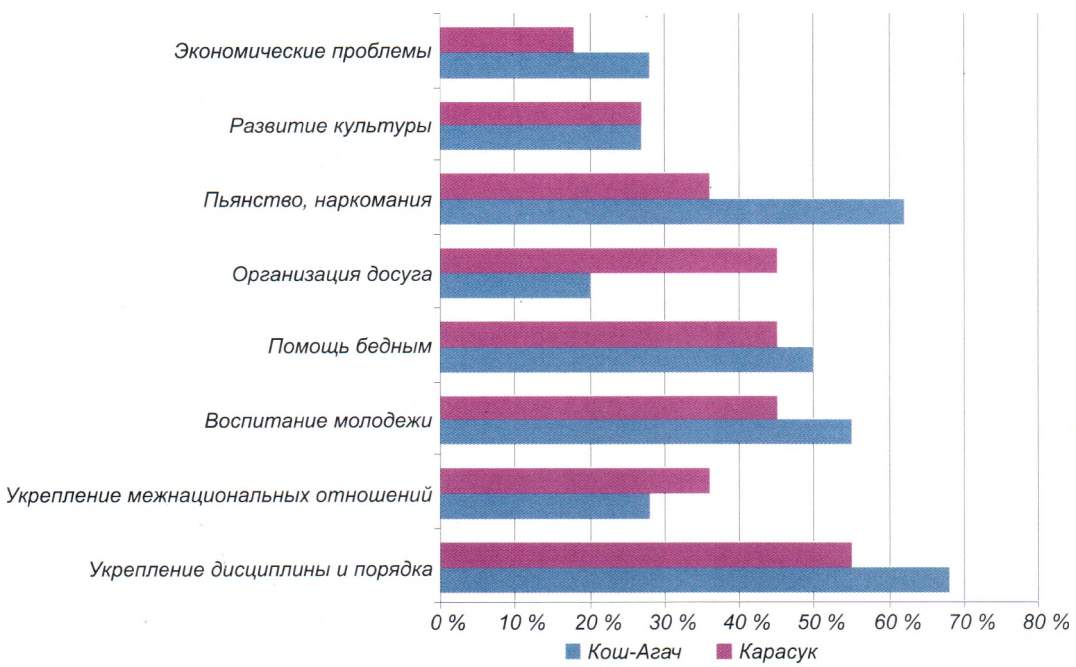

Рис. 11.2. Проблемы, которые могут решать родовые организации.

В Кош-Агаче казахская община демонстрирует, на фоне общей безработицы и низких доходов всего населения района, более эффективную экономическую адаптацию к рыночным условиям, по сравнению с алтайским этносом. В условиях рыночной экономики государственные организации уже не являются определяющим фактором экономического развития района и все большее значение приобретают частные предприятия. Прослеживается существенная зависимость сфер занятости от национальности работающих: доля занятых в частных организациях (бизнес) среди казахов превышает аналогичный показатель среди алтайцев почти в пять раз. Это весьма рельефно подчеркивают различия в формах адаптации в различных национальных общинах.

О большей успешности экономических практик казахов говорит и дифференциация уровня доходов между казахскими и алтайскими семьями. В 2001 г. в Кош-Агачском районе среднедушевые доходы в казахских семьях были почти на 100 рублей выше, чем в семьях алтайцев, — 576 рублей против 487 рублей на члена семьи в месяц (рис. 11.3).

Успешность экономических практик влияет на то, как представители различных национальностей оценивают свои возможности, и, в конечном счете, на оценку межнациональных отношений в полиэтничном сообществе. Исследования, проведенные в Кош-Агачском районе, показывают противоположные тенденции в оценке межэтнических отношений представителями основных этнических групп. Если в 1998 г. оценка межэтнических отношений алтайцами и казахами была фактически одинаковой, то уже в 2001 г. доля алтайцев, оценивающих межэтнические отношения в районе как напряженные, в два раза превышала соответствующий показатель у казахов. По нашему мнению, такое расхождение в субъективных оценках межэтнических отношений среди этносов, проживающих в одном и том же районе и в одинаковых условиях, объясняется прежде всего, возросшей конкуренцией в экономической сфере.

Действительно, основными причинами, влияющими на межэтнические отношения в районе, по мнению представителей всех этнических групп, являются экономические, такие как общее ухудшение экономической ситуации и борьба за рабочие места, а также политические — распределение постов по национальному при-

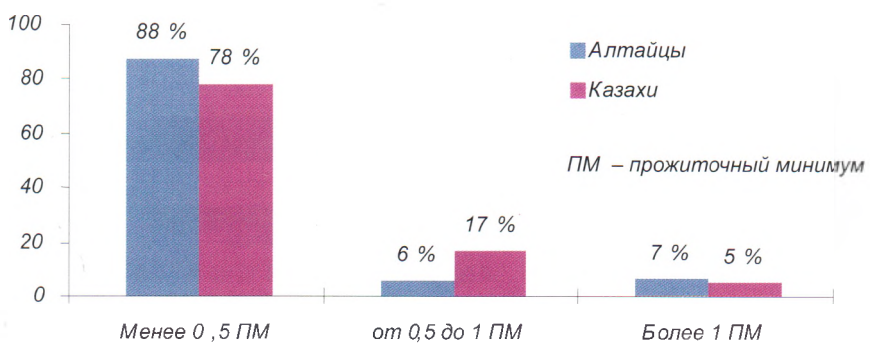

Рис. 11.3. Зависимость доходов от этнической принадлежности, Кош-Агачский район Республики Алтай, %.

знаку, борьба за власть на разных уровнях, и предоставление льгот по национальному признаку. Кроме того, для казахов факторами, обостряющими межэтнические отношения, оказываются вопрос о родовых угодьях (т. е. вопрос о праве коренных и некоренных жителей Республики Алтай на землю) и неуважение обычаев.

В целом надо признать, что в условиях этноориентированной политики, проводимой Республикой Алтай, при относительно равной представленности казахов и алтайцев в структуре населения района основной причиной нестабильности межэтнических отношений оказывается возросшая конкуренция на политическом и экономическом уровне между титульным этносом — алтайцами и национальным меньшинством — казахами (рис. 11.4).

Другим примером межэтнического взаимодействия являются отношения, сложившиеся между этносами Карасукского района Новосибирской области, где все этнические группы оценивают межэтнические отношения как стабильные. Одним из факторов, определяющих эту стабильность, является диаспоральная стратегия карасукской казахской общины, реализуемая, прежде всего, не в экономической или политической, а в этнокультурной сфере.

Возможность постоянных активных родственных и культурных контактов с представителями своего этноса, проживающими на исторической родине, оказывается фактором, определяющим характер проблем, с которыми она сталкивается в процессе формирования и развития. Так, почти половина представителей карасукской казахской общины, проживающей в приграничном с Казахстаном ра-

Рис. 11.4. Причины межэтнической напряженности в Кош-Агачском районе Республики Алтай (распределение ответов среди отметивших напряженность в межэтнических отношениях).

йоне, не видит особых проблем для дальнейшего развития общины. Напротив алтайские казахи гораздо более обеспокоены судьбой своей общины. Наибольшую обеспокоенность у алтайских казахов вызывают ухудшение здоровья представителей своего этноса вследствие алкоголизма, демографическая ситуация, а также разрушение природной среды обитания. Для казахов Усть-Кана достаточно остро стоит проблема широкого распространения межнациональных браков и утраты традиций (рис. 11.5).

Таким образом, исследование диаспоральных стратегий различных казахских общин, проживающих на территории России, позволяет выделить ключевые моменты, определяющие современное положение и перспективы устойчивого развития казахской диаспоры.

Основным фактором успешного сохранения этнической идентичности и ориентации на традиционные религиозные и культурные ценности являются постоянные двухсторонние контакты с исторической родиной, чему в значительной степени способствует политика, проводимая правительством Республики Казахстан в отношении казахской диаспоры. Сохраняя тесные связи со своей исторической родиной — Казахстаном, и казахи Алтая, и казахи Карасука демонстрируют ориентацию на развитие собственных поселений. Если поведение кош-агач-

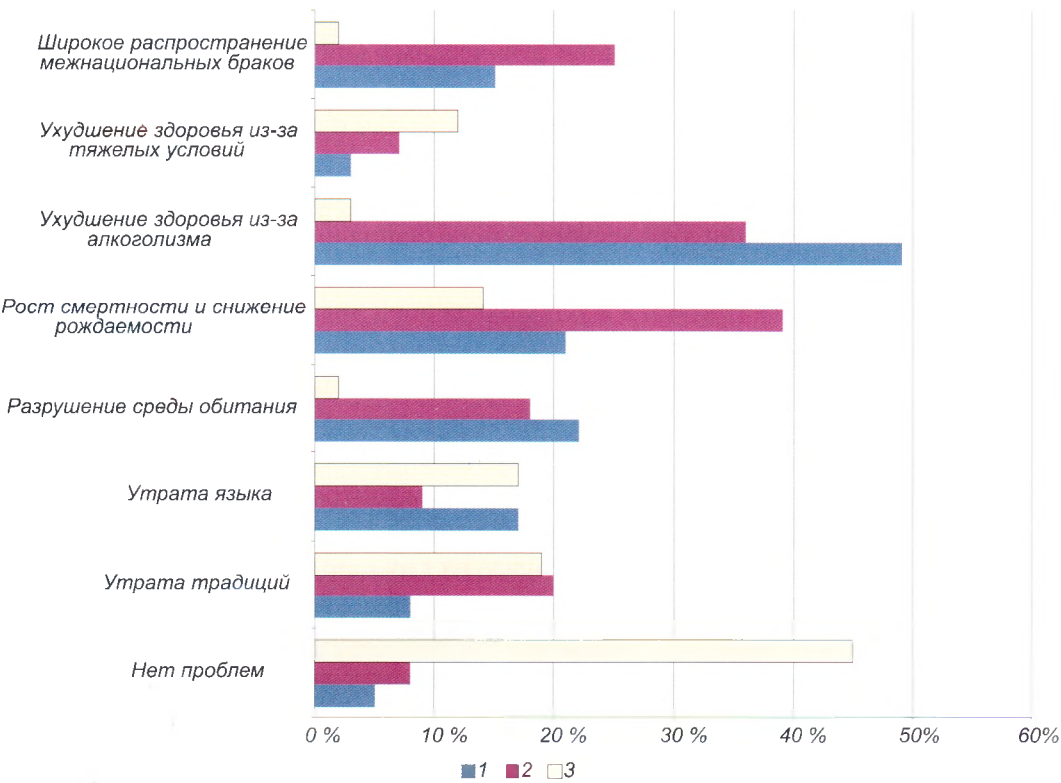

Рис. 11.5. Распределение ответов на вопрос о проблемах, стоящих перед казахами Кош-Агача (*1*), Усть-Кана (*2*), Карасука (*3*).

ской общины вписывается в рамки диаспоральных стратегий, то поведение карасукской общины ориентировано, скорее, на стратегию ирредентизма, основанную на территориальной близости и более тесных культурных связях с исторической родиной.

Для любой казахской общины характерны сохранение национального самосознания и одновременно высокая степень интегрированности в культуру местного полиэтничного сообщества и высокий уровень национальной самобытности и этнической идентификации. Степень включенности казахской общины в полиэтничное сообщество и в языковую культуру окружающих этносов (при сохранении ориентации на традиционные ценности) оказывается одним из факторов успешной адаптации к социально-экономическим и политическим условиям. В Республике Алтай казахи интегрированы в русскую и алтайскую культуры, а в Новосибирской области — в русскую.

Для всех казахских общин характерна ориентация на традиционные религиозные и культурные ценности и сохранение традиционных институтов. В условиях оторванности от традиционной этнической среды казахи демонстрируют свою этничность через этнознаковые элементы культуры и поддержание общинного образа жизни, что способствует актуализации особых моделей поведения, как на бытовом уровне, так и в области экономической и политической деятельности — в соответствии со сложившимися в общине этническими критериями и установками. При этом особым преимуществом пользуются ареалы, где казахи проживают большими компактными общинами, численно сравнимыми с другими национальными общинами. Статус этнического меньшинства и численность казахской общины выступают дополнительными факторами консолидации казахского этноса.

Фактором стабилизации этнического самосознания представителей казахской диаспоры может выступать их экономическая и социальная успешность. В районах с компактным проживанием и в условиях равной численной представленности национальных групп казахи демонстрируют более высокую социальную и экономическую эффективность в сравнении с коренным населением, а также более высокую самооценку. В то же время эти преимущества достигаются не за счет собственно специфики используемых национальных экономических практик, а за счет разницы в трудовой мотивации и социальном контроле.

Пример этносоциального развития казахских общин в сибирском регионе иллюстрирует, что в каждом конкретном случае на характер межэтнических отношений и возникающих конфликтов оказывают влияние общие факторы макросреды — общая политическая ситуация в стране, легитимность и устойчивость центральной власти и пр. Современная этнополитическая стратегия России лишена этнократических тенденций, давая возможность отдельным этносам осуществлять собственную политику в рамках своих территорий. При этом российская политика мультикультурализма предполагает концентрацию внимания не только на развитии отдельных народов, но на идеологии интеграции полиэтничного общества, стратегии стабильности, политического и культурного равноправия и согласия.

В то же время проблемы устойчивого развития полиэтничных сообществ зависят от конкретной ситуации в регионе — исторического наследия взаимодействия контактирующих народов, их экономической самодостаточности. Чаще всего основным средством ослабления межэтнической напряженности и стабилизации этнополитических процессов выступают не сила или административное принуждение, а социально-экономические меры, повышающие привлекательность гражданской и этнополитической интеграции.

Глава 12. Состояние жизненных сил населения как характеристика устойчивого развития

Наш анализ посвящен теоретическому и научно-практическому осмыслению проблемы взаимозависимости эволюции жизненных сил населения и устойчивости современного общественного развития. Для многих сегодня становится очевидным, что игнорирование или недооценка именно этого аспекта обсуждающихся проблем не позволяли и не позволяют понять и решить узловые вопросы нашей жизни на рубеже XX—XXI столетий. Именно непонимание логики взаимозависимости устойчивости общественного развития и трансформации жизненных сил населения делают для нас неожиданными явления, подобные развалу Югославии, СССР, необъяснимыми эскалацию насилия в обществе или массовость снижения барьеров моральной регуляции поведения людей, всплеск суицида или разрушительные процессы в таком социальном институте, как семья, парадоксальным сочетание тенденции глобализации, универсализации жизни современного человека и подъема национально-культурного самосознания, национальных движений, значимости национально-культурной идентичности.

Эти процессы и тенденции в разных частях современного мира, отдельных странах, регионах проявляются неодинаково, с различной силой, в разных формах и масштабах. Сибирские регионы в этом плане не исключение.

Это во многом обусловлено тем, что и в теории, и в управленческой практике мы чаще всего нестрого понимаем два узловых понятия, определяющие проблемные поля рассматриваемых явлений, — устойчивости общественного развития и жизненных сил человека, населения страны, того или иного из ее регионов.

Между тем в Сибири эти вопросы давно уже приобрели отнюдь не только академическое значение. И не только в контексте общероссийской проблематики преодоления кризисного этапа развития последних лет или последствий полуколониального отношения к сибирским регионам как преимущественно сырьевым в дореволюционные и советские времена, но и в связи с явно обостряющимися актуальными задачами обеспечения выживаемости, сохранения здесь населения уже в чисто демографическом, поселенческом, популяционном плане. При этом точное употребление понятий, объемное видение обозначаемых ими явлений устойчивости общественного развития, эволюции жизненных сил человека позволяют не только давать верные оценки происходящему, но и успешнее решать текущие проблемы, точнее прогнозировать завтрашний день.

Разумеется, наш анализ не претендует на то, чтобы дать исчерпывающие разносторонние характеристики рассматриваемых понятий и явлений. Его главная задача — обратить внимание на явно обозначившиеся неточности, односторонние трактовки устойчивости общественного развития и эволюции жизненных сил человека, подчеркнуть значимость преодоления этих односторонностей для решения проблем Сибири, российского общества в целом.

Абсолютное большинство публикаций последнего десятилетия у нас в стране и за рубежом устойчивое общественное развитие не без оснований связывают прежде всего с поиском гармонии во взаимодействии природы и общества.

В рамках такой модели цивилизационного прогресса выработано понимание устойчивости общественного развития, которое включает в себя:

во-первых, признание того, что в центре внимания развития общества должны быть люди, которые имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой;

во-вторых, обеспечение охраны окружающей среды, которая должна стать неотъемлемой частью общественного развития и не может рассматриваться отдельно от него;

в-третьих, реализацию права на развитие, которое должно реализовываться так, чтобы в равной мере обеспечить удовлетворение потребностей в развитии и сохранении окружающей среды как нынешнего, так и будущих поколений;

в-четвертых, гарантии уменьшения разрыва в уровне жизни народов мира, искоренения бедности и нищеты с учетом того, что сегодня на долю трех четвертей населения Земли приходится лишь одна седьмая часть мирового дохода[1].

12.1. Социологические параметры устойчивого общественного развития

Различные аспекты устойчивости развития общества затрагивались и раньше. Этому немалое внимание еще в первой половине XX в. уделил наш соотечественник, видный социолог, проживший большую часть своей жизни за рубежом, Питирим Сорокин. Его знаменитая «Социокультурная динамика», ранние работы, в частности «Социология революции», прямо затрагивали проблематику устойчивого развития, эволюции субъектности человека, хотя и не были акцентированы социоэкологически.

Вопросы устойчивости общественного развития активно исследовал К. Маркс, характеризуя эволюцию и особенности функционирования капиталистического хозяйства с его кризисами, классовой борьбой, циклическим развитием. Эту проблематику в XX в. не обошли многие видные представители социологии конфликта: Р. Дарендорф, Л. Козер, Дж. Рекс, Ю. Хабермас и др. Причем устойчивость развития общества, отдельных его институтов не связывалась преимущественно или полностью с экологическими последствиями хозяйственного развития, традиционной философией предпринимательства. Это был, конечно, существенный недостаток постановки и решения проблем устойчивости развития общества.

Однако все большими недостатками становятся и односторонняя социоэкологическая постановка данной проблемы, соответствующий поиск решений. Оце-

нивая ее значимость по достоинству, следует признать, что необходимо видеть, соотносить, учитывать и другие контексты осмысления данной проблематики, их реальное существование.

В связи с этим обратим внимание, прежде всего, на трактовку устойчивого общественного развития, которая в главном противоречит социоэкологической, а именно — воспроизводство традиционных представлений о нем как об устойчивом росте производственно-экономического потенциала общества, общественного производства, прежде всего — его материальной базы. Обращаем на это внимание не столько потому, что такое видение устойчивости развития общества, по крайней мере внешне, противоречит широко распространяющейся сегодня социоэкологической ее интерпретации, сколько в силу необходимости учитывать в современных российских условиях тот бесспорный факт, что без возрождения, стабилизации развития производства, полуразрушенной за последние годы экономики невозможна никакая общественная устойчивость.

Иначе говоря, Россия сегодня, ориентируясь на социоэкологические принципы обеспечения устойчивого общественного развития, вынуждена думать об интенсивном экономическом росте, опережающих темпах воссоздания производственно-экономического потенциала страны, ее отдельных регионов, социально-экономических районов. Тем более, что абсолютное большинство развитых стран, провозглашая перспективность и значимость устойчивого социоэкологического развития, делая в этом направлении кое-что в своих странах, опирается в такой деятельности не в последнюю очередь на эксплуатацию природных богатств и дешевых трудовых ресурсов средне- и слаборазвитых стран, что, кстати сказать, во многом делает неизбежным, оправданным преувеличение значимости, приоритетности социоэкологического подхода к решению проблем устойчивости общества, как, впрочем, и эволюции жизненных сил человека.

Особенно сложно сегодня сочетать решение проблем обеспечения устойчивости общественного развития с позиций социоэкономического и производственно-хозяйственного подходов.

В этой связи констатируем распространенность в современной России еще одной трактовки устойчивости развития общества, которая сводится в главном к обеспечению спокойствия населения, его занятости традиционными, привычными формами жизнедеятельности. Конечно, во многом для России это — порождение драматического периода перестройки и радикальных реформ первой половины и середины 1990-х гг., когда привычным делом стали массовые митинги, забастовки, гражданское неповиновение, голодовки и пр.

Очевидно, что при всем актуальном значении такого понимания устойчивости общественного развития мы не можем ограничиться только им, тем более — представлять его как всеобъемлющее.

В контексте сохранения спокойствия, эволюционного общественно-политического развития достаточно распространенным в России последних лет стал подход к характеристике устойчивости в обществе с точки зрения обеспечения баланса влияния трех ветвей власти — исполнительной, законодательной и судеб-

ной на всех уровнях организации властных отношений, от федерального до муниципального и учрежденческого. Возникла соответствующая традиция научного анализа данного аспекта устойчивости развития общества, которая опирается не только на правовые разработки, но и социологию политики, правоприменительной практики, социальную психологию, теорию организации, политологию.

В этой связи активно изучается общественно-политическое поведение разных социальных слоев, ориентация электората политических движений и партий, отдельных политических лидеров (Ю. Левада, Б. Грушин, В. Горшков, С. Туманов и др.). В сибирских регионах данное направление исследований активно развивается: на Алтае — Ю. Растов, в Красноярском крае — В. Немировский, В. Бондарев, в Новосибирской области — Ф. Бородкин и Н. Першуткин, в Омской области — В. Вернадский и В. Шкарупа и др.

Баланс политических сил вообще и трех ветвей власти — тоже, конечно, важная предпосылка и показатель устойчивости общественного развития, стабильности в регулировании политической жизни как на федеральном, так и на региональном уровне. Однако ясно и то, что такой баланс не может представлять, характеризовать устойчивость функционирования и развития других сфер жизни общества, хотя и оказывает на нее некоторое влияние.

Об этом свидетельствует, например, устойчивость или (и) неустойчивость духовно-культурной жизни, определяемая сегодня чаще как сопряженность культурных ценностей и социальных идеалов, а также смысложизненных ориентаций различных слоев общества, их соответствие (несоответствие) базовым ценностям, стратегическим целям общественной и индивидуальной жизни. Политическая стабильность, действующее право и политическая система могут оказывать косвенное и некоторое прямое идеологическое влияние на устойчивость (неустойчивость) духовной жизни общества, как и испытывать известное обратное влияние. Однако и политическая, и духовно-идеологическая устойчивости в общественной жизни относительно самостоятельны, имеют некоторую собственную логику и механизмы развития, действия в обществе.

Еще одной важной ипостасью устойчивости, имеющей свою научную традицию анализа, является социальное управление, регулирование устойчивости (неустойчивости) социальной структуры общества, которая радикально изменилась и продолжает меняться в России вообще и в ее отдельных регионах в особенности. Еще недавно основой устойчивости развития социальной сферы общества, каждого коллектива, отдельного региона у нас в стране представлялось достижение социальной однородности, гарантией которого была призвана быть соответствующим образом ориентированная социальная политика.

В настоящее время господствующий на государственном уровне подход к формированию устойчиво развивающейся социальной структуры в стране кардинально изменился — взят курс на постоянное воспроизводство социальной дифференциации в соответствии с активностью, предприимчивостью каждого отдельного человека. На этой основе, по замыслу реформаторов либерально-демократического крыла, в России должна возникнуть устойчивая социаль-

но-классовая структура, где высшие и низшие классы будут составлять относительно малочисленные группы населения, а средний многообразно стратифицированный класс станет наиболее многочисленным, играющим стабилизирующую роль в обществе.

Вместе с тем, устойчивость новой социальной структуры в России связывается с формированием практики социального партнерства различных классов и социальных групп, имеющих различное имущественное и статусное положение в обществе. Основой организации такого партнерства представляется взаимодействие трех основных секторов общества — бизнеса, государственного управления и «третьего сектора» (неправительственные, некоммерческие организации). На основе такого видения основ обеспечения устойчивости социальных отношений, взаимодействия элементов социальной структуры устойчивость общественного развития представляется как действительное воплощение, реализация социального партнерства (см. А. Силин, Г. Семигин, А. Мишин и др.).

Конечно, роль цивилизованного обеспечения социального партнерства в современной России как важного механизма упрочения устойчивости общественного развития трудно переоценить, это касается не только трудовых отношений, но и организации быта, политической жизни в стране, духовно-культурных отношений в многонациональном сообществе. И, тем не менее, вполне очевидна и ошибочность отождествления устойчивости социальной жизни, устойчивого взаимодействия элементов социальной структуры общества и социального партнерства как такового.

Прежде всего потому, что воспроизводство социальной жизни, структуры общества происходит отнюдь не только в форме социального партнерства, но и в цивилизованных формах конкуренции, социальной борьбы, которая, обеспечивая движение и функционирование социума, также может представлять определенные формы устойчивости, ее сохранения в динамике объективно необходимых общественных изменений. Точно так же, как социально не оправданные формы партнерства в обществе могут скрывать неустойчивость в отношениях между различными общественными слоями.

В характеристике основ, сути устойчивого общественного развития, кроме обозначенных, можно было бы отметить и такие, как сбалансированность взаимодействия, адекватность основных сфер общественного развития (экономической, политической, социально-бытовой и духовно-идеологической), своевременность и корректность диагностики и разрешения общественных конфликтов, эффективность разрешения противоречий социального развития, гибкость работы с персоналом и др.

Среди них обращает на себя внимание подход, в котором характеристика сути устойчивого общественного развития связывается с доминирующей ориентацией общества вообще и его отдельных подсистем на формирование, осуществление и реабилитацию жизненных сил человека, их всестороннее развитие. При этом жизненные силы человека трактуются как его способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь, единство индивидуальной и социальной субъектнос-

ти личности, адекватно своему жизненному пространству и во взаимодействии с его количественными и качественными характеристиками, социально оправданными целями деятельности.

Наиболее существенное и универсальное, что отличает этот подход к пониманию устойчивости общественного развития, заключается в соблюдении требования соответствия развитости жизненных сил человека и эволюции его жизненного пространства, средств обеспечения исторически обусловленных видов деятельности, творения, воспроизводства человеком самого себя и окружающего мира, форм взаимодействия природы и общества.

В этой связи следует обратить внимание на несколько условий обеспечения устойчивости общественного развития. Среди них важнейшими представляются, как минимум, следующие:

во-первых, постоянный поиск социально оправданного сочетания регулируемой, планируемой и стихийной, спонтанной деятельности субъектов общественной жизни;

во-вторых, регулярное соотнесение развитости жизненных сил человека с уровнем развития среды его обитания, жизненного пространства;

в-третьих, ориентация на постоянное прогнозирование общественных изменений и формирование адекватных им жизненных ориентации, учебно-воспитательных программ, структур управления,

в-четвертых, постоянное стимулирование развития общественного и индивидуально-личностного интеллекта, механизма социальной рефлексии и оптимального поощрения трудовой деятельности, сохранения гарантий социальной защиты;

в-пятых, формирование социально оправданных пропорций в ориентациях на общественные, коллективистские, национально-государственные и личностно-индивидуальные, коллективистские ценности;

в-шестых, обеспечение устойчивых ориентаций на доминирование в обществе ценностей национальной культуры как основы уважительного отношения к культурам других народов, формирования адекватной национально-культурной идентичности;

в-седьмых, обеспечение социально оправданных пропорций в сопряжении ценностей глобального, национального, регионального и личностно-индивидуального развития, соответствующих им ориентаций населения.

Наконец, принципиально важно подчеркнуть тот факт, что в рассматриваемом подходе к пониманию сути и основ устойчивого развития общества сама развитость, сохранение, формирование и реабилитация жизненных сил человека, его культурное развитие, физическое, психическое и социальное здоровье служат важнейшими показателями, результатами влияния устойчивости общества на человека. При этом человек не противопоставляется природе и обществу, но характеризуется в единстве с ними, во взаимодействии со средой обитания, своим жизненным пространством, которым он владеет, пользуется и распоряжается в силу своих возможностей.

12.2. Концепция жизненных сил человека: социально-методологические основания

Нам представляется особенно важным подход, в котором характеристика сути устойчивого общественного развития связывается с доминирующей ориентацией общества вообще и его отдельных подсистем на формирование, осуществление и реабилитацию жизненных сил человека, их всестороннее развитие. Наиболее существенное и универсальное, что отличает этот подход к пониманию устойчивости общественного развития, заключается в соблюдении требования соответствия развитости жизненных сил человека и эволюции его жизненного пространства, средств обеспечения исторически обусловленных видов деятельности, творения, воспроизводства человеком самого себя и окружающего мира, форм взаимодействия природы и общества.

Сущностная характеристика понятия «жизненные силы человека» чаще всего сводится к способности людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами. Это определение позволяет использовать понятия «индивидуальная субъектность» и «социальная субъектность» человека как составляющие содержание категории «жизненные силы человека».

Основные положения этой социологической теории сводятся к следующему:

- Жизненные силы человека как биопсихосоциального существа есть его способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в условиях исторически и актуально — социально-территориально — специфического жизненного пространства.
- Процесс воспроизводства жизни человека характеризуется через взаимодействие его жизненных сил и жизненного пространства, средств к жизни, что ориентирует науку и практику управления на преодоление вульгарно-экономического и технократического подходов к проблемам устойчивого развития.
- Взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства человека характеризуется тремя уровнями: «слепого», природного взаимодействия; уровнем взаимодействия посредством систем культурных символов; творчески преобразующего взаимодействия жизненного потенциала человека и среды его обитания, жизненного пространства.
- В основе процесса взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства человека находятся первичные социальные отношения владения, пользования, распоряжения и распределения, присвоения, потребления, что характеризует взаимозависимость субъектов социальной жизни по поводу их жизненного пространства, средств воспроизводства жизни.
- На основе первичных социальных отношений формируются различные виды взаимозависимости людей *по основным сферам их жизнедеятельности в обществе*: по поводу собственности (социально-экономические отношения), по поводу власти (социально-политические отношения), по поводу бытовых благ (социально-бытовые отношения), по поводу ценностей культуры, художественно-

эстетических ценностей (духовно-культурные отношения), по поводу решения экологических проблем (социально-экологические отношения) и др.

• Активность деятельности человека во всех сферах жизни общества характеризуется как его *жизненная субъектность* — существенная характеристика жизненных сил.

• Деятельность человека дифференцируется на всех уровнях социальной организации — от организации индивидуальной, групповой активности до институциональной, общественной. В этой связи жизненные силы человека характеризуются как единство индивидуально-личностной и общественной субъектности.

Вместе с тем, может возникнуть предположение, что наше видение социологии жизненных сил «сродни» теории сущностных сил человека К. Маркса. Не станем отрицать того, что между нашими размышлениями о жизненных силах и идеями К. Маркса о сущностных силах человека есть очевидная связь. Все нынешние российские социологи, воспитанные на методологии и теории марксистского обществознания, независимо от того, признают они это или нет, несут печать марксистской социологии. Поэтому специально оговорим свое отношение к марксистской теории сущностных сил человека. При этом не будем характеризовать ее подробно, а отошлем заинтересованных в ней читателей к обстоятельным монографиям наших коллег — алтайских социальных философов П.Н. Гуйвана и М.Я. Боброва[2].

Сразу же заметим, что не приемлем понимания сущности человека (и даже его личности) только как совокупности (или ансамбля) общественных отношений, по крайней мере, в их традиционном для советского обществознания толковании. Полностью солидаризируемся с теми критиками марксизма, которые говорят о теоретической ошибочности и практическом вреде недооценки биологической природы человека. Человек осмысливается нами как биопсихосоциальное существо.

Осмысливая феномен социальной субъектности, мы не можем согласиться с критикой К. Маркса гегелевского отношения к этой проблеме. Гегель понимал личность и субъективность как предикаты лица и субъекта. «Но Гегель должен был бы добавить, — замечает К. Маркс, — что единичное является истинно только как многие единицы. Предикат, сущность, никогда не исчерпывает сфер своего существования одной единицей, а исчерпывает их многими единицами… Личность без лица есть, конечно, абстракция, но лицо есть действительная идея личности только в своем родовом бытии, в качестве лиц»[3].

Эти и многие другие положения о «родовой сущности человека», уместные на уровне предельных социально-философских абстракций, диссонируют с тем эмпирическим материалом, с которым мы постоянно имеем дело. Для социолога единичный человек должен представлять ценность не меньшую, чем «идея личности в своем родовом бытии».

Но наряду с этими и другими заслуживающими внимания критики положениями, в марксистской теории человека есть богатейшие идеи, к сожалению, не замечаемые или намеренно игнорируемые социологами. Мы имеем в виду не отдельные тезисы, которые можно интерпретировать как кому угодно, если их вырвать

из контекста, а самую логику теоретизирования Маркса, те методологические тенденции, которые проявились при этом.

Прежде всего, его ориентированность на анализ жизнедеятельности человека, на понимание человеческой жизни как системной целостности, на вычленение всеобщих человеческих свойств (всеобщей человеческой природы), которые подлежат эмпирически-конкретному анализу, на признание человека основным субъектом социальной жизни и сущностью всех социальных образований, которые «выступают так же и как его действительная всеобщность, поэтому так же и как общее всем людям»[4]. Сущностные силы человека понимаются здесь как, прежде всего, человеческие потребности, способности, стремления, чувства. В совокупности своей они составляют то, что Маркс (вслед за Фейербахом) назвал субъективной человеческой сущностью. Однако, по Марксу, сущностные силы человека могут быть полно поняты не только и не столько в их субъективно-психической определенности, сколько в общем контексте процесса жизни, взятом в историческом, предметно-практическом и социальном измерениях.

Маркс подчеркивал предметную направленность сущностных сил человека. Он полагал, что каждая из них реально себя проявляет лишь в определенном предмете и через предмет. Она потому и сила, что обеспечивает утверждение человека в предмете и присвоение предмета человеком. «...Мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных сил, следовательно, он может существовать для меня только так, как существует для себя моя сущностная сила в качестве субъективной способности, потому что смысл какого-нибудь предмета для меня (он имеет смысл лишь для соответствующего ему чувства) простирается ровно настолько, насколько простирается мое чувство». Сущностные силы и предмет, по Марксу, взаимодействуют друг с другом. Предмет суть объект, на который направлена сила, для проявления силы необходим предмет. Отсюда вытекают мысли К. Маркса о предметно-практической деятельности человека и «предметной сущности человека»[5], на которой, по сути дела, основана вся марксистская общесоциологическая теория.

В истоках этой теории, а не ее дальнейших формах, в вышеозначенных методологических принципах, а не отдельных высказываниях мы видим то, что следует признать одной из предпосылок нашей концепции. В ней мы пытались реализовать завет классика о том, что для исследователя социальных отношений первостепенно важен анализ человека (а не только общественного класса, как уверяют многие толкователи Маркса), его сил, реализация которых, в конечном счете, создает всю многоплановую и разнообразную социальную реальность.

Однако мы не можем претендовать на то, что наша концепция продолжает, развивает или уточняет учение К. Маркса. Последнее имеет социально-философский смысл и должно оцениваться именно в этом качестве. Его нельзя переносить в социологию в неизменном виде, тем более использовать в качестве инструмента эмпирических социологических исследований. Наша же концепция нацелена на решение социологических, а не философских проблем. Иначе говоря, речь идет

о принципиально разных теоретических построениях, отличных по уровню абстрагирования и эмпиричности, предназначению и научной принадлежности.

Категория «сущностные силы человека» не поддается социологической операционализации, ее нельзя модифицировать в количественную форму, без чего эмпирическое социологическое исследование невозможно. Если же попытаться насильно препарировать это понятие путем, скажем, составления полного перечня всех сущностных сил человека, то мы умертвим его философское содержание, лишим того смысла, который оно имеет по своей природе. Оно потребовалось К. Марксу для философского осмысления бытия человека, обоснования его первичности относительно сознания.

Категория «жизненные силы человека», в нашем понимании, не имеет вышеназванного философского смысла. С ее помощью выясняется не сущность человека и его бытия, а его реальное существование в определенном социальном пространстве и времени. Она — инструмент социологии, а не философии. На основе ее операционализации появляется исследовательская перспектива количественных и качественных замеров социальной реальности, отражающих: способность людей выживать, охранять свою жизнь в меняющихся условиях; способность людей воспроизводить, «выращивать» себе подобных; их возможности улучшать свою жизнь (здоровье, благосостояние, социальный статус, уровень, качество жизни и т. д.); практическую реализацию вышеозначенных способностей и возможностей в их взаимосвязи.

Сказанного достаточно для утверждения того, что глубокое изучение социальной реальности региона невозможно без повышенного внимания к: субъектности человека, реальному решению людьми индивидуальных и общественных проблем; субъектности социальных групп и социальных институтов, их деятельности по реализации соответствующих потребностей и интересов; показателям рождаемости, смертности, продолжительности жизни, заболеваемости и другим физиологическим характеристикам людей; трудоспособности населения; психологической специфики населения; духовным и морально-нравственным ценностям людей; адаптационным потенциям людей, их способности приспосабливаться к быстро меняющимся условиям жизнедеятельности; формам их общественного поведения (трудового, семейно-бытового, политического, правового и т. д.); социальной конфликтности, осмысливаемой не только как противодействие людей (и их групп) друг другу, но и как инструмент согласования их субъектности; жизнедеятельностным способностям и возможностям людей, точнее говоря, жизненным силам человека как существа одновременно биологического, психологического, социального.

При таком подходе открывается научная перспектива соединить то, что казалось (и кое-кому из социологов кажется до сих пор) несоединимым в принципе, увидеть новые грани и аспекты социальной реальности, которые в современном социуме становятся все более значимыми. Системный анализ означенной проблематики, разумеется, немыслим без предваряющей его концепции, вычленяющей и обосновывающей системообразующее качество.

Концепция жизненных сил человека не претендует пока на парадигмальное значение. Но она теснейшим образом связана с поисками новой парадигмы и, как нам кажется, с одной стороны, дает аргументы для ее формирования в «универсумном» ключе, а с другой, — использует идеи полипарадигмальности социологии как одного из основных методологических оснований ее разработки. Таким образом, социологическая концепция жизненных сил человека — результат многолетних изысканий активно работающей группы социологов. Интерес к ней и ее первые идеи появились в процессе эмпирических социологических разработок, сделавших очевидной необходимость такой теоретической конструкции, которая была бы пригоднее в качестве одного теоретического фундамента социологических исследований человека, его субъектности.

Очевидны и теоретические истоки, концептуальные предпосылки формирования основ социологических воззрений на жизненные силы человека. У нас в стране они во многом были связаны с переосмыслением марксистской концепции сущностных и социальных сил человека, возрождением российских традиций социальной жизни, русской ментальности, осмыслением реалий и проблематики сегодняшнего российского общества.

12.3. Устойчивость развития и безопасность общества: социальная защита человека в современной Сибири

Социология жизненных сил человека и общества, развивавшаяся активно в последней трети XX столетия, в последнее 10-летие приобрела в России особое значение, в том числе в сибирском регионе[6]. Это обусловлено, прежде всего, резким ухудшением благосостояния абсолютного большинства населения страны в результате неудач демократических реформ, затяжного кризиса экономики и государственности. Не менее значимыми оказались и серьезные проблемы экологического характера как следствие преимущественно технократического, вульгарно-экономического подхода к развитию хозяйственного комплекса страны в 1990-е гг.

В качестве серьезных причин осложнения развития жизненных сил человека и общества в России в последние годы XX столетия рассматривались проблемы национально-культурного развития русского народа, других ее коренных народов, а также национально-этнических групп, имеющих за пределами страны свои национально-государственные образования. Это явно осложнило не только развитие духовных сил населения, но и повышение уровня его политической, правовой, социально-бытовой и производственно-трудовой культуры[7].

Разрушительными, стратегически дестабилизирующими стали масштабные деформации, редукция социальной и хозяйственной инфраструктуры сельских и лесопромышленных, частично — энергосырьевых регионов Сибири. Здесь по жизненным силам населения и его жизненному пространству нанесен серьезный удар, повлекший за собой невосполнимые потери, что должно стать предметом специального масштабного исследования.

На путь осмысления проблематики жизненных сил людей нас толкнул, в основном, собственный опыт эмпирических социологических исследований.

Он свидетельствует о том, что многие эмпирически фиксируемые факты и тенденции не укладываются в рамки положительного решения проблем жизненных сил человека, населения Сибири. Необходимы комплексные исследования, обеспечивающие возможности системного анализа.

Основой такого исследования может стать социологическая концепция жизненных сил человека, которая систематизирует знания различных научных дисциплин о жизненных силах человека. И здесь важно, прежде всего, осмыслить эмпирико-социологические предпосылки концептуализирования жизненных сил человека.

Такое развитие событий многократно, в свою очередь, осложнило решение практических задач социальной защиты «слабых» групп населения, повышение эффективности деятельности социальных служб. По данным социально-экономического мониторинга регионов Сибирского федерального округа, общий уровень безработицы в Сибирском федеральном округе (в Сибири) остается высоким. В среднем по округу она составила 11,6 %, выше — в республиках Тыва, Бурятия, Томской, Читинской областях, в Агинском Бурятском АО[8].

В Сибири на одну вакансию претендуют 4,4 безработных; по России в среднем — 2,5 безработных[9]. Продолжают расти потребительские расходы, стоимость минимального набора продуктов питания и т. д. и т. п.

В связи с этим повышается актуальность выработки оптимальных региональных моделей социальной политики. Причем проблемы социальной политики в России так или иначе стали связываться с рассмотрением эволюции жизненных сил человека и жизненного пространства его бытия.

На данном этапе развития общества в социальной политике российского государства намечены приоритеты: регулирование доходов; занятость населения; поддержка предпринимательства, малого и среднего бизнеса; социальная защита безработных; улучшение условий труда; развитие социального партнерства. Эти приоритеты социальной политики, в свою очередь, являются основой для формирования важнейших направлений социальной защиты и социальной работы в современном российском обществе.

Не в последнюю очередь необходимо активизировать *виталистскую социологию*[*] (см. раздел 12.1).

В соответствии с ее положениями по-новому рассматриваются не только проблемы социальной политики, но и проблемы социальной безопасности, а также устойчивости общественного и личностного развития.

В конце XX — начале XXI вв. центром внимания исследователей из разных областей научного знания стал феномен безопасности, способствующий устойчивому развитию общества. В рамках классической науки «безопасность» рассматривается одновременно с феноменом «опасность». Но, естественно, такой одно-

[*] Виталистская социология — социологическая теория, парадигма неклассического типа, в основе построения которой находится концепция взаимозависимости и взаимодействия жизненных сил человека и жизненного пространства его бытия, единства индивидуально-личностной и организационно-коллективной субъектности человека как биопсихосоциального существа.

линейный подход не позволяет охватить все реалии, осознаваемые населением как «социальная безопасность».

В современной отечественной литературе вопросы социальной безопасности исследуются чаще всего в трех доминирующих контекстах. Первый из них связан с анализом социальной безопасности как общественной безопасности, т. е. безопасности деятельности в основных сферах общества: политической, экономической, социально-бытовой, социокультурной и социально-экологической.

Второй контекст определяется ориентацией на социальную сферу, обеспечение безопасности жизнедеятельности в сфере социальных отношений. В этой связи нередко проблема социальной безопасности дифференцируется в плане различий и взаимосвязи физического, психического и социального здоровья, где угроза социальному здоровью представляется как риск социальной безопасности.

Третий контекст вполне определенно возникает в системе решения задач национальной безопасности, где защита гражданского населения от угроз на межгосударственном (общегосударственном) уровне представляется как обеспечение социальной безопасности.

Важность этих положений не вызывает сомнения, так как во многих странах сегодня одной из актуальных проблем является проблема обеспечения безопасности населения. Многие рядовые граждане обеспокоены угрозами, которые, как они считают, могут нанести вред им, членам их семьи, а также устойчивости развития общества в целом. Причем образ этой угрозы у населения разных стран и даже населения одной страны, проживающего в разных регионах, может быть различным, а отсюда и различия в понимании социальной безопасности.

Актуальность задач обеспечения социальной безопасности и устойчивости развития современного российского региона в главном определяется следующими причинами: во-первых, тем, что в последние годы в России многократно возросли риски, угрозы социальному благополучию и защищенности граждан; во-вторых, очевидной является массовая бедность населения, что значительно осложняет решение проблем социальной безопасности граждан путем самозащиты; в-третьих, можно констатировать ослабление влияния профсоюзов на решение вопросов защиты трудящихся в условиях реформирования российского общества по модели западного капиталистического типа организации производства и управления; в-четвертых, нельзя не отметить свертывание государственных программ защиты социальных прав трудящихся. В частности, стала массовой ликвидация отделов охраны труда (техники безопасности) не только на частных, но и на государственных предприятиях; в-пятых, растет влияние на производственно-экономическую, финансовую и социально-бытовую сферы российского общества международных политических, финансовых и информационных центров, что заметно осложняет решение задач социальной защищенности, безопасности населения и устойчивого развития России.

С этой точки зрения, социальная безопасность может характеризоваться как защищенность жизненных сил человека и социального пространства их бытия, как защищенность индивидуальной и организационно-коллективной субъектнос-

ти личности в конкретно-исторических условиях региона проживания. В соответствии с этим необходимо, как нам представляется, выйти за рамки классической науки. Так, в контексте виталистской социологии можно выделить индикаторы, через которые феномен социальной безопасности описывается наиболее адекватно социально-региональным условиям. Естественно, что могут существовать различные основания для выделения таких индикаторов. И одним из них может выступать соотношение социальной защиты и социального благополучия населения, измеряемое через различные модели региональной социальной политики.

Формирование системы социальной защиты населения в регионе предполагает решение главной задачи: оказание такой социальной поддержки, которая гарантирует реализацию индивидуальной и социальной субъектности, обеспечение каждому человеку доступной помощи в преодолении кризисных ситуаций, решении сложных жизненных проблем путем предоставления медицинской, психологической, педагогической и других форм помощи. В прикладном аспекте весьма продуктивны, в частности, два уровня организации социальной помощи, лежащие в основе построения стратегий ее осуществления с учетом социологической концепции жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности человека.

Во-первых, это касается оценки жизненного пространства, среды обитания клиента на региональном и поселенческом уровнях (развитость социальной инфраструктуры, экологическая обстановка, наличие квалифицированных кадров, способных оказать помощь, информационный, культурно-духовный контекст населения и др.). В этой связи оценивается также способность клиента, нуждающегося в помощи, к взаимодействию с учреждениями социальной работы в целях поддержания собственной жизнестойкости, жизнеосуществления в целом.

Во-вторых, следует отметить уровень развитости микросреды жизнеосуществления индивида, среды его повседневного обитания, личного жизненного пространства (дом, квартира, где он живет, круг друзей и знакомых, с кем он имеет повседневный контакт и т. д.). На этом уровне также происходят взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства человека. Эти взаимодействия в значительной степени психологизированы, что обусловливает необходимость комплексного использования психолого- и социолого-ориентированных теорий социальной работы, ее психосоциальных и структурно-организационных технологий.

Практическая эффективность социальной помощи в рамках такой стратегии осуществления социальной работы обеспечивается, с одной стороны, системным видением единства естественной, природной и социокультурной основ индивидуальной и социальной жизни, а с другой, — последовательным учетом индивидуально-личностных особенностей человека, специфики его жизнеосуществления на каждом из основных этапов жизненных циклов.

В настоящее время существуют различные модели социальной политики, сложно отдать приоритет одной из них. Но, несомненно, что социальная политика должна опираться на гибкую стратегию, позволяющую теории и практике взаимно обогащать и дополнять друг друга, что, в свою очередь, предполагает соответствие модели социальной политики требованиям обеспечения устойчивого разви-

тия общества. В этом случае важно принимать во внимание специфику конкретной ситуации, что способствует быстрому реагированию на изменения объективных и субъективных факторов, обусловливающих жизнеосуществление представителей тех или иных социальных групп.

И в данном случае представляется, что наиболее эффективна модель социальной политики, опирающаяся на виталистскую социологию, которая в отличие от большинства других теоретических парадигм предполагает комплексное интегративное видение проблем социальной политики как на уровне России в целом, так и отдельных ее регионов. На основе виталистской социологии, во-первых, возможен анализ воспроизводства и совершенствования жизни человека в сфере государственного регулирования общественной жизни, бизнеса и «третьего сектора»; во-вторых, анализ соотношения жизненных сил и жизненного пространства бытия человека, их дифференциации, осмысления различий, логики взаимодействий.

Более десяти лет назад на базе факультета социологии и кафедры социологии в Алтайском государственном университете сформировалась группа исследователей жизненных сил человека Сибири. В основном это были социологи, социальные философы, социопсихологи и представители других специальностей.

Вскоре появились первые публикации — сборники коллективных работ «Теория и методология социальной работы»[10], «Проблемы устойчивого развития общества и эволюции жизненных сил населения Сибири на рубеже XX—XXI вв.»[11], «Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири»[12], «Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма»[13], ряд первых монографий С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой, Ю.Е. Растова и др.[14]

К началу XXI в. сложилась Алтайская социологическая школа комплексных исследований жизненных сил Сибири[15].

В начале XXI в. (в первые пять лет) активизировались исследования жизненных сил населения, проблем безопасности, социальной защиты человека в современной Сибири.

Особый интерес представляют результаты социологического исследования, проведенного в мае—августе 2003 г. в Алтайском крае и посвященного выявлению тенденций взаимообусловленности социальной защиты и социального благополучия населения края. Это исследование можно характеризовать как комплексное, включающее материалы опросов населения (1060 человек), статистические материалы данных социально-экономического мониторинга регионов Сибирского федерального округа (в режиме помесячных и поквартальных замеров) и других источников.

Анализ результатов опроса позволяет констатировать неоднозначность и противоречивость в оценках респондентами состояния их социальных благополучия и защищенности. В данной главе обратим внимание только на некоторые фрагменты.

Кардинальные перемены в экономической, социально-политической, культурной и духовной сферах жизни, в общественном сознании, идеологии и общественной психологии с необычайной остротой и рельефностью обнажили многие проблемы в современном обществе, которые вызывают беспокойство населения.

Больше половины респондентов (58 %) беспокоит рост цен на товары массового спроса и особенно продуктов питания; 54 % — рост преступности; затем 33 % — рост бедности, 20 % — снижение общего уровня культуры, образования, духовности; 20 % — рост различий между богатыми и бедными, и др.

Считают, что неотложного вмешательства требуют:

рост преступности, насилия, агрессивности — 46 %;

развал экономики страны — 42 %;

резкое падение уровня жизни народа — 37 %;

растущая бездуховность, нравственное разложение людей — 34 %;

ослабление российского государства — 21 %;

другое — 5—18 %.

41 % респондентов считают, что за последние 10—12 лет, в чем-то их жизнь стала лучше, в чем-то хуже; 18 % — что в основном стала лучше; 4 % — значительно лучше; 20 % — в главном стала хуже. Причем 52 % респондентов считают, что их доходы позволяют удовлетворять самые главные жизненные потребности; 18 % — что средств не хватает на самое необходимое; 50 % респондентов считают, что их жилищные условия за последние 10—12 лет остались такими же, как были; 21 % — отчасти стали лучше; 7 % — кардинально улучшились; 11 % — отчасти ухудшились; 4 % — кардинально ухудшились.

Как показывают результаты, среди основных форм улучшения благосостояния опрошенные видят: интенсивный труд на приусадебном участке (51 %), на основном рабочем месте (27 %) или совмещение нескольких мест работы (28 %), деньги в долг под проценты (5 %), коммерческая деятельность (2 %).

Доля двух групп населения субъектов Федерации Сибири, имеющих доход свыше 4 000 руб. и ниже, %: в Таймырском АО — 70,1, Красноярском крае — 51,6, Томской области — 48,5, Кемеровской области — 46,7, Омской области — 40,5, Иркутской области — 38, Новосибирской области — 30, Алтайском крае — 20. При выявлении слабозащищенных слоев общества необходима их адресная социальная поддержка, что, в конечном счете, будет способствовать сокращению масштабов бедности в стране. Но новые технологии поддержки населения требуют и новые типы социальных учреждений.

В настоящее время существующие учреждения социальной защиты чаще всего не являются авторитетными при решении жизненных проблем. Главными авторитетами остаются, %: моя семья — 66; друзья — 11; дальние родственники — 4; медицинские работники — 3; соседи — 2; работники социальных служб — 1, случайные люди — 1; спонсоры, предприниматели, активисты благотворительных общественных организаций — менее 1. Как можно заметить, многие респонденты не видят возможности эффективной поддержки со стороны представителей социальных служб. Так, 51 % — никогда не обращались в социальные службы, 25 — очень ред-

ко обращаются в социальные службы, 13 — только иногда обращаются в социальные службы, лишь 3 % — постоянно обращаются в социальные службы.

Для того чтобы эта помощь была оперативной и эффективной, необходим постоянный мониторинг потребности населения в различных формах помощи. Респонденты ориентированы и нуждаются в следующих видах помощи, %: в правозащитной — 46; информационной — 33; консультационной — 29; благотворительной — 23; в профессиональной подготовке — 16; производственной — 16; реабилитационной — 12; помощи на дому — 10; координационной — 6; национально-этнической защите и издательской — 1; в других видах помощи — 4.

Нуждаются в услугах следующих специалистов, %: медицинских — 47; по вопросам занятости — 25; психологов — 24; социальных работников — 11, занимающихся обслуживанием на дому — 11; по семейным конфликтам и других менее необходимых специалистов — 10.

Как можно заметить, население региона нуждается в различных видах помощи, но отсутствуют технологии ее получения.

Как показывают результаты исследования, региональная система социальной защиты сталкивается на современном этапе с нерешенностью многих правовых, организационных и финансовых механизмов, как на уровне законодательства, так и непосредственно на уровне ее реализации. Поэтому при создании системы социальной защиты населения региона важно учитывать все существующие объективные и субъективные факторы, знать характеристику и региональные особенности конкретных территорий.

Анализ ответов респондентов показал, что все чаще возникает противоречие между пониманием социальной безопасности и социального благополучия на уровне обыденного сознания представителей разных групп и критериями оценки безопасности и благополучия населения, принятыми на уровне мирового сообщества, так как отсутствуют четко выделенные критерии и индикаторы, характеризующие социальное благополучие представителей различных групп населения.

Авторы, представляя исследование 2003 г., необходимо ограничились фрагментарной демонстрацией только отдельных сюжетов, чтобы как-то показать некоторую направленность работы на выяснение мнений, отношений населения в рамках рассматриваемой проблемы. Разумеется, это не единственное полевое исследование.

На базе ежегодных социологических исследований, материалах полевых экспедиций, последующих анализов подготовлено и введено в научный оборот за период 2000—2006 гг. 32 монографий, сборников, статей, учебных пособий по рассматриваемой теме. Некоторые из них представлены в списке литературы[16].

При формировании системы социальной защиты населения региона необходимо рассматривать социальную защиту и социальное благополучие как компоненты единой системы социальной безопасности населения. В широком смысле они охватывают решения, мероприятия, затрагивающие все стороны жизни членов общества. В узком — предусматривают конкретные меры, которые обеспечивают

достижение определенного уровня безопасности конкретных социальных субъектов. В связи с этим представляются необходимыми дальнейшие исследования, как в теоретическом, так и в прикладных аспектах, феномена социальной безопасности, ее основных компонентов, факторов их формирования и механизмов реализации на уровне российского общества в целом и отдельных его регионов.

Глава 13. Новосибирский мегаполис: методологические принципы разработки стратегии перехода к устойчивому развитию

Главный методологический принцип состоит в том, что переход Новосибирска к устойчивому развитию возможен лишь в контексте перехода к устойчивому развитию всей нашей страны. Отдельный элемент может отставать от развития системы, может опережать его, но всегда лишь в ограниченных пределах. Соответственно, и стратегия устойчивого развития отдельного города может быть реализована лишь при наличии необходимого социокультурного контекста в масштабах страны.

Однако города обладают относительной самостоятельностью, поэтому тема «города и устойчивое развитие» заслуживает специального внимания. На наш взгляд, города вообще можно рассматривать как особую «точку роста» в решении проблем устойчивого развития общества. Во-первых, потому, что именно в городах в наиболее концентрированном виде накапливаются проблемы и острые противоречия, требующие решения. Во-вторых, потому, что именно в городах сконцентрированы ресурсы — технологические, экономические, политические, интеллектуальные и т. д., — которые могут быть мобилизованы для решения этих проблем и противоречий.

В городе Ольборг (Дания) 27 мая 1994 г. состоялась Европейская Конференция по устойчивому развитию больших и малых городов Европы, на которой было подчеркнуто особое значение городов как центров реализации принципов устойчивого развития.

На Конференции отмечалось: «Мы убеждены, что большие и малые города — это наиболее высокий уровень структуры человеческого общества, на котором можно уже сейчас приступить к решению проблем архитектурного, социального, политического и природного дисбаланса, наносящего ущерб современному миру, и, в то же время, наиболее низкий уровень, на котором возможно разумно решить эти проблемы на основе целостного взгляда на проблему, комплексного подхода и принципов устойчивого развития».

Участниками этой Конференции была принята Хартия «Города Европы на пути к устойчивому развитию», которая по имени города, где состоялась Конференция, получила название «Ольборгской Хартии». В дальнейшем этот документ активно используется в практике и поэтому представляет несомненный интерес. Рассмотрим основные его разделы, обращая внимание как на логическую после-

довательность в его построении, так и на содержание отдельных направлений деятельности. Методологический анализ этого документа представляется важным для разработки методологических и концептуальных оснований перехода на путь устойчивого развития любого города, в том числе Новосибирска. Разумеется, в данной работе нет возможности достаточно подробно проанализировать все аспекты проблемы, затронутые в «Ольборгской Хартии», поэтому мы, в соответствии с задачей данного раздела, сосредоточим внимание именно на методологических аспектах.

1. Прежде всего в этом документе констатируется необходимость *разработки местных* стратегий перехода к устойчивому развитию. Участники Конференции, принявшей «Ольборгскую Хартию», пишут: «Мы убеждены в том, что большие и малые города представляют собой, с одной стороны, крупнейшую территориальную единицу, население которой непосредственно испытывает на себе воздействие многих нарушений архитектурного, социального, экономического, политического, ресурсного и экологического равновесия, наносящих вред современному миру. И в то же время городской уровень — это тот наименьший масштаб, в котором эти проблемы могут найти конструктивное интегральное, целостное решение. Поскольку все города отличаются друг от друга, каждый город должен найти свой собственный путь к устойчивому развитию. Во всех направлениях нашей политики мы будем основываться на принципах устойчивого развития и использовать преимущества, внутренний потенциал и привлекательность наших городов в качестве основы для локально-ориентированных стратегий».

2. Следующий важный тезис — сочетание локальности и творчества в переходе городов на путь устойчивого развития. В разделе «Устойчивое развитие как творческий, локальный процесс» отмечается следующее. «Мы, большие и малые города, признаем, что устойчивость — это не только “образ”, видение, и не застывшее состояние, а созидательный локальный процесс, направленный на поиск равновесия, который распространяется на все сферы принятия решений на локальном уровне. Этот процесс обеспечивает городским властям непрерывную обратную связь, показывая, какие виды деятельности ведут к сбалансированности городского развития и какие, наоборот, препятствуют этому. Если управление городом строится на основе такой интегрированной информации, то возникает понимание функционирования города как органического целого, и роль всех основных видов деятельности становится очевидной. В рамках такого процесса город и его жители смогут сделать информированный, осознанный выбор. В процессе управления, основанного на стремлении к устойчивости, возможно принятие решений в интересах не только нынешнего, но и будущих поколений».

3. Следующий важный методологический и методический принцип — осознание и учет ограниченности возможностей любого города. Поэтому в «Ольборгской Хартии» вводится принцип «решения проблем путем согласованного “вынесения вовне”». В документе пишется: «Мы, большие и малые города, осознаем, что город не может позволить себе экспортировать проблемы в более широкое окружение или в будущее. Поэтому все проблемы и любое нарушение равновесия

либо урегулируются внутри города, либо на определенных условиях выносятся на территориальные системы регионального или национального уровней. В этом состоит принцип разрешения проблем путем согласованного в результате переговоров вынесения вовне. Воплощение этого принципа наделит каждый город большой степенью свободы в определении характера своей деятельности».

4. В качестве базовой задачи необходимо рассматривать *развитие экономики*. В соответствии с этим в разделе «Городская экономика на пути к устойчивому развитию» отмечается: «Мы, большие и малые города, понимаем, что ресурсы природы — атмосфера, почва, вода и леса стали фактором, ограничивающим экономическое развитие наших городов. Поэтому мы должны инвестировать эту сферу. В порядке убывания приоритетности это означает:

1) вкладывать средства в сохранение природных ресурсов, таких как грунтовые воды, почва, места обитания редких биологических видов;

2) способствовать росту природного капитала за счет сокращения современного уровня его эксплуатации, например, невозобновляемых источников энергии;

3) делать инвестиции, направленные на снижение нагрузки на запасы природного капитала за счет расширения "культивируемой природы" (например, парки отдыха в черте города для снижения нагрузки на природные леса);

4) повышать конечную эффективность использования природных ресурсов (например, строя здания с эффективным использованием энергии или внедряя экологически безопасный городской транспорт)».

5. Следующий принцип состоит в том, что развитие экономики является средством достижения большей *социальной справедливости*, что, в свою очередь рассматривается как фактор, способствующий развитию городов. Вот как это изложено в документе. «Мы, большие и малые города, осознаем, что бедные слои населения в наибольшей степени подвержены воздействию экологических проблем (шум, загрязнение воздуха транспортными средствами, отсутствие удобств, плохие жилищные условия, отсутствие свободного пространства) и менее всего способны их решить. Неравное распределение материальных благ и услуг обусловливает поведение, не способствующее устойчивому развитию, и осложняет задачу изменения такого поведения. Мы стремимся к тому, чтобы интегрированно решать задачи обеспечения основных социальных потребностей населения, включая здравоохранение, занятость и улучшение жилищных условий, совместно с защитой окружающей среды. Мы хотим учиться на первом опыте "устойчивых поселений" с тем, чтобы вместе работать в направлении повышения качества жизни горожан вместо того, чтобы просто увеличивать уровень потребления.

Мы будем стараться создавать рабочие места, способствующие устойчивому развитию нашего сообщества, и тем самым снижать уровень безработицы. При привлечении рабочей силы и при создании новых рабочих мест мы будем оценивать эффект любого коммерческого предприятия с точки зрения критериев устойчивого развития, чтобы стимулировать обеспечение долговременной занятости и производство товаров с длительным сроком использования, что соответствует принципам устойчивого развития».

6. Проблема локальности выступает как задача эффективного использования территории. Эта задача в «Ольборгской Хартии» предшествует целому ряду других более специальных направлений деятельности. «Мы, большие и малые города, признаем важность бережного использования территории и формирования местными органами власти эффективной политики пространственного планирования, включающей стратегическую экологическую оценку всех планов. Мы должны воспользоваться преимуществами территориальной структуры городов и повышенной плотности населения для эффективной организации общественного транспорта, энергоснабжения и других условий жизни. При осуществлении программ реконструкции городских территорий, так же как и при планировке новых периферийных зон, мы должны стремиться к созданию многофункциональных зон, совмещающих жилье, места работы и оказания услуг, чтобы сократить потребность в переездах. Понятие равноправной внутрирегиональной взаимозависимости должно помочь нам сбалансировать потоки между городом и пригородами и предотвратить эксплуатацию городом ресурсов окружающих территорий».

7. Использование территорий напрямую связывается с проблемой городского транспорта, поэтому следующим является раздел «Модели устойчивого городского транспорта», в котором говорится: «Мы, большие и малые города, должны стремиться к тому, чтобы расширить доступ к социальным благам и поддерживать качество городской жизни при сокращении количества транспортных средств. Мы осознаем, что для поддержания устойчивого развития в городе необходимо сокращать вынужденные перемещения и прекратить стимулирование и поддержку использования индивидуальных моторизованных средств передвижения. Мы должны отдать предпочтение экологически безопасным средствам передвижения (в особенности ходьбе, велосипедному движению, общественному транспорту) и рассматривать сочетание этих средств в качестве основной задачи планирования. Моторизованные индивидуальные средства городского транспорта должны выполнять вспомогательную функцию, облегчая доступ к городскому сервису и поддерживая экономическую деятельность в городе».

8. Следующая задача, на наш взгляд, в «Ольборгской Хартии» сформулирована не вполне корректно, а именно — «Ответственность за глобальный климат». Дело в том, что и все предыдущие задачи и направления деятельности включают в себя ответственность городов за решение глобальных проблем через характер воздействия жизнедеятельности городов на глобальные процессы и системы. Однако они преломляются через специфику решения глобальных проблем в локальном, городском варианте, что в принципе соответствует специфике работы над переходом на путь устойчивого развития в отдельно взятых городах. Фактически именно об этом и говорится в соответствующем разделе документа: «Мы, большие и малые города, понимаем, что значительная опасность, угрожающая природной и искусственной среде, а также будущим поколениям людей вследствие глобального потепления, требует принятия в максимально короткие сроки действий, направленных на стабилизацию и последующее сокращение выбросов в атмосферу газов, обусловливающих тепличный эффект. Не менее важно сохра-

нить биоресурсы Земли, такие как леса и фитопланктон, играющие существенную роль в углеродном обмене на планете. Уменьшение выбросов от использования традиционных видов топлива потребует изменения политики и выдвижения инициатив, основанных на глубоком понимании альтернатив и на представлении о городской окружающей среде как об энергосистеме. Единственной альтернативой, обеспечивающей устойчивое развитие, является использование возобновляемых источников энергии». Такой подход не может вызывать возражения, наше замечание связано лишь с тем, что избранный заголовок этого раздела как бы «вырывает» его из общего контекста, поднимает на более общий уровень, — что вряд ли оправдано.

9. Аналогичное несоблюдение уровня обобщения имеет место и в следующем разделе, который называется «Предотвращение отравления экосистем». Здесь тоже необходимо, по меньшей мере, различение глобальной экосистемы и экосистемы города, — о чем свидетельствует текст данного раздела. «Мы, большие и малые города, отдаем себе отчет в том, что в атмосферу, водоемы, почвы и пищевые продукты поступает все больше токсичных и вредных веществ, которые все сильнее угрожают здоровью человека и экосистем. Мы сделаем все возможное для того, чтобы остановить дальнейшее загрязнение и предотвратить новые виды загрязнения в самом их источнике».

10. Заключительные разделы «Хартии» касаются вопросов организации деятельности субъектов в процессе перехода городов на путь устойчивого развития. В качестве первого здесь стоит «Местное самоуправление как необходимое предварительное условие». Очевидно, несколько точнее было бы назвать местное самоуправление не «предварительным условием», а первым, ключевым фактором решения проблемы. Однако само содержание данного пункта вполне может быть использовано в качестве методологического и методического ориентира: «Мы, большие и малые города, убеждены в том, что обладаем силой, знанием и созидательным потенциалом, необходимыми для разработки устойчивого образа жизни, а также для проектирования наших городов и управления ими так, чтобы обеспечить переход к устойчивому развитию. Как демократически избранные представители наших местных сообществ мы готовы взять на себя ответственность за реорганизацию наших городов для достижения этих целей. То, в какой степени наши города будут в состоянии решить эту проблему, зависит от степени предоставления им прав на самоуправление и от уровня государственной поддержки. Существенно важно оставить достаточные полномочия на локальном уровне и обеспечить местным властям твердую финансовую базу».

11. В документе рассмотрены также институциональные аспекты деятельности муниципалитета в решении задач перехода на путь устойчивого развития. Этот раздел, названный «Инструменты и средства для управления, направленного на устойчивое развитие», гласит следующее: «Мы, большие и малые города, обещаем использовать имеющиеся в нашем распоряжении политические и технические инструменты и средства для решения проблем городского управления на основе экосистемного подхода. Мы воспользуемся широким набором средств, включаю-

щим сбор и обработку экологической информации, экологическое планирование; механизмы регулирования, экономические и коммуникационные средства, такие как директивы, налоги и платы; а также механизмы, помогающие осознать имеющиеся проблемы, включая участие общественности. Мы стремимся к тому, чтобы установить новые экологически ориентированные бюджетные системы, которые сделают управление естественными природными ресурсами столь же экономическим, как управление нашими искусственными ресурсами — деньгами.

Мы понимаем, что в своей политической и управленческой деятельности, в частности, при проведении экологического мониторинга, аудита, оценок воздействия, в бухгалтерской отчетности, в организации системы регулирования и информирования, мы должны основываться на различных видах показателей, включая показатели качества городской окружающей среды, характеристики городских потоков, городских моделей и, что наиболее важно, показатели устойчивости развития городских систем.

Мы, большие и малые города, отмечаем, что целый ряд политических стратегий и действий, приводящих к положительным экологическим результатам, уже был успешно применен во многих городах Европы. Тем не менее, эти инструменты, замедляя разрушение устойчивости, сами по себе не поворачивают движение общества к устойчивости. И все же, при наличии сильной экологической основы, города имеют огромные возможности сделать решительный шаг и перейти к объединению этих стратегий и действий в единый процесс управления местной городской экономикой, направленный на достижение устойчивости развития. В этом процессе нам предстоит выработать собственные пути, испробовать их на практике и обменяться своим опытом».

12. Для целей данного отчета особое значение имеет раздел «Ольборгской Хартии», названный следующим образом: «Горожане как ключевые действующие лица и участие сообщества». В такой форме, по сути, ставится вопрос об участии горожан как субъектов гражданского общества, действующих самостоятельно, а также через посредство общественных организаций. Предлагается следующий подход: «Мы, большие и малые города, обязуемся выполнить задачу, поставленную в "Повестке дня на 21 век", — ключевом документе, одобренном на Глобальном форуме в Рио-де-Жанейро, — сотрудничать со всеми секторами наших сообществ: жителями города, предпринимателями, заинтересованными группами — в разработке "Локальных повесток дня на 21 век". Мы отвечаем на призыв, содержащийся в Пятой Программе Экологических Действий Европейского Союза "На пути к достижению устойчивости", к разделению ответственности всех секторов нашего сообщества за выполнение этой программы. Таким образом, мы будем строить нашу работу на сотрудничестве между всеми участвующими сторонами. Мы обеспечим доступ всех граждан и заинтересованных групп к информации и их участие в процессах принятия решений на локальном уровне. Мы будем осуществлять программы обучения и подготовки по вопросам устойчивого развития не только для широкой общественности, но и для выборных представителей и чиновников в составе местного правительства».

Позиции, содержащиеся в «Ольборгской Хартии», безусловно, следует адаптировать к специфике российских условий, а в рамках данного социокультурного контекста — к условиям того или иного социального образования, поселения. В нашем случае — Новосибирска.

По существу, работы по применению принципов устойчивого развития в стратегии планирования будущего этого мегаполиса начались в 2000 г. В самом начале был создан Общественный совет по стратегическим проблемам устойчивого развития Новосибирска, в состав которого вошли видные ученые, специалисты, хозяйственники, политики, представители общественных организаций и чиновники муниципалитета. Возглавил Общественный совет мэр Новосибирска В.Ф. Городецкий.

Состав Общественного совета достаточно адекватно отражал различные группы, образующие городское сообщество. И вместе с тем он включал в себя людей высокой квалификации, совместная деятельность которых могла обеспечить достаточно квалифицированное обсуждение и решение вопросов, входящих в компетенцию Совета.

Первое заседание состоялось 10 марта 2000 г. С основным докладом об организации разработки стратегического плана устойчивого развития Новосибирска выступил В.Ф. Городецкий. Он подчеркнул преемственность начатого проекта с работой по осмыслению перспектив развития города, которая велась ранее, а также обратил внимание на новые требования к этой работе, вытекающие из применения принципов устойчивого развития.

В дискуссии приняли участие сопредседатель Общественного совета, Председатель СО РАН Н. Л. Добрецов — с докладом «Стратегическое направление развития Новосибирского научного центра», сопредседатель Общественного совета, Председатель президиума СО РАМН В. А. Труфакин — с докладом «Стратегические проблемы охраны здоровья жителей города Новосибирска», вице-президент МАРП Н. А. Канискин — с докладом «Стратегические задачи подъема промышленности Новосибирска», ряд других ученых и специалистов*.

В дальнейшем была начата работа целого ряда семинаров — как общегородского, на базе мэрии, под непосредственным руководством В. Ф. Городецкого, так и отраслевых, обсуждавших отдельные проблемы жизни города, решавших задачу оценки состояния различных сфер городской жизни с точки зрения принципов устойчивого развития и разрабатывавших предложения по разработке концепции и плана перехода Новосибирска на путь устойчивого развития. Эти семинары работали в вузах, НИИ, различных учреждениях города — в зависимости от тематики.

Здесь, очевидно, не место для подробной характеристики того, какие структуры (рабочие группы и т. п.) создавались в последующие годы. Важно подчер-

* Материалы этого заседания были опубликованы. См.: *Стратегия* планирования устойчивого развития города Новосибирска: постановка проблемы / Общественный совет по стратегическим проблемам устойчивого развития г. Новосибирска. Новосибирск, 2000.

кнуть, что семинары, рабочие группы и т. п., постоянные или временные объединения имели или специализированный характер, собирая специалистов преимущественно одного профиля, или комплексный характер, собирая специалистов различных профилей, — в зависимости от характера возникающих задач.

Важным итогом работы за большой отрезок времени стала проведенная в г. Новосибирск в январе 2004 г. Международная научно-практическая конференция «Местное самоуправление и стратегия устойчивого развития крупного города на примере Новосибирска». На секциях и «круглых столах», проведенных в рамках этой конференции, а также на выставке инновационных проектов были подведены основные итоги проделанной за четыре года работы и намечены дальнейшие перспективы. Важным элементом работы конференции стало обсуждение целевых комплексных программ, которые рассматриваются в нашем городе как организационная форма, позволяющая сочетать общее стратегическое видение перспектив развития города с решением конкретных актуальных проблем путем концентрации реально имеющихся ресурсов.

С учетом предложений участников научно-практической конференции работу предполагается продолжить, для чего было принято постановление мэра г. Новосибирск «О дальнейших мерах по разработке и реализации Стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска».

Итак, определенная работа за прошедшие четыре года в Новосибирске проделана. Сопоставляя ее с методологическим принципами, заложенными в основу «Ольборгской Хартии», можно определенно отметить соответствие общей направленности этой работы европейскому подходу к проблеме устойчивого развития городов.

Разумеется, позиции европейцев не следует противопоставлять общемировой практике. В то же время «Стамбульская декларация по населенным пунктам», принятая главами государств и правительств, а также официальных делегаций стран, собравшихся на Конференции ООН по населенным пунктам (Хабитат II) в Стамбуле (Турция, 3—14 июня 1996 г.), подчеркивает следующее: «Проблемы, связанные с населенными пунктами, имеют глобальный характер, однако страны и регионы сталкиваются и со специфическими проблемами, требующими специфических решений».

Так, например, одной из специфических проблем современной России является недостаточно активное участие гражданского общества в решении назревших проблем. Точно так же стоит эта проблема и в Новосибирске. Среди специфических путей ее решения можно отметить и сам факт создания Общественного совета по устойчивому развитию, других общественных структур, работающих под эгидой этого Совета, по осмыслению имеющихся в городе проблем и поиску путей их решения. Важной формой вовлечения граждан в дела городского сообщества стало активное развитие так называемых ТОСов — территориальных советов общественного самоуправления. Наконец, определенную роль в этом отношении сыграл и тот факт, что работа по стратегии планирования перехода Новосибирска на путь устойчивого развития была включена как один из важных пунктов в пред-

выборную программу В. Ф. Городецкого, который в начале 2004 г. повторно был избран на пост мэра г. Новосибирск и получил, таким образом, общественную поддержку в отношении данного направления деятельности муниципалитета.

Вместе с тем, не будет преувеличением сказать, что работа по стратегическому планированию перехода Новосибирска на путь устойчивого развития, по большому счету, лишь начинается. Дело даже не в том, что разработка стратегического плана есть серьезный процесс, требующий учета базовых параметров жизнедеятельности города, взятых в их взаимосвязи. Дело даже не в том, что всякий однажды разработанный план нуждается в той или иной корректировке, в зависимости от изменения условий. (Заметим, что игнорирование, в частности, этого методологического принципа сыграло большую роль в формализации и бюрократизации планирования в советский период отечественной истории.) Дело в том, что здесь требуется принципиально иной стратегический план — план, построенный на системно-диалектической методологии.

Сформулируем три важнейших принципа применения параметров устойчивого развития.

Во-первых, системный подход как «целостный взгляд на проблему», а также подход комплексный. Есть основания утверждать, что комплексность можно рассматривать лишь как определенную стадию становления системности — как в исследовательской работе, так и в практике управления.

Во-вторых, процессуальный, циклический характер применения принципов устойчивого развития. Основная задача — достижение равновесия между экономикой, социальной сферой и экологическими системами, причем с учетом воспроизводства и развития общества, — т. е. задача должна решаться применительно к интересам не только ныне живущих, но и будущих поколений. Поэтому планирование и управление должны быть построены как циклический, самокорректирующийся процесс. Какой бы то ни было «разовый» план в принципе не может быть эффективным средством реализации критериев устойчивого развития.

В-третьих, социально-политический характер применения принципов устойчивого развития. Выйти на параметры устойчивого развития можно лишь через балансирование интересов основных социальных групп, образующих то или иное, в нашем случае — городское — сообщество. В этом смысле устойчивое развитие города — это развитие, опирающееся на сбалансированные интересы основных социальных групп, образующих этот город.

Чем определяется выбор именно этих принципов? Если мы хотим понять логику развития какого-либо объекта, мы должны представить его как диалектическую систему. Если мы имеем дело с диалектической системой, мы должны понять закономерности ее воспроизводства и развития, которые имеют циклический характер, причем наша задача состоит именно в том, чтобы сбалансировать основные параметры ее воспроизводства и развития. И, наконец, если мы имеем дело с социальной системой, то логику ее развития можно понять лишь через интересы образующих ее групп, а обеспечить сбалансированное развитие социальной системы можно лишь через сбалансированность интересов этих групп.

Зафиксированные выше три принципа могут и должны быть развернуты, конкретизированы в целой иерархии более частных принципов, совокупность которых и определит целостную методологию перехода на путь устойчивого развития.

Следует лишь подчеркнуть, что ключевая особенность методологии научного исследования и научной методологии практики — ее иерархическое построение, когда последующие принципы выводятся из предыдущих. Так в данном случае принцип циклического воспроизводства и развития вводится потому, что циклы есть универсальный способ жизнедеятельности всех органических систем, а принцип сбалансированности интересов вводится потому, что мы имеем дело с социальной системой, элементами которой являются общественные отношения, а их носителями — социальные субъекты.

Далее возникает проблема соотнесения методологии и теории, проблема перехода к построению моделей. Методология является концептуальным основанием для разработки теории, а эффективно работающая в практике теория предполагает построение системных моделей — прежде всего содержательных, а затем и формализованных. В теории город должен быть представлен как сложная, внутренне дифференцированная система, обладающая, тоже системным, «набором» внешних связей. Нельзя говорить об устойчивом развитии без учета зависимости Новосибирска от глобальных и общероссийских процессов!

Мегаполис «Новосибирск» как целостная система должен быть представлен как подсистема в более сложной системе, т. е. взят в единстве со всеми «внешними» структурами, которые необходимы для его жизнеобеспечения и развития, — такими как Новосибирская область, энергетические, сырьевые, информационные и т. п. источники в других регионах, а также со структурами, которые необходимы для сбыта производимой в Новосибирске «продукции» во всем ее многообразии — вещи, люди, идеи.

Новосибирск как социокультурная система, как целостный социальный организм — это совсем не то, что представляет собой Новосибирск в его внешнем, эмпирическом существовании — как поселение, географический пункт и т. п. Как социальный организм Новосибирск связан тысячью невидимых нитей и с федеральным центром, и со многими ближними и дальними регионами России, и с зарубежными странами. Выделить среди этих связей наиболее существенные, те которые жизненно необходимы для устойчивого воспроизводства и развития Новосибирска как социокультурного сообщества, — достаточно сложная рефлексивная исследовательская задача, а обеспечить оптимальное использование этих связей — достаточно сложная управленческая задача. Другой уровень теории — структурирование Новосибирска как сложной системы для более глубокого осмысления качественной специфики и особенностей развития имеющихся здесь подсистем, таких как природная среда, промышленность, транспорт, связь, торговля, финансы, наука, художественная культура, образование, сфера образования, здравоохранения, быта и т. д. Само преодоление принципа неполного перечисления в виде широкого используемого «и т. д.», замена его на действительно системную модель города, в которой раскрываются реальная взаимосвязь и взаи-

мообусловленность всех его подсистем — тоже есть одно из необходимых условий реализации сформулированного мэрией проекта перевода Новосибирска на путь устойчивого развития.

Наконец, необходим уровень теории, призванный обеспечить решение задач системного осмысления и системной оптимизации проблем, возникающих внутри отдельных подсистем мегаполиса «Новосибирск», выделенных в настоящее время как направления работы различных тематических комиссий.

Словом, даже самая общая характеристика возникающих здесь проблем требует специального обсуждения. Если учесть, что это обсуждение будут вести представители различных научных дисциплин, а также различных сфер практики, степень сложности предстоящей работы трудно переоценить.

Далее следует переход к методологии практики, к принципам организации практической работы. Использование принципов устойчивого развития в организации жизни любого сообщества, будь то страна, регион или город, — это настолько сложная теоретико-методологическая и управленческая задача, что сам переход к использованию этих принципов не может не охватывать более или менее длительный период. В нем можно выделить ряд этапов, которые могут сосуществовать во времени, но тем не менее находятся в логической зависимости друг от друга, и поэтому успех в реализации проекта может быть обеспечен лишь благодаря отслеживанию и реализации этих связей. Перечислим, в самом общем виде, основные этапы первого периода работ.

1. Прежде всего необходимо осмысление принципов устойчивого развития всеми, кто непосредственно причастен к решению данной задачи, а затем адаптация этих принципов к реальной жизни соответствующего сообщества — в нашем случае Новосибирска. С этой целью должны быть опубликованы необходимые информационные материалы, должны проводиться учебные, учебно-научные, научно-практические семинары, дискуссии и т. п.

2. Разработка общей схемы ведения работ, а также схем ведения работ по каждому из направлений в рамках общего плана — с учетом принципов устойчивого развития, а также особенностей их применения в конкретных условиях Новосибирска.

3. Соотнесение научно-практических разработок, проектов, предложений, рекомендаций и т. п. с существующей системой управления жизнедеятельностью Новосибирска и отдельными подсистемами этого мегаполиса. А далее, на этой основе, постепенный переход к использованию соответствующих разработок в деятельности аппарата управления. Безусловно, потребуется коррекция научных рекомендаций, и только путем последовательных «встречных шагов» будет создана система повседневного сотрудничества отдельных управленческих структур и обеспечивающих их деятельность научных подразделений.

4. Создание, на этой основе, первого варианта общего плана перехода Новосибирска на путь устойчивого развития, где будет представлена общая стратегия, а также стратегия перехода по каждому из направлений (их число, очевидно, будет корректироваться).

5. Периодическая коррекция общего плана перехода Новосибирска на путь устойчивого развития в результате реализации отдельных этапов, циклов управленческой деятельности. Процесс неизбежно будет иметь циклический характер, и лишь по мере преобразования исходных условий в направлении, более соответствующем принципам устойчивого развития, можно будет говорить о завершении периода перехода к системе устойчивого развития Новосибирска.

В заключение следует добавить, что методология практики должна быть использована не только при организации деятельности специалистов — исследователей и управленцев, но также и при организации участия в проекте жителей города, которые в «Ольборгской хартии» рассматриваются как «основная движущая сила». Реализация проекта предполагает, чтобы «всем гражданам и заинтересованным группам были обеспечены доступ к информации и возможность участвовать в процессе управления городом». Организаторы проекта, согласно «Ольборгской хартии», должны «изыскивать возможность воспитания и обучения принципам и методам устойчивого развития как населения в целом, так и его выборных представителей, и местных властей».

В этом контексте ключевым направлением и является организация взаимодействия государственных, муниципальных, общественных, коммерческих структур в создании системы перехода на путь устойчивого развития. Современная стадия развертывания работ по стратегии перехода Новосибирска на путь устойчивого развития позволяет утверждать, что сегодня наиболее актуальной является именно эта задача — задача максимально широкого и серьезного разъяснения жителям Новосибирска, особенно молодым, существа данного проекта и более активное вовлечение их в его разработку и реализацию. Если на предыдущем этапе разработка проекта по необходимости имела относительно «кулуарный характер», но уже вызвала значительный резонанс и интерес со стороны самых различных групп горожан, то на предстоящем этапе разработка этого проекта должна приобрести гораздо более широкий характер, в частности, затем, чтобы были оправданы позитивные ожидания, возникшие у многих жителей города. Особенно важно, чтобы люди увидели связь между стратегическими перспективами и решением конкретных проблем, реальным улучшением их жизни в их доме, дворе, квартале, районе, городе в целом. Только тогда принципы устойчивого развития могут заработать в полную силу и существенно повлиять на будущее нашего города.

Глава 14. Новосибирский мегаполис: стратегический план устойчивого развития

Разработкой стратегий своего развития в последние годы занимаются многие российские города, а крупные — практически все. В ведущих странах мира каждый успешно развивающийся город, как правило, имеет стратегический план. Интерес к стратегическому планированию вызван не модой или желанием иметь в системе управления городом современную атрибутику. Этот интерес определяется осознан-

ной необходимостью городских сообществ добиться преимуществ в жесткой борьбе за ресурсы и выражает стремление городов быть конкурентоспособными во все усложняющемся мире, полном острых социальных и экономических проблем, часто глобальных. Стратегическое планирование является инструментом проектирования успеха в конкурентной борьбе в перспективе, позволяет определить приоритеты, последовательность действий, задачи мобилизации ресурсов.

Может возникнуть вопрос, а что такое стратегия города, и не фантом ли это? Наш ответ, выработанный многолетней практикой, таков: стратегия — это выбор ключевых направлений в будущее, который интегрирует в некое согласованное целое главные цели развития, политику власти и действия городского сообщества. Намечаемые при реализации стратегии результаты и есть стратегические цели. Их постановка, формулирование, оценка приоритетов составляют основу стратегического планирования. Пути достижения этих целей определяются при решении стратегических задач. Система стратегических целей развития города с оценками приоритетности, обоснования их выбора, выделенные для каждой стратегической цели задачи, подходы к решению задач составляют главное содержание стратегического плана на заданный перспективный период. Плановый период может быть разным. В проекте новосибирского стратегического плана, например, он принят равным периоду смены поколений, т. е. 20 годам.

Следует особо подчеркнуть, что стратегический план в корне отличается от перспективных планов, которые составлялись ранее, когда планирование было директивным, жестко централизованным. В перспективных планах, не говоря уже о текущих, четко прописывались такие элементы, как задания, исполнители, ресурсы, сроки исполнения. Иногда по этой схеме пытаются создать и стратегический документ, хотя очевидно, что записывать по всем мыслимым направлениям конкретные указания — кто, что и когда должен делать, сложно. Главное, такой подход для мегаполиса принципиально нереализуем, даже несмотря на то, что в российском переходном обществе еще сохранились навыки строиться по указке сверху и ожидать за это вознаграждения. Интересы простых людей, корпораций, а иногда, к сожалению, и властных структур имеют разную основу и плохо согласуются.

Но существует многое, что *объединяет всех жителей мегаполиса*. Все они живут на территории одного города. У подавляющего большинства есть работа, жилище, семья, дети, которых нужно воспитывать и учить, есть родители, в том числе пожилые, которым нужно помогать. Все желают быть здоровыми и богатыми, вращаться в культурной среде, получать нужную информацию, иметь возможность наслаждаться высоким искусством, болеть за родную спортивную команду, гордиться достижениями земляков и т. д. *Словом, все заинтересованы в полноценной качественной городской жизни. Как будет развиваться город в будущем, волнует каждого и всех вместе. А это как раз определяется стратегическим планом*. Поэтому включаемые в него цели, задачи и оценки приоритетов должны быть *приняты всем городским сообществом, всеми слоями населения. Следовательно, стратегический план может представлять собой еще и своеобразный договор общественного согласия по выбору приоритетных стратегий развития города*. Поскольку это пла-

новый документ, он одновременно является инструментом *взаимодействия и стратегического партнерства городского сообщества, бизнеса и власти.*

Именно такое понимание стратегического плана определяет характер его разработки, обсуждения и принятия к исполнению. Чтобы добиться согласия, требуются разноаспектные и многочисленные обсуждения с населением коренных вопросов благосостояния, производственной, бытовой и культурной жизни городского сообщества, характера развития территории, жилищно-коммунальной сферы, инфраструктурных комплексов, систем здравоохранения, образования, охраны правопорядка и безопасности.

Любой непредубежденный человек согласится, что разработать стратегический план, соответствующий названным требованиям, чрезвычайно сложно и ответственно. Самое опасное — ошибка в выборе долгосрочных стратегических целей развития города. Разумеется, найти в полуторамиллионном разнообразии человеческих интересов общие стратегические установки развития не так просто. Поэтому нужно опираться не только на представления ученых и специалистов, но и, по крайней мере, на мнения лидеров в каждом слое городского сообщества. Хотя привести к общему знаменателю мнения и оценки различных категорий горожан, встроить в общую систему жизненные установки разных слоев населения, элиминировать корпоративные устремления чрезвычайно трудно. Еще труднее в сложной политической обстановке, когда определенными кругами в корпоративных целях расшатываются основы общественного согласия, добиться веры горожан в реальность выработанных стратегий. Тем не менее, понимая все названные трудности, муниципалитет Новосибирска поставил задачу создать стратегический план города и привлек к проектированию этого документа, отражающего целевые установки городского сообщества, большое число активных и заинтересованных граждан. Было сформировано своеобразное партнерство городского сообщества и властных структур, которое позволило собрать, обработать и согласовать предложения представителей практически всех слоев населения в отношении перспектив развития мегаполиса. Поскольку опыт создания и работы этого партнерства может представлять интерес сам по себе, имеет смысл кратко изложить его историю.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что потребность выбора стратегии устойчивого развития мегаполиса возникла у городского сообщества объективно. В дореформенный период Новосибирск представлял собой крупный промышленный, научный и образовательный комплекс. Город функционировал как транспортный товаропроводящий узел, финансово-экономический центр Западной Сибири и центр культуры. Вследствие «перестроечных» радикальных экономических реформ Новосибирск понес серьезные потери. Произошло резкое, до 70 %, падение объемов промышленного производства, была утрачена часть научно-технического потенциала, большая часть населения оказалась за чертой бедности, социальное расслоение горожан вышло за всякие пределы. Движущие силы городского развития претерпели серьезную трансформацию. К середине 1990-х гг. перед городским сообществом жестко встала дилемма: либо заново определить свою роль

в Сибири и наметить четкие векторы движения в будущее, либо продолжать политику существования на грани выживания.

С инициативой принять решение и начать движение по первому пути выступил предпринимательский корпус города. Летом 1996 г. в мэрию Новосибирска обратилась действовавшая тогда в городе общественная организация «Предприниматели за честный бизнес» с предложением *заняться разработкой перспектив развития Новосибирска*. В качестве предмета для обсуждения эта организация представила документ, озаглавленный «Новосибирск — столица Сибири XXI века (концепция развития г. Новосибирска на период до 2010 года)». В документе содержался грамотный конспект видения предпринимателями стратегических направлений развития города на среднесрочную перспективу. Документ вызвал резонанс. Он был рассмотрен экономическим советом при мэрии, который рекомендовал начать разработку перспектив развития мегаполиса с долгосрочным периодом упреждения.

В марте 2000 г. были подготовлено «Положение о разработке стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска», сформирован общественный совет по стратегическим проблемам города в составе более 130 человек. Были выделены структурные органы совета — программный комитет и тематические комиссии, организован постоянно действующий семинар в мэрии для студенческой молодежи «Перспективы развития города Новосибирска: проблемы и решения». На первом же заседании общественного совета были определены стадии работы над планом:

систематическая работа тематических комиссий (их было организовано 32) и проработка стратегических целей устойчивого развития города на заседаниях программного комитета;

обсуждение основных направлений, разработка и утверждение общественным советом структуры стратегического плана, подготовка текста плана, его обсуждение на программном комитете и общественном совете, вынесение стратегического плана на общегородскую конференцию.

Названные стадии реализованы.

Нужно особо подчеркнуть, что программным комитетом систематически осмысливался опыт массовых обсуждений направлений устойчивого развития города. Нащупывалась важная тенденция в поведении городского сообщества, выражавшаяся в подъеме настроения и активности многих граждан в оценке будущего города. Это было сознание социальной ответственности новосибирцев. По большому счету, здесь проявилась одна из сторон становления и вызревания гражданского общества. Люди не хотят быть заложниками властных решений, они стремятся сами влиять на свою судьбу. Им нужны формы выражения своей активности, и, как оказалось, участие в проработке проектов развития города — хорошее поле для такого общественного творчества.

В качестве главной цели устойчивого развития города программный комитет, а затем и общественный совет приняли следующую формулировку: «Стабильное улучшение качества жизни (повышение уровня жизненного потенциала) всех

слоев населения Новосибирска в процессе устойчивого развития города». В первом полугодии 2001 г. под руководством мэра проводились расширенные заседания программного комитета. Еженедельно в течение 4 месяцев на заседаниях рассматривались наработки тематических комиссий. Значительная часть тематических комиссий представила добротный материал, который затем был положен в основу целого ряда разделов стратегического плана. Помимо постоянных членов программного комитета в заседаниях присутствовали многие другие ученые и специалисты. В результате была разработана структура стратегического плана устойчивого развития города. В октябре 2001 г. на заседании общественного совета эта структура была утверждена, и таким образом у программного комитета появилась основа для разработки текстов разделов документа.

Подготовку текста проекта стратегического плана поручили рабочей группе программного комитета под руководством О.В. Молчановой. Группа была расширена до 10 человек и официально утверждена. В ее состав вошли ученые различных областей знаний, крупные работники муниципалитета, предприниматель. Работая в 2002 г. по 2—3 часа каждую неделю, в том числе и в летний период, рабочая группа в течение девяти месяцев написала проект документа «Стратегический план устойчивого развития города Новосибирска».

Проект стратегического плана был рассмотрен на заседании сначала программного комитета, а затем общественного совета и после корректировки одобрен. Затем проект документа был обсужден в районах города и на собраниях профессиональных групп. Были организованы общественные слушания по разделам стратегического плана. Провели апробацию проекта на специальном семинаре среди руководителей городских поселений Ассоциации сибирских и дальневосточных городов, а также на втором всероссийском форуме городов, занимающихся стратегическим планированием. Завершающая точка в публичном обсуждении проекта стратегического плана была поставлена 27—29 января 2004 г. на научно-практической конференции «Местное самоуправление и стратегия устойчивого развития крупного города». Затем проект документа был утвержден городским советом Новосибирска.

Стратегический план состоит из пяти разделов. *В первом разделе* дана общая характеристика Новосибирска на рубеже веков. Здесь кратко освещены особенности исторического развития в XX в. города, превратившегося за небольшой исторический период из небольшого поселения строителей железнодорожного моста в полуторамиллионный мегаполис. Сформулированы основные стратегические проблемы развития, являющиеся по сути типичными для всех крупнейших российских городов, за исключением, пожалуй, Москвы. Представлены диаграммы основных источников стратегических проблем городов, подходов к их решению, стратегического потенциала современного города, в том числе его градостроительного потенциала. Показан удельный вес Новосибирска в области, Сибирском федеральном округе, Российской Федерации, в том числе по численности населения, занятости в экономике, объему промышленного производства, инвестициям в основной капитал, вводу жилья, обороту розничной торговли.

Сделано сравнение с другими городами-миллионниками, позволяющее судить о месте, занимаемом Новосибирском по уровню социально-экономическому развития. В этом же разделе показаны проблемы города стратегического характера, подходы к их решению и имеющийся у Новосибирска для этого стратегический социально-экономический и ресурсный потенциал.

Основные стратегические проблемы города Новосибирска, по мнению программного комитета, возникли в результате российских шоковых реформ конца прошлого века и вызванного ими социально-экономического кризиса. Они связаны с сырьевой ориентацией экономической политики в стране, обусловлены недостатками и противоречиями законодательной базы Российской Федерации, усугубленными еще и плохим исполнением имеющихся законов. Большое влияние на положение страны и соответственно российских регионов и городов оказывают мировые глобальные процессы.

В настоящее время в городе остро ощущается социальное расслоение населения, бедность большого числа горожан, их слабая социальная адаптация, малая доля «среднего класса» в структуре жителей города. Кроме того, налицо низкая совокупная покупательная способность и в целом относительно низкий уровень качества жизни большого числа новосибирцев. В Новосибирске, как и во всей России, произошло ослабление системы безопасности общества и личности. Остается высокой преступность, растет травматизм, получили распространение социально обусловленные заболевания (наркомания, алкоголизм, ВИЧ-инфекция, венерические болезни, туберкулез, психопатии и т. п.).

В период экономического кризиса в стране резко, более чем в 2 раза, сократилось промышленное производство, уменьшились, а то и полностью прекратились государственные заказы науке и промышленности, установились финансовый голод и непомерное налоговое бремя. Это привело к снижению научно-технологического потенциала, разрушению и старению производственного аппарата, потере многих уникальных технологий в производстве, сокращению численности квалифицированных кадров, в том числе массовых рабочих специальностей, утечке ученых и специалистов за рубеж и в непроизводительную сферу экономики. В свою очередь это вызвало низкую инвестиционную активность, стагфляцию.

Бюджет города оказался в большой зависимости от политики властных органов федерального центра и субъекта Федерации, до предела ограничившей маневр в налоговой политике, а также уровень финансирования бюджетных организаций и систем социальной поддержки. Приватизация в отраслях, являющихся естественными монополиями, привела к серьезным трудностям в обеспечении энергетической безопасности города, бесперебойного функционирования инженерной инфраструктуры и ЖКХ. Возникла опасность техногенных катастроф вследствие износа основных фондов, наличия ряда неблагоприятных в экологическом отношении зон на территории города.

Очевидно, что для решения указанных стратегических проблем требуется, с одной стороны, проведение государственной политики, направленной на создание условий для подъема экономики в стране и регионах с учетом глобальных

процессов. С другой стороны, необходима соответствующая муниципальная политика мобилизации стратегического потенциала и ресурсов города.

В проекте стратегического плана муниципалитету и общественности города рекомендуется постоянно и ассоциированно выступать с законодательными и прочими инициативами, обращаться с предложениями в органы федерального и регионального уровней. Необходимо добиваться принятия законодательных актов и решений, направленных на систематическую поддержку отечественных производителей, стимулирование инвестиций в производственный сектор, обеспечение роста совокупного спроса населения, совершенствование валютной, ценовой и денежной политики в государстве, реформирование финансовой, фондовой и кредитной систем, создание стимулов для реорганизации системы социального потребления.

Отмечается, что в пределах собственных прерогатив и компетенции городское сообщество должно иметь выверенные приоритеты стратегий развития ситуации в городе, учитывающие интересы жителей. Решать проблемы следует, опираясь на существующий стратегический потенциал, включающий имеющиеся в городе агломерации. Также надо учитывать ожидаемые в будущем возможности географического, геополитического, экономического, социального, кадрового, экологического, инновационного, технологического, архитектурно-градостроительного, финансового и инвестиционного и т. д. характера. Для этого, собственно, и необходима разработка стратегического плана. Стратегический план должен базироваться на таких принципах и иметь такое содержание, чтобы в полной мере использовать преимущества Новосибирска:

выгодное срединное географическое и геополитическое положение города, центральное положение в обширной сельскохозяйственной зоне, бурно развивающиеся транспортные коммуникации и средства связи;

высокий технологический уровень промышленности;

потенциал науки и научного обслуживания, прежде всего, в научно-исследовательских организациях Сибирских отделений Российской академии наук, Российской академии медицинских наук, Российской академии сельскохозяйственных наук, а также конструкторских и проектно-технологических организациях;

экономическую активность населения и значительную долю в нем высокообразованных и квалифицированных жителей;

развитый рынок труда;

мощный многопрофильный и многоуровневый образовательный комплекс;

творческие достижения в сфере художественной культуры и искусства, особенно музыкально-исполнительского, театрального, кинематографического;

развитие банковской системы и всевозможных финансовых институтов;

сложившуюся базу оптовой и розничной торговли;

функции центра Сибирского федерального округа с наличием важнейших федеральных административных структур;

градостроительный потенциал города.

Во втором и третьем разделах стратегического плана содержится обоснование выбора стратегических целей городского развития. В этих разделах дана идеологическая основа выбранных стратегий развития Новосибирска. Разрабатывая ее, программный комитет опирался на концептуальную платформу, включающую, во-первых, оценку и учет базовых ценностных установок городского общества, а также интересов основных групп населения, во-вторых, принципы устойчивого развития, в-третьих, оценку конкурентоспособности города в рыночных условиях. Здесь же дается общее представление об иерархической структуре построения системы стратегических целей.

В городское сообщество жителей Новосибирска объединяют *базовые ценности и общие интересы*. Поэтому разработка системы стратегий развития города началась именно с них. Было установлено, что систему базовых ценностей, лежащих в основе современной городской цивилизации, образуют такие ценности, как здоровье, безопасность, благосостояние, справедливость, воля и свобода. В реальной жизни эти ценности вплетены в систему всех социально-экономических механизмов, регулирующих поведение людей и формирующих их интересы, мотивы, устремления.

Выстроенная в стратегическом плане система базовых ценностей и ценностных установок городского общества в основных направлениях его жизнедеятельности позволила сформулировать *идеальный образ* будущего Новосибирска в представлении людей. Это город, «…обеспечивающий высокое качество жизни его жителям, город, где люди живут в комфортной и безопасной среде, с благоприятным микроклиматом (экологическим, экономическим, психологическим, духовным, интеллектуальным, информационным и т. д.), город, имеющий в России и мире привлекательный имидж, включенный в мирохозяйственный процесс мегаполис, занимающий центральное место в восточной части Российской Федерации, являющийся форпостом современной фундаментальной и прикладной науки, производителем наукоемкой продукции и услуг, мощнейшим транспортным товаропроводящим узлом, торговым и административным центром всего Зауралья, фокусирующим в себе богатую культуру и высокое искусство». Реализацию этой формулы можно считать целью Новосибирска на будущий период. В стратегическом плане поставлена задача культивировать этот образ в сознании как жителей города, так и всей России в контексте их базовых ценностей и ценностных установок, делая акцент на следующий аспект всех стратегических целей перспективного городского развития: «Будущий Новосибирск, прежде всего, должен стать городом для Человека».

Дифференцируя ценностные ориентации сообщества, программный комитет выделил ряд массовых групп населения, выявил основные интересы жизнедеятельности каждой из этих групп и оценил их значимость по методике анализа иерархий (предложенной Т. Саати), что дало возможность учесть эти интересы при определении относительной важности стратегических целей. Следует отметить, что оценка и учет ценностных установок и интересов групп населения является одной из изюминок стратегического плана развития Новосибирска. В других го-

родах, по крайней мере в явном виде, этого в стратегических документах нет, за исключением, пожалуй, стратегического плана устойчивого развития Ижевска, разработке которого предшествовало очень глубокое исследование мотивов экономического и общественного поведения населения.

Другой концептуальной основой выбора стратегических целей стали *принципы устойчивого развития*. Их представление выделено в отдельный 3-й раздел документа. Устойчивое развитие города обеспечивает населению безопасность и высокое качество жизни при сохранении природной среды, ресурсов и экологического равновесия всей экономической и общественной деятельности горожан. Принципы устойчивого развития в проекте стратегического плана были сформулированы в соответствии с известным программным документом «Повестка дня на 21 век», а также «Хартии городов Европы за устойчивое развитие», принятой в Ольборге в 1994 г. Как известно, эти принципы определяют сбалансированность экономики и экологии, экономической и социальной сфер, взятых в их человеческом измерении, решение сегодняшних задач с учетом интересов будущих поколений.

Хотя принципы устойчивого развития кажутся разумными и даже очевидными, они повсеместно нарушаются в городах, включая, к сожалению, и Новосибирск. Поэтому требуется постоянная работа, законодательная, административная, разъяснительная, воспитательная и т. д., чтобы привить горожанам идеи устойчивого развития.

Третий концептуальный кит, на котором зиждется проект стратегического развития Новосибирска, — это *анализ и оценка конкурентоспособности города*, выполненные в рамках направления, называемого маркетингом города. Маркетинговый подход к разработке стратегических планов городов давно уже развивается за рубежом, особенно в европейских странах. В последние годы он приобрел популярность и распространяется в российских городах. По маркетинговой технологии были определены сильные и слабые стороны социально-экономического положения Новосибирска, выявлены угрозы его устойчивому развитию, а также сформулированы стратегии, обеспечивающие усиление наиболее эффективных направлений развития города, снижающие влияние негативных факторов и блокирующие угрозы развитию. Это позволило подготовить и обосновать предложения по обеспечению роста привлекательности города на внешнем и внутреннем рынках, улучшению его стратегического положения за счет использования конкурентных преимуществ и возможностей новосибирских геополитических, производственных, технологических, научно-образовательных, презентационных (выставочных) и т. д. систем.

Для определения направлений достижения *генеральной цели* — «Стабильное улучшение качества жизни (повышение уровня жизненного потенциала) всех слоев населения Новосибирска в процессе устойчивого развития города» — использованы выявленные в процессе изучения ценностных установок сообщества ожидания новосибирцев по росту своего благосостояния в связи с развитием экономики, дальнейшему развитию в городе науки, культуры и системы образования, обеспече-

нию безопасной жизни и улучшению качества городской среды. В этих направлениях и выстроена иерархическая структура стратегических целей города.

Самым крупным, по существу основным, разделом проекта плана является *четвертый раздел*, где представлены главные стратегические цели и задачи, а также некоторые подходы к решению стратегических задач. Значимость (приоритетность) стратегических целей и задач оценивалась экспертами по методике анализа иерархий. Полученные оценки представляют собой коэффициенты относительной важности (или удельные веса) для каждой задачи, выраженные в долях единицы.

Первая стратегическая цель — «рост благосостояния жителей города». Она достигается посредством решения намеченных стратегических задач в направлениях сохранения и укрепления здоровья, высокой занятости и роста доходов населения, удовлетворения потребностей в жилье, продуктах питания, товарах и услугах, обеспечения роста образовательного и культурного уровней жителей, повышения устойчивости социальных процессов в городском сообществе.

Особо выделяется стратегическая задача удержания численности населения города на существующем уровне. В стратегическом плане предусмотрена разработка целевой демографической программы, в том числе по стимулированию рождаемости, улучшению здоровья горожан, снижению смертности, а также формирование качественного миграционного притока населения. Предусматривается сохранение численности постоянного населения города на уровне не менее 1 400 тысяч человек.

В сфере занятости и роста доходов населения выделены важные стратегические задачи формирования цивилизованного рынка труда, в том числе поддержки малого и среднего предпринимательства, развития системы социального партнерства, легализации теневых доходов. Поставлена стратегическая задача уменьшить разрыв между уровнем доходов богатых и бедных новосибирцев. Сегодня отношение совокупных доходов 10 % бедных к совокупным доходам 10 % богатых (это отношение называется децильным коэффициентом), по данным Областного комитета статистики, составляет 1:11, а по другим оценкам даже 1:13. Ставится задача резкого уменьшения децильного коэффициента, который к 2020 г. не должен превышать 1:7—1:8. Основой материального благополучия всего населения является достижение уровня доходов, который обеспечивал бы жителям рациональную структуру потребления товаров и услуг. В стратегическом плане предусматривается изменить ситуацию, когда большая доля заработков у основной массы населения тратится на продукты питания. При этом качество питания должно улучшаться.

Поставлены стратегические задачи обеспечения жилищных прав горожан на основе разграничения и защиты права собственности и различных форм имущественного найма жилья. Прогнозируется, что к 2015—2020 гг. обеспеченность жилыми помещениями будет 23—26 кв. м общей площади на душу населения при совершенствовании системы жилищно-коммунального обслуживания населения.

Важнейшими приоритетами в общей стратегии устойчивого развития Новосибирска являются формирование перспективной системы образования и воспитания молодежи, культурная и информационная политика. Концепция устойчивого развития подразумевает, что образование и интеллектуальный рост населения должны существенно повысить способности каждого человека к самообеспечению, расширить доступ к новым технологиям и культурным ценностям. Стратегическим планом предусматривается:

формирование единого образовательного пространства, обеспечивающего доступность полноценного современного образования для каждого новосибирца;

разработка программ перехода на принципы вариативного образования, ориентированного на разные группы и контингенты обучающихся;

совершенствование технологий обучения и воспитания, в первую очередь, классно-урочной формы;

активное использование компьютерных технологий, в том числе технологий Интернет;

поддержка работников образования, стимулирование прихода в общеобразовательные школы талантливых педагогов;

развитие на новом этапе системы профориентации;

изменение акцентов в системе профессиональной подготовки на всех уровнях (от начального до высшего), усиление наряду с узкой специализацией широкой подготовки специалистов, адекватной вхождению выпускников в систему рыночных отношений и развивающиеся рынки труда. Поставлены важные стратегические задачи совершенствования городской системы социализации детей, подростков и молодежи, приумножения культурных ценностей города и сохранения их для будущих поколений, воспитания у жителей всех возрастов любви к городу, патриотизма, снижения социального напряжения и повышения устойчивости социальных процессов.

Наиболее весомой стратегической целью является вторая, предусматривающая рост экономического потенциала в Новосибирске. Для достижения этой цели проектируется объединение усилий всех существующих в городе производственных, научных, финансовых, предпринимательских, управленческих и прочих структур. Ведущим фактором экономического роста определен постоянно увеличивающийся объем инвестиций, прежде всего частных, за счет создания в городе благоприятного инвестиционного климата. Важная роль в этом отводится муниципальной политике, направленной на увеличение доли эффективных производств и доходов горожан посредством формирования механизмов положительной обратной связи: роста платежеспособного спроса населения, производства, оплаты труда и дохода, которые повышают платежеспособный спрос.

Намечается расширение производства продукции для государственных и муниципальных нужд. Как одна из самых приоритетных выделена задача обеспечения в Новосибирске активного баланса ввоза и вывоза товаров и услуг, в том числе увеличения экспорта наукоемкой продукции, производства продукции для топливно-энергетического комплекса, прежде всего Сибири и Дальнего Востока. При

осуществлении в последние годы активной муниципальной промышленной политики удалось серьезно продвинуться в решении этой задачи. В 2002 г. при общем росте объема производства в городе впервые за многие годы вывоз новосибирской продукции превысил ввоз, причем на довольно внушительную сумму. В дальнейшем планируется постоянно удерживать положительное для города сальдо ввоза-вывоза продукции, увеличивая при этом долю ее экспорта.

В этом же направлении в проекте стратегического плана предусматривается развитие системы платной профессиональной подготовки кадров для других российских регионов и зарубежных стран, рост объемов платных медицинских услуг для иногородних граждан, создание и быстрое развитие системы въездного и транзитного туризма. В рамках данного направления намечается совершенствование финансовой системы города и повышение доступности финансовых ресурсов, развитие механизмов привлечения средств населения.

Третья стратегическая цель — «Рост образовательного, научного, культурного и духовного потенциала». В стратегическом плане она связывается с формированием и развитием в городе системы непрерывного образования, о которой уже шла речь, с развитием фундаментальной и прикладной науки, развитием города как центра культуры, интегрированием Новосибирска в мировое информационное общество, развитием региональных, межрегиональных и международных связей в этих направлениях.

За последние годы в функционировании ННЦ СО РАН, СО РАМН, СО РАСХН возник ряд проблем, решить которые еще не удалось. Это относительное сокращение финансирования науки, ветшание и разрушение инженерной и социальной инфраструктуры, старение и замедленное развитие исследовательской базы, потеря квалифицированных исследовательских кадров, разрушение системы устойчивого воспроизводства кадров высшей квалификации для науки, потеря отдельных перспективных направлений научных исследований. Схожие проблемы существуют и в развитии высшей школы, которая наряду с проблемой финансирования и ветшания материальной базы столкнулась с последствиями глубоких структурных перекосов в экономике страны как основного потребителя кадров высокой квалификации.

Крупные промышленные предприятия столкнулись с проблемой «рынкобоязни», т. е. незнанием текущих потребностей рынка, неумением прогнозировать изменения рыночной ситуации. Но самая сложная проблема заключается в отсутствии системы постоянной подпитки предприятий инновационными продуктами и разработками, дефиците коммуникационных контактов и связи с научными и ВТ-организациями. Малые инновационные предприятия, составляющие серьезный производственный потенциал города, сегодня в подавляющем большинстве имеют три серьезные проблемы: отсутствие собственной производственной базы и возможности ее развивать, отсутствие технологических возможностей изготовлять демонстрационный образец (прототип) своих разработок, отсутствие целостной системы поддержки развития.

Несмотря на потери в период реформ Новосибирск имеет высокий научно-технологический и кадровый потенциал. Академическая и отраслевая наука располагает большим опытом разработки серьезных тем и получения научных результатов на современном уровне. Поэтому естественным и приоритетным направлением устойчивого развития города в проекте стратегического плана стала ориентация на широкое использование наукоемких технологий в производстве товаров и услуг, а также производство и рыночную реализацию научных знаний. Предусматривается систематически проводить целенаправленную городскую политику, ориентированную на поддержку научных школ, работающих в актуальных фундаментальной и прикладной науках, индивидуальную поддержку ученых и специалистов, и особенно молодых исследователей и разработчиков. Учитывается необходимость концентрирования усилий на проблемных направлениях, способных стать основой для технологических прорывов, создания условий для доведения получаемых научных результатов до полезного использования, прежде всего, в Новосибирске, укрепления экспериментальной базы научных организаций, развития всех сфер научных коммуникаций и связанной с ними инфраструктуры. Одной из наиболее приоритетных и престижных стратегических задач этого раздела является разработка и реализация программы создания территории научно-технического развития — технополиса «Новосибирск», ядром которого станет Академгородок, где поэтапно будет создаваться особая инновационная зона. На первых этапах в течение трех-четырех лет предполагается сформировать инфраструктуру, создать инкубатор наукоемких фирм и механизмы финансирования, включая бюджетные источники и средства инвесторов, а затем наладить инновационный процесс, работающий по полному циклу от научной идеи до производства и продажи наукоемкой продукции.

Стратегическая задача развития Новосибирска как культурного центра поставлена в проекте документа более широко, нежели просто развитие отрасли культуры. Рассмотрены механизмы формирования культуры, представлен культурный потенциал города. Сформулированы цели роста культурного потенциала в сферах трудовой, технологической, экономической, организационной, сервисной, экологической, правовой и художественной культуры.

Образ жизни населения города в наступившем веке определяется в большой степени информационными факторами, мир, и Россия в том числе, ориентирован на переход к единому информационному сообществу. В связи с этим в проекте стратегического плана устойчивого развития города предусмотрена разработка программ, направленных на создание и поддержание рынка информационных услуг, отвечающих современным требованиям информационной цивилизации, а также на развитие информационных систем для удовлетворения информационных потребностей горожан, хозяйствующих субъектов и властных структур, в том числе на основе Интернета.

Устойчивый рост научно-технологического, культурно-образовательного и духовного потенциала городского сообщества во многом определяется степенью его включенности в региональные, национальные и мировые процессы прогрессив-

ного развития. Престиж Новосибирска в представлениях различных деятелей субъектов Российской Федерации, СНГ, многих стран и международных организаций достаточно высок, и его сохранение должно стать одной из важнейших стратегий. В проекте документа содержится ряд задач стратегического плана, решение которых даст возможность постоянно развивать региональные, межрегиональные и международные научные, культурные и информационно-образовательные связи города.

Четвертая стратегическая цель — «обеспечение безопасной жизни в городе». Она определена в проекте стратегического плана блоками задач обеспечения, во-первых, общественной безопасности и правопорядка, во-вторых, охраны здоровья населения, в-третьих, продовольственной безопасности, в-четвертых, снижения опасности техногенных и природных катастроф, в-пятых, энергетической безопасности, в-шестых, экологической безопасности и охраны окружающей среды.

Для обеспечения общественной безопасности и правопорядка требуется жесткий контроль над криминальной ситуацией, усиление борьбы с преступностью, проведение постоянной работы по профилактике правонарушений, прежде всего, в молодежной среде. В этих направлениях намечены общие меры улучшения работы правоохранительных органов, общественных организаций, муниципалитета. Особо рассмотрены меры борьбы с экономическими преступлениями в теневой сфере. Намечены задачи: пропагандировать опыт советского периода по воспитанию подрастающего поколения, создавать в городе детские и молодежные объединения, целью которых должно стать прививание идей патриотизма, гуманизма, высокой морали, борьбы против нарушений нравственности и правопорядка. Одновременно предлагается мобилизовать общественные организации города для оказания всеми законными методами давления на средства массовой информации, прежде всего каналы телевидения, показывающие акты насилия, жестокости, распущенности и т. п.

В направлении улучшения охраны здоровья населения проект стратегического плана ориентирует городское сообщество на так называемую «позитивную концепцию здоровья», предложенную Всемирной организацией здравоохранения. В соответствии с этой установкой выделены следующие основные стратегические задачи совершенствования системы сохранения и укрепления здоровья жителей города:

разработка идеологии и реализация программ здорового образа жизни в Новосибирске;

создание условий для всемерного развития физической культуры и спорта;

проведение социальной политики по оптимизации санитарно-гигиенического и эпидемиологического благополучия городской среды;

создание адекватной системы воспроизводства здоровья новых поколений новосибирцев, материальной и социальной поддержки молодых семей;

противодействие росту численности заболеваний социального характера;

организация охраны здоровья жителей города, создание необходимых условий для удовлетворения потребности горожан и учреждений здравоохранения в лекар-

ственных средствах, развитие системы страхования здоровья и медико-профилактической помощи;

совершенствование организации медицинской помощи и обслуживания лиц пожилого возраста с развитием геронтологической службы;

совершенствование подготовки медицинских кадров на всех уровнях и по всем аспектам;

создание высоких медицинских технологий, прежде всего импортозамещающих;

медико-социальная экспертиза планов, проектов, программ, включая и программы по реализации стратегического плана устойчивого развития Новосибирска.

Важнейшей составной частью стратегического плана устойчивого развития города является программа «Здоровый город». В последние 10—15 лет подобные проекты разрабатываются во многих странах. Направленность таких программ может быть связана с решением различных проблем городского сообщества: формированием безопасной и благоприятной окружающей среды, достойного уровня и качества жизни населения, созданием эффективной системы здравоохранения и т. д.

Город представляет собой динамическую систему, в которой развитие населения, замену поколений необходимо рассматривать в виде потока в социальном пространстве. При этом формирующийся поток поколений людей проходит через три основные компоненты этого пространства: социально-трудовую, социально-культурную и социально-экологическую. В зависимости от их приоритета, доминирования в тот или иной период определяются стратегия города, ее составляющие и действия всех подсистем жизнеобеспечения. Стратегия программы «Здоровый город» построена на основе анализа процессов взаимодействия с окружающей средой, уклада и образа жизни населения, и нацелена на сбалансированность трех главных подсистем города население — среда — ресурсы, рассматривая каждую из составляющих дифференцированно. Программа ориентирована на такие базовые ценности городского сообщества, как семья и здоровье новых поколений, здоровый образ жизни и безопасность (социальная компонента), здоровье и окружающая среда (экологическая компонента), сохранение и развитие человеческого капитала (экономическая компонента). Главной целью программы «Здоровый город» является повышение качества и продолжительности жизни населения с развитием здоровья новых поколений путем объединения усилий всех подсистем жизнеобеспечения города. При этом важнейшими критериями программы следует признать показатели воспроизводства и потерь здоровья населения в результате заболеваемости и смертности (включая формирование и использование жизненного, трудового и репродуктивного потенциала), продолжительность жизни поколений.

Стратегическая задача обеспечения продовольственной безопасности города требует устойчивой системы поставок в город продуктов и сырья для перерабатывающей промышленности в необходимых объемах, создание страховых запасов по всем видам продовольственного обеспечения, а также систематического кон-

троля качества и безопасности для населения реализуемых продовольственных товаров. Наполнение продовольственного рынка города осуществляется главным образом за счет сельских районов области. Такие продукты как, к примеру, сахар, соль, фрукты и др., область и город ввозят из других регионов. Поступают на рынок Новосибирска и импортные продовольственные товары. В настоящее время город полностью обеспечен основными социально значимыми видами продовольствия, чтобы удовлетворить спрос на них. Вместе с тем требует совершенствования система контроля качества продовольственных продуктов, особенно животного происхождения. Некоторые пищевые продукты попадают в город неконтролируемым путем и, будучи недостаточно качественными, могут попасть к потребителям. Есть случаи, когда скоропортящиеся продукты хранятся на базах, не имеющих в достаточном количестве нужного холодильного оборудования. На некоторых торговых предприятиях отсутствуют квалифицированные товароведы, призванные следить за качеством товара. В проекте предложен ряд мер, позволяющих повысить надежность обеспечения безопасности системы продовольственного обеспечения.

Важнейшим аспектом системы безопасности в городе является организация защиты от природных и техногенных катастроф. Новосибирск относится к городам со средней степенью техногенной опасности и относительным благополучием в отношении природных катастроф. Но и у нас бывают серьезные аварии, например, взрыв бытового газа в доме на ул. Степная в 2000 г., повлекший человеческие жертвы. Случаются в Новосибирске ураганные ветры с порывами до 40 м/с, пыльные бури летом, а зимой, хотя в последние годы и в редких случаях, очень сильные морозы — до 45 °С и ниже. К сожалению, в городе нередко возникают резкие перепады атмосферного давления, отрицательно влияющие на здоровье чувствительных к этому людей. Наконец, в окрестностях города бывают лесные и торфяные пожары. В проекте документа предлагаются меры, в основном организационного характера, направленные на профилактику чрезвычайных ситуаций и оперативную организацию защиты населения в случае неожиданного их возникновения.

Большое внимание в проекте уделено стратегиям обеспечения энергетической безопасности города. После тщательного анализа угроз энергобезопасности Новосибирска программным комитетом названы основные направления развития топливно-энергетического комплекса города до 2020 г. В основу предложений при этом положено решение стратегической задачи по сохранению достигнутого уровня и коренному совершенствованию системы энергообеспечения города в условиях реформирования РАО «ЕЭС России», усиления рыночной конкуренции и становления новых экономических отношений в связи с проводимой государством политикой и начавшейся интеграцией страны в глобальные процессы мирового экономического и научно-технологического развития.

Необходимость разработки специальной *подпрограммы* по энергообеспечению города на период до 2010 г. и перспективу до 2020 г. вызвана рядом обстоятельств. Последняя схема теплоснабжения города Новосибирска, разработанная

в середине 1970-х годов, согласованная Госпланом СССР, закончила свое действие в 1990 г. В то же время в экономике страны и, в частности, в теплоэнергетике произошли радикальные изменения, которые оказывают существенное влияние на развитие энергообеспечения города:

прекращение централизованных инвестиций в развитие энергообеспечения города (по этой причине «заморожено» строительство ТЭЦ-6);

снижение электрических и тепловых нагрузок предприятий, особенно ВПК;

существенное увеличение тарифов на электроэнергию и теплоэнергию, что побудило некоторых потребителей обзавестись своими энергоисточниками;

увеличение дисбаланса в некоторых районах города между мощностью энергоисточников и потребностью (например, ТЭЦ-4 крайне перегружена, а ТЭЦ-5 имеет большой резерв тепловой мощности);

снижение надежности энергообеспечения, особенно тепловой энергией, по причине старения основных фондов ТЭЦ, котельных и изношенности тепловых сетей.

Цель работы — определить оптимальные пути развития систем теплоснабжения города на период до 2010 г., 2015 г. и перспективу 2020 г., с выделением этапа до 2005 г. на основе технико-экономических расчетов и использования научно-технических достижений в производстве, транспорте и при потреблении тепловой энергии. Необходимо дать конкретные предложения по рекомендуемому варианту теплоснабжения города по развитию тепло- и электроисточников, тепловых сетей всех форм собственности, обеспечивающих ликвидацию дефицита тепла существующих потребителей и покрытие тепловых нагрузок новых потребителей, оценить возможные варианты топливоснабжения города.

Основными критериями оценки рекомендуемого варианта развития систем теплообеспечения должны быть эффективность, надежность, высокое качество теплоснабжения, минимальное воздействие на окружающую среду, управляемость и максимальное использование мероприятий по энергосбережению. Наибольшее внимание должно быть уделено обеспечению надежности и качеству централизованного теплоснабжения города, особенно населения, проживающего в многоквартирных домах, как одной из главных основ жизнедеятельности и здоровья людей в условиях холодного сибирского климата.

Одна из актуальнейших и сложных проблем в этом разделе — обеспечение экологической безопасности и охраны окружающей среды. Это связано, прежде всего, с характером современного технологического и социально-экономического развития города, которое способствует росту экологических рисков, т. е. ведет к загрязнению окружающей среды и негативно влияет на здоровье всего населения. Ранее на протяжении почти всего времени существования города экологические риски в процессе градообразования практически не учитывались. В результате вредные для здоровья людей промышленные предприятия оказались расположенными в центральной части города, занимая при этом ценнейшие городские земли. Недостаточные контроль и регулирование состояния природно-техногенной среды города предопределили относительно высокий уровень ее загрязненности. В проекте рассмотрено состояние защиты воздушного бассейна и водных

ресурсов города, защиты почв и территории от мусора и отходов, защиты от шумовых и электромагнитных загрязнений, сформулированы конкретные задачи по кардинальному улучшению экологической ситуации.

Одной из серьезнейших проблем города является загрязнение атмосферного воздуха автотранспортом, суммарная доля которого в валовом выбросе составляет 74 %. Необходимы градостроительные мероприятия для решения обозначенной проблемы.

Актуальной остается проблема удаления, размещения и обезвреживания городских отходов. Отсутствуют система раздельного сбора, мусороперерабатывающие заводы, ни один полигон депонирования отходов не удовлетворяет современным требованиям. Все это в конечном счете ведет к увеличению объемов отходов и размеров занимаемой ими территории, а также негативно сказывается на санитарной безопасности населения.

Особо отмечен недостаточный уровень экологической культуры многих жителей, и в этой связи указана необходимость кардинального решения задачи воспитания населения в области охраны природы и природопользования. Муниципалитету предписано осуществить переход от планового снижения отдельных показателей загрязнений и контроля исполнения природоохранных мероприятий к управлению состоянием окружающей среды и среды обитания с использованием информационно-аналитических систем социального, экономического, экологического и гигиенического мониторинга. Для этого необходимо составить экологические карты Новосибирска по всем экосредам.

Важнейшими факторами, определяющими экологическую обстановку в Новосибирске, являются недостаточно системное размещение зеленых насаждений, их структурное несовершенство, низкая обеспеченность населения озелененными территориями, бедность дендрологического ассортимента. Хотя общая площадь всех насаждений, включая лесные участки в черте города, составляет 16,2 тыс. га (около 34 % от всей городской территории), обеспеченность новосибирцев зелеными насаждениями составляет 9,2 $м^2$/чел. (при нормативной величине — 27 $м^2$/чел.). Более половины районов города, особенно Центральный и Железнодорожный, обеспечено зелеными насаждениями в 6—7 раз и более ниже норматива. Причем в этих районах до сих пор имеет место негативная тенденция необоснованной вырубки деревьев. В последнее время пришлось принимать серьезные меры по решению этих вопросов. В проекте стратегического плана в данном направлении поставлена задача целенаправленного формирования экологической инфраструктуры города на основе зеленых насаждений и акватории. К ее решению мы приступаем уже сегодня.

Пятая стратегическая цель — «улучшение качества городской среды». Достижение ее предусматривается за счет решения стратегических задач развития территории и улучшения архитектурного облика города, роста и улучшения жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры, развития дорожной сети города, городского и пригородного транспорта. Основой решения этих задач является генеральный план развития Новосибирска. В генеральном плане прорабатывают-

ся планировки будущего города, главным образом, в пределах существующей городской черты на исторически сложившемся городском каркасе. При этом намечаются зоны перспективного развития, прежде всего, инвестиционно привлекательные, а также особо ценные, «заповедные зоны», резервируемые для дальнейшего освоения. Предусматривается комплексная реконструкция центра города с активной подземной урбанистикой, возведением зданий и сооружений многофункционального назначения, модернизацией кварталов жилой застройки.

Застройка города будет тесно связана с его водно-зеленым диаметром — Обью. Сохранение и развитие набережных реки, защита их от нефункционального использования — один из главных принципов, закладываемых в систему формирования пространственной среды города. При этом до 2020 г. должны быть осуществлены следующие мероприятия: застройка и благоустройство набережной от железнодорожного моста до гостиницы «Обь», жилого района «Береговой», жилого района «Прибрежный», левого берега Оби в районе коммунального моста, долины речки Каменки в районе Октябрьской магистрали и улицы Фрунзе, долины речки Ельцовки, организация «выхода» к Оби Заельцовского парка.

В стратегический план в соответствии с выбранными стратегиями развития города закладываются также условия рационального расселения населения, решения проблем роста и улучшения жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры, создания новых и реконструкции существующих общественных, культурных и деловых центров, сохранения историко-архитектурного и градостроительного наследия.

Основной целью стратегии в отношении реализации жилищной политики является комплексное решение проблемы перехода к устойчивому функционированию и развитию жилищной сферы, обеспечивающей доступность жилья для граждан, безопасные и комфортные условия проживания в нем. Подпрограмма реконструкции и модернизации жилищного фонда города является долгосрочной программой до 2020 г. Она учитывает существующую практику по реконструкции и модернизации жилищного фонда в странах Западной Европы в послевоенный период, материалы, использованные при подготовке программы Госстроя Российской Федерации по реконструкции жилищного фонда в 1980-е годы, но не получившей широкой реализации, практику реконструкции жилищного фонда в отдельных городах России: Москве, Екатеринбурге, Челябинске. Подпрограмма реконструкции и модернизации жилищного фонда города до 2020 г. переносит направление в развитии города с преимущественно нового строительства жилья на его обновление методом реконструкции. Комплексность и вариантность подхода должны определяться тем, что известные мероприятия (капитальный ремонт, модернизация, реконструкция и снос) рассматриваются как равновозможные и преследующие одну цель — преобразование и уплотнение жилой застройки устаревшего жилищного фонда с его социальной и инженерной инфраструктурой с учетом градостроительной ситуации. На первом этапе решения этой проблемы необходима разработка градостроительной концепции преобразования жилищного фонда с выделением кварталов и микрорайонов жилой застройки ветхих домов

первых массовых серий, с их классификацией по способам реконструкции, а также выявлением последовательности и очередности реконструкции всего жилищного фонда Новосибирска. На основании этой концепции разрабатывается раздел генерального плана реконструкции городской застройки с детальной планировкой жилых районов и перспективными эскизными проектами их развития, в том числе посредством вторичной застройки.

Раздел стратегического плана реконструкции городской застройки и вторичной застройки жилых территорий необходимо разрабатывать с учетом предпроектных натурных исследований состояния жилищного фонда города и застройки территорий, социально-демографической ситуации, санитарно-экологической ситуации, ландшафтного, историко-культурного, природного своеобразия города Новосибирска и районов реконструкции. Необходимо осуществлять техническую инвентаризацию основных фондов с учетом их физического износа. Первый этап реконструкции (2004—2010 гг.) характеризуется как ликвидация ветхого жилищного фонда и начало реконструкции жилых домов первых массовых серий. Второй этап реконструкции (2010—2020 гг.) — комплексная реконструкция кварталов и микрорайонов жилых домов первых массовых серий.

Особое значение для Новосибирска имеет стратегическая задача развития дорожной сети города, городского и пригородного транспорта. Все предыдущие десятилетия город развивался, исходя из условия, что главная роль в перевозке пассажиров будет принадлежать городскому общественному транспорту — надземному и подземному. Однако, на этапе становления рыночных отношений в структуре городского транспорта произошли существенные изменения — более чем в 3,5 раза возросло число индивидуальных автомобилей, а парк общественного транспорта сократился в 1,5 раза. Одновременно в существенной степени выросло число частных пассажирских автомобилей малой вместимости, которые стали успешно конкурировать с муниципальным общественным транспортом. Значительно увеличилась численность транзитного транспорта, чему способствовало завершение строительства магистральной автотрассы Новосибирск—Омск в 1998 г. Заметно снизились сезонные колебания в использовании индивидуального транспорта. Все это вызвало значительный рост интенсивности движения на городских магистралях и повысило требования к улично-дорожной сети города, методам организации движения транспорта и пешеходов.

Неприспособленность большинства магистралей города к значительному росту числа индивидуальных автомобилей уже привела к заметному снижению скорости движения и частому возникновению «пробок» на основных магистралях. Отсутствие специальных автостоянок вызвало загромождение автомобилями дорог и пешеходных дорожек, повреждение газонов, рост числа дорожно-транспортных происшествий. Малое количество магистралей в городе и отсутствие дублирующих магистралей по основным направлениям вынуждают пропускать интенсивные потоки транспорта по немагистральным улицам. В результате происходит ухудшение общего экологического состояния жилых зон, загрязнение атмосферы,

повышенный уровень шума. Одновременно увеличилась интенсивность износа городских дорог.

В проекте стратегического плана заложено развитие транспортной сети в рамках концепции Новосибирского мультимодального транспортного узла и с учетом влияния строящегося федерального северного объезда города. Предусматривается строительство перспективных и дополнительных дублирующих магистралей, обеспечивающих увеличение пропускной способности для внутригородского транспорта, создание системы путепроводов, развязок, светофорных и регулирующих систем, пешеходных переходов, как подземных, так и надземных. Важную роль должна сыграть железная дорога, которая при своей разветвленности в границах города и возможности закольцовывания с восточной стороны городской застройки (Инская—станция Мочище) в связке с метрополитеном могла бы обеспечить город надежным скоростным пассажирским транспортом. Намечено также строительство третьего в городской черте моста через реку Обь. Получит дальнейшее развитие метро.

В последнем, *пятом*, разделе стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска определяются роль и место в его реализации муниципалитета и самодеятельного населения. *Здесь выделен основной стратегический императив современной муниципальной политики — развитие гражданского общества.*

Гражданское общество возникает из самостоятельности гражданских институтов, образованных самими гражданами. Ценностными основами гражданского общества, как известно, являются индивидуальная вера каждого человека в собственные возможности, индивидуальное понимание собственной миссии, ответственности своей профессии. Гражданское общество отрицает социальное иждивенчество, требует личной активности от своих членов. С другой стороны, для становления и развития гражданского общества необходима и высокая ответственность со стороны власти. Поэтому и от муниципалитета требуется четкая программа взаимодействия с городским сообществом и отдельными жителями нашего города.

В проекте стратегического плана указаны основные пути повышения гражданской активности и общественного согласия. Важнейшими программами в данном направлении являются развитие территориального общественного самоуправления (ТОС) и социального партнерства, которые осуществляются в Новосибирске.

В последнем разделе проекта указаны также и основные инструменты реализации стратегического плана. Это разработка и исполнение комплексных целевых программ, реализующих решение стратегических задач перспективного развития Новосибирска, и составление годовых текущих планов социально-экономического развития. Представлен перечень намеченных к разработке комплексных целевых программ в направлениях промышленного и сервисного развития города. Разработка этих программ в настоящее время проводится в мэрии вновь на принципах общественно-муниципального партнерства.

Завершается проект итоговой формулировки основных ориентиров и ожидаемых результатов реализации стратегического плана.

Глава 15. Проблемы и пути развития сибирских академгородков в новых условиях

15.1. Новосибирский научный центр эпохи Лаврентьева: прорыв в новую коммуникационную среду. Институциональные инновации основателей СО АН СССР

Анализ таких больших образований, как Новосибирский научный центр (ННЦ) в переходный период, должен предполагать выявление естественных для данного сообщества механизмов самоорганизации, имеющих эволюционный характер. Такое видение, в свою очередь, возможно на основе ретроспективного подхода, ориентированного на выявление траектории, по которой развивается научное сообщество как целостная система в контексте эволюции мировой науки. На основе этого анализа должно осуществляться выявление той естественно-культурной предрасположенности научного сообщества ННЦ, которая определяет его способность к развитию в переходном обществе. Выявление факторов, обеспечивающих реализацию этой предрасположенности, позволяет составить представление о возможных перспективных путях развития научного сообщества. В этой связи очень важно проанализировать, прежде всего, опыт институциональных инноваций, накопленный ННЦ, как средство преодоления сложившегося к моменту образования СО АН СССР кризиса советской науки.

Ученые, приехавшие в Сибирь вслед за основателями Сибирского отделения, не просто «убежали» от застойных процессов, сложившихся к тому времени в традиционных центрах науки (Москве, Ленинграде, Киеве), они мечтали о такой организации науки, в которой в полной мере могло реализоваться их стремление к свободному творчеству. Организационный гений основателя Сибирского отделения РАН М.А. Лаврентьева, как представляется, состоял именно в том, что он предложил механизмы и способы новой организации науки. Это становится очевидным, когда мы обращаемся к анализу тех институциональных инноваций, которые были использованы основателями СО АН СССР при его создании.

Всякое достаточно крупное сообщество может быть представлено состоящим как бы из двух институтов: института формального (это правовая база, организационные формы) и института неформального, что в экономической литературе называется «рутина». Это некоторые стереотипы, нормы, модели поведения и общения людей, в данном случае ученых. Качественное изменение того или иного сообщества как социального института предполагает введение в него как на формальном, так и на неформальном уровне определенных институциональных инноваций, обеспечивающих эти изменения. На рис. 15.1 представлены институциональные инновации, использованные при создании Сибирского отделения. Это знаменитые три принципа — «треугольник Лаврентьева». Сибирское отделение АН СССР образовалось как форма сознательного воплощения интеграционных тенденций в науке, когда во главу угла ставились междисциплинарные исследования. С самого начала это было научное сообщество, в котором целенаправленно

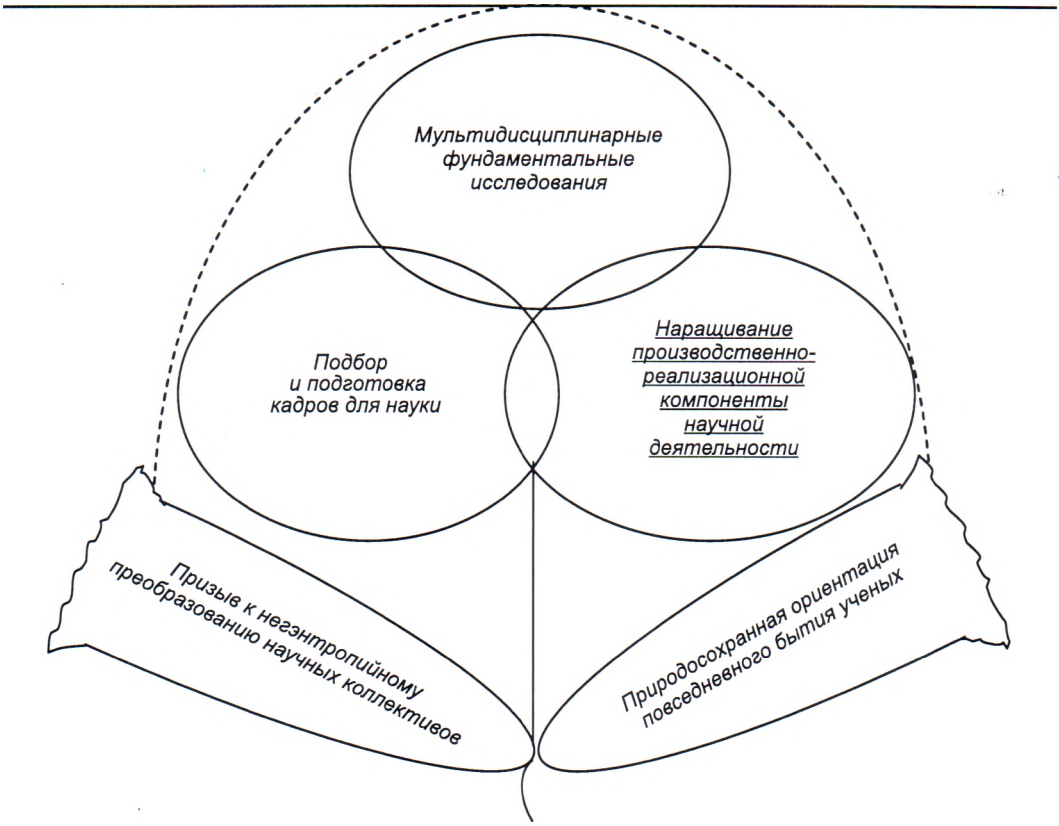

Рис. 15.1 Букет принципов Сибирского отделения АН СССР.

культивировалась, глубоко продумывалась и инструментировалась подготовка научных кадров, опиравшаяся на интеграцию образования и науки. Наконец, при создании СО АН СССР закладывались также механизмы, обеспечивающие движение от абстрактных идей до опытных разработок и внедрения их в практику.

Отцы-основатели предъявили формирующемуся научному сообществу новую «рутину», т. е. новые модели, новые способы взаимоотношения, общения и стереотипы поведения, а также новую философию управления. Необходимо отметить такой феномен, как *«Дух Лаврентьева» (новые модели общения и управления)*:

демократизм в общении: маститый ученый — начинающий экспериментатор;

особенное отношение к молодежи, способность учиться у молодежи умению удивляться обыденным вещам;

индивидуальный подход к своим ученикам и сотрудникам, стремление к организации сотрудников и умение ждать от них отдачи;

умение выбрать способ постановки задач, в котором вполне проявляются самостоятельность, инициатива и ответственность самого ученика;

стимулирование и поддержка инициативы: «Искусство руководителя состоит не в том, чтобы отдавать приказания, а в том, чтобы помочь подчиненным развить свою инициативу» (М.А. Лаврентьев);

стремление не допускать застоя научных коллективов. «Для роста нового всегда необходимо отсечь что-то старое, таковы законы диалектики. Живому нужен не только вдох, но и выдох. Поэтому оправдывают себя перестройки, сокращения, формирование новых коллективов, передача отдельных исследовательских групп в родственные институты или в промышленность — туда, где они будут приносить больше пользы» (М.А. Лаврентьев). Этот принцип можно сформулировать как негэнтропийное преобразование научных коллективов;

постоянное экспериментирование, направленное на повышение эффективности, на поиск организационных форм, опирающихся на инициативу, и поэтому обеспечивающих наибольший энтузиазм и отдачу сотрудников. «Мне представляется, что по-настоящему государственный подход состоит как раз в гибкости формы работы, в сознательном проведении социальных экспериментов» (М.А. Лаврентьев).

М.А. Лаврентьев неоднократно акцентировал внимание на осмыслении и организации механизмов, позволяющих преодолевать инерциальную среду, захватившую традиционные научные центры, в которой накапливаются энтропийные процессы, обусловливая мумификацию, стагнацию и распад научных коллективов. В этой связи М.А. Лаврентьев писал: «Надо не только открывать лаборатории и набирать людей, но и смелее закрывать их, отпускать людей на педагогическую работу, на производство. Бывает, что в академическом институте двадцать отделов и только три хорошие лаборатории. Академические институты должны время от времени не только расширяться, но и сжиматься»[1]. Как представляется, здесь имплицитно если не сформулирован, то интуитивно «схвачен» четвертый (и может быть самый важный и основной) принцип Сибирского отделения. Этот принцип можно сформулировать как «негэнтропийное преобразование кадрового ядра регионального научного потенциала»[2]. Он обосновывает необходимость регулярного высвобождения источников творческой энергии и материальных ресурсов из-под «обломков» «мумифицированных» внутренне распадающихся научных коллективов.

По сути дела, основатели СО АН СССР и, прежде всего М.А. Лаврентьев, в Сибирском отделении создали феномен, который можно представить как оазис такого негэнтропийного преобразования кадрового ядра, который существовал, «держался» на основе реализуемой им лично и его ближайшими сподвижниками системе ценностей и норм коллективной научной деятельности. Причем в период становления, в первую очередь, сами основатели сибирской науки действительно были ядрами процессов самоорганизации научного сообщества, признаком которых является их инициативный, самопроизвольный спонтанный характер как основание негэнтропийных преобразований.

Однако само по себе наличие и предъявление формирующемуся научному сообществу альтернативных принципов, образцов и норм общения едва ли бы обеспечивало столь быстрое формирование неформальных институциональных образований, новой системы отношений в науке. Важным условием являлось также и то, что институциональное строительство Отделения происходило на основе

потенциала институциональных инноваций, заключенного в массовом инициативном движении ученых. Вообще говоря, массовые движения постоянно возникали, причем в разных сферах жизни советского общества и в разных социальных институтах, в последнем случае они были направлены на решение существовавших в них проблем. Они имели два вектора. Первый был связан с искренним стремлением массы людей включиться в намечаемые «сверху» преобразования. В процессе своего развития в качестве реакции на бюрократизацию и субординацию отношений в обществе в них появлялся второй вектор — инициативы, ориентированный на преодоление конкретных бюрократических препон, стесняющих, задерживающих развитие подобных инициатив.

Формирование массовой инициативы ученых при создании СО АН СССР обусловливалось, во-первых, его масштабом, а также стремлением его организаторов увеличить поле социальной свободы ученых, возможного выбора социальных форм, стремлением к социальному эксперименту: во-вторых, формирующееся научное сообщество еще не имело своих регулятивных институциональных форм, поэтому существовали исключительные условия для свободного нормотворчества как отдельных групп, так и отдельных ученых, в-третьих, востребованностью низовой инициации, когда ученые чувствуют, осознают, используют силу научного сообщества для самореализации, осознают свою принадлежность к этому сообществу, ставящему далеко идущие цели и предлагающему ученому необходимые для этого средства.

Нельзя не обратить внимания и еще на один момент, который также имел принципиальное значение в деятельности основателей, — это территориальная организация Сибирского отделения. Институты строились вдоль одного проспекта в непосредственной близости друг от друга, что позволяло наиболее эффективно использовать производственную инфраструктуру. В непосредственной близости от зоны институтов создавалась жилая зона с ее микрорайонной планировкой и встроенными объектами соцкультбыта. Все это обеспечивалось автономной, независимой от города и представляющей неотъемлемый элемент комплекса системой жизнеобеспечения (тепловые станции, системы электро-, водо- и теплоснабжения и т. д.). Весь этот комплекс находился, как тогда говорили, «в одних руках», что позволяло маневрировать ресурсами в интересах решения главных задач научного центра. Над материально-технической системой «возвышалась» система организации деятельности научных коллективов, которая также организовывалась как единый комплекс. Наконец, все это обеспечивалось системой отношений в сфере культуры, досуга и повседневной жизни, в которую также проникали принципы комплексности, в том числе и ориентированные на оптимизацию внутринаучных и междисциплинарных контактов ученых.

Создавая Сибирское отделение для нужд Сибири, основатели разворачивали его филиалы в наиболее значимых точках Сибири, ориентируя их на создание фундаментальных основ научных технологий освоения ресурсов сибирского края, с учетом их территориальной специфики. В своей книге «Прирастать будет Сибирью», посвященной рассказу, как он сам пишет, «не об успехах, а о тех путях,

которыми мы к ним пришли», о специфике Сибири, М.А. Лаврентьев посвящает этому целую главу, которую называет «Задачи ставит Сибирь». Он пишет об огромных богатствах Сибири, о необходимости «технического перевооружения Севера», о новых организационных способах освоения Сибири. О необходимости охраны сибирской природы. Таким образом, с самого начала Сибирское отделение было ориентировано на поиск природосберегающих технологий, освоение Сибири. При этом сибирские академгородки задумывались и развивались как целостные территориальные образования, гармонично вписанные в окружающую природу. Известно, какие неудобства испытывали строители сибирских академгородков в связи с запретом вырубки прилегающих к строящимся домам деревьям. Но запрет неукоснительно выполнялся. И хотя «вписанность» в природу академических городков нигде специально не фиксируется как принципиально важная основа, в частности, для формирования экологического сознания ученых, а следовательно, и для природоохранной ориентации их деятельности, тем не менее, на практике в «век Лаврентьева» в Академгородке действительно существовало в качестве регулятивного момента в поведении людей нетерпимое отношение к тем, кто разрушал гармонию во взаимоотношении с окружающей природой. По сути дела мы можем говорить о пятом принципе организации сибирской науки, регламентирующем поведение ученых в проникающей в наукоград природе, который нигде не декларировался как принцип, тем не менее, имел существенное значение в повседневном бытии. О важной роли уникальных природных условий Академгородка для формирования духовного микроклимата первопроходцев сибирской науки сказано многое.

Таким образом, систему принципов сибирской науки «века Лаврентьева» можно представить в виде букета, состоящего из расцветшего цветка из трех лепестков (трех знаменитых принципов Лаврентьева) и двух бутонов (двух не декларируемых, но, тем не менее, реально действовавших принципов), поддерживающих стержень сибирской науки (см. рис. 15.1). Этот букет принципов воплощал в организации научных центров Сибирского отделения новые тенденции развития науки. За прошедшие почти 50 лет данные принципы не только подтвердили свою адекватность тем внутренним изменениям, которые происходят в научной деятельности, но и стали базой для оптимизации индивидуально-личностных аспектов ее функционирования.

15.2. Первые механизмы коммуникативной рационализации микросоциума науки

Успешное формирование СО АН СССР произошло именно потому, что отцы-основатели не просто сформулировали соответствующие ожиданиям многих ученых новые принципы организации науки («треугольник Лаврентьева»), но и смогли прочувствовать (выносить), предъявить и реализовать образцы новых форм общения, ставших фундаментальной основой новых подходов к организации науки. Это вызвало необходимые для прорыва в новую систему организации

науки массовую организационную инициативу и энтузиазм, которые охватывали прибывающих в Академгородок людей. Как пишет А.А. Трофимук, характеризуя психологический климат первых лет новосибирского Академгородка, «энергия замыслов с не меньшей силой перетекала в энергию дел. Строительство шло успешно, царил дух подъема и энтузиазма. Был создан такой перспективный научный климат, когда каждый был готов взяться за любую задачу, лишь бы страна в этом нуждалась! Процветала атмосфера дружбы, творческого взаимодействия между науками»[3].

Это был период интенсивного развития Отделения, который характеризуется усилением самостоятельности, инициативы первичных научных коллективов, относительной децентрализации управления с характерным изменением социальных требований к личности и типу ее регуляции в сторону повышения ее инициативности и самостоятельности. Формирующееся научное сообщество как бы переложило на отдельного ученого и первичные научные коллективы инициативу поиска новых форм и средств реализации стратегических целей, способов саморегуляции личности в новых условиях. Этот поиск являлся обживанием новой социальной ситуации, т. е. новых форм организации научного труда, социальных отношений, коллективного творчества, досугового общения, политического действия и т. д. В этот период возник богатый спектр низовой инициативы, форм самоорганизации и самоуправления научного сообщества, его отдельных подразделений и конкретных ученых. Все это создавало условия для личностно-ориентированной трансформации внутринаучных отношений в направлении высвобождения их человекомерных составляющих. Здесь на практике реализовывался такой подход к организации науки, в центре которого стоял человек с его интересами и потребностями, такой подход, при котором именно самодеятельный ученый и первичное сообщество были источниками обновления отношений в науке. Это было достигнуто за счет того, что формирование внутринаучных отношений осуществлялось по схеме: организация стимулирует самовыражение личности, личность обновляет организацию. Фактически, впервые в мире интеллектуальные работники были управляемы таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций.

Эти процессы обеспечивали усиление роли индивидов и, стало быть, личностных факторов коммуникации, включающих в себя, прежде всего, содержательно-смысловой, ценностный и личностно-мотивационный аспекты взаимодействия. В исторической перспективе именно эти факторы образуют новую гуманистическую модель интеграции научного сообщества, обеспечивающую высвобождение антропологических качеств индивидов, когда происходящие в социальной организации науки процессы реализуются как субъект-субъектное взаимодействие, когда в центр системы входят базовые субъекты (индивиды, первичные группы), а сам процесс интеграции предполагает некую спонтанность и свободу, мягкие формы взаимопроникновения, демократические способы решения проблем и соответствующие организационные формы. Эта связь осуществляется на основе гибкого, децентрализованного и слабоструктурированного компонента

интеграции, основанного скорее на диффузном, чем структурном взаимопроникновении и взаимодействии достаточно автономных субъектов. Таким образом, Сибирское отделение эпохи Лаврентьева было прорывом от технократической к гуманистической модели организации общения между учеными, что, собственно, и обеспечило успех эксперимента и явилось внутренней основой реализации лаврентьевских принципов.

Феномен сибирских академгородков еще требует своего изучения и, прежде всего, как некий самоорганизующийся и саморазвивающийся микросоциум. Интересные возможности для понимания этих микросоциумов открывает, в частности, разработанный Л.Н. Гумилевым принцип пассионарности, который позволяет представить их как процесс формирования небывалого по своему духу научного сообщества. С этих позиций соединение ожидания и веры в новую науку прибывающей в Академгородок молодежи и реформаторских усилий его основателей обусловили всплеск пассионарности — непреодолимого стремления людей к осуществлению своих идеалов, повышенной социальной активности, обеспечивающей при определенных историко-географических условиях образование новой социальной общности.

Здесь, в центре Сибири, вдали от политических центров страны и от политики, накладывающей усмирительные вериги на естественное течение жизни, созрели условия для прорыва.

Особенностью пассионарной активности явилось то, что, разворачиваясь на принципах самореализации и гражданской самоорганизации людей, она захватывает все сферы инициируемой общественной системы, формируя ее как целостность. Именно поэтому Академгородок той поры был не только «оазисом интеллектуальной и социальной свободы». В местном сообществе на основе гражданской самоорганизации возникли прорывы во всех сферах общественной жизни — научно-производственной, социально-экономической, социокультурной и социально-психологической. Прежде всего, это касается самой науки, о чем уже говорилось. Но, самое главное, пассионарный импульс позволил впервые в мире совершить прорыв от характерных для техногенных обществ иерархических отношений ученых друг с другом к ассоциативным связям с их спонтанностью и свободой и демократическими способами решения проблем. В результате возникло коммуникативное пространство, основной функцией которого стало достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого его участника. Именно такая среда обладает своеобразным кумулятивным эффектом, обеспечивающим взрывное развитие принципиально новых научных идей и концепций. Такое коммуникативное поле потом, спустя десятилетия, будет воспроизведено в мировых технополисах, и по образу Академгородка будут созданы София-Антиполис во Франции, Цукуба в Японии и Теджой в Южной Корее.

Оценивая почти через четыре десятилетия с позиций новых вызовов времени феномен Сибирского отделения, другой выдающийся организатор науки В.А. Коптюг писал в этой связи, что возникшие в связи с нарастанием глобальных проблем новые «требования» к науке XXI в. нашли, по существу, достаточно по-

лное отражение при формировании материальной базы и кадрового потенциала академической науки на востоке страны на пути создания комплексных научных центров, обеспечивающих широкие возможности для проведения мультидисциплинарных исследований и их тесное взаимодействие с системой высшего образования, организацию в рамках академической системы конструкторско-технологических бюро (ныне конструкторско-технологических институтов) и опытных производств; широчайшие связи с народным хозяйством (серьезно пострадавшие в последние годы) и эффективное международное сотрудничество, ранее преимущественно в области фундаментальных исследований, а сегодня в направлении реализации научных достижений в практике. Все это дает основание утверждать, что комплексные академгородки являются национальным достоянием, оказавшим серьезное влияние на научную политику ряда стран (достаточно вспомнить создание комплексных научных центров в Японии и Франции)[4].

15.3. Общие предпосылки посткризисного развития новосибирского Академгородка

Появление новосибирского Академгородка обусловлено не только историческими, естественными причинами, но и силой реализации общегосударственной политики, направленной на развитие науки на Востоке страны, т. е. директивой. В этой связи можно говорить о том, что первоначальный толчок для развития был задан положительным вызовом общества. Положительный вызов — это вызов-стимул, порождающий дополнительные внешние возможности развития для отдельных локальных территорий и напрямую связанный с конкретной нуждой общества[5]. Данный способ возникновения сам по себе не создает механизмов саморазвития, обеспечивающих устойчивое воспроизводство моногородка как специфической социальной общности. В таком случае стимул порождает крайнюю зависимость от централизованного финансирования, оторванность от современных экономических процессов. Вообще говоря, такое сообщество существует до тех пор, пока существует стимул, породивший его. В результате этой политики сложились низкий престиж и недостаточная социальная защищенность ученых. Продолжается «утечка умов» как за рубеж, так и в другие сферы деятельности, а «средний возраст научных сотрудников, имеющих ученую степень, составляет 55 лет. И продолжает расти»[6]. «Сохранить науку, удержать ее хотя бы на уровне понимания того, что делается в мире, куда смещаются акценты, — очень серьезная задача. И научная, и организационная»[7]. Надо понимать и то, что есть принципиальная грань, когда снижение доли финансирования из бюджета и увеличение доли заказных работ выше определенного уровня для академической науки опасно — это путь отказа от «свободного поиска» новых знаний, такого поиска, логика которого определяется законами природы, а не рыночной конъюнктурой.

Надо признать, также и то, что как отмечает генеральный директор Российского фонда технологического развития А.Г. Фонотов, — по сути дела, «вся нынешняя законодательная система направлена на угнетение научно-технической дея-

тельности, а, следовательно, оставляет нас топливно-сырьевой страной, мировой кочегаркой»[8]. Конечно же, самым значимым фактором выталкивания науки из общественной жизни России является продолжающееся разрушение прежде всего наукоемких отраслей экономики. Если, по оценкам специалистов, сырьевые отрасли России уже адаптировались к требованиям мирового рынка, неплохие перспективы имеют перерабатывающие отрасли (нефтехимия, производство удобрений, переработка древесины), то российские высокотехнологичные отрасли на мировых рынках попадают в «зону риска». За 10 лет революционных реформ технологические сдвиги в экономике приобрели «явно регрессивный характер и за прошедшие пять лет выразились в быстрой деградации ее технологической структуры. При этом наиболее серьезный регресс охватил самые современные производства и выразился в "откате" России по уровню их развития на 10—25 лет. Большинство современных высокотехнологичных производств практически свернуто, произошло практически полное их вытеснение с внутреннего рынка импортными аналогами»[9]. В результате деградации этих отраслей «на долю их продукции приходится около 1 % рынка развитых стран, тогда как раньше наш сегмент достигал 12—20 %»[10].

Таким образом, *с началом рыночных экспериментов в стране, потенциал сибирских академгородков не только не использовался (в частности, для инновационного развития), но меры, предпринимаемые правительством, по своим объективным последствиям были направлены на разрушение этого потенциала.*

На первоначальном этапе рыночных реформ этот стимул исчезает. Речь идет о том, что в российской науке в одночасье (практически мгновенно) произошло существенное изменение базовых параметров бытия. Обобщенно положение науки в тот период может быть охарактеризовано как выталкивание ее из экономики и общества, которое естественным образом вело науку к разрушению и гибели. Такое выталкивание имеет многоаспектный характер. Начиналось оно с того, что, как писали в своем письме президенту РАН Ю.С. Осипову академики Л.И. Абалкин, В.А. Коптюг, Г.В. Осипов, «новая власть пренебрегает мнением отечественных ученых и предпочитает полагаться на мнение зарубежных экспертов и политиков». Осуществляется финансовое удушение науки, о чем свидетельствует тот факт, что в начале реформ буквально за один год финансирование науки уменьшилось в 10 раз. И в настоящее время, несмотря на как бы нарастающее внимание к науке, происходит неуклонное снижение доли расходной части бюджета, направляемой на финансирование науки, хотя в последние 2—3 года стали вовремя выдавать зарплату ученым. Сравнения показывают, что во времена Петра I средств из казны на содержание науки выделялось гораздо больше, чем сейчас (понятно, что в процентном соотношении).

Все это вместе с минимизацией энергии самоорганизации первичного пассионарного прорыва с отсутствием новых внутренних механизмов самоорганизации, адекватных новым условиям, ведет в переходной экономике к существенному свертыванию основных видов производственной деятельности местного сообщества такого моногородка: в данном случае научной и научно-технической дея-

тельности, оттоку высокопрофессиональных кадров, существенному снижению качества жизни.

Согласно этой логике, новые, возникшие в результате «реформ», условия, направленные на минимизацию науки как фактора развития, представляют собой своеобразный отрицательный «вызов» («вызов»-катастрофу) для моногородка. В этих условиях развитие монограда может быть представлено как переход от восходящей фазы, когда действовал пассионарный импульс и реализовывалась государственная политика научно-технического развития, к распаду, когда оба этих генерирующих фактора минимизируются или прекращают действовать вовсе. Тогда естественный процесс распада стимулирует некие механизмы самоорганизации местного сообщества, направленные на его регенерацию. Это могут быть затухшие «толчки» пассионарного импульса либо просто обусловленные императивом выживания шаги определенных социальных групп, направленные на сохранение Академгородка. Очень может быть, что присутствуют обе тенденции, и их развитие связано с некими процессами регенерации местного сообщества, изначальное конституирование которых осуществляется по специфической логике выхода из кризиса.

Описание подобных переходных процессов связано с разработкой специфических концептуальных и понятийных средств, отображающих нелинейные процессы. Речь идет, в частности, о понятии бифуркации, посредством которого отображается скачкообразная перестройка системы (изменение ее структуры) вследствие спонтанной самоорганизации в распавшихся в результате кризиса подсистемах сообщества (рис. 15.2). Спонтанный выбор нового состояния в точке бифуркации начинается со спонтанной структуризации социальной системы, воз-

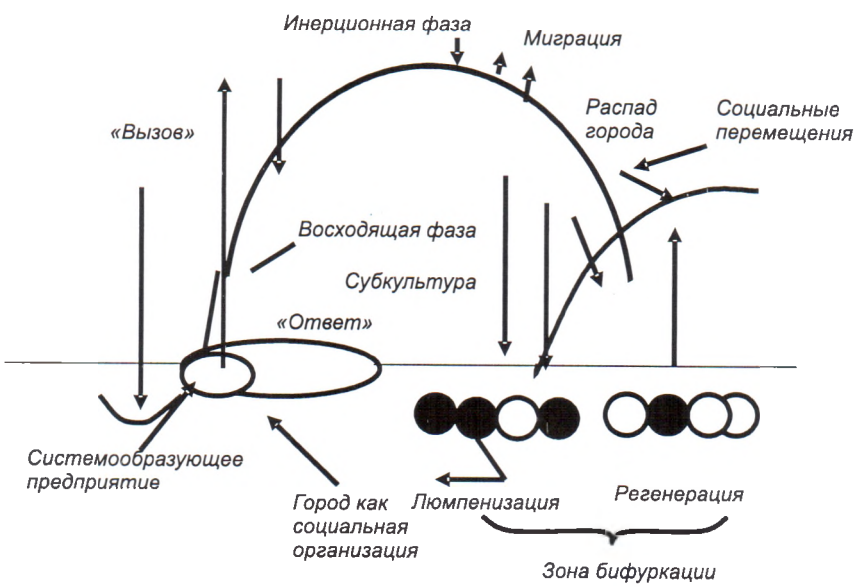

Рис. 15.2. Цикл жизни и регенерации моногорода.

никающей вследствие становления общественных субъектов — носителей новых тенденций. Такая структуризация и являет собой «ответ» отрицательному «вызову», должна исходить изнутри местного социума. Она развивается зачастую благодаря социально оформленному активному меньшинству, способному предложить новые перспективы и взять на себя ответственность за судьбу местного сообщества. Творческий ответ этого активного меньшинства вызывает глубинную реструктуризацию местного сообщества, предполагает также консенсус между различными слоями местного сообщества.

Становление таких групп в качестве субъектов и их изначальная деятельность связаны с выдвижением и генерацией новой миссии, которая «формирует», организует вокруг себя новую волну роста. Это вызывает перераспределение всех ресурсов между сферами деятельности и выражается, в частности, в активных социальных перемещениях в формирующуюся новую сферу. Следующая стадия связана с отбором наиболее эффективных элементов новой структуры и их иерархизации в новом цикле общественного развития.

Если говорить обобщенно, то условия регенерации монограда можно свести к следующим моментам и процессам:

наличие в условиях маргинализации значительной части населения социально-профессиональных групп с достаточно высоким уровнем социальных притязаний, связывающих свою судьбу с ННЦ и Академгородком;

эти группы инициируют формирование в недрах местного сообщества новой миссии, которая и генерирует новую «волну» роста;

затем осуществляется перераспределение всех ресурсов (и, прежде всего, человеческих) между сферами деятельности, возникающими в процессе осуществления новой миссии, что выражается в активных социальных перемещениях в новые сферы деятельности (всплеск горизонтальной социальной мобильности).

Описанные выше процессы обусловливают существенные сдвиги в среде элиты: появляются новые группы элит и осуществляется их «вход» («ввод») в систему партнерских связей с традиционно действующей академической и управленческой элитой.

Таким образом, противостояние отрицательному вызову возможно только посредством глубокой реорганизации местного сообщества монограда. Без такой реорганизации моногородок обречен на деградацию и вымирание. Очевидно, что процесс регенерации может быть обеспечен созданием условий для выявления и деятельности новых субъектов, содействием генерации ими новой миссии и ее развертыванию в местном сообществе, созданием институтов и механизмов поддержки этих спонтанно развивающихся процессов.

Институциональные инновации посткризисного Академгородка: предпосылки формирования современной инновационной системы; механизмы нового мультидисциплинарного синтеза знаний. Более пристальное рассмотрение процесса регенерации новосибирского Академгородка связано с исследованием тех социальных инноваций, которые генерализуются в результате происходящих процессов самоорганизации в контексте его социокультурной эволюции

как некого целостного микросоциума. Прежде всего, рассмотрим структурные изменения, ориентированные на формирование институциональных инноваций, конституируемых тенденциями, связанными с формированием постнеклассической научной деятельности, обеспечивающих и «новое бытие» институтов СО РАН. Обратим внимание на то, что постнеклассическая инновационная модель организации знания характеризуется своей коммуникативностью, понимаемой как то, что само знание, становясь полицентричным, для своего производства, существования и изменения нуждается во взаимодействии (общении) разных гносеологических субъектов, и как то, что, будучи ориентированным не только на развитие материально вещественной сферы, но и на индивидов, т. е. будучи личностноориентированным, оно может «внедряться», осваиваться только в процессе коммуникации (общения). И даже та часть знания, которая ориентирована на преобразование материально-вещественной сферы, прежде чем «внедряться» (преобразовывать эту сферу), должна пройти оценку (уточнение в процессе маркетинга) у тех индивидов, для которых преобразуется данная материально-вещественная сфера, готовится новый продукт со всем своим сервисом. Наконец, процедуры маркетинга, опирающиеся на смыслообразующую деятельность, как процесс обоюдного действия по выработке представлений о новом товаре (или обобщенное изменение материально-вещественной сферы) предполагают самоизменение людей в их деловых качествах, в процессе такого обоюдного действия, а это опосредовано социальными технологиями. Таким образом, производство и движение знания как средства инноваций не только требуют перманентного общения (коммуникации) представителей разных научных дисциплин, их тесного взаимодействия с производственниками и потребителями, но и зиждятся на их соорганизации и смыслообразующей деятельности. Причем последнее приобретает приоритетное значение, а значит, выдвигает в приоритет междисциплинарного синтеза социогуманитарное знание.

Такой приоритет обусловливает принципиальное изменение механизмов междисциплинарной интеграции знания — переход к мультидисциплинарному их синтезу на основе социогуманитарного знания. В этой связи речь идет уже не о междисциплинарных исследованиях, а о мультидисциплинарном синтезе, когда социогуманитарное знание становится все больше фактором, провоцирующим исследовательские проблемы и замыслы естественных наук, при этом группирующееся вокруг социогуманитарного знания исследовательское поле, требующее комплекса естественных наук, ориентируется не на редукцию социогуманитарного знания к этому комплексу естествознания, а на продуктивный обмен идеями, принципами, понятиями. Причем таковые, будучи предъявлены социогуманитарными науками, все более играют системообразующую роль в этом комплексе. Инструментом такого взаимодействия на современном этапе в СО РАН стали интеграционные проекты. Однако такие проекты, отображая текущие запросы междисциплинарного синтеза, могут оказаться недостаточными для обеспечения системообразующей роли социогуманитарной составляющей. Речь должна идти о принципиальных изменениях в структуре всего знания комплексного научного

центра, связанного с наращиванием социогуманитарной составляющей в совокупном знании, создаваемом в ННЦ. Это требует, как представляется, усиления существующих гуманитарных научно-исследовательских институтов и создания и развертывания института психологии. Кроме того, должна возрасти роль представителей гуманитарных наук в принятии управленческих решений о путях развития научной деятельности в ННЦ.

Существенные институциональные инновации в русле традиций Академгородка необходимы в связи с производством постнеклассического знания в системе образования. Повышенные требования, которые предъявляет постнеклассическая наука к культуре коммуникативной самоорганизации современного ученого, о которых говорилось выше, предполагают усиление гуманитарной и психологической подготовки будущих ученых уже на школьной и студенческой скамьях. Механизмы, обеспечивающие новый мультидисциплинарный синтез:

наращивание социогуманитарного знания в СО РАН (усиление существующих гуманитарных научно-исследовательских институтов + институт психологии, социологии);

усиление роли представителей наук о живом и социогуманитарных наук в существующих механизмах принятия решений;

развитие системы подбора и подготовки кадров для социогуманитарного знания по типу системы, сложившейся в физико-математической отрасли знания (олимпиады, летние школы, специальная гуманитарная школа);

открытие академического психологического факультета в НГУ.

Сложившаяся в НГУ система отбора талантливой молодежи функционировала в основном для физико-математического комплекса наук. Однако в связи с усилением роли социогуманитарного знания представляется необходимым вести такую работу и для социогуманитарных наук. Прежде всего, это возможно за счет создания гуманитарной школы или отделения при НГУ по типу ФМШ со всеми ее атрибутами — гуманитарными олимпиадами всех уровней, летней социогуманитарной школой и т. д.

Очень важным моментом является создание на базе университета классического психологического факультета. Именно вокруг такого факультета и базовых для него исследовательских групп, а также академических институтов социально-гуманитарного профиля действительно возможно соединение когнитивных и социальных параметров науки на основе вхождения студентов в науку в контексте разворачивающихся новых синтетических связей естественных и гуманитарных наук. Очевидно, что это не только обеспечит оптимальные условия для развития новых синтетических научных направлений, таких, к примеру, как экологическая этика, но и сформирует необходимые субъектные основания поиска в процессе научных исследований и технологической деятельности со сложными объектами человекоразмерных сценариев эволюции этих объектов в послебифуркационный период. Как известно, в условиях нарастающего экономического кризиса поиск сценариев при исследовании любых сложных объектов становится императивом.

Наконец, повышение психологической компетенции студентов, будущих молодых ученых будет оптимизировать и процессы их исследовательской самоорганизации в условиях растущего разнообразия способов самотрансцендирования и коммуникативных практик. Вообще говоря, усиление места и значения мультидисциплинарных подходов в современной науке, системообразующую роль в которых играет социогуманитарное знание, полагает масштаб этой работы с молодежью, сравнимый с тем, который был характерен для Новосибирского научного центра эпохи Лаврентьева. Более того, как представляется, комплексность научного центра, «выстроенная» на междисциплинарном синтезе естественнонаучного, технического и обществоведческого знания вокруг социогуманитарного знания, потребует коренной реструктуризации всей общественной жизни Академгородка. И в этом смысле сибирские наукограды еще ждут новых своих Лаврентьевых, которые «внесут» в них адекватные формирующейся постнеклассической науке жизненные смыслы.

НГУ как системообразующий фактор будущих трансформаций. С позиций подхода к развитию ННЦ, центральным пунктом которого является коммуникативный прорыв, совершенно иначе осмысливается и место НГУ. Вообще говоря, так или иначе, в центре новосибирского Академгородка всегда был университет как место, где происходило самое главное — воспроизводство научных кадров. При этом воспроизводство научных кадров нельзя сводить только к их подготовке, воспитанию научной смены. Надо иметь в виду, так сказать, и повышение качества действующих научных кадров. В этой связи нельзя игнорировать тот факт, что во времена М.А. Лаврентьева НГУ был еще и местом, где маститые ученые, как уже говорилось, учились у молодых умению удивляться жизни, умению ставить себе и другим неожиданные вопросы. Отцы-основатели СО АН СССР умели придать смыслообразующий характер общению с молодежью, в процессе которого крупные ученые в университетском общении как бы очищали свои коммуникативные способности от привычного, актуализировали свои способности к переосмыслению ценностей, идеалов, норм не только научно-познавательной, но и социальной деятельности. Тем самым университет обретал парадигмальнообразующую функцию в процессе развития знания в ННЦ (рис. 15.3).

Теперь к этому фактору, конституирующему НГУ в качестве структурообразующего эндогенного фактора содержательного парадигмального развития науки, образующего сущностную парадигмальную метрику университета в комплексном научном центре, добавляются факторы, ориентированные на формирование субъектов инновационной деятельности, включая самих ученых. Прежде всего, речь идет о том, что генезис новых людей, ориентированных и способных к новой инновационной коммуникации, начинается в НГУ. Здесь же, в соответствии с парадигмально-преобразующей ролью университета в комплексном научном центре, закладываются предпосылки для коммуникативной рационализации деятельности ведущих ученых, оказывающих огромное влияние на неформальную институциональную среду научного сообщества. Более того, именно в НГУ растущей научной сменой может быть адекватно прочитана та новая программа

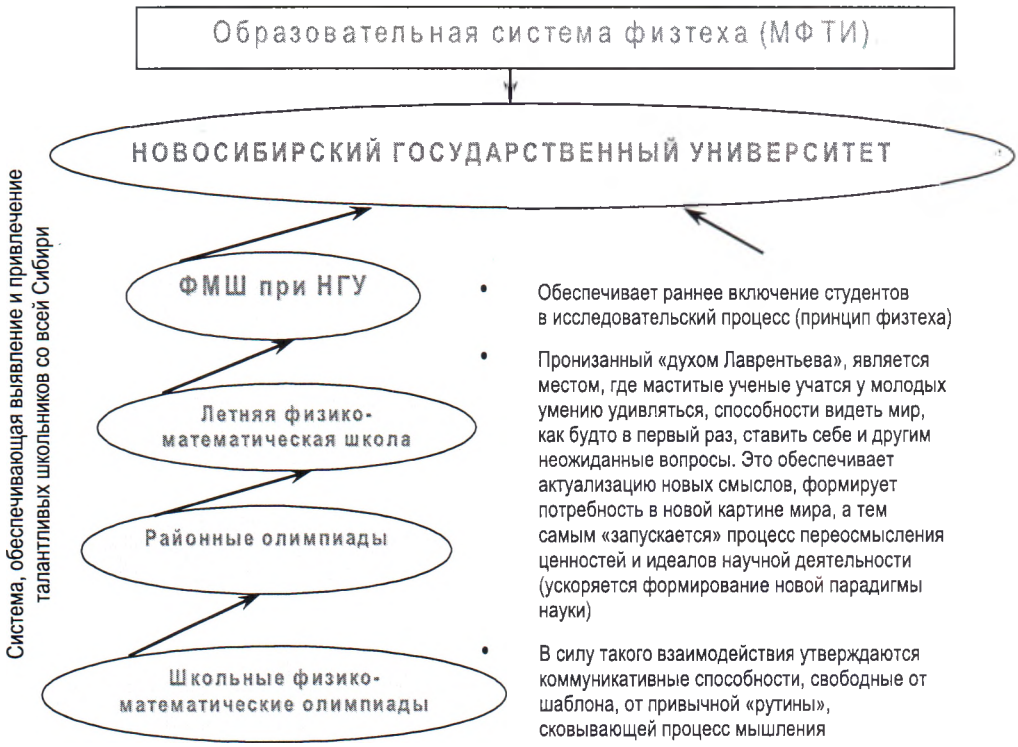

Рис. 15.3. НГУ как системообразующий фактор Новосибирского научного центра.

самоорганизации, переструктурирования науки и в целом институциональных инноваций в науке, генератором которой является малый инновационный бизнес. В этом смысле именно университет становится центром генезиса новых отношений в науке и в инновационной среде, окружающей науку.

Для того чтобы эти процессы получили реальные основания в университете, нужно достичь реализации полного инновационного цикла: выполнение фундаментальных и поисковых исследований, прикладных работ, а также коммерческого освоения нововведений и технологического трансферта. И конечно, опережающей, ориентированной на инновационный образ жизни, подготовки специалистов. Это означает, что НГУ должен представлять собой единый учебно-научно-инновационный комплекс. Только при таком конституировании университета в ННЦ создаются условия для освоения того, чего всегда не хватало (за ненадобностью) советской науке, — умения коммерциализировать новые перспективные идеи. Дело в том, что в современных институтах совершены лишь фрагментарные прорывы в пространство коммерциализации за счет возникших малых инновационных фирм. Но ни в академических институтах, ни в целом в ННЦ не возникает системы из этих точек прорыва, способной обеспечить за счет новых оригинальных научно-технических и социально-технологических идей конституирование НИИ как начального ядра широкой системы инновационного развития. Таким об-

разом, Новосибирский университет становится структурообразующим центром, который стягивает вокруг себя все элементы будущей системы, в то время как полифункциональные институты в новых условиях переживают процесс диверсификации.

В условиях посткризисного развития Академгородка университет обретает и еще одну миссию, связанную с выстраиванием диалога первокультуры и современной культуры Академгородка, первопроходцев и носителей современных тенденций его развития. Вообще говоря, бифуркация или «проход» через хаос, в котором оказались сибирские академгородки, как и выход любого другого сообщества из хаоса, связан с формированием подвижного соотношения традиционных и современных ценностей и норм. Синтез традиционных и современных ценностей и норм является основанием и возникновения новых субъектов, и переструктурирования местного сообщества. Новые ценности и смыслы, собственно, и возникают в процессе такого синтеза, предполагающего диалог поколений. Этот диалог в свою очередь вдохновляется верой, надеждой и любовью к «родному пепелищу», «преданиям старины глубокой» (А.С. Пушкин). Только в любви к «существенным достоинствам старины» возникают условия для синтеза традиций и новаций, синтеза, в котором кроются новые источники созидательной социальной энергии, без которой невозможны подлинные преобразования. В этой связи можно говорить о том, что формирование адекватной российской культуре мировоззренческой основы новой науки предполагает специфическую духовную среду, важнейшей особенностью которой являются настойчивые поиски собственного пути, опирающиеся, в том числе, и на механизмы диалога поколений.

Это особенно видно на фоне предстоящих трансформаций человеческой деятельности в свете концепции устойчивого развития, предполагающей движение от общественной организации людей, призванной обеспечивать преобразование природы, к природосберегающей коэволюционной организации общества. Такое движение связано с переходом от социокультурного пространства науки, в котором обеспечивается приоритет преобразовательной деятельности в природе, к пространству, где доминирует приоритет социально-духовного опыта людей как основания для мобилизации, заключенного в культуре механизма самоорганизации, способного противостоять разрушительной мощи современного техногенного развития. Масштаб грядущих трансформаций имеет беспрецедентный характер, но их дух сродни тем чаяниям, которые питали первопроходцев сибирской науки, и потому следует ожидать того, что носители этих трансформаций появятся и в Академгородке. Об этом свидетельствует, в том числе, и та волна нарастающего интереса к первокультуре Академгородка, к духовной жизни его первопроходцев, которая постепенно захватывает научное и местное сообщество Академгородка.

Именно на волне такого интереса могут возникнуть условия для синтеза традиций и новаций, обеспечивающих становление утраченной коммуникативной среды. В центре такого синтеза — выявление и освоение драгоценного опыта, духовного поиска и реального обретения, которые вдохновляли первопроходцев си-

бирской науки как основания для созидательного и творческого поиска современными поколениями своего призвания. Системообразующим процессом духовного синтеза является диалог поколений, основанный на вере отцам и дедам, доверии и уважении к ним, обеспечивающих трансляцию той информации, что через сердце передается и составляет психофизический потенциал индивидов (духовные ценности — это ценности сердца). Нельзя забывать и о том, что именно через доверие и уважение транслируются в обществе высшие устремления и ценности человечества, которые выражаются в триаде: Правда, Добро, Красота.

Актуализация и предъявление такого опыта старшими поколениями выступает как приглашение современным поколениям повторить и продолжить работу над собой в контексте поиска форм общения и коммуникации, адекватных императивам новой эпохи. Как отмечалось, в инновационном обществе организация эффективной коммуникативной среды становится базовым социальным процессом. В основе такой коммуникации — доверие и спонтанная общительность. Это означает, что в систему инновационного развития может войти только сплоченный микросоциум, умеющий связывать граждан солидарной этикой и коллективной идентичностью. Отображая духовные обретения, связанные со специфической духовной обстановкой первых лет, опыт первопроходцев Академгородка обладает потенциалом открытия таких новых возможностей идентичности и единения в местном сообществе, которые иным образом в принципе не могут быть открыты.

Как представляется, такой диалог поколений всегда происходил в университете, происходит он и сейчас. Задача только в том, чтобы придать ему глобальный характер, чтобы охватить все научное и местное сообщество. Таким образом, задача регенерации местного сообщества не сводится к поиску реального культурно-исторического опыта реализации свободы или выявления тех сегментов российского общества, в которых реализовался опыт автономного (от государственной власти) существования. Важным становится не просто выявление этих исторических сегментов как носителей конкретного социокультурного опыта в каждом конкретном сообществе, а *создание условий для исторического взаимодействия этого опыта с духовным поиском современных поколений*. В некотором смысле эта задача более важная, чем все остальные. Она и определяет те необходимые институциональные инновации в сообществе, которые обеспечивают резонансное взаимодействие историко-культурного опыта разных эпох. Такой резонанс восстанавливает духовные ценности того или иного сообщества как подлинное основание его действительной консолидации.

15.4. Диверсификация академических институтов ННЦ: спонтанные инновационные приготовления

Провозглашение в 1991—1992 гг. ценностей социально ориентированной рыночной экономики, в системе которых важное место занимают ценности науки (действительно, значение самой науки для социально ориентированного рыночного производства, для маркетинга и в целом для динамичного развития общества

трудно переоценить), вызвало массовую инициативу энтузиастов инновационной деятельности в новосибирском Академгородке. В институтах при участии ученых появились самостоятельные исследовательские группы и миниинституты, стали возникать небольшие наукоемкие фирмы, ориентированные на высокотехнологичное производство. Они расконсервировали и доводили интеллектуальные результаты до конкретных изделий, востребуемых товаров и услуг. Порыв был настолько сильным, что, несмотря на дикие условия, характерные для первоначального накопления, абсолютно исключавшие малый инновационный бизнес, по некоторым оценкам, через этот непреодолимый барьер к 1997 г. «пробились» и выжили более 25 малых инновационных фирм, большинство из которых возникли в тот период. По оценкам академика В.Е. Накорякова, в 2001 г. при каждом институте в Академгородке существовало 20—30 малых высокотехнологичных компаний (ВТ-компаний). По всему Академгородку получается где-то шестьсот— семьсот[11]. По оценкам руководителей лидирующих малых ВТ-предприятий, в Академгородке в 2001 г. действовало около 100 таких предприятий. Это говорит о том, каким потенциалом инновационного развития на основе социально ориентированной рыночной экономики располагало наше общество на изломе реформ и о том, что инновационная экономика была как бы выстрадана частью научного сообществом ННЦ СО РАН.

Такое беспрецедентное спонтанное возникновение малых инновационных фирм в Новосибирском наукограде можно объяснить тем, что по самой своей природе СО РАН имплицитно содержало в себе естественные предпосылки, обусловливающие возникновение и развитие таких фирм. К этим предпосылкам относят: 1) серьезный задел по новым технологиям и технике; 2) наличие конструкторских организаций и опытных производств, способных доводить перспективные разработки до стадии производства; 3) уникальный опыт междисциплинарного общения; 4) развитые связи с промышленностью; 5) инициативные кадры; 6) инициативно-организационный ресурс, который обычно не замечается, но тем не менее составляет одно из основных достояний ННЦ СО РАН. Этот ресурс состоит в том совокупном инициативном потенциале, который не успел угаснуть за времена застоя в недрах человеческого фактора новосибирского Академгородка и который начал выходить «наружу» в начале рыночных реформ. Данный потенциал образуется традициями, стремлением к инициативе, самостоятельности и самореализации самих работников, заложенными в эпоху Лаврентьева, исключающими абсолютную монополию власти и управления на организационные инновации и, наоборот, предполагающими такие инновации. Об этом свидетельствуют, в частности, мотивы создания этих ВТ-предприятий, главным из которых оказалась потребность в профессиональной самореализации.

В этом смысле можно говорить, что предприниматели новосибирского Академгородка выходят за границы чисто экономического подхода. С самого начала они не фокусируют свою деятельность на одном типе ресурсов — финансовом, наоборот, они делают ставку на интеллектуальные, квалификационные, социально-психологические и психологические ресурсы. Совокупность этих факторов

содержала в себе тот внутренний потенциал, который создавал условия для спонтанного возникновения, утверждения на рынке инновационной продукции малых ВТ-предприятий без специально созданного, как это делается во всем мире, инкубатора. Указанные выше факторы как бы замещали инкубатор ВТ-фирм — этот естественный «зародыш» технопарка.

Рассмотрим теперь роль и значение возникших ВТ-фирм для развития сибирской науки и, в частности, новосибирского Академгородка. По мнению руководителей малых инновационных фирм, такие фирмы и оказывают непосредственное влияние на исследовательский процесс, и актуализируют потребность в развитии технопарка, и создают условия для привлечения инвесторов в Академгородок. Распределение ответов в анкетном опросе руководителей ВТ-фирм в 2001 г. на вопрос о том, какое влияние, по Вашему мнению, оказывают малые инновационные предприятия на функционирование ННЦ*:

стимулируют поиск и формирование новых форм междисциплинарных исследований — 10 %;

создают условия для формирования новых форм подготовки кадров, обусловливают ориентацию молодых выпускников на труд в сфере инновационной и научной деятельности — 30 %;

актуализируют потребность в развитии технопарка — 65 %;

создают условия для привлечения инвесторов в Академгородок — 15 %.

Возникновение массы малых инновационных фирм означает, что наряду с традиционным для ННЦ механизмом внедрения начал складываться рыночный механизм продвижения технологий (см. рис. 15.4). Конечно, бизнес, в том числе и малый, и высокотехнологичный, по определению, в качестве своей непосредственной задачи видит получение прибыли. Однако в инновационном бизнесе экономический успех приходит тогда, когда в основе мотивации лидеров предприятия лежит, прежде всего, увлеченность идеей данного нововведения.

Как показывает опыт современных западных компаний, одно обстоятельство неизменно сопровождало все неудачи в создании новых видов продукции и, в целом, в деле обновления производства. Здесь всегда, без единого исключения, отсутствовал движимый собственной волей энтузиаст. Инновациями занимался кто-нибудь из тех, кому поручили или кого принудили за них взяться. Опытные управляющие западных компаний, как отмечают Т. Питерс и Р. Уотермен, когда рассматривают возможность производства того или иного нового изделия, руководствуются следующим набором критериев. «Первый — наличие ревностного, лично увлеченного поборника данного вида продукции»[12]. Затем с большим отрывом на втором и третьем местах идут оценки рыночных возможностей и экономическое обоснование проекта. В этой связи малые высокотехнологичные предприятия предстают в качестве коллективов, в которых при разработке очередного

*Опрос проводился в рамках реализации проекта «Трансформация академической науки в переходном обществе». В выборку попало 37 малых инновационных фирм, расположенных в новосибирском Академгородке.

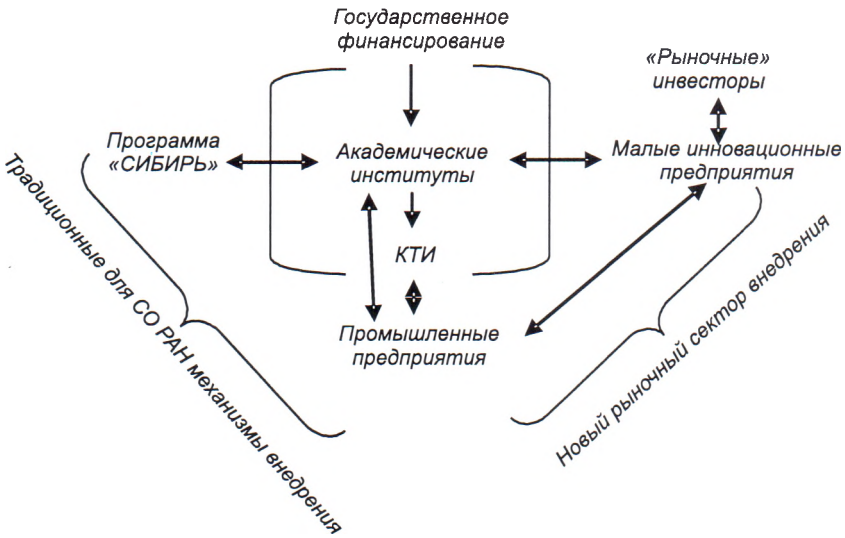

Рис. 15.4. Изменение механизма внедрения в СО РАН в условиях рынка.

нововведения коренным образом меняется ролевая структура под очередного энтузиаста — поборника данного новшества. Более того, под такого энтузиаста создаются отдельные венчурные фирмы (фирмы-первооткрыватели). Именно эти принципы позволяют в наибольшей степени мобилизовать увлеченного инициатора. В литературе отмечается, в частности, что «примерно треть крупных фирм включают в свою структуру и берут за основу функционирования идеи предпринимательства»[13]. Для фирм наукоемких отраслей этот показатель еще выше, поскольку возможности опережающего развития они связывают именно с подобными механизмами.

Нельзя не сказать и о том, что в Новосибирском научном центре малые инновационные фирмы оказывают благотворное воздействие на сам процесс научного поиска не только за счет дополнительного его финансирования, но и посредством воздействия на психологическое состояние самих ученых, многие из которых, особенно в период «шоковой терапии», переживали разные стадии психоэмоционального стресса. Так, по мнению ученых (1996 г.), нормальное, спокойное, оптимистическое состояние духа они наблюдают менее чем у 15 % своих коллег, а остальные испытывают негативные переживания[14]. Среди сотрудников ВТ-фирм соотношение прямо противоположное. Очевидно, что само по себе повседневное общение ученых и «предпринимателей», а большинство сотрудников ВТ-фирм совмещают работу в фирме с работой в институте, благотворно влияет на психоэмоциональное состояние первых.

Очень важно подчеркнуть, что инкубация малых высокотехнологичных фирм (ВТ-фирм) в социальном пространстве ННЦ произошла практически без какой-либо поддержки формальных социальных институтов. Как же реагировали неформальные социальные институты? Прежде всего, наблюдается четкая

реакция в системе «молодежь — малый инновационный бизнес». Исследования студентов 4-го курса Новосибирского государственного университета, проведенные в 1998 г.[15], показывают, что всего лишь 16 % четверокурсников ориентированы на работу в науке, 36 % — не определились, и бóльшая часть — 48 % ориентированы вне науки. Однако ориентации студентов принципиально меняются в прожективной ситуации. Если в ННЦ будет развиваться малый инновационный бизнес, то подавляющее большинство молодых людей склонны оставаться в науке: твердое да — 46,9 %, скорее да, чем нет, — 46,6 % (нет — 3,5 %, не определились — 4,9 %). Это своеобразный резонанс, реакция молодежи на неформальном уровне на развитие ВТ-фирм в ННЦ. Она позволяет заключить, что малые высокотехнологичные предприятия являются важным фактором актуализации, осовременивания механизма подготовки кадров в ННЦ. Как отмечалось, механизм воспроизводства кадров — важнейший принцип организации СО РАН. И эта функция малых ВТ-предприятий сейчас уже проявляется, и достаточно активно. В этом участвуют и инвесторы, в частности, Фонд Бортника. Важно и то, что существование ВТ-предприятий в новосибирском Академгородке создает новый вектор в ориентациях студенческой молодежи. Этот вектор связан с формированием настроя и осмыслением проблемы приложения науки к практике, что способствует расширению мировоззрения будущих исследователей и разработчиков в соответствии с требованиями «мультидисциплинарности используемых подходов в сферах науки и ее приложений» (В.А. Коптюг). Само же участие студентов в процессе обучения и стажировки в ВТ-фирмах с присущим им динамизмом и приспособленностью к продвижению нововведений актуализируют принцип «Научиться всю жизнь учиться» еще в период их базовой подготовки. Очевидно, что все это придает развернутой еще в советскую эпоху в сибирских наукоградах физтеховской системе подготовки научной смены (в основе которой интеграция высшего образования и науки) новый, адекватный времени смысл и содержание. Наконец, освоение законов функционирования рыночной инновационной экономики массой студентов — будущей элитой общества — представляется чрезвычайно важной задачей образовательного комплекса, без которой не может быть инновационного развития страны в целом и Сибирского региона, в частности.

Таким образом, в сложившихся условиях ВТ-фирмы являются далеко не внешним для науки фактором. И дело не только в том, что они оказывают существенное влияние на реструктуризацию научного потенциала наукоградов и, прежде всего, производственно-реализационной компоненты науки. Самим фактом своего бытия они затрагивают «интимные» стороны научного процесса, оптимизируя психологическое состояние ученых, содействуют «омолаживанию» научных коллективов, обеспечивают возрождение процессов воспроизводства науки, на новой основе придают им адекватное времени содержание.

Сам по себе процесс становления малых инновационных фирм имел еще и важное экономическое значение. Он помогал научным сотрудникам переживать безденежье, нищету.

15.5. Технопарковая зона как механизм мобилизации естественных для комплексного научного центра предпосылок инновационного развития

Развитие технополиса на базе новосибирского Академгородка связано с решением проблем взаимоотношений инновационных фирм и академических институтов. В качестве концептуальной основы для разработки стратегии развития взаимодействия ВТ-фирм с наукой может быть использована предложенная В.А. Коптюгом в 1992 г. идея формирования технопарковых зон в сибирских академгородках. Еще в 1994 г. В.А. Коптюг говорил о том, что период выживания науки кончился, что надо переходить к активной стратегии развития. Им были определены и основы этой стратегии, которые виделись ему в развитии технопарковой зоны в Академгородке.

Условия формирования технопарковой зоны в ННЦ СО РАН

1. Формирование «объединенной системы научно-исследовательских, конструкторско-технологических, производственных и других структур, обеспечивающих быстрое продвижение от научной идеи до освоения рынка».

2. В отличие от технопарка, как некой особой структуры, имеющей соответствующую управляющую организацию, действующую «параллельно со структурами собственно научного центра», технопарковая зона «предполагает не организацию, а технопарковую среду, которая через ряд дополнительно создаваемых в рамках научного центра структур финансового, информационного, юридического плана содействует производственно-коммерческой и инновационной деятельности учреждений и организаций научного центра».

3. Формирование недостающих элементов технопарковой зоны, одновременно являющихся во многих случаях элементами жизни наших научных центров. Деятельность технопарковой зоны, «таким образом, обеспечивается всей производственно-коммерческой деятельностью наших организаций, и они, в первую очередь, являются участниками технопарковой зоны. В том числе и во взаимодействии с производственными и коммерческими организациями».

4. Не нужно ничего специально строить, так как в наукоградах, в связи с тяжелым финансовым положением, освобождается ряд вполне приемлемых рабочих площадей. Технопарковую зону нужно «создавать за счет имеющихся резервов в гостиницах и др. службах, а не связывать технопарковую деятельность с предварительным выделением земли и развертыванием строительства офисов, инфраструктуры».

5. Государственная поддержка по «многим типичным для технопарков вопросам, прежде всего по вопросу получения части льгот, характерных для свободных экономических зон».

Естественные предпосылки технопарковой зоны в ННЦ СО РАН*

«В последние годы мы стараемся последовательно проводить линию создания на базе наших научных центров технопарковых зон». Этому способствуют следующие факторы:

1. Высокий уровень фундаментальных исследований с возможностями для широкой междисциплинарной проработки проблем и, как следствие этого, серьезный задел по новым технологиям и технике.

2. Конструкторские организации и опытные производства, способные доводить наиболее перспективные разработки до стадии, предшествующей организации массового производства.

3. Кадры и большой опыт работы с промышленностью региона и страны в деле реализации разработок.

4. Развитая инфраструктура и многие элементы технопарковых зон, способствующие взаимодействию науки с производящими структурами разных форм собственности (гостиницы; акционерный «Сибакадембанк», ориентированный на научные и инвестиционные сферы; организация по проведению выставок; организация—посредник между наукой и сферой приложения «Техносиб» и т. д.).

5. Накопленный опыт международного сотрудничества и создания совместных с зарубежными партнерами международных исследовательских центров и предприятий.

6. Формирующийся опыт создания совместно с промышленностью акционерных обществ, учитывающих интересы как физических лиц, так и институтов, участвующих в соответствующей разработке и ее реализации в промышленности и т. д.».

В работе «Наука спасет человечество»[16] В.А. Коптюг вновь возвращается к стратегическим основам формирования технопарковых зон в сибирских наукоградах, выделяя особо ряд принципиальных положений со становлением «объединенной системы научно-исследовательских, конструкторско-технологических, производственных и других структур, обеспечивающих быстрое продвижение от научной идеи до освоения рынка».

В академгородках СО РАН, как считал В.А. Коптюг, «почти все технопарковые элементы есть», постольку при создании технопарковой зоны «будет идти формирование недостающих элементов технопарковой зоны, одновременно являющихся во многих случаях элементами жизни наших научных центров». Таким образом, развитие технопарковых зон связывалось В.А. Коптюгом с теми естественными условиями, которые существовали в академгородках как комплексных научных центрах изначально. Позднее была предложена другая концепция так называемого «распределенного технопарка», с ядром, находящимся в городе Новосибирске на базе официально созданного технопарка «Новосибирск», параллельной структуры ННЦ СО РАН.

* Из выступления В.А. Коптюга на Общем собрании СО РАН 23.03.1995 г.

В реальной деятельности «распределенного технопарка» концепция В.А. Коптюга не была востребована и результатов ни в сфере отношений академических институтов с ВТ-бизнесом, ни в сфере отношений с инвесторами и промышленниками не оказалось. Проблема состоит в том, что не возникло систематически выстроенных глубоких отношений у этих потенциальных субъектов технопарка[17]. Оно и не предполагалось, хотя могло и декларироваться.

Не достигнуто необходимого компромисса и понимания по вопросам развития инфраструктуры поддержки инновационной научно-технической деятельности. Каждая из сторон намерена развивать эту инфраструктуру независимо и самостоятельно, хотя по самой своей природе она может возникнуть только в результате партнерских усилий обеих сторон. Сейчас речь может идти прежде всего о развитии новых элементов этой инфраструктуры, без формирования и функционирования которых запустить технополисные процессы не удастся[18].

Новые институциональные элементы инновационной системы:

бизнес-инновационный центр (БИЦ) (на начальном этапе вбирает в себя функции многих элементов инновационной инфраструктуры, включая инкубирование малых ВТ-предприятий);

образовательно-инновационный комплекс (ОИК) (инкубирование малых ВТ-предприятий, выполнение функций технопарка);

инновационный офис предприятия (ИОП) (на основе договорных отношений с предприятием осуществляет выявление «узких» мест в деятельности предприятия, отыскивает партнеров для их решения и т. д.);

технопарки (осуществляют выращивание малых ВТ-предприятий в системе их взаимодействия с наукой, промышленностью и инвестициями);

высокотехнологический промышленный кластер (изготовление одиночных или малосерийных демонстрационных промышленных образцов новой наукоемкой продукции);

зоны промышленного развития малого наукоемкого бизнеса (территории с инженерной, транспортной инфраструктурой и с упрощенной процедурой согласования строительства ВТ-предприятий);

фонды поддержки науки, наукоемкого бизнеса и образования (оперативная финансовая, методическая и организационная поддержка проектов);

венчурные клубы, бизнес-кафе, бизнес-клубы и т. д. (установление коммуникационных связей между носителями инновационных идей и проектов, потенциальными инвесторами и предпринимателями).

Пока мы можем говорить лишь об отдельных элементах этой системы, представленных в частности в технопарке «Новосибирск», Инновационном центре Кольцово, созданном при СО РАН Центре трансфертов технологий и т. д. Была осознана необходимость создания инновационно-технологического центра в Академгородке с перспективой развертывания его в инновационно-промышленный комплекс распределенного типа. Однако и здесь не произошло существенных сдвигов.

А между тем отсутствие инфрастуктуры поддержки инновационной научно-технической деятельности ведет к тому, что большинство малых инновационных предприятий имеют серьезные проблемы а) в развитии собственной производственной базы, б) развитии технологических возможностей для изготовления демонстрационного образца (прототипа) своих разработок, в) наращивании целостной системы поддержки развития.

Итак, идея создания новосибирского «распределенного технопарка» не на базе ННЦ СО РАН выхолащивает концептуальное ядро проекта В.А. Коптюга, основанное на отработанных ранее конструкциях внедрения научных результатов в практику хозяйствования, так называемого «внедренческого пояса М.А. Лаврентьева». Тогда была разработана и реализована главная идея — единство научного-исследовательского института и конструкторских бюро, разрабатывающих технологические пути внедрения.

Специальное создание новосибирского «распределенного технопарка» не закончится ли образованием посреднической, бюрократической конторы перекупщика наработок институтов ННЦ СО РАН? Не хотелось бы об этом и думать, но время такое.

РАЗДЕЛ IV

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Глава 16. От покорения природы к природосберегающему развитию

16.1. Генезис эндогенных оснований устойчивого развития современной цивилизации

В XX в. вся биосфера оказалась вовлеченной в жизнедеятельность человечества и на Земле возник кроме уже существовавших геологического и биологического еще и антропогенный круговорот вещества и энергии, который разрушает естественные механизмы саморегуляции биосферы.

Важнейшей проблемой, непосредственно связанной с экологическим кризисом, является «демографический взрыв», который обусловливает перспективу исчерпания традиционных продовольственных и энергетических ресурсов. В свою очередь, наращивание производства продовольствия путем интенсивных технологий привело к истощению плодородия почвы. Традиционные энергетические ресурсы не только ограничены — их использование загрязняет атмосферу. В настоящее время планета буквально тонет в массе отходов промышленного производства. Но еще раньше создание и наращивание ядерного оружия поставило человечество на грань самоуничтожения. Очевидно, что сохранение существующих тенденций развития человечества приведет в самое ближайшее время к глобальной катастрофе.

В этой связи все больше внимания обращается на тот факт, что биосфера планеты — это не только глобальная, но и целостная система жизни, а согласно гипотезе, сформулированной Дж. Ловелоком, «планета ведет себя как единый организм, даже одушевленный»[1]. В этих условиях устойчивость (при общей динамичности) состояния в конкретных точках биосферы все больше зависит от интегрального результата взаимодействия человеческой цивилизации с природой в целом. В свою очередь, общее состояние биосферы в силу накопления интегрального эффекта все больше зависит от единичных локальных событий, которые могут стать отправной точкой для цепной реакции катастроф. Поэтому все локальные группы человечества (нации, этносы и т. д.), будучи пространственно локализованы, находятся в состоянии зависимости от природосовместимых действий друг друга.

Однако тенденция к объединению усилий человечества перед экологической угрозой проявляется противоречиво. С одной стороны, доминируют интеграционные процессы, усилившиеся с развитием информационных технологий и протекающие прежде всего в сферах технологий, экономики, политики и воспринимаемые как неизбежное веление времени. С другой стороны, интеграция в этих сферах наталкивается на столь же масштабные тенденции, разделяющие страны и людей, особенно в сфере охраны окружающей среды. Увеличивающееся число глобальных проблем и их углубление[2] являются признаком беспрецедентного кризиса цивилизации, уходящего корнями в историю европейской культуры.

И это кризис не отдельных сторон бытия, а основных форм жизнедеятельности индустриально-технологической цивилизации. Он касается современного человека вообще, способа его самореализации, ибо все страны мира, все народы, пытаясь достичь уровня жизни промышленно развитых стран Западной Европы и Америки, стремятся идти по их пути.

Необходимы радикальные сдвиги в отношениях общества с природой, смена самой парадигмы общественного развития, отказ от позиции человеческой исключительности и принятие концепции органичной «встроенности» человека в биосферу. Такая концепция предполагает не только иной образ природы, иное представление о ее роли в развитии цивилизации, но также возможность и необходимость естественной эволюции каждого общества и цивилизации в целом в новое, сопряженное с природой состояние, которое исходно связано с преодолением культурно-антропологического кризиса. По сути дела, речь идет о глобальной социальной революции, которая изменит этические установки, систему ценностей и норм человеческой деятельности и которая захватывает все конкретные общества, составляющие современную цивилизацию, причем сущность этой революции связана как раз с тем, что она не просто захватывает все страны (конкретные общества), — она разворачивается относительно цивилизации как некоторой системы, становясь важнейшим этапом формирования ее целостности.

16.2. Парадигмальное ядро и экологическая несовместимость техногенного общества

В результате эндогенной модернизации в странах Запада утвердилась техногенная цивилизация. Для характеристики этой цивилизации выделяют систему ценностей, мировоззренческих ориентиров, составляющих «своего рода культурную матрицу», нечто вроде «генома» данного типа цивилизации, обеспечивающего воспроизводство и развитие специфической, производственной, социальной и индивидуальной жизни на определенных основаниях. Эти ценности выражены в понимании того, что есть человек, природа, власть и господство, совесть, честь, труд и т. д. Ключевое значение в системе ценностных приоритетов техногенной культуры имеет понимание человека и его свободы. Как пишет В.С. Степин, «в системе ценностных приоритетов техногенной культуры человек понимается как активное существо, которое находится в деятельном отношении к миру»[3].

Быть человеком в новой культуре означает располагать некой всеобщей сущностью, которая центрируется в разуме. Человек приобретает самость и субъективность, только восходя в эту позицию, становясь всеобщностью, разделяя себя с разумной сущностью, сопрягаясь с ней. Бытие здесь так же, как и в традиционном обществе, предстает в своей жесткой необходимости и телеологическом долженствовании: человек, существуя сам по себе, тем не менее воспринимает долг как божественное повеление. Новое состоит в том, что фиксируется автономность личности — человек ответствен в своем бытии за самого себя, но сам по себе он есть проявление некой всеобщей сущности и ответствен за себя самого как бесконечную цель. Его ответственность состоит в необходимости постоянного движе-

ния к собственной основе — разумной сущности — и лишь вечного к ней приближения, но никогда не полного соединения. Свобода человека определяется «метафизическим зовом ввысь к совершенству» (Г.И. Петрова).

Личностное самоопределение имеет здесь целевое назначение — восхождение к общечеловеческой сущности. Как отмечает в этой связи Г.И. Петрова, «классика, делая человека субъектом, поднимала его ввысь, к идеалу гармонии, задавала ему целеустремленность проектирования себя, собственного мышления и бытия»[4]. В своих повседневных жизненных проявлениях такая целеустремленность и ответственность за самого себя как бесконечную цель, формируя личную ответственность за свои действия в миру, за свою выгоду, вместе с тем обусловливала те нравственные аспекты «духа капитализма», которые определяли ориентацию активности протестанта не на накопление капитала как самоцель, а на рациональное ведение хозяйства. Эта активность, обусловливая деловую аскезу, собственно, и дает человека «калькулирующего» (М. Вебер), т. е. знающего, в чем состоит его собственная выгода, и потому четко выбирающего цель и рассчитывающего сравнительные издержки, связанные с этим выбором. По мере развития хозяйства такая активность воплощается в экономической рациональности, которая включает точный расчет расходов на оборудование и рабочую силу, учет рынка, его возможности поглощать товары определенных количества и качества. При этом цепочка хозяйственных последовательных действий предполагает разбиение деятельности на этапы и достижение целей в определенной последовательности. Достижение ближайшей цели является средством продвижения к отдаленным. Конечной целью экономической рациональности является получение прибыли. Все остальное — лишнее — безжалостно отсекается, в том числе и собственная жизнь, она превращается в средство достижения цели. Такой человек может характеризоваться как деятельностное существо. Причем «деятельность, имея соответствующую проективной природе человека структуру, включала как необходимые звенья цель, средства, результат и рассматривалась в качестве пути, формы и способа достижения человеком своей сущности»[5].

Вместе с тем мирская аскеза с ее доминантой на активность в миру стимулировала понимание человеческой деятельности как процесса, направленного вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь, природы, которую человек должен подчинить своей власти. Расколдовывание мира в своих предельных (логических) проявлениях привело к пониманию природы как неорганического мира, являющегося объектом, материалом и источником ресурсов для преобразовательной деятельности человека. В соответствии с этими представлениями преобразовательная деятельность человека и есть самое главное предназначение. Идея и деятельность преобразования были, по мнению В.С. Степина, важнейшей составляющей того «генетического кода», который «определял само существование и эволюцию техногенных обществ»[6].

По мере познания законов природы и развития техники вера в абсолютную трансцендентность Бога и вместе с тем мирская устремленность к бесконечному преобразованию мира во славу его оборачиваются техногенной рациональнос-

тью. Как представляется, само по себе использование сил природы в промышленности человеком «калькулирующим» с необходимостью вело к стандартизации деталей и узлов различных механизмов. Накопившиеся к этому времени элементы технологизации — выделения примитивных форм деятельности, которые сводятся к последовательности осуществляемых на природном материале процедур, — получают существенное развитие. Из фрагментарных процедур эти примитивные формы деятельности превращаются в технологии. В свою очередь, изготовление стандартных компонентов технических устройств резко повысило производительность труда, сделало возможным массовое производство и выдвинуло промышленное производство на первый план в народном хозяйстве. Индустрия становится господствующим сектором экономики, а индустриализация — основным средством технико-технологического прогресса. Она возникает в результате отрыва и отделения таких технологий, во-первых, от самого человека (человек превращается в «сменный» материал технологий), а во-вторых, от региональных, местных условий.

В результате такого отрыва начинается работа истории с живой деятельностью как таковой, как с совершенно уникальным предметом, отличным от натуральных предметов и вещей[7]. Технологии, технологизированные и машинизированные формы деятельности можно «оторвать» от конкретных людей, перенести с территории на территорию, из региона в регион, организуя крупное индустриально-промышленное производство в новых региональных, местных условиях.

Индустриализация, рожденная наукой, ориентированной на вещно-технологическое освоение мира, в свою очередь, существенно ускоряет ее развитие. В качестве важнейших компонентов генома техногенного общества утверждаются научно-технический взгляд на мир и естественно-научное мировоззрение, в соответствии с которыми человек, познавая внешний мир и контролируя внешние обстоятельства, способен рационально-научно обустроить природу. При этом идеал активного отношения к природе распространяется и на сферу социальных отношений, которые воспринимаются как внешние, стоящие за спиной индивидов объекты, вполне подвергаемые целенаправленному преобразованию. Преобразование общественной жизни осуществляется по логике, предполагающей разработку на основе познания общественных закономерностей (которые действуют как силы природы) некоего радикального проекта будущего общества и направления пути, по которому следует идти.

Таким образом, очень важно понимать, что современным обществом Запад сделался благодаря не только Реформации, заложившей основы для «рыночного переворота», но и перевороту Просвещения. Наличие двух оснований модернизации предполагает на каждом историческом этапе развития их баланс, который складывается спонтанно в результате борьбы наиболее активной части их носителей. Индустриальное общество порождено не столько буржуазной предпринимательской инициативой самой по себе, сколько соединением науки и материального производства, давшим стартовую площадку для всех эпохальных научно-производственных новаций модерна. В этой связи можно констатировать, что по мере

исторического развития и продукты Реформации, и продукты Просвещения, системно проникая друг в друга, создают условия для качественного изменения друг друга, рыночный обмен получает человеческие основания для эквивалентности и прозрачности, в свою очередь, образование и наука — социальные технологии и механизмы для перехода в стадию личностно-ориентированных. Реформация и Просвещение одинаково необходимы как для успешного запуска всего предприятия европейского модерна, так и для формирования инновационного общества.

В связи с ростом благосостояния индустриального общества меняется не позиционирование индивида относительно своей сущности, а, так сказать, характер соединения людей со своей разумной сущностью, а также отношение к ней. Дело в том, что по мере роста благосостояния общества (появление общества всеобщего благоденствия) существенно меняются представления о потребностях людей. Утверждаются представления о беспредельных потребностях и их бесконечном удовлетворении с помощью все увеличивающегося богатства, когда благ становится все больше и больше, а технологии делаются все лучше и лучше. При этом, стремясь располагать сущим как благом, человек воплощает в результатах деятельности в ее предметных (овеществленных) формах свою энергию, фантазию, силу знания. Причем это делается зачастую за счет полюса субъектности и, прежде всего, тех субъективных качеств, которые определяются внутренним духовным миром человека. Он отчуждает себя практически без остатка в вещах. Сущность человеческой деятельности как бы сосредотачивается в вещах. Чувствуя это, люди начинают строить отношения в зависимости от того, чем и как они располагают.

В результате складывается и особое понимание власти, силы и господства над природными и социальными обстоятельствами, которое В.С. Степин выделяет в качестве важнейшего компонента генома культуры техногенной цивилизации. Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение товарами и присвоение их (вещей, человеческих способностей, информации как товарных ценностей, имеющих денежный эквивалент). Это означает, что в культуре техногенной цивилизации происходит своеобразное смещение акцентов в понимании предметов господства, силы и власти — от человека к произведенной им вещи[8].

Отчуждение, овеществление человеческих отношений переворачивает отношения индивида и социального целого. Государство, корпорация, школа становятся «персонализированными субъектами, а каждый отдельный индивид — обезличенным объектом их деятельности и социальной функцией, поддерживающей целое общество»[9]. Таким образом, в техногенном обществе социальные институты становятся автономной реальностью. В этой своей реальности они предстают вещами и могут быть «присвоены» частными лицами, распоряжающимися ими от имени общества. В результате «модернизация как упорядочение, рационализация и технизация общества по существу оказывается процессом овеществления общества»[10].

Смыслом жизни и развития техногенной цивилизации становится производство материальных ценностей, материальных благ для потребления их человеком.

Образование и воспитание людей, вся система формирования личности направлены на подготовку человека к достижению им возможно высших результатов в борьбе за свое личное счастье, которое неразрывно связывается с достижением личного материального благополучия, в пределе мечтаний — с материальным богатством. Культура стран и народов, нравственные и моральные ценности, духовный мир человека поставлены в полную зависимость от его материального уровня. Они потеряли свое истинное назначение и сами получили материальную окраску. Духовный, интеллектуальный потенциал, сосредоточенный в религиозных конфессиях, общественных организациях, в сферах науки, искусства, литературы, в культурных национальных традициях народов, не может весомо влиять на приоритеты и ценности общества.

Экономические механизмы всех стран, интегрированные в мировую экономическую систему, работают по двум основным принципам: больше производства, больше потребления; сегодня больше, чем вчера, завтра больше, чем сегодня. Приоритет материальных ценностей в жизни определяет в настоящее время и главные устремления людей — получение и приумножение личных материальных благ, за которыми следуют богатство и власть. Деньги, богатство и власть стали главными богами, главными идеалами поклонения людей. Стимулируя неудержимое стремление к располаганию сущим как благом, такое понимание Прогресса только усиливает асимметрию в распределении богатства, безопасности и комфорта. Число людей, живущих сегодня в бедности, превышает общее число жителей Земли начала XX в. Причем неустойчивые образцы жизни и деградирующая бедность существуют везде. Это величайший провал в путях развития и стратегиях, принятых в XX в. Но это только, так сказать, экстенсивное свидетельство несостоятельности индустриального модернистского общества.

Одновременно нарастают процессы, свидетельствующие и о его полной сущностной несостоятельности. Речь идет о культурно-антропологическом кризисе. Он связан с виртуализацией. Овеществление приходит к своему логическому завершению в обществе массового потребления и массовой демократии. «В благополучном обществе массового потребления и массовой демократии Свобода и Прогресс перестают быть реальной проблемой..., а стало быть, аутентичной реальностью, тем универсальным “рефреном”, по отношению к которому артефакты и социальные технологии суть “знаки”, постольку социальные институты, возникшие как следствие овеществления, теряя свою власть над индивидом, становятся образом, включенным в игру»[11].

Хотя технологии виртуальной реальности вызваны к жизни императивом рационализации общества, его модернизацией, именно компьютерные технологии оказались наиболее эффективными инструментарием симуляции общества. В результате императив симуляции ведет к превращению компьютерных технологий в инфраструктуру всяческого человеческого действия, к превращению логики виртуальной реальности в парадигмальную для человеческого действия. В экономике производится не вещь (шампунь, костюм, автомобиль), — после двух столетий технологической революции создание вещи не является больше реальной

проблемой, — а образ (привлекательности, уверенности, стильности, уникальности, респектабельности). Симуляция проникает во все сферы человеческой деятельности. В политике благополучие власти во многом зависит от того образа, который она себе создает. В науке «академический статус становится функцией образа компетентности, заслуживающей финансирование»[12]. Виртуализация общества связана, по сути дела, с ростом в обществе символического капитала, под которым П. Бурье понимает престиж, репутацию, имя и т. п.[13].

«Окружающая среда из вещно-предметной становится информационно-знаковой. Естественное вытесняется искусственным, для которого природа является материалом, а отношения с ней приобретают преимущественно функциональную форму. Форму деятельности»[14]. Тотально включенные в совокупность искусственных социотехнических отношений как особую реальность индивиды должны строго выполнять предписываемые им действия. Схемы их деятельности и кооперации начинают выстраиваться и действовать по логике вещей как бы независимо от людей, от их переживания. При этом вещи утрачивают те качества, которые так или иначе связаны с чувственными переживаниями людей. Но именно эти качества определяют язык вещей, тот статус, в котором фиксируется, что они делаются с любовью и охотой, делаются ради того, во что человек верит или чего желает; и именно этот статус вещей вызывает у людей воодушевление и вдохновение. Начинают вырождаться и социальные измерения многомерной человеческой индивидности: индивид воспроизводится как элемент социально-вещественного мира, как товар с определенными качествами и потребительскими свойствами.

В социотехнической системе межчеловеческие отношения перестают регулироваться до- и внерациональными способами: чувствами, обычаями, верой, любовью и ненавистью, идеалами, противопоставлением добра и зла, греха и наказания, прекрасного и безобразного. Личное благосостояние и социальное уважение здесь определяются степенью соответствия функциям системы, все меньше включающей в свой механизм требования морали или заповеди религии. Стремясь к благосостоянию и социальному уважению, человек начинает сам манипулировать своим поведением в интересах социотехнической системы. Широко распространенным становится применение психотехники вплоть до кодирования, моделирования и прочих форм зомбирования личности.

Общение людей сводится к передаче информации о событии, имевшем место в определенной точке, и тем самым «утрачивается самое существенное в событии: осознанное переживание и самовосприятие субъекта в переживании»[15]. Подобная информация не является элементом культуры, поскольку «не служит объективным выражением духовного переживания, а остается в сфере вещей, предметов»[16].

Возникает антропологический кризис, суть которого в том и состоит, что деятельность человека, лишенного своих природных оснований, отвращенного от духовного творчества и замкнутого в искусственном фантастическом мире, приобретает характер «дичайшего выражения субъективного формотворчества», являет собой уже «ничем не сдерживаемые гримасы субъективности и самореализации»[17]. И чем в большей степени искусственный характер носят цивилизации,

тем более развита у людей способность к субъективному формотворчеству. Мир таких людей организуется по сценарию, рожденному из фантасмагорических образов подсознания, с сильно выраженными психоделическими, эротическими и некрофильными мотивами. Будучи отлученными от тела, от природы, они впадают в агрессию по отношению и к природе, и к другим, и к себе, своему телу. У людей «возникают патологические связи, и тогда они могут кого-то мучить просто потому, что у них возникла душевная аномалия и они испытывают удовольствие от страданий других»[18]. Возникает угроза самому человеку как виду вследствие дальнейшего развития патологических связей и превращения «удовольствия от страданий других» в конституирующий признак человека.

Так выявляется факт, что социоцентричность устремлений человека, оставляющая в забвении его собственное экзистенциальное бытие, не способна содействовать истинному преображению мира и человека. Оказывается, что реорганизация и усложнение социальности далее невозможно без развития личности. Обнаруживается зависимость социальности от индивидного развития людей, от развития индивида как некой целостности, которая превосходит мир социальности. Таким образом, произошла своеобразная инверсия ценностей «генома» техногенной цивилизации. Это и обусловливает существо разворачивающегося культурно-антропологического кризиса.

Очевидно и то, что культурно-антропологический кризис есть предельное выражение того механизма эволюции человека, который возник после грехопадения. Первобытный человек с его ненасильственным гармоничным взаимодействием с миром, объекты которого соответствовали его собственной внутренней природе и потому не были для него разрушительными, поступал в соответствии с принципом удовольствие — неудовольствие (что захотелось, что приятно, то и сделал). После того, как внутренний мир человека распался на добро и зло, акцент во взаимодействии с миром и с самим собой переносится с приятного на полезное. Последнее оценивается с точки зрения существующих стереотипов, установок, норм. Человек должен теперь блокировать «вредные», «опасные», «не полезные» действия.

В отличие от животных человек способен «поступать наперекор своим животным инстинктам, он может подавлять эти инстинкты до такой степени, что становится невротиком, вследствие чего его личность как целое не способна более нормально функционировать. Такую высокую цену человек платит за свою большую по сравнению с животными свободу. По этой причине и человеческое эго тоже постоянно оказывается перед искушением уклониться от следования инстинктам, что в итоге может привести к серьезным затруднениям в психической деятельности»[19].

В этой связи, видимо, наиболее адекватный путь преодоления (выхода) из антропологического кризиса связан с переходом человека от внутренней диссоциации и дисгармоничности к целостности и гармонии за счет трансформации своей внутренней природы. Но проблема заключается и в том, что внутренне расколотый дисгармоничный человек создал вокруг себя такой же дисгармоничный мир. Это связано прежде всего с тем, что в обществе, где доминирует страсть к располаганию сущим как благом, вещи востребуются лишь как носители благ, только

в их социально-вещественной определенности, но не в качестве объектов природы. Тем самым индустриализм с его ориентацией на крупное машинное производство, возникающее на основе выделения примитивных форм деятельности, сведения их в последовательность осуществляемых на природном материале операций (процедур) с использованием сил природы, приводит к отрыву и отделению деятельности от природы. Дело в том, что «соединение» этих фрагментарных процедур, этих примитивных форм деятельности в технологии связано с редукцией, сведением социального бытия вещей к их отдельным свойствам, при этом вещь как объект природы «вырывается» из природы, фигурирует как нечто элементарное — кусок природного материала.

В результате такой редукции продолжает возрастать вредное воздействие человека на природу, которое разрушает естественные механизмы саморегуляции биосферы. Эти нарушения еще недавно носили локальный характер и более или менее компенсировались природой, оставляя лишь шрамы на ее теле, но не уничтожая ее целостности. В настоящее время разрушению подверглась сама эта целостность. Отдельные исследователи считают, что «непомерно перегруженная наша биосфера уже не вернется сама к состоянию равновесия. XXI век будет вызовом человечеству, которого не знала история» (В.В. Семенов). Попытки же вернуть биосферу в равновесное состояние, как полагает В.В. Семенов, обречены на провал, поскольку человечество еще не достигло той стадии единства, когда можно действовать согласованно, адекватно требованиям экологического императива. Более того, природа до сих пор воспринимается как механическая система и к решению экологических проблем человечество подходит как к инженерной задаче, пытаясь создать соответствующую индустрию.

Речь идет не о создании условий для эволюции общества и цивилизации в сопряженное с природой (биосферой) состояние, а о наращивании технико-технологических систем, способных по принципу обратной отрицательной связи реагировать на нарастающую целостную реакцию природы. Это, с одной стороны, не дает никакого позитивного результата, поскольку биосфера как целое, как организм требует другого, не инженерного подхода. С другой, только усиливает тотальность техногенной системы, стимулируя тенденции, связанные с ее превращением в социотехническую. Последняя же только усиливает антропологический кризис, неустранимым последствием которого является рост агрессивности людей, в том числе и по отношению к природе. Круг замыкается, и разомкнуть его может только экологическая катастрофа. Вот почему некоторые мыслители трактуют возникшие проблемы как неразрешимые и считают, что коллективное планетарное самоубийство неизбежно — «в лучшем случае, мы можем только спорить о сроках наступления грядущей катастрофы, к которой подвела современного человека присущая именно ему форма рациональности» (В. Хесле). Эта коллизия и есть основное противоречие цивилизации, осмысление которого приводит к осознанию тупиковости и исчерпанности традиционных принципов техногенной организации общества.

16.3. Проблема генезиса предпосылок новой Реформации

Смена парадигмы общественного развития связана с новым синтезом духовных и материальных начал Реформации. Коллективная человеческая психология преобразуется посредством мощных идейных реформаций, по энергетике равных мировым религиям. Эта особенность смены парадигмы общественного развития особенно четко проявляется сегодня, когда на первый план выдвигается задача предотвращения глобальной экологической катастрофы, когда стандарты жизни западных стран и сопутствующий им потребительски-гедонистский комплекс активно заимствуются другими странами, невзирая ни на возможности их экономики, ни на вероятность глобальной экологической катастрофы. В этих условиях все более нарастает ощущение, что человечество стоит на пороге решительных перемен, затрагивающих основные принципы миро- и жизнеустроения. Несомненно, что экспансия потребительской психологии рано или поздно будет остановлена, но не простыми запретами или проповедями. Можно придумывать различные концепции, программы и рациональные планы, но все они будут рушиться, как только в игру вступят страсти. «Страсти может усмирить только очень мощный дух»[20]. «Человечество стоит на пороге новой, постиндустриальной аскезы, основанием которой является экологическое самоограничение потребительских обществ. Но аскеза никогда не выступает в качестве одной только материальной необходимости — нужна ее высшая, духовная легимитизация, отнесенность к первооснованиям, к первосмыслам человеческого бытия»[21].

Пока неясно, как произойдет такая легимитизация, и взоры исследователей все чаще обращаются к религии. Как считает А.С. Панарин, отступление гуманитарной культуры перед технической связано с иссяканием религиозной энергии в современном мире. «Гуманитарная культура не может выжить в мире, где “Бог умер”, ибо там, где слабеет присутствие идеала и роль духовного измерения, там неизбежно усиливается самодовлеющая телесность в таких ее ипостасях, как техницизм, вещизм и безудержный гедонизм»[22]. Но, как представляется, иссякание религиозной энергии — исторически естественный процесс.

Собственно, сам проект модерна, возникший в Новое время, с его наукоцентрическим ядром, по мнению некоторых исследователей, является реакцией на истощение религиозной энергии, «ответом на неудачные попытки найти на религиозно-теологической почве межконфессиональный синтез и примирить “развоевавшуюся” Европу, столкнувшуюся с непреодолимостью конфессиональных конфликтов и войн. Растянувшиеся почти на двести лет попытки объединения Европы с помощью межконфессионального синтеза и примирения (от Николая Кузанского до Бруно) привели к полному разочарованию в них, а вместе с тем и в религии вообще»[23]. При этом религии не только не смогли обеспечить межконфессиональный синтез, но и продемонстрировали стремление манипулировать человеком, особенно концентрированно выразившееся в борьбе с ересью. Разочарование в религии привело к тому, что фокусом упований европейца стал не религиозный, а научно-технический универсализм.

В соответствии с этой ориентацией в проекте модерна на первое место выдвигалась наука, нацеленная на земное обустройство человека с помощью зависимой от нее техники. Взамен хаоса мнений и теологических споров, ведших к необратимым конфликтам, предлагалось «создать такое общезначимое рациональное предприятие, как новая экспериментальная наука, практиковать которую могли бы все люди независимо от их конфессий, национальностей и социального статуса, следуя "естественному" свету разума»[24]. Запад осуществил этот проект в ходе органической (эндогенной) модернизации, которая предстала как процесс перехода общества от традиционного состояния к экономике и предпринимательству капиталистического типа, гражданскому обществу и правовому демократическому государству, демократическим свободам и т. д. В социокультурной сфере модернизация связана с развитием индивидуализма и безличных форм социального взаимодействия как базовых, с секуляризацией и растущим разнообразием форм духовной жизни, с рационализацией сознания на основе широкого распространения достижений научно-технического прогресса и специфических форм рыночного регулирования экономики и предпринимательства.

Реализовав проект модерна, человек создал новую действительность. Если традиционные культуры овладевали лишь небольшими пространствами и небольшими массами людей, то техническая культура осваивает огромные пространства и распространяется на огромные массы населения. В эпоху господства техники все делается мировым, все распространяется на всю человеческую массу, и человек ощущает эту всемирность и планетарность. Дело в том, что сотворив с помощью науки надприродный мир, человек стал утрачивать естественные корни. Вырвавшись из природной среды, он устремился в космос артефактов. Стремясь к обладанию, человек делит мир на предметы и учится смотреть на самого себя как на предмет, как обособленный атом, для которого вселенское целое — пустая абстракция. В результате происходит деградация субъектности и, прежде всего, субъективных качеств человека. Человек оказался выдернутым «из природной среды и помещен в технизированный мир — это означает, что его макрокосмичность не уловлена и не освоена»[25]. Мир рассматривается как совокупность вещей, в которых нет места духу. Искусственный мир лишает дух опоры в реальности[26].

Таким образом, произошла своеобразная инверсия ценностей «генома» техногенной цивилизации. Свобода человека, определяемая, как уже говорилось, «метафизическим зовом, ввысь к совершенству» (Г.И. Петрова), оказалась свободной от его самости, внутренней природы. Это и обусловливает существо разворачивающегося культурно-антропологического кризиса. Фиксируется прежде всего тот факт, что, оказавшись вне племени, вне полифонии первобытного чувственного коллектива и не будучи автономным и суверенным, человек сталкивается один на один с тотальностью мира. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. «Выходом из этого кризиса стало откровение, давшее то, что можно назвать Главной книгой, вытеснившей племенные мифологии и учения философов»[27]. В религии человек пытается понять абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. Вокруг своей Главной книги, как считает

Г. Померанц, и «лепились» все культуры средних веков. Великие мировые религии, вышедшие когда-то за рамки племен, привели к духовной интеграции огромных регионов, создали каждая целый мир, христианский мир, мир ислама и т. д.

Но специфика современности, видимо, в том, что люди встали перед императивом взаимодействия, так сказать, напрямую, как самодостаточные целостности, как культурные миры. Они теперь живут и действуют в едином мире. Вместе с тем диалог людей, предстающих друг перед другом как культурные миры, возможен как диалог откровений. Однако то, что было естественным состоянием для экзистенциального бытия, возникающим в произвольном относительно биологических инстинктов действии первобытного человека, — взаимопроникновение, взаимоучастие («осязание сердцем»), причастность к целому в качестве целого — недоступно современному человеку.

Человечество вновь, как и две тысячи лет назад, когда зарождались религии, возвращается к освоению изначальных смыслов духовного созидания, к тем первообразам культуры, которые составляют ее фундаментальные основания, к той первобытной мудрости, которая содержит в себе все религии и все науки. Грядущая реформация как раз в том и состоит, что современному человечеству предстоит не просто соприкоснуться с культурными артефактами, но воспринять первогенезис явлений культуры как процесс. При этом необходимо не пассивное созерцание, а воспроизведение первообразов культуры, не «погружение» в культуру как в процесс, в котором объективируются продукты человеческой деятельности и происходит приращение все новых вещных и иных манифестаций человеческой активности, а полноводное живительное духовное преображение, возникающее в сопряжении с природой и Космосом, которое составляет первосмысл культуры, ее живой нерв.

Таким образом, грядущая реформация как процесс трансформации потребительской цивилизации в общество, естественным основанием которого станет сопряженное с природой состояние, зиждется на новых цивилизационных синтезах, в основе которых ценности, восходящие к «доосевому» времени. «Открытие такого рода общечеловеческих ценностей и составляет главную задачу современной культуры, смысл того, что можно было бы назвать новой духовностью — более универсальной, чем все предшествующие ей формы. Не надо преуменьшать сложность и трудность этой задачи. Речь идет о глубочайшем перевороте в духовной жизни человечества, который по своим масштабам и последствиям, возможно, превосходит духовную революцию, вызванную рождением мировых религий»[28].

Как представляется, предвестниками такого переворота являются тенденции роста синергетических взаимодействий локальных цивилизаций, проявляющиеся в грандиозной, длящейся уже несколько десятилетий трансформации, для обозначения которой А. Тойнби еще в 1947 г. ввел понятие «постмодерн». Речь идет о «проявлениях постмодерна применительно к общим принципам постижения и организации жизни… Самое важное здесь, пожалуй, отказ от метаистории, т. е. универсальной исторической концепции, выстраивающей всю историю в одну стройную и последовательную схему», «отказ от попыток расколдования мира

и от расколдования как цели»[29]. Исчезает казавшаяся когда-то прочной культурная иерархия. При этом «культура дифференцируется на малозависимые или вовсе независимые друг от друга культурные стили, формы и образы жизни»[30]. В результате существенно меняется социальная реальность. Как формулирует Н. Беркинг, «там, где было общество, стала культура»[31].

Вследствие усиления роли индивидов в общественной трансформации (субъективизации общества) следует ожидать возрастание катастрофических последствий, по крайней мере, на первых этапах постмодернистских трансформаций. Вообще говоря, этот механизм подготовки реформации уже, видимо, давно «запущен». В XX в. его неумолимость, нарастающая жестокость и масштаб проявились так, как не было ни в какой другой период человеческой истории. Причем для легимитизации этих действий его субъекты все более активно используют не идеологию, как было в индустриальную эпоху, а религию. Скорее всего, реформационный переворот будет результатом взаимодействия созидательной и разрушительной тенденций. В этих условиях только актуализируется необходимость поиска некатастрофических путей реформации, выявление механизмов, обеспечивающих самоорганизацию человечества, способного противостоять разрушительной силе инструментальной мощи человека.

В свете сказанного выше, поиск постмодернистских оснований трансформации современного российского общества — не плод любопытствующего сознания, а острая практическая необходимость. «Модернизация России, в конечном счете, должна создавать условия для постиндустриализации (т. е. постмодернизации). В противном случае она теряет смысл, поскольку не решает на современном уровне ни одной из возникших перед Россией проблем… Стратегия российского обновления должна ориентироваться на то, чтобы сработать на опережение, учитывая не сегодняшний, а завтрашний день мировой науки и техники, социокультурного прогресса и политических структур»[32]. Такая стратегия обусловлена становлением нового измерения социального бытия, связанного с актуализацией историко-культурных детерминаций социальных процессов. Надо исходить из того, что набирающие силу постмодернистские тенденции принципиально меняют представления о механизмах развития общества, об основаниях его конституирования в мировом сообществе. То или иное общество, включаясь в мировое сообщество, не выходит на «столбовую дорогу» цивилизационного движения, копируя авангардные страны, а, опираясь на свои сильные стороны, развивая свою социокультурную специфику, вносит свой уникальный вклад в общецивилизационное развитие, прежде всего на путях решения глобальных проблем современности.

К чему приводит игнорирование социокультурных факторов развития, хорошо видно на примере современных российских реформ. Свобода и Прогресс, прочитанные через призму культуры уходящей модернистской эпохи и понятые в качестве нарастающего располагания и обеспеченности сущим как благом, обернулись ожесточенным, ничем не сдерживаемым перманентным переделом вещных «благ», созданных в советскую эпоху. В этой связи не случайно вместо обещанно-

го инновационно и социально ориентированного рынка страна вдруг откатилась назад, к эпохе первоначального накопления.

Более того, исключение из наличного актуального бытия недавнего прошлого обернулось элиминацией из общественного развития механизмов, формирующих будущее, таких социальных институтов, как наука и инновационное предпринимательство. Во всем мире существуют формы поддержки государством рисковых высокотехнологичных фирм, в России же зона инновационного бизнеса является, по существу, зоной бедствия, где предприниматели не только не имеют никакой поддержки и работают на свой страх и риск, но и реализуется без каких-либо ограничений агрессивная стратегия зарубежных конкурентов, направленная на разрушение российских инновационных фирм.

Вообще говоря, попытка ускоренной вестернизированной модернизации, игнорирующая постмодернистские реалии, — опасная затея. Она предпринималась без учета характерной для России специфики, выражающейся, в частности, в том, что основанием цивилизованного синтеза того социального пространства, которое объединяет Россия, является «рациональность по ценностям». Этот тип цивилизационного единства строится на «неспособности проводить последовательное различие между повседневными рутинными обязанностями и высшим служением». В такой цивилизации «из всех сил, движущих общественной жизнью, наиболее могущественной и в конечном счете всегда побеждающей оказывается всегда сила нравственной идеи, поскольку она есть вместе с тем нравственная воля, могучий импульс осуществить то, что воспринимается как правда в общественных отношениях»[33]. Западная же цивилизация построена на «рациональности по цели», которая предполагает дистанцирование от ценностно-эмоциональных начал на путях формализации. Запад решает проблемы своей цивилизационной стабильности на основе умения освобождать осуществление любой общественной функции от ценностных нагрузок. Очевидно, что по специфическим, характерным для «рациональности по целям», «критериям успеха», доминирующим в эпоху модернизации, Россия проиграла соревнование с Западом. Настойчивое же стремление вновь вернуться к вестернизированной модернизации в России без учета ее специфики оказывается все более опасным. Об этом свидетельствуют, в частности, последние события, разворачивающиеся на геополитической сцене. Они определенно показывают, что Запад сумел воспользоваться вестернизированной модернизацией и «эмигрантским комплексом» (А.С. Панарин) новой российской элиты для массированного наступления по многим геополитическим направлениям. Стратегия вестернизированной модернизации России в условиях эволюции человечества к постмодернистской реальности была обречена с самого начала.

Очевидно, что масштаб задач реформирования России в контексте формирующейся постмодернистской эпохи возрастает. Но в своем цивилизационном развитии Россия должна опереться на те стороны своей самобытной культуры, которые приобретают особое значение в связи с обострением экологических проблем. Речь идет о таком синтезе соответствующих архетипов народной жизни и их

инструментальном (социально-организационном) оформлении, которое, с одной стороны, обеспечивает решение этих проблем, с другой — адекватно постмодернистской эпохе. В этой связи исследователи, констатируя наличие искомых архетипов в русском национальном идеале, весьма пессимистично оценивают возможности их институциального конституирования в современном российском обществе. В частности, отмечается, что «в качестве основы, доминанты русского национального идеала издавна выдвигается надличностное, надындивидуальное начало — стремление к общественной справедливости и правде»[34]. Это означает, что «если возникает альтернатива "личная святость или общественная справедливость?", то приоритет безоговорочно отдается последней, как представительнице интересов "общего блага". Что же касается личности, то ее величие, или "святость", измеряется общественной направленностью и смыслом намерений и деяний, а критерием выступает способность понимания и сострадания к другому человеку, ближнему и дальнему»[35]. Эта доминанта приводит к формированию специфической (парадоксальной) особенности русской культуры. «Русский парадокс», по мнению В.С. Степина, А.А. Гусейнова, В.М. Межедева, В.И. Толстых, как раз и состоит в том, чтобы отстаивая «свое», стремиться к исторической справедливости, а не к тому, чтобы принизить «чужое» или отстаивать «свое» в ущерб «чужому»[36]. Этот парадокс обусловливается стремлением «обрести себя в человечестве» (Чаадаев), в соответствии с которым, «мало получиться индивидуальностью, надо еще оказаться на уровне человечества». Эту планку русский человек сам положил себе, и оттого великий Достоевский с изумлением и понятной опасливостью констатировал: «Широк русский человек, надо бы сузить». Русское мировосприятие специфично не только отношением к человеку, но и к социальности. «Особенность подхода русских мыслителей состоит в том, что они исходили из широкого духовного и культурно содержательного истолкования общих оснований цивилизационного бытия, в частности, не умаляя значение права, они делают акцент на духовном и нравственных началах деятельности государства…»[37]. Таким образом, русское самознание стремится уйти и от культа социальности и от культа индивидуальности, как бы предчувствуя, что ни то, ни другое к добру не приведет.

В данной связи исследователи констатируют тот факт, что в наши дни, когда впервые в истории встал во весь рост трагический, поистине судьбоносный вопрос о выживании человечества, «идея общечеловеческих ценностей в ее русском усвоении и прочтении позволяет нащупать ахиллесову пяту всей современной цивилизации, увы, пока мало озабоченной собственно человеческим — духовным, нравственным — итогом и последствиями своих весьма неоднозначных по последствиям деяний, новаций и достижений»[38]. В этих условиях пафос русского идеала в отстаивании абсолютного приоритета общечеловеческих ценностей, сопровождающийся неприятием эгоистической, индивидуалистической «закваски» западной цивилизации, приобретает глобальное практическое значение.

Однако такие качества русского миросозерцания и самосознания, как «благоговение ко всему человеческому — к добру, красоте и правде», «развитие таких

нравственных качеств национального характера, как миролюбие, кротость и смирение (терпение)» в соответствующих обстоятельствах, с одной стороны, оборачивались в свою противоположность: «миролюбие — в примирение с действительностью, общественной несправедливостью; кротость — в непротивление злу; смирение — в малодушие, преклонение перед силой и т. д.»[39], с другой — в социально-политической сфере приводят к узурпации власти номенклатурой (боярской, партократической и т. д.). Еще более жестко особенность российской культуры оценивает В.И. Мильдон: «В России и по сей день, — пишет он, — все (подчеркиваю!) политические, социальные, административные, бытовые учреждения — от парламента до парикмахерской — являются целью для самих себя, средством же их существования оказывается человек. Он по-прежнему всего-навсего инертный материал; по-прежнему лишен — и действиями власти и своей реакцией на эти действия — того, что можно назвать культурной средой, ибо на протяжении тысячелетий его среда природна. В России человек — все еще народ, тогда как на Западе распространяется иная формула: народ — человек». Согласно В.И. Мильдону, таков вообще жребий человека в мире. «Но на Западе Европы система политических учреждений движется к тому, чтобы превратиться в средство, которым люди могут воспользоваться для вочеловечивания… Русский человек — все еще “человек природы” и ему только предстоит сделаться человеком»[40].

В этой связи В.Е. Кемеров видит основную трудность присоединения России к постиндустриальной эпохе в наличном уровне развития общественных связей и форм, представляющих собой некий творческий «хаос» жизни и не обеспечивающих устойчивой кооперации индивидуальных сил и способностей[41]. Такой характер социальных связей есть следствие недоопределенности, непроявленности, а стало быть, и нереализованности форм общественной жизни в России.

Как представляется, оборачивание в свою противоположность таких качеств русского миросозерцания, как благоговение ко всему человеческому, к добру, красоте, правде, обусловлено тем, что русский человек тяготеет к состоянию произвольного действия, для которого характерна полифония с другим, с миром, с природой. В произвольном действии человек трансцендирует — переходит в истинное измерение и находится в ответственном согласии, сопряжении, а не в компромиссе с другим и миром. Но состояние ответственного согласия строится на доверии и откровенности в служении чему-то более высокому, чем повседневное бытие, на искреннем стремлении разделить тяготы и действия с другим, не лукавя и не перекладывая свою долю на других. Здесь совесть, а не внешняя норма закона есть критерий соучастия в общем деле. В соответствии с этим формируются понятия справедливости и правды, ориентированные не на формальные, а на нравственные критерии. Однако в модернистском обществе с его подходом к человеку как к средству эти качества оборачиваются против личности. Откровенность, отсутствие лукавства, служение высшему используются предприимчивыми людьми в своих интересах; и то, что составляло достоинство человека и обеспечивало его целостное бытие в целостном мире, обора-

чивается против него. И если в комплексе миросознания человека отсутствуют актуализированные установки индивидуализма, трудно совершить переход к регулированию взаимодействий на основе абсолютно ничем не стесненных, внешних индивидам, но зато ими самими установленных законов. В этой связи индустриализация в советскую эпоху осуществлялась, так сказать, традиционалистски, а не модернистски, как служение идее, а не как процесс создания определенных — внешних и внутренних — схем деятельности, не как процесс накопления и структурирования человеческого опыта.

Если говорить о грядущей реформации, то, с одной стороны, Россия к ней ближе, с другой — дальше, чем Запад. Ближе — потому что в российской культуре существуют элементы, связанные с воспроизводством процесса первогенеза культуры, процесса произвольного действия — произведения себя в сопряжении с другим, природой, Космосом. Речь идет об отсутствии культа индивидуальности и социальности, что и обусловливает необходимую для произвольного действия полифонию взаимодействующих сущностей, человека, социума, природы, Космоса. В этом и состоит особого рода предопределенность вступления России в постмодернистское мировое сообщество. Дальше — потому, что российский человек в силу характерной для российской действительности нереализованности форм общественной жизни столкнется с проблемой их деавтоматизации, деавтоматизации социальных стандартов и норм, как пишет В.Е. Кемеров, с целью их «дальнейшего включения в более широкий социокультурный контекст»[42].

В условиях нарастающего влияния постмодернистских тенденций эту противоречивость российской культуры нельзя разрешить на путях доминирования общества над личностью, как было раньше. Формирование постмодернистской аскезы, как уже отмечалось, предполагает духовную легитимацию, отнесенность к первосмыслам человеческого бытия.

Нельзя игнорировать противоречивость российской культуры, уповая на приоритет духовного, вытекающий из доминанты духовной легитимации, в частности постмодернистской аскезы, с которой может-де начаться постсовременная реформация. Как отмечает А.С. Панарин, духовный потенциал не совпадает с экономическим и научно-техническим и нередко выступает как дополнительность или как компенсация отсталости и материальной слабости[43]. Действительно, «история знает немало примеров того, как народы жили в равновесии с природой и с самими собой на основе духовных практик»[44]. Однако эти народы обычно не выдерживали натиска более активных и агрессивных этносов. В условиях нарастающего ожесточения в борьбе за ресурсы духовный потенциал может компенсировать отсталость только тогда, когда сохранение самобытности, как и развитие, начиная с духовной реформации, будет ориентировано на преодоление материальной слабости. В контексте реалий и приоритетов формирующегося постиндустриального мира «постмодернистская аскеза» может строиться не на том типе экономического развития, когда происходит замораживание потребительских преференций индивидов, а на стабилизации общественных потребностей на основе возрастания требований к качественным характеристикам, повышения на-

укоемкости и природосовместимости продуктов. Без этого невозможен выход человека на универсалии культуры, которые обеспечивают сопряженность человека с биосферой как целым, как живым организмом. Иначе говоря, миpоспасительная идея должна предполагать технико-технологическое развитие, адекватное экологическому и культурно-антропологическому вызову времени.

И именно Россия располагает пока предпосылками для такого технико-технологического развития. Как было показано, технологическое развитие обусловлено наукой, а любая научно-теоретическая деятельность опосредуется предпосылочными знаниями — основаниями науки. Основания науки имеют сложную структуру (исследователи выделяют по меньшей мере три главных ее компонента: идеалы и нормы исследования, научную картину мира и философские основания науки) и выступают в качестве условия и основания выбора средств в системе научной деятельности. Основания науки связаны с мировоззренческими универсалиями культуры каждой исторической эпохи, так что перевороты в науке подготавливаются сдвигами в системе ценностей культуры. Как уже отмечалось, классическая западная наука имеет источником такую систему принципов культуры, которая игнорирует и омертвляет природу. Переход к постнеклассической науке связан как раз с формированием новых оснований науки, становление которых обусловливается в том числе и той локальной цивилизацией, к которой принадлежит данная наука. Наука в постмодернистскую эпоху должна рассматриваться не только как всемирный, общечеловеческий феномен, но и как продукт конкретной локальной цивилизации. В этой связи российская наука, развиваясь в системе принципов российской культуры, имеет адекватные постмодернистскому вызову основания. Другое дело, что в условиях современной вестернизированной модернизации именно эти основания игнорируются самими учеными, как и вся наука игнорируется обществом.

Речь идет о том, что в конце XIX — начале XX вв. в России складывается несколько течений, «мощно корректирующих западную научную классику» (А.С. Панарин). Они подготовили альтернативную модернизму систему принципов для собственно научного мышления. Речь идет, во-первых, о русском космизме, в рамках которого получила осмысление идея человека как микрокосма Вселенной. Космизм альтернативен социоцентризму и антропоцентризму, отрывающему человека от природы и проповедывающему независимость человека и социума от космоса. Как писал В.И. Вернадский, «на основе всего эмпирического понимания природы необходимо допустить, что связь космического и земного всегда обоюдная, что необходимость космических сил для проявления земной жизни связана с ее тесной связью с космическими явлениями, с ее космичностью»[45]. При этом русский космизм отличается от восточных мировоззренческих постулатов, утверждая человека как активного полноценного соработника живого космоса.

Другим течением, «мощно корректирующим западную классику», стала философия всеединства. Здесь развит альтернативный представлениям о конгломеративности и фрагментарности окружающего мира («попустительствующим экологическому нигилизму технической цивилизации» — А.С. Панарин) образ приро-

ды как некой целостности. «...Если предмет истинного познания есть внешний, реальный мир, то не как простая совокупность вещей, а как природа вещей», считал В.С. Соловьев[46]. Философия всеединства возвращает нас от образа природы как мастерской к образу природы как храма, пространство которого будит в нас мотивации высшего порядка, несовместимые с безответственным потребительским эгоизмом. Принцип воединства явился общеметодологической предпосылкой современных понятий биоценоза, геобиоценоза, приобретающих значение не только ориентиров научного знания, но и нормативных принципов, обязывающих уважать целостность космоса. Так наметился переход от эмансипированной науки, подстрекающей авантюры «прометеева разума», к науке, соединяющей теоретический и практический (в кантианском смысле — то есть моральный) разум.

Третьим течением, утверждающим альтернативный модернизму принцип научного мышления, является, по мнению А.С. Панарина, русская натурфилософская школа в лице В.В. Докучаева, А.Л. Чижевского, В.В. Сукачева, отстаивающая доминанту живого в космосе и сам образ космоса как органической целостности. Если для классической западной науки универсальной моделью мира и источником исследовательских установок является неживая природа, то у нас доминирующим является теллургический образ живой матери-Земли и живого космоса. Как показывает новейший опыт, такие представления становятся все более оправданными, и современная наука все больше склоняется к версии самоорганизующегося космоса, ведущего себя не как мертвый механизм, а как живой организм. «Мы считаем, что находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы, — пишут И. Пригожин, И. Стенгерс. — Возможно, когда-нибудь нам удастся соединить воедино западную традицию, придающую первостепенное значение переименованию и количественным формулировкам, и такую традицию, как китайская, с ее представлениями о спонтанно изменяющемся самоорганизующимся мире»[47].

Так или иначе, но грядет новый подъем науки, но это будет другая наука. Глобальный экономический кризис требует глобального методологического переворота: знание об общем (общих основаниях бытия тех или иных объектов) должно предшествовать процедурам утилитарного использования отдельных свойств вещей; сберегающее знание, которое предстоит ускоренно нарабатывать человечеству, требует несравнимо большей фундаментальной глубины, чем прежнее, преобразующие проектное знание. Новая фундаментальная наука с этим новым призванием получит еще большую легитимизацию, чем даже наука в советском обществе. В качестве предмета такой науки будет процесс реконструкции общения и деятельности самих природопользователей и, прежде всего, поиск способов коммуникации и кооперации, обеспечивающих развитие их индивидуальности посредством образования и самоизменения, которые опосредуют собственно преобразование природы. Конечно, такая наука непривычна прагматизму современной эпохи. Она откроется сознанию, прошедшему через горнило мощных идейных реформаций, которые по своим масштабам и последствиям, возможно, превзойдут духовную революцию, вызванную рождением мировых религий.

Глава 17. Концептуальные и социально-технологические решения региональных и экологических проблем в контексте устойчивого развития Сибири

17.1. Концептуальные основы устойчивого развития региона

Сибирский регион — это 16 субъектов Федерации Сибирского федерального округа, в том числе четыре республики — Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия и четыре автономных округа — Агинский Бурятский (Читинская область), Усть-Ордынский Бурятский (Иркутская область), Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский (Красноярский край), а также Тюменская область с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским округами, входящими в Уральский федеральный округ. Площадь региона составляет 6 550 тыс. км^2, или почти 40 % территории России, при этом здесь проживает около 17 % населения страны, плотность населения в регионе составляет 2,7 чел./км^2, что более чем в три раза ниже средней по стране.

Сибирский регион — это «кладовая» природных ресурсов не только российского, но и мирового масштаба. Здесь сосредоточено, по некоторым оценкам, 90 % природных ресурсов России, что соответствует 45 % мировых запасов природного газа, 13 нефти, 23 угля, 20 % пресной воды. Сибирь в настоящее время дает три четверти производимых в России энергоресурсов и остается главной топливно-энергетической базой России[1].

Сибирь сегодня — это не только богатейшие природные запасы, но и достаточно индустриально развитые территории. Около 68 % валового внутреннего продукта (ВВП) Западной и 64 % Восточной Сибири производится в промышленности, это более 25 % промышленного производства страны. Сибирские регионы производят 47 % сырьевого продукта России, в том числе 73 % добычи основных видов топлива, более 29 % заготовки деловой древесины. Регион поставляет около 30 % электроэнергии, что определяет высокую долю энергоемкой продукции — около 81 % алюминия, свыше 50 % никеля и меди, 23 % пластмасс и синтетических смол, 41 % химических волокон и нитей, около 29 % целлюлозы и пиломатериалов. В 1980-е гг. на долю сибирских регионов приходилось 16,7 % ВВП России, сегодня — 24,7 %[2], но думается, что эти данные сильно занижены, так как значительная часть сибирского углеводородного сырья, цветных и черных металлов и иной продукции проходит, минуя каналы государственной статистики регионов-производителей. То есть сегодня лишь часть валютообразующей сибирской продукции учитывается в добывающих регионах, прочая продукция проходит через столичные фирмы.

Следует отметить, что доля Сибири в общероссийском промышленном производстве постоянно растет, но это факт скорее настораживающий, так как он объясняется все большей долей топливно-энергетического и минерально-сырьевого комплексов в ее отраслевой структуре. Промышленность сибирских регионов в еще большей степени, чем всей России, нуждается в структурной перестройке,

ориентированной на более глубокую переработку сырья, выпуск конечной продукции, создании современной производственной инфраструктуры.

Анализ отраслевой структуры промышленного производства свидетельствует, что Сибирь является экологическим заложником как российской, так и мировой, особенно высокоразвитых стран, экономики. Вот уже более четверти века идут интенсивная откачка богатейших сибирских недр, первичная переработка или обогащение сырья и их вывоз в более развитые европейские регионы России и на экспорт. Тем самым из Сибири вывозится наиболее ценное сырье и загрязняется природная среда сибирских регионов. Наблюдается существенное загрязнение окружающей природной среды, особенно в индустриальных центрах и местах добычи и первичной переработки полезных ископаемых. Не случайно, что если на долю Сибири приходится 14,7 % городов, то ежегодно из 20 наиболее грязных городов России семь расположено в Сибири, т. е. 30 %, среди них регулярно называют Братск, Норильск, Кемерово, Новокузнецк, Красноярск, Омск; зачастую в этот список попадают Новосибирск, Иркутск. На юге Сибири наблюдается существенное снижение почвенного плодородия, отмечены территории прогрессирующего опустынивания. Повсеместно сокращается биоразнообразие, особую тревогу вызывает Алтае-Саянский горный и Байкальский регионы.

Разработанные в 2000—2001 гг. Государственная концепция и Стратегия развития Сибири ориентированы не столько на устойчивое развитие сибирских регионов, т. е. их экономики, социальной сферы при обеспечении сохранения экологической среды обитания, сколько на развитие только экономики Сибири, «как важнейшего фактора стабильности и развития России».

В более поздней Стратегии развития Сибири была определена ее направленность на:

обеспечение эффективного участия Сибири в решении общероссийских задач, удовлетворение потребностей внутреннего рынка России и формирование экспортных поставок различных ресурсов;

создание в Сибири до 2002 г. самодостаточной интегрированной экономики, являющейся составной частью единого экономического пространства России и обеспечивающей комфортную среду обитания, высокий уровень жизни населения.

То есть на первом месте экономические интересы России, затем — собственно Сибири. В этих документах были заложены прежние пропорции развития отраслей добывающего и перерабатывающего секторов экономики.

В Концепции и Стратегии развития Сибири стратегические точки роста экономики региона связываются с эффективным сочетанием и использованием трех факторов.

1. Природно-ресурсный потенциал территории, оптимизация механизмов недропользования и формирование финансовых ресурсов территорий.

2. Накопленный производственный и научно-образовательный потенциал. При этом особо выделяется потенциал предприятий военно-промышленного или, в иной редакции, оборонно-промышленного (ВПК или ОПК) комплекса.

3. Уникальное геополитическое положение Сибири и Дальнего Востока. Сибирь находится между тремя центрами мирового развития — странами Северной Америки, Европейского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона.

На сегодняшний день названные факторы, к сожалению, не работают на экономику сибирских регионов. Сырьевые ресурсы вывозятся зачастую без обработки, из-за высоких транспортных тарифов теряется рентная составляющая от низкой себестоимости добычи природных ресурсов и выработки электроэнергии. Кроме того, освоение новых месторождений требует упреждающего развития транспортной инфраструктуры.

Механизмы недропользования малоэффективны, формируются в центре, мало учитывают региональную специфику Сибири, в том числе транспортную удаленность и отсталость инфраструктурных институтов. Финансовые потоки от внешнеэкономической деятельности формируются, контролируются и перераспределяются крупными корпорациями и финансовыми институтами. И федеральный центр, и субъекты Федерации в недостаточной мере контролируют названные процессы. В результате система недропользования все больше выходит из сферы влияния сибирских регионов, на территории которых расположены крупнейшие месторождения углеводородного сырья, минеральных ресурсов и др.

Производственный потенциал сибирских регионов отличается высокой долей тяжелой промышленности, в том числе предприятий военно-промышленного комплекса, и концентрацией их в ряде крупных городов, низкой экологичностью производств. Проводимая конверсия предприятий ВПК не завершена, в итоге предприятия ВПК потеряли свое место на мировом рынке вооружения, но не смогли занять достойного места на рынке мирной продукции. Одной из точек роста экономики промышленности является высокий научно-образовательный потенциал и наличие технических и технологических предложений, в том числе подтвержденных отечественными и зарубежными патентами, по внедрению высокотехнологичных и наукоемких производств в различные отрасли экономики как базы технического обновления имеющегося производственного потенциала.

И, наконец, третий фактор роста связан с геополитическим значением и экономико-географическим положением сибирских регионов. Для эффективного использования данного фактора требуется развитие всех существующих транспортных коммуникаций и, прежде всего, железнодорожных магистралей, создание транспортных коридоров и мультимодальных узлов.

Транспортные коридоры должны иметь как широтное, так и меридиональное направления. Мультимодальные узлы могут располагаться в большинстве центров субъектов Федерации, где пересекаются железнодорожные, автомобильные и авиамагистрали, но наиболее перспективным на современном этапе является Новосибирский мультимодальный транспортный узел.

Стратегическое значение имеет создание транспортных коридоров с выходом на другие страны, а тактическое — развитие внутренних транспортных систем, так как лишь при наличии транспортных развязок внутри регионов и между субъектами Федерации можно обеспечить их сбалансированное развитие.

И Государственная концепция развития Сибири, и региональная стратегия исходят из сырьевой роли Сибири. Более того, эта роль еще и продолжает усиливаться. В Концепции, например, выделено четыре народнохозяйственных комплекса — топливно-энергетический, горно-металлургический, лесопромышленный и агропромышленный; ни машиностроительный, ни химический комплексы, ни легкая промышленность специально не рассматриваются. Акцент сделан на экспортоориентированную добычу и первичную обработку минерального и топливно-энергетического сырья.

Производство техники и оборудования названы лишь в разделе «Новые технологии, развитие науки и образование» и ориентировано на высокие технологии, разрабатываемые сибирскими учеными:

производство ракетно-космической техники;
военная и гражданская авиация;
ядерная энергетика;
электронная и лазерная техника и технологии с их применением;
ускорительная техника;
биотехнологии;
каталитические технологии;
глубокая переработка угля и углехимия;
информационные технологии;
научное приборостроение.

Как видно даже из столь беглого перечисления основных направлений развития экономики Сибири, она останется на уровне сырьевого придатка с недостаточным удельным весом отраслей перерабатывающего комплекса и, соответственно, низким уровнем жизни собственного населения.

Высококачественные предметы длительного потребления будут и дальше частично завозиться из-за рубежа или из высокоразвитых индустриальных районов европейской России.

Дифференциация сибирских регионов продолжится, при этом возможно дальнейшее обнищание населения несырьевых регионов, особенно национальных окраин — республик Алтай, Тыва, Бурятия и др. Кемеровская и Томская области при определенной политике недропользования могут пополнить число регионов «устойчивых доноров».

Сохранится зависимость сибирских регионов и в продовольственных товарах. Хотя, на наш взгляд, продовольственная безопасность сибирских регионов может быть достигнута за счет внутренних ресурсов. Для чего необходимо обеспечить лишь некоторую поддержку аграрно-ориентированным регионам, расположенным преимущественно на юге Западной Сибири, а также Красноярского края и Иркутской области, характеризующихся наиболее благоприятными условиями для аграрного природопользования. Необходимо проведение федеральной и мегарегиональной протекционистской политики, направленной на поддержку сельскохозяйственного производства в рамках природообусловленных видов деятельности. Ныне существующая система специализации сельского хозяйства является

зачастую результатом так называемого выравнивания экономических условий хозяйствования или проведения иных «программных кампаний», как, например, чрезмерный подъем целинных и залежных земель, орошение зерновых культур в степных районах и др., что в конечном итоге оказалось мало эффективно и экологически приемлемо.

На наш же взгляд, устойчивое развитие сибирских регионов вполне реально, если они осознают себя субъектами единого экономического пространства и будут строить стратегии своего развития не с позиций сиюминутных собственных интересов, а с учетом принципов устойчивого самоподдерживаемого развития всех своих элементов. Устойчивое развитие любого региона возможно лишь в том случае, если оно базируется на собственных ресурсах — природных, экономических, социальных, интеллектуальных и т. п. Исходя из того факта, какие ресурсы положены в базис устойчивого развития данного региона, определяются собственно стратегия и тактика его достижения. При этом любая региональная концепция должна вписываться в общегосударственную стратегию и строиться с учетом государственных интересов устойчивого развития.

При разработке стратегии устойчивого развития сибирских регионов, во-первых, надлежит определить место региона в государственной системе, цели и задачи развития данной региональной системы соотнести с принципами устойчивого развития в целом, а также осуществить «вписывание» этих целей и задач в общероссийскую стратегию; во-вторых, должны быть предложены основные направления сбалансированного, устойчивого развития региона (экономические, экологические и социальные приоритеты, территориальные и отраслевые аспекты).

В основу разработки региональной стратегии следует положить принципы региональной индивидуальности, взаимосвязанности и взаимообусловленности элементов триады «природа—экономика—социум», экологического императива регионального развития, пространственно-временной дифференциации территории и стартового состояния региональных систем.

Стратегия регионального развития, в особенности при принципиальной смене парадигмы развития, должна базироваться на оценке региональных ресурсов — природных, экономических, социальных, где наряду с оценкой потенциала региона определяется его место на экономической карте России, а также наличие, направление и потоки межрегиональных и внешнеэкономических связей.

При этом приоритетные — ключевые — направления развития региона определяются по трем сферам, т. е. в области экономики, экологии, социального развития, в территориальном и временном аспектах. Индикаторы и пропорции регионального развития определены с учетом индивидуальных особенностей территорий отдельно для различных отраслей и сфер деятельности, которые условно можно разделить на следующие группы: социальные, экономические, экологические, организационные. Условность такового деления заложена в комплексности выделяемых индикаторов, когда один и тот же индикатор (показатель, пропорция, тенденция) одновременно отражает процессы как экономического, так и социального либо иного характера.

Сегодня разработаны общероссийская и ряд региональных концепций устойчивого развития[3], о достоинствах и недостатках которых можно говорить очень много. Но большинство исследователей сходятся на том, что у России есть ряд важных особенностей, которые могут благоприятствовать успешной реализации стратегии устойчивого развития. Это, прежде всего, наличие огромных пространств, мало затронутых хозяйственной деятельностью; материальных богатств, необходимых для экономического развития; целостной интегрированной экономики, сформированной в автономном режиме; высококвалифицированных людских ресурсов; и, наконец, социокультурная солидарность народов, проживающих на территории России.

Целью перехода к устойчивому развитию является сбалансированное решение социально-экономических проблем с сохранением благоприятной окружающей природной среды и природно-ресурсного потенциала для удовлетворения потребностей настоящего и будущего поколений людей.

На наш взгляд, модель устойчивого регионального развития должна состоять из трех равноправных взаимоувязанных блоков, а именно: экономического, экологического и социального. При этом устойчивое развитие понимается нами не как экспоненциальный рост производства, а как:

а) структурная перестройка экономики;

б) рационализация территориальной организации региональных систем природопользования;

в) социальная стабилизация жизнедеятельности населения региона[4].

На региональном уровне особенно важна роль органов законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации, муниципалитетов, местного самоуправления. Именно они могут и должны обеспечить экологически приемлемый переход к рынку путем создания экономических и политико-правовых механизмов «устойчивого», «сбалансированного», «поддерживаемого» регионального развития.

Каждый регион по своей сущности оригинален и отличается от других характерными природными условиями, присущими ему природными ресурсами и их индивидуальными сочетаниями, структурой населения (половозрастной, социальной, национально-этнической) и расселения, отраслевой и территориальной организацией и уровнем развития экономики и т. п. Поэтому и модель устойчивого развития региона, и алгоритм ее реализации индивидуальны и требуют комплексного, системного, регионально адаптированного подхода, а также предоставления районам — субъектам РФ большей автономии в решении вопросов внутрирегионального жизнеобеспечения (административно-правового, экономико-хозяйственного, социально-экономического и экологического характера).

Общим недостатком многих концептуальных работ регионального уровня является отсутствие либо слабая проработка механизмов достижения поставленных целей. Чтобы избежать этого недостатка, необходимо разработать механизм, включающий политико-правовые, социально-экономические, финансовые и информационно-технологические рычаги обеспечения устойчивого регионального

развития. Выработка действенного механизма — задача ученых, создание же возможностей его успешной реализации является задачей региональных органов управления — законодательной и исполнительной ветвей власти.

Изложенные нами принципы регионального решения проблемы «устойчивого развития» были реализованы для трех таких разных регионов Сибири — индустриального Кузбасса, аграрно-индустриального Алтайского края и аграрной Республики Алтай, имеющей высокий потенциал рекреационного освоения.

17.2. Ресурсодобывающие регионы Сибири: Кузбасс

Кузбасс — один из крупнейших индустриальных центров Сибири.

Издавна здесь добывались золото, серебро, уголь, позднее к ним добавились месторождения железных и полиметаллических руд, бокситов и фосфоритов в районах Горной Шории, Кузнецкого Алатау, Салаирского кряжа.

Образованная в 1943 г., Кемеровская область занимает площадь 95,5 тыс. км^2, на юге и на юго-востоке граничит с Алтайским краем, на западе — с Новосибирской, на севере — с Томской областью, на востоке — с Красноярским краем. Гидрографические и климатические особенности Кузбасса обусловлены наличием равнинной Кузнецкой котловины, окаймляемой на востоке — горными хребтами Кузнецкого Алатау, на западе — Салаирским кряжем, на юге — Горной Шорией. На севере в пределы области заходят равнины Западно-Сибирской низменности.

Промышленность, являющаяся базовой сферой в хозяйственном комплексе Кемеровской области, во многом предопределяет уровень ее социально-экономического развития. По объему промышленного производства Кузбасс занимает 12-е место в Российской Федерации, 5—6-е в сибирском регионе. Индустриальное развитие Кузбасса обеспечивается отраслями угольно-металлургического комплекса. Кузбасс обеспечивает 44 % общероссийской добычи угля, в том числе 74 % коксующихся марок, более 15 % выплавки стали и проката черных металлов, 53 % производства ферросилиция и 10 % алюминия[5].

Наибольшее падение производства в результате кризиса 1990-х гг. наблюдалось в отраслях второго круга — машиностроении и металлообработке, легкой и пищевой промышленности, где объемы производства в 1999 г. снизились по сравнению с 1990 г. на 80 % и более. Однако при общем спаде производства уже к 2000 г. по базовым отраслям (электроэнергетика, черная металлургия, угольная промышленность) объем выпуска продукции практически достиг уровня 1990 г.

Поскольку экономика региона носит явно выраженную сырьевую направленность, а сырьевые отрасли самые капитало- и ресурсоемкие, то при форсированном росте «однобокая» структура валового регионального продукта (ВРП) еще более деформируется, страдает низкой товарностью и невысокой добавленной стоимостью. Нарастают застойные процессы в машиностроении, лесопромышленном комплексе, сельском хозяйстве и сфере услуг. В свою очередь, и в металлургии, и при добыче угля, и в электроэнергетике, где ВРП в расчете на одного рабочего почти на порядок выше, чем в других отраслях, производительность труда остается низкой по сравнению с развитыми странами.

В настоящее время в Кузбассе вклад в ВРП экономики, основанной на современных достижениях научно-технического прогресса, оценивается величиной лишь в 9—10 %, вклад экономики, еще способной обеспечить достаточно стабильное развитие региона, — около 40 %. Около 50 % производств под воздействием фактора времени утратили свою социально-экономическую эффективность и подлежат замене. Соотношение указанных трех групп в экономике региона находится в пропорции 10:40:50. Экономически же обоснованное структурно-качественное соотношение 30:60:10[6].

Для экономики региона характерна высокая фондоемкость. При этом износ оборудования в большинстве отраслей составляет более 50 %, доходя по некоторым из них до 80 %. Старение оборудования происходит опережающими темпами по сравнению с его обновлением[7].

Причины тяжелого социально-экономического положения Кемеровской области разнообразны. Они обусловлены масштабами общероссийского кризиса и спецификой Кузбасса как ресурсодобывающего региона.

Главными экономическими причинами кризисной социально-экономической ситуации являются:

деформированная структура хозяйственного комплекса области, в частности, высокая доля отраслей тяжелой промышленности в структуре ВРП;

несоответствие материально-технической базы современным требованиям (высокая степень износа основных фондов в ведущих отраслях промышленности, низкая доля современных наукоемких производств);

неконкурентоспособность многих видов промышленной продукции, выпускаемой предприятиями области.

Преодоление существующего кризиса возможно при условии неразрывности решения задач экономического развития и сохранения окружающей среды. Но для этого необходима сбалансированная научно обоснованная политика осуществления всей хозяйственной деятельности. Даже в районах с тяжелой экологической ситуацией, как показывают наблюдения последних лет, возможно на основе осуществления необходимого объема природоохранных и природовосстановительных мер добиться значительного улучшения окружающей среды.

Кемеровская область обладает уникальным природно-ресурсным потенциалом, высоким уровнем концентрации производств. По плотности хозяйственного освоения область в 6—8 раз превосходит среднесибирские показатели[8].

Кузбасс располагает разнообразными полезными ископаемыми, потенциальные ресурсы которых используются еще не в значительной мере.

Развитие угольной отрасли Кузбасса, помимо перемещения центра тяжести в новые угленосные районы, предполагает создание инфраструктуры наукоемких технологий глубокой переработки угля, внедрение современных высокоэффективных технологий угледобычи и первичной переработки углей. Значительны перспективы для широкого развития технологии подземной газификации углей.

Дальнейшее развитие металлургической промышленности имеет все необходимые предпосылки: богатые минерально-сырьевые, топливно-энергетические

и водные ресурсы, наличие крупных потребителей металла, высококвалифицированных кадров.

Горно-рудная промышленность Кузбасса развивается на базе местных железорудных месторождений. Районы Горной Шории, Кузнецкого Алатау, Салаира богаты месторождениями железной руды, флюсов полиметаллических руд, уртито-нефелинами и бокситами, фосфоритами.

Потенциал запасов железных руд оценивается в 5,25 млрд т, в том числе по промышленным категориям — 1,04 млрд т.

Выпуск качественных сталей невозможен без легирующих добавок. В Кемеровской области сосредоточено две трети запасов марганцевых руд России. Только одно Усинское месторождение содержит 98,5 млн т марганца, в том числе 92,8 млн т карбонатных руд с содержанием марганца 19,3 %. Освоение этого месторождения позволит полностью отказаться от привозного ферромарганца и железомарганцевых руд Казахстана.

Уникальные запасы природных ресурсов Кемеровской области создают огромный потенциал для развития отраслей экономики, а мощный промышленный комплекс объективно создает основу для экономического роста. При этом есть все основания полагать, что в будущем роль Кузбасса в экономике России значительно возрастет.

Важнейшей характеристикой устойчивого развития региона являются показатели, связанные с развитием социальной сферы. Численность населения Кемеровской области ежегодно сокращается в среднем на 20 тыс. чел. в год, в 2000 г. составила 2 980 тыс. чел. При этом доля городского населения с 1993 по 2001 г. практически не изменилась и составила 86,7 % общего числа жителей. В то же время количество жителей, занятых в реальном секторе экономики Кузбасса, сократилось более чем на 100 тыс. чел., что составило в 2000 г. 67,9 % трудовых ресурсов региона. Уровень занятости населения в 2001 г. несколько сократился по сравнению с 1999 г. примерно на 1—1,5 %. По-прежнему остаются низкими рождаемость и уровень здоровья населения региона. Постоянно сокращается продолжительность жизни населения Кузбасса. Если в 1993 г. продолжительность жизни у мужчин составляла 59,8 лет, а у женщин — 72,1, то в 1999 г. этот показатель составил 57,2 и 69,9 лет соответственно.

К сожалению, эти тенденции еще некоторое время будут сохраняться, что неизбежно будет сказываться на возможностях устойчивого развития региона.

Современное состояние экономики и социальной сферы Кемеровской области не отвечает потенциальным возможностям региона. Глубина и многоаспектность социально-экономического кризиса области и реальная опасность необратимых последствий для национальной экономики и безопасности России свидетельствуют о том, что инерционное развитие региона, с опорой на действующие организационно-экономические механизмы, не может вывести область из кризиса. Для этого недостаточны и многие уже принятые правительственные решения и действия на территории области, совокупность которых не образует комплексную,

самодостаточную, реалистичную программу восстановления и развития экономики и социальной сферы Кемеровской области.

Идея устойчивого развития предусматривает поиск разумного баланса между экономикой и экологией, между потребностями и возможностями. Понимание устойчивости как сбалансированности характерно для начальных этапов обсуждения проблематики и представляется более адекватным ее существу[9].

Поэтому поиск индикаторов устойчивого развития должен включать в себя одновременно как социально-экономические, так и экологические показатели, причем не в виде пороговых величин, а в виде как бы соперничающих друг с другом характеристик, как в действительности часто и бывает: экономические показатели улучшают за счет ухудшения экологических и наоборот.

В научных наработках и в практических попытках правового регулирования охраны окружающей среды и природопользования в Кемеровской области рядом авторов[10] предлагался в качестве предмета нормирования и стандартизации показатель изменения средней продолжительности жизни (среднего возраста умерших или средней продолжительности предстоящей жизни от рождения). Как представляется, было бы вполне закономерным введение этого требования в качестве правовой нормы в систему регионального или общероссийского законодательства.

Интегральными показателями динамики природных комплексов могли бы быть изменения продуктивности и видового разнообразия экосистем в пределах контролируемой территории. В качестве правовой нормы здесь можно было бы принять недопустимость стабильного, например 3—5-летнего ухудшения этих показателей в обычных природно-климатических условиях региона.

В экономике аналогичным (интегральным) показателем является сокращение затрат на единицу продукции в процессе экономического развития и роста производительности труда.

Весьма емкими показателями в социальной сфере являются изменения в количестве создаваемых и распавшихся семей, уровне образования, степени обеспеченности жильем и т. д. Эти показатели должны войти в нормативную базу правового обеспечения устойчивого развития.

Очень важно добиваться такого положения, чтобы социально-экономические и экологические индикаторы развития были бы равнозначны, и это было бы зафиксировано не только в нормативных актах регионального и государственного уровней, но и в общественном сознании, в ценностных ориентациях людей.

Налаживается система мониторинга, делаются соответствующие шаги к созданию в области единого информационного массива показателей. Завершается создание комплексного автоматизированного кадастра природных ресурсов Кемеровской области[11].

Контроль изменения предлагаемых индикаторов, как представляется, создаст надежную, научно обоснованную базу для аргументированных управленческих решений в регулировании природопользования и охраны окружающей среды.

Наиболее целесообразным представляется поэтапное решение имеющихся проблем, с выделением на каждом этапе приоритетных, научно обоснованных на-

правлений и мероприятий, исходя из определенных критериев оценки как выбора самих проблем, так и эффективности предлагаемых решений.

1 этап — неотложные меры, обеспечивающие стабилизацию имеющейся экологической ситуации и ее улучшение по некоторым наиболее «тревожным» показателям путем выполнения первоочередных хозяйственных мероприятий, а также создание нормативно-правовой, информационной и экономической основы рационального природопользования и поддержания здоровья населения в условиях экологического кризиса.

2 этап — реализация мер, обеспечивающих необратимость постепенного улучшения экологической ситуации в Кузбассе по основным показателям на основе действия эффективных правовых, экономических и научно-технических механизмов.

3 этап — осуществление мероприятий, разработанных с учетом изменения ситуации в результате выполнения программы первых двух этапов и позволяющих завершить переход угольной отрасли и Кузбасского региона в целом к модели устойчивого развития.

Одной из важных проблем Кузбасса остается наличие громадных территорий, нарушенных горными работами. Оставляя после себя «лунный ландшафт», нельзя говорить об устойчивом развитии в единении с природой. По экспертной оценке специалистов, рекультивация нарушенных земель необходима как минимум на 55 тыс. га, из них 30 тыс. га — на выбывающих предприятиях, 25 тыс. га — на работающих, включая и временную санитарно-защитную рекультивацию.

Приоритетным направлением использования отходов на современном этапе следует рассматривать их возвращение в выработанное пространство, а также создание искусственных ландшафтов на основе технической и биологической рекультивации. В отличие от вскрышных и вмещающих пород отходы углеобогащения имеют стабильный качественный состав и являются углесодержащими. Эти обстоятельства предопределили как более высокий уровень проработки вопросов их утилизации, так и возможности более широкого использования:

производство строительных материалов и изделий;

использование в строительстве без переработки (отсыпка);

получение редких металлов;

получение энергии при сжигании или газификации.

В Кузбассе есть пока единственный пример использования угольных шламов Абашевской обогатительной фабрики (г. Новокузнецк) для производства высококачественного кирпича. Целостной программы по утилизации отходов углепроизводства в области нет.

Катастрофическое влияние на изменение водосборной площади рек оказывает открытая разработка угольных месторождений. Фактически происходят уничтожение малых рек и ручьев, сокращение длины рек.

По наблюдениям экологических служб угольной промышленности области установлено, что шахты и разрезы оказывают прямое влияние на 46 средних рек (длиной более 10 км), с общей протяженностью 4,5 тыс. км. При этом удельное со-

кращение гидрографической сети по разрезам на 1 га нарушенной площади составляет 9,3 м. Суммарно по всем разрезам гидрографическая сеть сокращена на 3 655 км[12].

Перспективы малых рек Кузбасса выглядят еще более угрожающе. Это объясняется тем, что в настоящее время начато освоение нового крупного угольного региона — Ерунаковского, а именно этот район очень насыщен водотоками подобного рода, принадлежащими в основном бассейну р. Томь. В случае бесконтрольного и антиэкологичного освоения региона опасности уничтожения будут подвергнуты еще свыше 600 малых рек и ручьев.

При проведении горных работ на угольных месторождениях в атмосферу выбрасывается породная и угольная пыль, а также целый ряд газов — таких, как оксид углерода, оксид азота, сернистый газ, сероводород, метан, водород, углеводороды.

Источниками загрязнения атмосферы являются шахтные стволы, забои разрезов, поверхностные комплексы шахт и разрезов, горящие породные отвалы, угольные склады, сортировочно-дробильные и обогатительные фабрики, карьерные дороги, промышленные и коммунальные котельные и др. Естественным путем вредные вещества поступают в атмосферу из вмещающих горных пород и угольных пластов, в результате окислительных и пирогенных процессов, из шахтных и карьерных вод. Загрязнение воздуха газами происходит и при проведении буровзрывных работ.

Особая роль в загрязнении атмосферы принадлежит метану (CH_4), содержащемуся в угольных пластах. Метан, согласно результатам исследований последнего времени, в 25,4 раза превосходит углекислый газ по способности удерживать тепло в атмосфере, тем самым способствуя появлению «парникового эффекта», а также разрушению озонового слоя земли.

В загрязнение природной среды свою существенную «лепту» вносит и энергетика, работающая на угольном топливе. По многолетним наблюдениям, доля объектов электро- и теплоэнергетики в общем объеме выбросов в атмосферу достигает 70—80 %[13].

Для изменения существующего в Кузбассе положения с загрязнением атмосферы энергетическими предприятиями представляется необходимым обеспечить выполнение технологических регламентов на районных котельных, применение более совершенных технологий сжигания угля, перевод тепловых станций и котельных на экологически более чистое топливо.

Экологические проблемы в угольной промышленности Кемеровской области свидетельствуют о том, что для поддержания допустимых экологических нагрузок и реабилитации нарушенных экосистем необходим балансирующий механизм, включающий в себя как меры по совершенствованию технологий добычи и переработки угля, оптимальную территориальную структуру отрасли, так и восстановительные и природоохранные меры. Изменение сложившейся экологической обстановки в Кузбассе возможно лишь на принципах устойчивого развития.

Начинать реализацию процесса перехода к устойчивому развитию в Кузбасском регионе следовало бы на базе вновь осваиваемого крупнейшего Ерунаковского угольного района, производственные мощности угольных предприятий и экологическая обстановка которого создают реальные предпосылки для этого.

Механизм разработки и принятия решений при переходе к устойчивому развитию должен быть ориентирован на соответствующие приоритеты, учитывать последствия реализации этих решений в экономической, экологической и социальной сферах, предусматривая наиболее полную оценку затрат, выгод и рисков.

При этом должны быть найдены надежные и эффективные показатели, которые могли бы объективно характеризовать динамику названных процессов, причем, несмотря на свой комплексный характер, эти показатели должны быть достаточно простыми и сопоставимыми с показателями, применяемыми международным сообществом.

Ниже излагается один из возможных вариантов локальной модели устойчивого развития на примере вновь осваиваемого Ерунаковского угольного района[14]. Ерунаковский угольный район, объединяющий 11 месторождений, наиболее крупными из которых являются Ерунаковское, Талдинское, Новоспасское, Северо-Талдинское, Кушеяковское и Соколовское, расположен в центральной части Кузнецкого бассейна. Северная его граница проходит по Караканскому хребту и Абинским горам, восточная и южная — по левому берегу р. Томь, западная — принята по Соколовскому (Журинскому) сбросу, северо-западная — по р. Иня. Площадь района составляет около 1 645 км^2.

Освоение района угледобывающей отраслью начато в 1970-х гг. В 2000 г. все угольные предприятия Ерунаковского района добыли более 10 млн т угля, т. е. около 10 % всей добычи Кузбасса. Всего в Ерунаковском районе предусматривается строительство шести угольных разрезов и 23 шахт с суммарной годовой добычей 35—40 млн т.

Все угольные предприятия размещаются на землях сельскохозяйственных предприятий и лесхозов. Земли, изымаемые под строительство угольных предприятий, относятся к высокоплодородным сельскохозяйственным, сенокосным и пастбищным угодьям хорошего качества.

Ерунаковский угольный район является крупнейшим в Кузбассе. Он обладает значительными подтвержденными и прогнозными ресурсами углей, пригодных для эффективной отработки подземным и открытым способами.

Район характеризуется весьма благоприятными горно-геологическими условиями, сопоставимыми с условиями лучших месторождений и бассейнов ведущих угледобывающих стран мира — США, Австралии, ЮАР.

Ерунаковский угольный район должен рассматриваться как самостоятельный метаноносный район, имеющий большие перспективы. А с учетом того, что добыча метана может осуществляться и после отработки угольных запасов, это обстоятельство должно быть учтено при формировании комплексной программы развития данной территории.

Проведенный в 1993 г. анализ ТЭО Ерунаковского угольного района показал, что принятые в нем технические решения не только не снимают множества экологических проблем, но предполагают появление новых. Поэтому основной задачей является поиск баланса между объемами добываемого угля и допустимыми экологическими нагрузками на окружающую среду. Научные наработки по этому вопросу, накопленный опыт позволяют утверждать, что важнейшими элементами устойчивого развития района станут оптимальные способы разработки месторождений, использование новых технологий высокопроизводительной техники, рациональная территориально-отраслевая структура, решение социальных проблем и в первую очередь экологических требований, предъявляемых к угледобывающим и углеперерабатывающим предприятиям.

В настоящее время в Кузбассе впервые в отрасли разработана высокоэффективная, экологически чистая механогидравлическая технология подземной добычи угля. При этом исключается дорогостоящая комплексная механизация традиционной гидротехнологии. Новые технологии подземной угледобычи позволяют получить значительное улучшение не только экономических, но и экологических показателей.

Предлагаемые и уже частично используемые наиболее эффективные способы отработки запасов, однако, не гарантируют, что не появятся зоны повышенных техногенных нагрузок на окружающие экосистемы. Это обстоятельство заставляет искать новые нетрадиционные технологии освоения угольных месторождений. Среди них наибольшей адаптивностью, как представляется, обладают высокие технологии.

Перспективной для Ерунаковского района могла бы стать технология мягкого пиролиза угля. При температуре 550 °С молодые угли (таковыми и являются угли Ерунаковского района) сначала перерабатывают в термоуголь и легкий мазут. Затем легкий мазут разделяется на креозольную фракцию, бензин, дизельное топливо и топочный мазут.

На эффективность угледобычи и охрану окружающей среды большое влияние оказывает состояние инфраструктуры района. В Ерунаковском районе она находится в стадии становления. Анализ проектных решений вызывает ряд проблемных вопросов. Так, в ТЭО Ерунаковского месторождения предусматривается строительство на каждом угледобывающем предприятии своей обогатительной фабрики. Практика же создания крупных обогатительных фабрик в городах Белово, Мыски, Междуреченск свидетельствует, что объединенные (кустовые) фабрики более эффективны, чем мелкие. Кроме того, такие фабрики могли бы быть вынесены за пределы угольных зон, на границы месторождений, что помогло бы избежать консервации больших запасов угля, улучшить транспортные развязки.

Целесообразно выделить три стадии освоения района: 1-я стадия расширенного роста потенциала угольного комплекса с формированием акционерных структур и создания центра управления района с самостоятельным правовым статусом, длительностью 8—15 лет, 2-я стадия выхода на проектную мощность и многопрофильного развития районной инфраструктуры (длительность 15—20 лет), 3-я стадия

устойчивой угледобычи с мягкой конверсией и санацией затухающих горных предприятий, расширением альтернативных производств и обеспечением межрайонной кооперации с учетом территориально-демографических особенностей района.

При достижении 3-й стадии (25—30 лет) за счет сбалансированного перераспределения инвестиций и квот техногенного воздействия координируется устойчивая стратегия замены потенциала угольных предприятий на более эффективные технологии горного производства, обеспечивающие рациональное использование минерально-сырьевой базы, био- и водоресурсов, достаточных для длительного устойчивого развития района.

Проектом освоения угольных запасов Ерунаковского района предусматривается, что большая часть добычи угля будет осуществляться открытым способом, а это предполагает появление значительных негативных экологических последствий. При разработке модели устойчивого развития района практическим результатом должна явиться возможность определения оптимального соотношения между экономически целесообразными и экологически допустимыми нагрузками на окружающую среду.

В качестве экологической составляющей устойчивого развития используется одна из наиболее значимых характеристик воздействия угледобычи на окружающую среду, а именно, размер нарушенной (деградированной) поверхности литосферы.

В пересмотренном в 1993 г. ТЭО Ерунаковского района именно по причине возможных земельных нарушений предложено было ограничить мощности, млн т /год угольных разрезов: Талдинский — с 30 до 10, Ерунаковский — с 6 до 2.

Другие виды нарушений окружающей среды тоже будут учтены, но в составе комплексной оценки комфортности жизни населения.

В принципиальном плане изображение взаимосвязей, существующих между сферами, составляющими в совокупности основу модели устойчивого развития, — экономической, экологической и социальной — приведено в форме номограммы на рис. 17.1.

Номограмма представляет собой совокупность взаимосвязей, которую образовали четыре отдельных зависимости вида $x = f(y)$, а именно:

а) зависимость размера (площади) нарушенной земной поверхности от количества добываемого в районе угля;

б) зависимость уровня экологической комфортности жизни общества от степени нарушения поверхности земли;

в) взаимосвязь между экономической и экологической составляющими;

г) взаимосвязь между материальным уровнем жизни населения и количеством добытого в данном районе угля.

Связанные воедино эти отдельные простейшие зависимости образуют более сложную систему связей, позволяющую при определении или изменении того или иного параметра, заключенного в данную систему, фиксировать изменения, происходящие при этом с остальными параметрами системы.

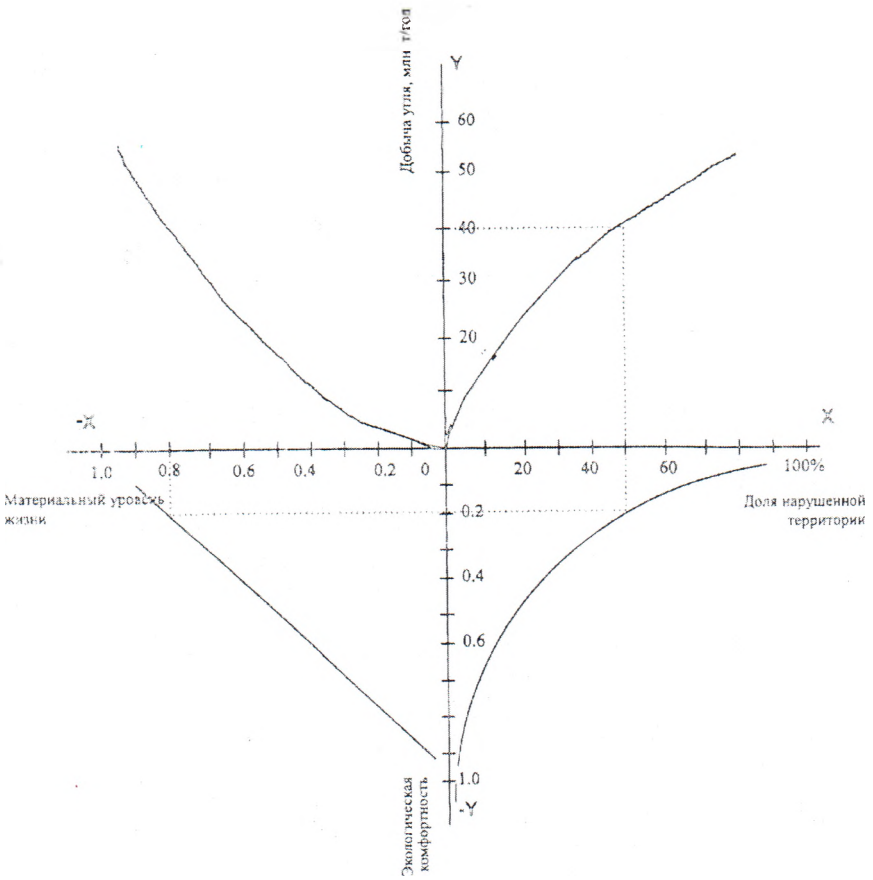

Рис. 17.1. Принципиальная схема взаимосвязей при моделировании устойчивого развития угледобывающего района

Следует отметить, что описанный подход к разработке модели устойчивого развития района (региона) может быть использован для изображения взаимосвязей между компонентами устойчивого развития в трехмерной системе координат. Один из возможных обобщенных вариантов такой формы изображения: по оси x располагается показатель степени (размера) экологического ущерба, по оси y — величина совокупного валового продукта — один из наиболее объективных показателей, характеризующих экономическую составляющую устойчивого развития, а по оси z — значение соотношения C_1/C_2, где C_1 — объем средств, вкладываемых в экономику, а C_2 — объем средств, затрачиваемых на мероприятия экологического и природоохранного характера (т. е. отношение C_1/C_2 — это показатель, условно характеризующий социальную компоненту устойчивого развития).

Таким образом, данная система координат будет представлять собой некое ситуационное поле, отражающее в каждой своей точке интересы всех трех составляющих концепции устойчивого развития — экономики, экологии и социальной сферы.

Для обеспечения более тонких расчетов и достаточной степени обоснованности практических рекомендаций прогнозного характера, которые могут быть разработаны при реализации такого подхода к моделированию устойчивого развития района (региона, отрасли), необходимо использование компьютерных методов исследования. С их помощью осуществляется взаимоувязывание максимально возможного числа показателей из тех, которые могут, даже в малой степени, влиять на характер взаимодействия рассматриваемых сфер устойчивого развития.

Предложенный способ сохранения допустимых соотношений между объемами производства и оптимальными экологическими нагрузками на окружающие экосистемы хотя и решает одно из важнейших требований устойчивого развития угольного региона, однако не исчерпывает всех предъявляемых к нему требований, особенно в части комплексности освоения месторождений, позволяющей сменять один вид жизнедеятельности на другой.

В основе экономически эффективного и экологически приемлемого развития угледобывающего региона (на базе осваиваемого Ерунаковского угольного района) лежит сбалансированный механизм взаимодействия технологии, социоэкономики и геоэкологии, который может служить основой для устойчивого развития угледобывающих районов не только Кемеровской области, но и любого другого региона с аналогичными или близкими условиями.

17.3. Стратегические предпосылки развития Алтайского края

Алтайский край расположен на юге Западной Сибири и занимает территорию свыше 169,0 тыс. км^2, здесь проживает около 2,7 млн человек, из которых 1,4 млн человек — горожане. Плотность населения составляет 15,8 чел./км^2. На территории края расположено около 1,7 тысяч населенных пунктов, в том числе 12 городов. Административный и культурный центр края — г. Барнаул.

В состав края входит 60 административных районов. До 1990 г. в состав Алтайского края входила Горно-Алтайская автономная область, ныне самостоятельный субъект Российской Федерации — Республика Алтай.

В настоящее время Алтайский край отнесен к депрессивным территориям. Основной принцип выделения депрессии — более резкое по сравнению с иными регионами падение промышленного производства, уровня жизни и других сфер. Однако для Алтайского края главным признаком депрессивности является потеря его места в территориальном разделении труда России — утрата роли важнейшей базы по производству продовольственного зерна, а также потеря рынков сбыта своей промышленной продукции.

Поэтому задачами первого этапа перехода Алтайского края на модель устойчивого развития мы считаем преодоление явления депрессивности и вывод экономики края хотя бы на общероссийский уровень, и лишь затем — к устойчивому развитию.

В крае на фоне общего падения ВВП увеличивается доля так называемых «грязных» отраслей: энергетики, химии и нефтехимии, тяжелого машиностроe-

ния. Индексы физического объема производства в этих отраслях падают более низкими темпами, чем в целом по промышленности. В итоге отмечаемое данными государственной статистики сокращение выбросов-сбросов загрязняющих веществ не адекватно падению индекса физического объема промышленного производства. Во многих отраслях промышленности растет энерго- и ресурсоемкость производства. Наряду с сокращением суммарных выбросов-сбросов вредных веществ наблюдается рост, накопление загрязнения в компонентах природной среды. Кроме того, современные средства учета отражают лишь часть поступающих, формирующихся лишь на крупных и средних предприятиях загрязнений, а множество малых предприятий сбрасывает свои стоки в канализационные системы жилищно-коммунального хозяйства, очистные сооружения которых не предусматривают улавливание такого рода загрязнения.

Экономика края становится все более энергоемкой, например, объем промышленного производства в 1997 г. составил 32 % от аналогичного показателя 1990 г., а энергопотребление — 73 %. Энергетика, которая до 1990 г. вносила около 30 % выбросов вредных веществ в атмосферу, в 1998 г. внесла 35,5 %; имеющиеся на предприятиях электроэнергетики газоочистные сооружения существенно устарели и морально, и физически, а на их обновление не хватает средств. Проводимая в крае газификация не достигла еще значимых размеров и, во-первых, не играет пока заметной роли в энергетическом балансе края, а во-вторых, не снимает пик экологического воздействия отрасли на окружающую среду. Предприятия химии и нефтехимии также работают на изношенном оборудовании, показатель старения производственного аппарата в химической и нефтехимической промышленности составил более 25 лет.

Аграрно-промышленный комплекс, продолжающий занимать одно из ведущих мест в экономике края, работает крайне напряженно: оборудование и техника крайне изношены, устарели и морально, и физически; удобрения и пестициды вносятся в очень малых количествах без учета потребностей и сроков внесения; технология возделывания культур не выдерживается, наблюдается бессистемное сокращение обрабатываемых земель, в том числе в садоводческих товариществах и т. д. Продолжается рост земель разной степени эродированности, а также загрязнение почв бытовыми и индустриальными отходами. Территориальная организация аграрного природопользования подвержена хаотичным изменениям, параллельно с колебаниями рынка наблюдается сокращение посевов зерновых культур, существенны колебания по годам в посевах технических культур: сахарной свеклы и подсолнечника, в восточных районах наблюдается рост посевов льна-кудряша. Почти 50 % животноводческой продукции производится в крестьянских хозяйствах без соблюдения санитарно-гигиенических требований, несвоевременно и не в полном объеме вывозится навоз на поля.

В основе предложенной нами Концепции устойчивого развития Алтайского края лежит представление о *крае как единой социально-эколого-экономической системе*. Такая система сформирована и функционирует под воздействием ряда внутренних и внешних для данной системы факторов.

Во внутрироссийском межрегиональном разделении труда Алтайский край традиционно выполнял функции одного из основных за Уралом производителей сельскохозяйственной продукции для своего населения и жителей северных регионов, а также осуществлял поставки тракторов и иных сельскохозяйственных машин для нужд регионов Сибири, Казахстана и Средней Азии. В настоящее время эти связи находятся в крайне разбалансированном состоянии. Край по многим параметрам потерял свои рынки сбыта, как в результате политического переустройства, так и вследствие неконкурентоспособности отечественных товаров по сравнению с зарубежными.

Алтайский край занимает достаточно большую территорию, которая существенно дифференцирована как по величине, так и по структуре природного потенциала, значению отдельных природно-климатических характеристик. Тем самым различны и несущая способность отдельных территорий, и их способность к самоочищению. На территории края с большой долей условности можно выделить три типа ландшафтов: степные, лесостепные и горные, которые приурочены к разным физико-географическим единицам (степные провинции Барабы, Кулунды, Алтайского Предгорья), но по своим основным свойствам могут быть отнесены к одному типу ландшафтов. На наш взгляд, наибольшей несущей способностью обладают лесостепные территории Приобья и Присалаирья, которые обладают и более разнообразным природным потенциалом, и более высокой совокупной способностью самоочищения, так как здесь в этом процессе активна роль всех природных компонентов — воздуха, воды, почв, биоты. В степных провинциях несущая способность, или их экологическая емкость, ниже. В отличие от лесостепных районов здесь более активна роль воздушных инверсий и почвенных структур, снижается значимость в процессе самоочищения других компонентов — воды, биоты, главным образом, леса и естественных растительных сообществ. И, наконец, самой низкой несущей способностью отличаются горные территории, в результате как особенностей рельефа, так и действия процессов самоочищения в отдельных средах.

Базовыми материалами для разработки Концепции перехода Алтайского края на модель устойчивого развития послужили подготовленные в 1996—1998 гг. Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН при участии ИВЭП СО РАН «Программа преодоления депрессивности экономики края» и «Схема развития производительных сил», а также подготовленный Главным управлением экономики и инвестиций администрации края «План социально-экономического развития Алтайского края на 1997—2000-е гг. и на период до 2005 г.».

Исходя из вышесказанного, основные направления экономического развития выглядят следующим образом:

1. *Аграрный комплекс* — это практически единственный в Алтайском крае крупный хозяйственный комплекс, базирующийся на собственных ресурсах — природных, трудовых, материальных, и именно он может служить основой для построения модели дальнейшего развития региона.

Отсюда, земельные ресурсы — основное богатство края, однако до сих пор до конца не определено право собственности на землю их основных пользователей — сельскохозяйственных производителей. Сегодня продаются земельные участки под промышленное и жилищное строительство, сады и огороды, а сельскохозяйственные предприятия любой формы собственности для занятия своей основной деятельностью могут лишь ее арендовать, при этом условия аренды, во-первых, не всегда четко сформулированы и, во-вторых, имеют ограниченный срок действия. Сельскохозяйственные предприятия-арендаторы не заинтересованы в воспроизводстве почвенного плодородия и охране арендованных земель.

В основе подбора организационных форм в сельском хозяйстве должен лежать принцип экономической целесообразности и социально-экологической приемлемости (экономическая и экологическая направленность специализации). На наш взгляд, не является экономически целесообразным отказ от крупных форм хозяйствования в зернопроизводстве, где и система машин, и технология, и система севооборотов дают наибольший эффект концентрации. В то же время для предгорных и горных территорий, характеризующихся мозаичностью ландшафтов и мелкоконтурностью, наиболее перспективны малые формы, может быть, так называемые «таежные фермы», где более эффективны индивидуальные формы труда и многопрофильность занятости. Малые формы хозяйствования экономически оправданы и в пригородных зонах, специализирующихся на производстве скоропортящихся продуктов с коротким сроком вегетации и высокой скоростью оборота капитала.

Вряд ли экономически целесообразны и экологически приемлемы сложившаяся специализация степных районов края на молочно-мясном скотоводстве и выработка масла и сыра из молока коров, в кормовом рационе которых присутствуют главным образом комбикорма и кукурузный силос.

Задача устойчивого развития аграрного сектора экономики края, а в нашем представлении — аграрного природопользования, требует особого внимания и более детальной проработки, как в наборе культур, так и в интенсивности их выращивания. Для этого требуется выработка региональной стратегии территориальной организации аграрного природопользования на топологическом уровне, учитывающей индивидуальные сочетания природных комплексов в рамках административных границ и иных, более мелких, административно-хозяйственных образований.

Необходимо всемерное развитие всякого рода интеграционных форм. При этом интеграция может и должна осуществляться и по горизонтали между производителями сельскохозяйственной продукции, занятыми в одной отрасли и связанными одной технологической цепочкой; и по вертикали между предприятиями, выполняющими разные функции в процессе сельскохозяйственного производства: материально-техническое снабжение, разные стадии собственно сельскохозяйственного производства, переработки продукции (от первичной до глубокой), маркетинговые услуги и осуществление инвестиций, а также предприятиями

и организациями, выполняющими селекционные, ветеринарные, агрохимические и другие услуги для нужд сельского хозяйства.

2. *Промышленность*. Подъем, а в дальнейшем устойчивое развитие, сельского хозяйства сможет обеспечить параллельное развитие целому ряду промышленных отраслей, таких как тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, переработка сельскохозяйственного сырья для продовольственных (мукомольно-крупяная, хлебобулочная, мясная, молочная, пищевая, овощеконсервная, маслодельная промышленности) и непродовольственных (текстильная) целей, которые до недавнего времени являлись отраслями индустриальной специализации края. Предприятия этих отраслей ищут новые формы работы, ныне активно создаются холдинговые предприятия, внедряется система лизинговых кредитов; предприятия-переработчики кооперируются с производителями сырья, либо сельскохозяйственные предприятия создают промышленные предприятия по переработке собственной продукции. Все эти меры позволяют в какой-то мере решать текущие социальные и экономические проблемы, но не смогут обеспечить комплексного и устойчивого развития региона в целом. Создаваемые малые предприятия пока что низкотехнологичны, не могут обеспечить глубокой переработки сырья, отличаются высокой отходностью и, соответственно, мало экологичны, да и по большому счету экономически не эффективны.

Что касается тракторо- и сельхозмашиностроения, игравших до недавнего времени одну из ведущих ролей в экономике края, то отрасль нуждается в переориентировании производства на нужды края и его ближайших соседей, в том числе на создание тракторов и сельхозмашин для малых форм хозяйствования — крестьянских и фермерских хозяйств. Необходима серьезная реконструкция предприятий отрасли с учетом экологического императива развития общества, причем экологические требования должны быть учтены как при собственно производстве этих машин (снижение энерго-, ресурсоемкости предприятий отрасли и выбросов (сбросов) вредных веществ в атмосферу и поверхностные водные объекты), так и со стороны сельхозпроизводителей (производительность, качество обработки земли, потребление горючесмазочных материалов и другое).

3. *Энергетика*. Энергетика определяющим образом влияет и будет влиять на развитие всех отраслей материальной сферы и обеспечение жизнедеятельности населения. Для Алтайского края (мощности АО «Алтайэнерго» позволяют сегодня покрывать не более 50 % потребных нагрузок, фактически покрывается около 30 %) энергетический фактор является сдерживающим для развития прочих отраслей экономики, в то время как большинство отраслей индустриальной специализации края имеет энергоемкий характер. Следовательно, интересы устойчивого регионального развития требуют повышения инновационной активности в энергетике.

Кроме того, сама энергетика как отрасль имеет экологоемкий характер, являясь одним из основных загрязнителей воздушного и водного бассейнов. Так, например, вклад выбросов вредных веществ предприятий теплоэнергетики в атмосферу г. Барнаул в 1996 г. составил 76,2 % всех выбросов от стационарных источников.

Газификация края позволит несколько снизить напряженность в энергоснабжении и изменить положение с загрязненностью воздушных бассейнов в населенных пунктах вокруг объектов теплоэнергетики и котельных.

Успешное социально-экономическое и экологическое функционирование региона, обеспечение его развития возможно лишь в рамках адекватно функционирующего правового поля. Существующее в регионе правовое пространство далеко не совершенно, нуждается в расширении, дополнении и углублении. Приняты далеко не все законодательные акты, многие из принятых нуждаются в корректировке и развитии. Так, например, до сих пор не приняты на региональном уровне Водный кодекс (или свод законов о регулировании отношений в области водопользования), имеющий очень важное значение не только для территории Алтайского края, но и для регионов, расположенных ниже по течению основной водной артерии Западной Сибири — р. Обь. Краевой закон «Об энергосбережении, повышении эффективности использования топливно-энергетических ресурсов в Алтайском крае» принят 03.01.2001 г. Предложенная редакция данного закона отнюдь не совершенна, но принятие этого закона, наряду с регулированием правоотношений в области энергосбережения, положило начало созданию Фонда энергосбережения, призванного сконцентрировать определенные финансовые ресурсы и направить их на инвестицию перспективных проектов и технологий энергосберегающего характера.

Принятые на краевом уровне законы о регулировании земельных отношений, об охране окружающей среды, об экологической экспертизе, равно как и многие другие, нуждаются в дальнейшем развитии, в поддержке их различными подзаконными актами и нормативно-правовыми документами. Но их принятие и действие на территории края уже приносит определенный позитивный результат и позволяет регулировать взаимоотношения между субъектами регионального развития и органами регионального управления, а также на их фоне становятся более заметны те недостатки в региональном законодательстве, которые существуют на сегодня, и те направления законотворческой деятельности, которые необходимо развивать.

Исходя из нашего видения региона как триединой системы, нами выделено три целевых установки регионального развития и, соответственно, три блока направлений достижения этих целевых установок.

В области экономики — прежде всего рост производства валового внутреннего продукта на основе структурной перестройки экономики.

Основные направления достижения поставленной цели:

поддержка процессов модернизации во всех отраслях экономики. При этом модернизация нами понимается в широком смысле с привнесением передовой техники, технологии и организации производства, а не просто как «вестернизация», т. е. использование западных технологий, иногда экономически и экологически не приемлемых;

реализация целевых программ. Пакет целевых программ должен быть ограничен, охватывать лишь наиболее важные для регионального развития проблемы;

реализация стратегии, условно названной стратегией «трех К», которая включает переход на новое качество технологических решений, качество организации труда и качество окружающей среды;

поддержка отечественных производителей — разработка и внедрение такой налоговой политики, которая бы стимулировала рост производства продукции, отвечающей потребительским и экологическим стандартам качества;

снижение непроизводительных издержек, особенно в области управления;

разработка и внедрение экономического механизма, обеспечивающего защиту внутренних и внешних инвестиций;

поддержка формирования эффективной рыночной инфраструктуры. Эффективное функционирование рыночной экономики невозможно без современной рыночной инфраструктуры, которая включает формирование финансовых институтов, системы оптовых рынков, различные средства связи и другие рыночные институты. У нас в стране в условиях действия административно-распределительной системы управления инфраструктура была в зачаточном состоянии.

В области экологии — рационализация территориальной организации региональных систем природопользования с учетом экологической приемлемости.

Основные направления мы видим в следующем:

соблюдение экологического императива развития и размещения отраслей природопользования. Категоричность экологического императива строго дифференцирована в зависимости от уровня и реципиента воздействия той или иной отрасли природопользования;

социальная, экономическая и административная мотивация пользователей к рациональному использованию природных ресурсов. Мотивация рационального природопользования может либо иметь характер запретов, штрафов, либо осуществляться через систему поощрений, льгот, предоставляемых субъектам — эффективным природопользователям. Наиболее приемлемо, на наш взгляд, сочетание запретительных и поощрительных мер;

экологическое оздоровление территории. На основе проведенного предварительно экологического зонирования территории региона осуществляется поэтапное оздоровление, восстановление наиболее загрязненных территорий — реконваленсцентное природопользование;

создание системы особо охраняемых природных территорий с различным режимом заповедания;

образование Страхового фонда поддержки рациональных форм природопользования, который позволит сконцентрировать средства субъектов-пользователей на разработку и реализацию наиболее экономически эффективных и экологически приемлемых технологических решений в области рационализации природопользования.

В области социального развития основной целью является социальная стабилизация жизнедеятельности населения, для чего необходимы:

разработка и внедрение мер поддержки наиболее незащищенных слоев общества. Поддержка должна быть строго дифференцированна и адресна;

создание новых и восстановление ранее успешно работавших социальных институтов, особенно в области образования и здравоохранения;

реализация социальных программ;

повышение качества жизни, охватывающего количественно-качественные показатели уровня жизни и среды обитания, в том числе снижение преступности и других категорий девиантного поведения.

На основании ранее проведенных прогнозных расчетов и с учетом собственного опыта предложена схема регионального экономического развития края и названы отрасли активного и вторичного инвестирования и реинвестирования. При этом отрасли активного инвестирования нами выделены с учетом значимости этих отраслей в экономике края (по доле в ВВП, по числу занятых в отрасли и др.), инвестиционной привлекательности и возможности получения быстрого эффекта от дополнительных инвестиций. Отрасли реинвестирования выделены исходя из их тесной технологической увязки с отраслями первого круга. Их развитие обусловлено активным инвестированием первых отраслей и, как правило, не требует дополнительных финансовых вливаний.

Наряду с отраслями активного инвестирования и реинвестирования обозначены отрасли вторичного инвестирования. К таковым в основном отнесены отрасли, которые не смогут принести быстрых финансовых результатов либо в силу своей высокой первоначальной капиталоемкости, либо в случае ограниченного платежеспособного спроса на их продукцию.

В числе отраслей первичного инвестирования для Алтайского края названы сельское хозяйство, строительство жилья и различные институты рыночной инфраструктуры.

Сельское хозяйство названо нами в числе первых отраслей активного инвестирования как в силу его широкой пространственной представленности, так и высокой социальной значимости. В сельской местности сегодня проживает 47,5 % населения края, и, следовательно, с эффективным функционированием только этой отрасли в той или иной мере связано жизнеобеспечение практически половины населения Алтайского края. Развитие собственно сельского хозяйства даст дополнительный импульс для развития отраслей, напрямую с ним связанных по вертикальной технологической цепочке, — отраслям по переработке сельскохозяйственного сырья, поставляющим сельскохозяйственные машины и тракторы, оборудование для животноводческих помещений, разного рода биологические добавки, удобрения и иные химические соединения, необходимые в сельскохозяйственном производстве. Поэтому эти отрасли отнесены нами к отраслям реинвестирования, они нуждаются не столько в инвестициях со стороны, в том числе и в государственной поддержке, сколько в наличии платежеспособного спроса на их продукцию. При этом в отраслях первой сферы аграрно-промышленного комплекса — производство средств производства для сельского хозяйства — найдет, по нашему мнению, широкое применение лизинговый кредит, в третьей сфере — переработка сырья — различные формы акционирования и создание предприятий смешанных форм собственности. И в той, и в другой сфере возможно участие

иностранного капитала. Причем в первой сфере это, скорее всего предоставление сельскохозяйственной техники на условиях лизинга, во второй — предоставление технологического оборудования с последующим расчетом высококачественной экологически чистой продукцией (возможно, сельскохозяйственным сырьем для дальнейшей переработки).

К отраслям первого круга — активного инвестирования — нами отнесено строительство жилья, как отрасль, имеющая высокую значимость и способная мобилизовать средства частных инвесторов, в том числе путем предоставления долгосрочных кредитов. Эта отрасль уже сейчас, практически не имея государственной поддержки, продолжает развиваться, в том числе за счет расширения элитного и коттеджного строительства в крупных городах и их пригородной зоне.

Алтайский край в отличие от Омской и Новосибирской областей не попал в пояс активного расселения, определенного Советом по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству, существовавшим при Минэкономики России и Минсотрудничества России. В связи с этим он не получает значимой государственной поддержки ни по программе «Жилье», ни по программе переселения северян, однако по темпам жилищного строительства не уступает вышеназванным областям. Более того, на Алтае сложилась устойчивая тенденция существенного опережения вышеназванных областей по объему жилищного строительства. Основные источники инвестирования — собственные средства застройщиков, льготные кредиты краевой администрации и жилищные сертификаты, которые получили активное распространение на территории края, особенно до августовского кризиса 1998 г.

Наряду с решением важнейшей социальной задачи — обеспечение жильем населения края, строительство жилья способствует решению ряда экономических задач, создавая рабочие места как в собственно строительстве, так и в отраслях стройиндустрии, расширяя спрос на ее продукцию. При этом возможно расширение объемов добычи общераспространенных полезных ископаемых, в том числе мрамора. Предприятия стройиндустрии отнесены нами к отраслям реинвестирования, они не нуждаются в значимой государственной поддержке, их развитие напрямую связано с формированием заказа на их продукцию сначала для жилищного, в дальнейшем — гражданского и индустриального строительства.

И, наконец, третьим направлением активного инвестирования нами названа рыночная инфраструктура. Различают инфраструктуру рынков товарного, финансового и труда.

Элементами инфраструктуры товарного рынка являются предприятия оптовой и розничной торговли, аукционы, ярмарки, посреднические компании, торговые биржи и организации, занимающиеся маркетинговыми исследованиями и операциями. Внешняя торговля имеет свою специфическую инфраструктуру.

Инфраструктура финансового рынка включает банковскую систему, финансовые, страховые и трастовые организации, различные инвестиционные институты и фонды.

Рынок труда включает, наряду с государственной службой занятости, биржи труда, систему организации общественных работ и регулирования миграции рабочей силы.

Многие институты инфраструктуры рынка начали формироваться лишь в последние годы. На Алтае инфраструктура рынка переживает сложный период становления и нуждается не столько в государственных (региональных) инвестициях, сколько в правовой поддержке их эффективного функционирования. Материальные и финансовые вложения в эту сферу имеют, как правило, высокую оборачиваемость, и участие государства или региональных властей здесь может служить основой для накопления капитала и вложения его в дальнейшем в наиболее социально значимые сферы, например, в здравоохранение и образование.

Важное место в экономике края может иметь развитие рекреации и санаторно-курортного лечения. Эти отрасли используют воспроизводимые природные ресурсы и при надлежащей организации экологически приемлемы. Учитывая высокую социальную значимость этих отраслей, они должны быть обеспечены государственной поддержкой. Эта поддержка может иметь косвенный характер, т. е. осуществляться не путем прямых инвестиций в отрасль, а путем льготирования доли прибыли предприятия, используемой на приобретение путевок своим рабочим и их детям на отдых и санаторно-курортное лечение аналогично спонсорской помощи и благотворительности. Тем самым будут решены, на наш взгляд, две задачи. Во-первых, получат дополнительный импульс для своего развития предприятия этой сферы, во-вторых, появится платежеспособный спрос на их продукцию.

К числу отраслей вторичного инвестирования нами отнесена химия и нефтехимия. Среди предприятий отрасли особого внимания заслуживают предприятия основной химии, работающие на собственных ресурсах химического сырья, — Кучукский сульфатный завод, Славгородский химзавод, Михайловский содовый и другие. Большинство этих заводов носят градообразующий характер, в значительной мере определяя социально-экономическую и экологическую обстановку в собственно населенном пункте — месте расположения и в своем окружении. Например, Кучукский сульфатный завод является основным источником формирования бюджета Благовещенского района. В то же время на его долю приходится и основной объем загрязнения атмосферы, в том числе пыление оз. Селитренное.

Рассматривая приоритетные направления экономического развития Алтайского края, нельзя упускать экологические ограничения и требования. Экономика Алтайского края имеет аграрно-индустриальный характер, для него весьма существенным моментом является сохранение почвенного плодородия сельскохозяйственных угодий. По данным специалистов[15], более 1 млн га пахотных угодий расположены на крутых склонах (от 3—5 до 10°), а также на переувлажненных и засоленных землях. Около 96 % почв пахотных угодий дефляционно- и эрозионноопасны, дефлированы, эродированы. На долю благоприятных земель приходится лишь 3,7 %, или 258,2 тыс. га. Поэтому представляется обязательным для сельскохозяйственных предприятий разных форм собственности определение специального регламента землепользования, включающего ограничения экологического поряд-

ка — применение почвозащитных севооборотов, противоэрозионной техники и технологии, а в отдельных случаях — щадящих режимов землепользования.

Наиболее жестко экологические требования необходимо соблюдать в степных районах Кулунды (высокий уровень потенциальной опасности дефляции, засух и суховеев), на территории Предсалаирской лесостепной провинции (совместное проявление ветровой и водной эрозии с преобладанием последней), предгорных и горных территориях Алтая и Салаира (потенциальная опасность проявления ветровой и водной эрозии). В первых двух случаях деградация экосистем связана главным образом с чрезмерной распашкой земель, в третьем — с нарушением пастбищеоборота и распространением пастбищной дигрессии. Для пригородных зон городов, особенно Барнаула, Бийска и Рубцовска, введение жестких экологических ограничений также весьма целесообразно, хотя не столько с целью сохранения геосистем, сколько в связи с высоким уровнем загрязнения почвенно-земельных ресурсов (плотность транспортных магистралей, перенос загрязнения воздушными и водными потоками и др.). Особенно настораживает сложившаяся специализация пригородных хозяйств на производстве наиболее экологически требовательной овощемолочной продукции.

Кроме того, для поддержания экологического равновесия территории необходимо создание единой системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ), охватывающей весь край. На сегодняшний день, по нашему мнению, на территории Алтайского края таковой не сформировано, имеется лишь разрозненная сеть заказников, как правило, охотничьего назначения, а также памятники природы с различным статусом от государственных до районных. Единственный в крае Тигирекский заповедник находится в стадии формирования.

В основе системы ООПТ должен лежать, по нашему мнению, так называемый экологический каркас, который понимается как система важнейших средоформирующих и средорегулирующих экосистем, отвечающих за экологическую стабильность территории.

С точки зрения загрязнения воздушного бассейна, на наш взгляд, особое внимание следует обратить на нестационарные источники — различные транспортные средства как в силу высокой доли поступающих от них выбросов, особенно в воздушный бассейн крупных городов (40—60 % валовых объемов), так и учитывая факт, что прямыми реципиентами воздействия являются человек и иные живые организмы.

В период нарастания экономического кризиса наблюдалось некоторое сокращение вредных выбросов в атмосферу, которое, однако, ни в целом по стране, ни у нас в регионе, не адекватно тенденциям сокращения физических объемов производства. У предприятий-загрязнителей практически отсутствуют средства для проведения природоохранных мероприятий, они заняты не столько сокращением экологической емкости своего производства, сколько вопросами производства и сбыта своей продукции «любой ценой». Причем эта цена зачастую формируется без учета экологической составляющей (ресурсоемкость производства, загрязнение окружающей среды). Конечно, лишь экономически развитое общество может

обеспечить себе экологическое благополучие и безопасность, но если сегодня в России не предпринимать усилия в этом направлении, то завтра уже нечего будет сохранять. Поэтому необходимо в условиях формирования рыночной экономики создавать и адекватные рыночной системе механизмы проведения природоохранной политики с целью максимально возможной (в каждом конкретном случае) экологической ориентации социально-экономических преобразований в стране и ее регионах.

17.4. Республика Алтай: на пути к модели устойчивого развития

Республика Алтай расположена в центре Азиатского континента, на юге Западной Сибири. Площадь территории — 92,9 тыс. км^2, в том числе земли сельскохозяйственных угодий занимают 19 %, лесов — 47, водные пространства — 0,9 и прочие земли — 33,9 %.

Численность населения на 01.01.2000 составляла 204,8 тыс. чел., в том числе сельского — 152,6 тыс. чел. Удельный вес Республики Алтай в составе Российской Федерации по численности населения составил 0,13 %, по площади — 0,5 %. Плотность населения на территории Республики — 2,2 чел./км^2, что меньше показателей по Западной Сибири в 2,8 раза и по Российской Федерации — в 3,9 раза[16].

В республике проживают представители многих национальностей. Однако эти национальности, кроме алтайцев, русских и казахов, не составляют компактных групп и представлены лицами, состоящими в межнациональных браках, или отдельными семьями, проживающими в инонациональной среде. Например, по переписи 1989 г. национальный состав населения республики составлял, %: русские — 60, алтайцы — 31, казахи — 6, украинцы — 0,9, немцы — 0,4, другие — 1,7.

Республика полностью расположена в пределах российской части горной системы Алтай (Горный Алтай), соответственно рельеф характеризуется высокими хребтами, разделенными узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами. По числу солнечных дней Горный Алтай существенно выделяется в сравнении с другими территориями Российской Федерации. За год продолжительность солнечного сияния в большинстве районов республики превышает 1 900 ч, а в высокогорных котловинах — 2 600 ч, что значительно выше, чем на черноморских курортах Ялты, Батуми, Сочи. Внутренние котловины и долины отличаются сухостью климата.

Гидрографическая сеть республики насчитывает более 20 000 водотоков с протяженностью более 60 тыс. км^2 и около 7 000 озер общей площадью более 600 км^2. Огромные запасы пресной воды высокого качества заключены в горных озерах Алтая, в одном Телецком озере более 40 км^3 чистейшей воды.

Потенциальные запасы подземных вод оцениваются в 22 млн м^3/сут., а современное использование составляет порядка 44 тыс. м^3/сут. В горах Алтая есть источники минеральных вод, в том числе целебных.

Растительные ресурсы республики насчитывают более 2 000 видов растений, из них 200 видов растений-эндемиков, встречаются только в горах Алтая.

В лесном фонде республики преобладают леса хвойных пород (79 %), в том числе кедр — 36,8 %, лиственница — 26,8, пихта — 13,3 %. Мягколиственные породы составляют 16,6 %, в том числе береза — 12,2 %, остальные породы — осина, ива древовидная, ольха серая, тополь — 4,4 %. Огромное значение лесов заключается в их социальной функции, определяемой их рекреационной, климаторегулирующей, психотерапевтической и культурно-эстетической ролью.

Минеральные ресурсы Республики Алтай разнообразны по количеству выявленных полезных ископаемых и значительны по разведанным запасам. Но сегодня минерально-сырьевой потенциал региона практически не используется. В настоящее время разрабатываются в незначительных объемах золоторудные и молибденовольфрамовое месторождения, залежи декоративного камня и строительных материалов.

Республика Алтай относится к традиционно экономически отсталым регионам. В структуре совокупного общественного продукта республики доминирует сельскохозяйственное производство. 76 % населения связано с сельскохозяйственным производством (включая крестьянские и личные подсобные хозяйства), что характерно для горных регионов. Доля агропромышленного комплекса в экономике республики в два раза выше, чем в среднем по России, вследствие этого и общий спад производства, и падение уровня жизни местного населения оказались глубже, чем в соседних регионах. Недостаточно развита производственная инфраструктура — энергетика, транспорт, связь, водоснабжение. Кредитно-финансовая система и сфера услуг находятся в стадии становления. Промышленность развита слабо, особенно добывающая и перерабатывающая. Предприятия легкой и текстильной промышленности оказались в условиях кризиса в наиболее тяжелом положении, так как изначально были ориентированы на работу на привозном сырье.

В 1998 г. доля промышленности в производстве товаров составляла 13,5 %, а доля в республиканском доходе — 11 %. По производству промышленной продукции в расчете на душу населения Горный Алтай занимает последнее место среди регионов Сибири.

Сложившаяся структура промышленности республики в условиях системного кризиса не позволила быстро перестроить производство в соответствии с условиями рынка. Ориентация на привозное сырье, невнимание к проблемам сбыта продукции, отсутствие опыта оказания маркетинговых услуг и кадров соответствующей квалификации, устаревшие технологии, не позволяющие выпускать достаточно качественную и конкурентоспособную продукцию, — это неполный перечень факторов, отрицательно влияющих на ситуацию в промышленности. Они усугубляют действие общекризисных внешних факторов, таких как инфляция, снижение платежеспособного спроса населения, отсутствие условий для инвестирования производства, разрыв хозяйственных связей и других. Влияние оказывает также тяжелое положение сельского хозяйства, являющегося основной сырьевой базой для пищевой промышленности и основным заказчиком на производство запасных частей к сельскохозяйственной технике и проведение ее ремонта.

Удельный вес сельскохозяйственной отрасли в валовом региональном продукте упал с 47,2 % в 1992 г. до 26,7 % в 1999 г. Это обусловлено, прежде всего, реорганизацией сельскохозяйственных предприятий. Изменение формы собственности, дробление крупных хозяйств на более мелкие привело к резкому ухудшению материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий, сокращению производства кормов и, как следствие, падению поголовья скота, его продуктивности. Хозяйства новой генерации находятся в стадии становления.

Единственной относительно стабильной отраслью животноводства является пантовое оленеводство, где поголовье увеличилось с 29,5 тыс. голов в 1990 г. до 43,4 тыс. голов в 1999 г. Интенсивный рост численности оленей и маралов связан с тем, что панты (рога маралов и оленей) экспортируются в страны Юго-Восточной Азии и являются основным источником валютных поступлений республики.

Сокращение поголовья крупного рогатого скота, овец и коз, традиционно выращиваемых в республике, привело к обвальному падению производства мяса, объем которого в 1999 г. составил 55,3 % к уровню 1990 г. Объем производства молока упал до 58,9 %, шерсти — до 28,9 % к уровню 1990 г. Высокий уровень транспортных расходов при вывозе продукции и слабое использование имеющихся перерабатывающих производственных мощностей привели к убыточности сельскохозяйственного производства.

Одной из причин неустойчивого развития земледелия является неудовлетворительное состояние земельных угодий, снижение их плодородия. Это обусловлено тем, что сокращается внесение минеральных и органических удобрений. Другой причиной служит недостаточная обеспеченность сельскохозяйственной техникой и ее физический износ. С 1990 по 1999 г. количество техники сократилось более чем в два раза, а ее износ достиг 61 %.

Со второй половины 1990-х годов в республике заметную роль играет рекреационная деятельность, главным образом туризм. На территории республики действуют четыре туристические базы круглогодичного действия («Катунь», «Золотое озеро», «Юность», «Кучерла»), учебно-тренировочный центр «Семинский перевал». Созданы и действуют десятки новых частных туристических комплексов, рассчитанных на прием от 10 до 50 человек. Однако большинство из них имеют сезонный характер и не отличаются достаточным уровнем комфортности. На территории республики осуществляют хозяйственную деятельность множество фирм, зарегистрированных в других субъектах федерации. В результате в настоящее время туризм пока еще не занимает какой-либо значительной доли в производстве валового регионального продукта и не учитывается статистикой в качестве самостоятельной отрасли экономики.

Уникальные природно-климатические условия создают широкие возможности для развития практически всех видов туризма, создания лечебно-оздоровительных центров, курортов, санаториев и выдвигают Алтай в ряд российских центров горных видов туризма и спорта. Наличие значительных исторических и археологических памятников мирового наследия еще более усиливают привлекательность республики для туристов.

Республика Алтай относится к тем уже редким на территории Российской Федерации регионам, которым удалось в силу ряда причин (особенности ландшафта, удаленность от индустриальных и административных центров, низкий уровень экономического, главным образом индустриального, развития и другие) сохранить относительно нетронутым свой богатейший природный потенциал. Однако биологическое разнообразие, присущее данной территории, крайне положительно характеризуя природную составляющую региона, отнюдь не свидетельствует о его полном экологическом благополучии. Встают вопросы разнообразных негативных последствий при освоении Горного Алтая, что связано в значительной мере с природными особенностями региона. Это высокая сейсмичность территории, аккумулятивная способность горных и предгорных ландшафтов, относительно высокий естественный радиационный фон. Присутствуют и элементы антропогенного воздействия на природную среду, при этом наиболее активную роль играют трансграничные переносы вредных веществ и иных загрязнений из других приграничных регионов, а также загрязнения, сформировавшиеся на территории республики.

Наличие уникальных природных ресурсов, с одной стороны, и уязвимость горных ландшафтов, с другой, накладывают серьезные экологические ограничения для интенсивного индустриального и аграрного развития территорий Республики Алтай.

Особое место в системе регионального природопользования занимают внутригорные котловины, характеризующиеся высокой степенью хозяйственной освоенности, большой долей растениеводства и значительной распаханностью территории. Здесь мы видим типичный для горных местностей пример формирования объектно-обусловленной системы аграрного природопользования, когда наличие объекта, в данном случае внутригорной котловины, наиболее благоприятной для проживания населения и осуществления хозяйственной деятельности, привносит новые виды деятельности и формы ее организации.

Эти районы требуют особого внимания специалистов — экологов и природоведов, так как с экологической точки зрения они наиболее уязвимы и в случае нарушения определенных критериев хозяйственного освоения могут привести к разбалансированности целых региональных систем.

Важным источником будущего устойчивого социального и эколого-экономического развития Республики Алтай могут стать его разнообразные, зачастую ***уникальные рекреационные ресурсы***.

Рекреационный путь развития Республики очень перспективен, но он должен быть организован и экологически приемлем. Рекреационное освоение территории должно проходить цивилизованно и сопровождаться адекватными мерами по сохранению природных ресурсов, а в ряде случаев — их восстановлением. Необходима четкая экологическая регламентация рекреационной деятельности.

В Республике Алтай, как и в других субъектах Российской Федерации, идет поиск приоритетов и стратегий развития. При этом предлагаются различные модели. К их числу в первую очередь стоит отнести традиционную для восточных районов страны, но мало приемлемую для республики модель, основанную на освое-

нии минерально-сырьевых ресурсов: добыча золота, серебра, меди, ртути, вольфрама, молибдена, каменного угля и других цветных металлов; а также углубленная переработка древесины с ориентацией на экспорт. Однако, как показывает анализ перспектив развития современных нефте- и газодобывающих регионов, это тупиковый путь.

Традиционной для Республики является модель, в которой в качестве приоритета предлагается выбрать развитие агропромышленного комплекса, глубокую переработку сельскохозяйственной продукции и древесины. Именно по такой модели пыталось развиваться хозяйство республики на протяжении многих десятилетий. Однако, как показывает мировая практика, сельскохозяйственное производство в горных условиях неконкурентоспособно в сравнении с равнинными условиями.

Необходимость нового подхода к стратегии развития обусловлена требованием максимального преодоления недостатков и ограничений, характерных для традиционных моделей

В 1990-х годах в Республике Алтай велись поиски подходов к построению модели устойчивого развития с различной степенью ограничения хозяйственной деятельности[17]. Одной из попыток реализации такой модели можно считать создание эколого-экономической зоны, впоследствии переименованной в эколого-экономический регион (ЭЭР) «Алтай». Целью функционирования ЭЭР «Алтай» определялось повышение благосостояния народов и этнических групп, проживающих в Горном Алтае; обеспечение экологического равновесия и гармоничного развития природно-социальной среды по модели ноосферного типа; сохранение и возрождение нравственности, духовности, национальных культур, традиций, ремесел и промыслов народов и этносов Горного Алтая; превращение Республики Алтай в регион с активным торгово-экономическим сальдо, развитой научно-производственной и рыночной инфрастуктурой. Однако по мере реализации модели цель не была достигнута. Единственным, на наш взгляд, положительным итогом функционирования эколого-экономической зоны следует признать тот факт, что с помощью ее ресурсов удалось в значительной степени снять социальную напряженность, а также направить небольшие инвестиции на восстановление некоторых предприятий, поддержку местных товаропроизводителей, создание некоторого количества новых рабочих мест.

Другой попыткой разработки модели устойчивого развития в Республике является осуществление российско-американского проекта «Концептуальная программа экологичесски устойчивого развития Республики Алтай»[18]. Инициаторами данного проекта были: неправительственная организация «Корпорация экологически устойчивого развития» (США, фонд Дж. Девиса), Государственное собрание (Эл Курултай) и Правительство Республики Алтай. Предложенная концепция, на наш взгляд, характеризуется некоторой шаблонностью исполнения, для которого характерны поверхностный анализ проблем социально-экономического развития региона, отсутствие четкого представления о приоритетах и стратегии развития горной территории, имеющей свои специфические особенности. В ре-

зультате данная концепция имеет рекомендательный характер, который невозможно применить в российской действительности.

В 1990-е годы была предложена концепция ноосферно-биосферного подхода к моделированию развития Горного Алтая[19]. По сути, это биоцентрический подход, доминантой которого является идея охраны природы, биологического и этнокультурного разнообразия. Группой ученых в рамках рассматриваемой концепции было проведено зонирование территории Горного Алтая с выделением зон: заповедной, буферной, экологически обоснованного хозяйственного использования, восстановления. Необходимо отметить, что под хозяйственное пользование отводилось лишь 40 % территории республики. При подготовке первого варианта номинации Горного Алтая в список объектов Мирового наследия ЮНЕСКО этой же группой ученых под руководством В.В. Рудского[20] предлагалось включить почти 80 тыс. км^2, т. е. почти всю территорию республики Алтай (92 тыс. км^2). В данной модели фактически наблюдается противопоставление природной среды социально-экономическому развитию.

Заслуживает внимания и так называемая «аборигенная» модель развития горных территорий[21], разработанная группой алтайских исследователей под руководством В.П. Орлова и нашедшая определенную поддержку у местного населения. Предлагаемая модель «Природно-хозяйственного парка» ставит своей целью сочетание щадящего горного землепользования и многоотраслевого (диверсифицированного) хозяйства с элементами традиционного ведения хозяйства и новых для горных жителей форм экономической деятельности (например, туризм, садоводство, придорожное обслуживание и т. д.). В данной модели центральное место в использовании ресурсов и охране окружающей среды отводится местным общинам. В настоящее время модель «Природно-хозяйственный парк» проходит апробацию на базе межфермерского объединения «Чуй-Оозы» в Онгудайском районе. Конечно, аборигенная модель развития имеет главным образом локальный характер и не решает всех проблем устойчивого развития, но вполне может быть одной из составляющих региональной модели, которую еще предстоит создать.

Экологический статус республики — это основной резерв ее хозяйственного развития. Приоритет индустриального пути не приемлем для данного региона ни с экономической, ни с экологической, ни с социокультурной точки зрения. Необходима выработка экологически приемлемой стратегии развития. Причем данный регион может и должен стать одним из первых в России, где на деле реализуется стратегия устойчивого развития. Сегодня это хорошо понимают не только ученые — природоведы и биологи, историки и археологи, этнографы и представители других отраслей науки, но и руководители республики. Именно это послужило причиной создания первого в России эколого-экономического региона (ЭЭР), имевшего права и статус свободной экономической зоны — Постановление Совета Министров РСФСР № 0595 от 8.11.1991 г. и Указ Президента РФ от 2.03.1993 г. № 0309. Правовые, экономические и организационные основы создания и функционирования эколого-экономического региона «Алтай» приняты 10.04.1997 г.

Однако формирование правительственной финансово-бюджетной и экономической политики, определение экономических подходов и приоритетов не подтверждают выбор республикой экологического пути развития. Оценка финансового состояния Республики Алтай показывает, что в 1996 г. из бюджета республики не было запланировано и фактически израсходовано целенаправленно на охрану окружающей среды ни одного рубля. В первой половине 1997 г. на эти цели было исполнено 67 млн руб. при плановых годовых 100 млн руб. Фактическое исполнение бюджета первой половины 1997 г. по статье «Охрана окружающей среды» составило 0,02 % всех расходов развития.

Мировая практика называет параметры необходимых отчислений на охрану окружающей среды и проведение природоохранных мероприятий от всех инвестиций в экономику региона — 1—3 % от общего объема. Сравнивая все инвестиционные предложения по республике, даже в достаточно оптимистичных предложениях Министерства экономики РА в ФЦП «Сибирь», видим, что доля капитальных вложений, предусматриваемых на природоохранные мероприятия за счет всех источников финансирования, не превышает 0,11 % общего объема инвестиций.

В «Схеме размещения и развития производительных сил Республики Алтай», разработанной сибирскими учеными, рассматривалось в основном два сценария инвестиционной политики Республики Алтай. Первый сценарий, названный «оптимистичным», представляет собой предложения Министерства экономики республики в Федеральную целевую программу «Сибирь». Второй сценарий — «пессимистичный», исходил из сложившейся тенденции продолжающегося спада экономической активности в сфере инвестиций. Нами предлагается третий сценарий — «экологичный», вернее экологически направленный, он исходит из факта создания на территории Республики Алтай эколого-экономического региона и выбора народом и Правительством Республики экологического пути развития. Данный сценарий предполагает выделение на природоохранные мероприятия к 2005 г. 1 % общего объема инвестиций. При всех прочих сценариях, на наш взгляд, ни о каком экономически эффективном и экологически приемлемом развитии региона не может быть и речи. Экологическое состояние территории будет ухудшаться, особенно в местах наибольшего антропогенного давления, к каковым можно отнести наиболее освоенные внутригорные котловины и большинство речных долин. При отсутствии должного финансирования не сохранить уникальные природные памятники, не создать должной системы заповедания.

Имеющийся у авторов опыт разработки программ и схем регионального развития, в особенности экологически приемлемого типа, позволяет утверждать, что Республика Алтай, выбравшая именно этот путь развития, нуждается не в краткосрочных и среднесрочных программах развития, а в выработке научно обоснованной стратегии долгосрочного развития, которая была бы направлена не столько на выход из создавшегося кризиса, сколько на определение путей перехода республики на модель устойчивого развития. Для чего необходима разработка концепции, а затем стратегии и тактики регионального развития.

Исходя из системного видения региона, нами выделено три целевых установки регионального развития и, соответственно, три блока направлений достижения этих целевых установок[22].

В области экономики — рост производства валового внутреннего продукта на основе структурной перестройки и развитие традиционных для республики отраслей.

Основные направления достижения поставленной цели:

поддержка отечественных производителей — разработка и внедрение такой налоговой политики, которая бы стимулировала рост производства продукции, отвечающей потребительским и экологическим стандартам качества;

развитие транспортных коммуникаций, как ныне действующих, так и создание новых транспортных коридоров;

снижение непроизводительных издержек, особенно в области управления;

разработка и внедрение экономико-правового механизма, обеспечивающего защиту внутренних и внешних инвестиций;

поддержка формирования эффективной инфраструктуры. Эффективное функционирование рыночной экономики невозможно без современной рыночной инфраструктуры, которая включает формирование финансовых институтов, системы оптовых рынков, различных средств связи и другие рыночные институты. В настоящее время в республике она находится зачаточном состоянии, что крайне сдерживает привлечение иностранного капитала.

В области экологии — рационализация территориальной организации региональных систем природопользования с учетом экологической приемлемости.

Основные направления:

соблюдение экологического императива развития и размещения основных отраслей природопользования, учитывая экологический статус региона и его высокую значимость в области сохранения биоразнообразия и генофонда планеты;

социальная и экономическая мотивация пользователей к рациональному использованию природных ресурсов, главным образом путем адаптации традиционных экологических знаний и навыков местного населения к новым экономическим условиям;

экологическое оздоровление наиболее загрязненных территорий;

развитие системы особо охраняемых природных территорий, в том числе создание трансграничных биосферных заповедников и природно-хозяйственных парков с различным режимом заповедания.

В области социального развития основной целью является социальная стабилизация жизнедеятельности населения,

Основные направления:

разработка и внедрение мер адресной поддержки наиболее незащищенных слоев общества — детей и пенсионеров;

создание новых и восстановление ранее успешно работавших социальных институтов, главным образом в дошкольном образовании и здравоохранении;

реализация социальных программ, особенно в области поддержки коренного населения, его традиционных трудовых навыков и народных промыслов;

сохранение языка и фольклора местного населения, национальных обычаев и культуры;

повышение качества жизни и среды обитания, в том числе снижение преступности и других категорий девиантного поведения.

Для Республики Алтай, равно как и для России в целом, наиболее важен выход из экономического кризиса, поэтому в предлагаемой нами Стратегии регионального развития названы отрасли активного инвестирования.

К отраслям первичного инвестирования Республики следует отнести сельское хозяйство, отрасли рекреационного комплекса и различные институты инфраструктуры.

Развитие собственно сельского хозяйства нуждается в реструктуризации. Животноводческая специализация сохранится, но особое развитие должны получить молочно-мясное скотоводство и яководство, весьма перспективным остается пантовое мараловодство. Тонкорунное овцеводство и козоводство перспективны лишь при развитии собственной перерабатывающей базы, производство баранины ограничено внутренним рынком. Развитие сельскохозяйственного производства даст дополнительный импульс для развития отраслей, напрямую с ним связанных по вертикальной технологической цепочке, — для республики это, прежде всего, отрасли по переработке сельскохозяйственного сырья (продовольственного и непродовольственного) и обеспечивающие материально-техническое обеспечение основного производства и техническое обслуживание средств производства в сельском хозяйстве. Поэтому данные отрасли отнесены нами к отраслям реинвестирования, они нуждаются не столько в инвестициях со стороны, в том числе и в государственной поддержке, сколько в наличии платежеспособного спроса на их продукцию и услуги.

Учитывая экологический путь развития республики и высокую социальную значимость для населения Сибири, в число отраслей активного инвестирования нами включен туристский бизнес и организация санаторно-курортного лечения. Они нуждаются не столько в государственной финансовой поддержке, сколько в принятии режима благоприятствования для местных фирм, занимающихся этим видом бизнеса, и формировании платежеспособного спроса на продукцию этих отраслей.

К отраслям реинвестирования нами отнесена стройиндустрия, так как современное развитие туристского бизнеса потребует строительства новых гостиниц, кемпингов, иных зданий и сооружений разного уровня комфортности, а увеличение объемов строительных работ расширяет спрос на ее продукцию.

Среди отраслей активного инвестирования нами рассматривается и энергетика. Создание адекватной системы электро- и теплоснабжения в республике необходимо для обеспечения потребностей местных населения и экономики, а не для вывоза электроэнергии за пределы региона. В пользу такого взгляда на роль энергетики в экономическом комплексе республики говорит и выбор народом и прави-

тельством республики экологически ориентированного пути развития. Большая энергетика, в том числе гидроэнергетика, мало совместима с ним.

В числе первоочередных задач в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов следует назвать:

создание экологически приемлемой энергетической базы республики;

газификацию г. Горно-Алтайск и крупных сел РА;

совершенствование системы водоснабжения крупных сел;

экологизацию сельского хозяйства, производство уникальных, экологически чистых продуктов питания и лекарственных препаратов;

рациональное, комплексное использование биологических ресурсов (лесопользование с комплексным использованием побочных ресурсов леса, заготовка лекарственных трав, развитие промыслов и др.);

глубокую переработку минерально-сырьевых ресурсов РА;

создание системы особо охраняемых природных территорий, контроль соблюдения режима заповедания;

охрану и воспроизводство рекреационных ресурсов, проведение мероприятий по их рациональной организации и использованию;

оздоровление территорий РА, пострадавших в результате испытаний ядерных устройств (Семипалатинский полигон, Лобнор), а также являющихся местом падения ступеней ракет с остатками ракетного топлива.

Геополитическое положение Республики Алтай, имеющей внешние границы с Монголией, Китаем, Казахстаном; уникальность природных условий Алтая, расположенного на стыке климатических зон и ландшафтных поясов; его этнокультурная значимость как центра культурно-исторического наследия былых и современных народов, где сплелись воедино древние и мировые религии, культуры многочисленных народов, проживающих в данном регионе, требуют бережного отношения, крайней осторожности и дифференцированного подхода при выборе стратегии развития республики в целом и ее регионов.

Глава 18. Проблемы сохранения биоразнообразия Севера Западной Сибири

18.1. Биологическое разнообразие полуострова Ямал в условиях промышленного освоения

Исследования были начаты в рамках федеральной программы «Ямал» еще в начале 1990-х гг., в результате с 1995 г. они оформились в проект «Разработка методических основ сохранения биоразнообразия в условиях нефтегазового комплекса севера Тюменской области с позиций устойчивого развития». Исполнитель проекта — ИПОС СО РАН.

Исследование и обеспечение устойчивого развития в комплексном его понимании были определены в числе главных задач ЮНЕСКО на 1990-е гг. Этому способ-

ствовали и принятые конвенции и документы: Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение… (Рамсарская), 1971; Конвенция о биологическом разнообразии, 1992; ряд документов, касающихся охраны окружающей среды Арктики и Субарктики, рекомендующих комплексный подход в исследованиях северных регионов.

Важным толчком, стимулирующим комплексные эколого-биологические исследования, явился проект Глобального экологического фонда «Сохранение биологического разнообразия», стартовавший в 1996 г. и включающий в себя в числе прочих разделы:

стратегия сохранения биологического разнообразия;

охраняемые природные территории.

Стратегия исследований направлена на восстановление популяций, покровительственную охрану редких видов, создание системы охраняемых природных территорий и экологическую реставрацию. Именно эти положения взяты за основу в своих исследованиях учеными — биологами ИПОС СО РАН.

Заметным вкладом в познание закономерностей существования и развития природных комплексов Севера Западной Сибири стали исследования такой специфической его части, как полуостров Ямал, проведенные ИПОС СО РАН в связи с перспективой освоения расположенных на нем крупнейших газоконденсатных месторождений. Это, в частности, результаты экспедиционных исследований на территории Бованенковского и Харасавэйского газоконденсатных месторождений (ГКМ), на юго-западе Ямала в зоне строительства железной дороги Обская—Бованенково, исследований водоемов юго-востока Ямала и Обской губы[1], исследований в зоне строительства трубопровода Ростовцевское месторождение — устье р. Нурмаяха[2].

Центральной темой исследований является всестороннее изучение биологического разнообразия п-ова Ямал. Оно тесно связано с более широким кругом актуальных вопросов оценки устойчивости субарктических природных комплексов к различным антропогенным и естественным подвижкам, будь то промышленное освоение или климатические тенденции — изменение биоразнообразия рассматривается и как интегральный результат, и как индикатор этих процессов.

Особое место в работе отводится анализу влияния факторов промышленного освоения Тюменского Севера на биоразнообразие и устойчивость биологических сообществ. В частности, впервые приводятся результаты исследования фауны позвоночных животных в зоне строительства железной дороги Обская—Бованенково от г. Лабытнанги до оз. Хэ-то (269 км). Проведенный на большом количественном материале анализ показал ряд закономерностей антропогенной трансформации сообществ птиц и млекопитающих, но, вместе с тем, и их неоднозначность. Аналогичный анализ проведен для сообществ птиц и млекопитающих территории Бованенковского и Харасавэйского ГКМ. На территории этих месторождений исследовано также влияние основных факторов техногенной трансформации почв на таксономический состав и структуру почвенной мезофауны. Рассмотрено влияние нефтяного загрязнения бассейна Оби и влияния животноводческих сто-

ков на состав и структуру водных сообществ дельты Оби и Обской губы. Изучение грибов Ямала продолжено в рамках оригинальной методики микоиндикации состояния экосистем лесного ряда. Дана характеристика индикаторных видов дереворазрушающих грибов юга Ямала, на ее основе проанализировано разнообразие естественных и антропогенных сообществ грибов, показатели структуры и устойчивости вмещающих их экосистем.

Исследование влияния факторов освоения на разнообразие и структуру сообществ наземных позвоночных в зоне строительства железной дороги Обская—Бованенково и на территории Бованенковского и Харасавэйского ГКМ также не показало пока их необратимых изменений. Вместе с тем, выявленные закономерности неоднозначны. Так, разнообразие птиц на трансформированных участках тундры, прилегающих к трассе железной дороги, существенно выше, чем на контроле, что обусловлено большим разнообразием импактных местообитаний. В связи с подвижностью птиц качественные отличия их разнообразия в негнездовой период не всегда четко прослеживаются. Данные по обилию показывают различную реакцию видов на факторы импактизации. Явно увеличивают свою численность в непосредственной близости от трассы белая трясогузка, каменка, кулик-воробей, галстучник, поморники и ряд других — в основном мелкие и слабо специализированные виды. Напротив, значительно чаще отмечаются на удаленных от трассы контрольных участках чернозобая гагара, морская чернеть, морянка, ржанка, фифи, турухтан, рогатый жаворонок, коньки, лапландский подорожник и другие. Среди них виды разных размеров и экологического статуса, но в целом много крупных, охотничье-промысловых, специфических тундровых видов. Вероятнее всего, низкая их численность вдоль трассы обусловлена не столько отсутствием подходящих местообитаний, сколько фактором беспокойства и, возможно, преследованием со стороны человека и собак. Некоторых крупных птиц, например хищных, трасса может привлекать наличием удобных седалищ, обилием жертв, ведущих синантропный образ жизни. Несмотря на более высокое разнообразие и обилие птиц в импактной зоне, устойчивость импактных их сообществ, рассчитанная по количественным соотношениям видов, ниже, чем в контроле (рис. 18.1). Это подчеркивает временный статус антропогенных сообществ птиц и соответствует низкой устойчивости антропогенных местообитаний, требующих искусственного поддержания.

Значительно меньшее разнообразие характерно для млекопитающих. Судя по отловам, видовое разнообразие и численность млекопитающих в импактной зоне намного меньше, чем на контроле. Это может быть связано с меньшей, чем у птиц, подвижностью зверьков и их преследованием со стороны собак. Вместе с тем, находка такого нетипичного для Ямала вида как полевка красно-серая, возможно, связана с его продвижением вдоль железнодорожной насыпи из более южных приуральских районов, где зверек приурочен к щебенистым местообитаниям. Со строительством трассы связано, возможно, также глубокое проникновение на север речной крачки, отмеченной на техногенном водоеме у р. Паюта, и некоторых других птиц.

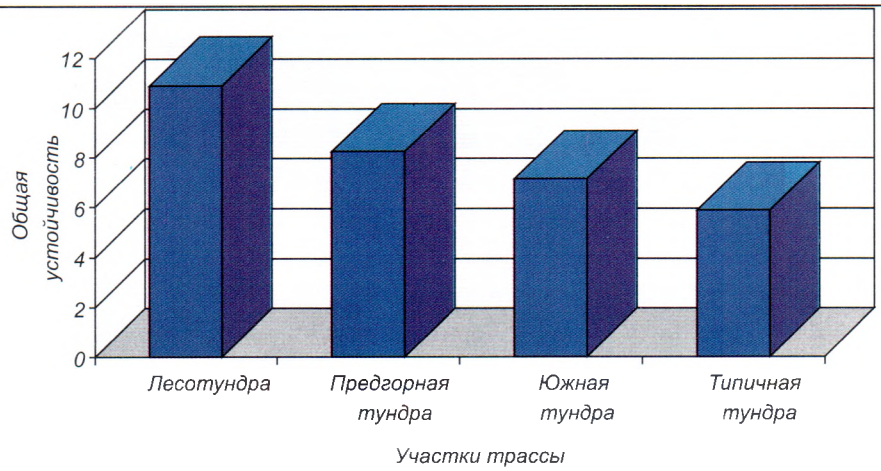

Рис. 18.1. Широтно-зональные изменения устойчивости сообществ птиц Ямала вдоль трассы железной дороги Обская—Бованенково (данные С.Н. Гашева).

Подробная картина изменения биоразнообразия на техногенных участках получена при исследовании почвенной мезофауны Бованенковского и Харасавэйского ГКМ. Наибольшие показатели таксономического разнообразия и численности педобионтов характерны для умеренного уровня нарушений, при сочетании исходных и новообразованных экологических ниш (почвенные гурты, колеи, некоторые искусственно рекультивированные участки). Показатели параболически уменьшаются при коренной трансформации ценоза (отсыпки, расчистки), с одной стороны, и, в меньшей степени, на контрольных ненарушенных участках, с другой. Во временном плане также имеет место параболическая закономерность — наибольшие показатели наблюдаются на средних стадиях восстановления нарушенных ценозов, для свеженарушенных участков характерны наименьшие показатели, ближе к завершению восстановительного процесса они также несколько уменьшаются (рис. 18.2). Речь идет об общем разнообразии, для показателей видового своеобразия характерно пропорциональное их изменение с ростом степени трансформации (уменьшение) и по ходу восстановления ценоза (увеличение). Данные по позвоночным в принципе вписываются в названные закономерности.

Полученные материалы показывают, что программа «Ямал» за почти полтора десятилетия дала результаты, сопоставимые с результатами биологических исследований на полуострове за весь предшествующий период. Однако вследствие масштабности и динамичности поставленных ею задач многие аспекты функционирования природных комплексов Ямала все еще остаются недостаточно изученными и каждое новое обращение к ним существенно расширяет имевшиеся знания. Например, в плане инвентаризации биоразнообразия даже по такой известной группе, как позвоночные животные, были сделаны находки, позволившие существенно расширить представленные ранее списки, включив в них 221 вид птиц и 53 вида млекопитающих (рис. 18.3).

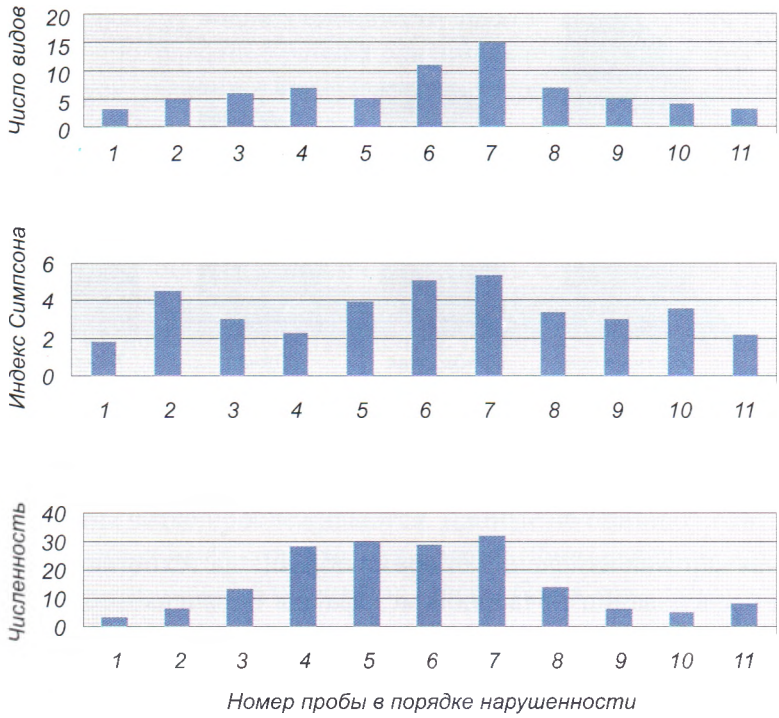

Рис. 18.2. Показатели разнообразия почвенных насекомых (Insecta) на восстанавливающихся участках по Бованенковскому ГКМ

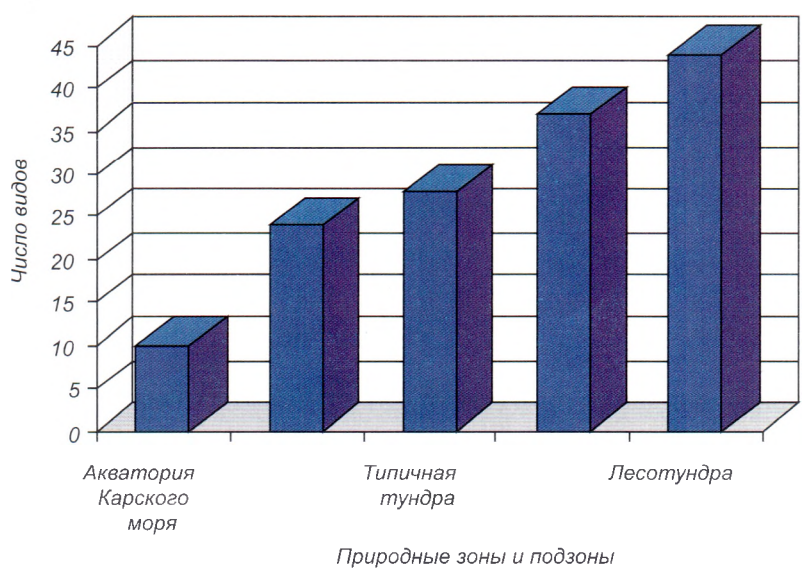

Рис. 18.3. Широтно-зональные закономерности изменения разнообразия млекопитающих Ямала.

Большой резерв для исследований представляет разнообразие беспозвоночных животных Ямала, в частности в эстуарных водоемах, отличающихся высокой

биологической продуктивностью. Так, из 130 видов зообентоса Обской губы, известных ныне, 50 представленных выше видов выявлено в последние годы.

Из другой экологической группы гидробионтов, ранее совершенно не изученной на Ямале, — зооперифитона, только в водотоках юго-востока полуострова найдено 80 видов и таксонов, из них 33 — новые для региона (рис. 18.4). Особую значимость представляют неожиданно богатая фауна мшанок и реликтовые ракообразные солоноватых вод Обской губы. Среди новых интересных находок мшанка *Plumatella corraloides* (Allman), турбеллярии рода *Placelis*, несколько видов хирономид, ручейников, представители других таксонов.

Высокие показатели разнообразия были выявлены и на уровне биологических сообществ Ямала. Так, в дельтовой части Оби выделено 30 типов сообществ зооперифитона из 110 типов, выделяемых для Обского бассейна. Этот участок представляет собой уникальный по биоразнообразию и биомассе экотон, вызванный к жизни соединением речных вод Оби и относительно стационарных вод Обской губы. Именно здесь расположены важнейшие нагульные угодья многих видов ценных рыб. Другой такой экотонный участок, расположенный на выходе из Обской губы, образует соединение ее относительно пресных вод с солеными водами Карского моря.

По всем гидробиологическим показателям, несмотря на интенсивные нефтегазоразведочные работы и обустройство месторождений, обследованные водоемы остаются чистыми: в целом самоочистительная способность Оби и ее эстуария пока достаточно высока, что, однако, не должно вселять излишний оптимизм и безответственность, учитывая масштабы возможного освоения Ямала и особую хрупкость субарктических экосистем.

Аналогичные закономерности получены при исследовании индикаторного сообщества дереворазрушающих грибов в биогеоценозах лесного ряда на юге Ямала. Наибольшее видовое разнообразие этой группы (до 14 видов из 17 найденных на Ямале и 50 — по Западной Сибири) отмечено в антропогенно трансформированных насаждениях импактных зон крупных населенных пунктов. Специфичен видовой состав микоценоза в горельниках. Для естественных лесных биогеоцено-

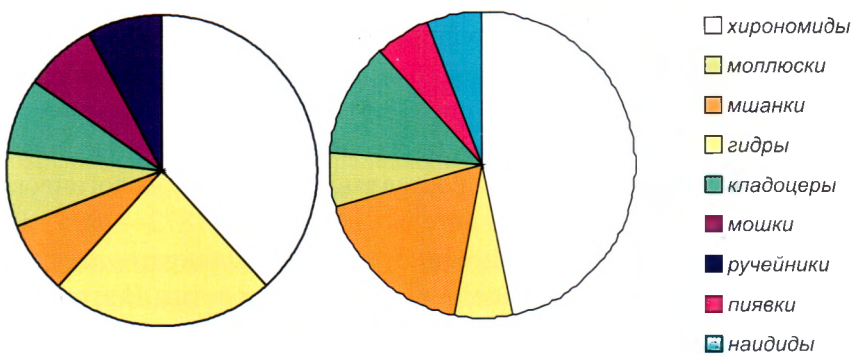

Рис. 18.4. Таксономическая структура сообществ зооперифитона речного участка (*а*) и дельты (*б*) р. Обь (данные Т.А. Шараповой).

зов Ямала характерно ограниченное число видов (пять—семь) трутовиков. Вместе с тем для них определяются показатели внутренней устойчивости (сбалансированности экологических компонентов), соответствующие достаточно высокому для лесов Западной Сибири уровню. Низкие абсолютные значения рассчитанных микологических индексов, отражающих основные параметры вмещающих древостоев, напротив, соответствуют небольшому ресурсу их устойчивости к внешним разрушающим факторам. Примечательно, что высокое разнообразие дереворазрушающих грибов характерно для несбалансированных импактных микоценозов Ямала. В этом усматривается не только специфика биологических деструкторов, но и общеэкологическая закономерность.

Разнообразие и структура вмещаемых сообществ детерминированы структурой и состоянием вмещающей среды, что особенно закономерно для свободно расселяющихся споровых организмов. Для сообществ дереворазрушающих грибов жесткость связи такова, что позволяет по соотношениям различных компонентов сообщества рассчитать основные параметры древостоев — сомкнутость, среднюю высоту и диаметр, физиологический возраст, бонитет, удельный запас древесины и другие. Это позволило разработать универсальную методику микоиндикации состояния лесов, успешно опробованную и на Ямале. В той или иной степени подобная биотопическая детерминация разнообразия существует для всех биологических групп, что еще раз подчеркивает необходимость охраны биотопов.

Древесно-кольцевые хронологии тундровых кустарников характеризуют климатозависимые базовые параметры экосистем Ямала (продуктивность, устойчивость), определяющие, в частности, и параметры биоразнообразия. Получены новые и обновленные хронологии из района Бованенковского ГКМ, оз. Яро-то, лесотундры Ямала и смежных территорий от Полярного Урала до устья р. Таз, показывающие современные климатогенные изменения и формирование мезоклимата в импактных зонах объектов освоения. Следует отметить, что исследования тундровых кустарников предприняты впервые в дендрохронологической практике и позволили получить хронологии протяженностью более 120 лет.

Для оценки климатогенных изменений в тундровой зоне Ямала проведены достаточно масштабные исследования годичных колец кустарников в ряде его пунктов и на смежных территориях (рис. 18.5). Важно, что прирост кустарников не только несет климатический сигнал, но и содержит комплексную информацию о реакциях и состоянии продуцентов, составляющих основу экологической пирамиды. Хронологии, самая ранняя из которых датируется 1872—1995 гг. (березка карликовая, Бованенковское ГКМ), демонстрируют неоднократную смену климатогенных тенденций биоты на Ямале за прошедшее столетие. В этом плане в относительно холодные 1990-е годы, хотя и стрессовые для состояния кустарников, особенно на севере Ямала в районе Бованенковского ГКМ, отклонения не превысили отмеченных ранее в XX столетии значений. Это свидетельствует о том, что современные климатические подвижки регионального уровня, очевидно, пока не

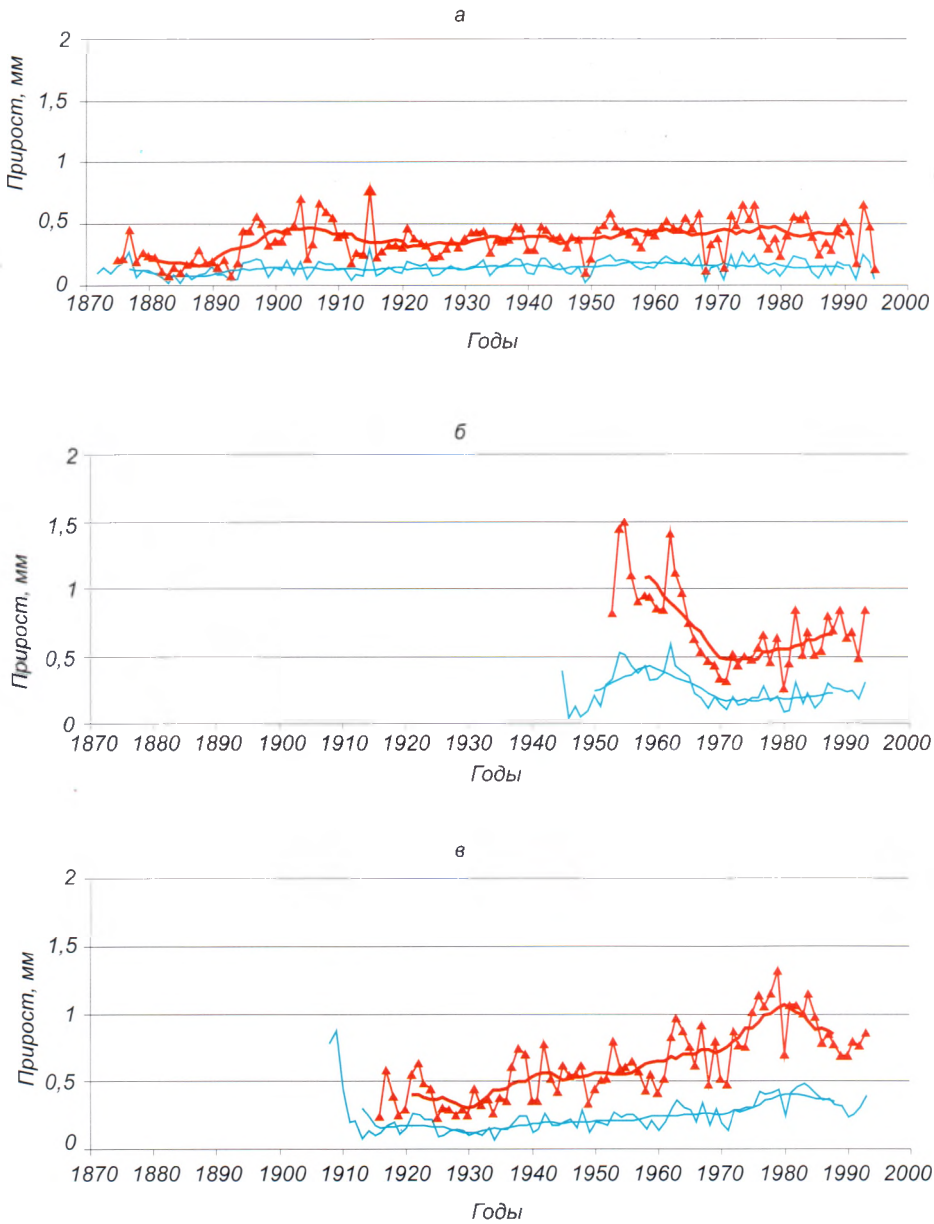

Рис. 18.5. Средний и максимальный радиальный прирост березки карликовой: *а* — Бованенково, *б* — оз. Яро-то, *в* — Тазовский р-он.

привели к радикальному изменению существующих биогеоценозов, а изменение численности и ареалов ряда видов имеет пульсирующий характер.

Обращает внимание, что в 1998 г. в зоне южных и типичных тундр наблюдалась очень низкая численность пеночек, дроздов, камышовки-барсучка, при том, что в конце 1980 — начале 1990-х гг. эти характерные для лесотундровой зоны виды были широко распространены по кустарникам Ямала вплоть до Бованенковского

ГКМ. Можно предположить, что это связано с наступившим в 1990-х гг. похолоданием с неблагоприятными для представителей более южной фауны условиями 1992, 1994—1998 гг. (позднее лето с неустойчивой прохладной погодой). Противоположная тенденция проникновения более южных элементов биоразнообразия на Ямал, очевидно, имела место в предшествовавший теплый период второй половины 1980-х гг., когда фаунистические (и другие) исследования на полуострове получили наибольшее развитие. Вероятно, что современное похолодание (вместе с «замораживанием» объектов освоения) может положительно сказаться на статусе характерных для Ямала исторически адаптированных видов, сняв с них излишний биотический пресс и стабилизировав их криогенные местообитания.

На фоне общего похолодания кустарниковые хронологии показывают смягчение субклиматических условий в импактных зонах городов и поселков Севера, примыкающих к Ямалу. О нем можно судить по синхронизированному с их возникновением и развитием увеличению радиального прироста кустарников. Такая ситуация может стимулировать локальный рост формальных показателей биоразнообразия за счет проникновения в антропогенные ландшафты прежде всего антропофильных эксплерентных видов с юга. Исторически свойственные региону виды, составляющие его своеобразие и имеющие приоритетное значение по Конвенции ООН о биологическом разнообразии (1992), напротив, могут испытывать в этих условиях дополнительный биотический пресс, пока, вероятно, локальный. При сравнении показателей прироста березки карликовой и кустарниковых ив отмечаются также признаки некоторой континентализации (увеличения сухости) климата в южной части Ямала, хорошо выраженной в 1980-х гг. в более южных зонах Западной Сибири. В перспективе это может вести к усилению восточносибирских элементов в биоразнообразии Ямала.

Исследование радиационной обстановки на Ямале в зоне строительства железной дороги Обская—Бованенково и на смежных с ним территориях весьма опосредованно связано с биологическим разнообразием. Однако и оно показывает характерные черты состояния природной среды Ямала, а также дискутируемых по этому поводу проблем. В целом по району исследований зарегистрирован низкий радиационный фон (7,4—9,6 мкР/ч), по мере удаления от Ямала к Сибирским Увалам он еще более уменьшается. Вероятно, такая тенденция обусловлена близостью Ямала к Новоземельскому испытательному полигону. На техногенных участках трассы радиационный фон в целом оказался достоверно выше, чем на контрольных, но абсолютная разница очень невелика (8,2 и 8,8 мкР/ч) и по санитарным нормам незначительна. Полученные данные характеризуют исследованную территорию Ямала как чистую в радиационном отношении, но показывают и негативные тенденции, на которые необходимо обратить внимание в условиях хрупких субарктических экосистем.

Проведенные исследования показывают, что промышленное освоение Ямала, вероятнее всего, пока не привело к необратимым изменениям биоты и в частности биоразнообразия. Большинство негативных изменений носит локальный характер или связано скорее с сопутствующей освоению неконтролируемой деятельностью

человека, некоторые из них имеют естественные причины. Однако в современных условиях природная среда Ямала подвержена многим потенциальным изменениям и сколь бы ни полны были исследования отдельных лет, окончательные выводы вряд ли возможны. Очевидно, что работы по исследованию природной среды Ямала должны быть продолжены в мониторинговом режиме.

18.2. Водно-болотные угодья: результаты эколого-биологического мониторинга

Второе направление исследований биоразнообразия Севера Западной Сибири с позиций устойчивого развития связано с водно-болотными угодьями (ВБУ).

Совокупность физико-географических параметров этого региона в течение длительного исторического времени способствовала формированию явления, которое было названо М.И. Нейштадтом «мировым природным феноменом» — явления обширного повсеместного заболачивания[3].

Север Западной Сибири можно рассматривать как одно большое водно-болотное угодье макромасштаба — генетически цельный единый природный комплекс, чрезвычайно важный по своей биосферной роли, наряду с такими уникальными системами как амазонская сельва, восточносибирская тайга и др.

Второй феномен западносибирского региона — богатство его недр: на Тюменский Север приходится 6 % общемировой добычи нефти и 90 % российского газа. Таким образом, экосистемы ВБУ испытывают колоссальные техногенные нагрузки свыше 40 лет.

В этих условиях ВБУ являются своеобразными индикаторами экологической обстановки всей территории Западной Сибири, причем каждый тип ВБУ по-своему подвержен опасности техногенной трансформации: реки, озера, дельты находятся под угрозой загрязнения нефтепродуктами и другими поллютантами; торфяники и различные типы болот в большей степени подвержены механическим нарушениям, сопровождающимся деградацией природных комплексов.

Принятая в 1971 г. в Рамсаре (Иран) на основании принципов сохранения природной среды для будущих поколений Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, явилась знаковым событием в жизни водно-болотных угодий. Конвенция провозгласила следующую цель: признавая экологическую, равно как и экономическую, культурную, научную и рекреационную ценность водно-болотных угодий, предотвратить нарастающее антропогенное вмешательство и исчезновение водно-болотных угодий в настоящем и будущем. При этом конвенция охватывает широкое разнообразие типов местообитаний, включая реки и озера, прибрежные лагуны, мангровые заросли и даже коралловые рифы, из которых на территории Западной Сибири не встречаются только два последних (табл.18.1).

Россия, выполняя международные обязательства как Сторона конвенции, в 1994 г. объявила 35 территорий и акваторий водно-болотными угодьями международного значения (Постановление Правительства РФ от 13.09.2004 г. «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Стороны, вытекающих из

Таблица 18.1

Водно-болотные угодья Севера Западной Сибири

Название	Площадь, га	Статус
Острова Обской Губы	128000	I *
Нижнее Двуобье	540000	I *
Верхнее Двуобье	470000	I *
Остров Белый с проливом Малыгина	160000	III
Бассейны рек Западного Ямала	650000	II
Бассейн р. Мордыяха	250000	III
Долина р. Юрибей	150000	II
Бассейны рек южного Ямала	690000	II
Остров Олений и побережье Юрацкой Губы	340000	III
Острова в Карском море к северу от Гыданского полуострова	176850	III
Озера северо-востока Гыданского полуострова	210000	II
Дельта р. Пур	30000	III
Низовье р. Мессо	290000	III
Низовье р. Таз	350000	III
Многоозерья в междуречье Пяку-Пур — Надым	269500	III
Многоозерье левобережья р. Пур	30000	III
Озерные системы бассейна реки Хадыр-Яха	30000	III
Группа озер в междуречье Часелька — Харампур	30000	II
Юртовское многоозерье в междуречье Вэнгапур — Етыпур	137500	II
Чертовская система озер	50000	II
Водораздел Нумто	107387	III
Салымо-Юганская болотная система	1500000	III
Междуречье Назым — Пим	202500	III
Пойма среднего течения р. Обь	550000	II
Междуречье Колик-Еган — Сабун	1288500	III
Бассейн р. Польта	требует уточнения	III
Большое Васюганское болото	5000000	II

Примечание. I — ВБУ Рамсарского списка; II — ВБУ, предложенные для организации второй очереди Рамсарских угодий в России; III — ВБУ, внесенные в перспективный список Рамсарской Конвенции.

*Часть водно-болотного угодья входит в государственные заказники.

конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местообитаний водоплавающих птиц»). В числе 35 заявленных ВБУ — три находятся на территории севера Тюменской области: острова Обской губы Карского моря, Верхнее Двуобье и Нижнее Двуобье. Из всех существующих на территории Тюменского Севера ВБУ формально охраняются и в какой-то степени изучены ВБУ на территории заповедников «Малая Сосьва», «Юганский», «Верхне-Тазовский», «Гыданский».

Для получения объективной оценки состояния ВБУ на территории Тюменского Севера начиная с 1994 г. проводились эколого-биологические экспедиции по изучению водно-болотных угодий бассейна нижнего течения Оби в пределах Ханты-Мансийского автономного округа. Все исследования выполнены на средства, выделенные экофондом администрации округа.

В качестве объекта фонового мониторинга по результатам многолетних исследований, проводимых сотрудниками биологического отдела ИПОС СО РАН на указанных выше объектах, избрана территория природного парка «Нумто». Почему именно эта территория?

Парк расположен практически в центре Западно-Сибирской низменности — главном нефтегазоносном районе Тюменского Севера. Территория парка подстилается многолетнемерзлыми породами, приуроченными преимущественно к торфяным массивам с обширными участками чередования мерзлых и талых пород на минеральных грунтах[4]: глубина залегания многолетнемерзлых пород составляет от 20—30 см в северной части Парка, до 40 см от поверхности — в южной. Абсолютный возраст торфов, по данным радиоуглеродного анализа, на глубине 20—25 см составляет 5 540 ± 50 лет, на глубине 55—60 см — 7 830 ± 85 лет, т. е. возраст торфяной залежи в среднем составляет около 10 000 лет, при скорости торфонакопления — 0,05—0,08 мм/год[5]. Особенности торфообразования соответствуют закономерностям зоны крупнобугристых болот Западной Сибири, согласно которым скорость торфонакопления составляет около 0,1 мм/год, а мощность торфяной залежи — около 1 м[6].

Территория парка «Нумто» имеет ключевое положение в географии, экологии, этнографии Тюменского Севера: она расположена на границе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, на важнейшем водоразделе центральной части Сибирских Увалов. Озеро Нумто дает начало истокам р. Надым. Здесь проходит граница тундровой и таежной ландшафтных зон, самая южная на Российском Севере. Угодья «Нумто» — один из последних анклавов — территория компактного оседлого проживания лесных ненцев и казымских хантов, территория с практически не затронутыми промышленным освоением естественными ландшафтами, с сохранившимся историческим этносом, культурой и промыслами.

В соответствии с обоснованным в Проекте природного парка «Нумто» функциональным зонированием его территории, одна из главных зон парка — зона заказного режима, в которую вошли водно-болотные угодья, получившие название «Водораздел Нумто». Общая площадь угодий — 1 074 км^2, географические координаты — 63°20' — 63°41' с. ш., 70°38'—70°55' в. д. (рис. 18.6). Территория угодий пред-

Рис. 18.6. Водно-болотные угодья северной части Ханты-Мансийского автономного округа.

ставлена малоустойчивыми экосистемами заозеренных и заторфованных водоразделов, основу которых составляют озерные и озерно-болотные комплексы. Рельеф во многом определяет ландшафтную структуру: в геоморфологическом отношении район относится к высокому подуровню озерно-аллювиальной террасы и представляет субгоризонтальную поверхность с абсолютными отметками 110—115 м. В южной части угодий ровная поверхность рельефа нарушается «сопками крупнобугристых болот»; равнинные части почти сплошь заняты торфянистыми тундрами и озерно- и озерково-болотными комплексами. Озеро Нумто — внутриболотное озеро, площадь которого составляет 60 км^2, на «Святом острове» расположены святилища лесных ненцев. Вокруг озера обнаружены археологические памятники, возраст которых — 4,5—5 тыс. лет. Водосбор озера образован плоскобугристыми и грядово-мочажинными озерковыми микроландшафтами.

Изучение содержания различных химических веществ поверхностных вод, донных отложений, почв, растительности позволило уточнить ряд **региональ-**

ных особенностей ландшафтов территории водно-болотных угодий и таежной зоны Западной Сибири в целом. В поверхностных водах, формирующихся на заболоченных водосборах, выявлены крайне высокое содержание железа и марганца, высокое содержание взвешенного и растворенного органического вещества, низкая минерализация и жесткость, повышенное содержание фенолов и углеводородов нефтяного ряда. Преобладающие на водоразделах гидроморфные болотные почвы отличаются накоплением в органических горизонтах многих микроэлементов (Mn, Zn, P). В противоположность этому, подзолистые почвы, развитые под лесами, имеют крайне низкие концентрации практически всех микроэлементов и малую обеспеченность элементами питания растения (N, K, P). То есть лесоболотная зона Западной Сибири является своеобразной биогеохимической провинцией, условия которой в целом неблагоприятны для проживания человека, в силу малой минерализации вод, высокой их кислотности, крайне высокого содержания железа, повышенного содержания органического вещества, слабой обеспеченности минеральной части почв.

Необходимо учитывать это при проведении мониторинга: повышенные концентрации ряда веществ и элементов объясняются природными факторами и не связаны с загрязнением.

Территория ВБУ «Водораздел Нумто» уникальна и по своим биологическим ресурсам, что стало обоснованием для включения их во вторую очередь «списка перспективных водно-болотных угодий» на придание им статуса «Рамсарских угодий, подлежащих международной охране».

По схеме геоботанического районирования, Парк находится полностью в пределах северотаежной подзоны. Лесная растительность занимает 10,36 % площади парка. Наименьшее количество лесов — на ВБУ в связи с высокой заозеренностью и заболоченностью. К дренированным увалам и речным поймам приурочены кедровники (23 % от всей площади лесных сообществ). Центрами видового разнообразия территории парка являются приречные и приозерные темнохвойные леса с участием кедра и ели.

На территории ВБУ зарегистрировано 156 видов высших сосудистых растений, из них восемь занесены в Красную книгу Ханты-Мансийского округа и десять рекомендованы для региональной охраны[7]. Только в районе оз. Нумто описано 12 типов кедровников. Кедр, находясь на северном пределе своего естественного ареала, начинает плодоносить в возрасте 10—15 лет. Урожайность кедрового ореха молодых насаждений составляет в пределах 60—70 кг/га, зрелых — до 200 кг/га. Лесоустройством 1998 г. все леса парка отнесены к особо защитным участкам леса, категории «особо охраняемых частей заказников».

ВБУ парка «Нумто» играют большую роль как территория обитания ценной фауны. Здесь перекрываются ареалы большинства тундровых и таежных видов. Для 40 видов и подвидов птиц эта территория является северным пределом их ареала. В целом на территории парка зарегистрировано 45 видов млекопитающих и 180 видов птиц, в то время как на близлежащих охраняемых территориях (заповедник «Верхне-Тазовский») отмечается 70—80 видов. В их числе девять видов

птиц, преимущественно околоводных и болотных, занесенных в Красные книги МСОП и России, такие как малый лебедь, гусь-пискулька, краснозобая казарка, скопа, орлан-белохвост, беркут, сапсан, кречет. В отдельные годы на кочевках по торфяникам отмечались единичные особи стерха.

ВБУ парка «Нумто» расположены на одном из крупнейших водораздельных путей миграции водоплавающих птиц, прежде всего гусей (белолобый, гуменник, краснозобая казарка). В отдельных точках побережья озера Нумто и близлежащих озерах во время весеннего пролета регистрируется до 4—5 тыс. особей водоплавающих, а общая численность по угодьям составляет до 30—40 тыс. особей. В годы высокой водности, неблагоприятные для пролета водоплавающих птиц вдоль Оби, значимость миграционного пути через угодья «Нумто» возрастает: на весеннем пролете 2002 г. на угодьях было учтено свыше 200 тыс. особей птиц водно-болотного комплекса. Общая плотность гнездования уток в парке «Нумто» составляет свыше 10 пар/км^2. Плотность гнездования краснокнижных околоводных птиц (орлана-белохвоста, скопы, сапсана) достигает соответственно 0,05, 0,1 и 0,01 пар/км^2.

На территории парка в зоне временной хозяйственной деятельности в течение нескольких лет ведутся разведочное бурение и поиск нефтеносных площадей с соблюдением жесткого регламента ведения работ. Это позволяет его природным комплексам оставаться на данном этапе практически в естественном состоянии.

Совершенно иная обстановка складывается в пойме Оби. Рамсарские водно-болотные угодья международного значения в силу ряда природных и антропогенных факторов находятся под угрозой нарастающей деградации, поскольку они располагаются в пределах водосборного бассейна Нижней Оби, где уже в течение многих лет ведутся разведка и добыча нефти, а также транспортировка нефти и газа. Высокая аварийность на нефтепромыслах и трубопроводах приводит к попаданию нефтепродуктов в речную сеть, что неизбежно способствует деградации водных и прибрежных экосистем на значительном протяжении речного русла.

С целью получения объективной оценки состояния экосистем ВБУ «Верхнее Двуобье» и «Нижнее Двуобье» в 2000—2003 гг. проводились эколого-биологические исследования в нижнем течении Оби. Обь на обследованном участке протекает в двух климатических подзонах — среднетаежной и северотаежной[8]. «Верхнее Двуобье» по ландшафтной структуре относится к среднетаежному подтипу, его пойменные ландшафты по особенностям формирования природных комплексов являются переходным типом. На высоких гипсометрических уровнях расположены урочища южнотаежных ландшафтов, среднетаежные, в силу большей гидроморфности, свойственны наиболее пониженным частям поймы. В целом среднетаежный пойменный ландшафт можно назвать «долгопоемным сегментарно-островным мелколиственно-ивняково-лугово-соровым», для поймы характерна лесо-кустарниково-сорово-луговая растительность.

На территории угодья выявлено 314 видов высших сосудистых растений, в том числе 21 вид разной категории редкости. Наибольшее видовое разнообразие свойственно многочисленным гривам, кедровникам и заливным вейниковым лугам.

Из растительных комплексов наибольшую ценность представляют кедровники на высоких уровнях поймы (пос. Ягурьях), парковые ивняки, вейниковые луга. Из редких сообществ следует отметить «ветляники» (о. Монастырский), произрастающие здесь в отрыве от основного ареала ивы белой[9].

Наибольший интерес с позиции биоразнообразия представляет фауна угодья. Разнообразие экологических условий в Обь-Иртышском бассейне привело к формированию локальных стад промысловых рыб. Ихтиофауна ВБУ «Верхнее Двуобье» насчитывает 21 вид. К типично полупроходным видам относятся осетр, стерлядь, нельма, муксун, имеющие огромное промысловое значение, и «Верхнее Двуобье» имеет важное значение как участок миграционного пути этих ценнейших промысловых видов рыб, в том числе и сибирского (обского) осетра, занесенного в Красную книгу ХМАО (2003). Огромную роль для нереста и нагула сиговых рыб в масштабах всего Обского бассейна играет главная протока угодья — Ендырская. Местом нагула молоди является вся огромная соровая система угодья.

«Верхнее Двуобье» расположено на одном из крупнейших путей сезонных миграций перелетных птиц, поэтому оно является местом средоточия огромного числа водоплавающих и околоводных птиц. В годы с благоприятными условиями общая гнездовая численность водоплавающих на водоемах угодья достигает 3,8 млн особей (речные и нырковые утки, гуси, лебеди). В период миграции численность птиц намного увеличивается, по таким группам как гуси — кратно. Удельное обилие водоплавающей дичи в первой половине лета составляет в среднем 129 особей/км^2 [10]. В пределах угодья отмечено 26 видов птиц, занесенных в Красные книги разного уровня, прежде всего — краснозобая казарка, гусь-пискулька, большой подорлик, сапсан, стерх, скопа, малый лебедь, беркут, кобчик, большой кроншнеп, филин и др. Во время исследований на территории угодья было зарегистрировано 44 обитаемых гнезда орлана-белохвоста. Наиболее велико значение «Верхнего Двуобья» в охране уязвимых видов водно-болотных птиц, в том числе и орлана-белохвоста.

Богатые угодья «Верхнего Двуобья» привлекают сюда и разнообразную фауну млекопитающих. Особенную ценность представляет лось: на территорию ВБУ мигрируют самки на отел и здесь происходит выращивание молодняка.

Все сказанное выше о биологических комплексах угодья свидетельствует об уникальности этого природного объекта, требующего разработки мер щадящего режима природопользования. Важное место в этом занимает система эколого-биологического мониторинга, позволяющего отслеживать все негативные последствия хозяйственной деятельности человека.

В связи с известным фактом превышения экологических нормативов содержания нефтепродуктов в речных водах ХМАО для получения объективной оценки состояния ВБУ и выявления уровня воздействия объектов нефтедобычи на интенсивность и характер загрязнения проведены эколого-геохимические исследования, в том числе анализ качества речных вод в пределах лицензионных участков добычи нефти. Главное внимание при проведении исследований уделено приори-

тетным загрязнителям — нефти, соединениям азота, ионам натрия и хлора, содержащимся в минерализованных пластовых водах.

Проведя краткий ретроспективный анализ нефтяного загрязнения речных вод в нижнем течении Оби, можно констатировать, что наивысший уровень загрязнения отмечался в начале 1990-х гг., когда среднее содержание нефтепродуктов в Оби составляло 0,35 мг/дм^3, или 7 ПДК рыбохозяйственных водоемов[11]. В дальнейшем наблюдается некоторое снижение уровня загрязнения[12]. В период с 1994 по 1998 г. максимальное среднегодовое содержание нефтепродуктов в р. Обь наблюдалось в 1996 и 1997 гг. (0,27 и 0,22 мг/л соответственно)[13].

Тот факт, что для речных вод округа характерно превышение ПДК нефтепродуктов, подтвердили и наши исследования. В 2001 г. зафиксирован средний уровень содержания нефтепродуктов в реках округа, составляющий 0,13 мг/л (2,6 ПДК для водоемов рыбохозяйственного значения), в 2002 г. среднее содержание нефтепродуктов составило 0,19 мг/л.

В 2003 г., по результатам анализа более 300 проб, выявлено, что содержание нефтепродуктов осталось практически на уровне предшествующих лет и в среднем составило 0,17 мг/дм^3 (3,3 ПДК для водоемов рыбохозяйственного значения). Как показали исследования, в пределах ВБУ не всегда соблюдаются нормы экологически безопасного природопользования. Проводится бурение в пределах речных пойм, иногда даже на среднем и низком экологических уровнях, отмечены утечки нефти из скважин.

Для оценки степени нефтезагрязнения на участках ВБУ проанализировано содержание нефтепродуктов в речных водах и донных отложениях за три года. Результаты исследований свидетельствуют, что содержание нефтепродуктов в речных водах и донных осадках стабильно превышает экологические нормы. Большая часть проанализированных проб имеет концентрации нефтепродуктов на уровне 2—3 ПДК. Максимальное превышение ПДК (в среднем в 5,8 раза) было отмечено в 2002 г. в пределах ВБУ «Нижнее Двуобье».

Содержание нефтепродуктов в речных водах ХМАО связано достоверной корреляционной зависимостью с содержанием аммонийного азота ($r = 0,24$), что свидетельствует о взаимосвязи загрязнения нефтепродуктами с коммунально-бытовыми стоками. Существенный «вклад» в нефтяное загрязнение, помимо объектов инфраструктуры нефтедобывающего комплекса, вносят населенные пункты, в которых неуклонно возрастает количество автомобильного транспорта. Однако основное загрязнение связано с нефтяными разливами, что подтверждается корреляционной зависимостью между среднегодовым содержанием нефтепродуктов в речных водах округа и уровнем аварийности на объектах нефтедобычи.

Для оценки влияния технологических процессов добычи нефти на качество поверхностных вод проведено сопоставление данных химического состава речных вод в пределах и за пределами лицензионных участков. Подобное разбиение достаточно условно, поскольку и вне лицензионных участков перенос загрязняющих веществ водами приводит к изменению их химического состава. Тем не менее, в пределах лицензионных участков уровень техногенного воздействия выше,

что отражается на составе речных вод. В пределах лицензионных участков наблюдается повышенное содержание в речных водах нефтепродуктов (в 2,15 раза), хлоридов (в 2,2 раза), натрия (в 1,3 раза), что свидетельствует о загрязнении нефтью и минерализованными подземными водами. Содержание аммонийного азота, ПАВ, биологическое потребление кислорода выше вне лицензионных участков, Это, по всей видимостью, объясняется тем фактом, что вне лицензионных участков на первый план выходит загрязнение коммунально-бытовыми стоками городов и поселков. Суммарный индекс загрязнения воды, рассчитанный как сумма превышений ПДК приоритетных веществ-загрязнителей, выше в пределах лицензированных участков.

Таким образом, нефтяное загрязнение является фактором негативного воздействия на экосистемы водно-болотных угодий. В этих условиях существует угроза утраты части их природно-ресурсного потенциала, что усиливает необходимость контроля над соблюдением норм природопользования нефтедобывающими компаниями.

Усиление антропогенного воздействия, охватившее большую часть Ханты-Мансийского округа, также ставит вопрос о необходимости организации станций фонового мониторинга состояния природной среды — в противном случае невозможно иметь «точки отсчета» для последующих наблюдений и анализировать данные по химическому составу речных вод, подверженных в той или иной степени антропогенному воздействию (а таковых большинство).

Глава 19. Проблемы рационального природопользования в условиях современных реформ (Байкальский проект)

19.1. Природопользование в Байкальском регионе и его основные факторы

Рациональное использование природных ресурсов является одним из важнейших факторов устойчивого развития регионов. Характер природопользования на Байкальской природной территории (БПТ) до настоящего времени определялся потребностями России и других регионов в топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсах, разработка которых чаще всего сопровождается антропогенными нарушениями окружающей среды. Последние, носящие пока локальный характер, со временем могут привести к полному преобразованию природной среды, нанести непоправимый ущерб биологическим ресурсам, разрушить среду обитания самого человека.

В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы природопользования в регионах, имеющих особый режим пользования природными ресурсами, к которым относится и Байкальская природная территория. Озеро Байкал и БПТ имеют особый статус, закрепленный не только на федеральном, но и на мировом уровне, режим охраны и природопользования Байкала отличается от правового

режима, устанавливаемого для иных водных объектов на территории России. Именно на этой территории впервые в России различными нормативными документами была введена новая форма регионального природопользования — особый режим природопользования.

За последние десятилетия изменилось и содержание самого научного понятия «природопользование». Эти изменения отражают, в первую очередь, усиление интереса к проблемам взаимоотношения природы и общества, а также разные подходы к исследованию процессов природопользования. Так, Ю. Куражковский рассматривал природопользование как особую науку, заключающуюся в «разработке общих принципов осуществления всякой деятельности, связанной с непосредственным пользованием природой, ее ресурсами, либо с изменяющимся воздействием на нее»[1]. К. Благосклонов, А. Иноземцев, В. Тихомиров понимали под этим термином рационализацию использования природных ресурсов[2]. Такого же мнения придерживался и В. Анучин, подразумевая под природопользованием «не только экономически эффективное вовлечение территориальных комплексов географической среды в процесс общественного производства, но и их охрану, а в целом ряде случаев восстановление и преобразование»[3].

Полнее и шире, как «целенаправленное вмешательство человека в естественные процессы, протекающие в биосфере Земли», стали раскрывать это понятие Н. Федоренко и Ю. Ефремов, определяя сущность процесса природопользования как «совокупность воздействия человечества на географическую оболочку Земли», рассматривая ее в комплексе[4]. Н. Реймерс определял природопользование как «особую отрасль хозяйства»[5]. Б. Родоман вкладывал в понятие «природопользование отношение деятельности людей и спонтанной природы»[6]. Н. Чепурных под этим понятием подразумевал «весь комплекс экологических и социальных проблем, связанных с максимизацией качества жизни населения в рассматриваемом регионе при обеспечении необходимого уровня охраны и рационального использования природных ресурсов»[7].

Ю. Михайлов под природопользованием стал рассматривать не только «использование природных благ, но и характер, масштабы и последствия воздействия человека на природу, считая, что только единство антропогенного воздействия на природу и ответной реакции на него природы и составляет неделимый процесс природопользования»[8].

Природопользование как практическую деятельность, связанную либо с использованием природных ресурсов, либо с воздействием на них, заключающимся не только в вовлечении этих ресурсов в экономически эффективное производство, но и в восстановлении их, рассматривал А. Шейнгауз[9].

П. Бакланов, П. Бровко под природопользованием понимают «всегда взаимодействие, взаимопересечение двух систем, с одной стороны, природной, а с другой — общественной, или социально-экономической»[10].

Рассмотренные подходы отражают сложность и многогранность исследований процессов природопользования. В настоящее время под природопользованием рассматривается деятельность общества, направленная на удовлетворение потребнос-

тей путем использования природных ресурсов. Под рациональным природопользованием понимается система природопользования, обеспечивающая достаточно полное использование добываемых природных ресурсов, восстановление возобновляемых природных ресурсов, полное использование отходов производства.

Одним из основных факторов, влияющих на процессы природопользования, является экономическая активность предприятий, что подтверждается заметными изменениями в природопользовании, произошедшими в последнее десятилетие прошлого века. В этот период снизилась активная составляющая мероприятий по охране, воспроизводству природных ресурсов. Во время спада объемов производства, характерного для этого периода, произошло улучшение экологической ситуации за счет снижения количества выбросов, сбросов, объемов складирования отходов при уменьшении объемов производства, что, в свою очередь, вызвало снижение финансовых ресурсов, выделяемых на эти цели. Соответственно ухудшились эксплуатационно-технические параметры природоохранных сооружений и установок.

Не исключением в этом плане является и Республика Бурятия, что подтверждается динамикой изменения за годы реформ доли природоохранных фондов. В начале 1990-х гг. показатель удельного веса природоохранных фондов в общей стоимости промышленно-производственных фондов в Бурятии превышал соответствующий российский показатель почти в 4 раза. Это свидетельствует о том, что предприятиям, расположенным в бассейне оз. Байкал, выделялись большие объемы инвестиций в охрану природы, воплощавшиеся затем в стоимости основных фондов. В конце последнего десятилетия в условиях новых отношений между центром и регионом соотношение российского и республиканского показателей природоохранных фондов изменилось. Этот период в Бурятии характеризуется резким уменьшением инвестиционной активности в природоохранную отрасль: объем капитальных вложений в нее уменьшился в сопоставимых ценах в 1995 г. по сравнению с 1990 г. в 13,5 раза. В России же, по данным государственной статистической отчетности, объем этих средств сократился только в 2,4 раза.

До осуществления экономических реформ 1990-х гг. повышенные показатели затрат в охрану природы в Бурятии обеспечивались за счет капитальных вложений, выделяемых из бюджета страны. В новых условиях, когда ответственность за состояние окружающей среды перекладывается на плечи самого региона, у республики явно не хватает собственных средств на прежнем уровне сокращать негативное воздействие производства на природу. Поэтому в настоящее время актуальна задача создания и отработки в реальной обстановке модели экономически выгодного включения природоохранных проблем в механизм устойчивого развития региона.

Социально-экономическое развитие республики базируется преимущественно на использовании природно-ресурсного потенциала (водные ресурсы, минерально-сырьевые ресурсы федерального значения, лесные, водные биологические, рекреационные ресурсы и др.). По ряду причин имеющийся потенциал задействован далеко не в полной мере в связи с частичным снижением спроса на некоторые виды природных ресурсов (особенно минерально-сырьевых), недостаточной экономи-

ческой и природоохранной эффективностью применяемых технологий, а также ростом экологических ограничений на хозяйственную деятельность.

19.2. Лесопользование

Доминирующими в возобновимых природных ресурсах республики являются лесные. Леса на начало 2002 г. занимали 29 140,3 тыс. га, или 83 % территории республики. Общий запас древесины составляет 1 885,7 млн $м^3$ (2,4 % общероссийских запасов), из них спелые и перестойные — 815,83 млн $м^3$ (43,5 % от общего запаса древесины лесов РБ). Возможны для эксплуатации 623,52 млн $м^3$ — 33,1 % всего запаса, в том числе спелых и перестойных — 12,5 %.

Важным показателем эколого-экономического потенциала лесов считается лесистость территории — отношение земель, покрытых лесной растительностью, к общей площади земель. С возрастанием лесистости увеличивается естественная потенциальная полезность лесов, в то время как общественная полезность определяется уровнем развития территории. По оценкам специалистов, для организации местной лесоперерабатывающей промышленности необходима лесистость 20—25 %, а вывоз древесины становится возможным лишь при лесистости выше 35—40 %. Критический уровень лесистости с точки зрения экологической устойчивости лесов, по оценкам ВНИИЦлесресурс, для зоны оз. Байкал составляет 25 %. В целом по республике лесистость составляет 62,4 %. По существующей классификации, учитывающей параметры оптимальной лесистости при выполнении лесами конкретных функций, а также границ естественной потенциальной полезности лесов, территория региона отнесена к лесоизбыточной зоне (лесистость 45 % и выше).

О соотношении экономического и экологического потенциала лесов приближенно можно судить по распределению лесов на группы и категории защитности. Природоохранную ценность лесов конкретной территории или региона характеризуют наличие и удельный вес лесов I группы. По данным учета лесного фонда на 1 января 2002 г., леса I группы составляют 35,3 % всех лесов в республике. Преобладают эксплуатационные леса III группы, на их долю приходится 47,9 %, причем из них почти 65 % — резервные леса. Удельный вес лесов II группы составляет 16,7 %.

В составе лесов I группы 12,8 % выполняют почвозащитные функции (участки леса на крутых склонах, государственные защитные лесные полосы, ленточные боры, леса на пустынных степных, лесостепных и малолесных горных территориях, защитные полосы вдоль железнодорожных магистралей, автомобильных дорог федерального и республиканского значения, противоэрозионные леса); 7,9 % имеют водорегулирующее и водозащитное (запретные полосы по берегам рек, озер, водохранилищ и других водных объектов, лесные полосы, защищающие нерестилища ценных промысловых рыб, леса зон санитарной охраны источников водоснабжения); 0,8 % — санитарно-гигиеническое и оздоровительное значение (леса зон округов санитарной охраны курортов, лесопарковые и город-

ские леса), а 15,8 % составляют особо охраняемые природные территории (государственные природные заповедники, национальные природные парки, заповедные лесные участки, леса, имеющие научное или историческое значение, памятники природы, орехопромысловые зоны).

Также экологическое состояние лесов характеризуется возрастным составом лесного фонда. В возрастной структуре лесного фонда преобладают спелые и перестойные древостои — 38,5 %, молодняки составляют 19,2 %, средневозрастные — 31,8 %, приспевающие — 10,5 %.

Анализ особенностей породной, возрастной структуры лесов свидетельствует о наметившихся изменениях в сторону ослабления экологической устойчивости лесов, и соответственно, их экологического потенциала. Для исправления сложившейся ситуации необходима продуманная политика рубок главного и промежуточного пользования, а также лесовосстановления. За последнее десятилетие XX в. в Республике Бурятия произошел существенный спад заготовки древесины в порядке главного пользования и соответствующее снижение показателя использования расчетной лесосеки. Этот процесс отражает общую тенденцию спада производства в экономике региона и страны в целом в данный период. Максимальный объем рубок по главному пользованию наблюдался в 1990 г. — 3,76 млн м^3 (освоение расчетной лесосеки 45,7 %). Начиная с 1990 г., объем главного пользования значительно уменьшался каждый год. Максимальное падение лесозаготовок произошло в 1998 г., когда было освоено лишь 10,7 % от уровня 1990 г. Начиная с 1999 г., объемы рубок по главному пользованию постепенно возрастают. Уровень использования расчетной лесосеки имеет значение не только для характеристики экономической функции лесов. Наиболее полное ее освоение важно для поддержания их экологических функций. Рубки в установленных объемах при соблюдении предусмотренных лесоводственных правил являются основой омоложения лесных экосистем, приемлемым и необходимым путем достижения оптимальной возрастной структуры.

Значительное недоиспользование расчетной лесосеки ведет к увеличению в регионе перестойных лесов, у которых утрачена способность к возобновлению естественным путем. Кроме того, такие древостои создают угрозу распространения болезней для молодых деревьев, текущий прирост у них замедляется и нередко перекрывается естественным отпадом, средоформирующие функции таких лесов ослаблены.

Наиболее негативное влияние на лесные ресурсы оказывают пожары. Лесные пожары сдерживают рост молодняка леса, уничтожают флору и фауну, ослабляют водоохранную, водорегулирующую и другие полезные функции леса. В 2002 г. на территории Бурятии зарегистрировано 1 426 случаев лесных пожаров. По сравнению с 2001 г. количество возникших лесных пожаров увеличилось в 1,2 раза. Пожарами пройдено 18,3 тыс. га лесной площади, сгорело и повреждено 346 тыс. м^3 леса на корню (в 2001 г. — 316 тыс. м^3) на сумму 10,3 млн руб. Общий ущерб, причиненный лесному хозяйству пожарами, составил 72,8 млн руб., в том числе расходы на тушение пожаров — 14,8 млн руб.

Причинами снижения количества лесных пожаров следует считать благоприятные погодные условия в весенне-летний период, а также своевременную и качественную подготовку органов управления лесным хозяйством к пожароопасному сезону.

Более половины (65,8 %) пожаров в лесах государственного лесного фонда возникли по вине граждан, 28,2 % — от грозовых разрядов, 4,2 % — от сельскохозяйственных палов, 1,7 % — по вине лесозаготовительных и других организаций.

В 2001 г. охрана лесов при помощи авиации производилась на территории в 24,7 млн га (на уровне 1998 г.). В последние годы получает широкое применение защита лесов от вредителей и болезней биологическим методом. В 2000 г. обработаны леса на площади в 3 300 га, в 2001 г. — 4 400 га. Для сравнения, в 1996—1997 гг. работы по защите лесов не проводились, в 1980 г. ими было охвачено 550 га.

Основными мероприятиями по охране лесов в настоящий момент является ввод молодых насаждений в категорию ценных лесных насаждений, в последние годы замедлилось падение объемов рубок леса (объем рубок в 2001 г. в 5,47 раза меньше объемов 1980 г.), увеличиваются посадка и посев лесов. Несмотря на осуществляемые мероприятия по охране лесов, общий запас древесины в 2001 г. снизился до 2 028 млн $м^3$.

Таким образом, можно утверждать, что в Республике Бурятия значительны лесосырьевые запасы, в том числе наиболее ценной с потребительской точки зрения породы — сосны. Учитывая этот факт, а также довольно высокий уровень естественного прироста древесины, в регионе возможно неистощительное лесопользование. Значительные площади средневозрастных и приспевающих насаждений определяют возможность проведения рубок ухода для увеличения продуктивности и улучшения породного состава древостоя, а заготовленная древесина может использоваться в качестве сырья в лесопилении и целлюлозно-картонном производстве. Несмотря на наличие природных, экономических и иных факторов, обусловливающих в настоящее время недоступность большей части ресурсов для освоения, лесной комплекс является стратегически важной отраслью специализации региона.

В существующих социально-экономических условиях лесопромышленники республики ориентированы на производство круглых лесоматериалов и продукции первичной механической переработки. В этих целях осваивается в основном сосна. Пиловочник хвойных пород, диаметром 25 см и выше и длиной бревен 4 и 6 м является основной статьей экспорта. Мягколиственную и тонкомерную хвойную древесину, а также отходы от лесозаготовок, лесопиления и деревообработки в качестве сырья для основного производства использует Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат, занимающийся химической и химико-механической переработкой древесины.

Леса дают и побочную продукцию: пушнину, ягоды, грибы, кедровые орехи, лекарственное и техническое сырье, продукты пчеловодства.

Вся заготовленная в регионе древесина реализуется в трех направлениях — потребляется местным населением в виде дров, древесины для строительства

и местными товаропроизводителями в качестве сырья для лесопиления, целлюлозно-бумажного производства; реализуется в другие регионы России; поступает на экспорт.

При сформировавшихся сегодня на рынке ценах на различные виды лесопродукции и затратах на ее производство выгодно осуществлять заготовку в первую очередь экспортной древесины.

Сегодня лесопромышленному комплексу региона свойствен экстенсивный характер развития. В республике слабо развиты лесоперерабатывающие производства: лесопромышленники ориентированы на производство круглых лесоматериалов и продукции первичной механической переработки. Как уже говорилось, осваивается в основном сосна, а значительные объемы лиственницы, древесины мягколиственных пород, тонкомерная древесина просто не находят сбыта и оставляются на лесосеках. В регионе остановлено древесно-плитное производство, производство деревянных домов заводского изготовления.

Имея значительные собственные ресурсы, в том числе вторичного сырья и отходов, республика ввозит из других регионов России продукцию химической и химико-механической переработки: древесно-волокнистые и древесно-стружечные плиты, фанеру клееную.

Практически единственным успешно функционирующим предприятием, занимающимся химической и химико-механической переработкой древесины, является Селенгинский целлюлозно-картонный комбинат. Предприятие производит продукцию конечного потребления: тарный, мелованный, гофрированный картон, гофротару, мешочную тару, канифоль модифицированную, дистиллированное талловое масло, лакокрасочную продукцию и др. На это одно предприятие приходится более 70 % промышленной продукции отрасли в республике, что лишний раз подчеркивает значительно большую эффективность глубокой переработки древесины.

Доля круглого леса в структуре регионального экспорта по массе достигает 92 %, в то время как за рубежом этот показатель не превышает 5 %. Невыгодность сложившейся структуры экспорта наглядно демонстрирует тот факт, что 8 % по массе, приходящиеся на продукцию переработки, дают в 2 раза большую величину по стоимости.

Сырьевая направленность экспорта обусловлена неконкурентоспособностью региональной лесопродукции, ее несоответствием международным стандартам в силу использования на предприятиях морально и физически устаревшего оборудования.

Это приводит к тому, что основная часть добавленной стоимости, лесной ренты оседает за рубежом, направляется в виде инвестиций на развитие чужой экономики.

На сегодняшний день необходима реструктуризация лесного комплекса региона в пользу развития производств по глубокой переработке древесины, что позволит не просто получать продукцию конечного потребления внутри региона, повысить экономическую эффективность предприятий, увеличить объемы производства, занятость, валовый региональный продукт, но и повысить комплексность

использования древесного сырья, вовлечь в производство мелкотоварную древесину, древесину мягколиственных пород, снизить ресурсоемкость производства.

Указанные преобразования будут иметь положительный результат и для лесного хозяйства. Возросший спрос на древесину на корню, в том числе на невостребованные сейчас породы, при соответствующей организации лесопользования и эффективных экономических отношениях с лесозаготовителями, позволят максимизировать лесную ренту и увеличить доходность лесного хозяйства.

Одно из направлений совершенствования управления лесопользованием на уровне лесного хозяйства — развитие рыночных схем — аренды участков лесного фонда и лесных аукционов, реализуется на практике. Рассмотрим его особенности в регионе.

Практику аренды лесов некоторые специалисты лесного хозяйства оценивают негативно. Однако в условиях Республики Бурятия эта форма лесопользования зарекомендовала себя положительно. Лесной фонд передается в аренду только по результатам лесных конкурсов физическим и юридическим лицам, располагающим необходимой техникой. Кроме того, в аренду передается лесной фонд, освоение которого требует определенных капвложений, в частности, в строительство лесовозных дорог, усов, веток. В соответствии с требованиями договоров, арендаторы выполняют лесохозяйственные, противопожарные работы, лесовосстановительные мероприятия. В последние годы отмечается снижение установленных годовых объемов пользования древесиной в арендованных лесах. Это связано с тем, что на практике лесорубочными билетами оформляется только около 40 %, а фактически заготавливается около 30 % предусмотренных объемов.

В 1998 г. в практику лесхозов введен отпуск древесины на корню в порядке краткосрочного пользования только через аукционы.

Максимальное количество древесины на корню продано в 1999 г., причем объем продаж составил более 50 % от всей заготавливаемой древесины в регионе. В 2000 г. объем продаж снизился на 21 %, в 2001 г. — еще на 19 %, в 2002 г. — на 15 %. Основная причина, приведшая к сокращению объемов лесных аукционов, заключается в том, что продаются лучшие по качеству лесосеки, расположенные вблизи транспортных магистралей. Количество таковых ограничено и может быть исчерпано в самое ближайшее время. Поэтому дальнейшее развитие этой формы организации лесопользования возможно за счет освоения труднодоступных участков лесного фонда при условии вложения средств на развитие необходимой инфраструктуры, в первую очередь, в строительство лесных дорог.

19.3. Землепользование

Проблема рационального использования земельных ресурсов во многом связана с определением структурных соотношений основных видов природопользования на занимаемой ими площади. Выявление данных соотношений должно проводиться в соответствии с той или иной концепцией развития территории.

По данным государственного учета земель, земельный фонд Республики Бурятия по состоянию на 1 января 2002 г. составлял 33 133,4 тыс. га. Наибольшую пло-

щадь в структуре земельного фонда Республики Бурятия занимают земли лесного фонда —73,2 %, значительно меньше — 10,4 % — занято землями сельскохозяйственного назначения. Земли водного фонда составляют 6,2 %, земли запаса — 2,4, промышленности — 1,4, населенных пунктов — 0,4 %.

В связи с земельной реформой характерными для последних лет являются перераспределение земель и переход к новым формам хозяйствования, и принципиально новым является появление индивидуального инициативного землепользования на праве собственности на землю. Если в 1990 г. земли для сельскохозяйственного производства использовались только государственными хозяйствами: из них 66 % — совхозами, 31 % — колхозами, то к началу 2002 г. произошло перераспределение сельхозугодий в пользу негосударственных хозяйств и граждан (91,1 %).

Поспешная реорганизация и ликвидация крупнотоварного сельскохозяйственного производства привела к снижению общего уровня культуры земледелия. Также этому способствовали финансовые и материально-технические затруднения.

Ухудшились показатели использования земли: в 2001 г. урожайность зерновых культур снизилась по сравнению с 1990 г. на 13 %, валовой сельскохозяйственной продукции — на 35, молока — на 14, мяса — на 51 %. Сократилась плотность поголовья скота на 100 га сельхозугодий: крупного рогатого скота на 28 %, овец в 5,5 раз. Значительные площади сельскохозяйственных земель в 1998 г. не использовались. Проверками, проведенными органами государственного контроля за использованием и охраной земель, выявлено: из проверенных 467,6 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения не использовались 65,7 тыс. га (14 %).

Число фактических землепользователей на начало 2002 г. составляло 258,3 тысяч, из них 257,7 тыс. граждане.

Главными землепользователями в республике являются предприятия лесного хозяйства и сельскохозяйственные предприятия, т. е. основу хозяйственного использования всех земель составляют два вида землепользования — сельскохозяйственное и лесохозяйственное.

Сельскохозяйственное использование земельных угодий связано с плодородием почвы. На территории Бурятии прослеживается широкий спектр различных типов почв. Относительно плодородны и имеют наибольшее производственное значение каштановые, серые лесные и черноземные почвы, занимающие более 50 % площади всех сельхозугодий и около 80 % площади пахотных земель, затем пойменные и луговые почвы кормовых угодий, с преобладанием почвообразующих пород легкого механического состава, наиболее неустойчивых к механическим нагрузкам. Мощность гумусового горизонта этих почв составляет от 20 до 30 см, с содержанием гумуса в среднем 3—4 % Почвы, имеющие широкое распространение в сельскохозяйственном землепользовании, не богаты гумусом. Напротив, использование почв, богатых гумусом (лугово-черноземные — 8,2 %, лугово-мерзлотные — 7,5 % и болотные — 9,9 %), затруднено из-за неблагоприятных климатических условий в районах их распространения.

С 1994 г. геоботанические обследования не проводились из-за тяжелого финансового положения. В последние годы возрастает необходимость в корректи-

ровке материалов почвенных и геоботанических обследований с целью получения достоверных данных о качественном состоянии земель. Обследование сельхозугодий в 1993—1996 гг. показало, что в некоторой части, особенно на пахотных угодьях легкого механического состава, произошло снижение содержания гумуса. При сравнении результатов последних и предыдущих туров обследования почв часть почв с низким содержанием гумуса (2 %) перешла в категорию с очень низким содержанием гумуса (до 2 %). В настоящее время свыше одной трети пашни содержит органического вещества менее 2 %, около половины пахотных земель — 2,1—4 %, т. е. 80 % пахотных земель — с низким его содержанием. Отрицательный баланс органического вещества на пашнях складывается в результате незначительного поступления его в почву с растительными остатками и органическими удобрениями. Дефицит гумуса в почвах Бурятии по примерным подсчетам составляет около 600 тыс. т. ежегодно. Интенсивный вынос питательных веществ, истощительное использование земель при резком сокращении внесения минеральных и органических удобрений, уменьшение объемов проведения агрохимических и мелиоративных мероприятий значительно снизили уровень плодородия пашни.

Снижение содержания органического вещества в почвах сельскохозяйственных угодий в экологическом отношении сопровождается снижением естественной устойчивости почв к воздействиям природного и антропогенного характера.

Установлено, что потенциальное плодородие сельскохозяйственных угодий больше снизилось в районах и хозяйствах, расположенных в сухостепной и степной агропочвенных зонах, особенно на легких каштановых почвах, которые сильно подвержены влиянию ветровой эрозии.

Длительное использование почв без достаточного внесения в них органических и минеральных удобрений, а также применения в нужных объемах почвозащитных мероприятий приводит к увеличению потерь органического вещества почвы. Как следствие, увеличиваются площади сельскохозяйственных угодий с низкими его запасами.

В 2001 г. на поля и луга внесено 112,3 тыс. т. органических и 838,5 т действующего вещества минеральных удобрений, что составило на гектар пашни в среднем 0,18 и 1,3 кг. Это почти в 50 раз меньше рекомендованного зональной системой земледелия Бурятии для поддержания положительного баланса гумуса и питательных элементов в почвах. В земледелии республики баланс основных элементов питания культурных растений, как и в случае с гумусом, отрицательный, с большим дефицитом. Он составил по азоту 65,0, фосфору — 73,0 и по калию 78,0 %, т. е. на каждый гектар посева недовнесли в среднем по 72 кг NPK.

Считается, по научным данным, что необходимый уровень возмещения баланса должен составлять по азоту 90—100 %, фосфору — 200 и по калию — 150 % в зависимости от типа почв. В республике за 1999—2001 гг. возмещение питательных веществ под сельскохозяйственными культурами составило в среднем соответственно 37,28 и 23 %.

В результате резкого снижения внесения органических и минеральных удобрений и постоянного высокого дефицита органического вещества и питательных веществ в почвах процесс ухудшения агрохимических свойств угодий, особенно пахотных, в ближайшие годы будет усиливаться, поскольку уже по данным 5 тура обследования в республике насчитывается сельхозугодий с низким содержанием фосфора — около 230 тыс. га (11,8 %), в том числе 67,0 тыс. га пашни, с низким содержанием калия — 28,0 тыс. га (1,4 %), в том числе 11,0 тыс. га пашни.

В целом по республике пахотные угодья лучше обеспечены фосфором, чем калием, луга — наоборот.

В земледелии республики преобладающим становится фактор устойчивого падения плодородия почв. Подтверждением этому является ежегодный отрицательный баланс органического вещества и питательных элементов в почвах.

Снижение потенциального плодородия сельскохозяйственных угодий носит комплекснопроблемный характер, так как потеря почвенного гумуса не только снижает плодородие почв, но и отрицательно сказывается на биоценотических и глобальных экологических функциях почв.

В настоящее время решение проблемы повышения плодородия почв сельскохозяйственных угодий в республике связано с наращиванием внесения органических удобрений.

Установлено, что экологическая устойчивость земледелия, сохранность самих почв зависят от состояния их потенциального плодородия. При длительном отрицательном балансе гумуса и питательных элементов степень устойчивости почв к различным воздействиям природного и антропогенного характера на них и их экологичность резко снижаются.

Экономическая нестабильность, сокращение материально-технических и финансовых средств не позволяют проводить работы по улучшению качества состояния земель. Существенное сокращение мероприятий по охране и рациональному использованию почв и земельных ресурсов еще более усугубило проявления деградации почв, которая еще более интенсифицируется естественными процессами, к которым относятся водная и ветровая эрозия, переувлажнение и заболачивание, подтопление и засоление земель.

На значительных площадях в результате ветровой и водной эрозии происходит распространение смыва, размыва и выдувания плодородного слоя.

В республике эрозионными процессами было охвачено в 2001 г. 1 028,9 тыс. га сельскохозяйственных угодий (49 %), в том числе: пашни — 687,9 тыс. га (67 %), залежи — 2,3 тыс. га (0,2 %), кормовые угодья — 338,7 тыс. га (33 %). Особое беспокойство вызывает широкое распространение линейной эрозии (оврагообразование). Общая протяженность оврагов составляет 9,5 тыс. км.

Проявление эрозионных процессов в сильной степени происходит прежде всего на пахотных угодьях и пастбищах с разреженной травянистой растительностью с легким механическим составом.

Вследствие влияния эрозионных процессов (в совокупности с другими факторами) в почвах наблюдаются такие негативные явления, как уменьшение гу-

мусового слоя, дегумификация, изменение гранулометрического состава почв, потеря важнейших элементов питания. Отмеченные процессы в первую очередь связаны с тем, что противоэрозионные мероприятия, предусматривающие взаимосвязанное применение организационно-хозяйственных, агротехнических, лесомелиоративных и гидротехнических мер и приемов, обеспечивающих ликвидацию, предупреждение или значительное уменьшение эрозионных процессов, а также восстановление плодородия эрозионных земель, в настоящее время практически не ведутся.

Для уменьшения отрицательного воздействия эрозионных процессов на экологическое состояние земельных ресурсов необходимы комплексные противоэрозионные мероприятия.

По сравнению с 1990 г. произошло сокращение объемов плоскорезной обработки почвы с сохранением стерни с 233,0 тыс. га до 23,8 тыс. га — в 9,7 раза, полосного размещения сельхозкультур и паров с 84,3 тыс. га до 26,7 тыс. га — в 3,1 раза, посев противоэрозионными сеялками с 276,0 тыс. га до 73,7 тыс. га — в 3,7 раза. На сельскохозяйственной территории республики почвозащитные приемы совершенно не отвечают объемам, предусмотренным Генеральной схемой противоэрозионных мероприятий, в связи с чем не только увеличиваются вынос и смыв почвы, но и усиливается процесс оврагообразования, с которым связано увеличение количества земель, выведенных из производственного оборота.

В свою очередь проблема борьбы с эрозией почв в республике выходит далеко за рамки только почвозащитных агротехнических приемов. Проверка использования земель показала, что земельные и аграрные преобразования, изменение форм собственности и хозяйствования на земле не улучшили использование земли и не повысили плодородие почв. Главной причиной является резкое ухудшение финансового положения предприятий агропромышленного комплекса и его материально-технической базы. Все это повлекло полное расстройство финансового состояния хозяйств, и как следствие, практически полностью прекратились работы по повышению плодородия земель и борьбе с эрозией. Полное решение проблемы связано с созданием эрозионно-устойчивых ландшафтов с контурно-полосной или контурно-мелиоративной организацией территории в бассейне оз. Байкал.

С каждым годом растут площади нарушенных земель, вместе с тем их рекультивация заметно отстает от требуемых объемов. Только в 1990 г. площадь рекультивированных земель превышала площадь нарушенных, в 2000 г. площадь нарушенных земель уже составила 6,3 млн га, в то время как площадь рекультивированных земель в том же году составила 0,4 млн га. Резкий скачок в увеличении площади нарушенных земель произошел в 1995 г. Если с 1985 по 1994 г. площадь нарушенных земель составляла 0,5—0,7 млн га в год, т. е. прироста практически не было, то в 1995 г. этот прирост составил 6,3 млн га и достиг 7 млн га.

Основными источниками нарушенных земель в промышленности являются энергетическая отрасль, использующая огромные площади земли под золо- и шлакоотвалы, и цветная металлургия при отработке запасов россыпных месторождений золота.

Тяжелейшая ситуация сложилась с сельскохозяйственными землями, где практически не производятся работы по рекультивации земель.

Как показывает анализ, качественное состояние земельных ресурсов не улучшается. Имеется тенденция к ухудшению. В этих условиях необходимым становится усиление роли государственного управления земельными ресурсами.

19.4. Недропользование

Запасы и ресурсы полезных ископаемых в недрах являются важнейшей составляющей общего экономического потенциала России, ее национального богатства, и стратегическим ресурсом, эффективность их использования определяется ролью минерально-сырьевого комплекса в экономике.

Недра республики содержат большое количество разведанных и оцененных различных видов полезных ископаемых, в том числе и российского значения.

На территории республики до 1990 г. функционировали 16 крупных горно-добывающих предприятий, не считая большого количества производств по добыче общераспространенных полезных ископаемых. На стадии активного освоения находились: Инкурское и Холтосонское вольфрамовые, Мухор-Талинское перлитовое, Тарабукинское доломитов и Ермаковское фтор-бериллиевое, Холбольджинское, Дабан-Горхонское, Окино-Ключевское и Сангинское буроугольные месторождения, Оспинское нефритовое месторождение, а также месторождения химически чистых известняков Татарский Ключ и Билютинское, Тараковское и Тимлюйское цементного сырья, россыпные месторождения золота Баргузинской тайги. В структуре промышленности республики в совокупности они занимали около 15 % в выпуске продукции и 10 % — численности работников. К середине 90-х годов многие горные предприятия практически прекратили свою деятельность или снизили производственные мощности. За последнее пятилетие прекращены деятельность Джидинского вольфрам-молибденового комбината, Гусиноозерской шахты и Холбольджинского угольного разреза, Кяхтинского плавиково-шпатового рудника, добыча гранулированного кварца и строительных материалов. Несмотря на наличие многочисленных разведанных и подготовленных к эксплуатации месторождений различных видов минерального сырья, их промышленное освоение идет низкими темпами. За последнее десятилетие XX в. введены в эксплуатацию только кварциты Черемшанского (115—200 тыс. т в год) и флюорит Эгитинского (20—50 тыс. т в год) месторождений.

Вовлечены в недропользование 100 % разведанных запасов собственно золоторудных месторождений и некоторых видов неметаллических полезных ископаемых (графита, доломита для металлургии, известняка для химической промышленности, кварцитов, стекольного сырья и формовочных материалов); большая часть — россыпного золота (83 %), керамзитового сырья (70 %) и минеральных красок (98 %); частично (6—40 %) — плавикового шпата, нефрита и ряда месторождений строительного сырья (камень строительный, глины, пески и песчано-гравийные смеси, перлиты и цементное сырье).

За 1991—2002 гг. в Бурятии отмечено резкое сокращение объемов добычи угля. В настоящее время эксплуатируются Окино-Ключевское и Дабан-Горхонское месторождения бурого угля и Хаара-Хужирское месторождение каменного угля. Суммарная их добыча составила в 2000 г. 55 тыс. т. В среднем добыча по Бурятии составляла 288 тыс. т, основная доля в добыче приходилась на Холбольджинский разрез ОАО «Востсибуголь». Действующий разрез «Тугнуйский» отрабатывает Олонь-Шибирское месторождение, находящееся в Читинской области.

На Хиагдинском месторождении урана с 1999 г. ведется промышленный эксперимент по его добыче. Результаты двух лет работы показали высокое содержание урана, низкую себестоимость обогащения. Такие результаты позволяют начать строительство промышленного уранового рудника с объемами добычи 1,5 тыс. т уранового концентрата в год.

По мере возрождения отечественной экономики внутренняя потребность в вольфраме может возрасти в 2 раза; в свинце, цинке, алюминии и олове — в 4 раза, в молибдене — более чем в 30 раз. По разведанным запасам свинца и цинка Россия занимает третье место в мире. Основу минерально-сырьевой базы России по этим металлам составляют восемь месторождений, в том числе Холоднинское и Озерное в Бурятии. На территории республики находятся также крупные разведанные и предварительно оцененные месторождения цветных и редких металлов.

Сверхмагнитные, сверхлегкие, сверхтвердые, сверхжаростойкие и высокопрочные конструкционные материалы создаются на основе или с использованием редких элементов. Все ресурсо- и энергосберегающие технологии не осуществимы без редких элементов.

Объемы производства редких металлов в России за 1991—1999 гг. сократились в 2—7 раз, потребления — в 5—10 раз. В Бурятии на Ермаковском месторождении законсервировано производство бериллиевой, на Джидинском комбинате — вольфрамовой и молибденовой продукции.

Золото — важнейший экспортный металл России. Прирост запасов в среднем за последние годы находился на уровне 32—35 % по отношению к 1991 г. Добыча в 1998—1999 гг. составила 88,3 % от уровня 1991 г. Доля рудного золота в балансовых запасах Бурятии составляет 81 %, россыпного — 19 %.

Зун-Холбинское месторождение, расположенное в Окинском районе РБ, входит в двадцатку крупных и уникальных месторождений рудного золота России. Месторождение находится в распределенном фонде, владельцем его с 1992 г. являлось ГП, затем ОАО «Бурятзолото». Оно разведано только в центральной части; запасы золота защищены в ГКЗ в 1992—1999 гг.

Добыча золота в России за 1991—2000 гг. упала на 15,5 % и составляла в 1999—2001 гг. 81—83 % от уровня 1991 г. Основными причинами такого снижения явились быстрый рост издержек производства с одновременным падением цен на золото. Золотодобывающая отрасль Бурятии и геолого-разведочные работы в своем развитии за последнее десятилетие претерпели различные стадии подъема и спада. Несмотря на все сложности переходного периода, республика ежегодно увеличивала объем добычи валютного металла.

На разработку месторождений золота получили лицензии 39 недропользователей различных форм собственности, в том числе для разработки россыпных месторождений — 32, рудных — семь. Золотодобычей занимаются 29 предприятий. Разрабатываются четыре рудных месторождения, в которых сосредоточено 77 % запасов и 66 мелких и средних по запасам россыпей (20—2500 кг) с низким и средним содержанием золота (400—1000 мг/м^3).

При достигнутом уровне добычи обеспеченность добывающих предприятий разведанными запасами абсолютного большинства разрабатываемых видов полезных ископаемых, за исключением золота, достаточна и составляет сотни лет. Обеспеченность золотодобывающих предприятий с учетом их перспективного развития по рудному золоту составляет 6—17 лет, по россыпному — 3—5 лет (70 % предприятий) и 6—13 лет (30 %). Неудовлетворительная обеспеченность добывающих предприятий разведанными запасами как рудного, так и россыпного золота предопределила концентрацию геолого-разведочных работ за счет всех источников финансирования по этой отрасли, направленных на выявление, локализацию и оценку ресурсного потенциала золота, расширенное воспроизводство его минерально-сырьевой базы.

В 2002 г. добыто 8 173 кг золота — 5 263 кг из коренных, 2 910 кг из россыпных месторождений. Основной объем добычи рудного золота осуществлен на Зун-Холбинском (2 133 кг) и Барун-Холбинском (315 кг), Ирокиндинском (2 524 кг) и Кедровском (290 кг) месторождениях. Большая часть россыпного золота добыта из россыпей Баунтовского (1 265 кг) и Закаменского (508 кг) районов и из россыпи р. Нерунда (350 кг) Северо-Байкальского района.

ОАО «Бурятзолото» готовит к освоению Пионерское месторождение (Окинский район), разрабатывает Зун-Холбинское (Окинский р-н) и Ирокиндинское (Муйский р-н) месторождения; ООО «Мушэн» — Динамитное и ООО а/с «Западная» — Кедровское месторождение, ЗАО «Зун Хада» осваивает Барун-Холбинское месторождение. ОАО «С/а Китой» с 2003 г. приступает к освоению Зун-Оспинского месторождения. ЗАО «ИРИС» в 2000 г. разработало временные кондиции для освоения северной части месторождения Троицкое (Баунтовский район).

На Зун-Холбинском месторождении действуют рудник и обогатительная фабрика с гидрометаллургическим цехом. За весь период отработки этого месторождения из недр добыто около 17,1 т металла. С целью снижения себестоимости продукции в 2000 г. ОАО «Бурятзолото» завершило работы по строительству цеха гидрометаллургии в пос. Самарта, который позволяет получать драгоценные металлы в виде золотосеребряных слитков пробностью до 800 ‰. Для повышения эффективности производства в 2001 г. в эксплуатацию внедрены: сепарационный комплекс радиометрической рудосортировки и технология кучного выщелачивания.

На Ирокиндинском месторождении (руднике) эксплуатируются три участка: на жиле Юрасовская, жиле 30 и жиле Серебряковская. Вскрытие всех жил штольневое. Учитывая выбытие отработанных мощностей (жилы Юрасовская и Серебряковская), ОАО «Бурятзолото» ведет проектирование для вовлечения в отработ-

ку жил 35, 35а и Центрально-Тулуинская. Производительность рудника в 2002 г. достигла 190 тыс. т руды в год с годовой добычей золота 2 525 кг.

Для разработки россыпных месторождений недропользователи имеют 140 лицензий. Россыпная золотодобыча ведется в Северо-Байкальском, Муйском, Баунтовском, Джилинда-Кыджимитском, Ямбуй-Абага-Толутайском и Джидинском районах, где разведано 228 мелких по запасам россыпей (20—500 кг) с низким и средним содержанием золота (400—1000 мг/м^3). По сравнению с 1999 г. в 2000 г. отмечено резкое (с 1 977 до 2 671 кг) повышение россыпной золотодобычи. В Баунтовском районе добыто наибольшее количество россыпного золота — 1 264 кг (47 %), далее следуют Муйский (496 кг — 18,5 %), Северо-Байкальскиий (409 кг — 15,3 %) и Закаменский (396 кг — 14,8 %) районы. Доля остальных районов (Хоринского, Еравнинского и Прибайкальского) невелика (106 кг — 3,9 %).

С 2000 г. Комитетом природных ресурсов по Республике Бурятия начата геолого-экономическая переоценка находящихся в государственном резерве крупных и (или) уникальных по качеству месторождений разнообразного минерального сырья. В настоящее время завершены работы по переоценке Озерного колчеданно-полиметаллического месторождения и Молодежного — хризотил-асбеста, начаты — по переоценке Холоднинского колчеданно-полиметаллического, Орекитканского молибденового и Холтосонского вольфрамового. Эти исследования проводятся с учетом современных природосберегающих технологий добычи и обогащения руд, а также прогрессивных решений по организации производства и улучшению экономических показателей освоения. Конечной целью исследований является разработка рациональных и экономически обоснованных условий лицензирования для промышленного освоения этих месторождений, что смогло бы в значительной мере решить общероссийскую проблему покрытия дефицита цинка, свинца, молибдена, вольфрама и асбеста.

Развитие промышленности на базе гранулированного кварца. На 01.10.2002 г. выдано две лицензии на право геологического изучения и добычу гранулированного кварца: ОАО «Витимская золотопромышленная компания» (Чулбонское месторождение) и ООО «НТП Кварц» (Гоуджекитское месторождение). Кроме того, имеется лицензия на геологическое изучение Евгеньевского проявления кварца, выданная Иркутской горнорудной компании. Перечисленные объекты находятся в Северо-Байкальском районе.

Месторождения гранулированного кварца будут являться первыми объектами минерального сырья, которые окажут влияние на экономику района уже в ближайшие 2—3 года.

Черемшанское месторождение. С 1993 по 2001 г. на месторождении добыто 1 174 тыс. т кварцитов. Среднегодовая производительность карьера по добыче кварцитового сырья составляет 146,4 тыс. т. Основной продукцией является кусковой кварцит с содержанием кремнезема от 98,5 до 99,9 %, который используется в производстве технического и карбида кремния, ферросилиция, стекольных и формовочных песков. До 1998 г. производство главным образом из-за больших транспортных расходов и фиксированных цен на продукцию было убыточно.

В 1999 г. осуществлен ввод в эксплуатацию первой очереди дробильно-сортировочной линии (ДСЛ) под имеющееся в наличии оборудование. Благодаря этому выпуск кускового кварцита увеличился на 5 %, себестоимость продукции уменьшилась на 22 %. Для обеспечения работы ДСЛ на полную мощность добыча кварцитового сырья должна возрасти до 430—450 тыс. т/год. Рассматривается вариант строительства второго карьера на сопредельном участке № 1.

Укрупненные экономические расчеты показывают, что при выпуске кускового кварцита в объеме 300 тыс. т/год доходы от продажи продукции обеспечивают погашение производственных издержек, выплату налогов всех уровней в полном объеме и формирование минимальной прибыли на уровне до 5 % от суммы затрат. В этом случае у предприятия появятся реальные финансовые средства на модернизацию производства, постепенное техническое перевооружение, внедрение новейших технологий, а также комплексное освоение недр.

Развитие добычи нефрита и организация ювелирного производства. В настоящее время добыча светлоокрашенного нефрита осуществляется тремя предприятиями: на Буромском (ООО «Буром») и Голюбинском (АО «Байкал-Бичина») месторождениях в Муйском районе и Кавоктинском — в Баунтовском (СРЭО «Дылача»). Реализация нефрита осуществляется путем экспорта нефрита-сырца в Китай и частично в Республику Корея. С 2002 г. экспортные поставки значительно сокращены по причине ужесточения мер таможенных служб на китайской территории против ввоза нефрита без согласования экспортных поставок и отсутствия в течение длительного времени в разрешительном управлении МПР России службы, осуществляющей согласование экспортных поставок.

Серьезные намерения по организации обогащения нефрита и ювелирного производства имеет предприятие АО «Байкал-Бичина» — совместное предприятие, учредителями которого являются корейская фирма «Бичина-Корпорэйшн» и администрация Муйского района. Деятельность этого предприятия будет в дальнейшем осуществляться при прямой поддержке президента Республики Корея.

Ресурсный потенциал разнообразных полезных ископаемых Республики Бурятия достаточно высок, что определяет возможности восполнения минерально-сырьевой базы за счет открытия и подготовки к эксплуатации новых месторождений стратегических, остродефицитных и высоколиквидных полезных ископаемых. К их числу относятся рудное и россыпное золото, свинец и цинк, титан и стронций, редкие земли иттриевой группы, молибден, особо чистый кварц и другие виды минерального сырья.

Таким образом, минерально-сырьевые ресурсы являются одним из важнейших факторов развития республики. При этом следует отметить, что минерально-сырьевое природопользование в отличие от других видов природопользования является процессом сложным и полиресурсным. При добыче одновременно используются и другие природные ресурсы: территория, земли под отвод (нередко это лесные земли), площадки для рудника или карьера; некоторые стройматериалы; попутные отводимые подземные воды; большое количество воздуха, который очищается и подается в шахты и на рудники.

Его сопутствующие звенья связаны с техногенными воздействиями на многие компоненты природных систем, их изменениями. Кроме того, добываемые минеральные ресурсы являются комплексным сырьем, содержащим несколько видов полезных веществ. Полиресурсно не только прямое ресурсопотребление при минерально-сырьевом природопользовании, но и обратное. При добыче многих полезных ископаемых на другие природные ресурсы воздействуют твердые отходы — как правило, это отвалы; жидкие — отводимые; газообразные — отводимые газы. При этом суммарное ресурсопотребление может значительно превышать собственно добычу основного компонента полезного ископаемого. А само минерально-сырьевое природопользование является более сложным и многозвенным по сравнению, например, с землепользованием, водопользованием.

Рациональное природопользование предполагает не включение в хозяйственный оборот отдельных видов ресурсов, а территориальное сочетание минеральных природных ресурсов. Это создает условия для организации эффективных и технологически взаимосвязанных производств.

Видовой состав, качество природно-сырьевых ресурсов во многом определяют технологическую цепочку: от добычи природного сырья и первичной переработки до производства готовой продукции и утилизации производственных отходов. Внедрение ресурсосберегающих и малоотходных технологий в производство позволяют расширять ассортимент используемых минеральных природных ресурсов, утилизировать отходы основного производства, что существенно снижает экологическую нагрузку на природную среду и сферу жизнедеятельности населения и соответственно увеличивает степень рационального природопользования.

Важнейшая особенность минерально-сырьевого природопользования состоит в ориентации на добычу невозобновимых природных ресурсов. Поэтому в отличие от землепользования, водопользования и лесопользования конкретные формы минерально-сырьевого природопользования конечны.

Добыча минерально-сырьевых ресурсов неизбежно сопровождается нарушением земель, других компонентов природной среды — почвогрунтов, растительности, животного мира, поверхностных и подземных вод. Весь комплекс техногенных воздействий и нарушений геосистем, накопившийся при полной отработке какого-либо месторождения, как правило, весьма значителен — это и огромные отвалы вскрышных и пустых пород; карьеры открытой добычи и подземные пустоты, оставшиеся после отработки месторождений. Все эти побочные звенья минерально-сырьевого природопользования не только связаны со значительным обратным ресурсопотреблением, но и могут представлять потенциальную угрозу для жизнедеятельности населения в регионе. Поэтому важными и необходимыми звеньями рационального минерально-сырьевого природопользования должны быть полная рекультивация, восстановление нарушенных компонентов геосистем после завершения эксплуатации месторождения.

19.5. Водопользование

В общей системе природопользования республики особое место занимает водопользование — совокупность всех форм и видов использования водных ресурсов. Рациональное водопользование предполагает обеспечение полного воспроизводства водных ресурсов территории или водного объекта по качеству и количеству. Использование воды в отличие от других природных ресурсов необходимо для функционирования всех элементов социально-экономического комплекса территории. От состояния водных ресурсов и обеспеченности ими зависят направления и масштабы развития и размещения, прежде всего водоемкого, производства промышленности и сельского хозяйства. В то же время многоцелевые, по характеру использования, водные ресурсы являются важнейшей частью природной среды, обеспечивают существование экосистем.

К водным ресурсам относятся запасы поверхностных и подземных вод, находящиеся в водных объектах, которые используются или могут быть использованы. Водные объекты представляют собой сосредоточение вод на поверхности суши или в недрах, имеют границы, характеризуются определенным объемом и чертами водного режима.

Для Республики Бурятия характерны все формы существования водных объектов. Они отличаются от других природных образований многообразием и широким распространением естественных и искусственно созданных физических форм: реки, озера, подземные водные бассейны, пруды и водохранилища, болота, ледники и наледи и т. д. Все эти формы (объекты) взаимосвязаны в процессе круговорота воды.

Особое место в водно-ресурсном потенциале РБ принадлежит оз. Байкал. Колоссальные водные массы сосредоточены в Байкале (23 000 км^3), из них условно 63 % (исходя из площади акватории, принадлежащей РБ) приходится на долю Бурятии.

В Республике Бурятия сооружено 43 искусственных водных объекта (30 водохранилищ и 13 прудов) с полным объемом 54,8 млн м^3. Большая часть водохранилищ и прудов расположена в руслах малых рек. Все они сезонного регулирования и созданы для орошения; борьбы с наводнениями, вызываемыми паводками и половодьями; повышения водности рек.

Вторым источником по запасам поверхностных водных ресурсов являются реки.

Республика Бурятия богата подземными водными ресурсами. Общие утвержденные эксплуатационные запасы подземных вод разведанных месторождений составляют около 1,3 млн м^3/сут. или 0,47 км^3. Подземные водные ресурсы из-за высокого качества играют исключительную роль в обеспечении питьевой водой населения и производственных объектов РБ.

В запасах водных ресурсов РБ особое место принадлежит болотам. С одной стороны, они выполняют важную водоформирующую и водоаккумулирующую роль, с другой стороны, обладая высокой ассимиляционной способностью, явля-

ются естественным биофильтром. По данным земельного кадастра РБ, под болотами занято 480 тыс. га. Запасы водных ресурсов в болотных угодьях РБ на основании экспертной оценки достигают величины 1,2 км^3.

Основные виды деятельности, с которыми связано использование водных ресурсов в РБ, — промышленность, сельское хозяйство и коммунальное хозяйство.

За годы реформ наблюдалось значительное снижение объемов использования водных ресурсов в республике. Если в 1985 г. использовалось 822 000 тыс. м^3 воды, то в 2001 г. — 527 160 тыс. м^3. Однако снижение не было равномерным: в 1987 г. наблюдалось резкое снижение использования воды до 394 000 тыс. м^3, что было связано с введением системы оборотного водоснабжения на Улан-Удэнской ТЭЦ-1, в 1993 г. наблюдалось увеличение до 986 340 тыс. м^3, в последующие годы использование воды постепенно снижалось.

Объем сброса воды коррелирует с объемом использованной воды. В 2001 г. объем сброса составил 527320 тыс. м^3, тогда как в 1985 г. было сброшено 617 000 тыс. м^3. С 1987 по 1992 г. наблюдается резкое снижение объемов сброса воды: от 155 000 тыс. м^3 до 168 710 тыс. м^3. Однако совершенно иная картина в динамике сброса очищенных и неочищенных вод. Весь объем воды делится на нормативно очищенную, недостаточно очищенную воду и сброшенную воду без очистки. В 1985—1986 гг. вода очищалась до нормативно чистой практически на 84 %, затем стали преобладать недостаточно очищенные воды, доля их составляла от 52 % в 1992 г. до максимального значения в 1989 г. — 90,8 %. Затем ситуация постепенно стабилизируется, и доля нормативно очищенных вод за 1993—2001 гг. колеблется на уровне 65—75 % от общего объема сброшенных вод.

Основными потребителями и загрязнителями являются промышленность республики (72 %), жилищно-коммунальное и сельское хозяйство (соответственно 14 и 13 %). Около 1 % объема воды использует транспорт, на прочие отрасли приходится 1 %. Среди промышленных отраслей по сбросу загрязненных вод лидирует электроэнергетическая отрасль, ее доля в 2001 г. составила 97,9 % от общего объема сброшенных промышленных вод. В 2001 г. в охрану водных ресурсов было вложено менее 8,5 млн руб., что значительно меньше по сравнению с предыдущими годами.

Общий объем поступления загрязняющих веществ со сточными водами в водоемы по всем видам загрязнителей в рассматриваемый период сократился. Наибольшее сокращение произошло по таким видам: сульфаты — в 10,2 раза, жиры и масла — в 26,4 раза, что обусловлено структурными изменениями, произошедшими в результате различий в темпах роста производства в отраслях экономики за рассматриваемый период.

Использование вод самого оз. Байкал в пределах РБ мизерно и составляет менее 0,001 % объема водной массы озера. По оценкам ученых, без ущерба для экосистемы озера Байкал можно говорить об использовании ежегодно возобновляемых ресурсов воды, равных годовому стоку р. Ангара (60,5 км^3/год — 0,26 % всего объема озера). Это и есть экологически допустимая величина изъятия водных ресурсов из оз. Байкал.

Одним из ведущих экономических ресурсов Байкала, по оценке ученых СО РАН, является его чистейшая пресная вода. Мировая тенденция обеспечения питьевой водой в развитых странах, исходя из гигиенических требований, все больше склоняется к использованию для питья и приготовления пищи расфасованной воды с гарантированным качеством и известным химическим составом.

Возможности производства бутилированной воды в Республике Бурятия особенно велики. Глубинная вода Байкала отличается особой чистотой и постоянством состава. Если использовать всего 5 % экологически допустимого объема изъятия водной массы (6×10^{13} литров воды — ежегодный вынос водной массы из оз. Байкал р. Ангара), то можно обеспечить каждого жителя Земли по одной бутыли байкальской воды в сутки.

С водными объектами тесно связано развитие туризма. По данным полевых исследований БИП СО РАН, в 2003 г. количество организованных и «диких» туристов на территориях, тяготеющих к водным объектам, составило около 463 тыс. человек, из них около 70 % организованных. По оценке сибирских ученых, с ростом привлекательности туризма на Байкале их количество может достигнуть в недалеком будущем 1 млн человек, в том числе в РБ около 500 тыс. человек.

Другим направлением использования водных ресурсов является рыбный промысел. Общая ихтиомасса омуля на Байкале, по данным ЛИН СО РАН, составляет около 20 тыс. т.

Таксономическое разнообразие оз. Байкал включает 2 565 видов и подвидов водных животных и 1 000 видов, подвидов и форм водных растений, из которых две трети являются эндемиками. Основные направления перспективного водопользования необходимо рассматривать в связи с вовлечением в оборот водно-рекреационного потенциала и воды оз. Байкал как экологически чистого питьевого продукта, поскольку рост добычи и использования других ресурсов водоема, в частности водно-биологических, достиг экологически допустимых объемов извлечения.

19.6. Заключительные замечания

Таким образом, проведенный анализ показал, что в бассейне оз. Байкал сосредоточены основные запасы ряда стратегически важных для страны полезных ископаемых, лесных и водных ресурсов. Промышленная деятельность и, особенно, освоение природных ресурсов неизбежно приводят к нарушениям баланса окружающей среды, которые для озера могут стать губительными. Хозяйственная деятельность и жизнеобеспечение населения требуют повышенных затрат и, соответственно, специальных мер государственной поддержки. Кроме этого, уникальная экосистема оз. Байкал объявлена решением ЮНЕСКО Участком мирового наследия. Все эти факторы обосновывают необходимость реализации стратегии устойчивого развития, заключающейся в обеспечении динамичного развития хозяйственного комплекса Бурятии для достижения устойчивого роста уровня жизни населения на основе модернизации экономики, повышения эффективности и конкурентоспособности производства с учетом требований экологизации хозяйственной деятельности.

В 2002 г. в рамках реализации данной стратегии была оказана государственная поддержка в сумме 1 млрд руб. инвестиционным проектам по внедрению экологически чистых технологий по производству телевизионной и компьютерной техники, глубокой переработке древесины, переработке овощей, плодов и ягод. Однако нерешенной остается проблема создания механизма реализации закона, предусматривающего экономическое обеспечение повышенного экологического статуса региона.

Ситуация усугубляется тем, что наибольшая нагрузка «байкальского фактора» приходится на предприятия, традиционно относящиеся к отраслям специализации экономики Бурятии: сельскому хозяйству, лесопромышленному комплексу и промысловым хозяйствам.

Доля потерь продукции в сельском хозяйстве составляет ежегодно свыше 3,5 млрд руб., к числу удорожающих факторов относятся: неприменение минеральных удобрений и средств защиты растений. Удорожание лесопродукции составляет 60—80 % и значительно понижает конкурентоспособность деревообрабатывающих предприятий. Удельный вес экологических затрат в себестоимости продукции других отраслей экономики также превышает среднероссийский в 2—3 раза, а на предприятиях энергетики — в 4—5 раз. Кроме увеличения ежегодных текущих затрат экологические ограничения снижают уровень конкурентоспособности и привлекательности перспективных инвестиционных проектов.

Важнейшей проблемой мобилизации инвестиционных ресурсов становится компенсация государством дополнительных издержек производителей. В 2002 г. суммарная величина издержек и потерь составила 6,9 млрд руб., при этом недополученная валовая добавленная стоимость составила 5,7 млрд руб., доля прямых убытков в валовом региональном продукте — 16,7 %. Объем некомпенсированных Республике Бурятия прямых потерь составил 2,1 млрд рублей. Прямые потери продукции в экономике республики в 2003 г. оцениваются в 7,2 млрд руб. Фактические и расчетные данные свидетельствуют о большой экологической нагрузке на хозяйственный комплекс республики, значительно снижающей экономические возможности развития.

В целях создания экономических условий устойчивого развития Республики Бурятия, сохранения экосистемы оз. Байкал и формирования необходимой инфраструктуры для развития экономики региона необходимы: четкие законодательные механизмы разделения полномочий и ответственности за последствия введения особого режима хозяйственной деятельности; компенсация дополнительных затрат на экономику республики; совершенствование межбюджетных отношений между федеральным центром и Республикой Бурятия; формирование «прозрачных» механизмов целевого использования финансовой компенсации.

Заключение

Переход к модели устойчивого развития Сибири предполагает системный характер преобразований, в основе которых должна лежать сильная политическая воля, опирающаяся во всех проявлениях на широкую поддержку народа, на выработанный историей духовно-нравственный базис общества, уровень жизненных сил населения и принципы жизнеустройства.

Основные принципы устойчивого развития, принятые в общем виде в качестве ценностей и целей Конференцией в Рио, подлежат реализации в трех основных сферах взаимодействий:

- взаимодействие систем человеческой деятельности и природной среды. Баланс между природой и обществом;
- взаимодействие отдельных подсистем, образующих социум. Баланс внутри общества;
- взаимодействие между нынешним и будущим поколениями. Нынешнее поколение как определенная стадия в развитии человечества не должно лишить будущие поколения необходимых условий существования и развития.

Принципиальное значение приобретает не просто идея балансирования интересов различных социальных субъектов, но и характера балансирования, который бы обеспечил постепенную социальную гармонизацию всех интересов во имя возрастания жизнеспособности общества как целого.

Неумеренная ориентация руководства России девяностых годов на западные образцы способов развития внедряла в общественную жизнь страны новые ценности, прямо противоположные тем, которые необходимы России для обеспечения социальной и экологической устойчивости. Сложность процесса разработки модели устойчивого развития обусловлена необходимостью пересмотра базовых ценностей общества и поддерживающих эти ценности институтов. Ценности должны выступать как системообразующий и целенаправляющий фактор развития общества. С этой точки зрения будущее Сибири должно определяться ее социокультурным потенциалом. К сожалению, сегодня можно с полным правом говорить о кризисе ценностных оснований российского общества. Такой кризис представляется гораздо более опасным, чем экономический.

Социокультурный аспект в концепции устойчивого развития является наиболее предпочтительным социально-философским подходом для оценки и разработки сценариев движения сообщества Сибири. Этот подход позволяет вывести исследование проблем устойчивого развития за пределы поиска чисто хозяйственных решений, исследовать общественное бытие в его целостности и единстве с духовной жизнью. Методологически социокультурный подход означает, что все базисные составляющие устойчивого развития должны взвешиваться с позиции духовно-ценностной значимости и целесообразности. Этот подход важен для оценки прошлого и будущего, для процессов перехода от состояния простого выживания к совершенствованию и состоянию гармонии социальных форм жизни. Таким образом, социокультурный подход отнюдь не сводится только

к культурологическому феномену, а позволяет интегрировать все стороны жизнедеятельности сообществ на духовно-ценностных основаниях.

Концепции, конкретные модели и социальные технологии устойчивого развития будут эффективными, если их разработка будет носить комплексный характер с обеспечением междисциплинарной координации и интеграции на единой основе при соблюдении принципов программно-целевого исследования.

Сегодня необходим поиск эффективных организационных форм, учитывающих сложившуюся в настоящее время непростую ситуацию и в производственно-экономической сфере. Не менее важно приведение способов хозяйственной деятельности в соответствие с традиционными социокультурными основаниями. Имеется в виду, прежде всего, принцип кооперации хозяйственной деятельности, отвечающий глубинным российским традициям. Речь идет не просто о производственной кооперации, а о кооперировании производственных и социальных сфер деятельности, формирование не просто экономических, а территориальных социопроизводственных систем, способных к автономному устойчивому функционированию.

Прообразом таких систем были в недавнем прошлом крупные хозяйственные комплексы, включающие в себя наряду с основным производством развитую сеть социальной инфраструктуры. Такие комплексы создавались как в городе, так и в селе: в городе — на базе крупных предприятий, в селе — на базе колхозов и совхозов. Последние, в сущности, как раз и были зародышами социально-экономических территориальных систем, поскольку включали в себя не только сельскохозяйственное производство, но и всю сферу социальной инфраструктуры — медицинские учреждения, школы, магазины, детские сады, клубы, спортивные секции и т. д. В городе аналогичные кооперативные комплексы формировались как правило в системе градообразующих предприятий. Эта тенденция была одним из основных достижений советской истории Сибири в сфере территориального жизнеустройства, которая, несомненно, нуждалась в активной государственной поддержке, дальнейшем ее совершенствовании и развитии, но была разрушена под натиском либерально-рыночных реформ. Сегодня имело бы прямой смысл в рамках стратегии устойчивого регионального развития разработать специальную программу по формированию социально-экономических территориальных систем (СЭТС), используя и традиционные кооперативные принципы жизнеустройства.

Возрастание роли Сибири в Азиатско-Восточной социально-экономической политике определило целый ряд важных комплексных проектов и программ, реализация которых будет полезной не только в сфере экономики, но и в решении социальных проблем Сибири.

Демографическая стагнация, малочисленность населения Сибири, продолжающийся отток населения — следствие неадекватных условий жизни, в том числе жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Формирование полноценного постоянного населения Сибири становится первоочередной задачей, реальной необходимостью для России.

Стратегический потенциал Сибири должен определяться не только и не столько уровнем природно-ресурсных, производственно-экономических возможностей, транспортными системами и т. п., сколько состоянием населения, его возможностями жить и трудиться в сложных природных условиях Сибири. Демографический потенциал Сибири вместе с потенциалом жизненных сил населения является, пожалуй, одной из основных характеристик процессов развития Сибири. Мало кому известно, что знаменитый ломоносовский тезис «Российское могущество прирастать будет Сибирью…» трактовался автором, прежде всего, в социально-демографическом аспекте. Могущество любого государства, по мнению М. В. Ломоносова, заключается в здоровом, многочисленном народе, которым и должна была прирастать Россия, присоединяя к себе просторы Сибири. Сырьевая ориентация планов сибирской экономики в значительной степени поддерживает технократические подходы и оставляет в тени проблемы социального развития, формирования сибирского населения как жизнеспособного социального организма.

Вероятность решения задач ускоренного и устойчивого развития Сибири будет выше, если общество и государство уделят больше внимания социогуманитарному комплексу наук в их непосредственном приложении к проблемам общественного развития. Работы гуманитариев зачастую оказываются слишком малоконструктивными, весьма расплывчатыми и недостаточно последовательными, чтобы решать задачи, стоящие перед практическим управлением. Необходим практический поиск организации социогуманитарных исследований, предполагающий:

- актуализацию теоретической и практической значимости таких исследований;
- программно-целевую их организацию;
- комплексность исследований;
- механизм связи науки и управления.

Необходима, очевидно, целевая комплексная программа, обеспечивающая координацию поисковых исследований не только в рамках социально-экономического подхода к разработке концепции устойчивого развития Сибири, но и с обязательным участием социогуманитарной составляющей. Более того, социогуманитарный аспект проблемы должен быть определяющим, ибо главной целью перспективного развития все же остается — человек, общество в его изначальной духовно-нравственной ипостаси.

Примечания

Примечания к предисловию

1. *Закономерности* социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего. Новосибирск, 1994. Ч. 2. С. 119—121.

2. *Основные* положения стратегии устойчивого развития России. М., 2002. (Адрес в интернете: www.duma.gov.ru/sustainable/strategy.htm)

3. *Россия* на пути к устойчивому развитию. М.: МГИЦ правительства Москвы; Издательский дом НП, 2003. 412 с.

4. *Ужва Т.В.* Обращение к читателю. Россия на пути к устойчивому развитию. М., 2003. С. 9.

5. *Основные* положения стратегии устойчивого развития России… С. 5.

Примечания к введению

1. *Черных В.* Цель есть, воплощения нет// Сов. Сибирь. 2006. 23 марта.

2. Там же.

3. *Коптюг В.А.*// Наука Сибири. 1995. № 8.

4. *Печчеи А.* Человеческие качества.// Мир философии. Часть 2. М., 1991, С. 560.

5. Там же. С. 560.

6. *Wagner P.A.* History and Theory of the Social Sciences. — London: Sage Publications, 2001. P.1.

7. *Всемирный* доклад по социальным наукам. М., 2002.

Примечания к главе 1

1. *Линднер У.Г.* Предисловие// Программа действий. Повестка дня на 21 век. Женева: «Центр за наше общее будущее», 1993. С. V.

2. Там же. с. VII.

3. См. напр.: *Фофанов В.П.* Кризис мировой цивилизации и судьбы России: новая реальность и новая онтология// Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего/ СО РАН. Новосибирск, 1994; *Он* же. Возможность и необходимость применения принципов устойчивого развития в современной России// Экономика и экология: вопросы регионального развития. Взгляд в XXI век. Кемерово, 1997; *Он* же. Наука и образование перед вызовом глобальных проблем// Интеграция науки, образования и культуры/ НГУ; ПФиП СО РАН; Кафедра ЮНЕСКО. Новосибирск, 1997.

4. Существует целый ряд трактовок так называемого социокультурного подхода. Наша позиция по этому вопросу изложена, в частности, в следующих публикациях: *Фофанов В.П.* Социокультурный подход к судьбам России сегодня: методология и онтология// Исторические судьбы России: социокультурный подход. Кемерово, 1991; *Он* же. Синтетическая концепция культуры и проблема социальности // Мировая культура и ее изучение в высшей школе/ НГПУ, Новосибирск, 1995; *Он* же. К разработке модели устойчивого развития России: социокультурный подход// Устойчивое развитие. Материалы к международному семинару «Управляемость мировым развитием: опыт и перспективы»/ НГУ. Новосибирск, 1995.

5. *Фофанов В.П.* Триада «среда — здоровье — развитие» — вектор науки и практики// Окружающая среда — Здоровье — Развитие в Сибири/ НГУ, Кафедра ЮНЕСКО. Новосибирск, 1997.

6. См. об этом: *Кругова Т.Г.* Интегральный духовный кризис и принципы устойчивого развития// Вопросы устойчивого и бескризисного развития, 2000. № 2/1; *Кругова Т.Г., Фофанов В.П.* Научная картина мира и общественное развитие. Там же. № 3/1.

Примечания к главе 2

1. *Наше* общее будущее: Доклад Международной Комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989. С. 25.

2. *Цикличность* в социальных системах. Круглый стол // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 36—47.

3. *Садовский В.Н.* Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 173.

4. *Афанасьев В.Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М.: Мысль, 1964. С. 10.

5. *Кравец А.С.* Вероятность и системы. Воронеж, 1970. С. 53.

6. См.: *Баранцев Р.Г.* Системная триада — структрурная ячейка синтеза // Системные исследования. Ежегодник, М., 1982.

7. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 269.

8. См.: *Урсул А.О., Лось В.А.* Стратегия перехода России на модель устойчивого развития: проблемы и перспективы. М., 1994; *Урсул А.Д.* Ноосферная стратегия перехода России к устойчивому развитию М.; Гомель, 1997; *Он* же. Переход России к устойчивому развитию. М., 1998.

9. *Моисеев Н.Н.* «Устойчивое развитие» или «стратегия переходного периода» // Зеленый мир. 1995. № 14. С. 3—5.

10. *Гэлбрейт Д.К.* Жизнь в наше время. М.: Прогресс, 1986. С. 239—240.

11. *Моисеев Н.Н.* С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 197—199.

12. *Ахиезер А.* Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 18.

13. *Башкиров В.* Социальное познание на пороге постиндустриального общества // Обществ. науки. 1993. № 1.

Примечания к главе 3

1. См.: *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро): Информационный обзор. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1993. С. 5, 9, 11—13, 26—27.

2. *Повестка* дня на XXI век. П.п. 2.33., 2.35.

3. *Голубев В., Шаповалова Н.* Что такое устойчивое развитие? // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 63.

4. *Гру Харлем Брундтланд.* Наше общее будущее: Доклад комиссии ООН по окружающей среде. 1987. С. 64.

5. О понятии социальной технологии см.: *Современная* западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. (В концепции К. Поппера социальная технология — способ применения теоретических методов социологии в практических целях.)

6. *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопр. филос. 1992. № 8. С. 53.

7. *Оганесян А.К.* Равенство и справедливость (Концепции Д. Ройлса и Д. Белла) // Этическая мысль. М.: Политиздат, 1990. С. 214—258.

8. *Бойко В.И.* Ценности и технологии устойчивого социального развития (Материалы к разработке Программы исследования). Новосибирск, 1994.

9. *Закономерности* социального развития: ориентиры и критерии модели будущего. Новосибирск, 1994. Ч.1. С 5-10

10. *Народности* Севера: координация исследований (информационные материалы). Новосибирск, 1988. С. 3.

11. Там же. С. 6—8.

12. Там же С. 9—17.

13. Там же С. 4, 5.

14. *Социально-экономическое* развитие народностей Севера (программа координации исследований). Новосибирск, Наука, Сиб. отд-ние, 1988.

15. *Программа* координации исследований «Народности Севера». Новосибирск, 1987.

16. *Концепция* социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989.

17. *Предложения* к концепции «Социальное и экономическое развитие народностей Севера: концепция социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса» (10—12 ноября 1988 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 1988.

18. *Региональная* межведомственная программа исследований «Народы Сибири: социальное и духовное развитие». Новосибирск, 1991. С. 23—113.

Примечания к главе 4

1. *Бзежинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М., 2004. С. 139.

2. Там же. С. 139—140.

3. *Кузнецова О.В.* Региональная политика в России в постсоветское время: история развития // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 68.

4. *Российская* газета. 2005. 6 апр.

5. *Пастухов В.Б.* Российский федерализм: политическая и правовая практика // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 63.

6. *Парламентская* газета. 2003. 23 сент.

7. *Осипов А.Г.* Управление территорией. Актуальные проблемы. Новосибирск, 2003. С. 193—194.

8. *Аргументы* и факты. 2004. № 23.

9. *Административно-территориальное* деление Сибири: Справ. Новосибирск, 1966. С. 9—17.

10. *Колоткин М.Н.* Возможные сценарии реформирования административно-территориального деления России: сибирский вариант: Сб. материалов Междунар. науч. конгресса «ГЕО-Сибирь-2005». Новосибирск, 2005. С. 3—13.

11. *Колоткин М.Н.* К вопросу о вариантах в системе федеративных отношений // Вестн. обществ. наук. Новосибирск, 2003. С. 111—112.

12. *Сборник* материалов Международного научного конгресса «ГЕО-Сибирь-2005». Новосибирск, 2005. С. 3—13.

13. *Белковский С.* Разрыв сердца от сострадания к Путину // Континент-Сибирь. 2004. № 38, окт. С. 2.

14. *Парламентская* газета. 2004. 18 июня.

15. *Ведомости*. 2004. 18 июня.

16. *Парламентская* газета. 2004. 4 нояб.

17. *Звезда* Алтая. 2004. 21 февр.

Примечания к главе 5

1. См.: *Печчеи А.* Человеческие качества / Пер. с англ. О.В. Захаровой. М.: Прогресс, 1985. С. 302.

2. Например, Г. Киссинджер, анализируя возможности реализации доктрины всемирной юрисдикции, написал, что применение в случае нарушений общепринятых мировых стандартов внутренних механизмов уголовного преследования и создание Международного уголовного суда превращаются «в средство преследования политического противника». Отсюда он сделал вывод о нежелательности для США поддерживать данный международный орган. См.: *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 308—314.

3. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. В. Ионова. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 20.

4. *Гражданский* процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изменениями от 30 июня 2003 г., 7 июня, 28 июля 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

5. *Черненко А.К., Бобров В.В.* Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект. Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2003. С. 20—22.

6. Один из организаторов законодательной деятельности в Томской области на риторический вопрос — зачем нужны законы — ответил: чтобы не было произвола. Второй его аргумент («закон публичен в противоположность приватности правды») не очень ясен и нуждается в дополнительной интерпретации. Однако и так ясно, что назначение и смысл нормативных актов как средств по установлению порядка и правил совместной жизнедеятельности определенной общности людей для достижения ими общезначимых целей оказались вне поля зрения законодателя. См.: *Мальцев Б.А.* Слово о законе. Томск: Сиб. изд.-полигр. и книготорг. предпр. Наука, 2000. С. 9.

7. *Черненко А.К., Бобров В.В.* Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект. Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2003. С. 112—204.

8. См., например: *Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997; *Максимов А.Н.* Философия ценностей. М.: Высш. шк., 1997; *Политико-правовые* ценности: история и современность. М.: Эдиториал-УРСС, 2000; и др.

9. *Конституция* Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237, 25 дек. Ч. 4 ст. 76, допускающая в субъектах Российской Федерации «собственное правовое регулирование» вне «пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации», оставила всего лишь возможность уточнения регулятивных параметров в установленных нормативных рамках.

10. См.: *Численность* и размещение населения. М.: ИИЦ Статистика России, 2004. Т. 1. С. 7, 388.

11. Речь идет о соотношении между молодежью дотрудоспособного возраста, трудоспособным населением и людьми старше трудоспособного возраста. По Российской Федерации в процентах оно составляет: 20,51—61,26—18,13, а по Сибирскому федеральному округу: 19,52—62,32—18,11. *Половозрастной* состав и состояние в браке. М.: ИИЦ Статистика России, 2004. Т. 2. С. 15—17, 218—220.

12. См.: *Федеральный* закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изменениями от 13 июня 1996 г., 24 мая 1999 г., 7 августа 2001 г., 21 марта, 31 октяб-

ря 2002 г., 27 февраля 2003 г., 24 февраля, 6 апреля 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

13. *Кортен Д.* Когда корпорации правят миром. СПб.: Агентство ВиТ-принт, 2002. С. 123.

14. *Глобализация* мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В.П. Колесова. М.: Экон. факультет МГУ; ТЕИС, 2002. С. 175, 176, 197.

15. Наиболее одиозными законами в этом отношении являются Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (с изменениями от 7 января 1999 г., 18 июня 2001 г.) и Закон Российской Федерации «О недрах» (в ред. от 3 марта 1995 г.) (с изменениями от 10 февраля 1999 г., 2 января 2000 г., 14 мая, 8 августа 2001 г., 29 мая 2002 г.). В частности, последний не включает в число пользователей недрами граждан Российской Федерации, допуская их только «на условиях соглашений о разделе продукции» (ст. 9). И это не является случайностью, так как вписывается в мировоззренческие представления неолибералов.

Примечания к главе 8

1. *Лазарев А.* Конкуренты Транссиба: реальность и иллюзии // РЖД — Партнер. 2003. № 10 (62). С. 74—77.

2. *Федеральный* закон № 24-ФЗ от 12 марта 2002 г. «О ратификации соглашения о международном транспортом коридоре Север — Юг».

3. В частности? в 2001 г. в зоне Каспийского моря и Волги в районе Астрахани только российскими судами класса «река — море» было перевезено 1,2 млн тонн грузов и это в условиях, когда международный транспортный коридор Север — Юг еще не начал функционировать.

4. Имеется в виду коридор Север — Юг в целом, ранее мы уже говорили, что только один водный коридор Волга — Дон — Дунай способен обеспечит доходы для Российской Федерации в объеме 1 млрд долл. в год.

5. *Малов В.Ю.* Транспортная система Азиатской части страны: особенности формирования в новых геополитических условиях // Экономические аспекты разработки транспортной стратегии России: Науч. докл. Новосибирск, 2003. С. 41—56.

6. *Комаров К.Л., Максимов С.А.* Проблемы и задачи формирования мультимодальных транспортных узлов (транспортно-логистических центров) в Российской Федерации (на примере Новосибирского мультимодального транспортного узла). Препринт. Новосибирск, 2003.

Примечания к главе 9

1. *Борисов А.А.* Обь-Мурманская железная дорога. Пг., 1915. С. 1, 24.

2. *Второй* журнал заседания Особого междуведомственного совещания по выработке плана железнодорожного строительства на предстоящее пятилетие 1917—1922 гг. Пг., 1917.

3. *Столетие* железных дорог. Труды научно-технического Комитета Народного комиссариата путей сообщения. М., 1925. Вып. 20. С. 24, 25.

4. *Фурсенко А.А.* Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М.; Л., 1965. С. 433.

5. *Зарубежный* транспорт. М., 1956. С. 14, 15.

6. *Хачатуров Т.С.* Размещение транспорта в капиталистических странах и в СССР. М., 1939. С. 418; *Железные* дороги СССР. Статистические материалы. М., 1940. С. 15.

7. *Карабанов А.А.* Железнодорожный транспорт СССР за 15 лет. М.; Л., 1932. С. 15.
8. *Декреты* Советской власти. М., 1968. Т. IV. С. 304—307, 626—627.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 154.
10. *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. Т. 6. С. 479, 492.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 12, 13.
14. Там же.
15. *Гронский Иван Михайлович* — в 1919—1928 гг. заместитель главного редактора и затем до 1 июля 1938 г. главный редактор газеты «Известия».
16. Беседа с председателем Комиссии Великого северного пути тов. Н. Ломовым // Экономическая жизнь. 1919. 10 апр.
17. Там же.
18. *Экономическое* районирование России: Доклад Госплана III сессии ВЦИК. М., 1922. С. 40, 44, 46.
19. *Основные* проблемы транспорта СССР и перспективы его развития. М., 1929. С. 6.
20. *Хачатуров* Т.С. Экономика транспорта. М., 1959. С. 128.
21. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 124.
22. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. I. С. 789.
23. *Контрольные* цифры народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР на 1929—30 гг. М.; Л., 1930. С. 257.
24. Там же.
25. *Зарубежный* транспорт. М., 1956. С. 14, 15.
26. *Хачатуров Т.С.* Размещение транспорта. М., 1939. С. 163, 692; *Петров В.И.* Вопросы развития сети железных дорог. М., 1957. С. 21.
27. *СССР.* Год работы правительства (материалы к отчету за 1927/28 бюджетный год). М., 1929. С. 376; СССР. Год работы правительства (материалы к отчету за 1928/29 бюджетный год — первый год пятилетки). М., 1930. С. 332.
28. *КПСС* в резолюциях...
29. *Известия.* 1928. 1 янв.
30. *Борисов А.А., Воблый В.М.* Великий Северный путь. Устюг Великий, 1929.
31. *Известия.* 1928. 23 мар.
32. *Сибирские* огни. 1929. С. 123—160.

Примечания к главе 11

1. *Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Айтхожин К.К.* Мониторинг прав этнических меньшинств в Казахстане. Алматы, 2003.
2. *Иванов Д.В.* Эволюция концепции глобализации // Телескоп. 2002. № 4.
3. *Терборн Г.* Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1.
4. *Арутюнян Ю.В.* Трансформация постсоветских наций. М., 2003.
5. *Россия:* 10 лет реформ. М., 2002.
6. *Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Айтхожин К.К.* Мониторинг прав этнических меньшинств в Казахстане. Алматы, 2003.

7. *Дробижева Л.М.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М., 1994; *Рыжова С.В.* Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках РФ (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995.

8. *70 лет* Горно-Алтайской автономной области (Документы и материалы по социально-экономическому и культурному развитию). Горно-Алтайск, 1993. С. 526.

9. *Мухтасырова Т.* Краткий обзор истории проживания, проблемы обучения родному — казахскому языку и особенностей местного диалекта казахов Кош-Агачского района Республики Алтай // http://www.arba.ru/

Примечания к главе 12

1. *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию // Инф. обзор. СО РАН. Новосибирск, 1992.

2. *Гуйван П.Н.* Становление марксистской концепции человека: опыт методологического анализа. Томск, 1985; *Бобров М.Я.* Структурно-функциональный анализ системы общественного производства в «Капитале» К. Маркса. Бийск, 1969; *Бобров М.Я.* Общие законы развития человека. Барнаул, 1989; *Бобров М.Я.* Общие законы развития коллектива. Барнаул, 1992; и др.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 248—249.

4. Там же. С. 263—264

5. Там же. Т. 42. С. 122, 144.

6. *Алтайская* социологическая школа: история, современность, перспективы развития / Под ред. С.И. Григорьева, Ю.Е. Растова. Барнаул, 2000. *Жизненные* силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма? / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М., 2000; *Социология* жизненных сил человека: от метафоры к концепции / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М., 2000; *Теория* и методология социальной работы / Под ред. С.И. Григорьева. М., 1994.

7. *Социально-экономический* мониторинг регионов Сибирского федерального округа за январь—февраль, январь—июнь, январь—июль 2004 года: Стат. бюл. Барнаул, 2004; *Социальная* траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской социолого-экономической школы. Новосибирск, 1999; *Жизненный* потенциал этнокультурного развития современной Сибири / Под ред. В.И. Бойко. Барнаул; Новосибирск, 1999.

8. *Социально-экономический* мониторинг регионов Сибирского федерального округа за январь—июнь 2004 года: Стат. бюл. Барнаул, 2004.

9. *Черных В.* Цель есть, воплощения нет // Советская Сибирь, 2006. 23 марта.

10. *Теория* и методология социальной работы / Под ред. С.И. Григорьева. Новосибирск, 1994.

11. *Проблемы* устойчивого развития общества и эволюции жизненных сил населения Сибири на рубеже XX—XXI вв. / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. Барнаул, 1998.

12. *Жизненный* потенциал этнокультурного развития современной Сибири / Под ред. В.И.Бойко, Барнаул; Новосибирск, 1999.

13. *Жизненные* силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма. / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М., 2000.

14. *Григорьев С.И., Демина Л.В., Растов Ю.Е.* Жизненные силы человека. Барнаул, 1995.

15. *Алтайская* социологическая школа: история, современность, перспективы развития / Под ред. С.И.Григорьева, Ю.И. Растова. Барнаул, 2000.

16. *Гуслякова Л.Г.* Особенности институционализации социальной работы в XX веке: основные характеристики и этапы формирования // Вестник алтайской науки: проблемы социологии и психологии. Барнаул. 2001. № 1; *Концепция* жизненных сил человека как теоретическая основа социальной работы: методические материалы к спецкурсу «Жизненные силы человека как объект комплексного исследования» / Под ред. Л.Г. Гусляковой. Барнаул, 2001; *Григорьев С.И., Гуслякова Л.Г.* Социология для социальной работы. М., 2002; *Гуслякова Л.Г., Колесникова О.Н.* Региональная система социальной защиты населения // Региональная социальная политика реформируемой России: особенности трансформации и направления развития. Барнаул, 2002; *Гуслякова Л.Г.* Современное состояние и проблемы исследования теории социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. М., 2002. № 2.; *Григорьев С.И., Гуслякова Л.Г.* Технологии социальной работы в контексте социологического витализма // Социальная работа в изменяющейся России: проблемы, поиски, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2003; *Гуслякова Л.Г.* Особенности формирования региональной системы социальной защиты населения Сибири // Культура и менталитет населения Сибири: тезисы Международной научно-практической конференции. СПб., 2003; *Гуслякова Л.Г.* Социальная защита и социальное благополучие населения // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 2003. № 3—4; *Гуслякова Л.Г.* Проблемы социальной безопасности и социального благополучия населения в современном российском обществе // Общенациональная цель для России начала XXI века как фундаментальная проблема исследования в науках о человеке и обществе. Материалы «круглого стола» в г. Барнауле 17 октября 2004 г. (к публикации научного доклада д. с. н., чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова «Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук»). Барнаул, 2004; *Гуслякова Л.Г.* Проблемы социальной безопасности и социального благополучия населения Сибири: реалии и решения // Формирование идеологии консолидации российского общества: актуальные проблемы и возможности их решения: Материалы «круглого стола» МОО «Объединение социологов Сибири» на ФС АлтГУ по публикациям В.Н. Кузнецова, посвященным становлению идеологии консолидации российского общества начала XXI века, Барнаул, 17 февраля 2004 г. / Под ред. С.И. Григорьева. Барнаул; М., 2004; *Гуслякова Л.Г.* Общественные институты социальной безопасности // Социальная безопасность населения юга Западной Сибири: Материалы международной научно-практической конференции «Региональные аспекты обеспечения социальной безопасность населения юга Западной Сибири — проблемы снижения рисков и смягчения последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», г. Барнаул, 10 декабря 2004 г. Барнаул, 2004; *Теория* и практика социальной работы: основные направления развития в XX—XXI веках (отечественный и зарубежный опыт): Хрестоматия / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Г. Гусляковой. 2-е изд. М., 2004; *Гуслякова Л.Г., Говорухина Г.В.* Социальные проблемы жизнедеятельности населения региона (на примере Алтайского края) // Сибирский социологический вестник. Барнаул; Новосибирск, 2004. № 1; *Гуслякова Л.Г., Говорухина Г.В.* Социальные показатели оценки эффективности организации социальной защиты населения региона. Барнаул, 2005; *Формы* и технологии социальной работы: научно-методическое пособие / Под ред. Л.Г. Гусляковой. Барнаул, 2005; *Григорьев С.И., Гуслякова Л.Г., Растов Ю.Е., Кондыков А.С., Трофимова Р.А.* Тезаурус социологической концепции жизненных сил человека. Барнаул, 2005; *Гуслякова Л.Г.* Проблемы социальной безопасности и социальная защита в современной Сибири // Социальные процессы в современной Западной Сибири: сборник научных статей. Горно-Алтайск, 2005; *Гуслякова Л.Г., Говорухина Г.В., Калинина Ю.А.* Социальная защита и социальное обслуживание как направления социальной работы: учебное пособие. Барнаул, 2005; *Гуслякова Л.Г.* Основные направле-

ния аналитической теории социальной работы в контексте современного социологического витализма // Проблемы теоретической социологии : межвуз. сб. Вып. 5: СПб., 2005; *Гуслякова Л.Г.* Глобальные проблемы социальной работы в XXI веке // Трансграничье в изменяющемся мире: сборник статей: В 2 ч. Ч. 2. Чита; Хулуньбаир, 2005; *Гуслякова Л.Г.* Социология социальной работы в контексте неовитализма // Социология. 2005. № 2; *Гуслякова Л.Г.* Состояние системы социальной защиты населения Алтайского края в 2000—2005 гг. // Муниципальный мир. Барнаул, 2005. №2; *Словарь* виталистской социологии / Под ред. С.И. Григорьева. М., 2006; *Говорухина Г.В., Григорьев С.И., Гуслякова Л.Г.* Основные проблемы модернизации социальной защиты населения Алтайского края // Механизмы повышения эффективности инновационной деятельности: сб. науч. докладов 2-й Международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 24 мая 2006 г. Барнаул, 2006; *Гуслякова Л.Г., Говорухина Г.В.* Основные проблемы модернизации системы социальной защиты населения в регионе (на примере Алтайского края) // Муниципальный мир. М., 2006. № 1; *Гуслякова Л.Г.* Социальное благополучие, социальная защита и социальная безопасность: проблемы и направления исследования социальных сил населения // Национальные проекты и социальное образование: опыт и проблемы подготовки кадров для социальной сферы : материалы VI Всероссийского социально-педагогического конгресса 6—7 июня 2006 г. М., 2006; *Гуслякова Л.Г.* Теория социальной работы в контексте развития социального знания в конце XX—начале XXI вв. // Вестник Бурятского университета. Серия. 15: Социальная работа. Вып. 2. Улан-Удэ, 2006; *Гуслякова Л.Г.* Виталистская модель теории и практики социальной работы: монография. Барнаул, 2006.

Примечания к главе 15

1. *Социальная* траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. С. 18.

2. См. об этом: *Гордиенко А.А.* Человек и самодеятельные общественные инициативы (к вопросу о формировании нового механизма самореализации личности. Препринт. Новосибирск, 1990.

3. *Трофимук А.А.* Лаврентьевская закваска // Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 209.

4. *Коптюг В.А.* Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 93—94.

5. *Нещадин А., Горин. Н.* Жизненный цикл города // Муниципальная власть. 2000. № 3. С. 108—112.

6. *Фортов В.* Сохранить кадры, научные школы // Инженерная газета. 2002. № 7.

7. *Месяц Г.* Мы не конторщики при храме // Российская газста. 2002. 1 июня

8. *Спиридонов А.* Дискриминация наукоемких производств // Независимая газета. 2002. 10 апр.

9. *Глазьев С.Ю.* Будущее России в инновационной экономике // Науковедение. 2002. № 1. С. 9.

10. *Сироткин О.* Макротехнологии вывезут экономику // Инженерная газета. 2002. № 7.

11. *Все* равно украдут // Сов. Сибирь. 2001. 1 нояб.

12. *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). М., 1986. С. 258.

13. *Куприянов Л.И.* Формирование рынка научно-технической продукции в промышленно-развитых странах // Вестн. АН СССР. 1991. № 12. С. 41.

14. См.: *Гордиенко А.А., Еремин С.Н., Плюснин Ю.М.* Академическая наука в кризисном обществе. На материалах мониторинга Новосибирского Академгородка. Новосибирск, 1997. С. 101.

15. См.: *Еремин С.Н.* Студенты НГУ о своей учебе, жизни и ценностях // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 1. С. 106.

16. *Коптюг В.А.* Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 61—62.

17. *Коптюг В.А.* О начальном этапе формирования научно-технологического парка «Новосибирск» // Социальные проблемы науки и инноваций. Новосибирск, 2000. С. 54—55.

18. Подробнее об этом см.: *Кулаев А.П., Зябко И.С.* Формирование инфраструктуры инновационного развития города с использованием принципов GOOD GOVERNMENCE // Принципы GOOD GOVERNMENCE и управление городским развитием. Новосибирск, 2004. С. 80—83.

Примечания к главе 16

1. *Гидденс Э.* Постмодерн // Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов. М., 1995. С. 345.

2. *Коптюг В.А., Матросов В.М., Левашов В.К., Демьянко Ю.Г.* Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. Нововсибирск, 1996. С. 10—21.

3. *Степин В.С.* Ценностные основания и исторические перспективы техногенной цивилизации // Науковедение. 1999. № 1. С. 103.

4. *Петрова Г.И.* Постмодернизм и игра. Новый проект человека // Сибирь. Философия. Образование. 1999. № 3. С. 58.

5. Там же. С. 59.

6. *Степин В.С.* Ценностные основания… С. 104.

7. *Громыко Ю., Давыдов В.* Образование как средство формирования и выращивания практики общественно-регионального развития и Россия 2010: Междунар. регион. журнал. 1993. № 1. С. 47.

8. *Степин В.С.* Ценностные основания… С. 105.

9. *Иванов Д.В.* Критическая теория и вертуализация общества // Социс. 1999. № 1. С. 33.

10. Там же. С. 34.

11. Там же.

12. Там же. С. 39.

13. *Бурье П.* Социология политики. М., 1993.

14. Там же.

15. *Козловски П.* Культура постмодерна… С. 51.

16. Там же. С. 52.

17. Там же. С. 185.

18. *Гуревич П.С.* Философская антропология // Философия: Учеб. М., 1997. С. 372, 373.

19. *Франц М.Л. фон.* Психология сказки. СПб., 1998. С. 237.

20. *Померанц Г.* Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах. М., 1995. Т. 1. С. 454.

21. *Панарин А.С.* Между непримиримой враждой и нераздельным единством / Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопр. филос. 1995. № 6. С. 4, 5.

22. Там же. С. 11.

23. *Визгин Вик.П.* «Эзотерика» и наука: эффект резонанса // Науковедение. 1999. № 3. С. 210.

24. Там же.

25. *Гуревич П.С.* Философия культуры: Пособие для студентов. 2-е изд. М., 1995. С. 157.

26. См.: *Померанц Г.* Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах. М., 1995. Т. 1. С. 446.

27. Там же.

28. *Степин В.С., Гусейнов А.А., Межуев В.М., Толстых В.И.* От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям // Квинтэссенция: Филос. альманах. М., 1992. С. 35.

29. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социс. 1996. № 3. С. 40.

30. Там же. С. 41.

31. Цит. по: *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура. С. 41.

32. *Модернизация*: зарубежный опыт и Россия. М., 1995. С. 100.

33. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992. С. 100.

34. См.: *Степин В.С., Гусейнов А.А., Междеев В.М., Толстых В.И.* От классовых приоритетов к общечеловеческим ценностям. С. 24.

35. Там же. С. 19—22.

36. Там же.

37. Там же. С. 24.

38. Там же. С.19—22.

39. Там же.

40. *Мильдон В.И.* Русская идея в конце XX века // Вопр. филос. 1996. № 3. С. 55.

41. *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. М., 1996. С. 215.

42. Там же.

43. См.: *Панарин А.С.* Между непримиримой враждой и нераздельным единством. С. 5.

44. *Балацкий Е.В.* Настанет ли апокалипсис // Вестн. РАН. 1998. Т. 68, № 9. С. 825.

45. *Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978. С. 311.

46. *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 613.

47. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. С. 65.

Примечания к главе 17

1. *Развитие* энергетического сектора Сибири (материалы к энергетической стратегии Сибири). Новосибирск, 1997. 205 с.

2. *Государственная* концепция развития Сибири на долгосрочную перспективу. Исходные материалы к проекту. Новосибирск, 2000.

3. *Концепция* перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития. Проект. Москва, 3—5 июня 1995 г. 24 с.; *Агафонов Н., Исляев Р.* Экологическая политика должна опуститься на региональный уровень // Зеленый мир. 1995. № 15. С. 12—15; *Тулохонов А.К.* Байкальский регион: проблемы устойчивого развития. Новосибирск, 1997. 208 с.; *Винокуров Ю.И., Мищенко В.В., Радько Л.Ф.* О концепции устойчивого социально-экономического развития Алтайского края // Опыт и концепция реформирования экономики России и региона. Барнаул, 1996. С. 194—201.

4. *Винокуров Ю.И., Красноярова Б.А.* Концепция устойчивого развития — региональный уровень // Географические аспекты проблемы перехода к устойчивому развитию Содружества Независимых Государств. Киев; М., 1999. С. 59—69.

5. *Тулеев А.Г.* Социально-экономическое положение угольной промышленности Кузбасса: Докл. на XXX Заседании Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение». Кемерово, 1999.

6. *Кислюк М.Б.* Проблемы перехода экономики Кузбасса к устойчивому развитию // Тр. всерос. науч.-практ. конф. «Экология и экономика: региональные проблемы перехода к устойчивому развитию. Взгляд в XXI век». Кемерово, 1997. Т. 1. С. 16—32; *Сурнин В.С.,*

Киреев Г.А. Региональные факторы устойчивого развития экономики Кузбасса // Там же. С. 45—52.

7. *Территориальная* комплексная программа охраны окружающей среды Кемеровской области до 2005 года. Сибирский промстройпроект. Кемерово, 1993. Т. 4—5. С. 66—67.

8. *Грицко Г.И., Овдиенко В.И., Баранник Л.П., Счастливцев Е.Л.* Описание экологической карты Кемеровской области. Кемерово, 1996. С. 53.

9. *Марков Ю.Г.* Социосистемы как форма территориальной организации социальной жизни // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 1. С. 44—49.

10. *Марков Ю.Г.* Формирование региональных социально-правовых механизмов устойчивого развития // Экология и экономика: региональные проблемы перехода у устойчивому развитию. Взгляд в XXI веке. Т. 1. Кемерово, 1997; *Зайденварг В.Е., Яновский А.Б.* Об углублении процессов реструктуризации угольной промышленности Сибири // Уголь на конкурсном рынке: Матер. конф-ции по угольной промышленности. М., 1995. С. 26—31.

11. *Грицко Г.И., Счастливцев Е.Л., Быков А.А., Баранник Л.П., Овденко В.И., Потапов В.П.* Основные принципы создания распределенного территориального кадастра природных ресурсов Кемеровской области на основе технологий ГИС // Вычислительные технологии. Т. 3. № 5. С. 28—36.

12. *Брагин В.Е.* Эколого-экономическая оценка функционирования технологий добычи и переработки угля в Кузнецком угольном бассейне: Прогнозный доклад. Кемерово, 1991.

13. *Грицко Г.И.* Региональные аспекты устойчивого развития // Тр. всерос. науч.-практ. конф. «Экология и экономика: региональные проблемы перехода к устойчивому развитию. Взгляд в XXI век». Кемерово, 1997. Т. 1. С. 53—68.

14. *Овденко В.И., Логов А.Б.* Методические принципы и теоретические модели исследований устойчивого развития региона // Всероссийская научно-практическая конференция «Экология и экономика: региональные проблемы перехода к устойчивому развитию. Взгляд в XXI век». Кемерово, 1997. С. 47—56.

15. *Бурлакова Л.М.* Плодородие алтайских черноземов в системе агроценоза. Новосибирск, 1984. 200 с.; *Бурлакова Л.М.* Концептуальные положения рационального использования земель // Экология и безопасность жизнедеятельности человека в условиях Сибири. Барнаул, 1997. С. 34—38.

16. *Республика* Алтай в 2000 году (Стат. ежегодник). Горно-Алтайск, 2001.

17. *Баденков Ю.Л., Винокуров Ю.И., Кондрашова Л.И., Селиверстов Ю.П., Табакаев Ю.В.* Сохранение этнокультурного и биологического разнообразия и устойчивое развития Алтайского горного региона: совмещение несовместимого или взаимоподдержка? // Социально-экономическое развитие Республики Алтай, международное сотрудничество в Алтайском горном регионе и перспективы развития транспортной системы на юге Западной Сибири: Материалы рабочего совещания. 15—16 декабря 2000 г., Горно-Алтайск, 2001. С. 11—15.

18. *Концептуальная* программа экологически устойчивого развития Республики Алтай / Под общей ред. Н.П. Малкова, В.П. Седельникова. Горно-Алтайск, 1998. 76 с.

19. *Рудой А.Н., Лысенкова З.В., Рудский В.В., Шишин М.Ю.* Укок (прошлое, настоящее, будущее). Барнаул, 2000.

20. *Рудский В.В.* Природопользование в горных странах (на примере Алтая и Саян). Новосибирск: Наука, 2000. 120 с.; *Рудский В.В.* Охраняемые территории Алтая в региональной системе рационального природопользования // Особо охраняемые природные территории и объекты Республики Алтай и горных систем центра Евразии (пути и проблемы устойчивого развития): Материалы науч.-практ. конф. Горно-Алтайск, 1997. С.16—20.

21. *Орлов В.П.* Роль растительного покрова в сохранении среды обитания жителей Горного Алтая// Республика Алтай (Алтай — золотые горы): модели и механизмы устойчивого развития: Материалы Междунар. симп. (30 июня — 4 июля 1999 г.). Горно-Алтайск, 1999. С. 203—205.

22. *Красноярова Б.А., Суразакова С.П.* Республика Алтай — поиск путей устойчивого развития // VII научное совещание по прикладной географии: Тез. науч. конф. Иркутск, 2001. С. 71—73.

Примечания к главе 18

1. *Природная* среда Ямала / В.Р. Цибульский, Э.И. Валеева, С.П. Арефьев и др. Тюмень, 1995. Т. 1. 168 с.

2. *Природная* среда Ямала / С.П. Арефьев, С.Н. Гашев, В.Б. Степанова и др. Тюмень, 2000. Т. 3: Биоценозы Ямала в условиях промышленного освоения. 136 с.

3. *Нейштадт М.И.* Мировой природный феномен — заболоченность Западно-Сибирской равнины // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1971. № 1. С. 21—43.

4. *Геокриология* СССР. Западная Сибирь. М., 1989. 453 с.

5. *Московченко Д.В.* Экологическое состояние рек Обского бассейна в районах нефтедобычи // География и природные ресурсы. 2003. № 1. С. 35—41.

6. *Болота* Западной Сибири, их строение и гидрологический режим. Л., 1976. 447 с.

7. *Красная* книга Ханты-Мансийского автономного округа: животные, растения, грибы. Екатеринбург, 2003. 376 с.

8. *Растительный* покров Западно-Сибирской равнины / И.С. Ильина, Е.И. Лапшина, Н.Н. Лавренко и др. Новосибирск, 1985. 251 с.

9. *Коропачинский И.Ю., Встовская Т.Н.* Древесные растения Азиатской России. Новосибирск, 2002. 407 с.

10. *Равкин Ю.С., Вартапетов Л.Г., Миловидов С.П. и др.* Летние запасы охотничье-промысловых птиц Западно-Сибирской равнины // Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы. Новосибирск, 1990. С. 41—47.

11. *Shiklomanov I.A., Skakalsky B.G.* Studying water, sediment and contaminant runoff of Siberian River // Proceedings of the Workshop on Arctic Contamination, Interagency Arctic Research Policy Committee, May 2—7 1993, Anchorage, Alaska. Arctic Research of the United States, Vol. 8. 1994. P. 295—306.

12. *Московченко Д.В.* Экологическое состояние рек Обского бассейна в районах нефтедобычи // География и природные ресурсы. 2003. № 1. С. 35—41.

13. *Уварова В.И.* Современное состояние качества воды р. Оби в пределах Тюменской области // Вестн. экологи, лесоведения и ландшафтоведения. Тюмень, 2000. Вып. 1. С. 18—26.

Примечания к главе 19

1. *Куражковский Ю.Н.* Очерки природопользования. М., 1969.

2. *Благосклонов К.Н., Иноземцев А.А., Тихомиров В.Н.* Охрана природы. М., 1967.

3. *Анучин В.А.* Основы природопользования. Теоретический аспект. М., 1978. С. 209.

4. *Федоренко Н.П.* Экономические проблемы оптимизации природопользования. М.: Наука, 1973. С. 8—21; *Ефремов Ю.К.* Природопользование // БСЭ. 3-е изд. 1975. Т. 20. С. 595—596.

5. *Реймерс Н.Ф.* Экологическое планирование и прогнозирование в системе управления народным хозяйством // Проблемы взаимодействия общества и природы. М.: МГУ, 1974. С. 80—83.

6. *Родоман Б.Б.* Территориальная структура регионального природопользования // География и практика. Иркутск, 1978. С. 19—24.

7. *Чепурных Н.В.* Учет экономических, социальных и экологических проблем при построении региональных программ природопользования // Управление природой. М., 1979. С. 18—25.

8. *Михайлов Ю.П.* Географические грани процесса природопользования // География и природные ресурсы. 1980. № 3. С. 159—164.

9. *Шейнгауз А.С.* Многоцелевое лесопользование: опыт разработки системы понятий //География и природные ресурсы. 1984. № 2. С. 11—19.

10. *Региональное* природопользование: методы изучения, оценки и управления / П.Я. Бакланов, П.Ф. Бровко, Т.Ф. Воробьева и др. / Под ред. П.Я. Бакланова, В.П. Каракина: Учеб. пособие. М., 2003. С. 7—8.

Список сокращений

АлтГУ — Алтайский государственный университет, Барнаул

БИП — Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ

ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ИВЭП — Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул

ИИ — Институт истории СО РАН, Новосибирск

ИПОС — Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

ИЭОПП — Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

ИФПР — Институт философии и права СО РАН, Новосибирск

ИФиП — Институт философии и политологии, Казахская РАН, Алматы

НГУ — Новосибирский государственный университет

СГА — Сибирская геодезическая академия, Новосибирск

СГУПС — Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск

Приложение

Сведения об авторах

Бобров Виктор Васильевич, канд. филос. наук, ученый секретарь ИФПР СО РАН (гл. 5)

Бойко Владимир Иванович, чл.-корр. РАН, д-р филос. наук, советник РАН, ИАЭТ СО РАН (предисловие, введение, гл. 3, 10, заключение)

Винокуров Юрий Иванович, д-р геогр. наук, директор ИВЭП СО РАН (гл. 17)

Гордиенко Алексей Аркадьевич, д-р филос. наук, глава администрации Советского района г. Новосибирска (гл. 15, 16)

Городецкий Владимир Филиппович, мэр г. Новосибирска (гл. 14)

Гомбоев Баир Октябрьевич, д-р. геогр. наук, зам. директора БИП СО РАН (гл. 19)

Григорьев Святослав Иванович, чл.-корр. РАО, д-р социол. наук, декан АлтГУ (гл. 12)

Гудыма Анна Петровна, д-р филос. наук, гл. науч. сотр. ИПОС СО РАН (гл. 2)

Гуслякова Людмила Герасимовна, д-р социол. наук, зав. кафедрой социологии АлтГУ (гл. 12)

Кисельников Александр Андреевич, д-р экон. наук, нач. стат. управления администрации Новосибирской области (гл. 6)

Комаров Константин Леонидович, д-р техн. наук, ректор СГУПС (гл. 8)

Красноярова Бела Александровна, д-р геогр. наук, зав. сект. ИВЭП СО РАН (гл. 17)

Кругова Татьяна Георгиевна, канд. филос. наук, науч. сотр. лаборатории «Современная цивилизация и устойчивое развитие», НГУ. (гл. 1)

Кулешов Валерий Владимирович, акад. РАН, д-р экон. наук, директор ИЭОПП СО РАН (гл. 7)

Ламин Владимир Александрович, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, директор ИИ СО РАН (гл. 9)

Нечипоренко Ольга Владимировна, канд. филос. наук, вед. н. сотр. ИФПР СО РАН (гл. 11)

Нысанбаев Абдумалик Насынбаевич, акад. АН Казахстана, д-р филос. наук, директор ИФиП, Казахстан (гл. 11)

Осипов Алексей Григорьевич, д-р ист. наук, зав. кафедрой управления и права СГГА (гл. 4)

Суразакова Светлана Петровна, доц., директор филиала ИВЭП СО РАН, Республика Алтай, Горно-Алтайск (гл. 17)

Счастливцев Евгений Леонидович, канд. техн. наук, директор Кемеровского филиала ИВЭП СО РАН (гл. 17)

Тулохонов Арнольд Кирилович, чл.-корр. РАН, д-р геогр. наук, директор БИП СО РАН (гл. 19)

Фофанов Владимир Павлович, д-р филос. наук, зав. каф. философии НГУ. Науч. рук-ль лаборатории «Современная цивилизация и устойчивое развитие», НГУ. (гл. 1, 13)

Хандуев Павел Жалсанович, д-р экон. наук, зав. лабораторией социально-экономических проблем БИП СО РАН (гл. 19)

Цибульский Владимир Романович, д-р техн. наук, директор ИПОС СО РАН (гл. 18)

Черненко Альберт Константинович, д-р филос. наук, зав. сект. ИФПР СО РАН (гл. 5)

Шмаков Владимир Сергеевич, д-р филос. наук, зав. сект. ИФПР СО РАН (гл. 11)

Оглавление

Предисловие 7

Введение 10

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ 19

Глава 1. Идея устойчивого развития как ответ мирового сообщества на «вызов истории» 21

1.1. Конференция в Рио: общая характеристика 21

1.2. Пять документов встречи в Рио 23

1.3. Десятилетние итоги и перспективы XXI века 25

1.4. Устойчивое развитие как баланс интересов 28

1.5. Политические и геополитические аспекты устойчивого развития 32

1.6. Государственная концепция перехода к устойчивому развитию РФ 38

1.7. Устойчивое развитие как научно-практический проект 42

Глава 2. Основы социокультурного подхода к исследованию устойчивого развития 46

2.1. Устойчивость систем и ее виды 46

2.2. Факторы устойчивости социальных систем 49

2.3. Проблема реализации концепции устойчивого развития 54

2.4. Социальная динамика и принцип социокультурного детерминизма 58

Глава 3. Программно-целевая организация исследований ценностей и социальных технологий устойчивого развития 62

3.1. Проблемная ситуация. Выбор предмета исследования 62

3.2. Ценности меняющегося мира 67

3.3. Социальные технологии. Взаимодействие науки и социального управления 73

3.4. Методолого-организационные принципы (подходы) программно-целевого исследования 78

Глава 4. Российский федерализм и сибирские регионы: политико-правовые аспекты 89

4.1. Направленность и основные этапы реформы федерализма 90

4.2. Перераспределение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти 95

4.3. Федеральное строительство в Сибири: история и современность 98

Глава 5. Правовая система как фактор устойчивого развития 106

5.1. Устойчивое развитие и конкретные государства 106

5.2. Правовая технология как условие обеспечения устойчивости развития 109

5.3. Аксиологические основания правовой технологии 114

5.4. Актуальные проблемы правового обеспечения устойчивого развития Сибири 118

РАЗДЕЛ II. ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ 121

Глава 6. Основные тенденции социально-экономического развития Сибири . . . 123

6.1. Изменение демографического потенциала Сибири по данным всероссийских и всесоюзных переписей населения 1897—2002 гг. 124
6.2. Структурные изменения в экономике Сибири и изменение ее рейтинга в масштабах России 130
6.3. Основные выводы из отмеченных тенденций развития Сибири со времени «перестройки» (1985) и распада СССР (1991) 136
Глава 7. Новая стратегия экономического развития Сибири 137
7.1. Немного истории 137
7.2. Новая стратегия: прорыв в будущее. 139
7.3. Ускоренный рост — ускоренный социальный прогресс 140
7.4. Механизм реализации проектов 141
7.5. Диалог с бизнесом. 143
Глава 8. Проблемные проекты развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока 146
8.1. Альтернативная концепция и политические, экономические препятствия реализации стратегии развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока 146
8.2. Система мультимодальных транспортных узлов 157
8.3. Проблемы формирования механизма развития транспортного комплекса Сибири и Дальнего Востока. 163
Глава 9. Традиционные политические и экономические ограничители инвестиций в транспортное строительство Сибири. 165

РАЗДЕЛ III. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И СОЦИОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ 197
Глава 10. Этнолокальные и полиэтнические сельские территориальные сообщества как первичные единицы устойчивого развития. 199
10.1. Проблемная ситуация 199
10.2. Трансформация первичных социокультурных и территориально-производственных сообществ Сибири 202
Глава 11. Проблемы устойчивого развития полиэтничных сообществ в условиях современных реформ 207
11.1. Эволюция мультикультурализма 207
11.2. Развитие межэтнических взаимоотношений 212
11.3. Диаспорная динамика 214
11.4. Современная этнополитическая реальность 216
Глава 12. Состояние жизненных сил населения как характеристика устойчивого развития. 229
12.1. Социологические параметры устойчивого общественного развития . . . 230
12.2. Концепция жизненных сил человека: социально-методологические основания 235
12.3. Устойчивость развития и безопасность общества: социальная защита человека в современной Сибири 239
Глава 13. Новосибирский мегаполис: методологические принципы разработки стратегии перехода к устойчивому развитию 246
Глава 14. Новосибирский мегаполис: стратегический план устойчивого развития. 257

Глава 15. Проблемы и пути развития сибирских академгородков в новых условиях . . . 278
15.1. Новосибирский научный центр эпохи Лаврентьева: прорыв в новую коммуникационную среду. Институциональные инновации основателей СО АН СССР . . . 278
15.2. Первые механизмы коммуникативной рационализации микросоциума науки . . . 282
15.3. Общие предпосылки посткризисного развития новосибирского Академгородка . . . 285
15.4. Диверсификация академических институтов ННЦ: спонтанные инновационные приготовления . . . 294
15.5. Технопарковая зона как механизм мобилизации естественных для комплексного научного центра предпосылок инновационного развития . . . 299

РАЗДЕЛ IV. ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА. РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ . . . 303
Глава 16. От покорения природы к природосберегающему развитию . . . 305
16.1. Генезис эндогенных оснований устойчивого развития современной цивилизации . . . 305
16.2. Парадигмальное ядро и экологическая несовместимость техногенного общества . . . 306
16.3. Проблема генезиса предпосылок новой Реформации . . . 314
Глава 17. Концептуальные и социально-технологические решения региональных и экологических проблем в контексте устойчивого развития Сибири . . . 324
17.1. Концептуальные основы устойчивого развития региона . . . 324
17.2. Ресурсодобывающие регионы Сибири: Кузбасс . . . 330
17.3. Стратегические предпосылки развития Алтайского края . . . 340
17.4. Республика Алтай: на пути к модели устойчивого развития . . . 351
Глава 18. Проблемы сохранения биоразнообразия Севера Западной Сибири . . . 360
18.1. Биологическое разнообразие полуострова Ямал в условиях промышленного освоения . . . 360
18.2. Водно-болотные угодья: результаты эколого-биологического мониторинга . . . 369
Глава 19. Проблемы рационального природопользования в условиях современных реформ (Байкальский проект) . . . 377
19.1. Природопользование в Байкальском регионе и его основные факторы . . . 377
19.2. Лесопользование . . . 380
19.3. Землепользование . . . 384
19.4. Недропользование . . . 389
19.5. Водопользование . . . 395
19.6. Заключительные замечания . . . 397

Заключение . . . 399

Примечания . . . 402

Список сокращений . . . 416

Приложение . . . 419

CONTENTS

Foreword 7

Introduction 10

SECTION I. BASIC METHODOLOGY, ORGANIZATION, AND APPROACHES TO STUDYING SUSTAINABLE DEVELOPMENT 19

Chapter 1. The concept of sustainable development and the response of the world community to the "historical challenge" 21

1.1. Rio conference: general evaluation 21

1.2. Five documents issued at Rio event 23

1.3. Results of the ten years and the 21st century prospects 25

1.4. Sustainable development as the balance of interests 28

1.5. Political and geopolitical aspects of sustainable development 32

1.6. National concept of switching to sustainable development of the Russian Federation 38

1.7. Stable development as scientific practical project 42

Chapter 2. Social and cultural approaches to studying sustainable development 46

2.1. Sustainability of systems and its types 46

2.2. Sustainability factors of social systems 49

2.3. Problem of realizing the concept of sustainable development 54

2.4. Social dynamics and the principle of social and cultural determinism 58

Chapter 3. Organization of goal-oriented research programs for studying values and social technologies of sustainable development 62

3.1. Problem situation. Selection of object of research 62

3.2. Values of world changing 67

3.3. Social technologies . Science and social administration interaction 73

3.4. Methodology and organizing principals (approaches) of goal-oriented research 78

Chapter 4. Russian federalism and Siberian regionalism: political and legal aspects. 89

4.1. Targeting and main stages of federalism reform 90

4.2. Re-distribution of authority between federal and regional levels of power 95

4.3. Federal development in Siberia: history and modernity 98

Chapter 5. Legal system as a factor of sustainable development 106

5.1. Sustainable development and particular states 106

5.2. Legal technology as a necessary condition of sustainable development 109

5.3. Axiological basics of legal technology 114

5.4. Relevant problems of legal support for sustainable development of Siberia 118

SECTION II. EVOLUTION AND PROSPECTS OF FORMING OF STRATEGIC POTENTIAL OF SIBERIA 121

Chapter 6. Basic tendencies of social and economic development of Siberia 123

6.1. Changes in the demographic potential of Siberia according to All-Russian and All-Soviet Censuses 1897—2002 124

6.2. Structural changes in the economics of Siberia and changes in its ratings across the scale of the entire Russia 130

6.3. Major conclusions from the identified tendencies of development of Siberia starting from the Perestroika (1985) and the collapse of the USSR (1991) . . . 136
Chapter 7. New strategy of economic development of Siberia . . . 137
7.1. History . . . 137
7.2. New strategy: breakthrough to the future . . . 139
7.3. Accelerated growth–accelerated social progress . . . 140
7.4. Mechanics of project realization . . . 141
7.5. Dialog with business community . . . 143
Chapter 8. Problems of development of transportation system in Siberia and the Far East . . . 146
8.1. Alternative concept and political, economic obstacles to realization of the developmental strategy development of transportation system in Siberia and the Far East . . . 146
8.2. System of multi-modular transport intersections . . . 157
8.3. Problems of forming the mechanics of development of transportation system in Siberia and the Far East . . . 163
Chapter 9. Traditional political and economic limitations for investments into road construction in Siberia (historical analysis) . . . 165
SECTION III. LOCAL AND SOCIO-INDUSTRIAL INSTITUTIONS . . . 197
Chapter 10. Ethnically localized, and multiethnic rural communities as primary units of sustainable development . . . 199
10.1. Problematic situation . . . 199
10.2. Transformations of primary social cultural and local industrial institutions and communities in Siberia . . . 202
Chapter 11. Problems related to sustainable development of multiethnic communities during the times of modern reforms . . . 207
11.1. Evolution of multiculturalism . . . 207
11.2. Development of inter-ethnic interactions . . . 212
11.3. Dynamics of diasporas . . . 214
11.4. Modern ethnopolitical reality . . . 216
Chapter 12. Population life resources state as characteristic of sustainable development . . . 229
12.1. Sociological parameters of society's sustainable development . . . 230
12.2. Concept of life resources of a human: socio-methodological basis . . . 235
12.3. Sustainable development and life safety in society: social protection of a person in modern Siberia . . . 239
Chapter 13. Novosibirsk Megapolis: methodological principles of developing the strategy of switching to sustainable development . . . 246
Chapter 14. Novosibirsk Megapolis: a strategic plan of sustainable development . . . 257
Chapter 15. Problems and ways of developing Siberian academic towns (research centers) in new conditions . . . 278
15.1. Novosibirsk research center in Lavrentiev's era: a breakthrough into a new communication medium; institutional innovations of the founders of SB RAS . . . 278
15.2. First communicative rationalization mechanisms of science microsociety . . . 282

15.3. General factors of postcrisis development of Novosibirsk Akademgorodok . . . 285
15.4. Diversification of academic institutions of Novosibirsk Akademgorodok: spontaneous innovation preparations . . . 294
15.5 Technopark area as a mechanism of mobilizing natural for a complex research center prerequisites for innovational development . . . 299

SECTION IV. HUMAN, SOCIETY, AND NATURE. REGIONAL AND ECOLOGICAL PROBLEMS IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT . . . 303
Chapter 16. From conquering nature to nature-preserving development . . . 305
16.1. Genesis of endogenic basis for sustainable development of modern civilization . . . 305
16.2. Paradigmal nucleus and ecological non-compatibility of technogenic society . . . 306
16.3. Problem of genesis of new reform period . . . 314
Chapter 17. Conceptual and socio-technological solutions to regional and ecological problems in the context of sustainable development of Siberia . . . 324
17.1. Conceptual basis for sustainable development of the region . . . 324
17.2. Resource-producing regions of Siberia: Kuzbass . . . 330
17.3. Strategic prerequisites for development of the Altai Region . . . 340
17.4. The Altai Republic on the way to a model of sustainable development . . . 351
Chapter 18. Problems of preserving biodiversity of nature in the North of West Siberia . . . 360
18.1. Diversity of nature of the Yamal Peninsular in the conditions of industrial development . . . 360
18.2. Water and swamp resources: results of ecological and biological monitoring . . . 369
Chapter 19. Problems of rational use of nature in the conditions of modern reforms . . . 377
19.1. Use of nature and its major factors . . . 377
19.2. Use of forests . . . 380
19.3. Use of land . . . 384
19.4. Use of underground resources . . . 389
19.5. Use of water . . . 395
19.6. Concluding remarks . . . 397

Conclusion . . . 399

Notes . . . 402

Abbreviations . . . 416

Appendix . . . 419

Научное издание

СИБИРЬ

ПУТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

(Социогуманитарный аспект)

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН **В.И. Бойко**
член-корреспондент РАН **В.А. Ламин**
д-р философ. наук **В.П. Фофанов**

Монография

Корректор *Н.А. Лившиц*

Дизайн и верстка *Н.В. Черепановой*

Подписано к печати 26.12.2006. Формат бумаги 70×100 1/16.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman CYR.
Усл. печ. л. 34,5. Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 400 экз. Заказ № 1226.
Отпечатано в типографии ООО «Нонпарель».
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98.